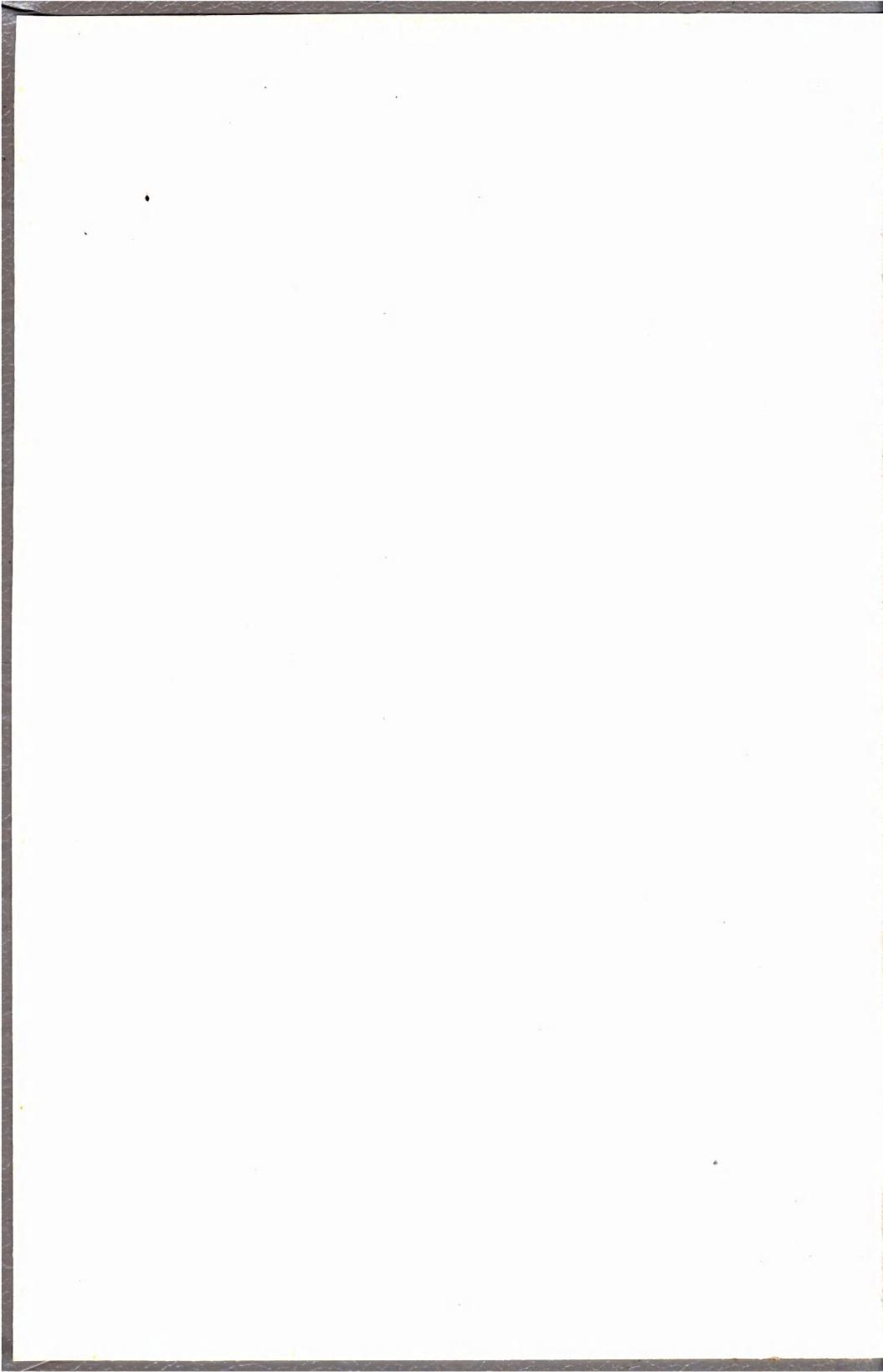

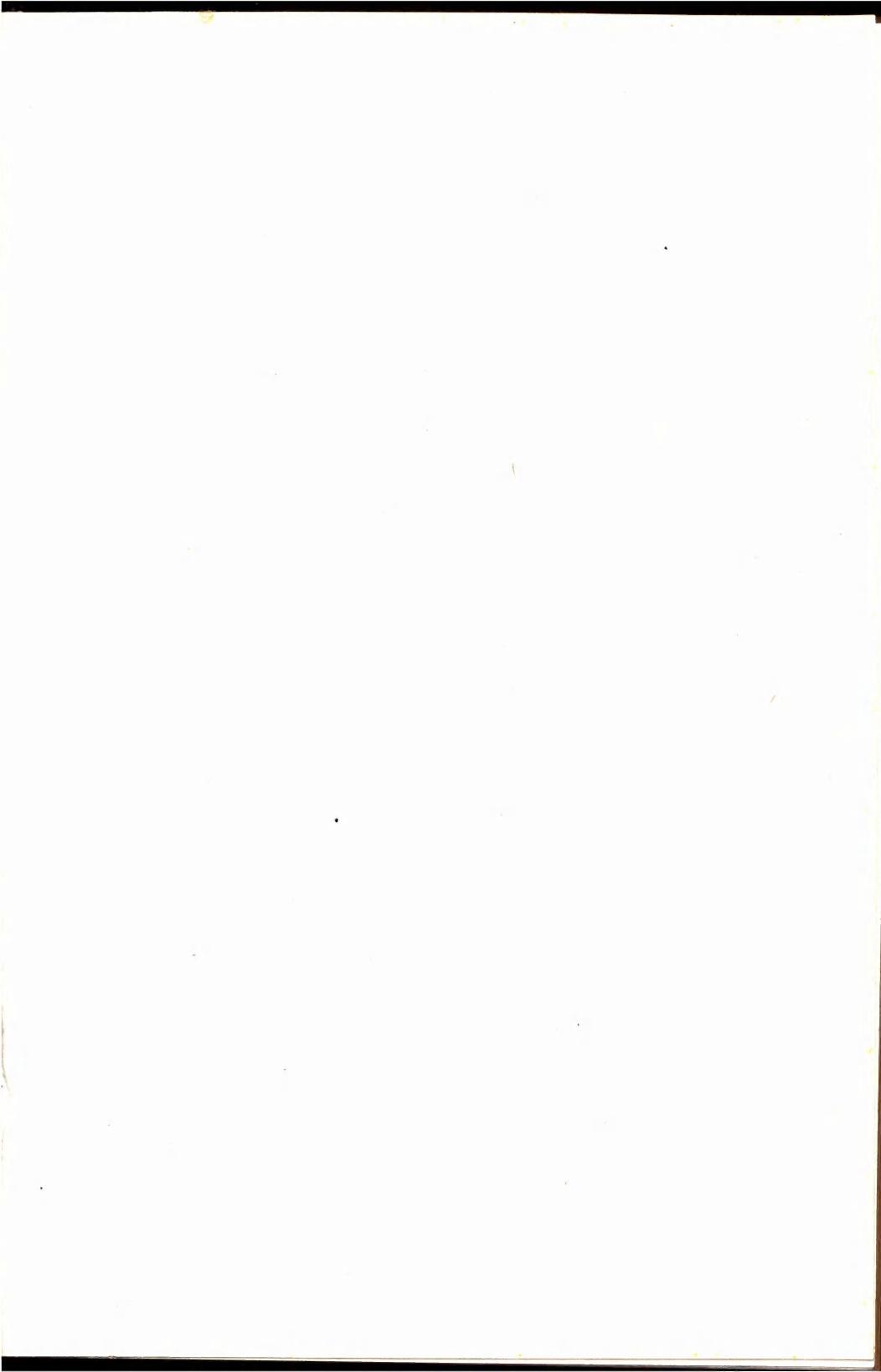

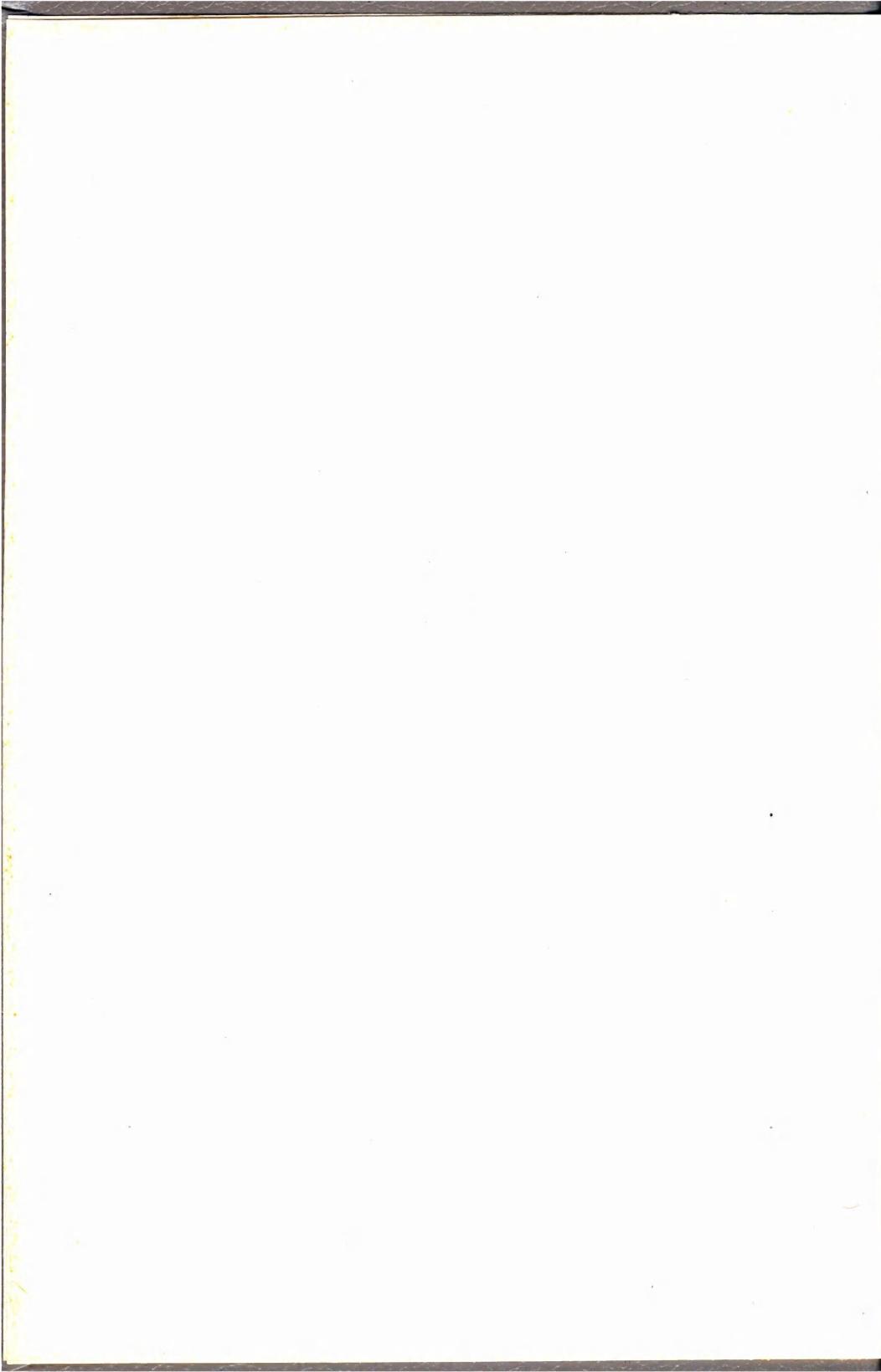
А. П. Павлов

**Государев
двор
и политическая
борьба
при
Борисе
Годунове**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
Санкт-Петербургский филиал

А.П. Павлов

ГОСУДАРЕВ
ДВОР
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
ПРИ
Борисе
ГОДУНОВЕ

(1584—1605 гг.)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1992

В монографии рассматривается политическая история России времени правления и царствования Бориса Годунова, дается анализ социального состава и структуры правящей верхушки общества — государева двора. Специальное изучение состава и социального облика того круга лиц, в руках которых была сосредоточена реальная власть в государстве, позволило автору по-новому взглянуть на происходившую в конце XVI—начале XVII в. борьбу в верхах, на расстановку политических сил в стране накануне Смутного времени.

Книга рассчитана на историков и читателей, интересующихся историей и судьбами Русского государства.

Ответственный редактор

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

Рецензенты:

Л. И. ИВИНА, Р. Г. СКРЫННИКОВ

П 0503020200-583
042(02)-91 79-91, I полугодие

© Издательство «Наука», 1992 г.

ISBN 5-02-027316-3

ВВЕДЕНИЕ

В конце правления Ивана IV Русское государство переживало тяжелый хозяйственный и политический кризис, углубляемый террором и разделением страны на земщину и «государев удел». После смерти Грозного началась острая борьба за власть между различными боярскими группировками. Победу в ней одержал Борис Годунов, который на протяжении двух десятилетий (вторая половина 1580-х—1605 гг.) оставался центральной политической фигурой в государстве.

В чем был смысл происходившей в конце XVI—начале XVII в. борьбы в верхах, по какому пути политического развития повело страну правительство Бориса Годунова, как сложились судьбы самодержавия и верхов феодального сословия после смерти Ивана Грозного? Проблемам политической истории России периода правления и царствования Бориса Годунова и посвящена настоящая книга.

Нельзя сказать, что данная тема обойдена вниманием в нашей историографии. Весьма обстоятельно изучил борьбу в верхах русского общества конца XVI—начала XVII в. крупнейший исследователь Смутного времени С. Ф. Платонов.¹ Эта тема была развита в дальнейшем в трудах советских историков (работах И. А. Голубцова, Р. Г. Скрынникова, А. А. Зимина, В. И. Корецкого, Ю. Н. Мельникова и других).² Но в литературе рассмотрен преимущественно лишь сам ход противоборства отдельных боярских группировок. Четких же представлений о составе и социально-политическом облике правящего слоя того времени в целом мы не имеем.

В историографии, начиная с работ С. Ф. Платонова, довольно прочно утвердилась и вошла в учебные пособия точка зрения об «антибоярской» направленности политики Бориса Годунова.³ Однако это мнение не подкреплено детальным анализом состояния различных групп господствующего класса и базируется в основном на характеристиках деятельности Бориса Годунова, содержащихся в позднейших повестях и сказаниях о Смутном времени, которые отнюдь не беспристрастны в оценке политики Бориса. В значительной мере этот взгляд сформировался и под влиянием общих взглядов на политическую историю XVI—XVII вв. как на борьбу самодержавия, опиравшегося на дворянскую массу, против «непокорной»

боярской аристократии. В последние десятилетия концепция «борьбы боярства и дворянства» подверглась решительной критике со стороны А. А. Зимина, Н. Е. Носова, В. Б. Кобрина и других историков.

Не удовлетворяясь общими концепциями и схемами, исследователи все чаще обращаются к конкретному изучению состава и структуры господствующего класса, и в первую очередь его верхушки — так называемого государева двора. К настоящему времени сложилось целое (весьма плодотворное и перспективное) направление, представленное работами С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, В. Б. Кобрина, В. Д. Назарова, С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского, Б. Н. Флори и других, по изучению истории государева двора XVI—XVII вв., выявлению его персонального состава.

Интерес к истории двора не случаен и объясняется той исключительной ролью, которую двор играл в политической структуре Русского государства периода сословной монархии. Именно члены государева двора имели преимущественное право на замещение высших придворных, военных и административных должностей. Верхушку двора составляла Боярская дума, являвшаяся одновременно и высшим органом государственной власти. Как уже отмечалось в литературе,⁴ из членов двора формировался основной костяк дворянских представителей на земских соборах — высших сословных собраниях страны. Государев двор, таким образом, как бы цементировал деятельность высших органов государственной власти, все важнейшие сферы тогдашней системы управления страной. Как особая правящая и привилегированная группа служилых людей и как особый институт (его состав фиксировался специальными учетными документами — боярскими списками) государев двор заметно возвышался над остальной массой детей боярских, несших службу «с городом» и не имевших возможности непосредственно участвовать в работе высшего аппарата управления.

Все это убеждает в невозможности понять смысл политической истории Русского государства конца XVI—начала XVII в. без предварительного изучения персонального состава и социального облика тех людей, в руках которых находились главные нити управления страной, без рассмотрения механизма функционирования государева двора — важнейшего социально-политического института того времени. Свой опыт рассмотрения политической истории России времени правления и царствования Бориса Годунова через призму анализа социального состава и структуры правящей верхушки (государева двора) автор и предлагает вниманию читателей.

Современная источниковая база дает в целом довольно благоприятные возможности для выполнения поставленной задачи. Чрезвычайно важное значение для темы нашего исследования имеет введение в научный оборот С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским сразу нескольких боярских списков конца XVI—начала XVII в. (до сих пор не было известно ни одного списка, относящегося к периоду царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова), а также ряда отрывков и выпуск из боярских списков того времени и текста росписи русского войска, выставленного в конце 1604 г. против

Лжедмитрия.⁵ Наибольший интерес представляет боярский список 1588/89 г., текст которого дошел практически целиком (лишь с небольшими пропусками). Анализ данных этого списка о составе двора может дать нам широкие возможности для уяснения сути проводившейся в начале правления Годунова реформы государева двора. Боярский список 1602/03 г. полностью не сохранился — утрачена первая его часть, содержащая перечни членов Боярской думы, стольников, стряпчих и дворян московских; лишь частично сохранился список жильцов. Но до нас дошла в полном виде, пожалуй, наиболее интересная часть дворового списка 1602/03 г. — перечень выборных дворян из городов. Сравнение боярских списков 1588/89 и 1602/03 гг. дает нам возможность наглядно проследить изменения в составе выборного дворянства, этой наиболее многочисленной группы двора, которая в рассматриваемое время выполняла роль как бы связующего звена между государевым двором и городовыми служилыми корпорациями, являясь одновременно и нижним чином двора, и верхним чином «служилого города». В значительной мере компенсировать утрату первых частей боярского списка 1602/03 г. позволяют материалы росписи русского войска 1604 г., содержащие известия о 20 членах Боярской думы, 24 дьяках, 46 стольниках, 13 стряпчих, 69 московских дворянах, 204 жильцах и т. д. Свою специфику имеет боярский список 1598/99 г., в который включены только лица (члены двора), несшие в то время очередную службу в столице. По аналогии с практикой составления списков двора в XVII в. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский дали определение боярского списка 1598/99 г. как «московского» списка, показав тем самым, что и в конце XVI в. дворяне проходили столичную службу по принципу поочередного призыва. Открытые А. Л. Станиславским и С. П. Мордовиной документы в совокупности с данными других источников (разрядных книг, утвержденной грамоты об избрании на престол Бориса Годунова, десятень, посольских книг и т. д.) дают уникальную для XVI в. возможность получить достаточно полное и ясное представление о составе, структуре и эволюции государева двора.

Наиболее богатый по объему материал о служебной деятельности верхушки служилого сословия содержат разрядные книги. Благодаря специальным источниковедческим изысканиям В. И. Буганова и публикациям разрядных книг, осуществленным под его руководством,⁶ эта важная разновидность источников стала более доступной для исследователей. В разрядных книгах учитывались преимущественно военные назначения (на должности воевод и голов в армии и пограничных городах). Поскольку разряды использовались в качестве справочников при местнических разбирательствах и именно на военной службе чаще всего происходили местнические столкновения, эти назначения и связанные с ними споры о «местах» фиксировались довольно полно. Особо тщательно учитывались в разрядах назначения на воеводские («стратилатские») должности, которые являлись привилегией аристократии. Ввиду утраты основной части подлинных местнических дел разрядные книги становятся первосте-

пенным источником для изучения местничества — важнейшего регулятора тогдашних служебных отношений. Данные о местничестве позволяют не только определить место дворянина в служебной иерархии, но и вникнуть в саму психологию служилого человека той эпохи, в его представления о родовой чести и государевой службе. Разрядные книги являются важнейшим источником для изучения состава Боярской думы рассматриваемого времени, поскольку думные люди (бояре и окольничие) неизменно указываются здесь со своими чинами. Причем с конца XVI в. в разрядах уже довольно регулярно стали вестись записи о пожалованиях в думные чины. Хотя представители прочих групп двора упоминаются в разрядах чаще всего без обозначения чинов,⁷ материалы разрядных книг позволяют установить сам факт пребывания того или иного лица на государевой службе, что немаловажно для анализа состава двора, если принять во внимание неполноту некоторых из дошедших боярских списков.

Наиболее богатую по объему информацию дает Пространная (по классификации В.И. Буганова) редакция разрядных книг,⁸ в которой приводятся отсутствующие в «Государевых разрядах» списки различных придворных церемоний, данные о дипломатических сношениях с иностранными государствами⁹ и т. д. Здесь содержатся весьма важные для нас сведения о лицах, которые постоянно находились при особе государя, регулярно приглашались на званые царские обеды, принимали участие в переговорах с иностранными послами, выполняли прочие почетные и ответственные поручения правительства. Эти сведения в сочетании с показаниями нарративных источников, информацией о родственных связях и другими данными дают нам богатый материал для суждений о составе круга наиболее доверенных и приближенных ко двору лиц.

Для изучения административной деятельности членов государева двора разрядные книги не дают столь обильного материала. Лишь в отдельных случаях в них содержатся известия об участии бояр и дворян в работе приказов (сообщаются преимущественно данные о составе так называемых судных приказов, между которыми существовала определенная местническая градация, а также о судьях Разбойного приказа, куда обычно назначались родовые бояре¹⁰). Практически отсутствуют в разрядах сведения о составе администрации, назначаемой для управления в центральные и северные районы страны, которые не имели военного, пограничного значения. Случайны и единичны в них известия о выполнении дворянами функций писцов, «стройщиков» посадов и т. д. Данные о судебно-административной деятельности членов двора приходится черпать из самых разнообразных источников, в первую очередь из актового материала.

Основным источником для изучения феодального землевладения рассматриваемого периода является не актовый материал (вследствие реализации указов 1580 и 1584 гг., запрещавших вклады в монастыри вотчинами, монастырские акты дают весьма скучные известия о светском землевладении конца XVI—начала XVII в.), а писцовые книги. По сравнению с исследователями более ранних эпох¹¹ мы имеем возможность гораздо более широко привлечь для

изучения материалы этих массовых источников. После известного издания Н. В. Калачовым писцовых книг Московского государства XVI в. (1872—1877 гг.) в нашей литературе (благодаря изысканиям С. Б. Веселовского и других ученых) была проделана огромная работа по выявлению новых книг и источниковедческому их анализу. В последнее время особенно много сделал для источниковедческого изучения писцовых книг XVI в. В. Б. Павлов-Сильванский.¹²

От конца XVI в. до нас дошли материалы писцовых описаний по Московскому (писцовые приправочные книги Т. А. Хлопова 1584—1586 гг., содержащие описание части станов и волостей Замосковной половины),¹³ Костромскому (платежница с писцовых книг Луговой половины письма и меры кн. Ф. И. Кривоборского 1595—1597 гг.),¹⁴ Вяземскому (сохранились писцовые приправочные книги письма В. Волынского 1594—1595 гг. и отрывок из описания В. Волынского 1587 г.),¹⁵ Ржевскому (писцовая приправочная книга письма А. Е. Салтыкова 1588—1589 гг., содержащая описание земель юго-западной части уезда),¹⁶ Малоярославецкому (писцовые приправочные книги И. Г. Вельяминова 1587/88 г.),¹⁷ Медынскому (платежница с книг письма и меры Д. А. Замыцкого 1586/87 г.),¹⁸ Романовскому (книги приправочные письма и дозора И. Камынина 1592—1594 гг.),¹⁹ Тульскому (писцовые приправочные книги письма И. А. Жеребцова 1587—1589 гг.),²⁰ Дедиловскому (писцовые приправочные книги тех же писцов 1588—1589 гг.),²¹ Рязанскому (приправочные писцовые и платежные книги описания Т. Г. Вельяминова 1594—1597 гг. по разным станам и городам Рязанского края)²² и Орловскому (писцовая приправочная книга Д. Яковleva 1594/95 г.)²³ уездам. Хронологически близкими к рассматриваемому нами периоду являются сохранившиеся писцовые материалы по Коломенскому и Каширскому уездам конца 1570-х гг.²⁴ Для изучения землевладения на южных окраинах государства представляют интерес отдельная книга Путивльского у. 1594 г. и раздаточная книга Елецкого у. 1593—1594 гг.²⁵ Мы имеем некоторые материалы писцовых описаний начала XVII в. по Казани.²⁶ От конца XVI—начала XVII в. до нас дошел целый комплекс писцовых, дозорных, платежных и прочих книг по новгородским пятинам.²⁷ От 1580-х гг. дошли книги по Псковскому (с пригородами), Великолукскому и Пустожевскому уездам.²⁸ В целом по Северо-Западу писцовые книги сохранились значительно лучше, чем по другим районам; но этот обширный материал, к сожалению, дает немного для изучения землевладения собственно членов двора (о специфике Новгорода мы будем говорить ниже).

Сказанным не исчерпываются, однако, все возможности использования писцовых книг для изучения землевладения конца XVI—начала XVII в. Новые горизонты открывает применение метода ретроспективного изучения писцовых книг 20—30-х гг. XVII в. Дело в том, что писцы XVII в. в качестве справочного материала для сравнения современного им положения землевладения с прежним нередко использовали старые писцовые приправочные книги XVI в. Сопоставление материалов писцовых книг 1620-х гг. с дошедшими

до нас текстами ранних писцовых приправочных книг (основная часть сохранившихся от конца XVI в. книг дошла именно в виде приправочных списков)²⁹ обнаруживает, что упомянутые в книгах XVII в. прежние владельцы — это почти во всех случаях те же самые лица, которые значатся в старых писцовых книгах XVI в.³⁰ Таким образом, сообщая о прежних владельцах поместий и вотчин, писцы приводили не просто все случайно известные им имена, а черпали информацию из относящихся к определенному времени приправочных книг (если, конечно, таковые имелись в их распоряжении). Это обстоятельство дает возможность по материалам писцовых книг 20—30-х гг. XVII в. реконструировать содержание (состав землевладельцев) ранних, не дошедших до нас писцовых приправочных книг. Подобным образом мы можем восстановить состав землевладельцев конца XVI в. по целому ряду уездов — Старицкому (писцам 1624—1626 гг. были даны «для приправки» книги письма и меры Е. Старого 1587/88 г.),³¹ Костромскому (писцы, посланные описывать Нагорную половину, получили приправочные книги письма и меры В. А. Вельяминова 1596—1597 гг.),³² Московскому (писцы, посланные в 1623—1624 гг. для описания некоторых станов Замосковной половины, лежавших в восточной части уезда, были снабжены приправочными книгами И. Фефилатьева 1586/87 г. и А. Сабурова 1570/71 г.),³³ Можайскому и Верейскому (писцы этих уездов 1626—1627 гг. опирались на материалы приправочных книг письма и меры В. Ф. Загряжского 1595—1598 гг.),³⁴ Ржевскому (писцы 1624—1625 гг., описавшие северную половину уезда, использовали приправочные платежные книги А. Салтыкова 1588—1589 гг.),³⁵ Угличскому и Устюженскому (писцы этих уездов получили для «приправки» книги письма и меры кн. Д. Бельского 1596—1597 гг.),³⁶ Нижегородскому (писцы 1621—1623 гг. опирались на приправочные книги письма и дозора В. Борисова 1587/88 г.),³⁷ Арзамасскому (использовались приправочные книги И. Зубова 1584/85 г.),³⁸ Новоторжскому (писцы 1626—1627 гг. опирались на приправочные книги, очевидно, 1587/88 г.),³⁹ Холмскому (использовались приправочные книги письма и меры кн. Д. Друцкого 1595/96 г.),⁴⁰ Карабчевскому (писцы ссылаются на писцовые приправочные книги Ю. Пушечникова 1584/85 г.).⁴¹ Вероятно, какие-то приправочные книги конца XVI в. использовали писцы Клинского⁴² и Шацкого⁴³ уездов.

Но далеко не всегда писцы 20-х гг. XVII в. использовали приправочные книги конца XVI в. В ряде случаев им выдавались «для приправки» более ранние книги, относящиеся к 40—70-м гг. XVI в. Как известно, в виде приправочных списков сохранились писцовые книги следующих уездов: Тверского — 1540-х гг., Звенигородского — 1558/59 г., Рузского — 1567—1569 гг. и части Ярославского — 1567—1569 гг. (см. примеч. 13). На материалы не дошедших до нас приправочных книг 70-х гг. XVI в. опирались писцы Сузdalского (использовались приправочные книги письма и меры кн. Г. В. Звенигородского 1577—1579 гг.) и Стародубского (приправочные книги письма и дозора Тучка Радцова 1574/75 г.) уездов.⁴⁴ Мы имеем, таким образом, возможность реконструировать состав сузdalских

и стародубских землевладельцев в период послеопричного правления Ивана Грозного. Имена старинных землевладельцев еще до опричного времени выявляются (правда, к сожалению, лишь фрагментарно) по писцовым книгам 1620-х гг. Дмитровского (были привлечены материалы приправочных книг письма и меры кн. И. Звенигородского 1561/62 г.)⁴⁵ и Переяславского (использовалась «для приправки» платежница с книг письма и меры кн. И. Ромодановского 1562/63 г., бывшая уже в начале XVII в. в весьма плохой сохранности)⁴⁶ уездов. Какие-то ранние приправочные книги, вероятно еще начала 1570-х гг., использовали писцы Волоколамского у. 1625/26 г.⁴⁷ Есть сведения о выдаче писцам Ростовского у. приправочной дозорной книги Я. Мещеринова 1570/71 г.,⁴⁸ но явных следов ее употребления в тексте самих писцовых книг XVII в. мы не обнаружили.⁴⁹ Постоянно ссылаются на приправочные книги письма и меры Л. И. Аксакова 1577/78 г., а также на приправочные книги «письма и отделу» В. Симонова 1580/81 г. писцы Галичского у. 1627—1631 гг.,⁵⁰ но сведений о прежних владельцах они дают мало (лишь несколько имен старинных землевладельцев, в том числе кн. М. Н. Одоевского, умершего в 1589/90 г., приведено при описании порозжих земель).⁵¹ Изучение по писцовым книгам сведений о землевладении 40—70-х гг. XVI в. представляет для нашей темы несомненный интерес, особенно если сравнить их с данными за 20—30-е гг. XVII в. Такое сравнение дает возможность полнее понять общий процесс эволюции поместновотчинного землевладения в XVI—XVII вв., проследить судьбы землевладения отдельных дворянских родов.

Ретроспективное изучение писцовых книг XVII в. позволяет не только реконструировать содержание не дошедших до нас ранних книг, но и восполнить некоторые пробелы в сохранившихся писцовых приправочных книгах XVI в. Так, по писцовым книгам Звенигородского у. 1624—1625 гг., для которых приправочным материалом служили упомянутые выше книги 1558/59 г., можно восстановить состав землевладельцев 50-х гг. XVI в. Городского стана, значительная часть описания которого утрачена в дошедшем до нас тексте приправочного списка.⁵²

Нередко писцы XVII в. получали «для приправки» не книги XVI в., а материалы послесмутных дозоров. Приправочные дозорные книги 1610-х—начала 1620-х гг. использовались при описании Балахнинского, Бежецкого, Белевского, Белозерского, Боровского, Брянского, Веневского, Вологодского, Воронежского, Воротынского, Елецкого, Касимовского, Кашинского, Кинищемского, Курмышского, Ливенского, Мещевского, Мценского, Новосильского, Оболенского, Одоевского, Оскольского, Переяславского, Пощехонского, Рыльского, Серпуховского, Чернского и Юрьевского уездов.⁵³ Но и эти книги не лишены порой интересной информации о землевладении XVI в. Так, в писцовых книгах Бежецкого у. 1627—1629 гг. содержатся упоминания о владениях таких известных деятелей XVI в., как кн. И. П. Шуйский, Б. Я. Бельский, А. Д. Басманов, С. В. Годунов.⁵⁴

В некоторых случаях ретроспективное изучение писцовых книг затруднено тем обстоятельством, что писцы получали «для приправки» одновременно несколько приправочных книг, относящихся к разному времени (приправочные комплексы, по определению В. Б. Павлова-Сильванского). Так, писцы Тверского у. 1627—1628 гг. наряду с книгами 1540-х гг. получили также приправочные книги «письма и отделу» кн. Меркурия Щербатого 1588/89 г.⁵⁵ Причем при описании порозжих земель писцы иногда разделяют данные этих источников,⁵⁶ а иногда — нет.⁵⁷ Ярославские писцы 1627—1629 гг. помимо упомянутых выше приправочных писцовых книг 1567—1569 гг. были снабжены также и другими приправочными материалами XVI—XVII вв.⁵⁸ Дозорные книги 1586/87 и 1611/12 гг. использовали «для приправки» писцы Луховского у. 1628—1629 гг.⁵⁹ Одновременно на приправочные книги 1563/64 и 1619/20 гг. ссылаются писцы Лихвинского у. 1626—1627 гг.⁶⁰ Приправочные книги 1598/99 и 1615/16 гг. упоминаются в тексте писцовой книги Белгородского у. 1626 г.⁶¹ Многочисленные приправочные книги XVI в. и 10-х гг. XVII в. были приготовлены в 1627 г. для писцов Владимирского у.; при этом описание уезда растянулось на многие годы, что еще более усложняет ретроспективное изучение владимирских книг.⁶²

Иногда писцы 1620-х гг. вовсе не получали приправочных книг и для выявления данных о прежних владельцах вынуждены были прибегать к опросам («скаскам») местных старожильцев. Об отсутствии приправочных материалов и сборе сведений посредством опросов населения прямо говорится в тексте писцовых книг Зарецкой половины Московского у. 1627—1629 гг.,⁶³ Козельского у. 1629—1631 гг.,⁶⁴ Зубцовского у. 1628—1629 гг.⁶⁵ Вероятно, к «скаскам» населения восходит также информация о прежних владельцах в писцовых книгах 1620-х гг. Муромского,⁶⁶ Шуйского,⁶⁷ Торопецкого,⁶⁸ а также Калужского, Алексинского, Тарусского и некоторых других уездов.⁶⁹ Хотя по этим книгам мы не имеем возможности точно датировать землевладение упомянутых в них прежних помещиков и вотчинников, тем не менее и здесь содержится зачастую ценная информация по интересующему нас периоду. Например, писцовые книги Козельского у., сильно запустевшего в начале XVII в., дают в «Порозжих землях» весьма богатые сведения о землевладельцах еще досмутного времени (мы встречаем тут имена многих видных деятелей конца XVI—начала XVII в. — Г. В. и С. Н. Годуновых, Д. И. Черемисинова, кн. Ф. М. Трубецкого и других). Ценный материал для изучения вопроса о реализации указа о подмосковных поместьях 1586/87 г. (как мы увидим ниже) можно получить при ретроспективном изучении писцовых книг Зарецкой половины Московского у. За частую старожильцы давали писцам подробные сведения, указывая имена не одного, а двух и более прежних владельцев, что дает возможность проследить динамику землевладения в начале XVII в.

Таким образом, писцовые книги 20—30-х гг. XVII в. разных уездов содержат различного рода информацию о прежнем землевладении. По ряду уездов мы можем довольно полно восстановить

состав помещиков и вотчинников конца XVI—начала XVII в. Но и те книги, которые не дают прямой ретроспекции на конец XVI в., также для нас небезынтересны.

Особенно много могут дать писцовые книги 20—30-х гг. (здесь важно привлечение именно всего комплекса писцовых книг) для ретроспективного изучения вотчинного землевладения. Документы на владение вотчинами (в том числе и старинные крепости) фиксировались писцами с наибольшей тщательностью. Но главное — в писцовых книгах, как правило,дается четкое разграничение старинных и родовых вотчин и вотчин новых, выслуженных (пожалованных за «осадные сидения»). Не всегда, правда, мы можем уверенно утверждать, что упомянутая в писцовой книге 1620-х гг. старинная родовая вотчина находилась за членами данного рода и в конце XVI в., не проведя дополнительных разысканий, не выяснив, в частности, судьбу этого владения в годы опричнины, времени возвращения вотчины ее прежним владельцам (если она была конфискована).

Эффективность ретроспективного анализа материалов писцовых книг XVI в. о вотчинах существенно возрастает благодаря наличию в нашем распоряжении источников, дающих сведения об общих размерах поместно-вотчинного землевладения бояр и дворян досмутного времени. Одним из них является упомянутая выше роспись русского войска 1604 г., а именно ее данные о количестве конных воинов, выставленных в поход с поместий и вотчин служилых людей. Их выставляли согласно нормам уложения 1556 г. — одного всадника со 100 четв. земли.⁷⁰ Таким образом, если умножим число выставленных воинов на сто, то получим сведения об общем размере владений служилого человека. Ростпись 1604 г. содержит данные о количестве выставленных всадников с владений 275 членов двора (6 членов Думы, постельничего, стряпчего с ключом, 66 дворян московских, 44 стольников, 11 стряпчих, 109 жильцов, 2 шатерничих, 13 выборных дворян и 24 дьяков). Наряду с ростписью 1604 г. весьма ценным источником для изучения размеров земельных владений дворовых является земляной боярский список 1613 г.,⁷¹ дающий богатые сведения о землевладении знати и в досмутное время (здесь постоянно производится разграничение старых, т. е. досмутных, и новых, пожалованных в Смуту и при царе Михаиле, владений). До нас, правда, дошел не весь текст списка 1613 г., а его верхняя часть — сохранились списки членов Боярской думы, стольников и начальная часть перечня дворян московских.⁷² Земляной список дает нам представление о земельной обеспеченности верхней, наиболее именитой части двора.

Накладывая материалы ростписи и земляного списка на данные писцовых книг, мы получаем возможность судить не только об общих размерах поместий и вотчин членов двора, но и о территориальном размещении этих владений, а также определить, какие именно владения принадлежали роду или лицу в досмутное время. Для наглядности можно здесь привести такой пример. В земляном списке 1613 г. за кн. С. И. Гагиным вместе с матерью и братом числилось 572 четв. старых досмутных вотчин. По материалам писцовых книг

вь ясняется, что это были Переяславские вотчины: в книге Переяславского у. 1627—1629 гг. за С. И. Гагиным упомянута вотчина размером как раз в 572 четв.⁷³ В Тысячной книге и Дворовой тетради середины XVI в. его отец и дед значатся под рубриками «Князи Ярославские»; очевидно, они владели в доопричный период вотчина-ми в своем родовом Ярославском у. К началу же XVII в., как мы видим, Гагины утрачивают связи с родовым уездом (они не встречаются в ярославских писцовых книгах) и переселяются в Переяславский у. При ретроспективном изучении писцовых книг важно учесть данные о генеалогии рода (в 20-х гг. XVII в. вотчинами нередко владели уже сыновья и внуки землевладельцев конца XVI—начала XVII в.), а также принять во внимание древнерусскую практику наследования вотчин, которые делились поровну между сыновьями владельца. Так, например, за сыновьями деятеля конца XVI—начала XVII в. — окольничего кн. В. Д. Хилкова-Стародубского (умер в 1602 г.) — Андреем и Иваном по писцовой книге Стародубского у. 1628—1630 гг. значились родовые отцовские вотчины (размером в 545 и 541 четв.). Старая отцовская вотчина в 545 четв. (как видим, это стародубская вотчина) числится за кн. Иваном в списке 1613 г.⁷⁴ Таким образом, выясняется, что окольничий царя Бориса В. Д. Хилков был довольно крупным вотчинником, причем его вотчины располагались в родовом Стародубском у. Нельзя не учесть также сведений о родственных связях по свойству.

Таким образом, писцовые книги 20—30-х гг. XVII в. в целом (не говоря уже о книгах, дающих прямую ретроспекцию на конец XVI в.) при условии критического к ним отношения и дополнительных разысканий могут служить ценнейшим источником для изучения вотчинного землевладения досмутного периода.

Писцовые книги — первостепенный источник не только для получения суммы сведений о вотчинных и поместных владениях, но и для изучения динамики развития землевладения. Путем ретроспективного изучения писцовых книг ряда уездов можно проследить эволюцию землевладения в XVI в., сравнить его состояние в конце XVI в. с более ранним (доопричным). Подобное сравнение позволяют произвести материалы писцовых книг Московского у. Замосковной половины 1584—1586 гг. (писцы опирались на приправочные книги 50—60-х гг. XVI в.⁷⁵), Коломенского у. 1577/78 г. (использовались приправочные книги, вероятно, начала 1550-х гг.⁷⁶), Каширского у. 1577—1579 гг. (приправочные книги кн. Ф. А. Прозоровского 1551/52 г.⁷⁷), Рязанского у. 1595—1597 гг. (упоминаются приправочные книги письма Г. С. Плещеева 1551/52 г.⁷⁸), юго-западной части Ржевского у. 1588—1589 гг. (писцы использовали какие-то приправочные книги, относящиеся к 1550-м гг.⁷⁹), Романовского у. 1593—1594 гг. (писцы ссылались на старые книги письма И. Федцова 1569/70 г. и книги письма и дозора Д. Сабурова 1578/80 г.⁸⁰). Но особо интересны для изучения динамики землевладения во второй половине XVI в. писцовые книги по уездам, входившим в опричнину, — по Вяземскому 1594—1595 гг. (использовались старые приправочные книги конца 1550-х гг.⁸¹), Малоярославецкому

1587/88 г. (писцы ссылались на старые приправочные книги Степана Пильемова, относящиеся, очевидно, еще к 40-м гг. XVI в.⁸²) и Медынскому 1586/87 г. (при описании порозжих земель писцы опирались на какие-то еще доопирчные приправочные книги⁸³). Очень интересны для анализа эволюции землевладения в XVI в. писцовые книги Можайского у. 1626—1627 гг. В годы Смуты уезд значительно запустел — по данным писцовых книг, свыше 90 % земельных угодий находилось впусте. Сведения о владельцах пустующих (порозжих) земель писцы 1626—1627 гг. брали из старых приправочных книг письма В. Ф. Загряжского 1595—1598 гг., при этом материалы приправочных книг конца XVI в. они использовали столь тщательно, что указывали не только имена старых владельцев 1595—1598 гг., но и имена их предшественников по владению. При описании порозжих земель писцы особо выделяли новые и старые «пустоты». Под последними следует понимать земли, запустевшие еще до описания 1595—1598 гг. Мы имеем, таким образом, возможность выявить древнейший слой землевладельцев уезда, которые владели здесь поместьями и вотчинами еще до описания В. Ф. Загряжского конца XVI в. Всего обнаруживается около 750 имен древнейших землевладельцев. Судя по ряду признаков, сведения об этих лицах в писцовой книге восходят к описанию Можайского у. еще начала 1540-х гг. (по всей вероятности, к книгам письма А. С. Упина Слизнева 1542/43 г.⁸⁴). Его материалы служили приправочными для писцов 1595—1598 гг., а через их книги перешли в свою очередь и в писцовые книги 1626—1627 гг. Материалы можайских писцовых книг позволяют проследить судьбу землевладения в уезде на протяжении почти целого столетия и сравнить, в частности, состав владельцев первой половины и конца XVI в. Интересна с точки зрения ретроспективного изучения также писцовая книга Верейского у. Верею в сентябре 1625 г. были посланы описывать те же писцы, которые описывали и Можайский у. (Н. Неплюев и подьячий А. Берестов); причем верейские писцы использовали приправочные книги В. Ф. Загряжского 1595—1598 гг., они же описывали тогда и Можайский у.⁸⁵ Естественно, что в верейских книгах наблюдается та же манера письма, что и в писцовых книгах Можайского у. Здесь также выделены старые «пустоты» и содержатся сведения о древнейших (до 1595—1598 гг.) землевладельцах уезда, которые восходят, по всей видимости, к каким-то приправочным книгам времени опричнины.⁸⁶

Для изучения географии землевладения членов государева двора важным источником являются боярские списки и роспись русского войска 1604 г., где самая многочисленная группа двора — выборные дворяне — расписана по городам (уездам), из которых она служила и в которых располагались основные их поместные владения. Сравнение этих материалов с данными Тысячной книги и Дворовой тетради о территориальной принадлежности землевладения и службе дворовых середины XVI в. дает нам богатые возможности судить о масштабах земельных передвижений дворянства во второй половине XVI в.

Ценную информацию о светском землевладении дают межевые книги Троице-Сергиева монастыря 1592—1594 гг., в которых упоминаются нередко многие десятки имен помещиков и вотчинников, соседей монастыря. Такие книги со сведениями о светских землевладельцах сохранились по Кашинскому, Дмитровскому, Костромскому, Звенигородскому, Рузскому, Старицкому, Переяславскому, Боровскому, Оболенскому, Малоярославецкому, Серпейскому, Верейскому, Новосильскому, Тверскому, Торжковскому и Московскому уездам.⁸⁷ По некоторым уездам материалы межевых книг Троице-Сергиева монастыря можно сопоставить с сохранившимися межевыми книгами того же монастыря середины XVI в. (по Кашинскому, Угличскому, Дмитровскому, Костромскому, Переяславскому и Московскому уездам⁸⁸). Такое сопоставление удачно применил Ю. Г. Алексеев при изучении эволюции землевладения в Переяславском у.⁸⁹

Таким образом, мы располагаем весьма широкими источниково-ведческими возможностями для изучения как земельной обеспеченности (прежде всего обеспеченности вотчинами) служилых людей, так и эволюции феодального землевладения в XVI—начале XVII в.

Привлечение массовых материалов боярских списков, разрядных и писцовых книг в совокупности с данными других источников (актов, монастырских вкладных книг и синодиков, посольских книг и описей архива Посольского приказа, кормленой книги 1604 г., родословных книг и др.) дает возможность в целом достаточно подробно рассмотреть состав, структуру, служебную деятельность и землевладение верхушки господствующего класса в годы правления и царствования Бориса Годунова. По сравнению с исследователями предшествующих эпох мы можем уже гораздо более детально судить о составе и структуре государева двора и о земельных богатствах его членов. В этом смысле рассмотрение материалов за конец XVI—начало XVII в. важно не только для изучения положения господствующего класса данного периода, но и для подведения некоторых итогов его эволюции за XVI в.

Традиционно в литературе при изучении политической борьбы в верхах основное внимание уделяется нарративным источникам. Безусловно, в работе учитывается этот интереснейший материал. Но в отличие от С. Ф. Платонова и других ученых этот круг источников не ставится мной в центр внимания. Задача данной работы несколько иная — проверить их показания и оценки (как известно, зачастую преувеличены и тенденциозные) объективными данными документального материала.

Поскольку основная тема настоящей работы — изучение социально-политического облика правящих верхов русского общества, нельзя не остановиться на вопросе о критериях и методике этого изучения.

При анализе социального состава государева двора мы не можем пройти мимо таких общепринятых в историографии понятий, как «боярство» (боярская знать) и «дворянство». Но употребление этих понятий требует существенных оговорок, поскольку четкого их определения в литературе мы не имеем. Дело в том, что противопоставле-

ния боярства и дворянства в том смысле, как это принято в современной науке, источники XVI—XVII вв. не знают. Под дворянами документы того времени подразумевали не рядовые массы служилых людей «по отечеству», а определенную верхнюю группу служилых людей, связанных с государственным двором. Боярами источники называли тех лиц, которые имели высший думный чин боярина. Но было бы не совсем правомерно сводить понятие боярства как социального слоя только к небольшой группе думных бояр.⁹⁰ Социальное противопоставление двух-трех десятков заседавших в Думе бояр многотысячной массе остального дворянства (дворян и детей боярских) вряд ли имеет смысла. Главное заключается в том, что при царском дворе в разных чинах служили многочисленные родственники думных бояр, которые по своему социальному и политическому облику мало отличались от сородичей-думцев и могли в силу своего происхождения претендовать на думные чины. Нельзя ограничить изучение боярской знати только боярским чином, абстрагируясь от рассмотрения состава окольничих, так как большинство бояр получало этот высший думный чин через окольничество и лишь представители немногих знатных и видных при дворе родов имели привилегию жаловаться сразу в бояре. В литературе часто противопоставляются бояре — крупные землевладельцы-вотчинники — рядовым дворянам-помещикам. В известной мере это справедливо, но все же такое разделение является слишком общим — далеко не все представители знати (как мы увидим) были крупными вотчинниками. Думается, что при выделении круга аристократических боярских родов из общей массы служилых людей (так называемого дворянства) необходимо исходить прежде всего из тогдашних представлений о «честности» (знатности) рода и положить в основу этого выделения следующие взаимодополняющие друг друга признаки — происхождение (родовитость — древность рода и его место в «Государеве родословце»), традиционные связи рода с Думой (вхождение его представителей в высшие думные чины бояр и окольничих) и реальное служебно-местническое положение членов рода (здесь важно учесть прежде всего факты назначений на почетные воеводские («стратилатские») должности, разного рода «именные посылки», а также данные о «местах», которые занимали представители служилой фамилии при этих назначениях). Исходя из этого, можно выделить из известных нам служилых фамилий конца XVI—начала XVII в. следующий круг аристократических княжеско-боярских родов: служилые князья — Воротынские, Одоевские, Глинские, Мстиславские и Трубецкие, а также князья-гедиминовичи — Булгаковы (Голицыны и Куракины); князья суз达尔ского рода Шуйские и Ногтевы-Суз达尔ские; князья ростовского рода — Катыревы, Лобановы, Темкины; потомки ярославских князей — Троекуровы, Сицкие, Ушатые, Гагины Великие, Шестуновы, Хворостинины; князья Стародубские — Татевы, Хилковы, Ромодановские; князья Оболенские — Курлятевы, Кашины, Репнины, Долгорукие, Щербатые; потомки тверских князей — Телятевские; потомки князей рязанских — Пронские; виднейшие ветви рода князей Звенигородских — князья Звенигородские, Ноз-

дроватые и Токмаковы-Звенигородские; представители виднейших старомосковских боярских родов — Басмановы-Плещеевы, Бутурлины, Годуновы, Морозовы, Плещеевы, Романовы-Юрьевы, Сабуровы, Салтыковы, Шеины, Шереметевы; потомки тверских бояр — Борисовы-Бороздины; Долматовы-Карповы, происходившие от смоленских князей и выехавшие в свое время на службу в Москву из Твери; потомки выезжих греков — Третьяковы-Головины⁹¹ и Траханиотовы. Члены этих фамилий отличались родовитостью, имели связи с Боярской думой и занимали высокое служебно-местническое положение. Но в XVI—начале XVII в. было немало знатных и видных по службе княжеских родов, представителям которых до поры по разным причинам не удавалось пробиться в Думу. Не пришлось, например, заседать в царской Думе в XVI в. князьям-гедиминовичам Хованским. Между тем своей родовитостью и местнической «честью» Хованские не уступали многим знатным боярам. В XVII в. они попадают в Думу, но и в XVI в. их род отнюдь не был рядовым и несомненно принадлежал к аристократическому кругу. В XVI в. по особым княжеским спискам служили многочисленные князья Ярославские, Ростовские, Сузdalьские, Стародубские, Оболенские и Мосальские. Но не всем этим «княжатам» могло хватить места в Боярской думе. К началу царствования Федора Ивановича в Думу не попал никто из князей Бахтеяровых, Буйносовых, Приимковых и Приимковых-Гвоздевых-Ростовских, Прозоровских, Охлябининых и Засекиных-Ярославских, Ноготковых, Турениных, Тростенских, Лыковых и Тюфякиных-Оболенских, Ковровых-Кривоборских и Гундоровых-Стародубских и князей Мосальских. Тем не менее представители этих фамилий довольно высоко стояли по службе и часто могли поспорить «местами» с боярами и окольничими.⁹² Не случайно в дальнейшем эти роды активно продвигаются в Думу. Уже в конце XVI—начале XVII в. в нее попадают князья Ноготковы, Туренины, Буйносовы и Засекины,⁹³ а затем, в XVII в., в Думу входят и князья Бахтеяровы, Приимковы, Прозоровские, Лыковы, Мосальские. Думается, что те княжеские роды, которые не затерялись в рядах провинциального дворянства и члены которых в силу своей родовитости и активной службы при дворе могли потенциально претендовать на места в Боярской думе, можно вполне рассматривать как аристократические, боярские. Довольно заметным при дворе родом были князья Мезецкие, служившие в столичных чинах, назначавшиеся на воеводские должности, местничавшие с такими князьями, как Туренины и Троекуровы. К кругу аристократии принадлежали и многие представители выезжей иноземной знати, весьма высоко стоявшие в служебно-местническом отношении, — князья Черкасские, Шейдяковы, Тюменские, Урусовы, Сулемшовы, «воеводичи» Волошские, Мутьянские, Селунские. Князья Борис Канбулатович и Василий Карданукович Черкасские и Степан Александрович Волошский были в конце XVI—начале XVII в. пожалованы в Думу (причем сразу в бояре, минуя окольничество) и небезуспешно местничались с такими первостепенными князьями, как Мстиславские, Шуйские и Голицыны.

Вряд ли для периода XVI—XVII вв. можно рассматривать как «боярскую» знать всех лиц, носивших княжеский титул, и всех потомков старинного боярства удельного времени. Многие ветви княжеских и нетитулованных боярских родов сильно размножились, захудали и не только не выдвинулись в Думу, но и вообще не заняли видного положения при дворе. Обычными представителями связанный с государевым двором верхушки провинциального дворянства выступали в конце XVI в., например, князья Бабичевы, Борятинские, Бельские-Морткины, Болховские, Волконские, Гагарины и другие, выходцы из старомосковских боярских родов — Замыцкие, Милюковы, Овцыны, Пушкины, Сатины и другие, потомки рязанского, тверского и новгородского боярства — Измайлова, Ляпуновы, Сунбуловы, Зюзины, Коробовы, Левашевы, Кузьмины-Короваевы и другие. Едва ли можно безусловно считать аристократическими все фамилии, члены которых носили в XVI в. чины бояр и окольничих. Трудно, например, считать «боярским» родом неродословных Сукиных, которые, однако, не раз бывали в думных чинах. Во второй половине XVI в. захудали некоторые видные в прошлом боярские роды — Заболоцкие, Кутузовы, Вельяминовы-Воронцовы и другие.⁹⁴ В годы опричнины царь Иван IV пожаловал в Думу своих фаворитов князей Вяземских и родню — Собакиных и Колтовских. Но вследствие своего худородства и последовавших затем опал этим фамилиям не удалось утвердиться в боярской среде, и в рассматриваемое нами время представители указанных фамилий не занимали видного положения при дворе. В конце XVI—начале XVII в. стремительную карьеру сделали такие худородные деятели, как Б. Я. Бельский, А. П. Клешнин и В. Я. Щелкалов (последние дослужились до чина окольничего, а Бельский достиг даже боярства). Однако личная карьера этих лиц не могла сделать их фамилии аристократическими, «боярскими».

Несмотря на то что состав московской аристократии в целом отличался устойчивостью (при пожалованиях в бояре и окольничие и назначениях на высокие должности учитывалось, как правило, сочетание родовитости и службы), он все же не был лишен подвижности и на протяжении XVI—XVII вв. пополнялся новыми фамилиями. В годы правления и царствования Бориса Годунова в состав правящей боярской среды уверенно входят его сородичи Вельяминовы-Зерновы — фамилия, в прошлом весьма непримечательная и малозаметная при дворе.⁹⁵ Один из них — Дмитрий Иванович Обиняков — стал окольничим, выше двух десятков членов рода получили тогда московские чины, стали часто назначаться на почетные должности воевод и рынд, mestничаться с прочими представителями знати. И впоследствии, в XVII в., Вельяминовы — отнюдь не захудалый род и продолжают выдвигать представителей в Думу.

Итак, для конца XVI—начала XVII в. выделяется следующая группа фамилий, которые можно рассматривать как аристократические («боярские»): Басмановы-Плещеевы, князья Бахтеяровы-Ростовские, Борисовы-Бороздины, князья Буйносовы-Ростовские, Бутурлины, Вельяминовы-Зерновы, «воеводичи» Волошские, князья

Воротынские, князья Глинские, Годуновы, князья Голицыны, князья Гундоровы-Стародубские, князья Долгорукие-Оболенские, князья Засекины-Ярославские, князья Звенигородские, Карповы-Долматовы, князья Катыревы-Ростовские, князья Кашины-Оболенские, князья Ковровы-Кривоборские (Стародубские), князья Куракины, князья Курлятевы-Оболенские, князья Лобановы-Ростовские, князья Лыковы-Оболенские, князья Мезецкие, Морозовы, князья Мосальские, князья Мстиславские, Мутяновские, князья Ноготковы-Оболенские, князья Ногтевы-Сузdalьские, князья Ноздроватые-Звенигородские, князья Одоевские, князья Охлябинины-Ярославские, Плещеевы, князья Приимковы-Ростовские, князья Прозоровские-Ярославские, князья Пронские, князья Репнины-Оболенские, Романовы-Юрьевы, князья Ромодановские-Стародубские, Сабуровы, Салтыковы, Селунские, князья Сицкие-Ярославские, князья Сулешовы, князья Татевы-Стародубские, князья Телятевские, князья Темкины-Ростовские, князья Токмаковы-Звенигородские, Траханиотовы, Третьяковы-Головины, князья Троекуровы-Ярославские, князья Тростенские-Оболенские, князья Трубецкие, князья Туренины-Оболенские, князья Тюменские, князья Тюфякины-Оболенские, князья Урусовы, князья Ушатые-Ярославские, князья Хворостинины-Ярославские, князья Хилковы-Стародубские, князья Хованские, князья Черкасские, Шеины, князья Шейдяковы, Шереметевы, князья Шестуновы-Ярославские, князья Шуйские, князья Щербатые-Оболенские. Всего около 70 фамилий.⁹⁶

Нельзя не признать некоторой условности этого выделения — между второстепенной знатью, не поднимавшейся выше окольничества и не отличавшейся большой родовитостью (князья Звенигородские, князья Засекины, Вельяминовы и другие), и верхушкой уездного дворянства (князья Вяземские, Волконские, Борятинские и другие) не существовало непроходимой социальной грани.

Сам состав московской знати не был однородным в социальном и политическом плане. Особое место в тогдашней иерархии занимали первостепенные князья — Мстиславские, Воротынские, Одоевские, Шуйские, Глинские, Булгаковы, Трубецкие, Катыревы-Ростовские и некоторые другие, которые в силу своего происхождения могли претендовать на получение сразу боярского чина, минуя окольничество, на первые места в Думе и наиболее почетные должности. Не случайно наиболее видные из этих «княжат» — Шуйские, Воротынские, Мстиславские и Булгаковы — выступили в начале царствования Федора Ивановича как самостоятельная политическая сила со своими притязаниями. Но происхождение само по себе далеко не всегда определяло политические позиции служилого человека. Реальная расстановка политических сил в правящей среде была, как мы увидим, значительно сложнее, и родовая княжеско-боярская знать в целом отнюдь не представляла собой единой и сплоченной группировки. Сложные взаимоотношения в правящих верхах могут быть поняты лишь при условии, если мы отрешимся от заранее составленных представлений и максимально полно учтем всю совокупность «биографических» сведений (данные о происхождении, родст-

венных связях, служебно-местническом положении и землевладении) о каждом члене государева двора. Только путем детальных историко-генеалогических разысканий мы сможем воссоздать цельный и всесторонний социально-политический облик правящей верхушки московского общества конца XVI—начала XVII в.

Начнем рассмотрение нашей темы с анализа состава верхней части двора — Боярской думы. В значительной мере именно от состава и расстановки сил в этом высшем органе государства зависело общее направление политического развития страны. Но мы не сможем в полной мере уяснить смысл политической борьбы в верхах, не изучив социальный состав и структуру государева двора в целом, не раскрыв принципов преобразований двора, осуществленных при Борисе Годунове. Эти сюжеты рассмотрены во второй части работы. Отдельная глава посвящена изучению проблем землевладения, без чего невозможно дать социальную характеристику верхов служилого сословия. Наконец, завершим свое исследование о правящей верхушке русского общества рассмотрением вопроса о месте двора в системе государственной власти.

Хочу выразить искреннюю, сердечную признательность всем тем, кто помогал мне в работе над книгой. С благодарностью вспоминаю старших товарищев, ушедших из жизни, — моего дорогого учителя Н. Е. Носова, Н. А. Казакову, В. Б. Кобрину, А. И. Копанева и К. Н. Сербину. Огромное влияние на меня оказали труды покойных А. Л. Станиславского и С. П. Мордовиной и общение с этими замечательными людьми. Я глубоко благодарен своим коллегам, сотрудникам Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, принимавшим участие в обсуждении книги, и особенно Ю. Г. Алексееву, Л. И. Ивиной, А. Г. Манькову и В. М. Панеяху. Многим я обязан Р. Г. Скрынникову, моему первому научному руководителю, неизменную творческую поддержку которого я ощущал на протяжении многих лет. Чрезвычайно важными для меня были советы и замечания, высказанные В. Д. Назаровым, В. Б. Павловым-Сильванским и Б. Н. Флорей.

Примечания

¹ Платонов С. Ф. Очерки. С. 179—281.

² Голубцов И. А. 1) «Измена» Нагих // Учен. зап. Института истории РАНИОН. 1929. Т. 4. С. 218—251; 2) «Измена» смолян при Борисе Годунове и «Извет Варлаама» // Там же. 1928. Т. 5. С. 218—251; Яковлева О. А. 1) К истории возвышения Бориса Годунова // Учен. зап. НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1970. Вып. 52. С. 275—279; 2) К истории московских волнений 1584 г. // Зап. НИИ при Совете Министров Мордовской АССР. Саранск, 1947, С. 200—217. (История и археология; Вып. 9); Скрынников Р. Г. 1) Россия. С. 9—100, 108—150; 2) Социально-политическая борьба. С. 11—37; Зимин А. В. Канун. С. 104—233; Корецкий В. И. 1) «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 251—285; 2) Бездининский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // ЗОР ГБЛ. 1977. Вып. 38. С. 191—208; Корецкий В. И., Станиславский А. Л. Американский историк

о Лжедмитрии // История СССР. 1969. № 2. С. 238—244; Мельников Ю. Н. Местничество и политическая борьба в России в 80-х гг. XVI в.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1979.

³ См. подробнее: Павлов А. П. Время правления Бориса Годунова в советской историографии: 1917—1945 гг. // Вопросы политической истории СССР. М.; Л., 1977. С. 164—185.

⁴ См., например: Мордовина С. П. Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 г. // ВИ. 1971. № 2. С. 55—63.

⁵ Бс. Ч. 1—2; Станиславский А. Л. Источники. С. 3—20.

⁶ Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974; Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1975. Т. 1; 1976. Т. 2. Вып. 1—2; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977—1978. Т. 1. Ч. 1—3; 1981—1982. Т. 2. Ч. 1—3; 1984—1987. Т. 3. Ч. 1—2. — К сожалению, издание этой последней разрядной книги (Пространной редакции) не завершено, и я прибегал к использованию архивных списков. Мной использованы наиболее полные списки — Эрмитажный (ОР ГПБ, собр. Эрм., № 390) и список Д. М. Пожарского (ОР ГПБ, собр. Горского, № 16), а также для сравнения привлечены некоторые другие списки Пространной редакции из архивохранилищ Ленинграда — Башмаковский, (Архив ЛОИИ СССР, кол. 115, № 93. — Далее: Брк.), Воронцовский I (Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, № 650. — Далее: Воронц. I), Археографический I (Архив ЛОИИ СССР, кол. 11, № 241. — Далее: Арх. I), П. Ф. Лихачева (Архив ЛОИИ СССР, ф. 238, оп. 1, № 146), Эрмитажный I (ОР ГПБ, собр. Эрм., № 389), Библиотечный II (ОР ГПБ, F IV, № 181. — Далее: Библ. II), Библиотечный IV (ОР ГПБ, F IV, № 866. — Далее: Библ. IV), Погодинский II (ОР ГПБ, собр. Погодина, № 1524).

⁷ См.: Станиславский А. Л. Источники. С. 16—17.

⁸ Вопрос о происхождении Пространной редакции остается дискуссионным (см.: Буганов В. И. Разрядные книги. . .; Альшиц Д. Н. 1) Официальная разрядная книга московских-государей XVI в. // ПИ. 1958. IV. С. 130—151; 2) Об официальном характере «книги разрядной великих князей и государей московских. . .» // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 62—68; Мельников Ю. Н. Местничество и политическая борьба. . . С. 9—11). — Показания разрядных книг этой редакции требуют критического отношения и нуждаются в проверке данными так называемых «Государевых разрядов» (достоверность которых в описании служебных назначений и местнических споров не вызывает сомнений), а также во взаимной проверке различных списков (о них см. примеч. 6). Даже лучшие (по определению В. И. Буганова) списки Пространной редакции (как, например, Эрмитажный № 390) не свободны от некоторых неточностей, путаницы в датах и даже прямых фальсификаций. Так, в некоторых списках Пространной и Сокращенной редакций имеются явно ошибочные (или фальсифицированные) сведения о службе в столице с чином окольничего в 1589—1590 гг. И. М. Бутурлина (Эрм., л. 734, 735, 750; Брк., л. 720; Эрм. I, № 389, л. 778; Арх. I, л. 425, 536; Воронц. I, л. 503 об., 512, 516, 524 об.; Библ. II, т. IV, л. 102 об., 112; Библ. IV, л. 556; РК 1550—1636. С. 51, 61), но из «Государевых разрядов» известно, что с весны 1588 г. по 1593/94 г. он находился в опале без чина окольничего на воеводстве в Ливнах (Разряды. С. 392, 402, 406, 407, 430, 432, 433, 438, 462—464, 472, 476, 482). В некоторых случаях данные Пространной редакции существенно расходятся с показаниями «Государевых разрядов» при описании местнических споров, причем приводятся противоположные известия о результатах вершения местнических дел (см., например, сведения о местничестве кн. С. Г. Звенигородского с М. Г. Салтыковым, кн. В. В. Тюфякина с кн. П. И. Хворостинным, кн. Н. В. Тюфякина с кн. С. И. Долгоруким, М. Г. Салтыкова с кн. А. Д. Хилковым: Эрм., л. 687 об., 708 об., 764 об., 779; ср.: Разряды. С. 361, 386—387, 399, 453). В некоторых списках Пространной редакции ошибочно датирован разряд приема польского посланника Лукаша Сапеги февралем 1586 г. вместо февраля 1585 г. (Эрм., л. 695 об.; Библ. II, л. 83; ср.: Разряды. С. 359; Брк., л. 677 об., 678). Сказанное не отменяет, однако, общего наблюдения В. И. Буганова о том, что в большей своей части материалы Пространной редакции разрядных книг являются надежным и достоверным источником.

⁹ Сравнение данных Пространной редакции о составе боярских «ответных» комиссий для переговоров с иностранными послами с материалами посольских книг обнаруживает некоторую неполноту сведений разрядных книг. Так, в разрядах отсутствуют известия о переговорах с польскими послами в апреле 1584 г., апреле 1586 г.,

апреле 1587 г., феврале 1593 г., с австрийскими послами в апреле—июне 1589 г., октябре 1593 г., феврале 1595 г., с персидскими послами в мае—июне 1590 г., с турецким посланником в декабре 1585 г., с английскими послами в июле 1589 г. (см.: Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. С. 398—401; ЦГАДА, ф. 79, кн. 22, л. 359 об.).

¹⁰ См.: Павлов А. П. Приказы. С. 190, 192, 195—197, 202.

¹¹ От периода 40—60-х гг. XVI в. до нас дошли материалы описаний лишь по четырем центральным уездам страны — Тверскому (писцовые приправочные книги 1540-х гг. См.: ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 40—290), Звенигородскому (книга 1558/59 г. См.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 125, л. 1—236; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 660—730), Рузскому (книга 1567—1569 гг. См.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 426; см. также: Маматова Е. П. Писцовые книги как источник по истории феодального землевладения Рузского уезда в XVI—20 годах XVII в.: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1976) и части Ярославского у. (книги 1567—1569 гг. См.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 582 и 7785).

¹² Павлов-Сильванский В. Б. 1) Опыт источниковедческого исследования писцовых и других поместно-вотчинных книг XVI—начала XVII в.: Автореф. канд. дис. М., 1979; 2) Новые сведения о писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI в. // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 92—103; 3) Писцовая книга Звенигородского уезда XVI в.: К вопросу о публикации // Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 141—155; 4) Новый источник по истории вотчинного землевладения в Московском уезде в XVI в. // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1984. М., 1986. С. 101—128; 5) Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584—1586 гг. Т. А. Хлопова «с товарищи»: (Публикация) // Там же. С. 238—253, и др.

¹³ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 96—277.

¹⁴ ОР ГПБ, собр. Эрм., № 520.

¹⁵ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 567—822; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 1—769 об. — На листах 371 об.—390 — другой, более поздний текст. О книгах Вяземского у. см.: Павлов-Сильванский В. Б. Новые сведения. . . С. 92—103.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70.

¹⁷ Там же, кн. 539 и 540.

¹⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 832—852.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 379.

²⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1073—1260.

²¹ Там же. С. 1261—1299.

²² РПК. Т. 1. Вып. 1; Аннилогов Г. Н. Приправочная книга.

²³ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 853—1073.

²⁴ Там же. Ч. 1. Отд. 1. С. 291—611; отд. 2. С. 1299—1537.

²⁵ Аннилогов Г. Н. Новые документы. С. 130—137; АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 451—461.

²⁶ См.: Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Казань, 1978.

²⁷ Обзор основных из них см.: Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 5—8 и др.

²⁸ Сборник МАМЮ. М., 1913. Т. V; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 244 (начало книги утрачено); кн. 8183.

²⁹ Об определении приправочных книг см.: Павлов-Сильванский В. Б. К историографии источниковедения писцовых книг: (Приправочные книги) // История СССР. 1976, № 5. С. 99—118.

³⁰ См.: Павлов А. П. Опыт. С. 103—109.

³¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 862, л. 472.

³² Там же, кн. 209, л. 115 об.; кн. 210, л. 1071; кн. 10958, л. 79; Ардашев Н. Г. С. 18.

³³ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 261, л. 110, 156, 193, 218, 325 об., 328 (ссылки на приправочные книги 1586/87 г.), 213, 216 об., 221 (ссылки на книги 1570/71 г.).

³⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10816, л. 20, 32 и др.; кн. 11833, л. 155 об. и др.; АПД. Т. 1. С. 545; Список 1717 г. С. 373.

³⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 373, л. 166 об., 167, 337 и др. — Весьма интересна для нас и писцовая книга 1620-х гг. по другой части уезда, несмотря на то что от конца XVI в. сохранилось ее описание, — писцы опирались здесь не только на приправочную книгу конца XVI в., но и на «скаски» старожильцев (см.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 833, л. 10, 13 об., 55 об.—56 и др.). Здесь часто идет перечисление сразу нескольких

прежних помещиков, даются богатые биографические сведения о них, что позволяет детально проследить судьбы землевладельцев уезда в конце XVI—начале XVII в.

³⁶ УПК. С. 9, 14 и др.; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 901, л. 31, 33 и след.; *Ардашев Н. Н. С. 3, 4, 26.*

³⁷ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 293, л. 24, 25 об., 30 об. и след.

³⁸ Там же, кн. 7040, л. 753.

³⁹ Писцы ссылались на отдельные книги 7096 (1587/88) г. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11432, л. 327 об., 977). Еще в 1717 г. эти книги были целы (ОМАМЮ. Кн. 5. С. 377). Среди упомянутых писцовых книгами прежних землевладельцев было немало известных деятелей конца XVI в.—З. И. Сабуров, С. Ф. Сабуров, Г. В. Годунов и другие. Нередко мы встречаем здесь указания на пустоши, запустевшие «до Васильева письма Замыцкого» (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11432, л. 214, 216 и след.). В. Замыцкий описывал уезд в начале 1560-х гг. (*Сухотин Л. М. С. 101*). Вероятно, приправочными были книги 1587/88 г., а сведения о землях, запустевших «до Васильева письма Замыцкого», писцы 1626—1627 гг. получали из них же.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 906, л. 198; *Ардашев Н. Н. С. 27.*

⁴¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 9181, л. 36 об., 58 об. и др.; Список 1717 г. С. 367.

⁴² Писцы ссылаются на какие-то приправочные книги (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 190, л. 119, 315 и др.), о которых у нас нет определенных сведений. Судя по всему, это книги еще досмутного времени—в порозих землях упоминается, в частности, поместье кн. Г. П. Горчакова, умершего еще до 1604 г. (кн. 190, л. 607 об.; Бс. Ч. 2. С. 60, 66). Клинские писцы описывали уезд еще до пожара 1626 г.—в 1624—1625 гг., когда значительная часть старых писцовых книг была еще цела. Описанию 1624—1625 гг. предшествовали дозоры 1584/85 и 1591 гг., которые и могли быть использованы писцами в качестве приправочных книг.

⁴³ Среди прежних владельцев в книгах Шацкого у. упомянуты такие известные деятели конца XVI в., как кн. А. П. Куракин, А. Я. Щелкалов, И. Ф. Басманов, князья Ф. А. и И. А. Ноготковы, князья В. Д. Хилков и Б. П. Засекин. Описание уезда было произведено задолго до пожара 1626 г.—в 1616—1617 гг., и писцы имели широкие возможности использовать старые приправочные книги XVI в. По всей видимости, в качестве приправочных им послужили дозорные книги А. Палицына 1585/86 г. (см. о них: *Корецкий В. И. Закрепощение. С. 309*).

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11317, л. 341 и др.; кн. 11319, л. 340 и др.; кн. 11320, л. 142, 789, 1012; *Ардашев Н. Н. С. 1—2, 26.*

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 627, л. 240 и др.; кн. 628, л. 78 об. и др.; кн. 877, л. 194; *Ардашев Н. Н. С. 16, 28.*

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 7646, л. 485, 781 и др.; кн. 7647, л. 945, 1765; *Ардашев Н. Н. С. 16, 28; Веселовский С. В. Сошное письмо. М., 1916. Т. 2. С. 615.*

⁴⁷ Писцы ссылаются на какие-то приправочные книги (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 425, л. 834). Судя по составу прежних владельцев, они использовали приправочные книги еще до 1573 г. Так, упомянутые в книге дьяк И. Клобуков и окольничий В. П. Яковлев умерли еще в 1573 г. Встречаются лица, которые значатся в Тысячной книге и Дворовой тетради 1550-х гг. (И. Ф. Карапышев и его сын Петр, Ж. Ленков, Б. И. Сукин). Возможно, приправочными для писцов 1625/26 г. послужили книги 7080 (1571/72) г.—другие общие описания уезда после этого времени до середины 1620-х гг. неизвестны (см.: *Веселовский С. В. Сошное письмо. Т. 2. С. 584*).

⁴⁸ *Веселовский С. В. Сошное письмо. Т. 2. С. 623; Список 1717 г. С. 373; ср.: Соколова А. А., фон Мекк А. К. Расходные книги и столпы Поместного приказа (1626—1659 гг.). М., 1910. С. 207.*—Здесь упомянуты ростовские книги 7089 (1580/81) г.

⁴⁹ По-видимому, при описании прежних владений писцы опирались на «скаски» местного населения (см.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10751, л. 691 об., 707 об., 777 об., 1063 об.).

⁵⁰ См.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 93, л. 193 и след.; кн. 91, л. 365; кн. 97, л. 907 об. и др.; кн. 7232, л. 113 об.; кн. 96, л. 731; кн. 7215, л. 100; кн. 7212, л. 1227; кн. 7210, л. 432 об. и др.

⁵¹ Там же, кн. 7210, л. 1164—1178; см. также: кн. 7212, л. 166, 203, 207 об.

⁵² По ряду признаков можно судить, что и в основе перечня прежних владельцев Городского стана лежала та же приправочная книга. Среди них фигурирует, в частно-

сти, новокрещен кн. Симеона Касаевича (кн. 638, л. 146), некоторые имена старых владельцев Городского стана — те же самые, что значатся и по другим станам и волостям уезда в ранней писцовой приправочной книге.

⁵³ См.: *Ардашев Н. Н. С. 4, 8, 17, 23, 26, 28, 29; Список 1717 г. С. 374, 380, 384; Соколова А. А., фон Мекк А. К. Расходные книги... С. 12, 124; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 15645, л. 38; кн. 24, л. 152 об., 161 об.; кн. 10326, л. 217 об.; кн. 63, л. 553, 639 об.; кн. 66, л. 89; кн. 1418, л. 157; кн. 76, л. 22; кн. 14720, л. 206; кн. 14721, л. 1279 об.; кн. 14726, л. 60 об.; кн. 533, л. 142, 170; кн. 15392, л. 554; кн. 6454, л. 13; кн. 249, л. 665; кн. 115, л. 580; кн. 1061, л. 16 об.; кн. 326, л. 153 об., 156; кн. 327, л. 161 об.; кн. 12573, л. 13, 749, 751; кн. 10554, л. 466 об.; кн. 439, л. 44 об.; кн. 915, л. 529, 629; ОР ГПБ, F IV. 397, л. 742. — По Болховскому у. не сохранилось писцовых книг, дошла только дозорная 1619/20 г. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 13).*

⁵⁴ Вероятно, бежецкие писцы опирались не только на приправочные дозорные книги 1611/12 г., но и на «сказки» старожильцев, о чем есть указания в самих писцовых книгах (см.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 588, л. 312, 391).

⁵⁵ АПД. Т. 1. С. 522; *Ардашев Н. Н. С. 26.*

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 872, л. 180; кн. 873, л. 184 об.; кн. 874, л. 226 об.

⁵⁷ Так, писцы не дают указаний на источники при описании порозжих земель Микулинского стана (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 875, л. 169 и след.). Анализ показывает, что основная часть упомянутых здесь имен восходит к приправочным книгам 1540-х гг. (ср.: ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 113—140, 178—198), хотя некоторые из них взяты явно из более поздних книг (книг 1588/89 г.). Это деятели конца XVI в., имена которых отсутствуют в ранних книгах, дети тверских землевладельцев 40-х гг. — М. У. Епишев (л. 169), кн. И. А. Морткин (л. 172), И. И. Ноздрунов (л. 196), З. К. Неклюдов (л. 198) и другие.

⁵⁸ *Ардашев Н. Н. С. 23—25, 29.*

⁵⁹ Там же. С. 23, 29; АПД. Т. 1. С. 521.

⁶⁰ См.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 1044, л. 17, 142, 143, 151, 197 об., 209, 251, 252, 256 об., 301.

⁶¹ Там же, кн. 15817, л. 20, 21 и др.

⁶² *Ардашев Н. Н. С. 18—19, 28; Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. С. 581—582.*

⁶³ См.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 262, л. 207 и др.

⁶⁴ Там же, кн. 193, л. 1528.

⁶⁵ Там же, кн. 150, л. 160 об.

⁶⁶ Там же, кн. 11828, л. 1083 об. — Сведениями об использовании муромскими писцами приправочных книг мы не располагаем.

⁶⁷ Там же, кн. 11329, л. 145 об., 420, 425 об. — Данных о шуйских приправочных книгах у нас нет.

⁶⁸ Писцы использовали приправочные перечневые книги Гр. Колединского 1583/84 г., но в них содержались лишь общие итоги состояния землевладения в уезде, сведения же о прежних помещиках давали писцам местные дворяне по сырьку «всем городом» (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 888, л. 688).

⁶⁹ Определенных сведений о приправочных книгах по этим уездам у нас нет. В книгах Калужского у. встречаются характерные для сказок замечания: «помещика не стало давно...», «убили разбойники...» и т. д. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 160, л. 238, 410, 411 об., 477 об.). На «сказки окольных людей» ссылались и писцы Алексинского (кн. 2, л. 118) и Тарусского (кн. 10334, л. 287) уездов. Надо отметить, что Калужский, Алексинский и Тарусский уезды описывали одни и те же писцы — П. И. Софонов и подьячий Гр. Никифоров. Возможно, на «сказки» старожильцев опирались также писцы Серпейского у. 1636—1637 гг. (кн. 438, л. 113). Что касается некоторых уездов (например, Мосальского), то вообще трудно что-либо сказать о характере информации, используемой писцами 1620—1630-х гг.

⁷⁰ Имеется, правда, свидетельство о том, что правительство Бориса Годунова пыталось пересмотреть в 1604 г. нормы уложения 1556 г. и увеличить вдвое участок земли (со 100 до 200 четв.), с которого должен был поставляться конный воин (см.: Законодательные акты. № 53. С. 72). Но этот проект не был претворен в жизнь, о чем может свидетельствовать сопоставление данных росписи 1604 г. о количестве выставленных всадников с показаниями земляного боярского списка 1613 г. Так, И. Н. Большой Одоевский в 1604 г. выставил в поход 1604 г. 23 всадника, т. е. в соответствии с нормами 1556 г. он должен был иметь 2300 четв. земли, а по нормам 1604 г. —

4600 четв. Но последнее вряд ли возможно, так как в 1613 г. его брат, И. Н. Меньшой Одоевский имел 2942 четв. как своих вотчин, так и вотчин брата — И. Н. Большого (Бс. Ч. 2. С. 44; Члены ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 14). Братья Г. И., Ю. И. и В. И. Татищевы выставили в 1604 г. в поход 23 всадника (т. е. в соответствии с нормами 1556 г. имели 2300 четв. земли); по земельному списку 1613 г. за братьями числилось всего 2232 четв. старых поместий и вотчин, что примерно соответствует размерам их владений в 1604 г., если исходить из норм уложения 1556 г., а не приговора 1604 г. (Бс. Ч. 2. С. 44; Члены ОИДР. Кн. 1. С. 9). Число подобных примеров можно увеличить.

⁷¹ Члены ОИДР. Кн. 1. С. 1—20; о нем. см.: Лукичев М. П. О «земляном» боярском списке 1613 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 103—111.

⁷² Лукичев М. П. О «земляном» боярском списке 1613 г. С. 107—108.

⁷³ Члены ОИДР. Кн. 1. С. 13; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 812, л. 624. — О Переяславской вотчине его отца есть упоминание в межевой книге Троице-Сергиева монастыря 1593 г. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 348, л. 173, 181).

⁷⁴ Члены ОИДР. Кн. 1. С. 6; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11320, л. 998 об., 1106.

⁷⁵ Среди упомянутых здесь прежних владельцев встречаем немало известных доопричных деятелей. По всей вероятности, использовались приправочные книги 1550—1552 гг. (об описании этого времени см.: ЦГАДА, ф. 281, № 7160, 7164; РИБ. Т. II. Стб. 42), книги письма и меры кн. Д. Гагарина 1558/59 г. (см. о них: РИБ. Т. II. Стб. 42) и др.

⁷⁶ Судя по составу упомянутых здесь прежних владельцев, это были книги до 60-х гг. Есть сведения, очевидно, о валовом описании Коломенского у. кн. Ю. Мещерским в 1553/54 г. (Садиков П. А. Из истории опричнины. С. 206; Шумаков С. А. Сотницы. Вып. III. С. 20).

⁷⁷ См.: ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1303, 1326, 1506. — Среди прежних владельцев упоминаются, например, записанные по Кашире в Дворовой тетради и десятне 1556 г. Васильчиковы (с. 1327, 1329, 1524, 1530), которые к 1577 г. выбыли из состава землевладельцев уезда.

⁷⁸ См.: РПК. Вып. 1. Ч. 1. С. 263, 376, 378.

⁷⁹ Среди прежних владельцев здесь упомянуты кн. Давыд Палецкий (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 70, л. 529), умерший еще в 1558 г. (см.: Зимин А. А. Реформы. С. 374), а также князья Федор и Иван (Ивановы дети Третьякова) Пожарские (л. 315). Последнее известие о кн. И. И. Пожарском относится к 1565 г. (Савелов Л. М. Князья Пожарские // Летопись ИРО. М., 1906. Вып. 2—3. С. 18).

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 379, л. 193 об.

⁸¹ Прямых сведений о вяземских приправочных книгах XVI в. не имеем, но некоторые обстоятельства позволяют датировать их довольно точно. Среди прежних владельцев в книгах конца XVI в. упомянут, в частности, окольничий Д. А. Чеботов (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 619, л. 256), умерший еще в 1560/61 г. (Зимин А. А. Состав. С. 65). Многие имена прежних владельцев (около 100 человек) значатся в Дворовой тетради; при этом можно заметить, что в писцовой книге чаще всего упоминаются младшие представители дворовых середин XVI в. Это наводит на мысль, что ранняя писцовая книга Вяземского у. (служившая в конце XVI в. приправочной) была составлена несколько позднее 1551/52 г. (времени составления первоначального «ядра» Дворовой тетради). Уточнить датировку приправочной книги позволяют следующие данные. А. Д. Басманов назван боярином (кн. 619, л. 238 об., 248), этот чин он получил в 1555/56 г., а кн. М. П. Репинин упомянут без боярского чина, боярином он стал только с марта 1559 г., казнен в 1564 г. (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 749, 753; Зимин А. А. Состав. С. 69). Приправочную книгу можно, таким образом, датировать времнем между 1555/56 и 1559 гг.

⁸² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 539, л. 6, 425. — Известно, что Степан Пильевом в 1542/43 г. описывал Верейский у. (ДДГ. С. 423). Среди прежних владельцев встречаем доопричных деятелей, например кн. В. И. Воротынского (л. 413), умершего в 1553 г.

⁸³ Здесь упоминается, в частности, поместье Бакаки Карабарова, дьяка, жившего в 30—50-х гг. XVI в. (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 835; Веселовский С. Б. Дьяки. С. 226). В порожних землях значится также поместье Сидора Плюсского, а в Дворовой тетради 1550-х гг. по Медыни записаны его дети (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 835; ТКДТ. С. 207).

⁸⁴ В «старых» порозжих землях упомянуто немало известных деятелей 30—50-х гг. XVI в. Некоторые из них умерли еще в 1540-х гг., например кн. П. И. Репнин и Алексей Кобяков (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 10815, л. 922; кн. 10816, л. 960 об., 982; см. о них: Зимин А. А. Состав. С. 58; Назаров В. Д. Двор. С. 52). Без боярского чина упомянуты князья Д. Ф. Палецкий и Ю. И. Темкин-Ростовский; первый стал боярином в 1547 г., а второй — в 1549 г. (Зимин А. А. Состав. С. 60, 61). Сведения о древнейшем слое землевладельцев уезда в можайской писцовой книге восходят, очевидно, к известному описанию уезда 1542/43 г. (см. о нем: ЦГАДА, ф. 281, № 7611, 7612, 7613).

⁸⁵ Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. 2. С. 580; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11833, л. 155 об.

⁸⁶ Датировать их точно трудно. В порозжих землях, в «старых пустотах», Вышегородского стана (взятого в опричнину) упоминается поместье опричного дьяка Осипа Ильина, служившего в 1567—1574 гг. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11833, л. 397; Кобрин В. Б. Состав. С. 40). Здесь же упомянуты поместья И. Т. Большого и И. Т. Меньшого Мясоедовых. В 1550-х гг. они служили по Кашире (значатся по этому городу в Дворовой тетради и десятине 1556 г.). В боярском списке 1577 г. (Бс. Ч. 1. С. 95) оба они значатся по Верее, их имена отсутствуют в Каширской писцовой книге 1577—1579 гг. и каширской десятине 1599 г. По-видимому, они были зачислены в опричнину, лишились поместий в земском Каширском у. и наделены поместьями в опричном Вышегородском стане Верейского у. Вероятно, древнейший слой верейской писцовой книги (по крайней мере для Вышегородского стана) можно датировать временем опричнины либо 70-ми гг. XVI в.

⁸⁷ ЦГАДА, ф. 281, № 608, 3875, 12556; ф. 1209, кн. 348, 255, 541; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 20, 254.

⁸⁹ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966.

⁹⁰ Ср.: Кошелева О. Е. Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 2.

⁹¹ Их сородичи — Головины — в начале правления Бориса Годунова попали в опалу, были удалены от двора и находились в ссылке вплоть до прихода Лжедмитрия.

⁹² Не все роды, упомянутые в княжеских списках в середине XVI в., занимали в конце века видное положение при дворе. Не слишком высоко стояли по службе в рассматриваемое время князья Шаховские. Если в Дворовой тетради целый ряд представителей этой фамилии записан под рубрикой «Князя Ярославские», то в реестре двора 1588/89 г. уже никто из Шаховских не числится в княжеском списке. В 80-х гг., например, среди зубцовских дворян упоминаются потомки записанного в Дворовой тетради среди князей Ярославских В. А. Шаховского — Петр и Мирон Михайловичи Шаховские (ТКДТ. С. 122; Бс. Ч. 1. С. 170). Хотя затем братья и выдвинулись в ряды московского дворянства, высоких мест на службе они не занимали. В результате опал Ивана IV понес серьезный урон в служебно-местническом отношении род князей Пожарских (см.: Савелов Л. М. Князья Пожарские // Летопись ИРО. 1906. Вып. 1. С. 5—12). В конце XVI в., судя по разрядам и другим источникам, реальное служебно-местническое положение представителей этой фамилии было весьма невысоким — они незаметны при дворе, служат в рядах выборного городового дворянства. Но в начале XVII в., уже в годы царствования Бориса Годунова, Пожарские начинают постепенно оправляться от понесенного ими при Грозном урона. Столыпниками при дворе Бориса становятся князья Дмитрий Михайлович и Иван Петрович. В начале XVII в. Пожарские продолжают сознавать свою связь с видным в целом родом князей Стародубских. В местническом споре с кн. Б. М. Лыковым Д. М. Пожарский «утягивал» противника не столько службой своих «родителей», сколько службой своих преуспевших сородичей — Ромодановских, Татевых и Хилковых. Хотя подобный способ аргументации в начале XVII в. был уже устаревшим (см.: Мельников Ю. Н. Местничество и политическая борьба... С. 15), бояре не прерывали «гречей» Пожарского и его спор с Лыковым затянулся на многие годы (см.: РИС. Т. V. С. 267—377; Белокуров С. А. Разряды. С. 52—53). Происхождение (принадлежность к роду Стародубских князей) не позволило Пожарским залогом князя Дмитрия Михайловича) они утверждаются в боярской среде.

⁹³ В начале царствования Федора Ивановича в окольничие был пожалован кн. Д. П. Елецкой. Но представители этой не слишком родословной фамилии (из рода

князей Черниговских, захудали и служили великим князьям рязанским. См.: Эрм., л. 650 об.) не поднялись высоко в служебной иерархии и в Думу в дальнейшем не попали. В рассматриваемое время они служили преимущественно в рядах выборного городового дворянства, почти не видим их на воеводских («стратилатских») должностях.

⁹⁴ См.: *Веселовский С. Б.* Служилые землевладельцы. С. 229, 355, 431—432.

⁹⁵ В XVI в. род весьма незнатный — его представители служили в городничих, головах и т. д. (см.: ЦГАДА, ф. 188, № 34, л. 732).

⁹⁶ Видимо, не все представители довольно многочисленных Бутурлиных, Плещеевых, Вельяминовых, а также князей Засекиных, Звенигородских и Мезецких принадлежали к боярской элите. Многие из них служили «с городом» и не поднимались высоко по службе. К кругу московской аристократии примыкали лишь представители наиболее видных ветвей этих родов, которые сумели проявить себя на службе при дворе.

Часть I

БОЯРСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ

Глава 1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА

В начале 1580-х гг., вплоть до самой смерти Ивана Грозного, правящая верхушка оставалась расколотой на земскую и так называемую «дворовую» половины. В момент кончины царя Ивана (март 1584 г.) в состав земской Думы входили: бояре — князья Иван Федорович и его сын Федор Иванович Мстиславские, Никита Романович Юрьев, кн. Василий Юрьевич Голицын, Богдан Юрьевич Сабуров, кн. Петр Иванович Татев; окольничие — кн. Федор Михайлович Троекуров, кн. Дмитрий Иванович Хворостинин, Федор Васильевич Шереметев, Иван Петрович Головин, Иван Иванович Сабуров, а также дьяки Андрей и Василий Яковлевичи Щелкаловы.¹ «Дворовая» Дума состояла: из бояр — кн. Федора Михайловича Трубецкого, кн. Василия Федоровича Скопина-Шуйского, кн. Ивана Петровича Шуйского, Дмитрия Ивановича и Бориса Федоровича Годуновых; окольничих — Степана Васильевича Годунова и Федора Федоровича Нагова; думных дворян — Богдана Яковlevича Бельского (оружничего и думного дворянина), Романа Васильевича Алферьева (печатника и думного дворянина), Михаила Андреевича Безнина, Романа Михайловича Пивова, Деменши Ивановича Черемисинова, Ефима (Байма) Васильевича Воейкова, Игнатия Петровича Татищева, Афанасия Федоровича Нагова, Василия Григорьевича Зюзина и, вероятно, Андрея Федоровича Нагова; думных дьяков — Андрея Васильевича Шеремедина и, вероятно, Саввы Фролова.² Дворцовые должности распределялись так: в земщине служили дворецкий кн. Федор Иванович Хворостинин,³ казначай Петр Иванович Головин⁴ и, вероятно, ловчий Дмитрий Андреевич Замыцкий;⁵ с «двором» были связаны кравчий кн. Дмитрий Иванович Шуйский,⁶ постельничий Истома Осипович Безобразов,⁷ стряпчий с ключом Семен Владимирович Безобразов,⁸ ясельничий Елизарий Шемякин Благой,⁹ а также упомянутые выше оружничий Б. Я. Бельский и печатник Р. В. Алферьев.

Если подсчитать общее число земских и «дворовых», то мы увидим некоторое преобладание последних. Однако реальная расстановка

сил в верхах была значительно сложнее. Сам «двор» не представлял собой в социальном и политическом плане единой группировки и отличался пестротой состава. Небольшую прослойку «дворовых» составляли родовитые князья Шуйские (помимо упомянутых бояр и кравчего в «двор» входили также служившие в дворянах и стольниках братья Василий, Андрей, Александр и Иван Ивановичи Шуйские) и Трубецкие (кроме боярина Федора Михайловича здесь служили Никита и Тимофей Романовичи и Андрей Васильевич Трубецкие).

Возможно, в состав особого «двора» входил также родовой князь Иван Михайлович Глинский, женатый (как и «дворовые» Б. Ф. Годунов и кн. Д. И. Шуйский) на дочери Малюты Скuratова.¹⁰ Но, судя по отзывам современников, он не отличался умственными способностями и не играл самостоятельной политической роли. Между Шуйскими и Трубецкими, как мы увидим дальше, не существовало политической близости. Возвышенные в годы опричнины, Трубецкие находились при дворе Грозного несомненно в большей милости и «чести», чем Шуйские. Именно Ф. М. Трубецкой, а не виднейшие из Шуйских являлся номинальным главой «дворовой» Думы.¹¹ В государевых походах он неизменно занимал почетную должность первого «дворового воеводы».¹² Видные старомосковские боярские роды были представлены в особом «дворе», кажется, одними только Годуновыми. Вся прочая знать служила в земщине. Основную же массу членов «двора» составляли выходцы из провинциальных дворянских фамилий. В лучшем случае — это представители младших и захудалых ветвей старомосковского боярства, а также потомки недалеко продвинувшихся на московской службе рязанских, тверских и прочих родов. Несмотря на свою неродословность, многим из них удалось получить столичные чины дворянства, а наиболее энергичные стали думными дворянами, составив весьма многочисленную по тем временам (9—10 человек) группу дворян в Думе. Именно худородные «дворовые» во главе со своими лидерами и определяли социальное и политическое лицо «двора» Ивана Грозного. Сознавая свое происхождение, эти лица держались особой сплоченной группировкой. Как показали С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский, в состав «двора» они зачислялись нередко целыми семьями, между которыми активно устанавливались родственные связи.¹³

С другой стороны, служба во «дворе» далеко не изолировала представителей «дворовой» знати от земских. В земщине, например, служили родственники Годуновых — Сабуровы и Вельяминовы. По земскому списку проходили службу сородичи Шуйских — князья Ногтевы-Сузdalьские, а также старинные их приверженцы Голицыны и Колычевы.

Как показывают источники, не Шуйские и даже не Трубецкие и Годуновы, а когорта худородных думных дворян во главе с Богданом Бельским реально заправляла делами в государстве и пользовалась наибольшим доверием царя. Об этом наглядно может свидетельствовать, в частности, состав «ответных комиссий» для перегово-

ров с иностранными послами 70-х—начала 80-х гг., куда неизменно назначали думных дворян.¹⁴ Лишь единственный раз к переговорам были допущены кн. Ф. М. Трубецкой и представитель Годуновых — окольничий Степан Васильевич, но они вскоре были отставлены и заменены более доверенными людьми — Б. Я. Бельским и дьяком С. Фроловым (речь шла о весьма ответственных переговорах с англичанами о сватовстве царя Ивана).¹⁵ Только благодаря личной выслуге и царскому расположению худородные «дворовые» могли сделать карьеру и стать у кормила власти. Представители этого слоя государева двора были в наибольшей степени заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей, в продолжении опричного политического курса.

Противоречия между земскими и «дворовыми», а также внутри самого «двора» усугублялись противоречиями местнического, кланово-семейного и династического (родня царевичей Федора и Дмитрия) характера. При жизни Ивана Грозного боярские группировки не смели открыто выступать за свои интересы, после же его смерти накапливавшиеся в боярской среде годами взаимные недовольства и обиды стремительно вылились наружу.

По мнению С. Ф. Платонова, борьба в верхах в годы царствования Федора Ивановича свелась лишь к «простым столкновениям за дворцовое влияние и положение между людьми, почитавшими себя в родстве с царем».¹⁶ Но такая точка зрения не учитывает всей сложности и специфики тогдашней обстановки. После смерти Грозного в условиях острого политического кризиса, вызванного многолетней политикой раскола страны и правящего класса, не мог не встать вопрос о путях дальнейшего политического развития государства, о дальнейшей судьбе особого «двора» и «дворового» политического курса. История XVI в. знала и иные формы политического развития, проявившиеся в периоды «боярского правления» и реформ Избранной рады. По какому пути пойдет Русское государство в конце XVI в.? В значительной мере это зависело от расстановки и соотношения сил в правящей среде. При недееспособном преемнике Грозного власть в стране и судьбы государства фактически оказались в руках противоборствующих боярских группировок.

О принципиальном, политическом характере развернувшейся борьбы может свидетельствовать сам состав соперничающих «партий». Уже в первый год царствования Федора Ивановича отчетливо выявились два полюса политической борьбы. На одном из них стояла первостепенная княжеская знать во главе с Шуйскими, на другом — худородные «дворовые» деятели, являвшиеся социальным и политическим антиподом группировок родовитых «княжат». Но ни той, ни другой силе не удалось одержать победы. В ходе политической борьбы оформился тесный союз между Годуновым и Романовыми, которые и одержали верх.

Рассмотрим более конкретно состав боярских группировок, общий ход политической борьбы и ее итоги.

Борьба за власть началась сразу же вслед за кончиной царя Ивана. «Тое же ноши» по его «преставлении» (т. е. в ночь с 18 на

19 марта), сообщает Новый летописец, в Думе произошли столкновения, в результате которых были взяты под стражу и удалены от двора родственники царевича Дмитрия — Нагие, некоторые из которых попали в ссылку в отдаленные города.¹⁷ На престол был возведен царевич Федор. Роль правительства при нем взяли на себя члены опекунского совета, назначенного еще Иваном Грозным для управления страной при его неспособном к государственным делам наследнике. В состав опекунов несомненно входили бояре кн. И. Ф. Мстиславский, кн. И. П. Шуйский и Н. Р. Юрьев. Менее определенно можно судить о вхождении в него Бориса Годунова и Богдана Бельского.¹⁸ Но в бурной политической обстановке начала царствования Федора Ивановича это обстоятельство не имело решающего значения. Не прошло и нескольких недель после наречения на царство Федора, как борьба за власть разгорелась с новой силой.

Пискаревский летописец дает чрезвычайно важное для понимания расстановки сил сообщение о «разделении» «в боярех» в начале царствования Федора.¹⁹ Поводом к конфликту послужило местническое столкновение между казначеем П. И. Головиным и бывшим всесильным временщиком Б. Я. Бельским. На стороне Головина выступили, согласно летописи, Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Романовы и Шереметевы (один из них — Ф. В. Шереметев — был, как известно, сторонником Шуйских); Бельского поддержали Годуновы, Трубецкие и дьяки Щелкаловы. Логика политической борьбы и социальное происхождение заставили наиболее родовитых «княжат» — Мстиславских, Шуйских и Голицыных — забыть и о своих местнических противоречиях,²⁰ и о своем разделении по земской и «дворовой» службе и совместно выступить против притязаний худородного опричника. Это совместное выступление родовитой княжеской знати, как мы увидим, не было случайным эпизодом политической борьбы начала царствования Федора Ивановича.

Устремления Б. Я. Бельского выходили далеко за рамки его местнического спора с Головиным. Источники определенно свидетельствуют о его попытках насилием захватить власть и вынудить царя Федора к сохранению опричного политического курса. Но соотношение сил сложилось не в пользу Б. Я. Бельского. 2 апреля в Москве произошло восстание против временщика, что привело к его отставке.²¹

Под влиянием народных волнений в столице противоборствующие группировки в Думе были вынуждены «помириться»²² и пойти на компромисс. Видимо, этим можно объяснить факт сравнительно мягкого обхождения с потерпевшим поражение Бельским — его сослали на воеводство в Нижний Новгород без явных следов видимой опалы и даже с сохранением чина оружничего.²³ После его ссылки продолжали служить при дворе думные дворяне М. А. Безнин, Р. В. Алферьев, Р. М. Пивов, Д. И. Черемисинов и И. П. Татищев.²⁴ Но, несмотря на это, положение худородных выдвиженцев Грозного явно переменилось,

и они не пользовались уже былоим влиянием в государстве. Наглядным свидетельством тому может служить судебное разбирательство, происходившее в начале апреля—мае 1584 г. между рязанскими дворянами Шиловскими (возможно, они находились в Москве и участвовали в волнениях 2 апреля) и бывшим «дворовым» дьяком А. В. Шерефединовым. На суде вскрылись злоупотребления и насилия могущественного дьяка по отношению к беззащитным рядовым земским дворянам. Характерно при этом, что Шерефединов и его зять Р. П. Биркин (любимец Ивана Грозного) по суду были «обвинены».²⁵ С 1584 г. прекращается дьяческая карьера Шерефединова и он оказывается в рядах городового выборного дворянства. В 1584 г. прерывается карьера бывшего «дворового» дьяка И. Ф. Стрешнева, который появляется при дворе уже при Лжедмитрии.²⁶

В первый год царствования Федора Ивановича, вероятно, попал в опалу думный дворянин Б. В. Воейков. В 1584 г. (после 3 апреля) он упоминается головой в Пронске (причем без чина думного дворянина).²⁷ В 1589/90—1595/96 гг. он служил (без думного чина) головой в далеком Царево-Санчурском остроге.²⁸ С 1584 г. исчезает из разрядов имя думного дворянина В. Г. Зюзина.²⁹

Таким образом, уже в первый год после смерти Ивана Грозного отчетливо прослеживается падение группировки новой «дворовой аристократии», которая в глазах современников являлась олицетворением опричного режима.

С другой стороны, мы наблюдаем в это время довольно заметное усиление представителей первостепенной княжеской знати. Наиболее прочные позиции занимают Шуйские. В 1584—1586 гг. думные чины имели пять представителей этой фамилии. Боярами еще при Иване IV были князья В. Ф. Скопин-Шуйский и И. П. Шуйский. К 20 мая 1584 г. (еще до царского венчания) боярином стал кн. В. И. Шуйский.³⁰ К апрелю 1585 г. боярский чин получил кн. А. И. Шуйский, а к весне 1586 г. боярством (из кравчих) был пожалован Д. И. Шуйский.³¹ В Думу в это время попали сторонники Шуйских. В 1584 г. боярином (из окольничих) стал Ф. В. Шереметев,³² окольничим и казначеем — В. В. Головин.³³ На Казенном дворе в первые месяцы царствования Федора целиком распоряжались приверженцы Шуйских — П. И. и В. В. Головины. По некоторым известиям, уже в 1584 г. в боярах находились родовитые князья И. М. Воротынский и А. П. Куракин.³⁴

В начале царствования Федора Ивановича Шуйские получили богатые кормления и земельные пожалования. И. П. Шуйский был пожалован в кормление Псковом, «обеима половинами и со псковскиими пригороды, и с тамгою, и с кабаки, чего никоторому боярину не давывал государь», а также Кинешмой («город великой на Волге»).³⁵ «Великого государева жалования» — каргопольского кормления — удостоился боярин В. Ф. Скопин-Шуйский.³⁶ Кравчий Д. И. Шуйский получил «в путь» г. Гороховец «со всеми крайчего пути доходы».³⁷ Шуйским удалось присоединить к своим родовым суздальским владениям также вотчины их сороди-

ча — кн. А. Б. Горбатого, конфискованные еще в начале опричнини.³⁸

К августу 1584 г. княжеские права на родовой Новосильско-Одоевский удел вернули князья Воротынские (возможно, это произошло при Федоре Ивановиче).³⁹ Свои огромные вотчины (в том числе Юхотский удел) сохранили в конце XVI в. князья Мстиславские.⁴⁰

Шуйские имели поддержку среди церковных иерархов (их сторонниками были глава русской церкви митрополит Дионисий и крутицкий епископ Варлаам Пушкин), московского купечества и, вероятно, части уездного дворянства. Имеется указание на то, что рязанцы (Ляпунов, Кикины) и «иных городов детьи боярские», участвовавшие в восстании 2 апреля 1584 г. против Б. Я. Бельского, действовали «по заводу» Шуйских.⁴¹ В упомянутом деле рязанских дворян Шиловских с «дворовыми» дьяком Шеревединым немаловажную роль сыграло, видимо, то обстоятельство, что во главе Московского судного приказа, разбиравшего дело, стоял боярин кн. В. И. Шуйский. Кн. И. П. Шуйский, судивший в 1586 г. местнический спор между думным дворянином и печатником Р. В. Алферьевым и Ф. Д. Лошаковым Колычевым, «оправдал» последнего.⁴² В начале царствования Федора князья Шуйские, таким образом, весьма активно выступали против своих прежних худородных сослуживцев по «двору».

Позиции княжеской верхушки ослабляло, однако, то обстоятельство, что многие из «княжат» служили вне столицы, на воеводствах в городах, и не всегда могли эффективно влиять на ход придворной борьбы. Значительную часть времени проводили на воеводствах и кормлениях представители Шуйских.⁴³ С начала апреля 1584 г. по конец января 1585 г. на воеводстве в Смоленске непрерывно находился старейший из Голицыных — кн. Василий Юрьевич.⁴⁴ Длительное время (с 1579 по 1587 г.) в Казани воеводствовал кн. Г. А. Куракин.⁴⁵ Совершенно незаметны на государственной службе в 1584—1585 гг. князья И. М. Воротынский и А. П. Куракин.⁴⁶ Из бояр данного круга лишь князья Мстиславские постоянно находились в столице и при дворе.

Согласно свидетельству источников, реальное правительство в первые месяцы царствования Федора Ивановича возглавляли боярин Н. Р. Юрьев (родной дядя царя Федора) и дьяки Щелкаловы.⁴⁷ Но Юрьев был уже человеком преклонного возраста, к лету 1584 г. он заболел и стал отдаляться от участия в государственных делах.⁴⁸ Сохранились известия о трениях, возникших между Н. Р. Юрьевым и князьями И. Ф. Мстиславским и И. П. Шуйским.⁴⁹ Косвенным подтверждением этому может служить факт сближения Романовых-Юрьевых с Годуновым и заключение между ними «завещательного союза дружбы», по которому Н. Р. Юрьев вверил попечение своих молодых сыновей царскому шурину Б. Ф. Годунову.⁵⁰ На сторону этой группировки стали влиятельнейшие дьяки Щелкаловы, оказавшие впоследствии помощь Годунову в борьбе со знатью.

Хотя Годуновы и поддержали Б. Бельского в его столкновении со знатью, они вряд ли приняли активное участие в его авантюрах. Во всяком случае после апрельских событий представители этой фамилии не только удержались в правительстве, но и играли в нем далеко не последнюю роль, участвуя, в частности, в переговорах с иностранными послами (важный показатель «правительственного значения»).⁵¹ Но лишь со временем царского венчания наблюдается стремительный взлет карьеры Годуновых при дворе. К 31 мая 1584 г. Б. Ф. Годунов получил чин конюшего.⁵² Боярином и дворецким в это же время стал Григорий Васильевич Годунов.⁵³ 31 мая 1584 г. боярство из окольничих получили Степан и, вероятно, Иван Васильевич Годуновы.⁵⁴ В июне 1584 г. и апреле 1586 г. И. В. Годунов упоминается как «боярин и дворецкий казанский и нижегородский и наместник рязанский».⁵⁵ Таким образом, уже к лету 1584 г. в Думе было 5 представителей Годуновых, все имели боярские чины, а трое из них — особые дворцовые должности.

Дума активно пополняется сторонниками Годуновых. В первый год царствования Федора Ивановича чин боярина (из окольничих) получил кн. Д. И. Хворостинин,⁵⁶ а окольничим (из дворецких) стал его брат Ф. И. Хворостинин.⁵⁷ Хворостинины всегда пользовались доверием Б. Ф. Годунова.⁵⁸ К началу 1585 г. боярами становятся сторонники Годуновых — князья Никита и Тимофей Романовичи Трубецкие.⁵⁹ К ноябрю 1585 г. чин думного дворянина получил Андрей Петрович Клешнин,⁶⁰ человек весьма преданный Борису Годунову. По некоторым сведениям, с 1584 г. окольничество имел кн. Петр Семенович Лобанов-Ростовский, вероятно, близкий к Годуновым.⁶¹ В 1585 г. боярином стал родовитый и богатый князь Иван Михайлович Глинский, свояк Б. Ф. Годунова, находившийся под его влиянием.⁶²

Уже в июне 1584 г. на приеме посла Льва Сапеги конюший и боярин Б. Ф. Годунов стоял у государя выше рынд, в то время как остальные бояре, в том числе И. Ф. Мстиславский, Н. Р. Юрьев и И. П. Шуйский, сидели в лавках поодаль.⁶³ Ту же картину видим и в феврале 1585 г. на приеме Лукаша Сапеги.⁶⁴ В конце 1584 г. Б. Ф. Годунов и дьяк А. Щелкалов распоряжались делами на Посольском дворе.⁶⁵ В государевом походе на шведов в ноябре 1585 г. «дворовыми» (ближними) воеводами были бояре Г. В. Годунов и Б. Ю. Сабуров (родственник Годуновых); в этом же походе А. П. Клешнин упоминается как «ближней думы дворянин».⁶⁶ Отправленный в конце ноября 1584 г. в Империю посланник Лука Новосильцев называл Б. Ф. Годунова «правителем земли и милостивцем великим», сравнивая его с Алексеем Адашевым.⁶⁷ Таким образом, уже к лету 1584 г. Годунов становится реальным правителем государства. К этому времени, по всей вероятности, и был заключен его «завещательный союз дружбы» с Романовыми.

С 1584 г. в Думу активно проникают сторонники и родственники Романовых. К сентябрю боярином становится кн. Ф. М. Троекуров,⁶⁸ сын которого Иван был женат на дочери Н. Р. Юрьева. К февралю 1585 г. боярство получили кн. Иван Васильевич Сицкий, женатый на

одной из дочерей Н. Р. Юрьева, и кн. Федор Дмитриевич Шестунов, женатый на племяннице Юрьева.⁶⁹ Вероятно, по случаю царского венчания 31 мая 1584 г. окольничеством был пожалован кн. Дмитрий Петрович Елецкой,⁷⁰ проявивший себя на дипломатической службе; его дочь была за кн. А. Ю. Сицким.⁷¹ Представители романовского круга пользовались доверием правительства. Кн. Ф. М. Троекуров трижды (осенью 1584 г., летом 1586 г. и летом 1587 г.) отправлялся послом в Польшу,⁷² летом 1586 г. русские послы (очевидно, по указке Б. Ф. Годунова) пытались собрать в Польше сведения о сношениях Шуйских с «изменником» М. И. Головиным.⁷³ Кн. Д. П. Елецкой в июне 1584 г. был в «ответной комиссии» при после Л. Сапеге.⁷⁴ В апреле 1586 г. Борис Годунов отказал польскому послу М. Гарабурде (посланному разузнать о тайных сношениях русского правительства с Габсбургами) в аудиенции «всех бояр» и назначил вести переговоры доверенных лиц — «ближней думы» бояр И. В. Годунова, кн. И. В. Сицкого и «ближних» дьяков Щелкаловых и Е. Д. Вылугзина.⁷⁵ Как видим, «завещательный союз дружбы» выполнялся и Годуновы и Романовы шли вместе в политической борьбе 80-х гг.

Но на пути этой группировки к власти стояла весьма влиятельная «партия» княжеской аристократии во главе с Шуйскими. Новое (после событий марта—начала апреля) выступление «княжат» произошло в конце 1584 г. (еще до отставки Головиных). Новый летописец сообщает, что в 7093 (1584/85) г. бояре «разделяхуся надвое: Борис Федорович Годунов з дядьми и з братьми, к нему же присташа и иные бояре, и дьяки, и думные, и служивые многие люди; з другую же сторону князь Иван Федорович Мстиславской, а с ним Шуйские, и Воротынские, и Головины, и Колычовы, и иные служивые люди, и чернь московская».⁷⁶ Но если в марте—начале апреля 1584 г. в столкновении с Б. Бельским и поддержавшими его Годуновыми знать имела успех, то к концу года соотношение сил изменилось. Поддержка Романовых (характерно, что они не фигурируют уже в числе противников Бориса), укрепление позиций в Думе и при дворе позволили Борису Годунову захватить инициативу и осилить своих противников.

Первыми подверглись опалам Головины. Видимо, в конце лета 1584 г. правительство затеяло ревизию государевой казны, в ходе которой всплыло дело о злоупотреблениях со стороны казначея П. И. Головина. Летом (после торжеств коронации царя Федора) казначей П. И. Головин с дьяком В. Я. Щелкаловым были посланы на подворье к Горсцею для разбирательства его спора с купцами.⁷⁷ Но в расходной книге Казенного двора 7093 (1584/85) г., ведшейся с начала года, т. е. с 1 сентября 1584 г., имя П. Головина, главного казначея, отсутствует.⁷⁸ Возможно, начавшийся розыск по делу П. И. Головина, одного из активных сторонников Шуйских, и послужил поводом к боярской ссоре, описанной Новым летописцем. Инициатором розыска несомненно был Б. Ф. Годунов.⁷⁹ Дело о «государевой краденой казне» рассматривалось в Боярской думе. В описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминается «столпик 93 года», содержащий приговор Думы о вынесении смертного при-

говора П. Головину.⁸⁰ Но казнь была заменена ссылкой в Арзамас, причем по дороге Головин был убит.⁸¹ Спасаясь от опалы, в Литву бежал брат казначея М. И. Головин.⁸² В конце декабря 1584 г. был отставлен от должности казначея и, видимо, лишен чина окольничего В. В. Головин.⁸³ Опале подвергся также окольничий И. П. Головин.⁸⁴ В Сибири и казанских пригородах на воеводствах (фактически в ссылке) оказались представители Головиных — Василий Петрович, Владимир Петрович, Иван Васильевич, Никита Петрович, Петр Петрович Меньшой, Федор Васильевич Головины; они были возвращены в Москву лишь при Лжедмитрии.⁸⁵ Расправа над Головиными явилась прологом к разгрому Годуновым оппозиционной знати. В июле 1585 г. удалился из Москвы, а затем вынужден был принять пострижение в монахи глава Боярской думы, старейший боярин кн. И. Ф. Мстиславский.⁸⁶ В 1585—1586 гг. (еще до отставки Шуйских) опалам подверглись князья А. П. Куракин,⁸⁷ И. М. Воротынский⁸⁸ и В. Ю. Голицын.⁸⁹

Борис Годунов не решился сразу покончить со своими наиболее влиятельными противниками — Шуйскими — и, видимо, тщательно готовился к решительному столкновению с ними. 23 апреля 1586 г. умер боярин Н. Р. Юрьев. Еще при жизни Юрьева боярство получил его сын Федор Никитич,⁹⁰ а кравчим стал другой его сын Александр.⁹¹ Отставка И. Ф. Мстиславского не привела к гонениям на его сына Федора. Напротив, ему переходит первенствующее (согласно служебно-местнической иерархии) положение в Думе. В июне 1586 г. на царском обеде присутствуют бояре Ф. И. Мстиславский, Б. Ф. Годунов и Ф. Н. Романов.⁹² С этого времени до конца царствования Федора Ивановича эти три «великих ближних боярина» составляют как бы основное ядро всех царских званых столов. От их имени пишутся грамоты к панам-радам Польско-литовского государства.⁹³ Подобный альянс не представлял в то время опасности для Бориса Годунова. Ф. И. Мстиславский, как подметил С. Ф. Платонов, никогда «не проявлял жажды власти». А молодой Ф. Н. Романов не имел еще большого веса в Думе (в списке бояр, участвовавших в приеме М. Гарабурды, он стоит одиннадцатым по счету⁹⁴) и не пользовался известностью за рубежом.⁹⁵ Следует подчеркнуть то обстоятельство, что Борис Годунов приходился царю Федору шурином, братья Никитичи Романовы являлись двоюродными братьями царя по женской линии, а кн. Ф. И. Мстиславский приходился ему троюродным племянником. Князья Шуйские, не имевшие столь тесных связей с царской семьей, не могли оказывать влияния на царя в той мере, как Годунов и Романовы. Это обстоятельство послужило, очевидно, одной из важных причин неудачи попытки Шуйских и их сторонников развести царя Федора Ивановича с Ириной Годуновой. Осенью 1586 г. на Шуйских была возложена государева опала. В. И. Корецкий выдвинул весьма правдоподобное предположение о связи отставки Шуйских с возвращением из Польши русского посольства (1 октября 1586 г.), когда Б. Ф. Годунов мог получить доказательства своих подозрений в сношениях Шуйских с польскими феодалами.⁹⁶ Действительно, примерно в это время Шуйские под-

верглись гонениям. В. И. Шуйский, служивший на воеводстве в Смоленске с весны 1585 г., последний раз упоминается там 15 сентября 1586 г., а 5 октября того же года в Смоленске был уже один Б. Ю. Сабуров.⁹⁷ Согласно сообщению витебского воеводы С. Паца, «младший Шуйский, воевода Смоленский» (т. е., очевидно, В. И. Шуйский), за тайные сношения через границу с литовскими панами был вызван в Москву и вынужден был давать объяснения.⁹⁸ Возможно, тогда же (в начале октября) началось расследование по делу Шуйских вообще. Но они не подверглись сразу прямым репрессиям. В январе 1587 г. русские посланники Е. Л. Ржевский и дьяк З. Свиязев утверждали в Польше, что самый активный из Шуйских — Андрей Иванович, «которой к бездельникам приставал» (имеются в виду, вероятно, майские 1586 г. волнения в столице, связанные с выступлением оппозиции за развод царя с Ириной Годуновой), — сослан в деревню и что «опалы на него некоторые не положил». По словам тех же посланников, братья Андрея — князья Василий, Дмитрий, Александр и Иван Ивановичи — «находятся в Москве», а боярин И. П. Шуйский «поехал к себе в свою отчину...».⁹⁹ Сообщение дипломатов находит косвенное подтверждение в грамоте от 22 марта 1587 г. в Суздальский Покровский девичий монастырь, из текста которой видно, что И. П. Шуйский находился в своей суздальской вотчине отнюдь не под стражей, хотя за его действиями и следили специально присланые из Москвы боярин Д. И. Хворостинин и казначай Д. И. Черемисинов.¹⁰⁰ Очевидно, лишь после тщательного расследования Шуйских подвергли прямой опале. И. П. Шуйский был сослан на Белозеро и насильственно пострижен в монахи; в ноябре 1588 г. он погиб от руки пристава кн. И. С. Туренина, вероятно, не без ведома Б. Ф. Годунова. Андрей Шуйский был также сослан и в ссылке убит приставом С. Маматовым. В Галич и Шую высланы братья Василий, Дмитрий, Александр и Иван Ивановичи Шуйские.¹⁰¹ Опалы непосредственно не затронули В. Ф. Скопина-Шуйского, который находился «на жаловании в Каргополе» и не принимал участия в выступлениях 1586 г.¹⁰² Вместе с Шуйскими «поимали» и их сторонников — Татевых, Колычевых, Андрея Быкасова с братьями и Урусовых (кн. И. А. Татев был сослан в Астрахань, И. Ф. Крюк Колычев — в Нижний Новгород «в тюрьму каменную», Быкасовы «и иные дворяне» разосланы по городам).¹⁰³ Боярин кн. П. И. Татев еще до отставки Шуйских (12 сентября 1586 г.) принял пострижение в монахи в Троице-Сергиевом монастыре.¹⁰⁴ Очевидно, уже в то время над Шуйскими нависла угроза. По всей вероятности, в связи с делом Шуйских был удален из столицы и послан на воеводство в Свияжск их сородич — кн. Д. А. Ногтев-Суздальский, но ссылка эта была кратковременной.¹⁰⁵ Сторонник Шуйских — боярин Ф. В. Шереметев — не подвергся репрессиям непосредственно вслед за Шуйскими и сохранил боярский чин. В 1588 г. мы видим его воеводой в «плавной рати» в Казани.¹⁰⁶ Но в 1589/90 г., видимо, не без связи с делом Шуйских он был вынужден постричься в монахи.¹⁰⁷ В октябре 1586 г. низложены митрополит

Дионисий и крутицкий епископ Варлаам. Казням и ссылкам подвергались «торговые мужики», поддержавшие Шуйских.

Конец 80-х гг. явился важной вехой политической борьбы. Важнейшим ее результатом было поражение группировки первостепенной княжеской знати во главе с Шуйским. В начале царствования Федора эти «княжата» неоднократно выступали как единая группировка. О ее политическом лице говорит уже сам состав князей и бояр, выступивших против Б. Я. Бельского, а затем Годунова и подвергшихся опалам и репрессиям в 80-х гг., — кн. И. Ф. Мстиславский, князья Шуйские с их сторонниками, князьями Татевыми, Головиными, Колычевыми, Ф. В. Шереметевым и другими, сородич Шуйских — кн. Д. А. Ногтев-Сузdalский, князья Воротынские, виднейшие из рода князей Булгаковых — В. Ю. Голицын и А. П. Куракин. Князья Шуйские, Булгаковы, Воротынские и Мстиславские в силу своего происхождения и традиции, а не только царской милости могли претендовать на первые места в боярской среде. С их высоким служебно-местническим положением был вынужден считаться сам Иван Грозный. Он давал им высшие воеводские назначения и богатые земельные дачи, хотя и не доверял им и фактически отстранял от реальной власти в государстве. Представители этих родов не могли не сознавать своего исключительного положения и надеялись не только его сохранить, но и восстановить в условиях ослабления царской власти в 1584 г. отнятое у них Иваном IV «природное» право быть «первыми» советниками при дворе. Отсюда их активная борьба против притязаний худородного опричника Б. Я. Бельского и уверенно идущего к власти Б. Ф. Годунова. Наиболее яркими представителями княжеской группировки были Шуйские. Они и в начале XVII в. осознавали свое родство по происхождению, а не по свойству с династией рода Калиты.¹⁰⁸ Не могли они не хранить в памяти и более недавние события «боярского правления» при малолетнем Иване IV, когда управление страной находилось фактически в руках родовитой княжеской знати. По всей вероятности, этим «княжатам» были не чужды идеи ограничения монархии в пользу первостепенной княжеской аристократии. Видимо, не случайно виднейшие из них — князья Шуйские и И. Ф. Мстиславский (в противовес Б. Ф. Годунову и Н. Р. Юрьеву) — были явными сторонниками польской ориентации и тайно сносились с польско-литовскими правящими кругами.¹⁰⁹ И позднее, в конце царствования Бориса Годунова и при Лжедмитрии I, Шуйские и Голицыны мимо царя имели тайную переписку с королем и магнатами.¹¹⁰ Очевидно, верхушке родовой княжеской знати импонировали «вольности» Речи Посполитой, где королевская знать находилась в зависимости от воли могущественных магнатов.

Мы видели, что уже в первый год царствования Федора утратили былое влияние при дворе некогда могущественные худородные временники Ивана Грозного. Причем видная роль в их унижении принадлежала могущественным тогда «княжатам» во главе с Шуйскими. Мы не наблюдаем в начале царствования Федора Ивановича каких-либо столкновений Годуновых с представителями худородной

опричной «аристократии» (если не считать их участия в деле отставки и высылки Нагих). Напротив, Годуновы и их союзники встали на поддержку Б. Я. Бельского в его столкновении с П. И. Головиным. Осенью 1584 г., возможно, не без влияния Б. Ф. Годунова в казначеи в противовес Головиным (сторонникам Шуйских) был произведен бывший «дворовый» деятель Д. И. Черемисинов.¹¹¹ В 1587 г. Черемисинов вместе с боярином Д. И. Хворостининым расследует дело о связях опального И. П. Шуйского со старцами Суздальского Покровского монастыря. Доверием правителя на первых порах пользовался, вероятно, думный дворянин М. А. Безнин, отправленный в ноябре 1584 г. в составе ответственного посольства в Литву.¹¹² Согласно Горсею, П. И. Головин подвергся опале по наговору любимца правителя Б. Ф. Годунова Ивана Войкового, бывшего «дворового».¹¹³ Однако, расправившись с Шуйскими, Годунов отнюдь не спешит возвратить из ссылки Богдана Бельского. В боярском списке 1588/89 г. над именем Бельского стоит помета: «в деревне».¹¹⁴ Он был возвращен в Москву только в начале 90-х гг. Попавший в опалу и лишенный думного чина в 1584 г., Б. В. Войков оставался в ссылке и впоследствии (в 1589—1596 гг. служил в далеком Санчурском остроге). В феврале 1588 г. был послан на воеводство в далекую Казань казначеи Д. И. Черемисинов, вскоре, правда, возвращенный в Москву.¹¹⁵ Впоследствии, как мы увидим, Годунов уже не доверял ему и лишил должности казначея. В августе 1586 г. постригся в монахи М. А. Безнин.¹¹⁶ Со временем он, видимо, перестал пользоваться доверием правителя (не был, в частности, включен в состав нового посольства в Польшу в июне 1586 г.). К 1588/89 г. попал в немилость и был лишен чина думного дворянина и печатника двоюродный брат М. А. Безнина Р. В. Алферьев.¹¹⁷ Он был послан на службу «на Переволоку» (Царицын), где и умер в опале в 1590 г.¹¹⁸ Опала отразилась на его местническом положении. В 1589 г. он проиграл местнический спор с Г. О. Засекиным, в том же году у него была отнята «правая грамота» на кн. В. В. Мосальского, данная Иваном Грозным (при этом было прямо признано, что Алферьевы — «люди неродословные»).¹¹⁹ Несколько ранее Р. В. Алферьев проиграл местническое дело с Ф. Лошаковым Колычевым (дело, как мы видели, судил кн. И. П. Шуйский, норовя Колычевым). Это судебное решение наносило прямой удар по местническому положению «меньшего брата» Р. В. Алферьева М. А. Безнина. Вряд ли после такого суда Безнин был сторонником Шуйских, как полагает В. И. Корецкий.¹²⁰ Вероятнее всего, и Безнин, и Алферьев могли вызывать подозрения Бориса Годунова как родственники Нагих (на дочери Р. В. Алферьева был женат М. А. Нагой). Известно, что и после своего удаления из Москвы Нагие не прекращали интриг против правительства.¹²¹ В 80-х гг. продолжал служить без видимых следов опалы думный дворянин Р. М. Пивов, хотя заметной роли при дворе он не играл. Последнее упоминание о нем на государевой службе относится к октябрю 1593 г.¹²² Из думных дворян конца правления Грозного пользовался доверием Б. Ф. Годунова и продвинулся по службе один

лишь И. П. Татищев.¹²³ Весьма красноречиво свидетельствует об отношении Бориса Годунова к своим бывшим сослуживцам по «двору» из худородных дворян произведенный в годы его правления пересмотр личного состава государева двора в сторону решительной его «чистки» от людей неродословных. По наблюдениям А. Л. Станиславского, почти все худородные стольники, стряпчие и жильцы особого «двора» Ивана IV после 1584 г. были лишены столичных чинов и оказались в рядах выборного дворянства или провинциальных детей боярских.¹²⁴

Падение положения в стране некогда влиятельной, сильной и сплоченной в целом группы худородных «дворовых» выдвиженцев Ивана Грозного явилось вторым (наряду с поражением «княжат») важнейшим итогом политической борьбы 80-х гг. Решительную победу в этой борьбе одержала «партия» Бориса Годунова и его союзников Романовых. Энергично противодействуя аристократическим притязаниям верхушки княжеской знати, Годунов в то же время отнюдь не проявлял себя приверженцем интересов новой «опричной аристократии». В каких же слоях правящего сословия находил он политическую опору? Рассмотрим состав Боярской думы в период правления Бориса Годунова и проанализируем биографические данные о ее членах.

В 1587 г. (после разгрома Шуйских) в Думу входили: бояре князья Ф. И. Мстиславский, Ф. М. Трубецкой, Н. Р. и Т. Р. Трубецкие, В. Ф. Скопин-Шуйский, И. М. Глинский, Г. А. Куракин (стал боярином к январю 1587 г.),¹²⁵ а также Д. И. Годунов, Б. Ф. Годунов (боярин и конюший), С. В. и И. В. Годуновы, Г. В. Годунов (боярин и дворецкий), Ф. Н. Романов, кн. Ф. М. Троекуров, кн. И. В. Сицкий, кн. Ф. Д. Шестунов, Б. Ю. Сабуров, кн. Д. И. Хворостинин, Ф. В. Шерemetев; окольничие Иван Михайлович Бутурлин (стал окольничим к февралю 1585 г.),¹²⁶ И. И. Сабуров, Ф. И. Хворостинин, А. П. Клешнин (стал окольничим из думных дворян к 26 апреля 1586 г.),¹²⁷ кн. Борис Петрович Засекин (к июню 1584 г.),¹²⁸ кн. П. С. Лобанов-Ростовский (с 1584 или 1587 г.); дворяне И. П. Татищев, Р. М. Пивов, Р. В. Алферьев (печатник и думный дворянин), Д. И. Черемисинов (казначей), Б. Я. Бельский (оружничий и думный дворянин; находился в то время не у дел). Думными дьяками в конце 1588 г. были А. Я. и В. Я. Щелкаловы, Елизарий Данилович Вылуггин, Дружина Петелин и, возможно, Сапун Тихонович Аврамов.¹²⁹ Кравчим в Думе был А. Н. Романов. Прочие дворцовые чины носили И. О. Безобразов (постельничий), Иван Васильевич Траханиотов (казначей),¹³⁰ Елизарий Григорьевич Ташлыков (Шершавин) Старого (стряпчий с ключом),¹³¹ Елизарий Шемякин сын Благой (ясельничий),¹³² Дмитрий Андреевич Замыцкий (ловчий).¹³³

К 1587 г. из Думы выбыли: бояре князья И. Ф. Мстиславский, И. П., В. И., А. И. и Д. И. Шуйские, В. Ю. Голицын, а также Н. Р. Юрьев, кн. П. И. Татев; окольничие Ф. Ф. Нагой, В. В. Головин, кн. Д. П. Елецкой, И. П. Головин; думные дворяне А. Ф. Нагой, В. Г. Зюзин, Б. В. Войков, М. А. Безнин; думные дьяки А. Шерефе-

динов и С. Фролов.¹³⁴ Можно заметить, что персональный состав Думы за первые три года царствования Федора Ивановича менялся весьма интенсивно. Из 19 бояр 1587 г. лишь шестеро имели этот чин в конце царствования Ивана IV, 5 человек получили к 1587 г. боярство из окольничих, а 8 бояр — это новые лица в Думе. Почти полностью сменился состав окольничих (лишь И. И. Сабуров был, очевидно, окольничим в конце царствования Грозного). Вдвое сократилось число думных дворян, этот чин не пополнился новыми лицами.

С 1587 по 1591 г. состав Думы менялся сравнительно незначительно. К июлю 1588 г. относится последнее упоминание об окольничем кн. Б. П. Засекине.¹³⁵ В 1588 г. попал в опалу и на время лишился чина окольничего И. М. Бутурлин.¹³⁶ В 1590 г. постригся в монахи боярин Ф. В. Шереметев. В том же году выбыл думный дворянин Р. В. Алферьев. 7 августа 1590 г. умер боярин кн. Д. И. Хворостиных.¹³⁷ К сентябрю 1590 г. на службе «не стало» окольничего И. И. Сабурова.¹³⁸ В конце 1589 г. чин думного дворянина получили Елизарий Леонтьевич Ржевский и Федор Андреевич Писемский.¹³⁹ К маю 1590 г. окольничим стал Михаил Глебович Салтыков.¹⁴⁰

Как мы уже говорили, с 1586 г. царя Федора окружала определенная группа его родственников в лице кн. Ф. И. Мстиславского, Б. Ф. Годунова и Ф. Н. Романова. Эти «великие ближние бояре» составляли ядро «ближней Думы» царя Федора Ивановича. В числе влиятельнейших лиц московского правительства были «ближние», или «большие», дьяки Щелкаловы. Но роль Мстиславского носила, скорее почетный, чем правительственный характер. Несмотря на заверения русских дипломатов за границей о «доброй любви» к нему со стороны Бориса Годунова,¹⁴¹ правитель не вполне доверял этому князю.¹⁴² Братья Щелкаловы не могли в силу своего худородства и дьяческого положения претендовать на роль самостоятельных правителей.¹⁴³ В политической борьбе 80-х гг. они поддерживали Годунова и Романовых. Главными фигурами московского правительства были Б. Ф. Годунов и Ф. Н. Романов. В 80-х гг. они выступают как союзники, это единство во многом предопределило их успех в политической борьбе. Родственники и сторонники Годуновых и Романовых и составляли прежде всего реальное правительство царя Федора. Несомненно в число приближенных ко двору лиц входили ближайшие родственники Бориса Годунова — его дядя Дмитрий Иванович и троюродные братья Степан, Григорий и Иван Васильевичи Годуновы. Приближены были ко двору родственники Годуновых — Сабуровы. Иногда они писались в документах как Сабуровы-Годуновы, что подчеркивало их связь с влиятельным правителем.¹⁴⁴ Боярин Б. Ю. Сабуров в росписи шведского похода 2 ноября 1585 г. вместе с Г. В. Годуновым назван «дворовым» воеводой.¹⁴⁵ Близким человеком при дворе (членом «ближней Думы») был «дядька» царя Федора А. П. Клешнин, сторонник Годуновых. Несмотря на свое явное худородство, ему удалось дослужиться до чина окольничего.

Расположением правительства Бориса Годунова пользовались весьма родовитые князья — гедиминовичи Трубецкие, поддержав-

шие Годунова в политической борьбе 1584 г. В начале XVI в. Трубецкие — удельные князья, затем переходят на московскую службу. Но до опричнины они не слишком заметны при московском дворе, и в Думу из них попал тогда один кн. Семен Иванович.¹⁴⁶ Возвышение Трубецких заметно наблюдается в годы опричнины, а затем — на службе в особом «дворе» Ивана IV.¹⁴⁷ Мы говорили уже о высоком положении при дворе Грозного кн. Ф. М. Трубецкого. Благодаря службе в опричнине и «дворе» Трубецкие смогли одержать важную местническую победу над князьями Булгаковыми-Голицыными, хотя последние и происходили от старшей ветви гедиминовичей и до опричнины имели немало представителей в Думе. В росписи похода на Двину в 1577 г. Т. Р. Трубецкой был написан выше кн. Ивана Ивановича Голицына.¹⁴⁸ Голицын не посмел тогда бить челом на «дворового» Трубецкого и понес местническую «потерьку».¹⁴⁹ Лишь после смерти Грозного Голицыны попытались восстановить свое местническое положение. В мае 1584 г. И. И. Голицын оказался на службе на «берегу» «меньше местом» Никиты Трубецкого.¹⁵⁰ В следующем году Андрей Иванович Голицын был челом «о местах» на Н. Р. Трубецкого за своего старшего брата Ивана, но ему было отказано. На протяжении всего царствования Федора Ивановича и после его смерти братья Иван и Андрей Ивановичи Голицыны пытались местничаться с братьями Никитой и Тимофеем Романовичами Трубецкими, но всякий раз эти попытки кончались провалом, и они не раз угождали в тюрьму за свои «неподельные чelобитья».¹⁵¹ В 1589 г. состоялся местнический суд князей Г. А. Куракина, И. И. и А. И. Голицыных с Трубецкими, по которому Г. А. Куракин был признан «меньше местом» Ф. М. Трубецкого, «равным» с Н. Р. Трубецким и «больше местом» Т. Р. Трубецкого; последний был учнен равным («в версту») с И. И. Голицыным и «больше местом» А. И. Голицына. Но Разрядный приказ продолжал назначать Т. Р. Трубецкого выше И. И. Голицына, и в конце концов в начале 1598 г. последнего признали «меньше местом» Т. Р. Трубецкого, так как «Иван Иванович Голицын был з боярином со князем Тимофеем Романовичем с Трубецким блаженные памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всея Русии и . . . при государе . . . Федоре Ивановиче . . .».¹⁵² Трубецкие успешно местничались с кн. М. П. Катыревым (родовитейшим из князей Ростовских) и кн. Д. А. Ногтевым-Сузdalским.¹⁵³ В 1591 г. Т. Р. Трубецкой пытался местничаться даже со «старейшим» из Шуйских — В. Ф. Скопиным, причем его притязание признавалось законным и чelобитную «записали в Разряде».¹⁵⁴ Своим высоким служебно-местническим положением Трубецкие были во многом обязаны службе в опричнине и «дворе» Ивана IV, а также расположению со стороны правителя Бориса Годунова.

Доверием Годунова пользовались князья Хворостинины (см. примеч. 58). При Федоре Ивановиче и Борисе Годунове представители этой не слишком знатной фамилии из рода ярославских князей (возвышенной в годы опричнины) прочно удерживали позиции в Боярской думе. В первый год царствования Федора Ивановича в Думу

входили Д. И. и Ф. И. Хворостинины. В 1590 г. умер боярин Д. И. Хворостинин, но через некоторое время, в 1593 г., в бояре из окольничих был произведен его брат Федор, а окольничим стал Андрей Иванович Хворостинин. В царствование Бориса окольничим стал сын Д. И. Хворостинина Иван, который за верную службу Годунову был сослан Лжедмитрием на воеводство в Астрахань. В 1585 г. виднейший из Хворостининов — Дмитрий Иванович — был пожалован рязанским наместничеством.¹⁵⁵ Судя по разрядам, Хворостинины постоянно служат при дворе, упоминаются на званых царских обедах, участвуют во многих крупных военных походах. Ф. И. Хворостинин по крайней мере трижды назначался в «ответные комиссии» для переговоров с иностранными послами.¹⁵⁶

Возведен был при дворе кн. П. С. Лобанов-Ростовский, произведенный в окольничие. Он часто встречается на званых царских обедах,¹⁵⁷ принимает активное участие в церемониях поставления патриарха Иова.¹⁵⁸ Очевидно, близко к правителью Борису Годунову стояли думный дворянин И. П. Татищев и родовитый князь И. М. Глинский, свояк Бориса (о них см. ниже).

Вполне определенным был круг Романовых. При Федоре Ивановиче в Думу входили боярин Ф. Н. Романов и кравчий А. Н. Романов, остальные братья — Иван, Михаил и Василий Никитичи Романовы — по молодости лет «не дошли» до думных чинов и служили в стольниках. Несомненно, близким человеком при дворе был боярин кн. И. В. Сицкий. На переговорах с польскими послами он участвовал как «ближней Думы» боярин.¹⁵⁹ Сицкие принадлежали к младшей ветви ярославского княжеского дома. Отец И. В. Сицкого кн. Василий Андреевич был женат на А. Р. Юрьевой, родной сестре Н. Р. Юрьева и царицы Анастасии Романовой, попал в опричнину и сделал там карьеру, дослужившись до чина боярина.¹⁶⁰ Сам И. В. Сицкий был женат на дочери Н. Р. Юрьева Евфимье. Таким образом, Сицкие в XVI в. дважды роднились с семьей Романовых. Не случайно И. В. Сицкий и Ф. Н. Романов были «братья и великие други».¹⁶¹ Близко ко двору стоял другой родственник Романовых боярин кн. Ф. Д. Шестунов (из рода князей Ярославских).¹⁶² В августе 1585 г. его назначили послом в Швецию.¹⁶³ Весьма часто он приглашался к царскому столу. В начале царствования Федора Ивановича доверием при дворе пользовался породненный с Романовыми боярин кн. Ф. М. Троекуров (представитель старшей линии ярославского княжеского рода). Он принимал активное участие во внешнеполитических сношениях Русского государства, не раз назначался послом в Польшу, участвовал в переговорах с турецкими и польскими послами.¹⁶⁴ Весной 1589 г. был послан на воеводство в Астрахань, где и умер в 1594/95 г.¹⁶⁵

Рассматривая круг лиц, пользовавшихся влиянием и доверием при дворе царя Федора Ивановича, нетрудно заметить, что он состоял преимущественно из представителей княжеско-боярских родов. Из видных деятелей правительства того времени лишь окольничий А. П. Клешнин не принадлежал по своему происхождению к боярскому слою. Это обстоятельство заставляет усомниться в спра-

ведливости традиционного представления о враждебности Бориса Годунова к знати вообще и о его симпатиях к худородному дворянству. Политическое лицо правительственної группировки в Думе царя Федора Ивановича определяли Годуновы и Романовы, представители двух могущественных старомосковских боярских родов, связанных родством с царской династией и во многом именно благодаря этому занявших виднейшие позиции в Думе и при дворе. В составе этой группировки мы встречаем и князей, порой весьма родовитых. Но своим возвышением они, как правило, были обязаны службе в опричнине и «дворе», близости к правительству Борису Годунову и влиятельному романовскому кругу. В целом правительственної группировки Годуновых и Романовых объединяла преимущественно представителей тех слоев старомосковского боярства и князей, которые привыкли связывать свое служебно-местническое продвижение и материальное благополучие с государевой службой и царским «жалованием». В то же время принадлежность к знати не могла не вызывать у них враждебного отношения к чрезмерному проникновению в правящую среду худородного дворянства, и они ратовали за такую монархическую власть, которая гарантировала бы устойчивость местнической традиции, удерживавшей знать на верху общественной иерархии. Этому слою боярства были в равной степени чужды как аристократические амбиции небольшой группы первостепенных «княжат», так и притязания худородных «дворовых» деятелей Ивана Грозного. Ни порядки типа «боярского правления», ни продолжение «дворовой» политики не могли гарантировать знати устойчивость служебно-местнических отношений и политическую стабильность. Не случайно основная часть боярской знати не поддержала Шуйских в политической борьбе, а многие ее представители оказали прямую поддержку Годунову. Интересами знати в целом (к ней принадлежали и сами Годуновы) и руководствовался правитель государства Борис Годунов, проводя реорганизацию государева двора, в результате которой его чиновная структура была полностью приведена в соответствие с происхождением (родовитостью) служилых людей. Но эти сюжеты мы будем подробнее рассматривать в другом разделе работы.

Примечания

¹ Основные источники по истории земского двора: боярский список 1577 г. (его земское происхождение установил А. Л. Станиславский, см.: Бс. Ч. 1. С. 18, 84—103), разрядные книги, разрядная роспись Ливонского похода 1577/78 г. (ВЖ за 1852 г.), роспись приема папского посла А. Поссевино 1581 г. (Лихачев Н. П. Поссевино. С. 3—235). Состав особого «двора» Ивана IV периода «великого княжения» Симеона Бекбулатовича середины 70-х гг. обстоятельно изучен С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским (Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав. С. 153—193); о составе «двора» начала 1570-х гг. можно судить по книге раздачи денежного жалования 1573 г., имеющей «дворовое» происхождение (Альшиц Д. Н. Новый документ. С. 3—71; см. также: Станиславский А. Л. Книга раздачи денежного жалования 1573 года // История СССР. 1976. № 4. С. 136—140); о «дворе» конца 70—начала 80-х гг. — по указанным выше росписям Ливонского похода и приема Поссевино, разрядам и некоторым другим источникам.

О составе Боярской думы в момент кончины Ивана IV см.: *Зимин А. А. Состав. С. 78—79.* — В число бояр, доживших до смерти Грозного, А. А. Зимин включает также Я. А. Салтыкова и кн. И. Ю. Голицына. Но последнее действительное упоминание о службе Салтыкова в разрядах относится к 1571/72 г. (Разряды. С. 245), а в записи за 1583/84 г. он упоминается уже задним числом (см.: Эрм., л. 669). О кн. И. Ю. Голицыне последнее упоминание относится к октябрю 1581 г.

² См.: *Зимин А. А. Состав. С. 78—80.* — А. А. Зимин считает боярином Б. Я. Бельского, но в действительности тот носил в 80-х гг. только чин думного дворянина, стал окольничим лишь в 1598 г., а боярином — уже при Лжедмитрии. Андрей Федорович Нагой упоминается как «думный дворянин и наместник костромской» в 1582 г. (ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, л. 335). О дьяке С. Фролове см.: *Зимин А. А. В канун. С. 96—97, 107.*

³ Бс. Ч. I. С. 85; Эрм., л. 659.

⁴ *Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV—XVI в. // ИЗ. 1958. Т. 63. С. 199.*

⁵ См.: *Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 101.*

⁶ *Лихачев Н. П. Поссевино. С. 43.*

⁷ ДРВ. Ч. XX. С. 60. — В разрядах впервые указан с чином постельничего в ноябре 1585 г. (Эрм., л. 692). Постельничий (правда, не указано, кто именно) фигурирует на церемонии венчания на царство Федора Ивановича (ПСРЛ. Т. 34. С. 230).

⁸ Упоминается с этим чином с 1577/78 по декабрь 1586 г. (Эрм., л. 562; Разряды. С. 379).

⁹ *Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав. С. 166.*

¹⁰ Упоминается в книге раздачи денежного жалованья 1573 г. (*Альшиц Д. Н. Новый документ. С. 20.*). Для более позднего периода определить его принадлежность ко «двору» или земщине не удается.

¹¹ *Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав. С. 186.*

¹² Эрм., л. 547, 560 об., 566 об., 568, 618, 644 об.

¹³ *Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав. С. 159.*

¹⁴ См.: *Савва В. И. О Посольском приказе. С. 396—398.*

¹⁵ Сб. РИО. Т. 38. С. 103, 112 и др.

¹⁶ *Платонов С. Ф. Очерки. С. 182—185.*

¹⁷ ПСРЛ. Т. 14. С. 35. — Действительно, уже в марте 1584 г. мы видим на воеводствах в казанских пригородах Семена Федоровича с сыном и Ивана Семеновича (Григорьевича?) Нагих (Разряды. С. 348; Эрм., л. 668 об.). В более поздней (после апреля 1584 г.) росписи в Казани упоминается Михаил Александрович Нагой (Разряды. С. 349). 24 мая (нездолго перед коронацией царя Федора) были отправлены «на удел» в Углич царевич Дмитрий с матерью и некоторыми ее близкими родственниками из рода Нагих (*Забелин И. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1884. Ч. I. Стб. 1203.*) Не будем вдаваться подробно в перипетии взаимоотношений Нагих с московским правительством. Для нас важно, что представители этой некогда весьма влиятельной при дворе Ивана IV фамилии были отдалены от правительства и уже не могли непосредственно участвовать в московских делах. Основная их часть в конце XVI—начале XVII в. (вплоть до Лжедмитрия) пребывала на воеводствах в Казанском крае и Сибири. Не всегда, впрочем, члены этого рода находились на опальном положении, и мы видим их нередко в качестве деятельных представителей царской администрации на восточных рубежах государства. Далеко не все из них лишились в конце XVI в. своих вотчин. Так, за Иваном Григорьевичем, Михаилом и Афанасием Александровичами, Афанасием и Семеном Федоровичами Нагими значатся в конце XVI в. (после 1584 г.) вотчины в Тверском, Клинском, Оболенском, Угличском, Ржевском и Юрьевском уездах (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 325, л. 35; кн. 70, л. 272—274; ПКМГ. Ч. I. Отд. I. С. 856; ЦГАДА, ф. 281, № 5651, 14553, л. 80—81; ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 493, 1039 об.; УПК. С. 596—597).

¹⁸ См.: *Скрыников Р. Г. Россия. С. 10—11; Зимин А. А. В канун. С. 104—107.*

¹⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 195.

²⁰ В 70-х—начале 80-х гг. наблюдалось довольно активное местническое соперничество между Мстиславскими, Шуйскими и Голицыными (см.: *Мельников Ю. Н. Местничество. С. 18—19.*)

²¹ Подробнее см.: *Корецкий В. И. Безднинский летописец. С. 195, 208.*

²² Там же. С. 208; ПСРЛ. Т. 34. С. 195; т. 14. С. 35.

²³ Разряды. С. 349; Эрм., л. 664; Бс. Ч. I. С. 105.

²⁴ Разряды. С. 343, 346, 358; Эрм., л. 669 об., 671, 683; ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 209 об., 369; ДАИ. Т. 1. С. 195.

²⁵ Акты Юшкова. С. 202—233.

²⁶ Упоминается в разрядах 7 февраля 1584 г. на встрече английского посла (Эрм., л. 661 об.). Затем появляется на службе только в 1605 г. (при Лжедмитрии), причем в чине думного дьяка (*Белокуров С. А. Разряды. С. 34, 40*). Вероятно, был сослан в Казанский край — в 1591 г. он имел поместье в Казанском у. (ЦГАДА, ф. 281, № 6429, л. 45).

²⁷ Разряды. С. 342.

²⁸ Там же. С. 486, 494, 505; Эрм., л. 735 об., 791 об.

²⁹ В ноябре 1584 г. упоминается его бывшее запустевшее поместье в Шелонской пятине (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, л. 356—357).

³⁰ Акты Юшкова. С. 217. — В конце царствования Грозного он боярином, очевидно, не был — упоминается еще в апрельской росписи 1583 г. без боярского чина (Разряды. С. 335; Эрм., л. 657 об.).

³¹ Андрей Шуйский упомянут в Московском летописце в числе бояр при царе Федоре 31 мая 1584 г. (ПСРЛ. Т. 34. С. 232). Но в разрядах впервые значится с боярским чином только с апреля 1585 г. (Разряды. С. 352; Эрм., л. 679 об.). На осенней службе на «берегу» 1584 г. он не носил еще думного чина (см.: Эрм., л. 675 об.; Брк., л. 669; Арх. I., л. 497; Воронц. I., л. 777 об.). Д. И. Шуйский впервые упомянут как боярин в апреле 1586 г. (ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 98 об.).

³² Разряды. С. 346; Эрм., л. 664.

³³ В качестве казначея присутствовал на церемонии царского венчания 31 мая 1584 г. (ПСРЛ. Т. 34. С. 230; СГГ и Д. Ч. II. С. 73). Как окольничий и казначей упоминается 7 июля 1584 г. (ЦГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 250). В так называемой Шереметевской боярской книге (Ш) (о ней см.: Зимин А. А. Состав. С. 41—42) в чине окольничего в 1584/85 и 1598 гг. указан Иван Федорович Крюк Колычев, сторонник Шуйских (ДРВ. Ч ХХ. С. 61, 68). Но в разрядах он упоминается в конце XVI в. без думного чина (Разряды. С. 346, 358, 377; Эрм., л. 644 об., 669, 683 об., 699 об.).

³⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 232. — По Ш (с. 61, 64), Куракин стал боярином в 1584 г., а Воротынский — в 1591/92 г. Но в июле 1584 г. А. П. Куракин назван в разрядах без боярского чина (Эрм., л. 670). Затем упоминается уже в начале царствования Бориса Годунова, причем с чином боярина (ААЭ. Т. 2. С. 46), но, очевидно, он стал боярином еще до воцарения Годунова, так как его нет в числе лиц, пожалованных думными чинами по случаю коронации Бориса в сентябре—декабре 1598 г. И. М. Воротынский, попавший в 1585/86 г. в опалу, при Федоре Ивановиче с боярским чином не значится. В годы царствования Бориса Годунова мы вовсе не видим его на службе. Вновь появляется при дворе лишь в июне 1605 г., когда среди других бояр (т. е. как боярин) встречал на Москве Лжедмитрия (*Белокуров С. А. Разряды. С. 6 и др.*). Таким образом, он был боярином еще до прихода Самозванца, хотя указать, кем и когда был произведен в этот чин, трудно. Возможно, он действительно получил боярство в начале царствования Федора Ивановича, но затем по причине опалы временно его утратил.

³⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 142 об.; кн. 18, л. 116, 123.

³⁶ Там же, кн. 17, л. 142 об.; кн. 18, л. 123 об.; Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 1, № 456.

³⁷ Назаров В. Д. Из истории государственного аппарата России в конце XVI—начале XVII в. // СА. 1969. № 2. С. 102.

³⁸ Из бывших вотчин А. Б. Горбатого в 80-х гг. И. П. Шуйскому принадлежало с. Лопатники (в 1575 г. было за Сузdalским Покровским девичьим монастырем), а Андрею Шуйскому — с. Горицы (Акты Уварова. С. 56, 76; Рождественский С. В. С. 182—183).

³⁹ До нас дошло упоминание жалованной грамоты князей Ивана и Дмитрия Михайловичей Воротынских игумену Перемышльской Шаровкиной пустыни Макарию на д. Кузьменки в Одоевском у. (АЕ за 1966 г. М., 1967. С. 253, № 1—519).

⁴⁰ Мордовина С. П. Служилые князья. С. 331.

⁴¹ ОР ГПБ, F1V, № 597 (Латухинская степенная книга), л. 409.

⁴² РК 1559—1605. С. 216.

⁴³ Смерть Грозного застала И. П. Шуйского на воеводстве во Пскове. К маю 1584 г. он был вызван в Москву (Эрм., л. 664, 669), с марта 1585 по январь 1586 г. — снова во Пскове как воевода и наместник (Эрм., л. 682 об., 694 об.; Разряды. С. 358, 362, 365, 376). Лишь к апрелю 1586 г. он возвратился в столицу (ЦГАДА, ф. 79, кн. 16,

л. 98 об.). Кн. В. Ф. Скопин-Шуйский в августе 1583—марте 1584 г. находился (с некоторым перерывом) на воеводстве в Новгороде (Разряды. С. 346), а в 1585 г. был на кормлении в Каргополе. Кн. В. И. Шуйский в марте 1585—сентябре 1586 г. упоминается (вплоть до своей опалы) на воеводстве в Смоленске (Эрм., л. 679, 684, 699 об., 701 об., 702 об.; Разряды. С. 359, 377; ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 613, 669, 826, 830; кн. 16, л. 3, 11, 122, 123, 253, 262).

⁴⁴ Эрм., л. 666 об., 670; ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 57, 71, 72, 90, 171, 288 об., 349, 538 об., 540 об. и др.

⁴⁵ Эрм., л. 553 об., 632, 655, 662 об., 685 об.; Разряды. С. 390.

⁴⁶ О службах И. М. Воротынского за 1584—1585 гг. мы вообще не имеем сведений, а А. П. Куракин упомянут за эти годы только раз (о его местническом споре с кн. И. А. Ноготковым см.: Эрм., л. 670).

⁴⁷ Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. СПб., 1875. С. 229.

⁴⁸ Скрыников Р. Г. Россия. С. 21.

⁴⁹ Там же. С. 21, 28.

⁵⁰ Платонов С. Ф. Очерки. С. 188—189.

⁵¹ См.: ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 33; Сб. РИО. Т. 38. С. 133.

⁵² СГГ и Д. Ч. II. С. 73.

⁵³ ПСРЛ. Т. 34. С. 232; Акты Уварова. С. 92.

⁵⁴ С. В. Годунов — боярин за царским столом 31 мая 1584 г. (Эрм., л. 669 об.; Брк., л. 661). И. В. Годунов упоминается как боярин в источниках с июня 1584 г.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 244 об.; кн. 16, л. 98 об.; Сб. РИО. Т. 38. С. 148. — Упоминается как дворецкий нижегородский и казанский и наместник рязанский еще в 1582 г. (ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, л. 335).

⁵⁶ 14 мая 1584 г. был еще окольничим (Сб. РИО. Т. 38. С. 134). По Ш, боярин с 7092 (1584) г. (ДРВ. Ч. ХХ. С. 60). В разрядах впервые упоминается как боярин в ноябре 1584 г. (Разряды. С. 344).

⁵⁷ По Ш, окольничий с 7092 (1584) г. (ДРВ. Ч. ХХ. С. 61). Первое упоминание о нем в разрядах с этим чином относится к сентябрю 1584 г. (Разряды. С. 343).

⁵⁸ В 1587 г. Д. И. Хворостину было поручено расследование дела о сношениях И. П. Шуйского со старицей Леонидой, вдовой царевича Ивана Ивановича (Акты Уварова. С. 76—77). Ф. И. Хворостинин в марте 1598 г. выполнял ответственное поручение царя Бориса — «приводил ко кресту» Казань и пригорода, где было в то время немало противников Годуновых (Эрм., л. 875 об.).

⁵⁹ В октябре 1584 г. они еще не были боярами (см.: Разряды. С. 344; Эрм., л. 672). Впервые упоминаются как бояре в феврале и марте 1585 г. (Разряды. С. 343, 360).

⁶⁰ Разряды. С. 363.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 232; АФЗХ. Ч. 2. С. 419. — Но по разрядам он не был окольничим в 1584—1585 гг. (Разряды. С. 346, 357); упоминается там с этим чином с 1587 г. (Эрм., л. 705 об.). Был послухом (доверенным лицом) при оформлении вклада Б. Ф. Годунова в Иосифо-Волоколамский монастырь (АФЗХ. Ч. 2. С. 92).

⁶² Бс. Ч I. С. 270; Разряды. С. 364. — О нем см.: Флетчер Д. С. 34; Бычкова М. Е. Родословная Глинских из Румянцевского собрания // ЗОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 123. — В духовной Глинской 1586 г. Б. Ф. Годунов (как самый близкий человек) выступает в качестве душеприказчика (Лихачев Н. П. Сборник актов. Вып. I. С. 63—67).

⁶³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 209.

⁶⁴ Разряды. С. 359—360.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 520 об.

⁶⁶ Разряды. С. 363.

⁶⁷ Платонов С. Ф. Очерки. С. 195.

⁶⁸ Весной 1584 г. окольничий Ф. М. Троекуров был послан на воеводство в Смоленск, затем «для послов» был вызван в Москву (Эрм., л. 666 об., 670). В конце сентября он уже как боярин назначается послом в Польшу (ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 369 об.).

⁶⁹ Разряды. С. 360.

⁷⁰ Эрм., л. 669 об. — 20 июля 1584 г. был назначен воеводой большого полка в Казанском походе (Разряды. С. 346). Далее о нем нет сведений. По Ш, умер в 7094 (1585/86) г. (ДРВ. Ч. ХХ. С. 62). Возможно, постригся в монахи — во вклад-

ной книге Кирилло-Белозерского монастыря записано: «. . . князь Дмитрий Елецкой, во иночех Дионисей, дал вкладу 100 рублей. . .» (ОР ГПБ, Кир.-Бел., № 78/1317, л. 149).

⁷¹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 131, оп. 1, № 13 (родословная книга), л. 91 об.

⁷² ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 369 об.; кн. 16, л. 123 об.; кн. 18, л. 4 об.

⁷³ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения. С. 139.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 209, 226, 262.

⁷⁵ Там же, кн. 16, л. 43, 102.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 36.

⁷⁷ Горсей Д. С. 146.

⁷⁸ ДАИ. Т. 1. С. 189—212.

⁷⁹ Горсей Д. С. 101.

⁸⁰ Опись 1626 г. Ч. 1. С. 259.

⁸¹ Горсей Д. С. 101; ПСРЛ. Т. 34. С. 195. — Возможно, к его убийству был причастен Борис Годунов — он сделал вклад в Симонов монастырь по П. Головине из его же «животов» (ОР ГПБ, Ф IV, № 348, л. 59).

⁸² ПСРЛ. Т. 14. С. 36. — Так же, как и его брат Петр, он обвинялся в краже казны (ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 619—630).

⁸³ 25 декабря на Казенном дворе были два казначея — В. В. Головин и Д. И. Чемерисинов, а с 25 декабря 1584 г. там упоминается уже один Чемерисинов (ДАИ. Т. 1. С. 195). В 1585/86—1586/87 гг. В. В. Головин был воеводой в Чебоксарах без чина окольничего (Разряды. С. 378, 390). Зимой 1591/92 г. участвовал в походе на «луговую черемису» (Эрм., л. 791 об.). В 1592/93—1595/96 гг. он был воеводой на Тереке (Эрм., л. 822, 839; Разряды. С. 486, 493, 504). Умер 18 июля 1597 г. (ОР ГПБ, Ф IV, № 348, л. 62).

⁸⁴ Упоминается в Свияжске без чина окольничего в 1585/86—1592/93 и 1605 гг. (ЦГАДА, ф. 181, № 125, л. 63—64; АИ. Т. 2. С. 442; ОР ГПБ, общ. собр. грамот, № 1—221).

⁸⁵ Разряды. С. 378, 390, 436, 486, 494, 505, 513—514; РК 1598—1638. С. 86—87, 99, 116, 117, 133, 152, 175, 176; Эрм., л. 735, 831, 840 об., 972 об., 973, 984; Белокуров С. А. Разряды. С. 6, 131, 229.

⁸⁶ См.: Скрыников Р. Г. Россия. С. 28—29.

⁸⁷ В 1585/86—1586/87 и 1594 гг. он упоминается (причем без отчества) на воеводствах в Арске, Свияжске и Ядрине (Разряды. С. 378, 390; ЦГАДА, ф. 181, № 125, л. 63; АФЗХ. Ч. 3. С. 51—54, 56—59). Об опале на А. П. Куракина сообщает Флетчер (Флетчер Д. С. 32).

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 14. С. 36. — В 1585/86—1586/87 гг. он вместе с братом Дмитрием находился на воеводстве в Нижнем Новгороде (Разряды. С. 378, 391). В феврале 1588 г. стоял во главе «плавной рати» на Волге (Эрм., л. 711). В боярском списке 1588/89 г. он вместе с братом Дмитрием упомянут как «князь служилый», но с по-метой: «В деревне оба» (Бс. Ч. 1. С. 120). С 1591 по 1598 г. он непрерывно воеводствовал в Казани (Эрм., л. 790, 813, 821, 831, 838 об., 841, 867; Памятники сношений с Персией. Т. 1. С. 204, 339, 391, 407; т. II. С. 6).

⁸⁹ Флетчер называет его среди наиболье опасных противников Годунова, которые подверглись репрессиям (Флетчер Д. С. 33). Голицыны были в числе бояр, выступавших в марте—апреле 1584 г. против Бельского и Годунова. О службе В. Ю. Голицына мы знаем только, что в апреле 1584—январе 1585 г. он находился на воеводстве в Смоленске (см. выше). Далее мы не встречаем о нем сведений. За 1586—1587 гг. разряды не дают данных о службе кн. А. И. Голицына. В службе кн. И. И. Голицына также наблюдается кратковременный перерыв с весны 1586 до весны 1588 г.

⁹⁰ Еще в ноябре 1585 г. был рындой, т. е. стольником (Разряды. С. 364). Впервые упоминается как боярин 26 апреля 1586 г. (ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 98 об.).

⁹¹ Упоминается как кравчий с апреля 1586 г. (ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 103 об.). В разрядах в 1591 г. он значится как «в Думе кравчий» (Эрм., л. 766).

⁹² Эрм., л. 699 об.

⁹³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 91 об.

⁹⁴ Там же, кн. 16, л. 98 об.

⁹⁵ В своем послании к пану Я. Збаражскому в январе 1587 г. Ф. Н. Романову пришлося дать специальные разъяснения о своем особом положении при дворе царя Федора (ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 93 об.—94).

⁹⁶ Корецкий В. И. Безднинский летописец. С. 199. — Б. Н. Флоря полагает, что «измена» Шуйских в глазах правительства заключалась в их сношениях с польским королем (Флоря Б. Н. Русско-польские отношения. С. 140).

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 262; ф. 89, кн. 2, л. 491; *Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве: Приложения. Часть первая. Одесса, 1912. С. 15.*

⁹⁸ См.: *Корецкий В. И. Безднинский летописец. С. 202.*

⁹⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 142 об.

¹⁰⁰ Акты Уварова. С. 76—77.

¹⁰¹ См. подробнее: *Скрынников Р. Г. Россия. С. 58—59.*

¹⁰² ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 260. — 25 декабря 1586 г. он упоминается воеводой правой руки в росписи государева похода против Батория (Разряды. С. 379). В апреле 1587 г. как «боярин и наместник каргопольский» значится в грамоте бояр панамарам (ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 369), в июле 1589 г. — воевода во Пскове, участвовал в зимнем 1589/90 г. походе на шведов, после похода был оставлен на воеводство в Новгороде, где служил до 1592 г. (Эрм., л. 730, 741 об., 748, 751, 753, 755, 781, 789; Разряды. С. 410), в 7101 (1592/93) г. — судья Судного володимирского приказа (Эрм., л. 814 об.). Это последнее о нем упоминание в документах. По Ш., умер в 1594/95 г. (ДРВ. Ч. ХХ. С. 65).

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 14. С. 36—37. — Кн. И. А. Татев в боярском списке 1588/89 г. действительно упомянут с пометой «в Астрахани» (Бс. Ч. 1. С. 102). Возвращается оттуда к февралю 1592 г. (Эрм., л. 794 об.). И. Ф. Крюк Колычев за все время правления и царствования Бориса Годунова (после 1586 г.) лишь один раз упоминается в разрядах — на службе в казанском пригороде Тетюшах в 1603/04 г. (РК 1598—1638. С. 175). Его брат Андрей в 1599/1600 г. служил в отдаленном городе Лашеве (там же. С. 98). В списке двора 1588/89 г. с пометой «у пристава» значится В. М. Урусов (Бс. Ч. 1. С. 145). Быкасовы не входили в состав двора и находились в рядах служителей дворцового ведомства. В ноябре 1585 г. мы встречаем упоминание стремянных конюхов Андрея и Якова Быкасовых (ЦГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 468; *Сухотин Л. М. Земельные пожалования. С. 26*). При царях Федоре и Борисе А. Т. Быкасов отбывал ссылку в Сибири (*Голубцов И. А. «Измена» Нагих // Учен. зап. Ин-та истории РА-НИОН. 1929. Т. 4. С. 64*). В 1584/85 г. за них с братом Юрием числилась подмосковная вотчина, которая позднее была конфискована и отдана в поместье Н. Р. и Т. Р. Трубецким (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 249, 255; АИ. Т. 2. С. 71).

¹⁰⁴ Троицкая вкладная. С. 77 — Видимо, не все князья Татевы попали в опалу. Кн. Б. П. Татев участвовал в зимнем 1589/90 г. походе на шведов (Эрм., л. 740 об.). О родственных связях Татевых с Шуйскими, а также Воротынскими, Голицыными и Ногтевыми см.: *Кобеко Д. Ф. Родословные заметки о некоторых деятелях смутного времени // ИРГО. Вып. 4. С. 4.*

¹⁰⁵ Упоминается в Свияжске в 7095—7096 (1586/87—1587/88) гг. (ЦГАДА, ф. 181, № 125 (рукописный сборник, содержащий раздел: «О бывших в Казани... и других городах воеводах»), л. 63). — В разрядах за 7095—7096 гг. сведения о нем отсутствуют, появляется здесь с апреля 1589 г. — на службе на «берегу» (Эрм., л. 725 об.).

¹⁰⁶ Эрм., л. 711.

¹⁰⁷ *Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1882. Т. 2. С. 14—30; АФЗХ. Ч. 2. С. 433—435.*

¹⁰⁸ СГГ и Д. Ч. II. С. 299.

¹⁰⁹ *Флоря Б. Н. Русско-польские отношения. С. 133—140.*

¹¹⁰ *Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. С. 6; см. также: Устрялов Н. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1834. Ч. IV. С. 68; 1832. Ч. II. С. 82.*

¹¹¹ ДАИ. Т. 1. С. 189.

¹¹² ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 372 об.

¹¹³ *Горсей Д. С. 101.*

¹¹⁴ Бс. Ч. 1. С. 105.

¹¹⁵ Эрм., л. 712

¹¹⁶ *Кобрин В. Б. Состав. С. 52.*

¹¹⁷ Бс. Ч. 1. С. 105, 127. — По-видимому, должность печатника он потерял уже в 1587 г., так как 8 апреля 1587 г. при встрече литовского посланника он упомянут только как думный дворянин, а посланный 1 июня 1587 г. в Польшу В. Я. Щелкалов именуется как печатник и думный дьяк (ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 270 об.; кн. 18, л. 4 об.). В апреле 1586 г. на приеме М. Гарабурды он значится еще как печатник и думный дворянин (там же, кн. 16, л. 100).

¹¹⁸ Эрм., л. 724—725 об., 744 об., 745. — 22 ноября 1590 г. по его душе сделали вклад в монастырь его сыновья (Троицкая вкладная. С. 118).

¹¹⁹ Эрм., л. 724—725, 744 об., 745; РК 1550—1636. С. 58.

¹²⁰ Корецкий В. И. Безднинский летописец. С. 196 и след.

¹²¹ См.: Скрынников Р. Г. Россия. С. 61.

¹²² ПДС. Т. I. Стб. 1331. — В конце царствования Федора Ивановича он постригся в монахи и умер около 1600 г. (Кобрин В. Б. Состав. С. 56).

¹²³ При царе Федоре дважды отправлялся послом за рубеж — в 1585 (в Швецию) и в 1591 (в Польшу) гг. (Сб. РИО. Т. 129. С. 393; ЦГАДА, ф. 79, кн. 21, л. 1 и след.). В 1590 г. послан Годуновым под Ругодив для переговоров о сдаче города (Разряды. С. 423—425). В начале царствования Бориса пожалован чином казначея, ко двору был приближен и его сын Михаил.

¹²⁴ Станиславский А. Л. Источники. С. 19.

¹²⁵ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 60 об., 369 об.; Эрм., л. 705 об. — К тому времени был престарелым и больным человеком.

¹²⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 562 об.; Разряды. С. 360.

¹²⁷ Там же, кн. 16, л. 91 об.

¹²⁸ Упоминается как окольничий 9 июня 1584 г., в апреле этого года он еще не имел данного чина (Лихачев Н. П. Сборник актов. С. 251, 265). Вероятно, получил окольничество по случаю венчания на царство Федора 31 мая 1584 г.

¹²⁹ См.: Флетчер Д. С. 36, 42; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 556.

¹³⁰ Стал казначеем в феврале 1585 г. (ДАИ. Т. I. С. 199). Он был первым казначеем, вторым являлся Д. И. Черемисинов.

¹³¹ Упоминается как стряпчий с ключом в июле 1588—декабре 1589 г. (Эрм., л. 718; РК 1550—1636. С. 61; АИ. Т. I. С. 426). В боярском списке 1588/89 г. над его именем стоит помета: «болен, умре» (Бс. Ч. I. С. 105).

¹³² При Федоре Ивановиче упоминается как ясельничий в 1588—1589 гг. (Бс. Ч. I. С. 106, 264; Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве : Приложения. Часть вторая. Одесса, 1912. С. 22; Эрм., л. 736; РК 1550—1636. С. 49).

¹³³ В 1588—1591 гг. (Бс. Ч. I. С. 106; Эрм., л. 735 об., 772), а также в начале царствования Бориса Годунова был ловчим.

¹³⁴ Служил в дьяческом чине до ноября 1588 г., но как думный дьяк при царе Федоре Ивановиче не упоминается (см. о нем: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 551).

¹³⁵ Эрм., л. 718. — По Ш, умер в 1588/89 г. (ДРВ. Ч. ХХ. С. 63). В кормовой книге Ярославского Спасского монастыря по кн. Б. П. Засекине «во иноцах Бого-лете» записаны два корма — 1 февраля и 24 июля (Вахромеев И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря: Дополнения. М., 1896. С 25, 34).

¹³⁶ С весны 1588 по 1594 г. упоминается на воеводстве на Ливнах без чина окольничего (Разряды. С. 392, 402, 406, 407, 430, 432, 433, 462—464, 472, 476, 482). В боярском списке 1588/89 г. он числится среди московских дворян с пометой: «На Ливне. Там быть. Как минетца крымское дело, отпустить в деревню...» (Бс. Ч. I. С. 126). Вновь появляется с чином окольничего в конце 1594 г. (Памятники сношений с Персией. Т. I. С. 287; Разряды. С. 493; РК 1550—1636. С. 115; Эрм., л. 830). В опалу в то время попали, очевидно, и некоторые другие представители Бутурлиных. Е. В. Бутурлин упомянут в боярском списке с пометой: «у пристава...» (Бс. Ч. I. С. 128).

¹³⁷ Список надгробий Троице-Сергиева монастыря, составленный в XVII в. М., 1846. С. 37.

¹³⁸ Согласно Новому летописцу, он был убит вместе с кн. И. Ю. Токмаковым под Ругодивом (ПСРЛ. Т. 14. С. 38). По данным разрядных книг, после шведского похода был воеводой в Ивангороде, назначен было вести переговоры со шведами, но его «не стало». 1 сентября (по другим книгам — 27 августа) 1590 г. на его место в Ивангород был послан воевода кн. М. Ф. Каширин (Разряды. С. 428, 433; Эрм., л., 741 об., 748 об.; РК 1559—1605. С. 260; Арх. I, л. 547 об.; Воронц. I, л. 520 об.).

¹³⁹ За царским столом 21 ноября 1589 г. они присутствуют среди дворян (Эрм., л. 735 об.), а в росписи похода на шведов от 14 декабря 1589 г. числятся уже как «дворяне в Думе» (Разряды. С. 414; Эрм., л. 736).

¹⁴⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, л. 157 об.; Эрм., л. 743 об.; Брк., л. 727.

¹⁴¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, л. 28 об.

¹⁴² *Масса И. С.* 45.

¹⁴³ Хотя на практике дьяки оказывали большое влияние на дела управления и с ними считались и искали дружбы родовитые князья и бояре, формально они не имели права принимать самостоятельные решения «без боярского приговора» (см., например: ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 530, л. 400 об.).

¹⁴⁴ В грамоте в Крым, посланной от Бориса Годунова, говорится: «...послал (на «съезд» с крымскими послами. — А. П.) окольничего своего и воеводу Семена Федоровича Сабурова-Годунова, брата моего...» (ЦГАДА, ф. 123, кн. 18, л. 129 об.). В 1588/89 г. Д. И. Годунов дал вклад на «поминование душ» «по Годуновых, и по Сабуровых, и по Вельяминовых» (ЦГАДА, ф. 281, № 5106 б.).

¹⁴⁵ Разряды. С. 363.

¹⁴⁶ *Веселовский С. Б.* Опричнина. С. 234—235; *Зимин А. А.* Формирование. С. 127.

¹⁴⁷ *Кобрин В. Б.* Состав. С. 178; *Мордовина С. П.*, *Станиславский А. Л.* Состав. С. 186—187.

¹⁴⁸ Разряды. С. 278.

¹⁴⁹ Позднее (в 1589 г.) кн. Г. А. Куракин (в роду князей Булгаковых он приходился «дедом» И. И. и А. И. Голицыным) в своей челобитной так объяснял это назначение Т. Р. Трубецкого выше И. И. Голицына: «В том ведает Бог да он государь, ево государева воля, то сделался нашео винюо, а отца твоего государя нашего опалою, что не доспел внука моего князя Ивана Голицына меньши князя Тимофея Трубецкого» (Временник ОИДР. М., 1852. Кн. 14. Материалы. С. 11).

¹⁵⁰ Разряды. С. 343.

¹⁵¹ Эрм., л. 680 об., 681, 714, 717 об., 721 об., 726 об., 759 об., 836, 861 об.; Разряды. С. 343, 400, 536—539.

¹⁵² Эрм., л. 836, 861 об.; Разряды. С. 537.

¹⁵³ Разряды. С. 375—376, 418.

¹⁵⁴ Там же. С. 459.

¹⁵⁵ *Белокуров С. А.* Разряды. С. 6. — Дочь Д. И. Хворостинина была женой С. С. Годунова. См.: *Корецкий В. И.*, *Соловьев Т. Б.*, *Станиславский А. Л.* Документы. С. 36; РК 1550—1636. С. 13. — В июне 1584 г. каргопольским наместником был кн. П. И. Хворостинин. См.: *Кобрин В. Б.* Состав. С. 81.

¹⁵⁶ Эрм., № 389, л. 632 об.; ПДС. Т. II. Стб. 141, 558.

¹⁵⁷ Эрм., л. 709, 718, 722, 791; ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 344.

¹⁵⁸ РИБ. Т. II. Стб. 316, 322.

¹⁵⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 43.

¹⁶⁰ *Кобрин В. Б.* Состав. С. 72.

¹⁶¹ РК 1598—1638. С. 66—67.

¹⁶² Происходили от старших ветвей рода, но в Дворовой тетради записаны не среди князей Ярославских, а среди ростовских детей боярских. Тем не менее фамилия эта довольно видная при дворе. Отец Федора Дмитриевича — Дмитрий Семенович Шестунов (умер в конце 50-х гг. XVI в.), дед — Семен Васильевич Шестунов и прадед — Василий Васильевич Шестун, все входили в Думу (см.: *Зимин А. А.* Состав. С. 68 и др.).

¹⁶³ Сб. РИО. Т. 129. С. 393.

¹⁶⁴ ЦГАДА, ф. 89, кн. 2, л. 475; ф. 79, кн. 17, л. 290.

¹⁶⁵ Эрм., л. 711 об., 714, 725, 727 об., 759, 813 об., 821 об.; Разряды. С. 436, 486; РК 1550—1636. С. 98, 115.

Глава 2

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ И ПРЕСТОЛ (1591—1598 гг.)

Победа в политической борьбе с 80-х гг. сделала Бориса Годунова могущественным правителем государства. Уже в 80-е гг. при живом царе он официально именуется «правителем» и «милостивцем великим», который «радеет» о всем государстве. Его власть не имела прецедентов в истории государства.¹ В 1591 г. в прибавление к пре-

жнему титулу «конюшего боярина и наместника Казанского и Астраханского» Годунов получил еще титул «слуги», который окончательно закрепил за ним положение правителя государства и поставил его над прочими боярами, «холопами государевыми».² Весьма важное значение для Бориса имело звание конюшего. В Московском государстве существовали представления о том, что в случае смерти бездетного царя власть должна перейти к конюшему боярину.³

В условиях кризиса старой династии, который явственно обозначился после гибели царевича Дмитрия в Угличе (1591 г.), и после смерти царевны Федосьи Федоровны (1594 г.) могущественный правитель государства, брат царицы Борис Годунов имел возможность в числе первых заявить о своих правах на власть и престол. Но не один Борис мог претендовать на высшую власть. На его пути становятся бывшие союзники Годуновых — бояре Романовы, имевшие тесные родственные связи с царской семьей. В отношении родства с династией Ивана Калиты Романовы имели перед Годуновым то преимущество, что сам царь Федор был их, романовской крови. После исследований С. Ф. Платонова можно считать установленным, что не Шуйские и иные князья, а бояре Романовы явились главными противниками Бориса Годунова в борьбе за царский престол в 1598 г. Соперничество между Годуновыми и Романовыми и составляло основное содержание политической борьбы 90-х гг. Вряд ли здесь имело место столкновение определенных направлений в политике, как в 80-е гг. Борьба свелась к соперничеству двух могущественных боярских кланов, связанных родством с царской династией, за власть в государстве.

Постепенно братья Никитичи Романовы «обживаются» при дворе и занимают места влиятельнейших членов Боярской думы. Если в апреле 1586 г. на приеме М. Гарабурды Ф. Н. Романов в списке бояр (всего 15 человек) упоминается одиннадцатым по счету, то в 1597 г. на приеме австрийского посла в списке бояр (16 человек) стоит уже на четвертом месте.⁴ Вокруг Ф. Н. Романова складывается весьма тесный кружок его родственников и сторонников в Думе. В 90-х гг. он усиливается в связи с пожалованием в бояре кн. Б. К. Черкасского, женатого на дочери Н. Р. Юрьева. Поражает высокая степень сплоченности и солидарности этого кружка. Во имя своей дружбы его представители готовы были жертвовать даже местнической честью рода и семьи. Так, за царским столом в июне 1593 г. И. В. Сицкий не стал сидеть «ниже» Ф. Д. Шестунова, но не местничался с ним.⁵ В 1598 г. Ф. А. Ноготков-Оболенский подал челобитную царю «во всех Оболенских князей место» на своего сородича кн. А. А. Репнина-Оболенского, который, «дружась» с Ф. Н. Романовым и И. В. Сицким, не был на последнего челом «в отечестве», чем наносил урон местнической чести рода Оболенских.⁶

О влиянии Романовых при дворе царя Федора свидетельствует тот факт, что за некоторыми царскими столами отдельно присутствовали бояре романовского круга.⁷ Любопытно, что к царскому столу 14 июня 1592 г. по случаю крещения царевны Феодосии, за которым сидели Годуновы, не были приглашены ни Ф. Н. Романов, ни его

сторонники.⁸ Видимо, уже тогда наметилось соперничество группировок Годуновых и Романовых.

Романовы и их родственники постоянно служили в Москве, находились при царском дворе. Исключение составляет лишь кратковременное пребывание на воеводстве в Казани в 1589 г. Ф. Д. Шестунова.⁹ В 1591 г. на воеводство в Астрахань был послан И. В. Сицкий, но не успел он доехать до Астрахани, как был возвращен в Москву.¹⁰ Вероятно, здесь сказалось влияние Романовых, которые не желали удаления из столицы своего сторонника. Особое положение Романовых при дворе отчетливо проявилось в местническом столкновении Ф. Н. Романова и И. В. Сицкого с прочими воеводами на «береговой» службе в апреле 1596 г. Родовитый князь Ф. А. Ноготков, назначенный в полки «ниже» Ф. Н. Романова, был челом «в отечестве» не только на Ф. Н. Романова, но и на его отца Никиту и дядю Данилу Романовичей Юрьевых. Царь, задетый этим покусительством на честь его родни, ответил Ноготкову выговором: «... и ты чево дядь моих Данила и Микиту мертвых бесчестишь?». За свое челобитье Ф. А. Ноготков угодил в тюрьму на пять дней. Правда, затем по разрядам было съскано, что кн. Ф. Ноготкову «не доведетца меньше быть боярина Федора Никитича Романова», но в следующей росписи воевод «на берегу» Ф. Н. Романов уже отсутствует, т. е. он не служил «ниже» Ноготкова. С Ф. Н. Романовым пытался местничаться также П. Н. Шереметев, а с И. В. Сицким — М. М. и М. Г. Салтыковы и кн. И. В. Гагин; все они получили отказ с угрозой «опалы и смертной казни».¹¹ Мы видим, что царь Федор весьма благоволил к своим родственникам Романовым. Могущественный правитель Б. Ф. Годунов не мог с ними открыто бороться при жизни царя Федора. Только после смерти Федора Ивановича конфликт вылился наружу. Но обе стороны заранее готовились к решительному столкновению.

Чтобы понять расстановку сил в верхах в момент избирательной борьбы 1598 г., рассмотрим подробнее состав Боярской думы 90-х гг. XVI в. В 1591—1598 гг. наблюдается довольно интенсивное изменение состава Думы. К апрелю 1591 г. были возвращены из ссылки и вновь появились в Думе бояре князья В. И. и Д. И. Шуйские.¹² В 1591 г. в столицу был возвращен оружничий и думный дворянин Б. Я. Бельский.¹³ 3 апреля 1591 г. чин окольничего получил Никита Иванович Очин Плещеев.¹⁴ 4 апреля того же года окольничим стал Семен Федорович Сабуров.¹⁵ 28 февраля 1591 г. умер думный дворянин Ф. А. Писемский.¹⁶ К апрелю 1592 г. боярином стал служилый князь Борис Канбулатович Черкасский.¹⁷ С весны 1592 г. окольничими упоминаются князья Иван Самсонович Туренин (сторонник Б. Ф. Годунова, принимавший участие в расправе с Шуйским в 80-х гг.)¹⁸ и Иван Васильевич Великого Гагин.¹⁹ К июню 1592 г. окольничим стал Я. М. Годунов.²⁰ 25 декабря 1592 г. чин боярина получил кн. Иван Иванович Голицын.²¹ Одновременно сходит со сцены другой представитель рода Булгаковых — кн. Г. А. Куракин.²² 8 июня 1593 г. окольничество получил Дмитрий Иванович Вельяминов Обиняков.²³ 15 июля 1593 г. чином окольничего был

пожалован кн. Андрей Иванович Хворостинин.²⁴ В том же году боярином из окольничих стал кн. Ф. И. Хворостинин.²⁵ К 1592/93 г. относится последнее упоминание в источниках о боярине кн. В. Ф. Скопине-Шуйском²⁶ и окольничем П. С. Лобанове-Ростовском.²⁷ В 1594 г. на воеводстве в Астрахани умер боярин кн. Ф. М. Троекуров.²⁸ В том же году выбыл окольничий Н. И. Очин Плещеев.²⁹ В июне 1594 г. был отставлен от должности главы Посольского приказа и сошел со сцены думный дьяк А. Я. Щелкалов.³⁰ Его отставка внешне не отразилась на карьере В. Я. Щелкалова, который занял место брата по руководству посольским ведомством. Осенью 1594 г. чин окольничего был возвращен И. М. Бутурлину.³¹ К 1595 г., вероятно, попал в опалу и лишился звания казначея И. В. Траханиотов.³² В мае 1595 г. подписал мирный договор со шведами окольничий И. С. Туренин, но далее о нем нет определенных известий.³³ Между 1595 и 1598 гг. постригся в монахи думный дворянин Р. М. Пивов.³⁴ К марта 1596 г. стал печатником думный посольский дьяк В. Я. Щелкалов.³⁵ К 22 мая 1597 г. относится первое упоминание с боярским чином князей Александра Ивановича Шуйского и Андрея Ивановича Голицына.³⁶ Несколько позже, но еще до вступления на престол Бориса, боярином стал кн. Иван Иванович Шуйский.³⁷ 17 декабря 1597 г. умер боярин и дворецкий Г. В. Годунов.³⁸ В начале 1598 г. (еще до воцарения Б. Ф. Годунова) в Астрахани подверглись опалам окольничий И. М. Бутурлин и казначей и думный дворянин Д. И. Черемисинов; они лишились думных чинов и оказались в Царицыне «в ряду за опалу».³⁹ В конце царствования Федора Ивановича думными дворянами стали князья Петр Иванович Буйносов и Василий Иванович Почой Белоголов Ростовские.⁴⁰

После сентября 1595 г. сходит со сцены думный дьяк Дружина Петелин, управлявший приказом Казанского дворца.⁴¹ К маю 1597 г. думным дьяком стал Иван Алексеевич Нармацкий, заведовавший Новой четвертью.⁴²

Некоторые перемены в 90-е гг. произошли в составе дворцовых чинов. Сокольничим стал Иван Алексеевич Жеребцов,⁴³ стряпчим с ключом — Кузьма Осипович Безобразов.⁴⁴ В 1593 г. кравчим упоминается кн. Андрей Андреевич Телятевский⁴⁵ (наряду с А. Н. Романовым, «кравчим в Думе»), а в июле 1597 г. упоминается второй кравчий (после А. Романова) кн. Данила Иванович Мезецкий.⁴⁶ В 1590-х гг. ясельничим стал Михаил Игнатьевич Татищев.⁴⁷

Ко времени вступления на престол Бориса Годунова (к февралю 1598 г.) в Думу входили: бояре князья Ф. И. Мстиславский, В. И., Д. И., А. И. и И. И. Шуйские, И. М. Глинский, И. И. и А. И. Голицыны, Ф. М., Н. Р. и Т. Р. Трубецкие, а также Д. И., Б. Ф., С. В. и И. В. Годуновы, Ф. Н. Романов, кн. И. В. Сицкий, кн. Ф. Д. Шестунов, кн. Б. К. Черкасский, Б. Ю. Сабуров, кн. Ф. И. Хворостинин; окольничие Я. М. Годунов, Д. И. Вельяминов, С. Ф. Сабуров, кн. И. В. Гагин, М. Г. Салтыков, А. П. Клешнин, кн. А. И. Хворостинин;⁴⁸ думные дворяне И. П. Татищев, Е. Л. Ржевский, кн. П. И. Буйносов, кн. В. И. Почой-Ростовский, Б. Я. Бельский (оружничий и думный дворянин); кравчий в Думе А. Н. Рома-

нов; думные дьяки В. Я. Щелкалов (печатник и посольский дьяк), Е. Д. Вылугин (дьяк Поместного приказа), С. Т. Аврамов (дьяк Разрядного приказа), И. А. Нармацкий.

Таким образом, Дума состояла приблизительно из 40 человек. Численно она изменилась ненамного. Однако за период с 1584 по 1598 г. произошли существенные перемены в социальном составе этого высшего правительственного органа. Если в конце царствования Ивана IV около четверти всего состава Боярской думы приходилось на худородных думных дворян (а в «дворовой» части Думы Ивана IV эта группа насчитывала около половины состава), то в конце царствования Федора Ивановича решительное преобладание получили здесь представители виднейших княжеских и старомосковских боярских родов. Почти вдвое сократилась «курия» думных дворян, несколько изменился и их социальный состав. К 1598 г. думными дворянами были родословные князья, такие как П. И. Буйнович и В. И. Почой Ростовские. Более половины всех бояр принадлежало к первостепенным княжеским фамилиям — Мстиславский, Шуйские, Глинский, Голицыны, Трубецкие и Черкасский; все они исключительно высоко стояли в служебно-местническом отношении. Но эти «княжата» не представляли собой единой и влиятельной группировки, способной самостоятельно выступить в борьбе за царский престол. Некоторые из них — князья Трубецкие⁴⁹ и Глинский — держались партии Годуновых, а кн. Б. К. Черкасский примикал к романовской группировке. Не был яркой политической фигурой «первый» думный боярин кн. Ф. И. Мстиславский. Молодые князья Голицыны только начали в 90-х гг. входить в Думу и набирать политический вес.

Как и в первый год царствования Федора Ивановича, в 1598 г. в Думе находилось четверо представителей князей Шуйских. Но репрессии 80-х гг. значительно подорвали влияние этой фамилии в государстве. Отставка митрополита Дионисия, смена руководства церкви лишили Шуйских их прежней опоры в среде духовенства. Решительная расправа Бориса над посадскими людьми, поддерживавшими Шуйских в 1586 г., проводимая им политика «посадского строения», помочь правителю пострадавшим от московского пожара в 1591 г. существенно нарушила прежние связи Шуйских с торгово-ремесленным населением столицы. Опалы 80-х гг. ослабили позиции Шуйских в Думе и дворе. Показателен тот факт, что и после возвращения Шуйских в Москву в 1591 г. их сторонники — Головины, Колычевы и другие — продолжали находиться в ссылках в отдаленных городах. В удалении от царского двора вплоть до прихода Лжедмитрия был их союзник по борьбе кн. И. М. Воротынский. Ослабленные в результате поражения в 80-х гг., Шуйские не имели достаточных сил, чтобы принять активное и самостоятельное участие в борьбе за власть в 1598 г. По-видимому, не случайно они не фигурируют в источниках в числе кандидатов на царский престол после смерти царя Федора.

То обстоятельство, что родовая княжеская знать не смогла выступать как активная сила в обстановке междуцарствия 1598 г.,

явилось одним из важных результатов политической борьбы 80—90-х гг.

Выше говорилось об исключительно высоком положении Романовых и их сторонников при дворе царя Федора. Но реальная их роль в управлении государством не шла ни в какое сравнение с той ролью, которую играли Годуновы. Б. Ф. Годунов захватил в свои руки все нити внешнеполитических сношений, но он не узурпировал свое право на самостоятельные сношения с иностранными государствами, а получил его в конце 80-х гг. с санкции всей Боярской думы.⁵⁰ Влиятельнейшие при дворе царя Федора бояре Ф. И. Мстиславский и Ф. Н. Романов на переговорах с польскими послами не могли принять решения без Б. Ф. Годунова.⁵¹ Как отметил В. И. Савва, посольские дьяки в конце XVI в. докладывали по делам своего приказа уже не государю лично, как ранее, а боярам (и прежде всего правителю Б. Ф. Годунову), а уже те доносили царю.⁵² Умаление роли посольских дьяков во внешнеполитических сношениях было, видимо, одной из причин охлаждения взаимоотношений между Годуновыми и дьяком А. Я. Щелкаловым, приведшего к отставке последнего в 1594 г. Несомненно, Борис Годунов играл первостепенную роль и во внутреннем управлении. Не только в официальных прогодуновских документах конца XVI в., но и в позднейших источниках центральной правительственныйной фигурой при царе Федоре называется Б. Ф. Годунов, а отнюдь не Ф. Н. Романов. Роль Романовых при дворе была, скорее, почетной, «придворной». Почти все упоминания в разрядах о Ф. Н. Романове сводятся к его присутствию на званых царских обедах. Когда Б. Ф. Годунова чествовали как победителя татар в 1591 г., Ф. Н. Романову была отведена скромная роль — преподнести Борису кубок и «сказать» ему звание «слуги».⁵³ Лишь один раз при царе Федоре Ф. Н. Романов был назначен в полки воеводой — это упомянутая «береговая» служба весной 1596 г. На Ф. Н. Романова и И. В. Сицкого посыпался тогда целый град членов «о местах» со стороны Ф. А. Ноготкова, П. Н. Шереметева, М. М. и М. Г. Салтыковых и И. В. Гагина. Царь Федор Иванович ответил всем членам ополчения опалой и посажал их в тюрьмы. Естественно, ни Ноготков, ни Шереметев, ни Салтыковы и Гагин не были довольны засилием Романовых и их сторонников при дворе. Достаточно сказать, что М. Г. Салтыков выступил позднее одним из активных участников расправы над Романовыми. Салтыковы в 1598/99 г. добились возобновления своего местнического спора с И. В. Сицким.⁵⁴ Окольничий И. В. Гагин проявил себя позднее как приверженец Годунова, и ему было доверено в марте 1598 г. приводить к крестному целованию на имя царя Бориса Псков и пригороды.⁵⁵ Кн. Ф. А. Ноготков проявил настойчивость и добился в 1600 г. признания своего старшинства перед родом Романовых.

Бояре романовского кружка участвовали в работе административного аппарата — приказов. Кн. И. В. Сицкий в течение 10 лет возглавлял важнейшее финансовое ведомство — Большой приход, а кн. Ф. Д. Шестунов, по-видимому, несколько лет руководил деятельностью Пушкарского приказа.⁵⁶ Зато Годуновы стояли во главе

важнейших дворцовых приказов — Конюшенного и Большого дворца. И. В. Годунов в 80—90-е гг. был руководителем Стрелецкого приказа.⁵⁷ Сторонниками Годуновых были дьяк Поместного приказа Е. Д. Вылуггин,⁵⁸ а также, вероятно, разрядный дьяк С. Т. Аврамов.⁵⁹ Положение правителя государства давало возможность Борису Годунову контролировать деятельность приказов. Есть указание и на прямое вмешательство Годуновых в дела Разряда. В записи одного местнического разбирательства (май 1588 г.) читаем: «... а те разряды велели писать Борис да Иван Годуновы».⁶⁰ От правителя государства Б. Ф. Годунова в значительной мере исходила инициатива назначений на службу, пожалований чинами, поместьями и вотчинами. Многие бояре были обязаны Борису своим служебным возвышением. Примером может служить описанная выше служебно-местническая карьера князей Трубецких и Хворостининых. Обладание реальной властью в государстве давало Б. Ф. Годунову, таким образом, существенные преимущества перед его политическими противниками.

К началу предвыборной борьбы 1598 г. почти половина всех бояр были явными сторонниками Годунова (его дядя Дмитрий Иванович и троюродные братья С. В. и И. В. Годуновы, князья Ф. М., Н. Р. и Т. Р. Трубецкие, кн. И. М. Глинский, Б. Ю. Сабуров, кн. Ф. И. Хворостинин). Прогодуновским в основном был состав окольничих (Я. М. Годунов, С. Ф. Сабуров, Д. И. Вельяминов, А. П. Клешнин, кн. А. И. Хворостинин, кн. И. В. Гагин и, возможно, М. Г. Салтыков). Борис мог получить поддержку и в среде думных дворян, состав которых с 1584 г. изменился. Его сторонниками были И. П. Татищев, кн. П. И. Буйносов-Ростовский⁶¹ и, вероятно, Е. Л. Ржевский.⁶²

Мы наблюдаем, таким образом, весьма сильные позиции сторонников Бориса Годунова в Боярской думе накануне царского избрания. Группировка его противников — Романовых — в Думе была сравнительно немногочисленной (бояре Ф. Н. Романов, И. В. Сицкий, Ф. Д. Шестунов и Б. К. Черкасский, кравчий А. Н. Романов). Сочувствовали Романовым, по-видимому, князья И. И. и А. И. Голицыны, чья сестра была замужем за А. Н. Романовым.⁶³ В самом конце XVI в. с Романовыми сблизился оружничий Б. Я. Бельский. В годы правления Бориса этот некогда крупный политический деятель оказался на вторых ролях.⁶⁴ Не имея своей особой партии в Боярской думе (почти все его соратники по «дворцовой» службе к 1598 г. выбыли из ее состава), он вынужден был пойти на сближение с Романовыми. Согласно сообщению А. Сапеги, после соборного избрания на трон Бориса Годунова (вероятно, в апреле 1598 г.) Бельский и Романовы составили заговор с целью передачи престола Симеону Бекбулатовичу.⁶⁵

Никаких надежных показаний о выступлениях против Годунова князей Мстиславского и Шуйских в 90-х гг. мы не имеем.⁶⁶ Напротив, как сообщает А. Сапега, в разгар избирательной борьбы один из Шуйских, «шурин Годунова» (имеется в виду, очевидно, Д. И. Шуйский, свояк Бориса), «мирит его со всеми остальными (боярами). —

А. П.)».⁶⁷ С Годуновыми был породнен также А. И. Шуйский, за которым была замужем дочь боярина и дворецкого Г. В. Годунова.⁶⁸ Ни Шуйских, ни Мстиславского мы не встречаем среди участников упомянутого заговора в пользу Симеона Бекбулатовича. В обстановке междуцарствия (с момента смерти Федора Ивановича 7 января до избрания Бориса Годунова на земском соборе 21 февраля) глава Боярской думы Ф. И. Мстиславский признает законной власть прогодуновски настроенного патриарха Иова и царицы Ирины (иноки Александры) Годуновой. В январе 1598 г. «по государыни царицы и великой княгини Александры Федоровны всея Русии указу бояре князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи» уведомляли патриарха Иова о происшедших во Пскове и Смоленске местнических столкновениях между воеводами.⁶⁹ Об отсутствии открытого противодействия Годунову со стороны Шуйских и Мстиславского косвенно говорит тот факт, что в годы царствования Бориса они не подверглись, как Романовы и Бельский, сколько-нибудь видимым опалам.

К 1598 г. Шуйские только начинают оправляться от разгрома в 80-х гг. и не могли рискнуть на выступление против могущественного правителя, на стороне которого находились реальная власть и сила. Годунова поддерживали патриарх Иов и в целом церковные власти, обязанные ему усилением позиций русской церкви и своими чинами в связи с учреждением в 1589 г. патриаршества.⁷⁰ Длительное правление государством обеспечило Годунову поддержку со стороны дьяческого аппарата. Иван Тимофеев указывает, что дьяки привыкли беспрекословно повиноваться правителю.⁷¹ Б. Ф. Годунов обеспечил себе военную власть в столице. Источники единодушно говорят о поддержке Бориса стрельцами в 1598 г. Верной опорой правителя были командиры (головы) всех пяти московских стрелецких полков («приказов»).⁷² Годуновы являлись обладателями огромных богатств. При царе Федоре Б. Ф. Годунову было пожаловано весьма доходное кормление — Важская земля. Согласно Флетчеру, Борис получал со своих обширных кормлений, поместий и вотчин ежегодный доход в размере 93 700 руб.⁷³ Видимо, данные эти преувеличены, но несомненно, что Б. Ф. Годунов являлся богатейшим человеком своего времени.

К числу весьма крупных землевладельцев принадлежали дядя Бориса Дмитрий Иванович, а также С. В., Г. В. и И. В. Годуновы. Об исключительных богатствах Годуновых свидетельствуют их обильные вклады (тысячи рублей) в Троице-Сергиев, Костромской, Ипатьевский, Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоколамский и другие монастыри.⁷⁴ Располагая огромным состоянием, Годуновы могли привлекать на свою сторону «братью» крупнейших монастырей и успешно вести агитацию среди населения столицы. Противники Годуновых — Романовы — не обладали столь крупными богатствами. Мы не наблюдаем сколько-нибудь значительных их вкладов в монастыри. Показательно, что в конце XVI в. Романовы не сделали ни одного вклада в крупнейший Троице-Сергиев монастырь.

Реальная власть в государстве была в руках Годуновых, что вынуждало колеблющихся бояр признать ее.

Таким образом, накануне царского избрания Борис Годунов имел вопреки традиционному мнению весьма прочные позиции в Боярской думе. Существующая в литературе точка зрения о противодействии боярской знати избранию Бориса Годунова⁷⁵ основана преимущественно на свидетельствах иностранных донесений 1598 г. Рассмотрим их подробнее. Некий немецкий агент писал из Пскова 18 февраля 1598 г., что «в последние две недели в Москве из-за этого нового царствования возникла великая смута. Важнейшие (из русских) не хотят признавать Годунова великим князем».⁷⁶ Более определенно высказывается в своих письмах к Х. Радзивиллу оршанский староста А. Сапега. Во всех трех своих посланиях (письма из Орши датированы 4, 15 и 23 февраля 1598 г.) Сапега настойчиво повторяет, что знать, «старшие бояре», склонялась на сторону Ф. Н. Романова как «ближайшего родственника великого князя», тогда как за Годунова стояли лишь «меньшие бояре», а также стрельцы и «чернь».⁷⁷ Следует, однако, отметить, что письма А. Сапеги — источник далеко не беспристрастный. Явно от «доброжелателей» Романовых исходила информация Сапеги о передаче царем Федором престола в руки Ф. Н. Романова мимо Годунова, которому умирающий царь якобы отказал в праве на престол по причине его «подлого» происхождения. Эта версия совершенно не соответствует действительности. Даже в позднейшем проромановском Новом летописце нет никаких намеков на передачу умирающим царем Федором престола Романову.⁷⁸ Полон нелепостей и рассказ Сапеги о том, что царь Федор вверил Ф. Н. Романову попечение своего наследника, который должен был вскоре родиться (царица Ирина якобы была беременна). Действительно, даже если бы у царя родился сын (слух о беременности царицы отвергает сам Сапега в своем следующем письме), то он был бы годуновской крови и его попечителем должен был бы стать прежде всего Борис Годунов, брат царицы. Все послания А. Сапеги пронизаны сочувствием к Романовым, и, напротив, их автор всячески чернит Годунова, обвиняя его в гибели царевича Дмитрия и т. д. Можно сделать и второе замечание относительно писем А. Сапеги как источника. В условиях междуцарствия, когда границы государства были прочно перекрыты, иностранцам весьма трудно было получить известия из России вообще, а тем более из столицы. На это сетует сам Сапега.⁷⁹ Видимо, дальше ближайшего к границе Смоленска шпионы оршанского старосты проникнуть не могли. Сапега ссылается на смоленских купцов, но не говорит о сведениях, полученных прямо из столицы. Можно допустить, что часть информации Сапеги могла исходить от некоторых враждебно настроенных к Годунову представителей смоленской администрации. В то время в Смоленске воеводствовал кн. В. В. Голицын. Как раз в начале 1598 г. он решительно проиграл местнический спор с Т. Р. Трубецким, именно в это время было окончательно признано «старшинство» младшего из Трубецких над старшим из Голицыных — И. И. Голицыным.⁸⁰ Голицыны не могли питать симпатии к Борису, кроме того,

они были связаны родством с Романовыми. В начале 1598 г. на воеводстве во Пскове (откуда писал свое послание упомянутый агент немецкого происхождения) находился кн. А. И. Голицын.⁸¹

Таким образом, ни донесение немецкого агента из Пскова, ни письма А. Сапеги не могут служить вполне надежным источником для характеристики политической обстановки в правящих верхах в 1598 г.

Нельзя не упомянуть еще об одном современном событии источнике — донесении австрийского гонца М. Шиля, бывшего в России в 1598 г. М. Шиль сообщает, в частности, что по прошествии траура по царю Федору (имеются в виду сорочины по усопшем царе, которые приходились на 17 февраля, тогда же начал свои заседания и земский собор) «великий канцлер Василий Яковлевич Щелкалов предложил ему (народу. — А. П.), что так как царь Федор Иванович умер. . . то пусть они присягнут и поклянутся ныне в верности князьям и боярам (т. е. Боярской думе. — А. П.)», но народ «наотрез отказался присягать и клясться в верности князьям и боярам» и выразил готовность присягнуть только брату царицы Борису Годунову.⁸² Интерпретируя это сообщение, Р. Г. Скрынников полагает, что в 1598 г. в столице образовались две власти — Боярская дума, руководство которой не желало признавать власть Годунова, и прогодуновский земский собор (который не был полноценным собором, так как в его работе не участвовала Боярская дума) — и лишь к началу Серпуховского похода (в апреле—начале мая) руководство Думы было вынуждено капитулировать перед Борисом.⁸³ С этим трудно согласиться. Согласно показаниям различных источников, Борис Годунов сразу же после своего «наречения» на царство 21 февраля управлял страной как законный и полновластный государь, власть которого распространялась в том числе и на бояр и воевод. В марте от его имени выносятся решения по местническим спорам между представителями знати, пишутся грамоты на места.⁸⁴ По крайней мере к 16—17 марта власть Бориса признал сам инициатор передачи власти боярам дьяк В. Я. Щелкалов, он вел переговоры с датскими послами и тогда же вручил им «ответное извещение», в котором история воцарения Б. Ф. Годунова излагается совершенно в духе прогодуновской документации.⁸⁵ В целом у нас нет достаточных оснований сомневаться в законности избрания Бориса «правильно составленным» (терминология В. О. Ключевского) собором.⁸⁶ Даже враждебно настроенные к Годунову авторы позднейших летописей и сказаний (за исключением написанного в духе памфлета Иного сказания) не высказывали сомнений в самой законности вступления на престол Бориса Годунова. Напротив, «правильное» избрание Бориса противопоставлялось избранию царя Василия Шуйского, воцарившегося «без совета со всею землею».⁸⁷

Итак, мнение о враждебности к Борису Годунову боярской знати в целом, о прямой конфронтации правителя с аристократией в момент царского избрания нельзя признать вполне обоснованным. Длительное правление государством позволило Годунову заручиться

поддержкой различных слоев русского общества, в том числе и значительной части членов Боярской думы. Это и обеспечило его успех в избирательной борьбе 1598 г.

Примечания

¹ См. подробнее: Платонов С. Ф. Очерки. С. 193—199.

² На связь титула «слуги» с понятием «служилый князь» обратил внимание А. А. Зимин (Зимин А. А. В канун. С. 180—181). Но звание «слуги» было выше «служилого князя» и считалось особо почетным (о разъяснении значения титула «слуги» за рубежом см.: Антилогоев Г. Н. Новые документы. С. 77—78).

³ См.: Скрынников Р. Г. Россия. С. 22.

⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 98 об.; ПДС. Т. II. Стб. 486, 487. — В подобных списках бояре расположены не столько по местническому «старшинству», сколько, по-видимому, в соответствии с их реальным весом при дворе. Так, И. П. Шуйский стоит в первече бояр 1586 г. раньше кн. Андрея Шуйского, хотя по местнической «арифметике» он считался ниже его (см.: Эрм., л. 548 об.). Годуновы несомненно уступали в местническом отношении Шуйским и Трубецким, тем не менее записываются впереди представителей этих родов.

⁵ Эрм., л. 812 об.

⁶ РК 1598—1638. С. 66—67.

⁷ Эрм., л. 782, 803.

⁸ Там же, л. 799 об.

⁹ Там же, л. 727 об.

¹⁰ Там же, л. 759; см. также: АИ. Т. I. С. 436 и след.

¹¹ Разряды. С. 498—499; Эрм., л. 835—836.

¹² Боярин Д. И. Шуйский уже 4 апреля 1591 г. сидел за царским столом (Эрм., л. 758; Арх. I, л. 557; Воронц. I, л. 529). Боярин В. И. Шуйский в мае этого года расследовал дело о смерти царевича Дмитрия в Угличе.

¹³ Эрм., л. 766, 772.

¹⁴ Там же, л. 758.

¹⁵ Там же, л. 758 об.

¹⁶ Горский А. В. Историческое описание Св. Троицкой лавры. М., 1890. Ч. I. С. 112.

¹⁷ Разряды. С. 462—463; Эрм., л. 794.

¹⁸ Разряды. С. 462—464; Эрм., л. 789, 794, 796 об.

¹⁹ Разряды. С. 465, 466; Эрм., л. 795 об.—796. — В сентябре 1591 г. еще не был окольничим (Разряды. С. 459—461).

²⁰ Эрм., л. 799 об.; РК 1559—1605. С. 293.

²¹ Эрм., л. 799 об.; РК 1559—1605. С. 280.

²² Эрм., л. 804; РК 1559—1605. С. 293.

²³ Последнее упоминание о нем относится к 1591/92 г. (Разряды. С. 468). По Ш, умер в 1594/95 г. (ДРВ. Ч. XX. С. 65). В синодике Троице-Сергиева монастыря под 7106 (1597/98) г. записано: «князя Григория Куракин» (ААН СССР, ф. 620, № 153, л. 128).

²⁴ Эрм., л. 812 об.; Погод. II, 1524, л. 931; Эрм., № 389, л. 629 об.; Арх. I, л. 582 (здесь — 8 августа).

²⁵ Эрм., л. 807 об.

²⁶ Там же, л. 804 об.; ЦГАДА, ф. 123, кн. 18, л. 257 об. — В феврале 1593 г. он упоминается еще как окольничий (Разряды. С. 476).

²⁷ Эрм., л. 814 об.

²⁸ Там же, л. 807; Разряды. С. 476. По Ш, умер в 1594/95 г. (ДРВ. Ч. XX. С. 65).

²⁹ Разряды. С. 486; Эрм., л. 821 об. — Осенью 1594 г. на его место в Астрахань был послан И. М. Бутурлин (РК 1550—1636. С. 115). В Ш его смерть неверно датируется 1596/97 г. (ДРВ. Ч. XX. С. 66).

³⁰ 14 марта 1594 г. он сделал крупный вклад в Троице-Сергиев монастырь (Троицкая вкладная. Л. 58). В Синодике того же монастыря под 7102 (1594) г. записано: «Инока Никандра. Микита Очин» (ОР ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 27). Последний раз упоминается в разрядах 6 апреля 1593 г. (Эрм., л. 808 и об.).

³⁰ Последний раз упоминается на Посольском дворе 17 июня 1594 г., а 30 июня того же года там был уже В. Я. Щелкалов (*Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 106—107; ЦГАДА, ф. 123, кн. 23, л. 318—325 об.*). С 1594 г. А. Я. Щелкалов отошел от государственных дел. Умер около 1597 г. Имя инона Феодосия (Андрея Щелкалова) записано в синодике Троице-Сергиева монастыря около 7105 (1596/97) г. (ОР ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 27 об.). Иноческое имя А. Я. Щелкалова действительно было Феодосий (ОР ГПБ, Кир.-Бел., № 78/1316, л. 399 об.). В 7106 (1597/98) г. В. Я. Щелкалов сделал по брате Андрею вклад в Переяславский Федоровский монастырь (Архив ЛОИИ СССР, кол. 115, № 170, л. 15).

³¹ ПДС. Т. 1. С. 287; Разряды. С. 493.

³² Упоминается на Лозве (в Сибири) в 1594/95—1598 гг. без чина казначея (Эрм., л. 823 об., 841; Разряды. С. 506, 515; РИБ. Т. II. Стб. 126, 149—150; Чтения ОИДР. 1909. Кн. II. Смесь. С. 5). В боярском списке 1598/99 г. значится как дворянин московский, то же — в утвержденной грамоте об избрании Б. Ф. Годунова на престол (Бс. Ч. 1. С. 184; ААЭ. Т. 2. С. 43, 49). В 1591/92 г. был послом в Крыму, упоминается как казначай (Опись 1626 г. Ч. 1. С. 223; РК 1550—1636. С. 100). Постригся 18 марта 1604 г. (*Белокуров С. А. Сношения с Кавказом. С. 407*).

³³ В 1595 г. он стоял во главе русского посольства, заключившего в мае этого года в Тявзине мир со Швецией (Опись 1626 г. Ч. 1. С. 167). В разрядах посольство И. С. Турина и А. М. Пушкина в Ивангород «для встречи» со шведскими послами ошибочно отнесено к 1596/97 г. (Эрм., л. 845).

³⁴ Кобрин В. Б. Состав. С. 56.

³⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. С. 149; ЦГАДА, ф. 123, кн. 21, л. 569 об. — 16 февраля 1596 г. он еще не был печатником (ЦГАДА, ф. 123, кн. 21, л. 545). В некоторых списках разрядных книг в мае 1591 г. казначаем и печатником называется Д. И. Черемисинов (Эрм., л. 761 об.; Воронц. I, л. 531).

³⁶ ПДС. Т. II. С. 486 (прием австрийского посла А. Бургграфа).

³⁷ На церемонии приема А. Бургграфа 22 мая 1597 г. он значится еще как московский дворянин (ПДС. Т. II. С. 487). Но уже в апрельской росписи 1598 г. похода на татар (т. е. еще до венчания на царство Бориса, когда царь Борис раздавал думные чины) И. И. Шуйский упоминается как боярин (Разряды. С. 521, 527).

³⁸ 23 декабря 1597 г. состоялись его похороны в Костромском Ипатьевском монастыре (Вкладная книга Костромского Ипатьевского м-ря // ААН СССР. ф. 620 (С. Б. Веселовский), оп. 1, № 163, л. 39). В кормовой книге Псково-Печерского монастыря корм на его преставление относится к 17 декабря (Летопись ИРО. 1914. Вып. 1—2. С. 32).

³⁹ Эрм., л. 860 об., 892 и об.; № 389, л. 656 об.; РК 1559—1605. С. 132—133; РК 1598—1638. С. 85—86. — Еще в ноябре 1597 и январе 1598 г. окольничий И. М. Бутурлин и казначай Д. И. Черемисиновы были воеводами в Астрахани (Памятники сношений с Персией. Т. 1. С. 419). В 1600 г. И. М. Бутурлин и Д. И. Черемисинов вновь появляются в Думе (Эрм., л. 910 об., 915 об.), но последний при Борисе Годунове лишился звания казначея.

⁴⁰ По Ш, пожалованы в думные дворяне при Федоре Ивановиче в 7106 (1597/98) г. (ДРВ. Ч. ХХ. С. 67). В одной разрядной книге записано под 7103 (1594/95) г.: «Того же лета велели государь быть в думных дворянах князю Петру Ивановичу Буйносову-Ростовскому и сидеть с бояры» (РК 1550—1636. С. 118). В «государевых разрядах» П. И. Буйносов упомянут как думный дворянин 15 марта 1597 г. (Разряды. с. 515). Но в апреле 1597 г. П. И. Буйносов значится без думного чина в Казани (Памятники сношений с Персией. Т. 1. С. 339). 22 мая 1597 г. на приеме австрийского посла князь П. И. Буйносов и В. И. Ростовский числятся как дворяне московские (ПДС. Т. II. С. 487), но они упомянуты как думные дворяне в росписи Серпуховского похода 1598 г., еще до венчания Б. Ф. Годунова на царство (Эрм., л. 878, 879; РК 1598—1638. С. 43; РК 1550—1636. С. 149; РИС. Т. V. С. 122). П. И. Буйносов фигурирует как думный дворянин в утвержденной грамоте об избрании Б. Ф. Годунова на царство (ААЭ. Т. 2. С. 43).

⁴¹ Памятники сношений с Персией. Т. 1. С. 303—307.

⁴² ПДС. Т. II. С. 487.

⁴³ Упоминается как сокольничий с марта 1597 г. (Разряды. С. 515; см. также: ПДС. Т. II. С. 488). В январе 1585 г. сокольничим был Яков Наумов (ДАИ. Т. 1. С. 196). Некоторое время должность сокольничего, видимо, была вакантной — ни

в боярском списке 1588/89 г., ни в росписи похода на шведов 1589/90 г. сокольничие не упоминаются.

⁴⁴ Впервые упоминается как стряпчий с ключом в мае 1597 г. (ПДС. Т. II. С. 487). Носил этот чин и при царе Борисе Годунове, Лжедмитрии и Василии Шуйском, а к 1610 г. стал постельничим (ААЭ. Т. 2. С. 43; Бс. Ч. I. С. 247; ч. 2. С. 26; Белокуров С. А. Разряды. С. 223).

⁴⁵ Зимин А. А. В канун. С. 199.

⁴⁶ ПДС. Т. II. С. 578—579; Эрм., л. 863. — В росписи Серпуховского похода 1598 г. и в утвержденной грамоте он значится как стольник (РК 1598—1638. С. 31; ААЭ. Т. 2. С. 46). В августе 1599 и августе 1600 г. был кравчим (РК 1559—1605. С. 325; Эрм., л. 964), в 1603—1604 гг. — стольник (РК 1559—1605. С. 352; Эрм., л. 977). Очевидно, периодически исполнял должность кравчего. В декабре 1589 г. кравчим упоминается Н. Ф. Сабуров (Эрм., л. 736).

⁴⁷ По Ш. ясельничий с 1595/96 г. (ДРВ. Ч. XX. С. 66). Ясельничий в апрельской росписи Серпуховского похода 1598 г. (Разряды. С. 521, 528).

⁴⁸ На время из Думы выбыли окольничий И. М. Бутурлин и думный дворянин Д. И. Черемисинов. Возможно, к началу 1598 г. в Думу входил боярин кн. А. П. Куракин (см. о нем выше, гл. 1-я, примеч. 34).

⁴⁹ Хотя между Борисом Годуновым и Ф. М. Трубецким произошла в 1592 г. какая-то «рознь» на службе (см.: ПСРЛ. Т. 14. С. 45; Васенко П. Г. Заметки к Лахтинской степенной книге // Сб. ОРЯС. Т. 72. № 2. С. 66—67), это не отразилось на карьере Трубецких и не повлияло на их дальнейшие союзнические отношения с Годуновыми.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. 123, кн. 18, л. 13 об.

⁵¹ Там же, ф. 79, кн. 22, л. 359 об.—360.

⁵² Савва В. И. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в.: Справочник. М., 1983. С. 229—230.

⁵³ Эрм., л. 776.

⁵⁴ РК 1550—1636. С. 172; РИС. Т. V. С. 207—315.

⁵⁵ Эрм., л. 892 об.

⁵⁶ В январе 1589 и весной 1593 г. распоряжался о выдаче служилым людям пищалей и «зелья» (ЦГАДА, ф. 141, 1582 г., № 2, л. 3; 1593 г., № 1, л. 69).

⁵⁷ См.: Павлов А. П. Приказы. С. 197.

⁵⁸ В 1591 г. он входил в состав Угличской следственной комиссии, а при царе Борисе принимал активное участие в розыске по делу Романовых (СГГ и Д. Ч. II. С. 103—121; АИ. Т. 2. С. 35—46). Часто назначался для переговоров с иностранными послами (Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. С. 399—401).

⁵⁹ В конце XVI в. он получил часть поместья опального А. И. Шуйского в Вяземском у. (ПКМГ. Ч. I. Отд. I. С. 643—646). Имел связи с видными политическими деятелями конца XVI в. — А. П. Клешнином и А. Я. Щелкаловым (втроем они сделали вклад в Антониев-Сийский монастырь. См.: Чтения ОИДР. 1917. Кн. 2. С. 9).

⁶⁰ Эрм., л. 715.

⁶¹ В марте 1598 г. приводил «ко кресту» на верность Борису Новгород (Эрм., л. 892 об.). Пользовался доверием при дворе царя Бориса.

⁶² В 1587 г. он дважды отправлялся посланником в Польшу с важными поручениями, упоминается как «ближний дворянин» (ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 316; кн. 18, л. 412; кн. 19, л. 5). В ноябре 1590 г. был послан с поручением на литовский двор к послу С. Радзиминскому (там же, кн. 20, л. 394), в одной разрядной книге упоминается по этому случаю как думный дворянин и оружничий (Арх. I, л. 550).

⁶³ Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. С. III. — При царе Борисе они испытали на себе царскую немилость — И. И. Голицын в 1600/01 г. был отправлен в «почетную ссылку» (на воеводство) в Казань, а его брат А. И. Голицын принял пострижение в монахи.

⁶⁴ Не упоминается ни за царскими столами, ни на переговорах с иностранными послами. Мы не наблюдаем сколько-нибудь активной службы Б. Я. Бельского в 90-х гг. В 1591 г. он числился в составе государева полка в походе на татар, в декабре этого года был воеводой «у наряда» (артиллерии) в походе на шведов, в 1592/93 г. послан на Ливны «на размену» с крымскими послами, в 1594 и 1596 гг. «дозирал» засеки «на украине» (Эрм., л. 766, 772, 783 об., 804, 820 об., 837 об.).

⁶⁵ Русский архив. 1910. № 11. С. 345.

⁶⁶ Утверждение Нового летописца: «Князи же Шуйские едины, ево (т. е. Бориса — А. П.) не хотяху на царство» (ПСРЛ. Т. 14. С. 50), — как показал С. Ф. Платонов, явно тенденциозно и не внушиает доверия (*Платонов С. Ф. Очерки. С. 217*; см. также: *Скрыников Р. Г. Россия. С. 129*; *Зимин А. А. В канун. С. 220*).

⁶⁷ Русский архив. 1910. № 11. С. 341.

⁶⁸ РИБ. Т. ХХII. Стб. 64.

⁶⁹ Разряды. С. 535, 537.

⁷⁰ Митрополит Крутицкий Геласий входил в состав Угличской следственной комиссии в 1591 г. «Князья церкви» оказали услугу Борису Годунову и позднее, при разоблачении Самозванца. О поддержке Годунова со стороны церковного руководства говорят иностранцы (см., например: *Масса И. С. 98*).

⁷¹ Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 76.

⁷² Голова стрелецкий Т. В. Засецкий во главе стрелецкого отряда в мае 1591 г. прибыл в Углич (перед приездом туда следственной комиссии) для наведения «порядка». Голова стрелецкий С. Ю. Маматов был приставом у опального кн. А. И. Шуйского в Буй-городе в 1589 г., а в 1601 г. сопровождал в ссылку в Сибирь опального И. Н. Романова (РИБ. Т. ХII. Стб. 716; АИ. Т. 2. С. 34; ПСРЛ. Т. 14. С. 54). В репрессиях против Романовых принимали участие стрелецкие головы Л. Лодыженский и Р. Дуров (ПСРЛ. Т. 14. С. 53—54). П. Г. Огарев в конце царствования Бориса ездил послом в Польшу с разоблачением Самозванца (АИ. Т. 2. С. 61). Все пятеро стрелецких голов подписали утвержденную грамоту об избрании Бориса Годунова (ААЭ. Т. 2. С. 43, 46).

⁷³ *Флетчер Д. С. 3.*

⁷⁴ Троицкая вкладная. С. 29, 121—122; Архив ЛОИИ СССР, кол. 2, № 152, л. 54; ф. 131, оп. 1, № 7, л. 7; ЦГАДА, ф. 181, № 141, л. 11; ААН СССР, ф. 620 (С.Б. Веселовский), оп. 1, № 163, л. 9—16.

⁷⁵ См.: *Платонов С. Ф. Очерки. С. 222*; *Скрыников Р. Г. Россия. С. 130—131*; *Зимин А. А. В канун. С. 218*.

⁷⁶ *Щербачев Ю. Н. Датский архив // Чтения ОИДР. 1893. Кн. 1. С. 299.*

⁷⁷ Русский архив. 1910. № 11. С. 339—345.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 14. С. 49.

⁷⁹ Русский архив. 1910. № 11. С. 34.

⁸⁰ Разряды. С. 536—539.

⁸¹ Там же. С. 534—536.

⁸² Донесение о поездке в Москву придворного римского императора Михаила Шиля в 1598 г. М., 1875. С. 12.

⁸³ *Скрыников Р. Г. Россия. С. 134—140.*

⁸⁴ РК 1598—1638. С. 54; Разряды. С. 535; Сб. ГКЭ. Т. I. Стб. 356—358; Архив ЛОИИ СССР, кол. 2, оп. 1, № 27, л. 54—55.

⁸⁵ *Щербачев Ю. Н. Датский архив. С. 148*; РИБ. Т. XVI. Стб. 309—326.

⁸⁶ Подробнее см.: *Павлов А. П. Утвержденная грамота. С. 206—225.*

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 14. С. 69; ААЭ. Т. 2. С. 267.

Глава 3

ЦАРЬ БОРИС И БОЯРСКАЯ ДУМА

После многовекового правления династии рюриковичей вступление на царский престол представителя простого боярского рода было событием экстраординарным. Новым «царствующим домом» оказалась далеко не самая родовитая боярская фамилия. Столь стремительное возвышение Годуновых над своей прежней «братией» — боярами грозило существенно нарушить традиционно сложившийся при прежней династии порядок служебно-местнических отношений господствующего класса. Если бы новоявленный царь Борис действовал слишком решительно и неосторожно, чрезмерно возвышая

своих родственников и сторонников, то все его многолетние старания по привлечению знати на свою сторону оказались бы опрокинутыми и ему пришлось бы столкнуться с решительным противодействием со стороны боярства. Как опытный политик Борис Годунов понимал опасность коренной ломки традиций, прямого давления на аристократию. В тексте утвержденной грамоты об избрании Годунова на царство боярам и дворянам предписывалось не искать себе чести «не по отечеству» и «не по достоинству»,¹ что фактически означало намерение нового царя придерживаться во взаимоотношениях с боярами традиционно сложившихся служебно-местнических отношений.

Стремясь к укреплению престола, Борис Годунов в то же время проводил по отношению к боярско-княжеской знати осторожную и гибкую политику. Показательна уже сама динамика изменения состава Боярской думы в 1598—1605 гг.

В первый год царствования Годунова происходит значительное увеличение ее состава. По случаю царского венчания в сентябре 1598 г. щедро раздаются думные чины. Боярами в это время становятся кн. Михаил Петрович Катырев-Ростовский, Александр Никитич Романов (из кравчих), кн. Андрей Васильевич Трубецкой, кн. Василий Казы Карданукович Черкасский, кн. Федор Андреевич Ноготков-Оболенский; чином конюшего был пожалован боярин Д. И. Годунов. Пополнился и состав окольничих — этот чин получили Никита Васильевич, Семен Никитич, Степан Степанович и Матвей Михайлович Годуновы, Б. Я. Бельский (из оружничих), Михаил Михайлович Кривой Салтыков, Михаил Никитич Романов, кн. Василий Дмитриевич Хилков-Стародубский, Фома Афанасьевич Бутурлин. В казначеи был произведен думный дворянин И. П. Татищев. Чин кравчего (на место А. Н. Романова) получил Иван Иванович Годунов.² 25 декабря 1598 г. в дворецкие был произведен боярин С. В. Годунов.³ В конце 1598—начале 1599 г. получил чин думного дворянина Астафий (Евстафий) Михайлович Пушкин.⁴ К январю 1599 г. в думные дворяне был пожалован ясельничий Михаил Игнатьевич Татищев.⁵ В 1598 г. (до 1 мая) умер окольничий кн. И. В. Гагин Великий.⁶ В начале 1599 г. выбывают из Думы боярин Б. Ю. Сабуров⁷ и думный дворянин Е. Л. Ржевский.⁸ После 1598 г. исчезает из источников имя боярина кн. Ф. Д. Шестунова.⁹ В конце 1598—начале 1599 г. думным дьяком стал Афанасий Иванович Власьев.¹⁰

К концу первого года царствования Бориса Годунова Боярская дума состояла из 52 человек — рекордное число думных людей за весь изучаемый нами период. В сентябре 1598 г. в нее вошли немало представителей первостепенной княжеской знати — М. П. Катырев (наиболее знатный из князей Ростовских, мог поспорить в местническом отношении с Мстиславскими и Шуйскими), Ф. А. Ноготков (принадлежал к старшей ветви рода князей Оболенских), А. В. Трубецкой (знатный князь-гедиминович), служилый князь В. К. Черкасский. В Думу попадают князья Стародубские в лице кн. В. Д. Хилкова.

Заметно пополнилась Дума представителями рода Годуновых. Но интересно то, что представители «царствующего дома» входят в этот высший орган государства через окольничество как второстепенная боярская знать!

По случаю своей коронации царь Борис жалует думными чинами своих противников — Романовых и Бельского. Для худородного Б. Я. Бельского пожалование чином окольничего было несомненно большой честью — даже Иван Грозный не решился пожаловать своего любимца чином выше, чем оружничий и думный дворянин. По-видимому, Годунов пытался на время примириться со своими противниками.

В последующие годы царствования Бориса происходят довольно интенсивные изменения в составе Боярской думы. При этом следует отметить тенденцию к сокращению ее состава. К 1599 г. выбыают из Думы окольничие А. П. Клешнин,¹¹ Петр Васильевич Годунов (его пребывание в Думе было кратковременным),¹² Ф. А. Бутурлин.¹³ После 24 октября 1600 г. в опалу попал окольничий Б. Я. Бельский.¹⁴ В ноябре 1600 г. были подвергнуты опалам и репрессиям члены романовского круга Ф. Н., А. Н. и М. Н. Романовы, князья И. В. Сицкий и Б. К. Черкасский. В 1600 г. выбыл думный дворянин Д. И. Чемесинов.¹⁵ В 1600/01 г. на воеводстве в Тобольске умер окольничий С. Ф. Сабуров.¹⁶ В 1601 г. умер боярин А. И. Шуйский,¹⁷ 12 апреля 1601 г. — боярин И. М. Глинский.¹⁸ В 1602 г. выбыли бояре Ф. М. Трубецкой,¹⁹ Т. Р. Трубецкой,²⁰ И. В. Годунов²¹ и окольничий В. Д. Хилков.²² После 1601 г. в Астрахани скончался боярин Ф. А. Ноготков.²³ В мае—июне 1601 г. в опалу попал думный дьяк Посольского приказа и печатник В. Я. Щелкалов.²⁴ В 1602/03 г. умерли думный дворянин А. М. Пушкин²⁵ и думный дьяк Е. Д. Вылузгин.²⁶ В 1603 г. выбыл из состава Думы боярин А. И. Голицын (постригся в монахи).²⁷ После 7111 (1602/03) г. не встречаем упоминания о В. И. Потоцье-Ростовском.²⁸ В 1604 г. выбыли окольничие А. И. Хворостинин,²⁹ Д. И. Вельяминов³⁰ и И. М. Бутурлин,³¹ казначей и думный дворянин И. П. Татищев³² и постельничий И. О. Безобразов.³³ К 1604 г., видимо, был лишен боярского чина кн. И. И. Шуйский.³⁴ В начале 1605 г. (еще при жизни Бориса Годунова) умер боярин и конюший Д. И. Годунов.³⁵ К концу царствования Годунова выбыл думный дьяк И. А. Нармацкий.³⁶

Пополнение Думы после 1598 г. было не столь значительным, как убыль ее состава. 10 февраля 1600 г. был пожалован в окольничие Петр Федорович Басманов, а 24 апреля того же года боярство получил кн. Андрей Андреевич Телятевский.³⁷ В 1601 г. боярином (из окольничих) стал М. Г. Салтыков,³⁸ а окольничим — Василий Петрович Морозов.³⁹ В 1602 г. боярство получили кн. Василий Васильевич Голицын,⁴⁰ кн. Петр Иванович Буйносов-Ростовский (25 декабря, из думных дворян)⁴¹ и Семен Никитич Годунов (из окольничих);⁴² окольничими стали Петр Никитич Шереметев (1 октября),⁴³ Иван Иванович Годунов (1 октября, из кравчих),⁴⁴ Иван Федорович Басманов (25 декабря);⁴⁵ в кравчие был произведен стольник Иван Михайлович Годунов.⁴⁶ В 1603 г. боярство получили Степан Алексеевич Годунов и кн. Григорий Григорьевич Годунов.

сандрович Волошский (24 апреля) и Матвей Михайлович Годунов (25 декабря, из окольничих), а окольничество — князья Иван Дмитриевич Хворостинин (24 апреля) и Василий Петрович Туренин (25 декабря).⁴⁷ В 1604 г. думными дворянами стали Василий Борисович Сукин⁴⁸ и Иван Михайлович Пушкин.⁴⁹ В конце царствования Бориса были пожалованы окольничеством Михаил Борисович Шеин (январь 1605 г.),⁵⁰ а чином ясельничего и думного дворянина — Андрей Матвеевич Войков (в конце 1604—начале 1605 г.).⁵¹ За заслуги в войне против Лжедмитрия боярство получил П. Ф. Басманов.⁵² Перед приходом Самозванца в Москву возвратились боярин кн. И. М. Воротынский и окольничий Б. Я. Бельский.⁵³

К июню 1605 г. (ко времени падения Годуновых) Дума состояла из 38 членов. Боярами были Ф. И. Мстиславский, М. П. Катырев-Ростовский, В. И. и Д. И. Шуйские, И. И. и В. В. Голицыны, А. П. Куракин, П. И. Буйносов-Ростовский, С. А. Волошский, В. К. Черкасский, Н. Р. и А. В. Трубецкие, Ф. И. Хворостинин, А. А. Телятевский, М. Г. Салтыков, С. В. Годунов (дворецкий), С. Н. и М. М. Годуновы, П. Ф. Басманов и, вероятно, И. М. Воротынский; окольничими — М. М. Кривой Салтыков, В. П. Туренин, И. Д. Хворостинин, Н. В., Я. М., С. С. и И. И. Годуновы, В. П. Морозов, М. Б. Шеин, П. Н. Шереметев и, возможно, Б. Я. Бельский; дворянами в Думе — М. И. Татищев (ясельничий и думный дворянин), В. Б. Сукин, И. М. Пушкин, А. М. Войков (ясельничий и думный дворянин); кравчим — И. М. Годунов; думными дьяками — А. И. Власьев и С. Т. Аврамов.

Произошло значительное (почти на треть) сокращение состава Боярской думы по сравнению с 1598—началом 1599 г. (38 человек против 52). Дума конца царствования Бориса Годунова была не менее (а пожалуй, и более) аристократичной по составу, чем Дума 1598 г. Из 20 бояр 1605 г. 11 человек относились к первостепенной княжеской знати (Мстиславский, Шуйские, Голицыны, Куракин, Трубецкие, Катырев-Ростовский, Воротынский, Черкасский); к числу первостепенной знати по своему служебно-местническому положению принадлежал также Степан Александрович Волошский. Худородным отнюдь нельзя назвать и состав окольничих. Помимо Годуновых здесь преобладающее место занимали представители виднейших фамилий старомосковского боярства — Морозовы, Салтыковы, Шеины, Шереметевы. Можно отметить, что царь Борис скуче жаловал думными чинами старомосковское боярство, чем княжескую знать. Сократилась за время царствования Годунова курия дворян в Думе (с 6 человек в 1598 г. до 4 человек в 1605 г.). В 1603 г. в Думе был только один дворянин (М. И. Татищев). Годунов, таким образом, не очень охотно пополнял Думу худородными дворянскими элементами в отличие от своего предшественника Ивана IV. К концу царствования Бориса сократилось и число думных дьяков. Все это противоречит распространенному в литературе мнению о всемерной борьбе царя Бориса с боярской аристократией и побуждает к дальнейшему конкретному исследованию вопроса о взаимоотношениях его с Боярской думой.

В литературе основное внимание уделено борьбе Бориса Годунова с боярской оппозицией (Романовыми, Бельским, Шуйскими). Но каковы были отношения в верхах в целом, кто реально пользовался «правительственным значением» и доверием при дворе нового царя? На эти вопросы мы не находим удовлетворительного ответа. По мнению С. Ф. Платонова, царь Борис «не имел в боярах партии и круг его близких ограничивался роднею — несколькими ветвями годуновского рода и родом Сабуровых и Вельяминовых, шедших от одного с Годуновыми корня». ⁵⁴ Но этот взгляд не основан на специальном анализе состава московского правительства. Более того, С. Ф. Платонов сознательно ограничился в своем исследовании изучением столкновений лишь внутри узкого круга царской родни и наиболее ярких личностей, не рассматривая состава Думы вообще.⁵⁵

Попробуем отрешиться от каких-либо априорных суждений и рассмотрим конкретно «биографии» лиц, входивших в Думу царя Бориса.

С. Б. Веселовский рассматривает как исключительный и небывалый факт пожалования при царе Борисе в Думу шести человек его родичей — Годуновых.⁵⁶ Фактический материал не позволяет, однако, говорить о каком-либо совсем особом и исключительном положении царских родственников. Никто из вновь пожалованных в Думу Годуновых не получил сразу высший боярский чин, минуя окольничество. В бояре при царе Борисе было пожаловано только двое новых представителей этой фамилии (Семен Никитич и Матвей Михайлович), но одновременно сходят со сцены старые бояре Годуновы. К июню 1605 г. умерли конюший Д. И. Годунов и И. В. Годунов и в боярах числилось только трое Годуновых. Почти никто из вновь пожалованных в Думу царских родственников, судя по источникам, не был особенно заметен на государственной службе. Мы почти не встречаем среди них ярких деятелей. Престарелый боярин Д. И. Годунов постепенно удаляется от правительственные дел. В 1602 г. сходит со сцены боярин И. В. Годунов. При царе Борисе наиболее заметными политическими фигурами из Годуновых были бояре Степан Васильевич и Семен Никитич. С. В. Годунов играл весьма активную роль во внешнеполитических сношениях.⁵⁷ С. Н. Годунов, по предположению С. Ф. Платонова, заведовал политическим сыском,⁵⁸ руководил розыском по делу Романовых.⁵⁹ В его приказе, согласно Новому летописцу, находились иностранные «дохтуры».⁶⁰ Человек энергичный, но грубый, он пользовался дурной репутацией в народе.⁶¹ При Борисе Годунове мы не замечаем каких-либо «великих» пожалований Годуновым. Богатая Важская земля, данная в свое время царем Федором Ивановичем во владение конюшему Борису Годунову, после воцарения Бориса не была передана «по наследству» конюшему Д. И. Годунову, а снова перешла в государственное владение.⁶² Не все члены годуновского рода были крупными землевладельцами. Так, И. А. и И. Н. Годуновы выставили в 1604 г. в поход против Лжедмитрия всего по 5 всадников (т. е. имели по 500 четв. поместной и вотчинной земли), Ф. А. Годунов — 4 всад-

ников, «оприч Вяземской земли» (более 400 четв.).⁶³ Годуновы редко назначались воеводами в полки, но и имеющийся материал определенно позволяет судить, что в местническом отношении они и после 1598 г. уступали первостепенным «княжатам» — Мстиславскому, Шуйским, Трубецким и Голицыным.⁶⁴ Таким образом, при царе Борисе его родня — Годуновы — не слишком выделялась (по крайней мере внешне) из общей боярской среды.

В годы своего царствования Борис Годунов не ввел в Думу ни одного из своих сородичей — Сабуровых и Вельяминовых. К 1605 г. в ней не осталось никого из представителей этих фамилий. В целом, однако, Сабуровы и Вельяминовы успешно продвигались по служебной лестнице. По нашим подсчетам, при царе Борисе в московских чинах — стольниках, стряпчих и московских дворянах — служили 13 Сабуровых и 23 Вельяминовых. Особенно заметно возвышение захудальных Вельяминовых. Большинство из них получило чины стольников, стряпчих и дворян московских после 1588/89 г. из городовых выборных дворян или жильцов. Взаимоотношения царя Бориса с Сабуровыми и Вельяминовыми, однако, не всегда были гладкими. Так, в 1604 г. В. А. Вельяминову «за его воровство» предписывалось не давать жалования.⁶⁵ Любопытно, что М. Б. Сабуров был произведен в бояре именно Лжедмитрием.⁶⁶ Нет оснований утверждать, что Борис Годунов чрезмерно возвышал своих сородичей в местническом отношении. Неудачной была попытка окольничего Д. И. Вельяминова в декабре 1603 г. местничаться с П. Н. Шереметевым.⁶⁷

Несомненно, Годуновы и довольно многочисленные Сабуровы и Вельяминовы составляли важную политическую опору царя Бориса в правящей среде.⁶⁸ Но не только в кругу своей родни⁶⁹ находил Борис Годунов поддержку. Видное положение при дворе царя Бориса занимали его союзники по политической борьбе 1584—1598 гг. — князья Трубецкие. Они служили преимущественно в столице, присутствовали на званых царских обедах, участвовали в переговорах с иностранными послами.⁷⁰ Н. Р. Трубецкой как никто другой из бояр часто назначался судьей местнических споров.⁷¹ Осенью 1604 г. он вместе с П. Ф. Басмановым успешно оборонял Новгород-Северский от войск Самозванца. Его брат Т. Р. Трубецкой в 1600 г. судил важный в политическом отношении местнический спор между Ф. А. Ноготковым и Ф. Н. Романовым (по суду Ноготков был «учинен больше» деда Ф. Н. Романова).⁷² При Борисе Годунове в Думу был введен еще один представитель Трубецких — Андрей Васильевич. Трубецкие продолжают успешно местничаться с князьями Булгаковыми. В сентябре 1602 г. А. В. Трубецкой был назначен выше А. И. Голицына, и последний был на него челом.⁷³ Со стольником Ю. Н. Трубецким безуспешно пытался местничаться кн. И. С. Куракин.⁷⁴

Доверием правителя и царя Бориса Годунова неизменно пользовались, как мы видели, князья Хворостинины. В годы царствования Бориса в Думе находилось трое представителей этой фамилии. Были приближены ко двору думные дворяне И. П. Татищев и его сын

М. И. Татищев. И. П. Татищев, пожалованный царем Борисом в казначеи, играл видную роль в дипломатических сношениях. В 1599 г. он участвовал в приеме шведского принца Густава и грузинских послов; в ноябре 1600 г. был назначен для переговоров с польскими, а в октябре — с датскими послами.⁷⁵ Любимцем царя называли ясельничего и думного дворянина М. И. Татищева.⁷⁶ Иван Тимофеев сообщает, что М. И. Татищев «чести ради сана получения», угождая царю Борису, всячески бесчестил боярина Василия Шуйского.⁷⁷ М. И. Татищев выполнял особо ответственные поручения правительства. В феврале 1599 г. он был отправлен в Польшу с объявлением о вступлении на престол Б. Ф. Годунова, а в 1604 г. послан в Грузию с важной миссией — подыскать невесту для царевича Федора (именовался в этой посылке дворянином «ближней Думы»).⁷⁸

Пользовался расположением при дворе царя Бориса боярин кн. А. А. Телятевский, который приходился зятем влиятельному и «всесильному» С. Н. Годунову.⁷⁹ Судя по разрядам, он постоянно служил в Москве, находился при царском дворе и принадлежал к числу тех воевод, которые не изменили Годуновым под Кромами в 1605 г., а отъехали с верными частями в Москву.⁸⁰ При Лжедмитрии был удален из столицы.⁸¹

Царь Борис приблизил к своему двору и пожаловал в Думу братьев Басмановых. П. Ф. Басманов в основном служил в Москве, при особе царя, участвуя во многих дворцовых церемониях.⁸² Но особенно он был возвышен в конце царствования Бориса Годунова. За заслуги в обороне Новгорода-Северского от войск Лжедмитрия молодой Басманов был пожалован высшим боярским чином. Борис возлагал большие надежды на этого талантливого и честолюбивого воеводу. Но после смерти царя при составлении росписи полков всесильный боярин С. Н. Годунов распорядился назначить своего зятя А. А. Телятевского выше П. Ф. Басманова, что вызвало решительный протест со стороны последнего⁸³ и подтолкнуло его затем к измене Годуновым. Назначение Телятевского выше Басманова не являлось, однако, вопиющим нарушением местнической традиции. При Иване IV местнические взаимоотношения опричников Басмановых и Телятевских были весьма неопределенные.⁸⁴ Немаловажную роль в измене Басманова сыграло его довольно близкое родство с инициаторами заговора под Кромами — В. В. и И. В. Голицыными.⁸⁵

Видным человеком при дворе царя Бориса был М. Г. Салтыков. Судя по разрядам, он постоянно находился в столице, часто присутствовал на званных царских обедах и других придворных церемониях.⁸⁶ Весьма активной была его деятельность во внешнеполитических сношениях. В августе 1601—январе 1602 г. возглавлял русское посольство в Польшу для заключения перемирия.⁸⁷ Упоминается в «ответных комиссиях» при польском после Л. Сапеге (ноябрь 1600 г.) и шведских послах (февраль 1601 г.), участвовал также в приемах персидского и австрийского послов.⁸⁸ Летом 1602 г. был послан в Ивангород встречать датского принца Иоанна,⁸⁹ активно занимался сыском по делу Романовых.⁹⁰ С осени 1604 г. участвовал

в войне против Самозванца. Источники дают противоречивые сведения о поведении М. Г. Салтыкова под Кромами.⁹¹ Но как бы то ни было приведенный материал не позволяет сомневаться в его близости к правительству в годы царствования Бориса Годунова. М. Г. Салтыков имел родственные связи со сторонниками Годуновых князьями Трубецкими, его дочь была замужем за Ю. Н. Трубецким.⁹²

Постоянно служил в столице и находился в приближении ко двору окольничий М. М. Салтыков. Мы часто видим его на званых царских обедах, он участвовал в переговорах и приемах иностранных послов.⁹³ В 1599—1604 гг. неизменно возглавлял важное финансовое и административное ведомство — Новгородскую чету. Несмотря на свое родство с Ф. Н. Романовым через Михалковых и Шестовых,⁹⁴ он не был близок к романовскому кружку, что проявлялось в его местнических счетах с кн. И. В. Сицким в 90-х гг. В конце царствования Бориса (осенью 1604 г.) был послан в Путинль, служил там вместе с «изменниками» В. М. Мосальским и Б. Сутуновым, но, по всей вероятности, не примкнул к их заговору.⁹⁵

При дворе Бориса был возвышен сородич Салтыковых В. П. Морозов, произведенный в 1601 г. в окольничие. С этого времени до 1605 г. он неизменно находился в столице, присутствовал на царских обедах, участвовал въездах на Москву и в приеме датского королевича, получил долю из «опальной рухляди», т. е. конфискованного имущества опальных бояр.

По мнению А. П. Барсукова, исследователя рода Шереметевых, доверием и «благоволением» Бориса Годунова пользовался П. Н. Шереметев. Между Петром Шереметевым и его дядей Ф. В. Шереметевым существовала вражда, и первый «извещал» на последнего царю Федору Ивановичу (фактически правителью Годунову) о его связях с Шуйскими.⁹⁷ В начале царствования Бориса П. Н. Шереметев подвергся в Астрахани опале, причины которой не совсем ясны.⁹⁸ Но затем он был возвращен в Москву и возвышен при дворе, в 1602 г. получил чин окольничего. Служил в основном в столице при особе государя — сопровождал царя и его семью в поездке на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, не раз присутствовал на царских обедах, участвовал въезде на Москву и во встречах послов, судил местнические споры.⁹⁹ В январе 1605 г. был послан от царя к боярам и воеводам в полки (действовавшие против Лжедмитрия) «с речью и пенять, и роспрашивать: для чего от Рыльска отошли».¹⁰⁰ Эта посылка — еще одно свидетельство доверия к нему царя Бориса. В делах Самозванца участия не принимал и в июне 1605 г. в числе других членов Думы встречал Лжедмитрия в Москве.¹⁰¹ Сын П. Н. Шереметева Иван был женат на дочери думного дьяка Е. Д. Вылугзина, сторонника Годуновых.

Доверял Борис Годунов окольничему М. Б. Шеину. В 1605 г. Шеин вместе с А. М. Войковым (оба были недавно произведены в Думу) был послан в Новгород-Северский, чтобы сменить там ненадежного воеводу И. В. Голицына.¹⁰² М. Б. Шеин, женатый на дочери М. О. Годунова, состоял с Годуновыми в родстве.¹⁰³ При дворе Лже-

дмитрия не был особенно заметен и, вероятно, не пользовался его расположением.

Приближен был ко двору Бориса кн. П. И. Буйносов-Ростовский. В марте 1598 г. он выполнял ответственное задание царя Бориса — приводил к крестному целованию Новгород,¹⁰⁴ принимал участие в репрессиях против бояр Романовых.¹⁰⁵ Был произведен в бояре прямо из думных дворян, что являлось случаем необычным. В годы правления и царствования Бориса Годунова Буйносовы несколько возвысились по отношению к своим сородичам Бахтеяровым-Ростовским, связанным с Романовыми, хотя Бахтеяровы стояли по родословию выше их. Позднее это возвышение считалось незаконным.¹⁰⁶ В феврале 1604 г. он явно «не своей верстой» пытался местничаться с кн. Д. И. Шуйским, причем обычных в таких случаях нареканий от царя не последовало.¹⁰⁷ Упоминается в числе тех бояр и дворян, «которые царю Борису служили» и которых Лжедмитрий в 1605 г. разослал на воеводства в города.¹⁰⁸

В годы царствования Годунова был возвышен при дворе и произведен в бояре родовитейший из князей Ростовских — М. П. Катырев. В апреле 1601 г. Катырев местничался с «первым» боярином в Думе — Ф. И. Мстиславским, «и царь и великий князь воевод отставил», а в следующей росписи ни Мстиславский, ни Катырев в полки назначены не были,¹⁰⁹ т. е., пользуясь местнической терминологией того времени, были «разведены», как бы признаны равными. Был еще один, более ранний, случай местничества между М. П. Катыревым и Ф. И. Мстиславским. В 1579/80 г. их местнические интересы столкнулись на службе на Волоке; указа по этому поводу не было, тем самым они признавались как бы равными.¹¹⁰ Впоследствии (в июне 1591 и мае 1598 г.) Ф. И. Мстиславский назначался выше Катырева; первенство Мстиславского над Катыревым, как заметил А. И. Маркевич, определялось тем обстоятельством, что первый был боярином, а второй — нет; пожалование Катырева в бояре при царе Борисе дало ему возможность возобновить местнический спор с Мстиславским.¹¹¹ В годы царствования Годунова Катырев успешно местничался с князьями Шуйскими. В начале царствования Федора Ивановича (когда позиции Шуйских в государстве были сильны) Катырев, пытавшийся местничаться с кн. Андреем Шуйским, получил от царя резкий отказ. При царе Борисе, в 1600 г., он назначается в полки выше Д. И. Шуйского, и последний пытается оспорить его старшинство.¹¹² Своим возвышением в служебно-местническом отношении М. П. Катырев-Ростовский был обязан Борису Годунову. Не случайно он не принял участия в антигодуновском заговоре под Кромами и отошел с верными Годуновым полками к Москве.¹¹³

Высокое и близкое положение при дворе Бориса Годунова занимал боярин кн. В. К. Черкасский. В апреле 1599 г. он оспаривает первенство у своего сородича — кн. Б. К. Черкасского, воспользовавшись немилостью царя Бориса к последнему как стороннику Романовых.¹¹⁴ При Борисе Годунове он, вероятно, небезуспешно местничается с князьями Голицыными.¹¹⁵ В первые годы царствования Годунова он нес службу в столице, часто бывал на званых цар-

ских обедах, участвовал в приемах и переговорах с иностранными послами.¹¹⁶ В сентябре 1603 г. был назначен воеводой в Смоленск, где служил до конца царствования Годунова.¹¹⁷ В то время укрепление западных границ являлось весьма важной государственной задачей.

В первые годы царствования Бориса влиянием при дворе пользовался знатный боярин кн. Ф. А. Ноготков. В конце XVI в. он был влиятельнейшим в роду оболенских князей.¹¹⁸ Воцарение Годунова и боярский чин позволили ему успешно возобновить свои местнические счеты с Ф. Н. Романовым.¹¹⁹ Весной 1600 г. Ф. А. Ноготков добился «вершения» затянувшегося местнического разбирательства его с П. Н. Шереметевым и был «учинен» «больше» Шереметева шестью местами.¹²⁰ В 1600 г. он был челом на кн. Александра Шуйского, и царь Борис признал справедливость его «челобитья» и велел дать суд.¹²¹ До 1601 г. Ф. А. Ноготков служил неизменно в столице и участвовал практически во всех крупных дворцовых церемониях.¹²² В 1601 г. его послали на воеводство в Астрахань, где он и умер. 4 апреля 1604 г. по указу царя Бориса по нему и его жене был сделан крупный вклад в Троице-Сергиев монастырь.¹²³ Его брат, князь Иван, был женат на дочери боярина Б. Ю. Сабурова.

В 1603 г. был введен в Думу другой представитель рода князей Оболенских — В. П. Туренин, имевший родственные связи с Годуновыми.¹²⁴ Один из Турениных, Иван Самсонович, как мы видели, являлся активным сторонником Бориса Годунова в политической борьбе 80—90-х гг.

Царь Борис приблизил ко двору и произвел в окольничие представителя старшей ветви князей Стародубских — кн. В. Д. Хилкова. В годы царствования Годунова он постоянно служил в столице при царском дворе, участвовал в различных дворцовых церемониях, разбирал местнические споры.¹²⁵

Приближен был ко двору С. А. Волошский, пожалованный в бояре в 1603 г. При Борисе Годунове он служил в Москве. Ничем особенно не проявивший себя на русской службе, он тем не менее был исключительно высоко поставлен в служебно-местническом отношении. В апреле 1603 г. Волошский местничался даже с Ф. И. Мстиславским, а в августе того же года выиграл местнический спор с кн. В. К. Черкасским.¹²⁶ При Лжедмитрии и Василии Шуйском он безвыездно служил воеводой в Казани, где и умер в 1607 г.

Приведенные материалы не позволяют нам принять мнение С. Ф. Платонова о «политическом одиночестве» царя Бориса в боярской среде. Используя «рычаги» власти, Борис сумел привлечь на свою сторону (или по крайней мере добиться лояльности) многих бояр, членов Боярской думы, которые были обязаны ему своим служебно-местническим возвышением. Среди лиц, обязанных Борису и преданных ему, находились и весьма родовитые князья. Не решившемуся радикально пересмотреть традиционные местнические порядки Годунову было выгодно использовать в своих интересах местнические противоречия среди знати. Действительно, как мы видели, и князья Трубецкие, и вновь введенные в Думу знатные

князья М. П. Катырев, Ф. А. Ноготков, В. К. Черкасский, а также волошский «воеводич» Степан Александрович весьма активно и не-безуспешно оспаривали «старшинство» у князей Шуйских, Голицыных и даже «первого» боярина Ф. И. Мстиславского. Прочное положение в Думе позволило Борису достаточно легко, во многом руками самих же бояр расправиться со своими главными противниками — Романовыми.

В первый год царствования Годунова внешне Романовы находились на высоте положения. В росписи Серпуховского похода (май 1598 г.) боярин Ф. Н. Романов и кравчий А. Н. Романов упомянуты как «дворовые воеводы».¹²⁷ В сентябре 1598 г. А. Н. Романов был произведен в бояре, а его брат М. Н. Романов — в окольничие. В 1598—1599 гг. члены этой семьи приглашаются на царские званые обеды.¹²⁸ С другой стороны, при новой династии Романовы утрачивают свое прежнее исключительное положение ближайших царских родственников. В 1600 г. положению рода Романовых был нанесен серьезный удар — кн. Ф. А. Ноготкова признали «местами больше» не только Ф. Н. Романова, но и его деда. Имеется в виду Р. Ю. Захарин, отец царицы Анастасии (жены Ивана IV и матери царя Федора Ивановича). Этим самым как бы перечеркивалось правительственные значение рода Романовых, основанное на родстве с прежней династией. В апреле 1599 г. на А. Н. Романова был челом «в отечестве» кн. Ф. И. Хворостинин.¹²⁹ Заметно ухудшилось при Борисе Годунове положение родственников и сторонников Романовых. Еще до репрессий против Романовых попал в опалу и умер боярин кн. Ф. Д. Шестунов. В мае 1600 г.¹³⁰ подверглись опале его брат Владимир, а вместе с ним князья В. И. и А. И. Бахтеяровы-Ростовские (связанные родством с Сицкими).¹³¹ В 1599 г. был послан на воеводство в Астрахань, т. е. фактически удален от правительенных дел, И. В. Сицкий. Посланный вместе с ним воевода О. Т. Плещеев был на него челом «о местах» и получил от царя Бориса «невместную грамоту».¹³² Позднейший документ свидетельствует о том, что О. Т. Плещеев имел местнический успех благодаря доносу на И. В. Сицкого.¹³³ В ноябре 1598 г. М. М. и М. Г. Салтыковы предприняли попытку пересмотреть свое местническое дело с И. В. Сицким, имевшее место в 1596 г.¹³⁴ Серьезные унижения претерпел в начале царствования Годунова боярин кн. Б. К. Черкасский. В 1599 г. на него был челом о местах его родственник В. К. Черкасский, и царь велел «челобитье» В. К. Черкасского записать в разряде. Когда Б. К. Черкасский пытался «отболеться», чтобы избежать местнической «потерьки», бояре пригрозили написать его «с отставными дворянами» и лишить жалования.¹³⁵ В апреле 1599 г. А. А. Репнин, бывший членом о «местах» на П. И. Буйносова, получил от царя резкий отказ.¹³⁶

В ноябре 1600 г. Романовых постигла прямая опала. Ф. Н. Романов был пострижен в монахи и сослан на Двину в Антониев-Сийский монастырь. Были разосланы по городам и тюрьмам его братья, а также Б. К. Черкасский и И. В. Сицкий с семьями; в опалу по делу Романовых попал дворянин А. А. Репнин.¹³⁷ Гонениям подверглась

родня И. В. Сицкого — князья Алексей Юрьевич, Андрей Васильевич и Андрей Данилович, которые попали в тюрьму, а затем были сосланы в «понизовые города».¹³⁸ Был сослан кн. В. Д. Шестунов, который в 1601/02—1603/04 гг. упоминается воеводой в Яранске.¹³⁹ Пострадал родственник Романовых Ф. И. Шерemetев. При Борисе Годунове у него была конфискована часть вотчин. В феврале 1601 г. его посылают на воеводство в Тобольск (фактически в «почетную ссылку»), он упоминается там и в 1602—1603 гг., затем возвращается в Москву.¹⁴⁰ Подвергается опале и ссылается в феврале 1601 г. в Сибирь Б. И. Долматов-Карпов, но в ноябре 1603 г. он был «отпущен». В 1598 г. Карпов носил чин стряпчего с плащем, а в 1602/03 г. числился в выборе по Костроме «без окладу».¹⁴¹ В феврале 1601 г. был послан на воеводство на Тару (Сибирь) кн. А. И. Бахтеяров-Ростовский, который служил там и в 1602—1603 гг. В 1604 г. он вернулся в Москву, в 1605 г., в разгар борьбы с Самозванцем, был послан воеводой на Орел, но вскоре отозван в Москву.¹⁴² Кн. В. И. Бахтеяров в 1600/01—1603 гг. был воеводой в Белгороде, в марте 1604 г. отправлен в поход на Тerek, где после неудачного боя попал в плен.¹⁴³ Л. М. Сухотин полагает, что в связи с делом Романовых оказался в 1601 г. на воеводстве в Березове кн. И. М. Манка-Борятинский. Но он был отправлен туда уже в 1598/99 г., затем возвращен в Москву, служил в других городах, а в 1604/05 г. участвовал в войне с Лжедмитрием.¹⁴⁴ Сохранилось одно позднее известие об опале на Пушкиных в связи с делом Романовых. В своей челобитной царю Алексею Михайловичу 1651 г. Г. Г. и С. Г. Пушкины утверждали, что при царе Борисе они (Пушкины) «терпели за вас, государей» (т. е. пострадали за сочувствие боярам Романовым).¹⁴⁵ Действительно, в 1602—1603 гг. мы видим на воеводствах в Сибири и казанских пригородах ряд представителей Пушкиных — Гаврилу Ивановича Бобрищева, Григория Григорьевича, Савлука Третьякова, Федора Семеновича, Астафия и Никиту Михайловичей Пушкиных и отца челобитчиков 1651 г. Гаврилу Григорьевича Пушкина.¹⁴⁶ Последний принял активное участие в свержении Годуновых и был возвышен при Лжедмитрии. Трудно, правда, определенно говорить о связях Пушкиных именно с делом Романовых (челобитная 1651 г. — источник тенденциозный и не вполне надежный). Об опале на думного дворянина А. М. Пушкина и его братьев сообщают разрядные книги, согласно которым Астафий Пушкин подвергся опале и сослан в Сибирь в связи с доносом на него холопов, а его братья Леонтий и Ивашка пострадали (сосланы в Сибирь и лишены поместий и вотчин) за местничество с кн. А. В. Елецким, чем они царя Бориса «раскручинили».¹⁴⁷ Действительно, А. М. Пушкин был отправлен в 1601 г. на воеводство в Тобольск, где и умер в 1602/03 г.¹⁴⁸ Но это не была прямая опала, и служба воеводой в «столичном» городе Сибири не являлась унизительной для малознатного Пушкина. «Кручину» царя Бориса на Леонтия и Ивана (Ивашку) Меньшого Пушкиных можно понять, если учесть, что кн. А. В. Елецкой приходился родней Годуновым (его дочь, сестра Ф. А. Елецкого, была замужем за Иваном Годуно-

вым).¹⁴⁹ Сообщение же о ссылке их в Сибирь не поддается проверке. Если и существовала на них опала, то она была кратковременной — в боярском списке 1602/03 г. над именем Л. М. Пушкина стоит помета: «за розбойники»; над именем И. М. Меньшого Пушкина также нет пометы об опале и службе в Сибири (в 1603/04 г. он упоминается на службе в Белеве).¹⁵⁰ Их брат Иван Большой Михайлович был возвышен при дворе, получил чин думного дворянина и выполнял ответственные правительственные поручения; при Лжедмитрии он не пользовался расположением и служил вдали от столицы, на воеводстве в Кореле.¹⁵¹ Таким образом, мы не наблюдаем ни серьезных опал, ни связей с делом Романовых виднейшего из Пушкиных — Астафия Михайловича — и его братьев. Тем не менее (вопреки мнению С. Б. Веселовского и Р. Г. Скрынникова)¹⁵² нельзя отрицать фактов гонений на членов этой фамилии в самом начале XVII в. По делу Романовых пострадали их родственники — дворяне Погожие (А. Н. Романов был женат на У. С. Погожей).¹⁵³

Верхотурские грамоты сообщают об опале и ссылке в Сибирь князей Ивана Одоевского и Ивана Деева, а также дьяков Истомы Евского, Алексея Аргамакова и некоторых иных приказных людей.¹⁵⁴ После 1601 г. до прихода Лжедмитрия мы не встречаем в разрядах упоминаний о службах князей Одоевских. Реальные причины опалы на них, однако, неизвестны.

Дело Романовых было крупнейшим политическим процессом времени царствования Бориса Годунова. Но прямым репрессиям в 1600—1601 гг. подверглась сравнительно небольшая группа бояр и дворян — братья Никитичи Романовы, Сицкие, Черкасские, А. А. Репнин, В. Д. Шестунов и некоторые другие. Были посланы на воеводства в сибирские города (в «почетную ссылку») кн. А. И. Бахтеяров, Ф. И. Шереметев, но затем они были возвращены в столицу. Репрессии против Романовых не затронули даже некоторых их близких родственников. Так, кн. И. М. Катырев-Ростовский (сын боярина М. П. Катырева), женатый на дочери Ф. Н. Романова, не только не пострадал, но и получил даже долю из «опальной рухляди», конфискованного имущества Романовых.¹⁵⁵ Тимофей Васильевич Грязной, родственник Романовых (теща Ф. Н. Романова Мария Тимофеевна Шестова была дочерью Т. В. Грязнова), не только не подвергся репрессиям, но, по-видимому, выступил в качестве пристава у опальных И. В. Сицкого и его княгини.¹⁵⁶

Основная часть боярства не поддержала Романовых, и, более того, именно бояр царя Бориса ссылочные Романовы считали виновниками своих бедствий. Согласно Новому летописцу, «бояре многие на них (т. е. Романовых. — А. П.) аки зверие пылаху и кричаху». Ф. Н. Романов (старец Филарет) вспоминал в ссылке: «Бояре де мне великие недруги, искали де голов наших...», а ссылочный В. Н. Романов говорил: «...погибли деи мы напрасно ко государю в наносе от своей братии бояр». Опальный Филарет Романов, нелестно отзываясь о боярах царя Бориса в целом, в положительном смысле говорил лишь о Богдане Бельском,¹⁵⁸ что свидетельствует об отсутствии широкой поддержки Романовых в боярской среде. При-

венные выше данные о местнических столкновениях членов романовского кружка с прочими боярами показывают, что Романовы действительно имели немало противников среди знати. Это облегчило Годунову задачу расправы с ними.

В начале 1600-х гг. опале и репрессиям подвергся союзник Романовых в предвыборной борьбе 1598 г. — Б. Я. Бельский. Но опала на него не была прямо связана с делом Романовых. Б. Н. Флоря убедительно показал, что гонения на Бельского состоялись уже после ареста Романовых и что непосредственной их причиной был донос на него одного из служивших в Аптекарском приказе «докторов» (он уличался в намерении отравить царскую семью).¹⁵⁹

В мае—июне 1601 г. в опалу попал дьяк В. Я. Щелкалов. Разгром романовского круга не коснулся его. В октябре—ноябре 1600 г. печатник и думный посольский дьяк В. Я. Щелкалов находился в столице и 23—24 ноября участвовал в переговорах с польскими послами.¹⁶⁰ Это обстоятельство не позволяет связать опалу на В. Я. Щелкалова с делом Романовых. Трудно определенно судить о непосредственных причинах его отставки. Отправленные в августе 1601 г. послы в Грузию объясняли ее тем, что Щелкалов давал «без царского повеления кормы грузинским послам деньгами».¹⁶¹ Некоторые источники содержат указания на участие В. Я. Щелкалова в деле Самозванца,¹⁶² проверить которые невозможно. У нас почти нет сведений о судьбе дьяка после 1601 г. Известно лишь, что с его поместий и вотчин было выставлено в 1604 г. в поход свыше 55 всадников.¹⁶³ Возможно, он сохранил к концу царствования Годунова свои обширные земельные владения.

Мы говорили выше, что ослабленные репрессиями 80-х гг. князья Шуйские не смогли активно выступить в борьбе за царский престол и были вынуждены признать власть Бориса Годунова. Источники свидетельствуют, что царь Борис постоянно подозревал эту семью, а старшему из Шуйских — Василию Ивановичу — даже запрещал жениться.¹⁶⁴ В описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминается «дело доводное, что извещали при царе Борисе князь Ивановы люди Ивановича Шуйского. . . на князь Ивана Ивановича Шуйского в корене и в ведовском деле, 108-го году».¹⁶⁵ Делу, видимо, был дан ход.¹⁶⁶ Характерно, что И. И. Шуйский не упоминается в разрядах при Борисе Годунове после 1598 г. В росписи 1604 г. он значится уже не как боярин, а как московский дворянин. По-видимому, он на время лишился боярского чина.

Дело И. И. Шуйского, однако, не вышло за рамки персональной опалы и не повлекло за собой опалы (по крайней мере внешне) против его братьев. Если собрать вместе все служебные назначения В. И. Шуйского при Борисе Годунове (сведения, конечно, неполные), то можно убедиться в том, что вряд ли имела место даже краткосрочная опала и ссылка этого боярина. В мае—июне 1598 г. он участвовал в Серпуховском походе против татар, в том же году судил местнический спор, в начале 1599 г. подписал утвержденную грамоту, в 1598/99 г. — судья Рязанского судного приказа. В апреле 1600 г. был суд «в отечестве» между И. Н. Большим Одоевским

и боярами В. И. и Д. И. Шуйскими. В том же 1600 г. В. И. Шуйский был послан на воеводство в Новгород Великий, где прослужил до 1602 г., в апреле—мае 1602 г. судил местнический спор, в сентябре 1602 г. присутствовал на церемонии встречи датского королевича Иоанна, в августе 1603 г. разбирал местническое дело, в сентябре 1603 г. сидел за царским столом, в начале января 1605 г. был назначен воеводой против Самозванца, а после смерти царя Бориса (13 апреля) отозван в Москву.¹⁶⁷

Видимо, в целом лояльно был настроен по отношению к Б. Ф. Годунову его свояк Д. И. Шуйский. Судя по разрядам и другим источникам, он постоянно служил в столице при царском дворе, нередко приглашался на званые царские обеды.¹⁶⁸ О боярине Александре Шуйском известно немного. Участвовал в Серпуховском походе 1598 г., подписал утвержденную грамоту, в 1588/89 г. был судьей Московского судного приказа, в феврале—апреле 1600 г. упоминается в росписи «берегового» разряда.¹⁶⁹ После его смерти в 1601 г. его жена Анна (дочь Г. В. Годунова) вышла замуж за кн. Петра Урусова.¹⁷⁰

Не пользовались расположением при дворе Годунова братья И. И. и А. И. Голицыны, связанные родством с Романовыми.¹⁷¹ Старший из них — Иван Иванович — основную часть царствования Бориса (1601—1605 гг.) провел в отдалении от столицы, на воеводстве в Казани.¹⁷² Не был замечен при дворе и А. И. Голицын. С января 1598 по 1601 г. он находился на воеводстве во Пскове; последний раз упоминался на службе в сентябре 1602 г. (на встрече датского королевича).¹⁷³ В 1603 г. постригся в монахи.

У Бориса Годунова были основания не доверять и братьям Василию, Ивану и Андрею Васильевичам Голицыным. В конце 1602 г. кн. Д. М. Пожарский сделал донос царю Борису на кн. Б. М. Лыкова, «что будто он, князь Лыков, сходясь с Голицыными да с князем Борисом Татевым, про нево, царя Бориса, разсуждает и умышляет всякое зло». Очевидно, здесь имелись в виду братья Васильевичи Голицыны, связанные родством с Татевыми.¹⁷⁴ В угоду В. Ю. Голицыну дьяки Щелкаловы подделали разряд свадьбы «короля Арцымангуса», «дружачи Голицыным, потому что Голицыны Щелкаловым друзья и сватове».¹⁷⁵ А. В. Голицын в 1603—1605 гг. служил воеводой в Тобольске.¹⁷⁶ Однако самый видный из братьев — В. В. Голицын — не только не подвергался гонениям, но и сделал довольно успешную карьеру при дворе царя Бориса. В сентябре 1602 г. он получил боярский чин, 10 октября 1602 г. сидел за столом у царевича Федора Борисовича в походе в Троице-Сергиев монастырь, в мае 1603 г. был в объезжих головах в Москве, в том же месяце сопровождал царя на богоомолье в Троице-Сергиев монастырь, в 1603/04 г. — судья Московского судного приказа, осенью 1604 г. ему было доверено верстать на Москве «разных городов дворян и детей боярских», с осени 1604 г. участвовал в военных действиях против Лжедмитрия.¹⁷⁷ Причиной изменения В. В. Голицына под Кромами было, очевидно, не личное унижение этого боярина, а униженное положение его рода в целом. В июне 1605 г. Самозванец

доверяет В. В. Голицыну осуществить расправу в Москве с семьей Бориса Годунова; брат В. В. Голицына Иван, видимо, еще до вступления Лжедмитрия в Москву производится Самозванцем в бояре.¹⁷⁸ Но все же близких отношений между Голицыными и Лжедмитрием не сложилось. При нем они не пользуются большим влиянием и принимают затем активное участие в его свержении.

Сородич Голицыных боярин кн. А. П. Куракин, попавший в опалу при царе Федоре, к началу 1599 г. был возвращен в Москву, но в целом, судя по разрядам, его мало знали на государевой службе.¹⁷⁹ Один из князей Куракиных — стольник Иван Семенович, женатый на дочери кн. И. С. Туренина, — пользовался доверием царя Бориса и за службу Годуновым был сослан при Лжедмитрии.¹⁸⁰

Внешнее первенство в Думе Бориса Годунова продолжал занимать кн. Ф. И. Мстиславский. Он постоянно служил в Москве, ни одна крупная дворцовая церемония не проходила без его участия. Приговоры Боярской думы начинались так: «. . . и бояре князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи приговорили. . .».¹⁸¹ В то же время царь Борис не препятствовал другим боярам (М. П. Катыреву и С. А. Волошскому) оспаривать его местническое старшинство. Сам по себе Ф. И. Мстиславский, лишенный честолюбия, не представлял опасности для Годунова.

В целом у нас нет оснований говорить о репрессивной политике царя Бориса по отношению к княжеской элите. Никаких прямых опал (исключение составляют «дело» И. И. Шуйского и продолжавшаяся ссылка И. М. Воротынского) на «княжат» в годы царствования Бориса не наблюдаем.

Ни в 1598 г., ни в 1600 г. и, судя по всему, ни позднее — во время войны с Самозванцем — князья Шуйские не выступили сколько-нибудь явно против Годунова. В конце 1604—начале 1605 г. царь Борис назначает во главе полков, выставленных против Лжедмитрия, виднейших князей — Ф. И. Мстиславского, В. И. и Д. И. Шуйских и В. В. Голицына.¹⁸² Причем эти воеводы отнюдь не стремились норовить Самозванцу и нанесли ему решительное поражение при Добрыничах. Вряд ли можно принять предположение С. Ф. Платонова о причастности к самозванческой интриге бояр Романовых и Черкасских, у которых, по сообщениям источников, некоторое время жил Григорий Отрепьев.¹⁸³ Если считать, что царь Борис подозревал Романовых и их сторонников в подготовке Самозванца, то непонятен будет факт смягчения режима содержания опальных Романовых в конце его царствования.¹⁸⁴ Среди лиц, принимавших участие в военных действиях против Самозванца, были и сторонники Романовых — Ф. И. Шерemetев, А. И. Бахтеяров и другие.

Открытая измена бояр и воевод Годуновым произошла лишь после смерти царя Бориса, при его молодом наследнике. Следует заметить, что далеко не все бояре и воеводы примкнули к заговору Голицыных и Басманова под Кромами. В Москву отошли с верными Годуновым полками М. П. Катырев и А. А. Телятевский. Были связанны и выданы Самозванцу заговорщиками И. И. Годунов и, вероятно, М. Г. Салтыков. В то же время весьма активное участие в смуте под

Кромами приняли городовые дети боярские (рязанцы, туляне, каширяне, алексинцы, а также частично новгородские и псковские помещики), позиция которых оказала решающее влияние на ход событий.¹⁸⁵ Все источники единодушно говорят о том, что большинство воевод «украинных» городов оказывали сопротивление Самозванцу и выдавались ему восставшими горожанами.¹⁸⁶ Среди этих воевод были такие «недоброжелатели» Б. Ф. Годунова, как князья Татевы. Даже Наум Плещеев, посланный позднее от Лжедмитрия вместе с Гаврилой Пушкиным «смутить» Москву, был связан казаками и выдан Самозванцу.¹⁸⁷ Другое дело, что многие из этих воевод затем служили Лжедмитрию. Сам факт, что инициатива в переходе на сторону Самозванца городов Северской и Крымской «украин» исходила не от воевод, а от других, нижних, слоев населения, представляется несомненным.

В целом можно достаточно определенно утверждать, что на кануне Смуты неспокойно было прежде всего не на верху социальной лестницы (в боярской среде), а в нижних слоях русского общества.

На протяжении своего многолетнего правления и царствования Борису Годунову неизменно удавалось контролировать положение дел в Боярской думе. При этом он не прибегал, подобно Грозному, к широкому террору против знати. Прямыми опалам и репрессиям при нем подверглось относительно небольшое число бояр и дворян. За весь период его нахождения у власти не состоялось ни одной публичной боярской казни. Избегая прямого давления на аристократию, Борис умело использовал в своих интересах сам традиционный механизм служебно-местнических отношений в верхах. Многие, даже весьма родовитые, князья и бояре были обязаны ему своим возвышением, и за годы правления Годунов сумел окружить себя довольно многочисленным кругом приверженцев из боярской среды. В этом хорошо проявились талант и способности Бориса Годунова как политика. Но вряд ли только политическим искусством и ловкостью Бориса объяснялись его длительное пребывание у власти и довольно прочные позиции в правящей боярской среде. Чтобы лучше понять взаимоотношения в верхах в конце XVI—начале XVII в., перейдем к изучению государева двора в целом, к анализу изменений, которые произошли в его составе и структуре в годы правления Бориса Годунова.

Примечания

¹ ААЭ. Т. 2: С. 39.

² Эрм., л. 894 и об.

³ Там же, л. 898 об.

⁴ Впервые упоминается с этим чином в утвержденной грамоте об избрании Бориса Годунова, перечень и подписи которой относятся к концу 1598—началу 1599 г. (ААЭ. Т. 2. С. 42, 48; Скрынников Р. Г. Россия. С. 123—125; Павлов А. П. Утвержденная грамота. С. 213—214). В мае 1598 г. он еще не был думным дворянином (Разряды. С. 522).

⁵ См.: Татищев Ю. В. Деятели Смутного времени : Михаил Игнатьевич Татищев // Летопись ИРО. 1905. Вып. I. С. 12.

⁶ Троицкая вкладная. С. 124. — Умер на службе во Пскове или Коломне (Эрм., л. 899; ОР ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 496; Архив ЛОИИ СССР, ф. 238, № 146, л. 224 об.).

⁷ Подписал утвержденную грамоту (ААЭ. Т. 2. С. 42, 48), далее сведений о нем нет.

⁸ Умер 17 января 1599 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 141, л. 55 об.).

⁹ Последнее упоминание о нем было в мае—июне 1598 г. (Разряды. С. 542). Отсутствует в перечне и подписях утвержденной грамоты. Есть известие, что Ф. Д. Шестунов первым из бояр романовского круга подвергся опале по доносу своего холопа в 7107 (1598/99) г. (ПСРЛ. Т. 14. С. 52; т. 31. С. 147). Умер «у себя на дворе в опале» еще до репрессий против Романовых в ноябре 1600 г. (ПСРЛ. Т. 34. С. 202).

¹⁰ В мае 1598 г. не упоминается как думный дьяк (Эрм., л. 878 об.). В утвержденной грамоте назван думным дьяком (ААЭ. Т. 2. С. 41, 48).

¹¹ Н. М. Карамзин привел надпись надгробной плиты в Боровском Пафнутьеве монастыре, на которой указана дата смерти Клешнина — 6 апреля 1599 г. (Карамзин Н. М. Т. X. Примеч. 247). Корм на его преставление действительно относится к 6 апреля (Кормовая книга Псково-Печерского монастыря // Летопись ИРО. 1914. Вып. 1—2. С. 36). Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря вклад А. П. Клешнина, вероятно, ошибочно датируется 21 мая 1599 г. (Троицкая вкладная. С. 121).

¹² Умер в конце 1599 г. 12 января 1600 г. по окольничем П. В. Годунове был сделан вклад в Кирилло-Белозерский монастырь (Архив ЛОИИ СССР, ф. 131, № 7, л. 156), а 18 октября 1599 г. он сам сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь (Троицкая вкладная. С. 122). Корм на его преставление относится к 22 ноября (Летопись ИРО. 1914. Вып. 1—2. С. 32). Получил окольничество не ранее января—февраля 1599 г. — в утвержденной грамоте и боярском списке 1598/99 г. он значится еще как московский дворянин (ААЭ. Т. 2. С. 43, 49; Бс. Ч. 1. С. 183).

¹³ В синодике Троице-Сергиева монастыря записано под 7107 (1598/99) г.: «Фомоу. Бутурлин» (РО ГБЛ, ф. 304, III, № 25, л. 241). Он подписал утвержденную грамоту, но после этого не упоминается в источниках.

¹⁴ См.: Флоря Б. Н. Из следственного дела Богдана Бельского // АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 305.

¹⁵ К апрелю 1600 г. относится последнее упоминание о нем в разрядах (Эрм., л. 915 об.). 29 июня 1600 г. его поместье в Козельском у. было пожаловано А. А. Телятевскому (Сухотин Л. М. С. 48).

¹⁶ РК 1598—1638. С. 118.

¹⁷ Мятлев Н. В. Родословные заметки. М., 1906. С. 12.

¹⁸ 27 января 1602 г. царь Борис сделал по нему вклад (Троицкая вкладная. С. 50). Корм на его преставление относится к 12 апреля (Летопись ИРО. 1914. Вып. 1—2. С. 36).

¹⁹ 5 марта 1602 г. по нему был сделан вклад в Троице-Сергиев монастырь (Троицкая вкладная. С. 119). В синодиках монастыря под 7110 (1601/02) г. помечено: «князь иноха Феодосия. Трубецкой» (РО ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 28). Корм на его преставление относится к 25 февраля (ИРГО. Вып. 4. Отд. III. С. 404).

²⁰ Умер 12 ноября 1602 г. (Список надгробий Троице-Сергиева монастыря // Горский А. В. Историческое описание св. Троицкой лавры. М., 1890. Ч. 1. С. 97).

²¹ В 7110 (1601/02) г. и 22 сентября 1602 г. по нему сделаны вклады в монастыри (Троицкая вкладная. С. 122; ЦГАДА, ф. 181, № 141, л. 98). К 31 июня относится корм на его преставление (Вахромеев И. А. Акты. С. 33).

²² Последний раз упоминается в сентябре 1602 г. (РК 1559—1605. С. 355).

²³ Эрм., л. 925 об., 930 об.; ПСРЛ. Т. 34. С. 202.

²⁴ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 201.

²⁵ ДРВ. Ч. XX. С. 72. — Не к нему ли относится запись синодика под 7111 г.: «Иноха Еоуфимия Пушкин»? (ОР ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 28). Умер на воеводстве в Тобольске (ДРВ. Ч. III. С. 116).

²⁶ ОР ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 28. — 18 февраля 1603 г. в Поместном приказе на его месте сидел уже И. Грамотин (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 111).

²⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 204. — Еще 2 января 1603 г. он сделал вклад по своему отце (Троицкая вкладная. С. 135).

²⁸ В 1599—1602/03 гг. служил воеводой в Ивангороде, упоминается без чина думного дворянина (Эрм., л. 916 об.; РК 1598—1638. С. 80, 93, 111, 126, 143).

²⁹ Умер 24 апреля 1604 г. (Горский А. В. Историческое описание... С. 100).

³⁰ ДРВ. Ч. XX. С. 73. — 10 января 1604 г. Д. И. Вельяминов, «во иноzech Данил», дал по своей душе вклад 50 р. (ЦГАДА, ф. 181, № 141, л. 19 об.).

³¹ Погиб в неудачном Тарском походе (ПСРЛ. Т. 14. С. 57; ОР ГБЛ, ф. 178, № 734 (родословная книга), л. 115 об.).

³² Татищев С. С. Род Татищевых: 1400—1900. СПб., 1900. С. 10. — Корм на его преставление отмечен 7 марта (Летопись ИРО. 1914. Вып. 1—2. С. 35). Во вкладной Симонова монастыря ошибочно отнесен вклад по нему к 2 марта 1602 г. (ОР ГПБ, Ф IV, № 348, л. 82). Был казначеем еще в 7111 (1602/03) г. (Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 68).

³³ ДРВ. Ч. ХХ. С. 73. — Упоминается в росписи русского войска 1604 г. (Бс. Ч. 2. С. 26). Принял затем пострижение в монахи. И. О. Безобразов (старец Христофор) был еще жив в 1613/14 г. (см.: Дозорная книга Боровского у. // ЦГАДА, ф. 1209, кн. 16, л. 169 об.).

³⁴ В росписи 1604 г. значится как московский дворянин (Бс. Ч. 2. С. 43).

³⁵ В 7113 (1604/05) г. родственники сделали по нему довольно крупный вклад в Троице-Сергиев монастырь (Троицкая вкладная. С. 122).

³⁶ В 1598—1599 гг. дьяк И. А. Нармацкий подписал множество грамот, последняя из них относится к 8 августа 1599 г. (Архив ЛОИИ СССР, кол. 2, № 136, л. 178). Встречаем упоминание о дьяке И. Нармацком (тот ли?) от 28 января 1602 г. (Хронологический перечень. III. № 1—245).

³⁷ Эрм., л. 910 об., 912.

³⁸ 20 мая 1601 г. он упоминается еще как окольничий, а в августе 1601 г. в чине боярина был отправлен послом в Польшу (ПДС. Т. II. Стб. 777; Сб. РИО. Т. 137. С. 60).

³⁹ Впервые упоминается как окольничий 28 ноября 1601 г. (Законодательные акты. С. 70).

⁴⁰ Впервые появляется с этим чином 19 сентября 1602 г. (Эрм., л. 945 об.).

⁴¹ Эрм., л. 948 об.

⁴² Боярин с сентября 1602 г. (Эрм., л. 946 об.).

⁴³ Эрм., л. 947.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, л. 948 об. — В сентябре 1603 г. был убит в бою с отрядом Хлопка (Корецкий В. И. Формирование. С. 226).

⁴⁶ ДРВ. Ч. ХХ. С. 226. — Сменил на этой должности И. И. Годунова, произведенного в окольничие 1 октября 1602 г. Не входил в Думу, так как в июле 1604 г. значится как стольник (Эрм., л. 987 об.). Кравчим при царе Борисе упоминается также кн. Петр Урусов (ЦГАДА, ф. 28, № 8, л. 12).

⁴⁷ Эрм., л. 976, 981—981 об.

⁴⁸ Пожалован этим чином к 13 апреля 1604 г. (Сухотин Л. М. Четвертчики. С. 8—9).

⁴⁹ РК 1598—1638. С. 179; ОМАМЮ. Кн. 9. Отд. II. С. 78.

⁵⁰ Пожалован в окольничие за «сеунч» после победы при Добрыничах 20 января 1605 г. (Белокуров С. А. Разряды. С. 114, 132; ПСРЛ. Т. 14. С. 62).

⁵¹ Был пожалован после сражения под Новгородом-Северским (Белокуров С. А. Разряды. С. 3).

⁵² Получил боярство при Борисе Годунове за успешную оборону Новгорода-Северского от войск Самозванца (см.: Буссов К. Московская хроника: 1584—1613. М.; Л., 1961. С. 101; Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 234).

⁵³ Первый встречал Лжедмитрия среди других бояр еще в Туле (Белокуров С. А. Разряды. С. 30; ПСРЛ. Т. 14. С. 65). Б. Я. Бельский принял активное участие в антигодуновских волнениях в Москве 1 июня 1605 г., еще до прихода в столицу Лжедмитрия (Белокуров С. А. Разряды. С. 3). Р. Г. Скрыников считает, правда, что эти действия Бельского имели место уже после вступления в Москву Самозванца (Скрыников Р. Г. Борьба. С. 277).

⁵⁴ Платонов С. Ф. Очерки. С. 256.

⁵⁵ Там же. С. 184.

⁵⁶ Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 195.

⁵⁷ Сб. РИО. Т. 137. С. 55—57; Шербачев Ю. Н. Датский архив. // Чтения ОИДР. 1893. Кн. 1. С. 169; Эрм., л. 928, 930 об., 987 об.; Материалы по Смутному времени на Руси XVII в. / Собр. проф. В. Н. Александренко // Старина и новизна. 1877. Кн. 14. С. 226.

⁵⁸ Платонов С. Ф. Очерки. С. 257.

⁵⁹ АИ. Т. 2. С. 41; ПСРЛ. Т. 14. С. 53.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 57; *Масса И.* С. 54.

⁶¹ См., например: ПСРЛ. Т. 31. С. 147; ПСРЛ. Т. 14. С. 56—57.

⁶² При Борисе Годунове в 1603 г. доходы с Ваги поступали в приказ Казанского и Мещерского дворца (ААЭ. Т. 2. С. 76—77).

⁶³ Бс. Ч. 2. С. 25, 31, 44.

⁶⁴ См.: РК 1598—1638. С. 35, 102; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 1, 2, 4.

⁶⁵ *Сухотин Л. М.* Четвертчики. С. 5.

⁶⁶ РК 1559—1605. С. 336; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 40, 115; СГГ и Д. Ч. II. С. 208.

⁶⁷ Эрм., л. 981—982 об.; РИС. Т. V. С. 320. — В 1601/02 г. А. П. Вельяминов и сын его Мирон проиграли земельный спор с Плещеевыми (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11828, л. 794).

⁶⁸ Не случайно, что восставшие 1 июня 1605 г. москвичи не только подвергли нападениям и грабежам дворы Годуновых, но и «Сабуровых и Вельяминовых всех грабили» (*Белокуров С. А.* Разряды. С. 201).

⁶⁹ Ср.: *Масса И.* С. 36, 44, 54; *Устрялов Н.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1841. Ч. 3. С. 144.

⁷⁰ Эрм., л. 884, 916, 919, 928, 946 об.

⁷¹ Там же, л. 902 об., 912, 914, 920, 924, 981, 981 об., 988 об.; Брк., л. 745 об.

⁷² Эрм., л. 911. — По Башмаковской разрядной книге, судил Н. Р. Трубецкой (Брк., л. 688).

⁷³ РК 1559—1605. С. 346.

⁷⁴ Эрм., л. 987.

⁷⁵ Там же, л. 906, 928, 938 об.; *Белокуров С. А.* Сношения с Кавказом. С. 320.

⁷⁶ СГГ и Д. Ч. II. С. 177.

⁷⁷ Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 101.

⁷⁸ Сб. РИО. Т. 137. С. 38—39; *Белокуров С. А.* Сношения с Кавказом. С. 420—517.

⁷⁹ *Мятлев Н. В.* Родословные заметки. С. 11—14.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 64.

⁸¹ *Белокуров С. А.* Разряды. С. 74.

⁸² Эрм., л. 938, 945 об., 946, 984, 986 об.

⁸³ *Белокуров С. А.* Разряды. С. 200.

⁸⁴ *Кобрин В. Б.* Состав. С. 58.

⁸⁵ См.: *Лихачев Н. П.* Новое родословие князей Голицыных. СПб., 1893. С. 14. — Братья Басмановы состояли в близком родстве с И. В. Сицким, сторонником Романовых (Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 2. С. 380; ч. 3. С. 526). Сам П. Ф. Басманов был женат на дочери кн. И. С. Туренина, сторонника Б. Ф. Годунова (Татищев Ю. В. Новый вклад в литературу русской генеалогии // Летопись ИРО. 1907. Вып. 3. С. 22).

⁸⁶ Эрм., л. 834, 903, 905 об., 906, 910, 928, 947, 976 об., 978, 980, 987; Брк., л. 748 об.

⁸⁷ Сб. РИО. Т. 137. С. 74—75 и след.

⁸⁸ Эрм., л. 909 об., 910, 928, 930 об., 945; Сб. РИО. Т. 137. С. 54—57; ПДС. Т. II. Стб. 777.

⁸⁹ Эрм., л. 945; РИБ. Т. XXII. Стб. 577, 582, 738—741.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 12. С. 53.

⁹¹ В Новом летописце и Ином сказании он называется в числе заговорщиков в пользу Лжедмитрия (ПСРЛ. Т. 14. С. 63—64; РИБ. Т. XIII. Стб. 41). Но Маржерет, участник войны против Самозванца, а также Петреи сообщают, что Салтыковы не изменили Годуновым под Кромами и был взят в плен заговорщиками (Маржерет. С. 195; Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1976. С. 91—92).

⁹² Архив ЛОИИ СССР, ф. 131, оп. 1, № 13 (родословец), л. 42 об.

⁹³ Эрм., л. 919, 938, 947, 982, 985, 985 об.; ПДС. Т. II. Стб. 775.

⁹⁴ Старина и новизна. 1914. Кн. 17. С. 25.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 62; РИБ. Т. XIII. Стб. 724.

⁹⁶ Эрм., л. 945, 948 об., 982; РК 1598—1638. С. 156; *Сухотин Л. И.* Четвертчики. С. 1—2. — Одна его дочь была за кн. И. Б. Черкасским, другая — за кн. А. В. Голицыным (ИРГО. Вып. II. С. 86; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 9807, л. 256), но когда они вышли замуж — неизвестно.

⁹⁷ *Барсуков А. П.* Род Шереметевых. СПб., 1882. Т. 2. С. 21, 22, 367.

⁹⁸ Эрм., л. 906 об.

⁹⁹ Там же, л. 947 об., 981—981 об., 984 об., 988 об.; РК 1598—1638. С. 155—163.

¹⁰⁰ Белокуров С. А. Разряды. С. 3.

¹⁰¹ Там же. С. 30.

¹⁰² Там же. С. 3.

¹⁰³ Мятлев Н. В. Родословные заметки. С. 15.

¹⁰⁴ Эрм., л. 892 об.

¹⁰⁵ Сухотин Л. М. Четвертчики. С. 41.

¹⁰⁶ См.: Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1888. С. 312.

¹⁰⁷ Эрм., л. 982; РК 1559—1605. С. 352. — Показательно, что ранее, в 1589 г., за попытку местничаться с кн. М. Н. Одоевским (по местнической «арифметике» он считался ниже младшего брата д. И. Шуйского Александра) П. И. Буйносов был посажен в тюрьму и выдан Одоевскому «головой» (Разряды. С. 404; Эрм., л. 624).

¹⁰⁸ Белокуров С. А. Разряды. С. 6.

¹⁰⁹ Эрм., л. 932 об.—933; ОР ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 580 и об.

¹¹⁰ Эрм., л. 603 об.

¹¹¹ Там же, л. 763; Разряды. С. 530; Маркевич А. И. История местничества... С. 305—306.

¹¹² Эрм., л. 657, 679 об., 912 об.; Разряды. С. 353.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 14. С. 64; Попов А. Изборник... С. 229.

¹¹⁴ РК 1598—1638. С. 74—75.

¹¹⁵ В сентябре 1602 г. на встрече датского королевича он был назначен ниже кн. А. И. Голицына и был на него членом (РК 1559—1605. С. 346). В октябре 1602 г. за царским столом он был посажен выше кн. В. В. Голицына, и последний (в роду Голицыных Василий Васильевич и Андрей Иванович считались «равными». См.: Эрм., л. 751, 760) оспаривал его первенство (РК 1559—1605. Л. 348).

¹¹⁶ Эрм., л. 905 об., 910, 919, 921 об., 938 об., 946, 947; РК 1598—1638. С. 154, 155.

¹¹⁷ РК 1559—1605. С. 350; Белокуров С. А. Разряды. С. 116, 194.

¹¹⁸ РК 1598—1638. С. 66—67.

¹¹⁹ Эрм., л. 910 об.—911. См. выше, с. 52.

¹²⁰ Там же, л. 912.

¹²¹ Там же; Брк., л. 746; РК 1550—1636. С. 179.

¹²² Эрм., л. 907 об., 916 об., 921 об., 928, 930 об.; Сб. РИО. Т. 137. С. 57.

¹²³ Троицкая вкладная. С. 136.

¹²⁴ ИРГО. Вып. I. С. 402.

¹²⁵ Эрм., л. 904, 912, 915, 927 об., 932, 937 об.; РК 1559—1605. С. 324.

¹²⁶ Эрм., л. 976 об.; Архив ЛОИИ СССР, ф. 238, оп. 1, № 146, л. 285.

¹²⁷ Разряды. С. 521, 527; РК 1598—1638. С. 23, 31.

¹²⁸ Эрм., л. 884—885, 889 об., 902 об., 904 об.; Архив ЛОИИ СССР, ф. 238, оп. 1, № 146, л. 244 об.

¹²⁹ РК 1559—1605. С. 320.

¹³⁰ Эрм., л. 920 об.; ОР ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 562 об., 563.

¹³¹ См.: АГР. Т. 1. С. 267; Кормовая Новоспасского монастыря. С. 24.

¹³² Эрм., л. 906 об.—907.

¹³³ Временник ОИДР. 1852. Кн. 14. С. 49.

¹³⁴ РИС. Т. V. С. 207 и след. — Неизвестно, чем закончился спор.

¹³⁵ РК 1598—1638. С. 74—75.

¹³⁶ Эрм., л. 901 об.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 14. С. 52—54; АИ. Т. 2. № 38. — См. также: Скрынников Р. Г. Борьба. С. 23—37.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. 14. С. 54. — В 1602/03 и 1603/04 гг. мы видим их на воеводствах в Ядрине, Уржуме и Василегороде (РК 1598—1638. С. 152, 175, 176).

¹³⁹ РК 1598—1638. С. 133, 152, 175.

¹⁴⁰ Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1881. Кн. 1. С. 453, 459, 463—469; т. 2. С. 60, 93—94; Эрм., л. 929 об.; РК 1598—1638. С. 118 об., 134, 152; Временник ОИДР. Кн. 14. С. 91; Белокуров С. А. Разряды. С. 3.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 54; Маркевич А. И. История местничества... Прил. С. XI; Бс. Ч. 1. С. 200; РК 1598—1638. С. 32; Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 2, № 117; Верхоторские грамоты. Ч. 2. С. 121.

¹⁴² РК 1598—1638. С. 134, 153; Эрм., л. 930 об.; Сухотин Л. М. Четвертичи. С. 14; Маркевич А. И. История местничества... Прил. С. XV.

¹⁴³ РК 1598—1638. С. 109, 125, 148; ПСРЛ. Т. 14. С. 57.

¹⁴⁴ Сухотин Л. М. Земельные пожалования. С. XXV; Бс. Ч. 1. С. 198; Эрм., л. 930 об.; Белокуров С. А. Разряды. С. 3, 4.

¹⁴⁵ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. С. 314.

¹⁴⁶ Эрм., л. 929 об., 930, 937; РК 1598—1638. С. 118, 134, 152, 153, 175, 178; Сухотин Л. М. Четвертичи. С. 7, 22; Бс. Ч. 1. С. 237, 242, 243.

¹⁴⁷ Эрм., № 389, л. 713.

¹⁴⁸ Эрм., л. 929 об., 937; РК 1598—1638. С. 118.

¹⁴⁹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 261, л. 75 об.

¹⁵⁰ Бс. Ч. 1. С. 212; РК 1598—1638. С. 173.

¹⁵¹ Разряды. С. 521; РК 1598—1638. С. 22, 179; Эрм., л. 930 об., 931 об., 944, 946, 977, 986; ОМАМЮ. Кн. 9. № 302; Белокуров С. А. Разряды. С. 40.

¹⁵² Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 109; Скрынников Р. Г. Борьба. С. 37.

¹⁵³ См.: Стасевский Е. Д. С. 26—27.

¹⁵⁴ Верхотурские грамоты. Ч. 2. С. 115; Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 2, № 180.

¹⁵⁵ Сухотин Л. М. Четвертичи. С. 41. — Столыник И. М. Катырев, несмотря на донос на него холопов в 1601/02 г. (Опись 1626 г. Ч. 1. С. 262), неотлучно служил в Москве, участвуя в различных придворных церемониях (РК 1559—1605. С. 345, 350, 351, 352; Эрм., л. 984 об.).

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 14. С. 54; Шереметев С. Д. Царевна Феодосия Феодоровна // Старина и новизна. 1902. Кн. 5. С. 267.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. 14. С. 53; АИ. Т. 2. С. 39, 41, 51.

¹⁵⁸ АИ. Т. 2. С. 51.

¹⁵⁹ Флоря Б. Н. Из следственного дела... С. 304—305.

¹⁶⁰ Эрм., л. 928; Сб. РИО. Т. 137. С. 54.

¹⁶¹ Белокуров С. А. Сношения с Кавказом. С. 342.

¹⁶² См.: СГГ и Д. Ч. II. С. 209; ПСРЛ. Т. 31. С. 149.

¹⁶³ Бс. Ч. 2. С. 26.

¹⁶⁴ См., например: Маржерет. С. 183, 190.

¹⁶⁵ Опись 1626 г. Ч. 1. С. 262.

¹⁶⁶ Заслуживает внимания факт, что среди колодников, отправленных в ссылку в Сибирь в марте 1601 г., были холопы («люди») И. И. и А. И. Шуйских, а также Д. А. Ногтева-Суздальского (Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 2, № 10).

¹⁶⁷ РК 1598—1638. С. 20, 23, 35, 43, 111, 126; Эрм., л. 884 и об., 893, 915 об., 916 об., 940 об., 941, 946 об., 977 об.—978 об., 980; РК 1550—1636. С. 165; Брк. л. 746 об.; Белокуров С. А. Разряды. С. 4, 29, 171; ААЭ. Т. 2. С. 42, 48.

¹⁶⁸ РК 1598—1638. С. 23, 36, 43, 102; Эрм., л. 904 об., 912 об., 948 об., 976, 980, 982, 987, 988 об.; Белокуров С. А. Разряды. С. 29; Перечень 1626 г. С. 52.

¹⁶⁹ Разряды. С. 521, 527; РК 1550—1636. С. 165; Эрм., л. 884 об., 912 об.; ААЭ. Т. 2. С. 42, 48.

¹⁷⁰ ЦГАДА, ф. 27, № 8, л. 12.

¹⁷¹ Голицыны были связаны родством также с Ф. И. Мстиславским. Как выясняется, одна из сестер Ф. И. Мстиславского была замужем за кн. И. Ю. Голицыным (см.: Архив ЛОИИ СССР, ф. 131, оп. 1, № 7, л. 85; кол. 2, № 152, л. 62; ОР ГПБ, F IV, № 348, л. 179, 181).

¹⁷² Эрм., л. 925 об.; РК 1598—1638. С. 133, 151, 175; Белокуров С. А. Разряды. С. 115.

¹⁷³ РК 1598—1638. С. 53—56, 112; Эрм., л. 929, 946 об.

¹⁷⁴ РИС. Т. II. С. 268; ИРГО. Вып. III. С. 5.

¹⁷⁵ Временник ОИДР. Кн. 14. С. 13.

¹⁷⁶ Барсуков А. П. Списки. С. 235.

¹⁷⁷ Эрм., л. 947 об.; РК 1598—1638. С. 154; Белокуров С. А. Разряды. С. 2, 70, 113—114, 195; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11828, л. 794.

¹⁷⁸ Белокуров С. А. Разряды. С. 6, 73, 203.

¹⁷⁹ О нем см.: Эрм., л. 904, 933, 934 об., 937 об., 944 об.; Перечень 1626 г. С. 69; Временник ОИДР. 1853. Кн. 17. Смесь. С. 3.

¹⁸⁰ *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 2. С. 412; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 6.

¹⁸¹ См., например: РК 1598—1638. С. 74; Эрм. л. 943.

¹⁸² *Белокуров С. А.* Разряды. С. 1—2.

¹⁸³ *Платонов С. Ф.* Очерки. С. 233—238. — По более обоснованному мнению Р. Г. Скрынникова, самозванческая идея зародилась у Отрепьева уже после опалы на его покровителей — Романовых — в стенах Чудова монастыря (*Скрынников Р. Г.* Борьба. С. 106).

¹⁸⁴ АИ. Т. 2. С. 43, 47; ПСРЛ. Т. 14. С. 54.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. 14. С. 64; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 200; РИБ. Т. XIII. Стб. 40—41.

¹⁸⁶ РИБ. Т. XIII. Стб. 571, 572, 724; ПСРЛ. Т. 14. С. 61—62; т. 31. С. 150; РИБ. Т. I. Стб. 369; *Устрялов Н.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1832. Ч. 2. С. 6—7; 1834. Ч. 4. С. 5; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 1.

¹⁸⁷ Временник ОИДР. Кн. 14. С. 64.

Часть II

ГОСУДАРЕВ ДВОР

Глава 1

ЭВОЛЮЦИЯ ДВОРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Уже в первой половине XVI в. начинает оформляться чиновная структура государева двора. Как стало известно, благодаря разысканиям В. Д. Назарова, к 1540-м гг. в составе двора помимо думных и дворцовых чинов определились следующие чиновные группы: стольники, стряпчие, возможно, жильцы, а также князья (члены княжеских корпораций) и дворовые дети боярские из городов (как члены государева двора они именовались иногда дворянами).¹ Тем не менее двор того времени не отличался еще четкостью организации и структуры. Одновременно дворовые, представители разных чинов двора, рассматривались еще и как члены местных служилых корпораций и расписывались в соответствующих документах по тем «городам», с которыми они были связаны службой и землевладением.

В процессе объединения Руси двор московских князей значительно увеличился в своих размерах, и количество дворовых уже превышало потребности государственного управления. Многие из дворовых детей боярских к середине века успели прочно осесть в своих «городах» и практически перестали призываться в столицу для несения службы при дворе.² Значительная часть дворовых (особенно служилых людей районов, сравнительно недавно присоединенных к Москве) не имела поместий и вотчин вблизи от столицы, что создавало, как отметил С. Б. Веселовский, серьезные неудобства для прохождения ими московской службы.³

Возникла потребность в создании более эффективной системы организации службы дворовых, в приведении состава и численности государева двора в соответствие с реальными нуждами государства. На это и была направлена реформа двора в середине XVI в., важнейшим звеном которой являлась тысячная реформа 1550 г. Смысл указа об испомещении «избранной тысячи» довольно ясно изложен в самом тексте Тысячной книги 1550 г. (далее — ТК) — отбор (из числа дворовых и отчасти городовых детей боярских) «лучших слуг», выделение им в Московском и некоторых других близлежащих к столице уездах поместий с тем, чтобы они могли всегда быть готовыми для «посылок», т. е. для выполнения правительственныех поручений.

Но от середины века помимо ТК дошел и другой памятник, в котором отражен состав двора того времени, — так называемая Дворовая тетрадь (далее — ДТ), составленная, как показал А. А. Зимин, в 1551/52 г.⁴ По сравнению с ТК она содержит значительно более широкий список имен служилых людей. Если в первом документе упомянуто немногим более тысячи человек (причем почти треть состава тысячников — это дворяне Новгородской и Псковской земли), то ДТ перечисляет имена около 3000 дворовых из городов только «Московской земли», без Новгорода и Пскова.

Каково соотношение обоих памятников, каков был состав реального двора в 50-х гг. XVI в.? В литературе принято считать, что ДТ являлась полным списком государева двора (составленная в 1551/52 г., она служила в качестве документа по учету наличного состава двора на протяжении примерно 10 лет, вплоть до начала 1560-х гг.), в то время как тысячники — это лишь «лучшая» часть двора.⁵ Однако, как показали новейшие исследования В. Д. Назарова, ДТ (ее первоначальный текст) — памятник сложный и составлен на основе разновременных документов, некоторые из них восходят еще к началу 1540-х гг.⁶ Вполне правдоподобным представляется предположение В. Д. Назарова о том, что в качестве источников поуездных списков детей боярских ДТ служили документы типа позднейших десятен, точнее, те разделы этих документов, которые фиксировали состав дворовых детей боярских. Действительно, если мы сравним состав детей боярских, записанных в ДТ под рубрикой «Кашира», с каширской десятней 1556 г.,⁷ то обнаружим, что все⁸ упомянутые в десятне дворовые дети боярские (57 человек) значатся и в ДТ, тогда как из 310 человек городовых в ней упомянут лишь один — В. Г. Есипов; но это лицо записано в текст ДТ явно позже (упоминается в конечной части списка каширян), и данный пример никак не может свидетельствовать о включении в ДТ непосредственно городовых детей боярских. Однако если в первой половине XVI в. дворовые дети боярские как члены государева двора противостояли остальной массе городовых детей боярских, то во второй половине века их статус существенным образом меняется — уже в 50-х гг. (как мы увидим ниже) они утрачивают реальные связи с государевым двором, уступая место при дворе новой категории дворянства — так называемым выборным, и занимают положение лишь одной из чиновных групп «служилого города». Это обстоятельство не позволяет рассматривать ДТ как источник, отражающий состав реального двора 1550-х гг. Сказанному не противоречит то обстоятельство, что ДТ перечисляет и имена действительных членов двора — тысячников, поскольку их состав комплектовался в основном из тех же дворовых детей боярских. Продолжая сравнение ДТ с каширской десятней, мы обнаруживаем, что список дворовых детей боярских в первом документе гораздо шире, чем во втором. Если в ДТ перечислено 106 имен детей боярских — каширян (в том числе и имена трех тысячников), то в десятне учтено всего 57 дворовых детей боярских. В росписи Полоцкого похода 1563 г. число дворовых детей боярских — каширян — определяется в 55 человек.

Таким образом, в составе каширской корпорации по дворовому списку в 50-х—начале 60-х гг. единовременно служило не более шести десятков (55—57) человек. Несоответствие между этими цифрами и общим количеством детей боярских, перечисленных под рубрикой «Кашира» в ДТ (106 человек), отчасти можно объяснить тем, что этот документ был действующим и пополнялся новыми именами вплоть до начала 60-х гг. Но трудно представить, чтобы в относительно «мирное», доопричное время всего лишь за 10 лет состав каширских дворовых детей боярских обновился почти на половину.⁹ По-видимому, уже в первоначальном тексте ДТ состав записанных лиц был несколько шире, чем перечень собственно дворовых детей боярских.

Уже при поверхностном рассмотрении текста ДТ бросается в глаза одна характерная особенность памятника — имена дворовых записаны здесь, как правило, целыми семейными гнездами, причем имена детей дворовых часто записывались рядом (на одну строку) с именами их отцов, а имена младших братьев — рядом со старшими. Число дворовых, упомянутых во фразах типа: «Дети его Федор да Сенка» или «брать его Василей», — составляет свыше четверти (28 %) всех названных в ДТ лиц. А. А. Зимин отметил два случая позднейшей приписки имен младших братьев на одну строку с их старшими братьями.¹⁰ Но во всех ли случаях подобные записи детей и младших братьев можно считать позднейшими вставками, или же такая форма учета детей боярских была характерна уже для первоначального варианта ДТ? Есть все основания допустить последнее. Действительно, в ряде случаев (всего их в ДТ около 10) одно и то же лицо под одной и той же рубрикой записано дважды — в первом случае вместе с отцом или старшим братом, а в другом — отдельно, в конце списка. Так, в начале списка дворовых по Можайску читаем: «Леонтий Иванов сын Брянцов. Дети его Ондреец да Дениско». В конце же рубрики Андрей Леонтьев сын Брянцев записан уже отдельно.¹¹ Первую запись следует признать первоначальной (т. е. относящейся к первоначальному тексту ДТ), поскольку здесь упомянут старший представитель семьи. Более многочисленны случаи (около 20 %), когда в списках по одним уездам одни и те же лица упоминаются вместе с отцами и братьями, а по другим — отдельно (как правило, в конце перечней). Например, в середине списка дворовых по Переяславлю упомянуты: «Андрей Облезов сын Лодыгин. Сын его Иван. Андрей отставлен. Иван в Дорогобуже». Иван Андреев сын Лодыгин значится и по Дорогобужу, в самом конце перечня.¹² Запись его по Переяславлю вместе с отцом несомненно является первоначальной, так как Иван был переведен из Переяславля на службу по Дорогобужу. Среди тех, кто записан вместе с отцами и старшими братьями, встречаем имена тысячников 1550 г. (около 50 имен), эти лица (если не все, то в большинстве своем) входили в состав двора в 1551/52 г., т. е. в момент составления первоначального текста ДТ. То обстоятельство, что они упоминаются вместе с отцами и братьями, а не отдельно, также свидетельствует о том, что подобная форма записи была характерна для самого «ядра» памятника. Наконец, под рубри-

кой «Воротынск» на одной строке с отцом и братьями упомянут Н. Г. Совин,¹³ убитый еще в 1552 г. при взятии Казани.¹⁴ Мы получаем, таким образом, и прямое свидетельство того, что запись детей рядом с отцами и братьев с братьями практиковалась уже составителями первоначального текста ДТ. Представляет интерес и то, что в ДТ записывали имена не только взрослых детей, но и недорослей, не достигших 15 лет. Так, под рубрикой «Медынь. Литва дворовая» читаем: «Иванец княж Семенов сын Чертенского. Дети его Петруша 13 лет да Васка 11 лет».¹⁵ Нередко в ДТ рядом с именами отцов стоят имена 3—4 детей. Разница в возрасте между старшими и младшими из них могла быть существенной, и у нас нет уверенности в том, что все они были в то время взрослыми. Сказанное дает основания и для следующего вывода: позднейшие пометы типа: «Новик 65-го года», — стоящие в середине и начале рубрик над именами записанных вместе со старшими членами семей детей и младших братьев, не обязательно могут означать, что сами эти имена вписаны позже. Это видно из такого примера. В начальной части рубрики «Москва» записаны: «Юрии да Иван да Афонасей Микитины дети Немятого Колычевы. Афонасей новик 66-го».¹⁶ Запись Афанасия вместе с братьями относится к первоначальному «ядру» ДТ, поскольку здесь единый неразрывный текст. Позднейшей является помета: «Афонасей новик 66-го».¹⁷

Таким образом, запись детей (причем нередко малолетних) рядом с именами отцов была характерна уже для первоначального «ядра» ДТ. Малолетних недорослей фиксировали также и десятни, но, правда, отдельно, под особыми рубриками.¹⁸ Вероятно, составители ДТ, использовавшие в качестве источников документы подобного рода, выбрали из них не только сведения о самих дворовых, но и об их детях и других близких родственниках (по возрасту и другим причинам не входивших в состав группы дворовых детей боярских), вписав их имена рядом с именами их отцов и старших братьев. Трудно сказать определенно, для каких целей была составлена подобная сводка. Дворовая тетрадь — памятник несомненно весьма сложный. По форме она во многом напоминает список членов государева двора — перечисляет членов Боярской думы, дворцовые чины, дьяков, князей и дворовых детей боярских из городов и при этом тщательно фиксирует изменения в составе этих групп. Но в основе своей ДТ содержит списки гораздо более широкого круга лиц, чем собственно государев двор. По всей видимости, составление подобного документа было вызвано потребностью правительства иметь в процессе проведения реформы двора, при пересмотре его личного состава максимально полные сводные данные о лицах, принадлежавших к верхнему слою служилого сословия и выделявшихся как-то из общей массы рядовых городовых детей боярских.

Можно предположить, что составление ДТ было связано с проведением в жизнь тысячной реформы — указ о создании корпуса тысячников предполагал пополнение дальнейшего состава «лучших слуг» за счет новых лиц.¹⁹ Действительно, многие лица, упомянутые в ДТ, но отсутствующие в числе тысячников впоследствии, на протяжении

50—60-х гг. становятся членами государева двора — получают чины стольников, стряпчих и жильцов, назначаются на должности воевод и голов, присутствуют в качестве представителей двора на земском соборе 1566 г. и т. д.

Каковы же были реальные размеры государева двора середины XVI в., каков был его персональный состав? Несомненно, членами двора являлись «лучшие слуги» — тысячники. Но ТК 1550 г. далеко не полно отражает состав государева двора того времени. В собственном смысле этот памятник дает лишь перечень тех лиц, у которых было право на получение подмосковных поместий, в этот список не попали члены двора, имевшие вблизи от столицы вотчины и в силу этого, согласно указу 1550 г., лишенные права на получение подмосковных поместий. По всей видимости, именно этим объясняется факт отсутствия в ТК имен многих членов тогдашней Думы (из 32 бояр и 12 окольничих 1550 г.²⁰ в книгу были записаны лишь 18 бояр и 7 окольничих). Действительно, некоторые имена отсутствующих в ТК бояр и окольничих мы встречаем среди прежних вотчинников в писцовой книге Московского у. 1584—1586 гг. (кн. Ф. И. Скопин-Шуйский, И. И. Хабаров, В. Ю. Траханиотов, И. Д. Шеин, Я. А. Салтыков²¹). Следует сослаться при этом на неполноту данных, сообщаемых этой писцовой книгой. Но если верхушка двора в значительной своей части и успела обзавестись подмосковными имениями, то основная масса дворовых из городов вотчин под Москвой, по-видимому, не имела. Трудно определить точно, какое число дворовых владело вотчинами вблизи от столицы в момент издания указа 1550 г. Но можно все же полагать, что таких лиц было сравнительно немного и что основной костяк государева двора составляли именно тысячники. Об этом наглядно говорит следующий факт. Из 250 человек воевод и голов, упомянутых в разрядных записях за 1549/50—1552 гг., лишь два десятка лиц²² не числятся в ТК. В состав тысячников входили почти все стольники (включаем в их число и рынды), упомянутые в росписи Казанского похода 1549/1550 г. (15 человек), кроме кн. П. И. Горенского.²³ Из 12 человек жильцов (поддатней у рындов), участвовавших в том же походе, лишь один — Боланда Совин (Федор Григорьевич Большой Совин) — не значится в ТК. Сравнив состав стольников, упомянутых в боярском списке 1546 г., с ТК, В. Д. Назаров обнаружил, что большая часть из них (26 человек из 29) входила в отряд тысячников.²⁴

Итак, представляется несомненным, что тысячники составляли большинство членов государева двора середины XVI в. Именно с тысячной реформой 1550 г. и было связано формирование нового государева двора в его полном составе.

Сравнивая ТК и ДТ (сопоставимую их часть — списки детей боярских из городов Московской земли, которых в ТК насчитывается около 750 человек), мы обнаруживаем, что большинство имен тысячников (около 85 %) значится и в ДТ. Если при этом учесть некоторую неполноту сохранившихся списков ДТ,²⁵ то реальный процент совпадений будет еще большим. То обстоятельство, что в ДТ

встречаются имена подавляющего большинства тысячников (из «московских городов»), дает возможность рассмотреть вопрос — по каким принципам осуществлялся отбор членов государева двора («лучших слуг») из общего состава лиц, принадлежавших к верхнему слою местных служилых корпораций. Прежде всего можно заметить, что в состав двора не включались лица, которые в силу возраста, болезней и т. д. были малопригодны к несению дворовой службы. В ТК часто отсутствуют имена лиц, упомянутых в ДТ с пометами типа: «стар», «болен» (хотя их родственники фигурируют в числе тысячников), — а также многие представители младших поколений дворовых. Второй принцип отбора — из состава двора исключались те дворовые дети боярские, которые к 1550 г. перестали привлекаться (или привлекались очень редко) для несения службы при московском дворе. Это видно из произведенного выше сопоставления ТК с разрядными записями за 1549/50—1552 гг. Наконец, само понятие «лучшие слуги» предполагало вхождение во двор прежде всего представителей наиболее знатных и видных по службе родов. Действительно, доля лиц, происходивших из видных княжеско-боярских фамилий, в ТК значительно выше, чем в ДТ (берем в расчет сопоставимую территорию — города «Московской земли»). Это обстоятельство не позволяет согласиться с мнением И. И. Смирнова и А. А. Зимины (в ранней его работе) о «дворянском» характере тысячной реформы, якобы имевшей целью отеснить от государственного управления боярскую аристократию.²⁶ Правда, в ТК не встречаем по сравнению с ДТ довольно большое число (около 200 человек) «княжат» и представителей видных старомосковских боярских родов. Но это обстоятельство едва ли связано со стремлением правительства «потеснить» аристократию и находит иные объяснения. Некоторые из знатных лиц не были включены в ТК потому, что они имели вблизи от Москвы вотчины и у них не было права на получение подмосковных поместий. Многие представители знати не попали в состав тысячников, очевидно, по причине молодости. Они упомянуты в ДТ с пометами типа: «Новик 66-го года», — а также значатся рядом (на одной строке) с отцами с уменьшительными именами. Судя по разрядам, довольно большое число знатных лиц, названных в ДТ, но не вошедших в список тысячников (около 50 человек), начинали прохождение службы при дворе не ранее середины 50-х гг. Так, князья П. А. Горбатый и И. П. Шуйский стали служить (в чине стольников) лишь с 1560-х гг., а кн. В. Ф. Скотин-Шуйский упоминается лишь с 1572/73 г. Характерно, что большая часть знатных лиц, упомянутых в ДТ, но отсутствующих в ТК (117 человек), вовсе не встречается в разрядах. Среди них мы видим и представителей первостепенной знати (князья И. Д. и М. И. Курачины, И. Д. и Р. Д. Курлятевы, М. А. Ноготков-Оболенский). Некоторые из них, вероятно, были непригодны к службе либо умерли в раннем возрасте. Очевидно, не все упомянутые в ДТ «княжата» и представители старомосковских родов занимали в середине XVI в. высокое положение в служебной иерархии. Число лиц, служивших в тот период по одним княжеским спискам, было достаточно значи-

тельным, чтобы правительство могло отобрать из них для службы при дворе только «лучших». Некоторые представители знати не попали в состав тысячников, поскольку, судя по пометам ДТ, служили «у царицы» (Н. Н. и Ч. Н. Плещеевы и князья А. И. Стародубский и С. Ю. Меньшой Ушатый). В ТК мы не встречаем никого из князей Хованских, видимо, из-за тесной связи этого рода со службой удельным князьям. Вряд ли чисто политическими причинами обусловлено отсутствие в ТК группы служилых князей (см. примеч. 21); многие из них в 50-х гг., согласно разрядам, несомненно служили при московском дворе и входили в состав государева двора. Таким образом, у нас нет оснований утверждать, что при комплектовании состава государева двора в 50-х гг. XVI в. правительство как-то сознательно игнорировало интересы знати.

Особую часть ТК составляет список новгородских, псковских, торопецких, пусторожевских и великолукских помещиков. Б. Н. Флоря отметил, что перечень помещиков этих уездов в тексте ТК отделен от предшествующих разделов особым заголовком и имеет свое деление на статьи, не совпадающее с делением остального текста.²⁷ Если тысячники из «московских городов» поделены на три статьи соответственно размерам подмосковных поместных окладов (200, 150 и 100 четв. земли), то представители «городов» Северо-Запада делились только на две статьи; причем тысячники новгородцы и псковичи 1-й и 2-й статей фактически приравнивались к тысячникам 2-й и 3-й статей из центральных уездов, так как получали поместные оклады в 150 и 100 четв. Обращает на себя внимание и весьма значительная численность тысячников — представителей северо-западных уездов, которые составляли почти третью часть всех записанных в ТК лиц (324 человека). Причем около 200 тысячников дали только новгородцы (различных пятин). Это число значительно превышает количество тысячников из любого другого города, взятого в отдельности. Впрочем, если принять во внимание данные об общей численности служилых людей (в том числе численности дворовых детей боярских) различных уездов, то количество новгородцев тысячников не покажется столь уж великим. В Полоцком походе 1563 г. участвовало одних только детей боярских Водской пятини 848 человек (из них 193 человека дворовых детей боярских и 655 человек городовых).²⁸ В ТК по Водской пятине записано 55 человек, что составляет примерно 28.5 % от численности дворовых детей боярских этой пятини. Приведем для сравнения данные о соотношении численности групп дворовых детей боярских (по материалам Полоцкого похода 1563 г., которые могут дать приблизительные представления о количестве дворовых и в 50-х гг.) и численности тысячников по городам «Московской земли»: по Вязьме на 110 дворовых детей боярских приходилось 55 тысячников (т. е. половина от числа дворовых), по Дмитрову — 110 дворовых и 37 тысячников (тысячники составляли 33.6 % от числа дворовых), Дорогобужу — соответственно 40 и 9 человек (22 %), Кашину — 80 и 21 (25.5 %), Кашире — 55 (57 в десятне 1556 г.) и 5 (9 %), Мурому — 40 и 12 (30 %), Переяславлю — 56 и 48 (85.7 %), Ростову —

25 и 12 (тысячников без князей) (48 %), Рязани — 80 и 7 (8.7 %), Торжку — 103 и 25 (24.3 %), Туле — 20 и 6 (30 %), Угличу — 40 и 4 (10 %), Юрьеву — 41 и 15 (36.6 %). Из этих данных видно, что по соотношению числа тысячников и дворовых детей боярских Новгород не слишком выделялся из прочих «городов». Если предположить (а, по-видимому, так и было), что при наборе тысячников правительство учитывало и общую численность детей боярских (в первую очередь количество дворовых) того или иного «города», то столь значительное число новгородцев тысячников не будет казаться необычным. Особенностью второй части ТК является отдельное перечисление лиц, избранных из дворовых и городовых детей боярских. Всего по новгородским пятинам тысячников из «городовых» насчитывается 74 человека, или свыше трети (37 %) всех упомянутых в документе новгородцев. Очевидно, и в «московских городах» состав тысячников отчасти комплектовался также из городовых детей боярских. Но подобная практика здесь в отличие от Новгорода была, по всей видимости, нечастой. Свыше 85 % тысячников «Московской земли» встречается и в ДТ, а этот документ (как мы видели при сравнении его с каширской десятней 1556 г.) учитывал лишь дворовых детей боярских и не включал в свой состав детей боярских городовых.

Нет оснований считать, что в отношении помещиков северо-западных уездов тысячная реформа осталась только проектом. В разрядных книгах на должностях воевод и голов встречаем десятки имен тысячников — представителей этого района, причем мы видим здесь и ряд имен тысячников из «городовых» (М. К. Адодуров, М. К. Бровцын, Асан Гурьев, П. П. Заболоцкий, И. Я. Нороватый, Я. М. Сназин, В. И. Щербинин). Тысячников новгородцев мы видим среди выборных дворян в росписи Погоцкого похода 1563 г. Основную часть выборных дворян из Новгорода, несших службу в государевом полку во время Серпуховского похода 1556 г., составляли лица, записанные в ТК,²⁹ т. е. зачисленные в «избранную тысячу» новгородские и псковские помещики несомненно входили в состав государева двора. Интересно, что из многочисленного отряда новгородцев и псковичей тысячников лишь считанные единицы (5 человек) упоминаются в разрядах до 1550 г.

Но в то же время в силу традиционной обособленности Новгорода и Пскова, худородства основной массы дворян этих «городов» помещики Северо-Запада по сравнению с дворянами «московских городов» значительно реже привлекались к несению службы при дворе. Из 324 тысячников северо-западных уездов лишь около 70 человек (22 %) упоминается в разрядах за 50—60-е гг., тогда как из тысячников «Московской земли» в разрядах встречается большая часть. Лишь немногие, наиболее видные лица из новгородцев и псковичей назначались (судя по разрядам) воеводами в полки (князья И. И. Буйносов и Д. Б. Приимков-Ростовские, кн. Ф. Ю. Глазатый-Оболенский, Б. Ю. и В. Б. Сабуровы, Б. С. Колычев, Г. И. и П. П. Заболоцкие, И. В. и Н. З. Чеглоковы, Г. А. Неплюев, кн. Г. В. Путятин, Ф. Л. Соловцов, В. В. Розладин и П. Ф. Вышеславцев).³⁰ Основная

же часть дворян северо-западных уездов фигурирует в разрядах в качестве полковых голов. При этом особенно активно новгородцы стали привлекаться для несения службы воеводами и головами в полках с 1558 г., в связи с началом военных действий в Ливонии. В составе полковых голов новгородские помещики выделялись иногда отдельной группой, обособляясь от дворянства прочих городов. Нередко тысячники новгородцы и псковичи назначались на должности воевод и голов в города. Но можно заметить (по данным разрядов за 50—60-е гг.), что они несли службу почти исключительно в городах Новгородской и Псковской земель либо в ливонских городах. Лишь изредка мы встречаем их в качестве наместников в иных городах, но в подавляющем своем большинстве они (согласно данным боярской книги 1556 г.) получали кормления в городах и волостях Северо-Запада.³¹

Таким образом, несмотря на зачисление в 1550 г. в состав «лучших слуг» многочисленной группы служилых людей северо-западных уездов, известная обособленность новгородского и псковского дворянства продолжала сохраняться и в 50—60-е гг. Эта часть дворянства была довольно слабо связана со столичной дворовой службой, и их служебная деятельность протекала преимущественно в пределах Северо-Западного края. Все это способствовало в дальнейшем постепенному отделению дворян Новгорода и Пскова от государева двора и в конечном счете полному прекращению в конце XVI в. призыва их на дворовую службу.

По вопросу о практической реализации указа 1550 г. о наделении «лучших слуг» (тысячников) подмосковными поместьями в литературе нет единого мнения. А. А. Зимин, не обнаружив в писцовых книгах Московского у. конца XVI в. имен значительной части тысячников, пришел к выводу, что реформа осталась неосуществленным проектом.³² Но такое утверждение представляется слишком категоричным. И. И. Смирнов справедливо указал на неполноту данных писцовой книги 1584—1586 гг., которая содержит описание лишь сравнительно незначительной части территории, где предполагалось испоместить тысячников.³³ Вряд ли правомерно ограничиваться поисками в писцовых книгах лишь имен тысячников. Дело в том, что писцы 70—80-х гг. Московского у. при описании прежних владений использовали, очевидно, разновременные приправочные материалы.³⁴ Действительно, в писцовых книгах в ряде случаев среди прежних помещиков мы встречаем имена не самих тысячников, а их сыновей, начинавших службу при дворе позже. Обращает на себя внимание тот факт, что подавляющее большинство упомянутых в писцовых книгах 70—80-х гг. порозжих поместий имеет упорядоченные размеры (200, 150 и 100 четв. земли). Чаще всего встречаются поместья размером в 100 четв. (учитывается при этом, что 100 четв. «доброй» земли приравнивалось к 125 четв. «середней» и 150 четв. «худой» земли³⁵), что соответствовало подмосковному поместному окладу низшей и самой многочисленной категории тысячников (3-я статья). Представляет интерес следующее обстоятельство — поместья, размеры которых соответствовали окладам тысяч-

ников, значатся в писцовой книге (речь идет о прежних владельцах 50—60-х гг. XVI в.) не только за самими тысячниками, но и за лицами, в ТК не названными и упомянутыми только в ДТ (таких лиц встречаем несколько десятков). Очевидно, эти люди (в значительной части дети и родственники тысячников) вошли в состав государева двора уже после 1550 г. и получили подмосковные поместья соответственно своему придворному рангу. Действительно, имена многих из них мы встречаем в разрядных записях после 1550 г. в разных «именных посылках». Иногда по данным писцовых книг можно проследить изменения в размерах подмосковных окладов у членов государева двора. Так, за тысячником 3-й статьи Н. Д. Годуновым (в 1550 г. ему полагалось выделить поместье в 100 четв. земли) в писцовой книге упомянуто поместье размером уже в 150 четв. («доброй» земли), соответствующее окладу тысячников 2-й статьи.³⁶ Сын тысячника 2-й статьи кн. М. М. Троекурова Ф. М. Троекуров, который в 50-х—начале 60-х гг. только начинал службу при дворе (его имя значится в ДТ, но отсутствует в ТК), получил в то время поместье в 100 четв. (125 четв. «середней» земли), т. е. низший поместный оклад.

Итак, материалы писцовых книг Московского у. как раз наглядно показывают, что в 50—начале 60-х гг. (до опричнины) шло активное испомещение членов государева двора на землях Подмосковья в соответствии с предписаниями октябрьского указа 1550 г.³⁷ Сравнение межевой книги Троице-Сергиева монастыря 1542/43 г. Московского у. с материалами писцовых книг дает свидетельство об испомещении под Москвой «лучших слуг» за счет дворцовых земель. Так, ряд деревень дворцовой Шеренской волости, упомянутых в межевой 1542/43 г., в писцовой книге значатся за помещиками, среди которых встречаем имя тысячника Григория Погожева (его поместье числится в книге 1584—1586 гг. в порозжих землях).³⁸ О реализации тысячной реформы говорит и постепенное исчезновение особой группы дворовых детей боярских Московского у. Как показал А. А. Зимин на примере анализа списков бояр ДТ, имена новых лиц, вносиавшиеся сюда на протяжении 1551/52—начала 60-х гг., обычно записывались в конце соответствующих разделов документа.³⁹ Подобный порядок хорошо прослеживается и по другим разделам памятника — в конце поуездных списков детей боярских мы встречаем имена начинавших службу новиков, лиц, переведенных из других «городов», и т. д. Однако записей новых лиц в конце списка дворовых по Москве мы не видим. На предпоследней строке (в Музейном списке — на последней) в этом разделе названы имена Казарина Дубровского с сыном Романом. Но Казарин числится и в конце рубрики «Диаки большие».⁴⁰ Дьяком он стал в 1554 г., и, таким образом, запись его по Москве относится к первоначальному тексту ДТ. Отсутствие пополнения группы дворовых по Москве привело к значительному сокращению ее состава — в росписи Полоцкого похода упомянуты только 28 дворовых «с Москвы» (против 155 имен, перечисленных в ДТ). После 1563 г. сведения о существовании дворовых детей боярских, служивших по Москве, исчезают из источников.

В литературе уже отмечено, что разделение «лучших слуг» в ТК на разные статьи, соответствующие размерам подмосковных поместных окладов, отнюдь не является случайным и отражает определенную иерархическую структуру государева двора того времени. При этом довольно отчетливо можно видеть, что тысячики первых двух статей составляли элиту двора в отличие от тысячики 3-й статьи, низшей категории дворовых (тысячики новгородцы делились только на две статьи, причем 1-я статья по размерам оклада как бы приравнивалась ко 2-й статье тысячики «московских городов», а 2-я новгородская статья — соответственно к 3-й). Об элитарном положении лиц, записанных в первых двух статьях, говорит количественное распределение тысячики по статьям. В 1-й статье значится 33 лица, во 2-й — 79, а в третьей — уже 614; в 1-й статье новгородских детей боярских записано всего 7 человек, тогда как во 2-й — 317 детей боярских. Как заметил Б. Н. Флоря, из 33 детей боярских 1-й статьи думные чины получали впоследствии (до опричнины) 25 человек, а из 79 детей боярских 2-й статьи в состав Думы вошло 16 человек.⁴¹

По каким принципам происходило распределение тысячики по статьям, т. е. как строилась иерархическая структура двора? Уже при первом ознакомлении со списками тысячики видно, что в первых двух статьях решительно преобладали представители княжеско-боярских родов, а в 3-й московской и 2-й новгородской статьях большинство лиц принадлежало к обычным дворянским фамилиям. Тем не менее полного соответствия между пост статьи распределением тысячики и их местническим положением не было. Так, в 3-й статье ТК числится представитель первостепенной княжеской знати кн. И. А. Шуйский, а во 2-й статье мы видим имена таких дворян, как И. М. Вешняков, А. В., Ф. В. и В. В. Коробовы, кн. А. И. Вяземский, Ф. Я. Замятин, М. М. Лыков-Овцын, Г. М. Шестов, князья Ю. Г. и Г. Ф. Мещерские, которые к боярской знати не принадлежали и не занимали, судя по разрядам, высокого служебно-местнического положения. Довольно невысоким было служебно-местническое положение у засчисленного в 1-ю статью В. М. Машуткина-Борисова.⁴² Об отсутствии полного соответствия между статьями ТК и местническим положением служилых людей свидетельствует сопоставление этого документа с данными разрядных книг. Так, в разряде Казанского похода 1549/50 г. рынды перечислены в таком порядке: кн. Ю. И. Шемякин-Пронский (тысячики 1-й статьи), кн. А. И. Татев (3-я), В. А. Бутурлин (3-я), кн. М. П. Репнин (2-я), кн. П. И. Татев (2-я), кн. П. И. Горенский (отсутствует в ТК). В 1550/51 г. в Васильгороде «годовали» воеводы (перечисляем их в порядке расположения в разрядной книге): князья П. Д. Пронский (2-я статья), Д. С. Шестунов (2-я) и И. М. Хворостинин (1-я).⁴³ Число подобных примеров можно увеличить. Можно отметить и то, что распределение тысячики по статьям не совсем совпадает и с чиновным делением членов двора. Так, из стольников, упомянутых в Казанском походе

1549/50 г., встречаем тысячников всех трех статей. Тысячников всех трех статей мы видим и в перечне стольников боярского списка 1546 г.⁴⁴

Эти несоответствия во многом объясняются сохранением в середине XVI в. территориальной структуры государева двора — внутри каждой из статей тысячики расписаны еще по разным «городам», с которыми они были связаны землевладением и службой. Отбор «лучших слуг» из общей массы детей боярских происходил, по всей видимости, поуездно с учетом сложившейся служебной иерархии внутри каждого отдельного «города». Этому не противоречит тот факт, что ряд «городов» не выдвинул тысячников 1-й и 2-й статей — анализ списков детей боярских по этим городам в ТК и ДТ показывает, что здесь не было практически лиц, отличавшихся родовитостью и активной службой при дворе, т. е. не находилось таких людей, которые бы «пригодились» для занесения в первые статьи. Не дали представителей в 1-ю и 2-ю статьи и князья Мосальские, которые по службе при московском дворе в XVI в. занимали довольно скромное положение.

Но можно заметить, что и внутри самих уездных корпораций далеко не всегда распределение тысячников на статьи совпадало с их местническим положением. Так, во 2-й статье по Переяславлю записан представитель первостепенной княжеской фамилии — Г. А. Булгаков-Куракин, тогда как в 1-й статье по этому городу числятся куда менее родовитые Воронцовы и Плещеевы. Зачисленный в 1-ю статью по Коломне кн. И. М. Хворостинин, судя по росписи служилых людей, пожалованных в 1553/54 г. «золотыми» (порядок перечисления лиц в такого рода росписях имел местническое значение), стоял ниже «местами» И. В. Шереметева, тысячуника 2-й статьи по той же коломенской корпорации.⁴⁵ В разных статьях в ТК нередко записаны родные братья. Так, кн. Д. И. Немого-Оболенский числится в 1-й статье, а его брат кн. Ф. И. Немого — в 3-й; тысячуником 1-й статьи был В. М. Машуткин-Борисов, а в 3-й статье значится его брат И. М. Машуткин. В разных статьях записаны братья князья Куракины, Татевы, Ромодановские, Троекуровы, Репнины, Курбские и другие. Зачисление служилого человека в состав высших статей зависело не только от его родословия, но и в значительной мере от личной выслуги. Так, тысячуники 1-й статьи князья Дмитрий, Петр и Иван Андреевичи Куракины упоминаются в разрядах с 1538—1539 гг., а их брат Григорий, тысячуник 2-й статьи, — с 1556 г.

По-видимому, существовало общее правило, по которому дворяне попадали в ту или иную высшую статью лишь после предварительного прохождения по более низшему разряду. Показательно, что из 54 тысячников, которые присутствовали на заседаниях земского собора 1566 г. в качестве дворян 1-й (высшей) статьи, большая часть (46 человек) — это лица, значившиеся в ТК в 3-й статье.⁴⁶ Таким образом, несмотря на преобладание в первых статьях ТК представителей княжеско-боярской знати, в целом знать не была вполне консолидирована в особую высшую привилегированную группировку, противостоящую низшему, «дворянскому» слою государева двора.

Хотя тысячная реформа сохраняла старый территориальный принцип деления государева двора, тем не менее в ходе ее проведения произошли существенные перемены в его организации и структуре. Под влиянием реформы 1550 г. оформилась новая чиновная группа двора — так называемые выборные дворяне, которые были поставлены над массой дворовых и городовых детей боярских, несших рядовую службу в составе уездных корпораций. Новую структуру двора отчетливо отражает разряд Полоцкого похода 1563 г. Роспись царского полка перечисляет: « . . . бояр, и окольничих, и приказных людей 41 человек, столников, и стряпчих, и жильцов 144 чел., дворян выборных 374 чел., да приборных из городов 166 чел., да дворовых же из городов князей служилых 5 чел., Суздальских 1 чел., Ростовских 5 чел., Оболенских 13 чел., Стародубских 7 чел., Мосальских 13 чел., с Москвы дворовых 28 чел., ис Переславля 1 чел. . . князей Ярославских и детей боярских дворовых 91 чел., а городовых 486 чел., коломнич дворовых 32 чел., городовых 207 чел., коширян дворовых 55, городовых и с новики 382 чел. . . ».⁴⁷ Члены государева двора — бояре, окольничие, приказные люди (дьяки), стольники, стряпчие, жильцы и дворяне выборные — заметно возвышаются здесь над общей массой дворовых детей боярских, включая и «княжат», которые в состав двора не входили и проходили службу «с городом» в составе группы дворовых детей боярских. Материалы росписи 1563 г. свидетельствуют о том, что группа дворовых детей боярских по своему положению стояла явно ближе к городовым детям боярским, чем к членам двора. Если представители государева двора, в том числе и выборные дворяне, выступают в качестве своего рода «офицерского корпуса» и получают разного рода «именные» назначения, то дворовые дети боярские вместе с городовыми — это рядовой состав войска. Выборные дворяне упоминаются особо, в то время как дворовые дети боярские — неизменно в рядах уездных корпораций. Характерно, что при подсчетах числа детей боярских по тому или иному городу далеко не всегда разделяются дворовые и городовые дети боярские (например: «борович дворовых и городовых 480 чел.»; «тверич дворовых и городовых 240 чел.»). Можно полагать, таким образом, что уже в доопричный период дворовые дети боярские перестают рассматриваться как члены двора и составляют лишь один из чинов «служилого города». В 50-х гг. они практически не привлекаются для несения службы при государевом дворе. Из 57 дворовых детей боярских каширской десятни 1556 г. лишь двое — кн. И. Н. Мещерский (в 1556/57 г. голова в Пронске) и Григорий Злобин сын Петров (с 1550/51 г. в разных должностях) — упоминаются в разрядах за 1550-е гг. Причем второй из них числится в десятне с пометой «в выборе» и, кроме того, упоминается как тысячник по Коломне. В десятне фигурирует с пометой «в выборе» еще один человек — городовой сын боярский И. И. Алексеев-Уваров, имя которого мы также встречаем в разрядных книгах (голова в 1559/60 г.). Итак, уже не дворовые дети боярские, а выборные дворяне — новая категория — представляли «города» при московском дворе.

В росписи 1563 г. выборные дворяне выступают уже как вполне определенная чиновная группа. Правда, здесь после дворян выборных идет группа детей боярских, «приборных из городов», т. е. лиц, непосредственно (по старому принципу) выбранных⁴⁸ из числа уездных служилых людей для несения службы в государевом полку. Но само разделение выборных дворян и «приборных» (в других местах текста — «новоприборных») лишь подчеркивает значение выборного дворянства как особого сформировавшегося чина.

В каком отношении находятся выборные дворяне к тысячникам? Сравнение разряда Полоцкого похода с ТК обнаруживает, что из 140 лиц, упомянутых в росписи 1563 г. под рубриками: «Князи и дети боярские, которым спати в стану», «Головы в становых сторожах из спальников», «Дозорщики», «Князи и дети боярские приbraneы в ясульты» (несомненно, это дворяне выборного чина, так как стольники и жильцы перечисляются отдельно),⁴⁹ — мы встречаем 82 тысячника. Если учесть, что в росписи названо еще немало имен детей и родственников тысячников (ведь между составлением ТК и Полоцким походом прошло более десяти лет), то можно судить о большой близости состава тысячников 1550 г. и выборных дворян 1563 г. Еще более определенные свидетельства о связи тысячников и выборных дают извлеченные Н. В. Мятлевым из поколенных дворянских росписей конца XVII в. выписки из «смотренных списков» 1556 г., содержащих имена выборных дворян — помещиков Новгородско-Псковского края, призванных для несения службы в государевом полку.⁵⁰ Почти все из этих лиц встречаются и в ТК. Очевидно, с Серпуховским походом 1556 г. было связано составление каширской десятни этого года, а также десятень по Новгороду и Пскову, Серпухову и Тарусе, реконструированных М. Г. Кротовым.⁵¹ Этим обстоятельством и объясняются особенности указанных десятень, которые по существу являлись «смотренными списками». Обращает на себя внимание следующий факт. Если в каширской десятне отсутствует особая группа выборных дворян (пометы над именами двух детей боярских о службе в выборе означают как бы исключение этих лиц из общего списка) и не встречаются имена тысячников, служивших по Кашире, то десятня по Новгороду и Пскову фиксирует имена выборных дворян, состав которых в значительной мере совпадает с составом лиц, записанных в ТК.⁵² Мы видим, таким образом, что и в середине 50-х гг. (как и в 1563 г.) выборные дворяне несли службу отдельно от рядовых детей боярских (дворовых и городовых) своего «города».⁵³ При этом состав выборного дворянства соответствовал составу тысячников. Различие между выборными и тысячниками было, скорее, не «качественным», а «количественным» — ТК включала в свой состав также и представителей других чинов государева двора — стольников, стряпчих, жильцов.

Оформление выборного дворянства как определенной и устойчивой по составу чиновной группы двора, противостоявшей массе уездного дворянства, было связано с реализацией октябрьского указа 1550 г., который предусматривал обеспечение «лучших слуг» подмосковными поместьями, а также наследственность службы чле-

нов двора. Проведение в жизнь тысячной реформы способствовало сплочению верхушки служилого сословия в особую правящую и привилегированную группировку. Но, наделяя «лучших слуг» правами и привилегиями, правительство в то же время требовало от них беспрекословного несения государевой службы, постоянной готовности ко всякого рода «посылкам». Усилинию служилой зависимости господствующего класса от монарха способствовали и другие реформы, проводимые в середине XVI в. правительством Избранной ради, — принятие в 1556 г. уложения о службе, уравнивавшего службу с поместий и вотчин; отмена системы кормлений и перевод верхушки служилого сословия на денежное жалование из «четвертей». Реформа двора середины XVI в. привела к упорядочению как его состава, так и структуры. В 50—60-х гг. в составе двора выделялись следующие чиновные группы: думные и дворцовые чины, стольники, стряпчие, жильцы, выборные дворяне и, очевидно, приказные дьяки. Входившие в состав государева двора дворяне выделялись из общей массы уездных детей боярских как лица, несшие службу «с Москвы». Тем не менее реформа не привела к ликвидации территориального принципа членения дворовых. И в 50—60-х гг. представители двора именовались в документах каширянами, костромичами и т. д. и по традиции продолжали рассматриваться как представители «городов».⁵⁴ Сохранялись и служебные связи представителей двора с уездным дворянством. Многие из членов двора, служивших в конце 50-х—начале 60-х гг. (в том числе и выходцы из княжеско-боярских фамилий), в начале 50-х гг. (судя по ДК и десятням) входили еще в состав группы дворовых детей боярских.

В годы опричнины и послеопричного правления Ивана Грозного состав и структура государева двора претерпели серьезные изменения. Двор оказался расколотым на земскую и опричную половины, в связи с переносом царской резиденции из Москвы в Александрову Слободу (а затем — в Старицу) была приостановлена практика испомещений дворовых в окрестностях столицы, осуществляемые правительством Грозного террор и массовые земельные переселения приводили к нестабильности состава двора, разрушали его традиционные структуры.

Важнейшими источниками для изучения состава и структуры государева двора второй половины 60-х—начала 70-х гг. являются содержащийся в соборном приговоре 1566 г. перечень дворян — участников земского собора — и боярский список 1577 г.

Обращает на себя внимание деление дворян — участников собора 1566 г. — на две статьи, а не на три, как в ТК. Б. Н. Флоря убедительно показал, что между постатейным распределением дворовых в соборной грамоте и структурой ТК не было полного соответствия и что 1-я и 2-я статьи приговора 1566 г. не тождественны первым двум статьям ТК. Это обстоятельство привело исследователя к важному выводу — к 1566 г. дворовая элита составляла уже единую (в отличие от ТК, где верхушка двора распределялась по двум статьям) монолитную группу, которая противостояла низшему слою государева двора.⁵⁵ Подобная структура двора в определенном

смысле соответствовала структурному делению позднего двора конца XVI в., когда дворянство столичных чинов противопоставлялось выборным городовым дворянам, стоявшим на нижней ступени дворовой иерархии.

Дворяне 1-й статьи соборного приговора 1566 г. по отношению к дворянам 2-й статьи составляли высшую элитарную группу государева двора. Среди дворян, записанных в 1-ю статью, большая часть являлась представителями княжеско-боярских родов, тогда как во 2-й статье сколько-нибудь видных «боярских» фамилий мы не встречаем. Среди дворян 2-й статьи значится вдвое меньшее число тысячников, чем в 1-й статье (27 против 54), хотя количество представителей 1-й и 2-й статей на соборе было примерно равным (96 и 99 человек). При этом во 2-й статье мы не видим никого из тысячников высших групп, тогда как в 1-й упомянуты 8 человек, входивших в элиту двора еще в 1550 г. Среди дворян 2-й статьи соборного приговора мы не встречаем лиц, которые получали воеводские назначения, тогда как в 1-й статье таковых было немало. Несомненно, к элите двора относились и записанные в 1-ю статью дворяне северо-западных уездов (всего их значилось 19 человек). Почти все из них упоминаются в разрядах на должностях воевод в полках и городах. Двое из них (князья М. К. Засекин и И. Д. Щепин-Ростовский) — тысячики новгородцы 1-й статьи. Можно отметить и такую существенную деталь — если служилые люди 1-й статьи соборного приговора именуются как «дворяне», то лица, записанные во 2-й статье, значатся как «дворяне и дети боярские». Исходя из этой терминологии, можно предположить, что в составе второй, низшей, группы служилых людей — участников собора — могли находиться и представители уездных детей боярских, не входивших в государев двор. В пользу этого предположения может говорить и тот факт, что большинство лиц, числившихся во 2-й статье, вовсе не упоминается в разрядах за 1560-е гг.

Процесс консолидации верхушки дворянства в особую замкнутую чиновно-сословную группировку в середине 60-х гг. не был, однако, завершен. Сохранились еще территориальная структура двора или ее элементы. Как показал А. А. Зимин, порядок расположения имен служилых людей — участников собора 1566 г. — не был произвольным и в целом соответствовал принадлежности дворян к тем или иным «городам». В перечнях дворян 1-й и 2-й статей выделяются компактные группы москвичей, галичан, новгородцев и т. д., хотя эти группы и не были столь определенные, как в ТК и ДТ.⁵⁶

Окончательное утверждение новой иерархической структуры государева двора произошло несколько позднее и было связано с выделением в особую чиновную группу из общей массы выборного дворянства его верхушки — дворян московских, которые полностью обособлялись от уездных корпораций и несли службу исключительно по «московскому списку». Это выделение явилось следствием разрушения прежней четкой территориальной структуры государева двора под влиянием опричной политики земельных переселений. В немалой степени оформлению особого чина дворян московских способствова-

ло прекращение в годы опричнины существования княжеских служилых корпораций.⁵⁷ Потребовались новые формы учета верхушки дворянства. В соответствии с иерархическим положением эта группа и была выделена в особый чин государева двора,⁵⁸ противопоставленный остальной части более худородного выборного дворянства. Что касается последней группировки, то она, напротив, начинает более тесно привязываться к местной «служилости». Первоначально, как мы видели, учет выборных дворян и уездных детей боярских (дворовых и городовых) осуществлялся, по всей видимости, раздельно. Но уже во второй половине 70-х гг. начинается процесс оседания выборных в «городах», запись этой группы в десятни.⁵⁹

Новую чиновную структуру двора отчетливо отражает боярский список 1577 г., в котором перечисляются следующие чины: бояре, окольничие, различные дворцовые чины, стольники, стряпчие, жильцы, дворяне (московские) и дворяне выборные, расписанные по «городам».⁶⁰ Подобная структура государева двора в общих чертах сохранялась и в дальнейшем — в конце XVI—первой трети XVII в.

Консолидации верхушки господствующего класса препятствовало, однако, разделение государева двора в 60-х — начале 80-х гг. на земскую и опричную («дворовую») половины. Привилегированное положение опричников, состав которых зависел от личной воли царя Ивана, приводило к серьезным нарушениям традиционной иерархии внутри господствующего класса. В первый год опричнины у ее руководства стоял кружок царских фаворитов преимущественно из представителей старомосковского боярства. Но на рубеже 60—70-х гг. в составе руководства опричного двора произошел перелом и на смену прежним царским фаворитам пришли новые, более худородные лица, выходцы из рядов провинциального дворянства (Бельские, Грязные и другие).⁶¹ Весьма худородным по составу был и по-слеопричный особый «двор» царя Ивана 70-х — начала 80-х гг. Большинство «дворовых» стольников и все стряпчие были выходцами из худородных «дворянских» фамилий.⁶² «Дворовый» стряпчий Н. К. Канчев пребывал в рядах столичного дворянства из рядовых городовых дворян — числился среди городовых детей боярских в каширской десятне 1566 г. и еще в 1573 г. получал жалование «з городом».⁶³ Фамилия эта отсутствует в ТК и ДТ. Совершенно иным был состав стольников и стряпчих с платьем в земщине (судя по боярскому списку 1577 г.) — исключительно все они являлись представителями княжеско-боярских родов. Более пестрым представляется состав московских дворян в земщине. По неполным данным боярского списка 1577 г. (не сохранилось начало перечня дворян московских) и росписи Ливонского похода 1577/78 г., из 80 дворян того времени лишь 35 человек принадлежали к княжеско-боярским родам. Очевидно, «боярская» знать не составляла большинства внутри этой чиновной группы. Правда, между «боярством» и «дворянством» (как уже отмечалось выше) зачастую не было непроходимой социальной грани, и среди «дворянского» (по нашим условным критериям) слоя в составе рассматриваемой чиновной группы было немало представителей «добрых» служилых фамилий (Аксаковы, Ласкиревы,

Полевы и другие), которые стояли довольно высоко по службе и назначались нередко на почетные воеводские должности. Что касается состава московских дворян в особом «дворе», то (насколько позволяют судить источники) из представителей знати там служили во второй половине 70-х—начале 80-х гг. лишь несколько князей Шуйских и Трубецких, представители Годуновых и, возможно, кн. И. М. Глинский.

После смерти Ивана Грозного встал вопрос о создании единого государева двора. Однако простое механическое объединение земского и «дворового» списков было невозможным в силу явного худородства состава особого «двора» по сравнению с земским. Трудно проследить детально, как шел процесс слияния обоих дворов и выработки единого списка государева двора после смерти Грозного. Можно отметить, что уже в списке дворовых, оставленных на Москве в августе 1585 г., перечислены вместе как бывшие земские (кн. Ф. И. Мстиславский, Н. Р. Юрьев и другие), так и бывшие «дворовые» (С. В. Годунов, кн. Н. Р. Трубецкой) бояре; земские и «дворовые» не различаются здесь и в перечнях выборных дворян (так, под рубрикой «Рязань» вместе называются бывший «дворовый» деятель Р. П. Биркин и земские дворяне — Вердеревские, кн. А. И. Дашков, А. Н. Ржевский).⁶⁴ Острая борьба за власть между различными группировками в первые годы царствования Федора Ивановича тормозила, однако, осуществление реформы двора. Лишь к началу 1587 г. определились победители в этой борьбе. Очевидно, именно с этого времени правительство приступило вплотную к реорганизации состава и структуры государева двора. Результаты произведенного в этот период пересмотра личного состава двора наглядно отражены в сохранившемся боярском списке 1588/89 г. По наблюдениям А. Л. Станиславского, почти все худородные стольники и стряпчие особого «двора» Ивана IV оказались к 1588/89 г. в рядах выборного дворянства, т. е. в составе нижнего слоя государева двора.⁶⁵ Можно заметить, что пересмотр личного состава чинов двора отчасти затронул и земских дворян. Так, ряд не слишком видных в служебно-местническом отношении бывших земских дворян московских, упомянутых в боярском списке 1577 г., в списке двора 1588/89 г. значатся уже в выборных городовых дворянах (Г. Ш. и И. Ш. Бибиковы, И. А. Брехов, Г. А., Г. Б., Н. Б. и Н. Г. Васильчиковы, В. И. Вешняков, Ф. Н. Дубенской, Н. П. Михайлов, С. Б. Погожий, А. В. Плещеев и кн. Ф. С. Гагарин). В целом состав государева двора конца 80-х гг. оказался более аристократичным по сравнению не только с особым, но и с земским двором времени правления Ивана Грозного. Суть пересмотра личного состава двора во второй половине 80-х гг. состояла в приведении его чиновного состава в соответствие со сложившимися служебно-местническими отношениями и «породой» служилого человека. Осуществляя эту меру, правительство Бориса Годунова руководствовалось интересами «боярского» слоя, к которому принадлежал и сам правитель, и его окружение.

Есть все основания говорить о том, что Борис Годунов вернулся к идеям реорганизации двора, выработанным в середине XVI в. правительством Избранной рады. Существо этой идеи состояло в консолидации верхушки господствующего класса на условиях ее верной службы монарху. Не случайно посланник в Империю Лука Новосильцев сравнивал уже в 1585 г. Бориса Годунова с Алексеем Адашевым, имя которого до того, при Иване Грозном, находилось под запретом. В указе 1586/87 г. о подмосковных поместьях была явно заимствована у инициаторов тысячной реформы идея испомещения членов государева двора под Москвой.

Однако, осуществляя перестройку государева двора, правительство Годунова отнюдь не стремилось слепо подражать реформам 50-х гг. и сообразовывалось со сложившейся новой чиновной структурой этого института. Об изменениях в составе и структуре государева двора в годы правления и царствования Бориса Годунова речь пойдет в следующих главах.

Примечания

¹ Назаров В. Д. Двор. С. 46—47.

² См.: Новицкий В. И. С. 7, 14.

³ Веселовский С. Б. Опричнина. С. 78—79.

⁴ ТКДТ. С. 17.

⁵ Зимин А. А. Реформы. С. 371; Веселовский С. Б. Опричнина. С. 81; Скрынников Р. Г. Россия. С. 43.

⁶ Назаров В. Д. К источниковедению. С. 166—175.

⁷ Шапошников Н. В. «Heraldica»: Исторический сборник. СПб., 1900. Т. 1. С. 28—44. — И. И. Смирнов предположил, что каширская десятня 1556 г. служила источником для составления соответствующего раздела ДТ (Смирнов И. И. Очерки. С. 117). Но ряд обстоятельств не позволяет согласиться с этим мнением. Так, если в десятне имя кн. П. И. Борятинского стоит в начале списка дворовых детей боярских (4-й по списку), то в списке каширян ДТ он числится 14-м с конца, т. е. вписан в текст этого памятника уже после составления его первоначального «ядра». Основной текст ДТ был составлен несомненно ранее появления каширской десятни 1556 г.

⁸ По-видимому, упомянутый в десятне (под № 10) И. И. Золотарев значится в перечне Дворовой тетради с фамилией Губин.

⁹ Надо заметить, что число помет о выбытии детей боярских — каширян (пометы о смерти, плене, болезнях, переводах в другие города) сравнительно невелико — всего около двух десятков.

¹⁰ Зимин А. А. Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. и формирование состава Боярской думы и дворцовых учреждений // ВИД. Л., 1984. XII. С. 30.

¹¹ ТКДТ. С. 184, 186; ГИМ, Музейн. собр., № 3417 (далее — Муз. сп.), л. 77 об., 78 об. — Автор благодарен В. Б. Кобрину, любезно предоставившему материалы произведенного им сличения текстов Никифоровского (опубликованного в ТКДТ) и Музейного списков Дворовой тетради.

¹² ТКДТ. С. 193; Муз. сп., л. 58 об., 82.

¹³ ТКДТ. С. 172; Муз. сп., л. 72.

¹⁴ ДРВ. Ч. VI. С. 477.

¹⁵ ТКДТ. С. 206; Муз. сп., л. 88 об.

¹⁶ ТКДТ. С. 125; Муз. сп., л. 49.

¹⁷ Сказанное не означает, правда, что новые имена не могли заноситься также в начало и середину списков. Но таких случаев сравнительно немного. Всего мы встречаем только пять помет типа: «новик 65-го года», — стоящих в середине и начале поуездных списков над именами тех лиц, которые упомянуты отдельно, без отцов и старших братьев. Как можно наблюдать, в начальные части разделов Дворовой тетради вписывались, как правило, лица, принадлежавшие к знатным княжеско-

боярским фамилиям. Так, список дворовых по Можайску открывает имя кн. П. А. Холмского, служба которого в 50-х гг. только начиналась (см.: РК 1475—1605. Т. II. С. 58), хотя ниже его перечисляются имена лиц, служба которых прослеживается еще в 20—30-е гг. (А. Г. Колычев, кн. Ф. Г. Мещерский). Запись имени князя является более поздней, в то время как Колычев и Мещерский несомненно значились уже в первоначальном тексте памятника. А. А. Зимин отметил позднейшую запись в начале списка бояр имени кн. И. Д. Бельского, хотя прочие лица, пожалованные боярством после 1552 г., записывались в конце рубрики (Зимин А. А. Дворовая тетрадь... С. 30). Такое исключение для Бельского объясняется, очевидно, особой родовитостью князя.

¹⁸ См.: ОМАМЮ. Кн. 8. С. 81, 122.

¹⁹ «А хто которой по грехом ис той тысячи вымрет, а сын его не пригодитца к той службе, ино в того место прибрать иного» (ТКДТ. С. 54).

²⁰ Зимин А. А. Состав. С. 63—72.

²¹ ПКМГ. Ч. I. Отд. I. С. 95, 185—187, 199, 262. — В ТК вообще отсутствует список дьяков, хотя эта группа значится в ДТ. По всей видимости, сидевшие в московских приказах дьяки успели еще до реформы обзавестись подмосковными хозяйствами. В ТК не занесена группа служилых князей. Видимо, правительство отказалось от идеи испомещения этих лиц под Москвой, поскольку в противном случае пришлось бы наделять здесь поместьями и их многочисленных «вассалов».

²² Т. М. Висковатый (брать дьяка), Н. С. Глебов, И. И. Годунов, кн. Б. А. Елецкой, кн. А. И. Кемский, С. Ф. Киселев, кн. С. Ф. Козловский, В. А. Кутузов, кн. И. И. Лыков, кн. И. Ф. Мезецкой, кн. П. И. Микулинский (был убит под Казанью), И. Г. Очин-Плещеев, кн. И. В. Пенков-Ярославский, кн. И. М. Ромодановский, С. Г. Сидоров, Д. Т. Слизнев, И. Б. и Т. Б. Слизневы, С. Ф. Сунбулов, кн. О. Т. Тростенский, кн. И. Д. Шестунов. В расчет не берутся члены Думы и служилые князья.

²³ РК 1475—1605. Т. I. С. 377, 379, 380. — Под Москвой был испомещен отец кн. П. И. Горенского — И. В. Горенский.

²⁴ Назаров В. Д. Двор. С. 49. — Иная картина наблюдается при анализе состава стряпчих того же боярского списка — большая их часть не встречается в ТК (там же. С. 51). Но здесь следует иметь в виду то обстоятельство, что примерно половина (25 человек) упомянутых в списке 1546 г. стряпчих отсутствует не только в ТК, но и в таком широком по составу документе, как ДТ (видимо, они выбыли к началу 50-х гг. из состава двора). Кроме того, пятеро из стряпчих 1546 г., судя по данным ДТ, — это явные москвичи, т. е. имели под Москвой владения (возможно, и вотчины).

²⁵ Так, в ДТ не сохранилась часть перечня князей Стародубских (см.: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1969. С. 66; Флоря Б. Н. Несколько замечаний. С. 54).

²⁶ Смирнов И. И. Очерки С. 422; Зимин А. А. Реформы. С. 266.

²⁷ Флоря Б. Н. Несколько замечаний. С. 52.

²⁸ Витебская старина. С. 33. — В начале XVII в. число детей боярских Водской пятины уменьшилось до 494 человек, из которых 108 человек составляли дворовые дети боярские (см.: Десятия Водской пятины 1605 г. // ИРГО. Вып. IV. С. 437—506).

²⁹ См.: Кротов М. Г. Провинциальное дворянство и «государев двор» в середине XVI века // Феодализм в России: Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения акад. Л. В. Черепнина: Тезисы докладов. М., 1985. С. 97.

³⁰ Разряды. С. 147, 148, 173, 175, 188, 191, 193, 196, 197.

³¹ И. Ш. Замыцкий и П. П. Заболоцкий были наместниками в Почапе и Путивле (Разряды. С. 139, 179). Из 75 тысячников новгородцев, названных в боярской книге 1556 г. лишь двое — кн. И. Д. Щепин-Ростовский и Н. З. Чеглоков — упомянуты на кормлениях в центральных городах, основная же их часть «кормилась» в городах и волостях Северо-Запада.

³² Зимин А. А. Реформы. С. 366—371. — Новые имена тысячников, владевших поместьями под Москвой, дает межевая книга Троице-Сергиева монастыря 1557/58 г. — И. М. Вешняков и кн. А. И. Кропоткин, А. Сатин, кн. А. М. Курбский, А. И. Шеин (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 254, л. 1—8).

³³ Смирнов И. И. Очерки. С. 409—412.

³⁴ Из писцовых книг, предшествовавших описаниям 70—80-х гг., можно назвать книги разных писцов 1550—1552 гг. Но известны и другие, более поздние описания. Так, Торокманов стан в середине века описывался писцами: А. Лодыгиным — в 1550/51 г. и кн. Д. Гагариным — в 1558/59 г. (РИБ. Т. II. Стб. 42).

³⁵ См.: ПКМГ. Ч. I. Отд. I. С. 266.

³⁶ Там же. С. 11.

³⁷ Мы не располагаем, правда, определенными данными об испомещении под Москвой тысячников новгородцев — все упомянутые в писцовых книгах Московского у. тысячники — это дворяне «московских городов». Не могут служить прямым доказательством об испомещении новгородцев под Москвой и приведенные И. И. Смирновым данные о пожаловании двум новгородским дворянам поместий «в московских городах» (Смирнов И. И. Очерки. С. 408—409). По-видимому, в силу особенностей службы новгородского и псковского дворянства, которая, как мы видели, ограничивалась преимущественно районом Северо-Запада России, не возникало острой потребности в массовом испомещении этой группы дворян вблизи от столицы. Можно предположить, что по отношению к помещикам северо-западных уездов приговор 1550 г. (в той его части, которая предусматривала раздачу подмосковных поместий) был осуществлен не полностью или вовсе остался только проектом.

³⁸ ГБЛ, ф. 303, кн. 530, л. 216 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 260.

³⁹ Зимин А. А. Дворовая тетрадь. С. 28—47.

⁴⁰ ТКДТ. С. 116, 128; Муз. сп., л. 45 об., 50 об.

⁴¹ Флоря Б. Н. Состав. С. 40.

⁴² См.: Разряды. С. 95, 98, 112, 116, 124, 125, 131.

⁴³ РК 1475—1605. Т. I. С. 374, 405—406.

⁴⁴ Назаров В. Д. Двор. С. 49—50.

⁴⁵ РК 1475—1605. Т. I. С. 463—464.

⁴⁶ См.: Зимин А. А. Земский собор 1566 г. // ИЗ. 1962. Т. 71. С. 202 (табл. 2).

⁴⁷ Витебская старина. Т. IV. С. 33.

⁴⁸ Это видно из такого рода записей: «... а с окольничим новоприборных с Коломны, и с Каширы, и с Козельска 45 чел.» (Витебская старина. Т. IV. С. 43).

⁴⁹ Там же. С. 39—42.

⁵⁰ Мятлев Н. В. Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912. С. 64—65.

⁵¹ О времени и обстоятельствах составления каширской десятины прямо указывается в преамбуле к тексту памятника (Шапошников Н. В. «Heraldica». С. 28). О десятинах по Новгороду и Тарусе см.: Кротов М. Г. 1) Провинциальное дворянство. . . С. 97; 2) К истории составления десятей (2-я половина XVI в.) // Источниковедение и историография истории СССР: Дооктябрьский период. М., 1984. С. 63—71; 3) Опыт реконструкции десятей по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 70—71, 84—85. — Приурочить составление десятни по Серпухову и Тарусе к Серпуховскому июньскому походу 1556 г. позволяет имеющееся в десятне указание о службе «тарушан» в составе полка правой руки под началом воеводы кн. Д. Ф. Палецкого (Кротов М. Г. Опыт. . . С. 84), который упоминается воеводой правой руки весной и в июне 1566 г. (РК 1475—1605. Т. I. С. 507, 510).

⁵² Кротов М. Г. Провинциальное дворянство. . . С. 97.

⁵³ В тарусской десятне среди дворовых детей боярских мы встречаем имена двух тысячников (князей В. В. и Д. В. Борятинских). Возможно, это связано с тем, что «лучшие слуги» попеременно несли службу «с городом» и «в выборе». Хотя широкие обобщения на основании отрывочных данных десятни делать трудно.

⁵⁴ Мятлев Н. В. Тысячники. . . С. 39—41.

⁵⁵ Флоря Б. Н. Состав. С. 40—45. — Анализируя порядок расположения имен дворян в соборном акте 1566 г., Б. Н. Флоря заметил, что список дворян 1-й статьи состоит как бы из двух разных частей — с середины перечня идет перечисление представителей тех же «городов», которые прослеживаются и в первой части списка (там же. С. 44). Можно также говорить о существовании двух разных частей в перечне дворян 2-й статьи — и здесь примерно с середины списка (после перечисления князей Мосальских) идут представители тех же городов, что и в первой части, причем примерно в той же последовательности расположения уездных групп. Можно предположить, что источником для составления перечней участников собора 1566 г. послужил не какой-то один список двора, а два разных документа, каждый из которых в свою очередь подразделялся на две группы (статьи). Если это так, то двусторонняя структура двора утвердилась несколько раньше, чем сам собор 1566 г.

⁵⁶ Зимин А. А. Земский собор 1566 г. С. 205. — Но распределение служилых людей по городам компактными группами прослеживается далеко не всегда. Можно

заметить, что не составляют компактных групп в соборной грамоте те лица, которые в 50-х гг. служили по Вязьме, Можайску и Суздалю. Это обстоятельство не позволяет принять мнения А. А. Зимина о сохранении этими людьми своих земельных владений в опричных уездах к 1566 г. и об отсутствии широкого размаха земельных переселений в годы опричнины (о масштабах опричных переселений мы будем говорить ниже).

⁵⁷ После 1565 г. вплоть до конца 1580-х гг., когда княжеские списки были временно восстановлены, мы не встречаем в источниках определенных упоминаний о княжеских корпорациях. Исключение составляет роспись государева похода в Ливонию в 1579 г. (РК 1475—1605. Т. III. С. 61). Но в литературе уже отмечено, что составители данной росписи пользовались старыми формулами, которые не отражали реального положения дел (см.: Мятлев Н. В. Тысячники... С. 79). В общих списках дворян московских, никак не выделяясь особо, перечисляются имена князей Ростовских, Оболенских, Ярославских и Стародубских (представителей тех же фамилий, что упоминаются в ТК и ДТ в княжеских списках) в росписи Ливонского похода 1577/78 г. и боярском списке 1577 г. Имена целого ряда «княжат» значатся в перечне дворян московских сохранившегося фрагмента боярского списка 1585—1587 гг. (Бс. Ч. I. С. 102—103). В боярском списке 1588/89 г. выделяются уже особые рубрики: «Князи Ростовские», «Князи Оболенские» и т. д. Но в конце XVI в. в условиях утверждения чиновной структуры двора княжеские списки уже не имели прежнего смысла (как в середине века) и включали в свой состав лишь тех князей, ранг которых соответствовал чину дворян московских (сюда не включались «княжата»-стольники и т. д.). Если в середине XVI в. в списание того или иного князя в княжеский список означало, что данный князь имел родовые вотчины на территории княжения своих предков, то в конце XVI в. при составлении княжеских списков этот критерий не «работал». Так, в списке 1588/89 г. в перечне князей Ярославских фигурируют Хворостинины, которые, однако, в Ярославле родовых вотчин не имели (о землевладении см. ниже). Воссозданные в конце 80-х гг. княжеские списки имели, скорее, падкое значение и не случайно вскоре были упразднены.

⁵⁸ Первое несомненное известие о московском дворянстве как об особом чине содержится в боярском списке 1577 г. Но выделение этой группы произошло, очевидно, несколько раньше. Так, в росписи 1574 г. перечень дворян располагается раньше перечня рынд; в росписи 1573 г. упоминаются «дворяне и воеводы» (РК 1475—1605 гг. Т. II. С. 348, 362). Эти записи свидетельствуют, что дворяне занимали весьма высокое положение при дворе уже в первой половине 70-х гг., и можно предполагать, что речь идет о верхушке дворян — дворянах московских.

⁵⁹ См.: Новицкий В. И. С. 22—23.

⁶⁰ Бс. Ч. I. С. 84—101.

⁶¹ Кобрик В. Б. Социальный состав опричного двора : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1961. С. 9, 12—14.

⁶² Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав. С. 157—158.

⁶³ Шапошников Н. В. «Heraldica». С. 40; Альшиц Д. Н. Новый документ. С. 24.

⁶⁴ Бс. Ч. I. С. 270—271. — Вердеревские, Ржевские и князья Дашковы неизвестны как члены особого «двора», а отец А. Н. Ржевского значится по Рязани в «земском» боярском списке 1577 г. (там же. С. 92).

⁶⁵ Станиславский А. Л. Источники. С. 19.

Глава 2

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И СТРУКТУРА ГОСУДАРЕВА ДВОРА (1584—1605 гг.)

В боярском списке 1588/89 г. дворовые чины расположены в следующем порядке: бояре, окольничие, оружейничий, казначай, печатник, дворяне в Думе, постельничий, стряпчий с ключом, ловчий, ясельничий, дьяки, стольники, стряпчие с платьем, жильцы, бараши, «князи служилые», «князи Ростовские», «князи Сузdalские», «князи Оболенские», «князи Ярославские», «князи Стародубские», «кня-

зи Мосальские», «князи Черкасские» (все эти князья приравнивались к дворянам московским), дворяне московские и дворяне выборные из городов (последние расписаны по поуездным рубрикам). Такая структура двора сохранялась в основных чертах на протяжении всего изучаемого нами периода. К концу XVI в. исчезают особые княжеские списки — в боярском списке 1598/99 г. «княжата», в том числе и служилые князья 1588/89 г. (за исключением тех, кто попал в Думу), перечисляются уже среди прочих дворян московских, никак не выделяясь особо.² Упразднение княжеских списков не означало, однако, существенной перемены в структуре двора — по сравнению с серединой века они не имели уже столь определенного смысла и, кроме того, были весьма неудобны в разрядном делопроизводстве. После 1588/89 г. в списках двора стали особо выделяться из общего числа дьяков дьяки думные.³ В списке 1588/89 г. среди дворовых чинов мы не встречаем стрелецких голов — командиров московских стрелецких полков («приказов»), хотя в служебной иерархии они занимали далеко не последнее место, и по указу 1586/87 г. им определялся подмосковный поместный оклад в 100 четв. земли (равный окладу московского дворянина и вдвое превышающий оклад дворянина выборного). Стрелецкие головы, как мы уже видели, играли довольно заметную роль в политической жизни, были надежной опорой Бориса Годунова в борьбе с оппозицией. Командиры московских стрелецких полков подписали утвержденную грамоту об избрании на царство Бориса Годунова.⁴ Не случайно в списках двора начала XVII в. они записываются в числе прочих дворовых чинов.⁵

Порядок расположения дворовых чинов в списке 1588/89 г. в целом традиционный и соответствует перечислению чинов в росписи Польского похода 1563 г. — чины думные и дворцовые, стольники, стряпчие и жильцы, а затем идут дворяне выборные (в начале 60-х гг. еще не было обособления дворян московских, или больших, и дворян выборных из городов). Но этот порядок не вполне совпадает с реальным иерархическим положением отдельных чинов в структуре государева двора конца XVI в. Так, дворяне московские перечисляются в списке 1588/89 гг. ниже жильцов, хотя их положение при царском дворе было несравненно более высоким. Достаточно указать хотя бы тот факт, что подмосковный поместный оклад у московских дворян был вдвое большим, чем у жильцов. По реальному положению в государстве и при дворе московские дворяне (как мы увидим) были, пожалуй, не ниже стольников. Расположение в списке государева двора стольников, стряпчих и жильцов перед московскими дворянами объясняется, очевидно, традициями, эволюцией самой структуры двора. Стольники, стряпчие и жильцы в отличие от дворян (московских и выборных) традиционно составляли как бы личный двор государя. На переговорах в Речи Посполитой о кандидатуре царя Федора на польский престол в 1587 г. русские послы ставили, в частности, условие, что царь может выехать в Польшу только «с своими людьми, с своим двором, которые при нем живут ближние бояре, диаки ближние, стольники, стряпчие, жилцы и всякие дворовые люди по их государскому чину... у государя

нашего бояре, и оконничие, и приказные люди, и диаки, и столники, и стряпчие, и жилцы, и всякие дворовые люди живут при нем, государе, не переменяясь из начала от прародителей его государских». ⁶ Чины стольников, стряпчих и, вероятно, жильцов выделились уже в первой половине XVI в. Чины же московских и выборных дворян оформились позднее.

В составе двора конца XVI—начала XVII в. можно выделить следующие основные чиновные группы: 1) чины думные (бояре, оконничие, думные дворяне и думные дьяки); чины дворцовые (конюшие, дворецкие, оружейничие, казначеи, печатники, кравчие, ясельничие, постельничие, стряпчие с ключом, ловчие, сокольничие ⁷); 3) чины московские (стольники, стряпчие, дворяне московские, а также жильцы ⁸); 4) дворяне выборные из городов; 5) дьяки.

Охарактеризуем подробнее состав и положение каждого из чинов государева двора, начиная со стольников.⁹

Стольники.

В боярском списке 1588/89 г. упоминается 31 представитель этого чина.¹⁰ Это примерно соответствует числу стольников в первой половине XVI в. (в списке 1546 г. значатся 32 стольника).¹¹ Как и в 40-е гг. XVI в., все стольники 80-х гг. принадлежали к цвету русской аристократии, к боярско-княжеской знати. Почти половина стольников 1588/89 г. являлась представителями родовитых княжеских фамилий — Одоевские (2 человека), Телятевские (1), Сицкие (3), Щербатовы (1), Бахтеяровы-Ростовские (1), Хворостинины (1), Гвоздевы-Ростовские (1), Приимковы-Ростовские (1), Хованские (2), Троекуровы (1), Іыковы (1). Остальная часть — выходцы из виднейших старомосковских боярских родов: Романовы (2), Годуновы (6), Сабуровы (5), Морозовы (1), Басмановы-Плещеевы (2), Плещеевы (1). По сравнению с 70-ми — началом 80-х гг. общее число стольников уменьшилось. Только в «земском» боярском списке 1577 г. названо 27 стольников, а в особом «дворе» было по меньшей мере 24 стольника.¹² Уменьшение это было связано с пересмотром состава бывшего «двора» и лишением худородных «дворовых» стольничих чинов после смерти Грозного. После 1588/89 г. численность стольников заметно возросла. В боярском списке 1598/99 г. и утвержденной грамоте об избрании на престол Бориса Годунова (перечень и подписи которой относятся к январю—февралю 1599 г.) названо 47 стольников,¹³ т. е. в конце 1598—начале 1599 г. одновременно служило не менее 47 стольников. А к концу царствования Годунова (к 1604 г.) число стольников достигло по меньшей мере 70 человек, т. е. увеличилось по сравнению с 1588/89 г. более чем вдвое. По росписи русского войска 1604 г. выявляются имена 45 стольников. Это представители следующих фамилий: князья Буйносовы-Ростовские, Елецкие, Катыревы-Ростовские, Куракины, Курлятевы, Іыковы, Мезецкие, Одоевские, Прозоровские, Суслевы, Троекуровы, Тростенские, Трубецкие, Туренины, Урусовы, Ушатые, Хворостинины, Хилковы, Хованские и Черкасские, а также Бутурлины, Бельяминовы-Зерновы, Волошские, Болынские, Годуновы, Зюзины, Плещеевы, Сабуровы и Салтыковы.¹⁴ Этот список стольников

1604 г. можно дополнить по другим источникам — М. И. Вельяминов,¹⁵ С. И. Меньшой Волынский,¹⁶ кн. Б. М. Лыков,¹⁷ кн. Д. И. Мезецкой,¹⁸ В. С. Плещеев,¹⁹ князья Д. М.²⁰ и И. Н.²¹ Пожарские, А. Б. Полев,²² кн. В. Р. Пронский,²³ З. И.²⁴ и И. Г.²⁵ Сабуровы, кн. А. Ю. Сицкий,²⁶ Ю. И. Татищев,²⁷ кн. И. Ф. Троекуров,²⁸ кн. Ю. Н. Трубецкой,²⁹ кн. А. А. Хованский,³⁰ М. Б. Шеин,³¹ И. Н. Шерemetев,³² кн. М. В. Скопин-Шуйский,³³ кн. В. Н. Щербатый.³⁴

Всего за период с 1588/89³⁵ по 1605 г. мы имеем в источниках сведения о службе около 100 стольников. Из них лишь Н. В. Щепин, С. И. и Ф. В. Волынские, Я. В. Зюзин, кн. Ф. А. Елецкой, князья Д. М. и И. Н. Пожарские, А. Б. Полев и Ю. И. Татищев не входили в круг (весьма условно очерченный нами выше) боярско-княжеской аристократии. Однако и они являлись видными в служебно-местническом отношении людьми. Князья Елецкие и Пожарские, а также Полевы и Волынские — фамилии довольно родословные.³⁶ Я. В. Зюзин и Ю. И. Татищев были детьми думных дворян, видных политических деятелей. Все прочие стольники (91 %) являлись выходцами из виднейших княжеских и старомосковских боярских родов и в социальном плане принадлежали к «боярскому» слою. Таким образом, можно сделать общий вывод о весьма аристократическом составе стольников на всем протяжении изучаемого нами периода.

Большинство стольников, занесенных в боярский список 1588/89 г. (полный список стольников и прочих чинов двора), были людьми молодыми (между 1588/89 г. и первым упоминанием в разрядах и других источниках редко была разница более чем 10 лет). Из 47 стольников 1598/99 г. лишь 7 человек упоминаются в источниках до 1588 г., а 17 человек получили этот чин уже после 1588/89 г. Треть состава стольников 1588/89 г. (10 человек) были детьми бояр и окольничих (М. Н. и И. Н. Романовы, князья И. Н. Большой и И. Н. Меньшой Одоевские, С. С. и И. И. Годуновы, Н. Ф. и И. Ф. Басмановы, кн. Ф. Ф. Хворостинин, кн. А. В. Сицкий). Большинство стольников — родственники бояр и окольничих XVI в. Наиболее знатные лица верстались чином стольника сразу. На первых порах они несли службу вместе со своими отцами.³⁷ Представители, как правило, менее родовитых фамилий жаловались в стольники из стряпчих (Б. М., В. И., Г. Г., Д. А., М. И., Н. Д., П. Д., С. М. и Ф. У. Вельяминовы, П. В., С. И. и Ф. В. Волынские, Я. В. Зюзин, кн. Ф. И. Лыков, кн. Н. М. Мезецкой, В. С. и Ф. С. Плещеевы, кн. Д. М. Пожарский, А. Б. Полев, кн. В. Р. Пронский, Ю. И. Татищев, кн. В. Н. Тростенский, кн. Ю. Н. Ушатый, кн. Н. А. Черкасский). Некоторые стольники конца XVI—начала XVII в. начинали карьеру в чине жильца. Но, как правило, они жаловались затем чином стряпчего и только после этого производились в стольники. О некоторых лицах (С. Д. Вельяминов, кн. Б. М. Лыков, кн. Д. И. Мезецкой, Г. С. Сабуров, М. Б. Шеин) мы не можем определенно сказать, жаловались ли они в стольники из жильцов непосредственно или же имели перед этим чин стряпчего. Прямых неопровергимых данных о пожалованиях в стольники непосредственно

из жильцов у нас нет. Лишь двое стольников (князья Ф. А. Елецкой и И. Н. Пожарский) были произведены в этот чин из выборных городовых дворян. Таким образом, стольники крайне редко пополнялись представителями нижних чинов двора. Для многих (особенно родовитых молодых людей) чин стольника был как бы «переходным» к чину московского дворянина и к боярству и окольничеству. Часто стольники попадали в Думу, пройдя через службу в дворянах московских. Дело в том, что при назначении в Думу не только учитывалась «порода», но и существовал определенный «возрастной ценз», а также необходим был опыт военной и административной службы, который отпрыски знатных фамилий могли приобрести, служа в московских дворянах. Иногда стольники непосредственно жаловались боярством и окольничеством (И. Ф. Басманов, М. М., С. Н. и С. С. Годуновы, М. Н. и Ф. Н. Романовы, кн. А. А. Телятовский, кн. И. Д. Хворостинин, М. Б. Шеин). Это либо лица, прослужившие в чине стольника длительное время (кн. А. А. Телятовский служил в стольниках на протяжении около 20 лет — с 1580³⁸ по 1600 г.), либо представители наиболее близких ко двору семей и царские фавориты (Годуновы, Романовы, Басмановы и Телятовский), либо получившие думный чин за сеунч (М. Б. Шеин). Многие стольники (представители не самых родовитых фамилий, имевшие «стаж» службы еще в жильцах и стряпчих) завершали свою служебную карьеру в этом чине.

Служба стольников, судя по данным разрядных и посольских книг и других источников, носила в основном придворный характер — на дворцовых церемониях, приемах послов, в царских походах они служили в рындах, были почетной «прислугой» за царскими столами, являлись царскими посыльными в полки для раздачи денежного жалования и для «сказания государева жалованного слова», во время «государевых походов» (с участием царя) составляли в царском полку свои особые отряды («стольники в головах и ясоулах», «ясоулы стольники»).³⁹ Перед крупными походами стольники производили верстание и смотры детей боярских.⁴⁰ В основном служба стольников протекала при особе государя. Довольно редко мы встречаем стольников среди полковых и городовых воевод.⁴¹ Так, А. А. Телятовский за 20 лет своей службы в стольниках (он имел, пожалуй, наиболее длительный стаж службы в этом чине) ни разу не назначался на воеводский пост, лишь один раз, в 1590 г., он был послан «на берег» «смотреть» дворян и детей боярских.⁴² В основном же он служил при особе государя — в рындах, прислуживал за царскими столами, сопровождал царя в походах. В боярском списке мы не встречаем ни одной пометы о службах стольников в разного рода «посылках».

Стряпчие с плащем.

В чиновной иерархии двора они стояли ниже стольников. Но в целом их служба была однородна службе стольников. Сфера деятельности стряпчих, как и стольников, преимущественно «придворная» — служили в рындах, «прислуживали» за царскими столами, вместе со стольниками производили смотры детей боярских.⁴³ Редко

встречаем стряпчих воеводами в городах.⁴⁴ Иногда только по характеру служебных назначений трудно определить, кто перед нами — стольник или стряпчий.

Всего в боярском списке 1588/89 г. значится 14 человек стряпчих с плащем. В земском боярском списке 1577 г. упомянуто только двое представителей этого чина — Нетр Большой и Нетр Меньшой Петровы дети Головина.⁴⁵ Около 10 человек стряпчих служило в тот период в составе особого «двора».⁴⁶ Надо заметить, что никто из «дворовых» стряпчих 70-х — начала 80-х гг. в перечень стряпчих боярского списка 1588/89 г. не попал. Не попали сюда (по причине опалы) и земские стряпчие Головины (они значатся как стряпчие еще в начале 80-х гг.). Таким образом, во второй половине 80-х гг. стряпчих пришлось набирать заново. В дальнейшем численность стряпчих заметно возросла. В боярском списке 1598/99 г. и утвержденной грамоте значится уже 35 стряпчих. Сложнее определить число стряпчих на конец рассматриваемого нами периода (1604—1605 гг.). Всего за время с 1588/89 по 1605 г. мы имеем сведения приблизительно о 60 стряпчих.⁴⁷ Большинство их (36 чел.) принадлежали к княжеско-боярским родам — Вельяминовы-Зерновы (13 человек), кн. Звенигородский (1), Долматов-Карпов (1), князья Тобанов-Ростовский (1), Щеков (1), Мезецкие (2), Мосальский (1), Ноздроватый (1), Пронский (1), Тростенский (1), Тюменский (1), Ушатый (1), Хованский (1), Черкасские (3), Шестунов (1), а также Плещеевы (6). Надо отметить, что в отличие от состава стольников здесь преобладают представители второстепенной знати. Прочие стряпчие являлись выходцами либо таких родословных «дворянских» фамилий, которые можно отделить от «боярских» лишь условной, зыбкой границей (князья Борятинские,⁴⁸ Волынские, Воронцовы-Вельяминовы, князья Гяземские, князья Пожарские, Нильевы-Нильевомы,⁴⁹ Полевы), либо детьми и родственниками видных политических деятелей — думных дворян и думных дьяков (В. И., Г. И., М. И. и Ю. И. Татищевы, Я. В. Зюзин, И. А., М. А. и А. И. Пушкины, Б. О. Клешнин и И. В. Щелкалов). Стряпчий А. И. Шестово принадлежал к роду Морозовых-Филимоновых, Ксения Ивановна Шестова была женой видного боярина Ф. Н. Романова.⁵⁰ К старинному роду рязанских бояр относился стряпчий Н. Н. Измайлов, отец которого Н. Н. Измайлов имел чин московского дворянина и служил на воеводских должностях.⁵¹

Таким образом, состав стряпчих рассматриваемого периода был в целом довольно аристократичным, мы не видим среди них лиц совершенно новых, «случайных». В стряпчие зачислялись дети преимущественно московских дворян, реже — дети окольничих (Н. Д. и П. Д. Вельяминовы), думных дворян (Я. В. Зюзин, В. И., Г. И., М. И. и Ю. И. Татищевы, И. А. и М. А. Пушкины), думных дьяков (И. В. Щелкалов), выборных городовых дворян (А. И., В. И. и М. И. Вельяминовы, Д. А. и С. А. Вельяминовы, В. С. и Ф. С. Плещеевы) и стрелецких голов (Ф. У. Вельяминов).⁵² Нередко в стряпчие попадали из жильцов (В. И., Г. Б., Д. А., С. М., С. А. и Ф. У. Вельяминовы, Л. А. Воронцов-Вельяминов, С. И. Мень-

шой Волынский, кн. Ю. А. Звенигородской, Н. В. Измайлова, Б. О. Клешнин, В. С., Г. А., И. Г. и И. Д. Заяц Плещеевы, А. И. и М. А. Пушкины, кн. А. Р. Тюменский, кн. П. А. Черкасский, А. И. Шестово). Но чаще представители знати и дети видных политических деятелей жаловались в стряпчие, вероятно, сразу, еще молодыми людьми. Не случайно в списках стряпчих мы встречаем лиц, упомянутых с уменьшительными именами. Факты производства в стряпчие из прочих чинов двора нам неизвестны.⁵³

Большинство из стряпчих рассматриваемого времени, имена которых удается выявить (35 человек из 60), в конце XVI—первой четверти XVII в. дослужились до чина стольника, из стольников же эти лица продвигались дальше — в московские дворяне, окольничие и т. д. Редко стряпчие производились непосредственно в московские дворяне.⁵⁴ Сын думного дворянина И. П. Татищева, любимец царя Бориса Годунова М. И. Татищев сделал следующую карьеру: стряпчий, затем ясельничий и думный дворянин, а в годы Смуты стал окольничим. Иногда стряпчие за опалу переводились в городовые выборные дворяне (кн. Н. П. Борятинский,⁵⁵ А. И. Бельяминов,⁵⁶ Б. И. Долматов-Карпов и А. И. Шестово,⁵⁷ А. И. и М. А. Пушкины).⁵⁸

Дворяне московские.

В отличие от стольников, стряпчих, а также жильцов, несших преимущественно «придворную» службу, служба московских и выборных дворян носила больше «общегосударственный» характер.

Служебные назначения московских дворян были самыми разнообразными — они служили воеводами в городах и полках, а во время крупных государственных походов составляли отряды голов и ясачных и охраяли царский стан, являлись судьями в московских приказах, отправлялись послами за границу, участвовали в дворцовых церемониях, посольских приемах и т. д., были «объезжими» головами в Москве (для охраны порядка), производили описания уездов, верстания на службу городовых детей боярских, назначались в самые разнообразные «посылки». В отличие от стольников и стряпчих, служивших в основном в столице, московские дворяне значительную часть времени проводили в «посылках». В XVII в. московские дворяне служили по «половинам» — единовременно одна их часть находилась «в Москве», другая — «в отпуске», а третья — «по службам». Затем (в течение года) они менялись — «отпускная» часть предыдущего «наличного» списка ложилась в основу «московской» части последующего списка, а «московская» часть — в основу «отпускной» и т. д.⁵⁹ По всей вероятности, такой порядок организации службы существовал и в XVI в. В «московском» (по определению С. П. Мордовиной и А. И. Станиславского⁶⁰), т. е. зафиксировавшем ту часть дворовых, которая несла службу в столице, боярском списке 1598/99 г. записано всего 85 московских дворян — менее половины их общего числа.

По своему составу московские дворяне в подавляющем большинстве принадлежали к боярско-княжеской аристократии. Всего в боярском списке 1588/89 г. значится 174 дворянина московского

(включая служилых князей и лиц, занесенных в княжеские списки). Из них только 36 человек (около 20 %) не принадлежало (по нашим критериям) к «боярскому слою». Но и они в целом не были людьми новыми, худородными. К ним относились князья П. И. Борятинский, А. И. Вяземский и Ф. С. Друцкий,⁶¹ представители старомосковских служилых родов — В. Я., Г. В., И. Г., М. Г., Меньшой Гр. Волынские, А. И. Батрак Вельяминов-Воронцов, его сородич Л. И. Аксаков,⁶² З. И. Лыков и его сородич И. С. Злобин,⁶³ А. М., И. М. и Н. М. Пушкины,⁶⁴ Андрей и Афанасий Васильевичи Замыцкие,⁶⁵ Ф. Н. Мисюрев-Дроздов,⁶⁶ И. А. Жеребцов,⁶⁷ от смоленских князей — Б. И. и И. О. Полевы и Е. Л. Ржевский,⁶⁸ из старого рода рязанских бояр — А. Я. и В. П. Измайлова⁶⁹ из довольно знатного рода выезжих греков — Ф. М. и И. М. Ласкиревы,⁷⁰ представитель родословной фамилии, попавший в государев родословец, Л. З. Новосильцев,⁷¹ В. Б. Сукин (его отец играл видную роль при дворе в середине XVI в., а дядя дослужился до боярского чина), из бывших опричников — Г. А. Васильчиков, К. Д. Поливанов⁷² и Ф. А. Писемский,⁷³ бывшие «дворовые» Ивана IV — Р. В. Алферьев (был переведен в опале в московские дворяне из чина думного дворянина и печатника), Н. Я. Бельский (брать известного Б. Я. Бельского),⁷⁴ Д. И. Черемисинов (бывший «дворовый», брат казначея и думного дворянина Деменши Черемисинова), видный в прошлом дьяк А. Ф. Клобуков,⁷⁵ А. Ф. Загряжский (представитель «доброго» дворянского рода, начавший служить еще в середине XVI в.).⁷⁶

Изменение численности московских дворян после 1588/89 г. проследить довольно трудно — в боярском списке 1598/99 г. зафиксирована лишь часть представителей этого чина; не сохранился перечень дворян московских в боярском списке 1602/03 г. Всего, по данным боярских списков, росписи русского войска 1604 г. и других источников, в чине московского дворянина с 1588/89 по 1605 г. служили 246 человек — Л. И. Аксаков, Р. В., В. Р. и С. Р. Алферьевы, И. Ф. Басманов, князья А. И., В. Ф., В. И., И. И. Бахтеяровы-Ростовские, С. О. Безобразов, Н. Я. Бельский, С. Ф. Блудов, Г. Н. Борисов, кн. П. И. Борятинский, князья В. И. и П. И. Буйносовы-Ростовские, Е. В., И. М., М. В. и Ф. А. Бутурлины, Г. А. Васильчиков, А. П., В. А., В. И., Г. И., Д. И., М. И., Т. Г., Ю. И. и Я. П. Вельяминовы-Зерновы, А. И. Батрак Вельяминов-Воронцов, И. И. и М. И. Внуковы, кн. А. Р. Волконский, Д. И. и С. А. Волошские, В. Я. Щепин, Г. В., И. Г., Меньшой Гр. и М. Г. Волынские, князья Д. М. и И. М. Воротынские (служилые князья), кн. А. И. Вяземский, князья В. И. и М. Ф. Гвоздевы-Ростовские, А. Н., И. Н., Н. В., П. В. и Я. М. Годуновы, князья А. В., А. И., В. В., И. В., И. И. Голицыны, Т. В. Грязной, кн. А. И. Гундоров, М. С. и С. Г. Дмитриевы,⁷⁷ князья А. Г., А. Б., В. Г., В. В., В. Т., Г. Б. Роща, Г. И. Черт, Г. Т., И. А., М. И., С. И., Ф. И. и Ф. Т. Долгорукие, Ф. М. Дроздов, кн. Ф. С. Друцкий, И. А. Жеребцов, А. Ф. Загряжский, А. В. и Аф. В. Замыцкие, князья А. Ф. Жировой, В. Ф. Жировой, Г. О. Зубок, И. А. Солнцев, И. Ф. Жировой, Л. Б. и П. Б. Засекины, князья В. А., И. А. Рюмины,

И. Г., С. Г. и Ф. А. Звенигородские, И. С. Злобин-Болодимеров, А. Я. и В. П. Измайлова, Д. И. Меньшой Исленьев,⁷⁸ кн. М. П. Катырев-Ростовский, кн. М. Ф. Кашин, А. Ф. Клобуков, Д. А. Крабов, кн. Ф. И. Кривоборский, В. Я. Кузьмин-Короваев,⁷⁹ князья М. А. и С. А. Куракины, И. М. и Ф. М. Ласкиревы, князья В. М., С. М. и Ф. М. Лобановы-Ростовские, князья Б. И., С. И. и Ф. И. Белоглазовы-Лыковы, З. И. Лыков, кн. Б. И. Мезецкой, кн. Ю. Г. Мещерский, И. В. Милюков,⁸⁰ В. П. Морозов и Г. И. Мещенинов-Морозов, князья В. В. Литвинов, В. Ф. Александров, В. Ф. Литвинов, В. И. Горбатый, В. В. Кольцов, В. И. Клубков, Д. В. Горбатый, И. Д. Клубков, И. . Г. Клубков, Ф. А. и Ф. И. Литвиновы-Мосальские, И. П. и П. П. Мутьянские, Г. А. Нащокин,⁸¹ Л. З. Новосильцев, кн. Ф. А. Ноготков, кн. Д. А. Ногтев, князья Г. А., М. В. и Ф. В. Ноздроватые, князья И. Н. Большой, И. Н. Меньшой и М. Н. Одоевские, кн. Р. В. Охлябинин, Ф. А. Писемский, В. Т. и О. Т. Плещеевы, Н. И. Очин-Плещеев, Б. И., И. О. Полевы, К. Д. Попиванов, князья А. Д., Б. Н., В. Р., Д. Б., И. Н. Приимковы-Ростовские, кн. В. А. Прозоровский, А. М., И. М. и Н. М. Пушкины, кн. А. А. Репнин, Е. Л. Ржевский, князья Г. П. и И. П. Ромодановские, Б. С., В. Ф., Е. И., Ж. С., М. Б., М. К., Н. Ф.,⁸² С. В., С. Ф. и Т. И. Сабуровы, Д. Б., Е. М., И. Л., И. Н., М. Г. и М. М. Салтыковы, А. Д., Дмитрий, И. Д. и П. Д. Селунские, П. Г. Совин, Я. И. Старков, В. Б. Сукин, князья Б. П., И. А., С. А., Ф. А. Татевы, кн. М. Г. Темкин-Ростовский, кн. И. Ю. Токмаков, И. В., Н. К. и Т. И. Траханиотовы, А. Ф. и С. Ф. Третьяковы-Головины, кн. А. В. Трубецкой (служилый князь), князья В. П., Д. Б., И. С., М. С. и Ф. В. Турины, князья В. А. и Р. А. Тюменские, князья В. В., В. М.,⁸³ Н. В., С. В. и Ф. В. Тюфякины, князья А. И. и П. И. Хворостинины, князья А. В., А. Д. и В. Д. Хилковы, князья Б. П. и И. Б. Хованские, Б. Л. Цыплятев, И. И. Чемоданов, И. Н. Чепчугов, Д. И. Черемисинов, князья А. Ч., Б. К., В. К., Д. М.,⁸⁴ И. Е., П. А. Черкасские, князья М. М. и П. М. Шаховские, кн. Аф. Шейдяков (служилый князь), П. Н. и Ф. И. Шереметевы, князья В. Д. и И. Д. Шестуновы, князья Ал. И.,⁸⁵ И. И.⁸⁶ и М. В. Скопин-Шуйские,⁸⁷ князья В. Г., Г. И., И. А., И. Г., И. М., И. О., К. И., Л. О., М. А. и Меркурий Ал. Щербатые.⁸⁸ Из них 76 % лиц (184 человека) являлось представителями княжеско-боярской аристократии (такой же примерно процент, что и при анализе перечня дворян только по списку 1588/89 г.). Хотя приведенный список московских дворян конца XVI—начала XVII в. не является исчерпывающим, все же он достаточен для общего вывода о том, что социальный состав дворян за время царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова не претерпел существенных изменений. Из представителей небоярских родов после 1588/89 г. в состав московского дворянства вошло лишь 19 человек — В. Р. и С. Р. Алферьевы (дети думного дворянина и печатника Р. В. Алферьева), С. О. Безобразов (брать постельничего И. О. Безобразова),⁸⁹ С. Ф. Блудов,⁹⁰ И. И. и М. И. Внуковы,⁹¹ кн. А. Р. Волконский,⁹² Т. В. Грязной,⁹³ М. С. Дмитриев,⁹⁴ Д. И. Меньшой Исленьев,⁹⁵ Д. А. Крабов,⁹⁶ В. Я. Кузьмин-Короваев,⁹⁷ И. В. Милюков,⁹⁸

Г. А. Нащокин,⁹⁹ П. Г. Совин,¹⁰⁰ Я. И. Старков,¹⁰¹ Б. Л. Цыплятев,¹⁰² князья М. М. и П. М. Шаховские.¹⁰³

Можно предположить принадлежность к московскому дворянству в 1588—1605 гг. следующих лиц — М. Ф. Аксакова,¹⁰⁴ кн. Ф. И. Борятинского,¹⁰⁵ Ф. Л. Бутурлина,¹⁰⁶ Г. Б. Васильчикова,¹⁰⁷ В. С. Волынского,¹⁰⁸ А. Д. Звенигородского,¹⁰⁹ кн. В. А. Звенигородского,¹¹⁰ кн. Г. С. Коркодинова,¹¹¹ С. В. Кузьмина,¹¹² Б. В. Іодыгина,¹¹³ кн. В. М. Рубец-Мосальского,¹¹⁴ Ю. Г. Пильемова,¹¹⁵ И. Д. Плещеева Зайца,¹¹⁶ кн. Б. Н. Приимкова-Ростовского,¹¹⁷ И. Н. Салтыкова,¹¹⁸ кн. С. Д. Щербатого.¹¹⁹ И среди этой группы лиц видное место занимают представители княжеско-боярской знати.

Нам не удалось проследить сколько-нибудь заметного возрастаия численности московских дворян с 1588/89 г. до конца царствования Бориса Годунова. Следует, правда, сослаться на отсутствие полных перечней представителей этого чина после 1588/89 г. Но и те материалы боярских списков конца XVI—начала XVII в. (включая и позднейшие списки 1606/07 и 1610/11 гг.), которые мы имеем, в сочетании с данными разрядных книг (где полно фиксировались воеводские назначения в полки и города — основной вид службы московских дворян) и других источников позволяют выявить основную часть дворян московских. Можно полагать, что в конце XVI—начале XVII в. численность московского дворянства существенно не увеличилась.¹²⁰

В отличие от стольников московские дворяне в массе своей были людьми зрелого возраста, этого требовал сам характер их служебных назначений. Представители знати, дети и родственники бояр и окольничих, как правило, попадали в московские дворяне из стольников (И. Ф. Басманов, кн. А. И. Бахтеяров, М. В. Бутурлин, кн. В. И. Гвоздев-Ростовский, А. Н., И. Н., Н. В., Н. В. и Я. М. Годуновы, князья А. И. и И. И. Голицыны, кн. В. Т. Долгорукий, кн. И. Н. Большой и И. Н. Меньшой Одоевские, кн. В. А. Прозоровский, кн. А. А. Репнин, Б. С. и Н. Ф. Сабуровы, М. Г. и М. М. Салтыковы, князья Б. П. и И. А. Татевы, А. Ф. Третьяков-Головин, кн. А. В. Трубецкой, кн. Ф. В. Туренин, кн. А. Д. Хилков, Н. Н. Шереметев, кн. С. Д. Щербатый и, вероятно, другие). Менее родословные лица получали чин московского дворянина из выборных городовых дворян — Л. И. Аксаков, В. Р. и С. Р. Алферьевы, С. О. Безобразов, С. Ф. Блудов, Г. Б. Васильчиков, В. А., В. И., Г. И., Т. Г., Я. П. Вельяминовы, В. И. Вешняков, И. И. Внуков, кн. А. Р. Волконский, В. Я. и Г. Б. Волынские, Т. В. Грязной, кн. А. И. Гундоров, князья В. А., И. Г., С. Г. и Ф. А. Звенигородские, А. Я. Измайлов, Д. И. Меньшой Исленьев, В. Я. Кузьмин-Короваев, Ф. М. Іаскирев, князья В. М., С. М. и Ф. М. Лобановы-Ростовские, З. И. Лыков, кн. Ю. Г. Мещерский, И. В. Милюков, Г. А. Нащокин, князья Г. А. и М. В. Ноздроватые, А. М. и Н. М. Пушкины, Е. И. Ржевский, Я. И. Старков, Б. Л. Цыплятев, И. Н. Чепчугов, князья М. М. и П. М. Шаховские. Возможно, иногда в дворяне московские назначались из стряпчих (Ю. Г. Пильемов и И. Д. Плещеев). Известны случаи, когда службе в чине московского дворянина пред-

шествовала служба в жильцах, но трудно сказать, жаловали ли в московские дворяне из жильцов непосредственно (князья Л. Б. и П. Б. Засекины, кн. И. Л. Клубков-Мосальский, кн. И. Н. Приимков-Ростовский, И. Н. Салтыков, кн. М. А. Щербатый).

Московские дворяне были главным резервом пополнения Боярской думы. Подавляющее большинство бояр и окольничих конца XVI—начала XVII в. были пожалованы думными чинами из московских дворян — И. Ф. Басманов (в окольничие), кн. И. И. Буйносов (в думные дворяне, а затем в бояре), И. М. Бутурлин (в окольничие), Ф. А. Бутурлин (в окольничие), Д. И. Бельяминов (в окольничие), С. А. Волошский (в бояре), кн. И. М. Воротынский (из служилых князей в бояре), Г. В. Годунов (в бояре и дворецкие), И. Б. Годунов (в окольничие, затем в бояре), Н. В. и П. В. Годуновы (в окольничие), Я. М. Годунов (в окольничие), князья А. И., В. В. и И. И. Голицыны (в бояре), кн. М. П. Катырев-Ростовский (в бояре), кн. А. П. Куракин (в бояре), Б. П. Морозов (в окольничие, затем в Смуту в бояре), кн. Ф. А. Ноготков (в бояре), С. Ф. Сабуров (в окольничие), М. Г. Салтыков (в окольничие, затем в бояре), М. М. Салтыков (в окольничие), князья А. В., Н. Р. и Т. Р. Трубецкие (в бояре), князья В. П. и И. С. Туренины (в окольничие), кн. А. И. Хворостинин (в окольничие), кн. В. Д. Хилков (в окольничие), князья Б. К. и В. К. Черкасские (из служилых князей в бояре), П. Н. Шереметев (в окольничие), кн. Ал. И. Шуйский (в бояре), кн. И. И. Шуйский (в бояре), а также, очевидно,¹²¹ кн. И. В. Гагин Великий (в окольничие), кн. И. М. Глинский (в бояре), С. В. Годунов (в окольничие, затем в бояре), кн. Г. А. Куракин (в бояре), кн. Н. С. Лобанов-Ростовский (в окольничие), кн. Ф. И. Мстиславский (в бояре), И. И. Сабуров (в окольничие), кн. И. В. Сицкий (в бояре), кн. П. И. Татев (в окольничие, затем в бояре), кн. Ф. М. Троекуров (в окольничие, затем в бояре), Ф. В. Шереметев (в окольничие, затем в бояре), кн. Ф. Д. Шестунов (в бояре), князья А. И. и В. И. Шуйские (в бояре).¹²² Лишь несколько человек, как мы видели, попали в окольничие и бояре из стольников. В окольничие и бояре жаловали также из постельничих (Д. И. Годунов), из кравчих (Б. Ф. Годунов, кн. Д. И. Шуйский, А. Н. Романов, И. И. Годунов) и из дворецких (кн. Ф. И. Хворостинин). Изредка до окольничества и боярства дослуживались думные дворяне (Б. Я. Бельский, А. П. Клешнин, а также кн. П. И. Буйносов-Ростовский) и в исключительных случаях думные дьяки (Б. Я. Щелкалов был пожалован Плжедмитрием в окольничие).

Жильцы.

Если социальный состав стольников, стряпчих и дворян московских можно в целом охарактеризовать как «боярский» (подавляющее большинство представителей этих чинов принадлежало к княжеско-боярской аристократии), то иным был социальный облик жильцов. Из 210 жильцов, названных в боярском списке 1588/89 г., лишь 43 человека (пятая часть) являлись представителями знати (хотя в целом не первостепенной) — князья Приимковы-Ростовские (4 че-

ловека), Салтыковы (1), Сабуровы (1), Шеины (2), князья Тыковы (1), князья Щербатые (2), князья Мезецкие (1), князья Гундоровы (2), Шеины (2), Плещеевы (8), Вельяминовы-Зерновы (19). Все прочие жильцы были выходцами из уездного дворянства, но они принадлежали не к рядовому дворянству, а к его верхушке. Подавляющее большинство жильцов (93 %) принадлежало к тем фамилиям, которые встречаются в Тысячной книге и Дворовой тетради, т. е. к фамилиям, издавна связанным с государственным двором и известным правительству. На протяжении конца XVI—начала XVII в. численность жильцов растет. В 1598 г. в Серпуховском походе на татар участвовало 274 жильца, т. е. в то время их было не менее 274 человек.¹²³ По неполным перечням жильцов в списке 1602/03 г. и росписи русского войска 1604 г. насчитывается 255 имен. Новые (отсутствующие в боярских списках и росписи 1604 г.) имена жильцов выявляются по утвержденной грамоте, кормленой книге 1604 г. и данным разрядных книг — М. А. Вельяминов, Ф. С. Вельяминов-Воронцов, П. И. Внуков, С. И. Волынский, кн. А. Ф. Гагарин, кн. М. Б. Долгорукий, С. И. Исленьев, кн. И. И. Козловский, Арт. Лодыженский, кн. Ф. Ф. Мещерский, И. И. Милюков, кн. И. В. Кольцов-Мосальский, кн. И. Л. Мосальский, И. К. Наумов, И. Е. Плещеев, Д. С. Погожий, Ф. И. Погожий, С. М. Проестев, М. Н. Пушкин, И. А. Сербин, А. С. Собакин, И. А. Тарбеев, М. С. Тургенев, кн. В. П. Ахамашуков-Черкасский.¹²⁴

Всего за рассмотренный нами период мы имеем сведения о 485 жильцах. Из них к знати принадлежало лишь 70 человек (14.4 %) — Бутурины (1), Вельяминовы (20), князья Гундоровы (2), князья Долгорукие (3), князья Засекины (5), князья Звенигородские (2), кн. Тыков (1), князья Мезецкие (2), князья Мосальские (3), Плещеевы (17), князья Приимковы-Ростовские (4), Сабуровы (1), Салтыковы (1), Третьяковы-Головины (1), князья Тюменские (1), князья Черкасские (2), Шеины (2), князья Щербатые (2). Более половины из этих лиц (37 человек) составляют Вельяминовы-Зерновы, которые только начинают в конце XVI в. утверждаться в боярской среде, и Плещеевы — сильно размножившийся род, многие ветви которого захудали и фактически выбыли из круга аристократии.

В целом по своему социальному составу жильцы стояли ближе к выборному городовому дворянству, чем к стольникам, стряпчим и дворянам московским. Почти половина жильцов 1588/89 г. (93 человека из 210) в конце XVI—начале XVII в. перешла (насколько это нам известно) в выборные дворяне, 15 жильцов продолжали служить в этом чине на протяжении 1588/89—1604 гг., 27 жильцов 1588/89 г. (представители наиболее родовитых фамилий) были произведены в этот период в чины стольников, стряпчих и дворян московских.¹²⁵ Один жилец 1588/89 г. (Г. И. Клобуков, сын дьяка) перешел в 90-е гг. на службу в дьяки, также один жилец (С. Ю. Маттов) стал головой московских стрельцов. Неизвестна карьера за 1588/89—1605 гг. 73 жильцов.

Жильцы несли преимущественно придворную службу на Москве — участвовали в дворцовых церемониях, приемах послов, назначались в качестве посыльных от царя к воеводам.¹²⁶ Во время крупных походов являлись сборщиками даточных людей, из них комплектовались особые военные подразделения.¹²⁷ Они служили также помощниками («поддатнями») рынд.

В массе своей жильцы были, по-видимому, людьми молодыми. В списке 1588/89 г. большая часть жильцов названа с уменьшительными именами. Мы имеем целый ряд сведений о том, что в жильцы зачислялись не верстанные поместными окладами новики (лица, только что достигшие «новичного» возраста — 15 лет).¹²⁸ В жильцы попадали преимущественно дети выборных дворян.¹²⁹ Реже отцами жильцов были стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, головы стрелецкие, а иногда и окольничие (отцы Д. Б. и М. Б. Шеиних, С. Д. Вельяминова, князей Л. Б. и П. Б. Засекиных). Среди жильцов были, очевидно, и дети дворовых и городовых детей боярских, не входивших в состав государева двора.¹³⁰

Несмотря на то что основная часть жильцов являлась детьми выборных городовых дворян (а также и детей боярских), мы не находим в конце XVI в. никаких следов их служебной связи с уездами — жильцы не фиксировались десятнями. По-видимому, основная их часть версталась в жильцы сразу, минуя службу «с городом», едва достигнув «новичного» возраста.

Такова была, например, служебная карьера Л. Г. Васильчикова, который, будучи еще неверстанным новиком (служил с отцовского поместья), находился уже «у государя в житье», т. е. имел жилемский чин.¹³¹ Можно привести пример и иного рода — пожалование в жильцы человека, имевшего уже стаж службы «с городом», т. е. в составе городовой служилой корпорации.¹³² Но подобные случаи не были типичными. Показательно, что в десятне новиков «всех городов», поверстанных в 1596 г. (всего упомянуто 2400 имен), мы встречаем только двух человек, которые стали впоследствии (к 1605 г.) жильцами (П. И. Внуков и кн. П. А. Козловский), хотя за период конца XVI—начала XVII в. в состав жильцов влились десятки новых людей.¹³³

Выборные дворяне.

Самый многочисленный чин государева двора. Из 1100 всех членов двора, перечисленных в боярском списке 1588/89 г., выборные дворяне составляли свыше половины (680 человек). На протяжении рассматриваемого времени число выборных дворян заметно возросло. В канун Смуты государеву службу несли (если учесть и неполноту боярского списка 1602/03 г. и росписи 1604 г.) около 900 выборных дворян.¹³⁴ Отчасти рост численности выборных объясняется увеличением к 1602/03 г. числа городов, где оформилась эта чиновная группа. Но число выборных дворян из этих новых (по сравнению с 1588/89 г.) городов составляло лишь около трех десятков человек (см. ниже). Рост числа выборных происходил прежде всего внутри старых городов.

В отличие от дворян московских, несших службу «с Москвы»,¹³⁵ выборные дворяне в служебном отношении были привязаны и в списках государева двора писались по тем городам (уездам), где располагались их поместья.¹³⁶

Если об организации и порядке прохождения службы московских дворян мы можем составить довольно четкое представление по материалам XVII в., то для суждения о характере службы выборных дворян столь определенных и прямых сведений у нас нет. Несомненно, выборные дворяне привлекались на службу в столицу. В «московском» боярском списке 1598/99 г. значится немногим более сотни (110 человек) выборных дворян из 35 уездов, что составляет менее $\frac{1}{7}$ части всех представителей этого чина.¹³⁷ О призывае выборных дворян на московскую службу сообщает Маржерет: «... кроме вышеназванных дворян, проживающих в Москве, избирают в каждом городе знатных дворян, владеющих землями в округе, которых называют „выборные дворяне (vuiborgne Devorens) города“, смотря по величине его, шестнадцать, восемнадцать и до двадцати, даже до тридцати, которые проживают в городе Москве в продолжении трех лет (L'espace de trois ans), затем выбирают других, а этихпускают, что обеспечивает изрядное число кавалерии».¹³⁸ О регулярности смены выборных дворян, призываемых на службу в столицу, говорят и следующие факты. В перечень выборных дворян, отправленных в зимний (1589/90 г.) поход на шведов, не вошел ни один из тех, кто был назначен для участия в этом походе всего лишь несколькими месяцами ранее (т. е. никто из тех, кто значится с по-метами «в Новгород» в боярском списке 1588/89 г.).¹³⁹ С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский, сравнив список выборных дворян, оставленных в Москве во время Серпуховского похода в мае—июне 1598 г., с боярским списком 1598/99 г., сделали наблюдение о том, что состав выборных дворян, находившихся в Москве осенью 1598 г., полностью обновился по сравнению с летом того же года.¹⁴⁰ Можно предположить, что выборные дворяне так же, как и дворяне московские, стольники и стряпчие, служили (записывались в боярские списки) по «половинам» («московской», «отпускной» и т. д.). Известно, что у московских дворян эти «половины» чередовались каждую треть года. Очевидно, с такой же частотой происходила смена «московской» и прочих служб и выборных дворян (ведь для выборных не составляли особых «наличных» боярских списков).¹⁴¹ Таким образом, можно полагать, что выборные дворяне, призывающие на службу в столицу, сменялись каждую треть года, а не раз в три года, как утверждает Маржерет (француз мог перепутать на слух «треть» и «три»).

Выборные дворяне, как и дворяне московские, несли также службу в разного рода «посылках» — служили воеводами в городах, писцами, послами и посланниками в иностранные государства, стройщиками посадов и ямов и т. д. В 1588/89 г., согласно по-метам боярского списка, около 100 человек служили в подобного рода «посылках». Судя по по-метам боярских списков 1588/89 и 1602/03 гг., одновременно на «московской» и «посылоч-

ной» службах находилось не более трети (27—28 %) всех выборных дворян. Трудно допустить, чтобы подавляющее большинство дворян выборного чина (свыше $\frac{2}{3}$ состава) находилось в «отпусках». Очевидно, выборные дворяне в отличие от дворян московских несли также и службу вместе «с городом», т. е. вместе с детьми боярскими тех уездов, по которым они записаны в списках двора и в которых имели свои поместья. У нас практически нет прямых сведений о том, в какой форме протекала служба выборных «с городом вместе», но указаний на саму эту службу немало. Так, служившие в 1603/04 г. головами в Монастыревске Е. С. и М. В. Безобразовы (выборные дворяне в 1602/03 г. по Брянску и Стародубу) были переведены на службу в Чернигов «з городом вместе».¹⁴² Кн. М. П. Борятинский (выборный по Туле в 1602/03 г.) в 1603/04 г. был в «объезжих головах» в Москве, а затем послан на службу «з городом».¹⁴³ С. М. Беклемишев (выборный по Мещевску) в 1602—1604 гг. был головой в Воронеже, а затем ему велено быть «з городом на службе».¹⁴⁴ В своем споре с дьяком И. Нееловым дьяк Г. И. Клобуков указывал, в частности, на «случай», когда на приеме персидского посла брат И. Неелова — Петр «был написан з дногобужаноми в ряду» (П. И. Неелов был выборным по Дногобужу).¹⁴⁵ В 1604/05 г. в Орле с головами («письменными») Г. Микулиным и И. Михневым служили «белгородские годовальщики дворяне (выборного чина).¹⁴⁶ — А. П.) и дети боярские мещене, козличи и белевцы». Далее сообщается о том, что головы Г. Микулин и И. Михнев послали от себя в «посылку» С. Лодыженского с сотней против восставших «мужиков». С. Лодыженский в списке 1602/03 г. и росписи 1604 г. значится как выборный дворянин по Белеву. Служба в Орле в 1604/05 г. не являлась для него «именной посылкой», он не был в Орле, как Г. Микулин и И. Михнев, головой «письменным»,¹⁴⁷ а, вероятно, проходил в Белгороде, а затем в Орле «годовую» службу вместе со своим «городом», т. е. белевскими детьми боярскими, и как наиболее видный в среде детей боярских был выбран командиром сотни. В сотне под началом С. Лодыженского находился «мещенин» А. С. Собакин, который значится в списке 1602/03 г. и росписи 1604 г. как выборный по Мещевску. Но в рассматриваемом нами случае он выступает как рядовой представитель «служилого города», как «мещенин». После смены в Орле воеводы кн. А. Бахтеярова и голов Г. Микулина и И. Михнева «дворяном и детям боярским» было велено оставаться в Орле «тем же городом: мещеном, козличем, белевцам».¹⁴⁸ Несомненно, что здесь мы имеем дело со службой выборных дворян в рядах уездных служилых корпораций. В 1600/01 г. в Цареве Борисове городе с воеводой кн. Ф. П. Борятинским «были дети боярские городом алексинцы»; «от князя Федора Борятинского были головы объезжие, дозириали, езя по острогу, алексинцы: Богдан Селиверстов, Иван Давыдов сын Лодыженский да Тимофей Семенов сын Пушкин».¹⁴⁹ Все они в конце XVI—начале XVII в. значились как выборные по Алексину. Но мы не видим их среди «письменных» голов, назначенных в Царев Борисов город.¹⁵⁰ Возможно, они выступают здесь как «алексинцы», несшие

службу вместе со своим «городом». О службе выборных дворян со своими «городами» может свидетельствовать и роспись 1598 г. детей боярских «станичников» из разных городов, посланных со своими выборными головами для несения станичной службы на южные рубежи государства. Среди этих выборных голов наряду с городовыми детьми боярскими встречаем и выборных дворян. Так, в качестве головы детей боярских из Болхова выступает здесь Т. А. Хитрово (выборный по Болхову в 1588/89 и 1602/03 гг.).¹⁵¹

Таким образом, можно полагать, что выборные дворяне чередовали службу в столице и в «посылках» со службой «с городом вместе». Если московский дворянин лишь в результате опалы (за чрезмерные местнические притязания и т. д.) мог оказаться «в ряду детей боярских»,¹⁵² то для выборного дворянина служба в рядах городовых детей боярских была делом обычным. На службе же при дворе (в Москве и в «посылках») назначения выборных дворян зачастую ничем не отличались от служебных назначений московских дворян. В отличие от дворян московских выборные дворяне значительно реже назначались в «именные посылки». Часто они служили отдельными отрядами. Отдельные отряды выборных дворян из городов, расписанные по полкам, значатся в росписи русского войска 1604 г.¹⁵³ В 1600—1601 гг. особые отряды (их подсчитывали отдельно от уездных детей боярских) выборных дворян (от 32 до 94 человек) несли службу во вновь построенном Цареве Борисове городе.¹⁵⁴ Московские же дворяне составляли отдельные «офицерские» отряды, по-видимому, лишь во время государственных походов.¹⁵⁵ Большинство известных нам выборных дворян конца XVI—начала XVII в. вовсе не встречаются в разрядных книгах или же упомянуты в разрядах за период с 1584 по 1605 г. всего только один раз. Из 680 выборных дворян, названных в списке 1588/89 г., 295 человек (43 %) не значится в разрядах. Лишь некоторые наиболее видные из выборных дворян (например, В. И. Вешняков, кн. С. С. Гагарин, Ф. Б. Колтовский, И. А. Нащокин) несли дворовую службу непрерывно, на протяжении многих лет. Сравнительно небольшое число выборных конца XVI—начала XVII в. (65 человек, или примерно 5 % всех выборных дворян рассматриваемого периода) назначалось на воеводские должности — служили на второстепенных воеводских должностях в городах, в «меньших» воеводах в полках «на украине». Как правило, это представители видных по происхождению и службе фамилий — Акинфовы, Аксаковы, Алферьевы-Нащокины, Безобразовы, князья Борятинские, Вельяминовы, Вешняковы, князья Волконские, Волынские, князья Вяземские, князья Гагарины, князья Горчаковы, князья Гундоровы, Давыдовы, князья Друцкие, князья Елецкие, князья Звенигородские, Зюзины, Измайлова, Кобылины, Колединские-Бородины, князья Коркодиновы, Кузьмины-Короваевы, Лодыгины, князья Львовы, князья Мезецкие, Милюковы, князья Морткины, Наумовы, Нащокины, Овцыны, Плещеевы, князья Путятины, Пушкины, Собакины, князья Шаховские, князья Щетинины-Ярославские.¹⁵⁶ Большая их часть перешла затем в дворяне московские.

Если среди московских дворян решительно преобладали представители княжеско-боярских фамилий, то социальный облик выборного дворянства был иным. В рядах выборных дворян в конце XVI—начале XVII в. служили лишь отдельные представители «боярских» (как правило, не самых родовитых или сильно размножившихся) фамилий — Бутурлины (5), Вельяминовы (22), князья Гундоровы (1), князья Засекины (4), князья Звенигородские (10), Карповы-Долматовы (1), князья Ковровы (1), Колычевы (7), князья Лобановы-Ростовские (2), князья Мезецкие (2), князья Ноздроватые (2), Плещеевы (17), князья Приимковы-Ростовские (2), кн. Пронский-Рыбин (1), кн. Стародубский (1). Они составляли лишь 6 % от общей численности выборных дворян рассматриваемого нами времени (всего, по данным боярских списков и росписи 1604 г., мы имеем сведения приблизительно о 1300 выборных дворянах за 1584—1605 гг.). Основная же часть выборных дворян принадлежала к верхушке уездного дворянства. Из 680 выборных, значащихся в боярском списке 1588/89 г., только 88 человек (13 % состава) не имели родственников, которые упоминаются в Тысячной книге и Дворовой тетради середины XVI в. В подавляющем своем большинстве выборные дворяне принадлежали к тем дворянским фамилиям, которые традиционно были связаны с государевым двором и давно известны правительству. Но и те 88 человек, которые не имели родственников среди тысячников и дворовых середины XVI в., были выходцами из видных дворянских фамилий, проявивших себя на дворовой службе во второй половине XVI в. Это бывшие опричники и «дворовые» князья Бельские-Морткины, Благие, Бунаковы, Воейковы, Вырубовы, Ельчаниновы, Жихаревы; лица, служившие как выборные дворяне еще в 70-х гг. (упомянуты в боярском списке 1577 г.), — Дурные, Залесский, Тутолмины; дети дьяков (А. С. Алябьев и Н. П. Михайлов). Таким образом, в составе выборных дворян конца 80-х гг. мы почти не встречаем новых, случайных лиц.

Несмотря на рост численности выборных дворян в конце XVI—начале XVII в., их генеалогический состав менялся незначительно. Подавляющее большинство выборных 1602—1604 гг. были выходцами из тех же фамилий, что значатся в списке 1588/89 г.

По какому же принципу комплектовался состав выборных дворян (как особого чина двора)? Проанализируем их состав в 1602—1604 гг. Из 850 выборных, известных по боярскому списку 1602/03 г. и росписи 1604 г., 285 человек — те же лица, что значатся в боярском списке 1588/89 г. (а также в росписи участников шведского похода 1589/90 г. и в списке выборных начала 90-х гг. XVI в., дающих лишь несколько новых имен выборных по сравнению со списком 1588/89 г.). Еще 47 человек — это те, которые значатся как выборные в «московском» (неполном) списке выборных дворян 1598/99 г. и списке выборных дворян, оставленных в Москве во время Серпуховского похода 1598 г. Таким образом, по крайней мере (если учесть явную неполноту данных за 90-е гг.) 39 % выборных дворян начала XVII в. служило в этом чине еще в 80—90-х гг.

XVI в. Значительная часть выборных дворян 1602—1604 гг. (около 165 человек¹⁵⁷) — это дети самих выборных дворян. Можно отметить высокую степень преемственности состава выборных дворян начала XVII в. Большинство известных нам выборных 1602—1604 гг. (497 человек из 850) составляли выборные дворяне 80—90-х гг. и их дети. Надо оговорить еще раз неполноту данных за конец XVI в., а также то обстоятельство, что к началу XVII в. состав выборных пополнился за счет новых городов. Среди выборных дворян начала XVII в. встречаем целый ряд детей дьяков (С. Б. Верещагин, Кирилл и Киприан Угримовы Горсткины, А. И. Евский, Г. Г. Желябовский, И. И. Жихарев, И. В. Меньшой Нелюбов, Д. И., М. И. и Т. И. Софоновы, Г. З., М. З. и С. П. Шапиловы, В. В. и Г. В. Шераповы, из них К. У. и К. У. Горсткины, А. И. Евский, И. И. Жихарев, М. З. и С. П. Шапиловы служили в выборе и в конце XVI в.), дворян московских (князья И. П., М. П. и Я. П. Борятинские, князья М. А. и Н. А. Волконские, И. А. Замыцкий, кн. И. А. Звенигородский, Арт. В., И. А. и С. А. Измайлова, князья Д. Ю. и И. Ю. Мещерские, Д. И. Милюков, В. К. Поливанов, М. Н. Пушкин, И. П., К. П., С. П., Т. П. и Ф. П. Совины, С. И. Чемоданов — все они, за исключением М. А. и Н. А. Волконских и С. П. Совина, состояли в выборных дворянах или жильцах еще в конце XVI в.). А. А., М. А., Н. А. и Аф. И. Пушкины являлись сыновьями думных дворян (А. М. и И. М. Пушкиных), С. И. Жеребцов — сыном сокольничего (И. А. Жеребцова), Д. Д. Замыцкий — ловчего (Д. А. Замыцкого), Ю. Л. Лодыженский — головы стрелецкого (Л. Лодыженского).

Многие выборные дворяне 1602—1604 гг. перешли в этот чин из жильцов (около 100 человек, из них 40 человек были детьми выборных конца XVI в.) и таким образом миновали (в большинстве своем) прохождение службы в рядах уездных детей боярских. К 1602/03 г. в выборные дворяне за опалу были переведены некоторые стряпчие (кн. Н. П. Борятинский, А. И. Вельяминов, Б. И. Долматов-Карпов, Аф. И. и М. А. Пушкины, А. И. Шестово). В состав выбора к началу XVII в. перешли и некоторые дьяки (А. В. Шерединов, В. И. Тимашев и Р. И. Толмачев).

Мы видим, таким образом, что подавляющее большинство (свыше 2/3) выборных начала XVII в. — это лица, которые либо сами служили в 1580—1590-х гг. в выборных, жильцах, а также дьяках и стряпчих, либо являлись сыновьями выборных дворян и представителей иных чинов двора. Но и прочие лица в основной своей части не были в составе выбора 1602—1604 гг. людьми новыми, случайными — чаще всего они принадлежали к тем же фамилиям, что и выборные дворяне конца XVI в.

Сыновья выборных дворян, как правило, зачислялись в состав выбора сразу. В боярском списке 1588/89 г. среди выборных по Рязани записан кн. С. Ф. Гагарин с пометой: «98-го новик»; в 1589/90 г. он значится среди выборных дворян в походе на шведов.¹⁵⁸ В боярских списках мы встречаем многочисленные указания на службу выборных с прожиточных отцовских поместий, упомина-

ния о еще не верстанных поместным окладом выборных дворянах.¹⁵⁹ Часто в списках двора, в конце поуездных рубрик, лица записаны с уменьшительными именами. Иногда в состав выбора зачисляли сразу в молодом возрасте не только сыновей, но и племянников выборных дворян.¹⁶⁰ Нередко юные дворяне несли службу вместе с отцами.¹⁶¹ В выбор зачислялись, правда, и лица, прошедшие службу в рядах уездных детей боярских. Так, упомянутые в коломенской десятине 1577 г. дворовые дети боярские И. С., М. П. и С. И. Норовы в конце XVI—начале XVII в. числились уже в выборных по Коломне.¹⁶² Но основная часть выборных дворян все же миновала службу в составе уездных корпораций. Об этом косвенно свидетельствует то обстоятельство, что из 2400 новиков, поверстанных в 1596 г., лишь четверо (Г. Ф. Наумов, С. М. Игнатьев, Т. В. Морозов и С. Д. Яковлев) попали к 1605 г. в число выборных дворян.¹⁶³

Итак, не только верхние чины двора, но и его нижний слой — выборные городовые дворяне — представлял собой достаточно замкнутую группировку служилых людей, комплектовавшуюся в основном по принципу семейной преемственности. Но, с другой стороны, в служебном плане выборные дворяне (в отличие от дворян московских) не обособлялись от уездных корпораций. Более того, в конце XVI—первой трети XVII в. происходил процесс постепенного оседания выборных дворян в своих уездах.¹⁶⁴ В рассматриваемый период определяется статус выборного дворянина — одновременно и как нижнего чина государева двора, и как высшего чина городовых служилых корпораций. Мы видели, что выборные дворяне сочетали столичную службу со службой «с городом вместе». В уездах они были своими и пользовались влиянием среди детей боярских. Нередко во время походов они избирались детьми боярскими своего «города» в качестве сотенных командиров. В десятинах конца XVI в. мы встречаем выборных дворян в качестве окладчиков. Так, по каширской десятине 1599 г. четверть всех окладчиков (7 из 28) составляли дворяне выборного чина.¹⁶⁵ Выборных мы нередко видим в качестве осадных голов, «приказных людей» и «судей» в тех городах, по которым они служили. Выборные дворяне (в основном престарелые и отставные) выбирались уездными служилыми людьми в губные старости и городовые приказчики. Как правило, лица, избранные на эти должности, исключались из состава «выбора» (т. е. государева двора),¹⁶⁶ но это имело место не всегда.¹⁶⁷ К концу XVI в., по-видимому, утвердилась практика, когда выборные дворяне, призванные на службу при дворе, назначались в те полки и города, в которых служили и их земляки — дети боярские.¹⁶⁸ О тесной связи выборных дворян с уездами свидетельствует и то обстоятельство, что они (в силу разных причин — за опалу и т. д.) могли переводиться в рядовые дети боярские своего «города». Так, В. Ф. Давыдов значится в боярском списке 1588/89 г. среди выборных по Клину с пометой: «В воровстве. Служит с городом», а в 1591/92 г. он упоминается уже среди дворовых детей боярских по Клину.¹⁶⁹

В начале XVII в. выборные дворяне все более тяготеют к местной служилости, оседают по городам, и в конце концов в 20-х гг. XVII в.

их призыв на московскую (при государевом дворе) службу полностью прекращается.¹⁷⁰ Процесс этот объясняется во многом стремительным ростом численности выборных дворян (с 680 человек в конце 1580-х гг. до 900 человек к 1605 г.). Но такого числа выборных дворян, очевидно, не требовалось для нужд государственного управления — основная масса выборных конца XVI—начала XVII в. не проявила себя на дворовой службе. В первой трети XVII в. выборные дворяне испытывают ту же судьбу, что и дворовые дети боярские в середине XVI столетия.

Говоря о выборных городовых дворянах, нельзя не остановиться на составе «городов», по которым они несли службу. В боярском списке 1588/89 г. перечислены выборные по 47 городам. Можно заметить, что в основном это те же города, что упомянуты в Тысячной книге и Дворовой тетради (40 из 47). Из перечисленных городов четыре — Белев, Звенигород, Пощехонье и Романов — упоминаются только в Дворовой тетради и отсутствуют в Тысячной книге. Таким образом, состав городов, где в 1580-х гг. имелся институт выбора, в целом был традиционным. Тем не менее территориальные рамки двора в середине и конце XVI в. существенно различались. В списке 1588/89 г. вовсе отсутствуют представители Новгорода, Пскова, Великих Лук, Пусторжева и Торопца, тогда как в 1550 г. эти города дали весьма значительную часть (почти треть) тысячников. Но мы видели, что зачисление новгородцев и псковичей в состав тысячи «лучших слуг» не привело к ликвидации традиционных служебных различий между дворянами северо-западных районов и дворянами «Московской земли». В 50-х—начале 60-х гг. «лучшие» новгородские и псковские помещики реально значительно реже, чем представители служилых корпораций «московских городов», привлекались к несению дворовой (при государевом дворе) службы; сравнительно лишь немногие из них назначались в «именные посылки». По-видимому, уже тогда общая численность выборных дворян из северо-западных уездов (свыше 300 человек) превышала потребность в них.

Дворяне северо-западных уездов фигурируют в качестве выборных дворян в земском боярском списке 1577 г.¹⁷¹ Но здесь перечислено всего лишь 27 представителей служилых корпораций Новгорода, Пскова, Торопца и Ржевы Пустой. Определенная часть «лучших» дворян из северорусских районов, правда, служила в составе особого «двора» Ивана IV. Специфичен порядок расположения имен новгородцев в списке 1577 г. Сначала идет рубрика: «Ноугородцкие помещики служат из выбору», а затем перечисляются отдельно дворяне по Водской, Шелонской, Деревской и Бежецкой пятинам, которые предназначались, очевидно, для участия в государевом походе в Ливонию (перед списками дворян этих пятин стоят пометы: «Все с государем»). Список 1577 г., однако, неполно отражает состав новгородских дворян, несших дворовую службу. Так, в росписи Ливонского похода 1577/78 г. в числе голов у детей боярских наряду с новгородцами, упомянутыми в боярском списке, фигурирует также новгородец (из Водской пятин) В. И. Волков-Курицын.¹⁷² В конце 70-х—начале 80-х гг. он служил воеводой в ливонских городах,

а в 1585/86 г. упоминается как голова из новгородских помещиков в Новгороде.¹⁷³ В боярском списке отсутствует торопчанин тысячник Лесута Хрипунов, который в 1577/78 г. служил воеводой в Невгиине (в Ливонии).¹⁷⁴ В список 1577 г. не попали и другие дворяне северо-западных уездов, которые упоминаются в разрядах в 70—80-х гг. Можно предположить, что список 1577 г. (в силу определенной своей специфики)¹⁷⁵ неполно отражает состав выбора из Новгорода и Пскова или же значительная часть «лучших слуг» из этих городов уже в 70-х гг. утратила связи с государевым двором и только их верхушка зачислялась в дворяне выборного чина и призывалась к несению московской службы.

Новгородцев (лиц, записанных под рубрикой «Новгород») мы встречаем среди выборных дворян еще в 1585 г. в списке членов двора, оставленных в Москве в августе этого года на время похода царя Федора в Троице-Сергиев монастырь.¹⁷⁶ Мы не можем, правда, с полной уверенностью считать их выборными дворянами — никто из них не значится среди новгородцев в боярском списке 1577 г., ни они, ни их близкие родственники не упоминаются в Тысячной книге. Однако в начале царствования Федора Ивановича дворяне северо-западных уездов еще призывались, вероятно, в качестве выборных на службу при московском дворе. Так, в мае 1585 г. в Новгород к городовому делу были назначены письменные головы с Москвы, в том числе и пусторжевец И. Н. Карамышев¹⁷⁷ (он упомянут по Ржеве Пустой в боярском списке 1577 г.).

С конца 80-х гг. XVI в. выбор из городов северо-западной части России окончательно расформировывается. Ни в списке двора 1588/89 г., ни в позднейших боярских списках конца XVI—начала XVII в. уже нет выборных из Новгорода и Пскова. В конце списка 1588/89 г. содержится рубрика «Из Новгорода выведены», под которой записаны Богдан и Воин Афанасьевы дети Новокщенова. Эти лица не были, однако, зачислены в состав корпораций «московских» городов, где имелся институт выбора, в списке дворян начала XVII в. они числятся под рубрикой «Без городов». Оставшись в Новгороде на своих поместьях, они утратили в конце концов связь с государевым двором (статус выборных дворян), и в десятне 1605 г. Водской пятины В. А. Новокщенов значится уже в дворовых детях боярских.¹⁷⁸ Можно привести и другие примеры оседания новгородских и псковских дворян по своим «городам». Выборный по Водской пятине 1577 г. Г. Ф. Колычев продолжал служить в конце XVI—начале XVII в. на воеводских должностях (был воеводой и головой в Новгороде, воеводой в Орешке, местничался с такими родовитыми дворянами, как М. Г. и П. Я. Салтыковы, И. Д. Плещеев, В. В. Головин, кн. Г. П. Ромодановский). Но он не был включен в списки государева двора 1588/89 и 1602/03 гг. В десятне Водской пятины 1605 г. он значится среди дворовых детей боярских.¹⁷⁹ Из выборных дворян по Новгороду и Пскову 1577 г. продолжали службу после 1588/89 г. И. Г. Бородин, М. Бурцев, И. Н. Большой и И. Н. Меньшой Карамышевы, кн. Ф. Ф. Мещерский, Ф. Л. Осинин, З. И. Пушкин, И. М. Чихачев, но никто из них не упоминается в боярских

списках конца XVI—начала XVII в., т. е. они не рассматривались непосредственно как члены государева двора. Некоторые из выборных по Новгороду 1577 г. были переведены на службу в выборные по другим городам и в другие чины двора, и тем самым они сохранили свою связь с государевым двором. Это кн. И. М. Селезнев-Елецкой (в 1588/89 г. выборный по Бежецкому Верху), В. А. Квашнин (в 1588/89 г. выборный по Ржеву),¹⁸⁰ кн. П. С. Лобанов-Ростовский (в 80-е гг. стал окольничим). Сыновья выборного по Новгороду 1577 г. кн. Н. Б. Приимского-Ростовского получили в 1580-х гг. жилицкий чин, а затем стали московскими дворянами; дети П. Н. Хрипунова служили в начале XVII в. в выборе по Зубцову. Новгородец кн. В. И. Почой Белоголов-Ростовский в конце XVI в. стал думным дворянином.

Переведенные в «московские города» и на службу, в состав государева двора, новгородцы лишились в Новгороде поместий, которые шли в раздачу местным детям боярским.¹⁸¹ При царе Федоре Ивановиче были отписаны «на государя» обширные поместья бывших «дворовых» Ивана IV в Порховском у. Шелонской пятины (Б. Я. и Н. Я. Бельского, И. В. Воейкова и других).¹⁸² В конце XVI в. свои владения в Новгороде утрачивают многие представители знати (об этом см. ниже). Можно предположить, что уже в конце XVI—начале XVII в. действовало правило (или был издан указ), зафиксированное в Уложении 1649 г., по которому запрещалось иметь в Новгороде и Пскове поместья дворянам, записанным «по московскому списку» и испомещенным в «замосковных городах».¹⁸³ Отстрания дворян северо-западных уездов от службы при московском дворе, переселяя виднейших из них (годных к несению дворовой службы) в «замосковные города», правительство в то же время пыталось оградить новгородских помещиков от засилья со стороны столичного дворянства с целью поддержания их боеспособности.

В конце XVI и в XVII в. члены служилых корпораций северо-западных уездов делились уже не на три разряда (выборных, дворовых и городовых), а только на два — дворовых и городовых. Тем не менее наиболее видные представители новгородского и псковского дворянства получали «именные» назначения, их имена встречаются в разрядных книгах; причем они служили не только в головах, но даже и в воеводах. Они именовались «дворянами» в отличие от рядовых детей боярских.¹⁸⁴ В конце XVI—начале XVII в. на государеву службу в воеводах и головах служили десятки новгородцев и псковичей. Но в отличие от выборных дворян из «московских городов» география их службы была, как правило, ограничена территорией Северо-Западного района. Хотя и прежде существовала практика назначений новгородских и псковских дворян преимущественно в города Северо-Запада (в годы Ливонской войны их часто определяли также воеводами и головами в «немецкие» города), такой полной замкнутости службы северорусских помещиков не было и они могли получать назначения в самые различные места. Обособленность новгородских и псковских дворян в конце XVI—начале XVII в. проявилась в выделении к 1604 г. из Разрядного приказа

особого Новгородского Разрядного приказа, к которому перешли функции руководства их служебными назначениями.

Исключение в конце XVI в. новгородского и псковского дворянства из состава государева двора было обусловлено рядом причин. К 1580-м гг. правительство не испытывало уже нужды в привлечении на столичную дворовую службу значительного числа дворян Северо-Западного района. В результате Ливонской войны, опричных погромов и т. д. значительная их часть оказалась разоренной и малопригодной для несения службы при дворе. Важными факторами были сравнительная удаленность Новгородской и Псковской земель, а также традиционные особенности служебной организации дворянства этих районов. Отстраняя верхушку новгородского дворянства от двора, правительство Бориса Годунова, видимо, пыталось также оградить московскую служилую знать (интересами которой оно руководствовалось в первую очередь) от местнических притязаний родовитых представителей новгородской корпорации, стремившихся избежать путаницы в служебно-местнических отношениях.¹⁸⁵ Помимо дворянства северо-западных уездов в боярском списке 1588/89 г. мы не встречаем и представителей некоторых других городовых корпораций, имевших традиционные связи с государевым двором. Отсутствует здесь список выборных дворян по Твери, что связано было с нахождением в то время этого города в уделе Симеона Бекбулатовича. В списках двора конца XVI—начала XVII в. не встречаются выборные дворяне по Белоозеру и Серпухову (оба города значатся в Тысячной книге). Но в то же время в боярском списке 1588/89 г. мы видим по сравнению с Тысячной книгой и Дворовой тетрадью и ряд новых городов — Алексин (выборные по этому городу значатся уже в списке 1577 г.), Болхов, Брянск, Вереско (есть уже в списке 1577 г.), Лихвин (впервые выбор по этому городу встречается в списке дворовых, оставленных в Москве в августе 1585 г.), Переяславль и Серпейск. Дворяне этих городов представляли земли, лежащие к юго-западу от столицы. В этом крае долгое время сохранялось землевладение удельных князей.

К 1598/99 г. после сведения Симеона Бекбулатовича с тверского княжения в составе государева двора вновь появляются выборные дворяне из Твери. К 1602/03 г. выбор оформляется в «городах», лежащих к востоку от столицы (Нижний Новгород, Арзамас, Мещера, Лух). Выборная практика распространяется и на территорию Северской земли (в списке 1602/03 г. упомянут выборный дворянин из Стародуба-Северского). В 1602/03 г. выборные дворяне впервые встречаются в Карабове и Орле. К 1604 г. выбор оформленся в Одоеве. К началу Смуты институт выбора имелся уже в 56 городах страны (против 47 в конце 1580-х гг.).¹⁸⁶ В условиях социального и экономического кризиса и обострившейся борьбы между землевладельцами за «рабочие руки» возрастает политическая активность дворянства. В начале XVII в. заметно усиливается политический вес дворянства окраинных областей государства. Считаясь с этим, правительство Бориса Годунова вынуждено было привлекать его верхушку к несению дворовой службы. Но в то же время Годунов явно

не стремился открыть широкий доступ этим новым лицам ко двору, к реальному управлению страной. Из новых городов, где в начале XVII в. оформился выбор, по Арзамасу в 1602—1604 гг. мы имеем упоминание только об одном выборном дворянине, по Карабеву — о трех выборных, по Луху — о трех, по Мещере — о четырех, по Нижнему Новгороду — о пяти, по Орлу — об одном, по Стародубу-Северскому — об одном, по Одоеву — об одном выборном.

Из 56 городов, где существовала в 1602—1604 гг. группа выборных дворян, 15 (Алексин, Арзамас, Болхов, Брянск, Верея, Карабев, Лихвин, Лух, Мещера, Нижний Новгород, Одоев, Орел, Пере-мышль, Серпейск, Стародуб), т. е. более четверти, были новыми. Но из этих новых городов было взято на дворовую службу всего около 100 человек, т. е. примерно девятая часть всех выборных дворян в начале XVII в. В основном же состав выбора увеличивался за счет представителей старых служилых корпораций, главным образом по принципу семейной преемственности.

В целом государев двор в конце XVI—начале XVII в. представлял собой достаточно замкнутую (хотя и не полностью закрытую, кастовую) группировку служилых людей, которая противостояла как особая правящая и привилегированная корпорация массе рядового уездного дворянства и дворянству тех территорий, где не было выбора. Но обособленность двора не была абсолютной. В рассматриваемое время нижний чин государева двора — выборные дворяне — одновременно являлся и высшим чином уездных дворянских корпораций, причем они все более тяготели именно к местной служилости.

Внутри самого государева двора в изучаемый период обнаруживается два социальных слоя — верхний («боярский») и нижний («дворянский»). При этом граница между ними обозначается весьма отчетливо. Верхушка двора — бояре, окольничие и представители столичного дворянства (дворяне московские, стольники и стряпчие) — по своему происхождению принадлежала в подавляющем большинстве к княжеско-боярской знати, причем такой аристократический состав Думы и московских чинов сохранялся на всем протяжении правления и царствования Бориса Годунова, практически не пополняясь лицами худородными и случайными. Иным был социальный облик выборных дворян и жильцов. По своему происхождению они принадлежали к верхушке уездного дворянства и являлись в основном выходцами из тех служилых фамилий, которые традиционно были связаны с государевым двором. В результате осуществленной в конце XVI в. реформы двора его структура была приведена в соответствие с происхождением и служебно-местническим положением дворянства. Сама структура государева двора, определившийся порядок прохождения служилых людей по чиновной лестнице плотно ограждали московскую знать от проникновения в ее среду представителей рядового дворянства, способствовали полному обособлению привилегированной верхушки двора от уездных корпораций. От рядового провинциального дворянства «боярская» верхушка государева двора была отгорожена как бы двойным кольцом. С одной стороны, думные и московские чины составляли особую

замкнутую чиновно-сословную группировку, которая пополнялась в основном за счет семейной преемственности и внутри которой действовали свои специфические механизмы служебного продвижения, исключавшие прохождение службы представителей знати в рядах уездных корпораций. С другой стороны, роль своеобразного буфера между столичным дворянством и уездными детьми боярскими играли выборные дворяне — для обычного городового сына боярского доступ в состав даже этого низшего слоя двора был весьма затруднительным.

Осуществляя реорганизацию государева двора, правительство Бориса Годунова учитывало в первую очередь сословные интересы московской служилой знати и традиционно связанной с двором верхушки уездного дворянства и стремилось к консолидации вокруг трона этой верхней группировки господствующего класса.

Примечания

¹ Судя по составу, функциям и происхождению, бараши (шатерничие) — скорее, придворная должность (причем сравнительно невысокого ранга), чем особая чиновно-сословная группа государева двора. В этой должности одновременно служили обычно только 2 человека. Так, в боярском списке 1588/89 г. в качестве бараши названы И. А. Вырубов и И. Д. Калитин (Бс. Ч. 1. С. 119). Первый значится в этом же списке и среди выборных дворян по Вязьме с пометой: «в бараших» (там же. С. 140). И. Д. Калитин упоминается как бараши еще в росписи Ливонского похода 1577/78 г., а в 1602/03 г. служил уже в выборных дворянах по Переяславлю (Бс. Ч. 1. С. 214). Оба они участвовали в Серпуховском походе 1598 г. — Вырубов упоминается вместе с жильцами (видимо, командовал отрядом жильцов, см.: РК 1538—1638. С. 32), а Калитин значился шатерничим у царицы Ирины (Александры) Федоровны (Разряды. С. 543).

² В посольских делах служилые князья упоминаются, правда, еще и в начале XVII в. Так, в росписи приема польских послов 1601 г. читаем: «... на окольничем месте сидели князи служилые и черкасские...» (Сб. РИО. Т. 137. С. 57). Но это выделение носило, видимо, почетный характер.

³ Бс. Ч. 1. С. 181, 248; ААЭ. Т. 2. С. 42, 48.

⁴ ААЭ. Т. 2. С. 44, 51.

⁵ Бс. Ч. 1. С. 340.

⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 18, л. 83—83 об.

⁷ В значительной мере эта группа связана с предыдущей, так как многие лица, носившие дворцовые должности, были одновременно думными людьми.

⁸ В отношении службы жильцы были «московским чином», т. е. несли постоянную службу в столице. Но в социальном плане они стояли ближе к городовым выборным дворянам, чем к стольникам, стряпчим и дворянам московским.

⁹ Состав Боярской думы и дворцовых чинов проанализирован выше. Особой группой двора были дьяки. Их служебное положение в отличие от других категорий служилых людей определялось не только «отечеством», но и «бюрократическими» принципами. Поэтому вопрос о социальном положении дьяков мы рассмотрим отдельно в связи с изучением приказной системы.

¹⁰ Бс. Ч. 1. С. 108—109. — Почему-то в этот список не попал кн. Р. Ф. Троекуров, бывший стольником еще в 1586/87 г. и позже — в 1598 г. (Эрм., л. 702 об.; РК 1598—1638. С. 31).

¹¹ Назаров В. Д. Двор. С. 52.

¹² Бс. Ч. 1. С. 86—87.; Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав. С. 157—158.

¹³ Бс. Ч. 1. С. 180—181; ААЭ. Т. 2. С. 43, 48.

¹⁴ Бс. Ч. 2. С. 8, 26—31.

¹⁵ Чтения ОИДР. 1909. Кн. 3. С. 95.

¹⁶ В 1603—1604 гг. упоминается и как стольник, и как стряпчий (Эрм., л. 986; РК 1598—1638. С. 162).

¹⁷ Стольник в утвержденной грамоте (ААЭ. Т. 2. С. 43, 49). Был стольником еще в 1605 г. (Белокуров С. А. Разряды. С. 75).

¹⁸ Эрм., л. 982, 985 об.; Белокуров С. А. Разряды. С. 3.

¹⁹ Эрм., л. 986; РК 1598—1638. С. 162.

²⁰ В утвержденной грамоте значится как стряпчий (ААЭ. Т. 2. С. 43). Упоминается при Лжедмитрии I как стольник (Белокуров С. А. Разряды. С. 77). Но, возможно, он получил чин стольника еще при Борисе Годунове; известно, что царь Борис «жаловал» Д. М. Пожарского (РИС. Т. II. С. 268—270).

²¹ Эрм., л. 986.

²² Там же.

²³ В 1598 г. был стольником или стряпчим (РК 1598—1638. С. 32; РК 1550—1636. С. 154). Стольник в 1606/07 г. (Бс. Ч. I. С. 252). Возможно, был стольником в конце царствования Годунова.

²⁴ Бс. Ч. I. С. 181; Эрм., л. 984 об., 985, 988 об.

²⁵ Стольник еще в 1598 г. (РК 1598—1638. С. 31). Был стольником и в конце царствования Бориса Годунова (Чтения ОИДР. 1909. Кн. 3. С. 95).

²⁶ Стольник в списке 1588/89 г. (Бс. Ч. I. С. 109); стольник еще в 1606/07 г. (там же. С. 248).

²⁷ В росписи 1604 г. он значится как стряпчий, но 25 марта 1604 г. упоминается как стольник (Белокуров С. А. Сношения с Кавказом. С. 409).

²⁸ Стольник в 1600 и 1606/07 гг. (Эрм., л. 910; Бс. Ч. I. С. 250).

²⁹ Стольник в 1598/99 и 1606/07 гг. (Бс. Ч. I. С. 180, 248).

³⁰ Стольник в утвержденной грамоте и боярском списке 1606/07 г. (ААЭ. Т. 2. С. 43; Бс. Ч. I. С. 249).

³¹ Эрм., л. 982 об. — В конце царствования Годунова пожалован в окольничие.

³² Сухотин Л. М. Четвертичи. С. 16.

³³ В росписи 1604 г. назван среди дворян, но в разрядах в 1605—1606/07 гг. фигурирует как стольник (Белокуров С. А. Разряды. С. 146, 218).

³⁴ Стольник в 1603—1610/11 гг. (Эрм., л. 978; Чтения ОИДР. 1909. Кн. 3. С. 96).

³⁵ Между 1584 и 1588/89 гг. стольниками были (затем переведены в другие чины) Г. В. и И. В. Воейковы, А. Н. и Ф. Н. Романовы, кн. А. Д. Хилков, князья Ал. И. и И. И. Шуйские.

³⁶ О князьях Елецких и Пожарских говорилось выше (см. Введение). Волынские и Полевые занимали видное положение при дворе, нередко бывали на «стратилатских» должностях. Первые принадлежали к старомосковскому боярскому роду, однако в XVI в. не утвердились прочно в думной среде. Не выдвинулись в Думу Полевы, происходившие от смоленских князей, которые утратили впоследствии княжеский титул (Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 285—286, 359—372).

³⁷ С пометами «с отцом» упомянуты в боярском списке 1588/89 г. молодые стольники, дети окольничих З. И. Сабуров и кн. Ф. Ф. Хворостинин (Бс. Ч. I. С. 109).

³⁸ Впервые упоминается как стольник на свадьбе Ивана Грозного с М. Нагой (Эрм., л. 613), которая состоялась осенью 1580 г.

³⁹ Разряды. С. 523.

⁴⁰ РК 1598—1638. С. 161.

⁴¹ Так, во главе полка левой руки в походе против Лжедмитрия в 1605 г. был назначен стольник и воевода З. И. Сабуров (Белокуров С. А. Разряды. С. 200). Стольник А. Р. Плещеев в 1600—1605 гг. служил воеводой в Михайлове, Шацке, Воронеже, Пронске и Новгороде-Северском, лишь периодически пребывая в столице (РК 1598—1638. С. 88, 101, 110, 141; Эрм., л. 974 об.; Белокуров С. А. Разряды. С. 27). Кн. Ф. И. Лыков в 1601 г. как стольник и воевода упоминается в передовом полку на Дедилове (РК 1598—1638. С. 106); в 1602—1604 гг. он был воеводой в Рязани и Ливнах (там же. С. 132, 147, 169).

⁴² Эрм., л. 745.

⁴³ Об из обязанностях см.: АИ. Т. 2. С. 429; см. также: РК 1598—1638. С. 161. — Стряпчий в 1588/89—1598/99 гг. Г. Г. Вельяминов (Бс. Ч. I. С. 110; ААЭ. Т. 2. С. 49) не раз назначался в конце XVI в. рындой (Эрм., л. 727 об., 823). Стряпчий 1588/89—1598 гг. Н. Д. Вельяминов (Бс. Ч. I. С. 110; РК 1598—1638. С. 32) в 1594 г. по случаю приема австрийских послов стоял у царского стола (РК 1599—1605. С. 300).

⁴⁴ Стряпчий 1598—1610/11 гг. И. Г. Плещеев (РК 1598—1638. С. 32; Чтения ОИДР. 1909. Кн. 3. С. 100) упоминается воеводой на Михайлове (РК 1598—1638. С. 122). Стряпчие в списке 1598/99 г. В. В. и Ф. В. Волынские при Борисе Годунове (вероятно, в опале) были посланы на воеводства в Томск и Сургут (ИРГО. Вып. IV. С. 155, 156). Данных о службе стряпчих в полковых воеводах мы не имеем.

⁴⁵ Бс. Ч. 1. С. 109—110. — Не берем в расчет перечень стряпчих «с чботы», которые по своему рангу были ниже стряпчих «с платьем». В росписи Ливонского похода 1577/78 г. эти лица упоминаются как жильцы, почти все они в конце XVI в. служили в городовых выборных дворнях.

⁴⁶ Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав. С. 158.

⁴⁷ В добавление к боярским спискам и росписи русского войска 1604 г. по разным источникам мы имеем сведения об именах следующих стряпчих: Д. А., С. М., С. А. и Ф. Т. Вельяминовы, И. В. Щепин-Волынский, С. И. Меньшой Волынский, кн. Аф. Вяземский, Б. И. Долматов Карпов, Б. О. Клешнин, кн. М. Мезецкой, кн. Н. М. Мезецкой, В. С., Г. А., И. Г., И. Д., Ф. И. и Ф. С. Плещеевы, кн. Д. М. Пожарский, кн. В. Р. Пронский, кн. И. Ф. Хованский, кн. С. А. Чумахов-Черкасский, А. И. Шестово, кн. А. И. Шестунов (см.: ААЭ. Т. 2. С. 43, 44, 49; РК 1598—1638. С. 32, 162; Сухотин Л. М. Четвертчики. С. 4, 21; Белокуров С. А. Разряды. С. 220).

⁴⁸ Князья Борятинские являлись ветвию, хотя и захудалой, рода черниговских князей. Попали в опричнину и, видимо, вследствие этого несколько возвысились в служебном отношении (*Кобрин В. Б. Состав. С. 21—22*). Виднейший из них — кн. Петр Иванович — служил в конце XVI в. в чине московского дворянина, назначался воеводой в полки и местничался (хотя и не всегда успешно) с такими представителями знати, как В. Ф. Сабуров, Ф. В. Шереметев, князья В. П. и Ф. В. Турунины, кн. М. Ф. Гвоздев-Ростовский (Эрм., л. 729, 761, 762 об., 834, 840, 880—881, 902 об.; РК 1559—1605. С. 265, 277, 321, 322; Разряды. С. 496—497). Служили в полковых воеводах и местничались с князьями Звенигородскими, Мосальскими, а также Шерemetевыми князья Д. М. и И. М. Чермные Борятинские (Эрм., л. 708, 711, 762, 786, 933 об.; Разряды. С. 346, 360, 374, 387, 460).

⁴⁹ Пильемовы — старомосковский боярский род, сородичи Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых. Фамилия родословная — Ю. Г. Пильемов в 1601/02 г., будучи на воеводстве в Шацке, был членом «в отечестве» на деда кн. Ф. И. Лыкова-Обленского (РК 1559—1605. С. 336).

⁵⁰ Веселовский С. Б. Опричнина. С. 154.

⁵¹ Эрм., л. 711, 727, 734 об.

⁵² Его отец Ульян (прозвище Тулуп) Вельяминов был в 1579/80 г. «на поле» головой стрелецким (Эрм., л. 604 об.).

⁵³ Правда, М. И. Татищев при Иване IV, в начале 80-х гг., был стольником (Эрм., л. 613 об.), а в 1588/89 г. значился как стряпчий. Но этот случай связан с общим пересмотром личного состава бывшего особого «двора» при Федоре Ивановиче.

⁵⁴ Г. И. Татищев в росписи 1604 г. значится как стряпчий, а в боярском списке 1606/07 г. он уже дворянин (Бс. Ч. 1. С. 257; ч. 2. С. 44). Правда, ничего неизвестно о его чиновном статусе между 1604 и 1606/07 гг.

⁵⁵ В 1598/99 г. он был стряпчим, а в 1602/03 г. — выборным по Туле (Бс. Ч. 1. С. 181, 224). Возможно, этот перевод был связан с опалой на его отца (Эрм., л. 892, 902 об.).

⁵⁶ Стряпчий в 1588/89 г., но в 1598/99 и 1602/03 гг. он уже выборный дворянин (Бс. Ч. 1. С. 110, 197; ААЭ. Т. 2. С. 43). Видимо, он не пользовался расположением царя Бориса (см.: Белокуров С. А. Сношения с Кавказом. С. 451—452).

⁵⁷ Попали в немилость при Борисе Годунове как сторонники и родственники Романовых.

⁵⁸ При Борисе Годунове, как мы видели, род Пушкиных подвергся гонениям.

⁵⁹ Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 138—139. — Подобная очередь службы, правда, могла нарушаться в связи с внезапными назначениями того или иного лица и т. д. (там же. С. 140—141).

⁶⁰ Бс. Ч. 1. С. 38.

⁶¹ Происходили от полоцких князей, представители этой фамилии служили в опричнине (*Кобрин В. Б. Состав. С. 38*). Ф. С. Друцкий — человек весьма родословный,

местничался с князьями Щербатыми, Засекиными, Долгорукими, Приимковыми и Гвоздевыми-Ростовскими, назначался воеводой в полки и города (Эрм., л. 647, 667 об., 672 об., 689, 690 об., 698, 704, 778—779, 902 об.; РК 1598—1638. С. 128, 145, 168).

⁶² Местничался с князьями Бахтеяровыми-Ростовскими, Кашиными, Щербатыми и Звенигородскими, служил воеводой в городах и полках (Эрм., л. 623, 634, 741 об., 748, 789, 791 об., 814, 824 об., 932; Разряды. С. 398, 406, 412).

⁶³ Злобины и Лыковы вели свое происхождение от муромских князей, выехавших на Русь при Дмитрии Донском, выдвинули в XVI в. представителей в Думу, но во второй половине века захудали и выбыли из боярской среды (см.: *Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 458—459*). Тем не менее З. И. Лыков в 1591 г. пытался местничаться с родовитым князем В. П. Туриениным.

⁶⁴ Из старомосковского рода Ратши. Их возышение началось в годы опричнины; в 60—70-е гг. И. И. Бобрищев и И. М. Пушкин получили должности сокольничего и ловчего (*Кобрин В. Б. Состав. С. 68—69*). В конце XVI—начале XVII в. представители Пушкиных уже проникли в Думу в качестве думных дворян.

⁶⁵ Ветви рода Ратши. Наиболее видный из Замыцких — Дмитрий Андреевич, при царе Федоре был пожалован чином ловчего.

⁶⁶ Из рода Бякента (Брк. л. 727). В конце XVI в. активно служил на поприще внешнеполитических сношений, в октябре 1589 г. присутствовал на званом царском обеде. Ранее, в начале 80-х гг., он служил дворецким у митрополита Дионисия (Эрм., л. 705 об., 735, 737 об., 745; Разряды. С. 435, 458; АФЗХ. Ч. 1. С. 66).

⁶⁷ Приналежал к роду Бякента. В конце XVI в. дослужился до чина сокольничего. Он и его брат Федор довольно высоко стояли в служебном отношении — назначались воеводами в полки и местничались с князьями Ноздроватыми и Мосальскими, а также с Полевыми (Эрм., л. 705, 886 об.). Ф. А. и Д. В. Жеребцовы как доверенные люди Годунова были приставами у опальных А. Ф. Нагова, кн. Б. К. Черкасского и у семи Ф. Н. Романова (Бс. Ч. 1. С. 138; АИ. Т. 2. С. 47).

⁶⁸ Видный деятель конца XVI в. В 1587 г. был отправлен с важной миссией посланником в Литву (*ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 1 об. и след.*). Дослужился впоследствии до чина думного дворянина.

⁶⁹ Оба назначались в полковые воеводы (Эрм., л. 447, 618, 619 об., 636, 663, 711, 734). А. Я. Измайлова был породнен с Годуновыми (см.: *ЦГАДА, ф. 281, № 1139*), «в разрядах переменился», т. е. возвысился в служебно-местническом отношении (РИС. Т. II. Стб. 22, 159).

⁷⁰ Род попал в государев родословец. Стояли высоко в служебно-местническом отношении, местничались (хотя и не всегда успешно) с князьями Хилковыми, Кашиными, Лобановыми-Ростовскими, а также Бутурлинами, а в самом конце царствования Грозного — с Годуновыми (Эрм., л. 447, 661 и об., 841, 988).

⁷¹ Один из Новосильцевых — Василий Иванович Китай — в середине XV в. дослужился до боярства. Но в целом они на московской службе не выдвинулись, а служили удельным князьям (*Зимин А. А. Формирование. С. 253—254*). К 1577 г. один из Новосильцевых (Иван Петрович) стал постельничим, а в 1579 г. он упоминается «на Казенном дворе у печати» (Бс. Ч. 1. С. 85; Эрм., л. 549).

⁷² Довольно активный деятель опричнины, начал служить еще в конце 40-х гг. XVI в. (см.: *Кобрин В. Б. Состав. С. 64*).

⁷³ *Кобрин В. Б. Состав. С. 57—58.* — Видный дипломат конца XVI в. Дослужился до чина думного дворянина.

⁷⁴ Все прочие Бельские, имевшие при Иване IV столичные чины, при Федоре Ивановиче оказались в рядах выборного городового дворянства.

⁷⁵ Был породнен с Годуновыми (*Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 191*), чем объясняется, очевидно, его чиновное возвышение.

⁷⁶ Упоминается в Дворовой тетради, был участником земского собора 1566 г., являлся поручителем по кн. И. Д. Бельском и П. Серебряном (*Веселовский С. Б. Опричнина. С. 384*).

⁷⁷ Дворянин в боярском списке 1577 г., умер в 1586/87 г. (Бс. Ч. 1. С. 89; Разряды. С. 390).

⁷⁸ Дворянин в утвержденной грамоте (хотя в списке 1598/99 г. он выборный по Дорогобужу) и в росписи 1604 г.; получал в 1604 г. оклад 100 руб. (ААЭ. Т. 2. С. 43; Бс. Ч. 1. С. 192; ч. 2. С. 74; Сухотин Л. М. Четвертчики. С. 3).

⁷⁹ ААЭ. Т. 2. С. 44.

⁸⁰ В 1588/89 г. выборный по Рузе, но в списке 1602/03 г. среди выборных по это-

му городу его нет, в сентябре 1602 г. упоминался как дворянин (московский), в 1604 г. возглавлял Земский приказ (Бс. Ч. 1. С. 168; ч. 2. С. 26; Эрм., л. 379 об.).

⁸¹ ААЭ. Т. 2. С. 43.

⁸² В 1598 г. дворянин, оставлен в Москве у царицы-иноки Александры Федоровны, умер в том же 1598 г. (РК 1598—1638. С. 45; Троицкая вкладная. С. 76).

⁸³ Упоминается как дворянин в утвержденной грамоте (ААЭ. С. 44).

⁸⁴ Дворянин в росписи 1604 г. (Бс. Ч. 2. С. 90).

⁸⁵ Дворянин в 1591 г. (Эрм., л. 772 об.).

⁸⁶ В годы царствования Бориса Годунова попал в опалу, лишился боярского чина и в 1604 г. значится среди дворян московских.

⁸⁷ В росписи 1604 г. значится среди дворян московских (Бс. Ч. 2. С. 44), но в 1605—1606 гг. он стольник и «мечник» (Белокуров С. А. Разряды. С. 77, 89, 146). Здесь не все ясно, поскольку переход из московских дворян в стольники не был характерным явлением.

⁸⁸ До 1588/89 г. в московских дворянах служили кн. Г. А. Куракин (с 1587 г. боярин), кн. И. С. Лобанов-Ростовский (в 1577 г. дворянин, упоминается до ноября 1584 г. См.: Бс. Ч. 1. С. 88; Эрм., л. 644, 676), кн. П. С. Лобанов-Ростовский (в начале царствования Федора Ивановича стал окольничим), А. Т. Михалков (в 1577 г. дворянин, последнее упоминание о нем встречается в 1584 г. См.: Бс. Ч. 1. С. 88; Эрм., л. 670), И. П. Морозов (в феврале 1585 г. дворянин на приеме Л. Сапеги. См.: Разряды. С. 360), кн. И. А. Ноготков (очевидно, дворянин, так как часто назначался воеводой, умер в конце 1584 г. См.: Эрм., л. 635, 651, 653, 670, 674, 675), И. Д. Колодка Плещеев (дворянин в списке 1585—1587 гг. См.: Бс. Ч. 1. С. 102. — Далее не упоминается), кн. В. К. Пронский (в 1585 г. дворянин на приеме Л. Сапеги, умер в 1587/88 г. См.: Разряды. С. 360; Эрм., л. 709 об.), П. Я. Салтыков (очевидно, как дворянин в феврале 1585 г. присутствовал на приеме Л. Сапеги, последнее упоминание о нем встречается в сентябре 1585 г. См.: Эрм., л. 644, 669 об., 687 об.—688; Разряды. С. 360), кн. И. В. Сицкий (в 1577 г. стольник, в конце царствования Грозного часто назначался воеводой в полки и, очевидно, был дворянином; в 1585 г. стал боярином. См.: Бс. Ч. 1. С. 86; Эрм., л. 611, 614 об., 619, 636 об., 638, 643, 645), князья Н. Р. и Т. Р. Трубецкие (первый — дворянин в росписи Ливонского похода 1577/78 г., второй — стольник, но затем служил не в рындах и т. д., а на воеводских должностях, оба стали боярами к началу 1585 г. См.: ВЖ. 1852. № 1. С. 143, 144; Эрм., л. 546, 564, 568, 604, 611 об., 614, 660, 668, 762; Разряды. С. 393), кн. Ф. Д. Шестунов (в 1577 г. стольник, но, судя по позднейшим назначениям, охранял царский стан, был «в поезду» на свадьбе Ивана IV с М. Нагой, служил в воеводах, стал московским дворянином, к началу 1585 г. был пожалован боярством. См.: Бс. Ч. 1. С. 86; ВЖ. 1852. № 1. С. 139; Эрм., л. 614 об., 618 об., 641, 648), кн. Ан. И. Шуйский (в конце правления Ивана IV служил на воеводских должностях, при Федоре Ивановиче в 1584 г. стал боярином).

⁸⁹ В 1588/89 г. выборный по Белеву с окладом 600 четв.; в 1598/99 г. дворянин, а в 1602/03 и 1604 гг. снова среди выборных по Белеву с окладом 384 четв., с пометой «болен» (Бс. Ч. 1. С. 161, 186, 228; ч. 2. С. 74). Очевидно, как непригодный к службе был лишен чина московского дворянина.

⁹⁰ Не слишком родословная фамилия, не попавшая в Государев родословец и не выдвинувшаяся в Думу, но ее представители служили в опричнине, назначались на «стратилатские» должности (Кобрин В. Б. Состав. С. 26—27). С. Ф. Блудов в 1598 г. был воеводой сторожевого полка в «плавной рати» и местничался с кн. Вл. В. Кольцовым-Мосальским и Б. И. Полевым (Эрм., л. 886 об.).

⁹¹ Внуковы — одна из ветвей рода Нетши, служили в опричнине. И. И. Внуков мало проявил себя на службе. Видным человеком при дворе считался М. И. Внуков — он был расписан «в поезду» на свадьбе Ивана IV с М. Нагой, в 1581/82 г. был приставом у послы папы римского и местничался с всесильным и высоко стоявшим тогда М. А. Безнином, в 90-е гг. назначался на воеводские должности, являлся, очевидно, приставом у опального боярина И. В. Сицкого в 1600/01 г., умер в 1604 г. (Эрм., л. 615, 632, 637 об., 803, 834; Кормовая Новоспасского монастыря. С. III; Бс. Ч. 2. С. 49).

⁹² Представители захудалой фамилии черниговских князей. В XVI в. были малозаметны, но в конце XVI—начале XVII в. их род благодаря успешной службе и родственным связям начинает возвышаться. А. Р. и Г. К. Волконские отбили «немцев» от

Соловецкого монастыря. Видным деятелем был племянник А. Р. Волконского Григорий Константинович, дослужившийся в начале XVII в. до чина окольничего. Волконские были связаны родством с членами Думы — кн. Ф. И. Хворостинины и А. П. Клешнином (Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 729).

⁹³ Сын видного опричника В. Г. Грязного, из старомосковского рода Ильиных (*Кобрин В. Б. Состав. С. 40*). Его дочь была тещей боярина Ф. Н. Романова, но сам он не подвергся вслед за Романовыми репрессиям и продолжал служить (Эрм., л. 336 об.; *Белокуров С. А. Разряды. С. 194*).

⁹⁴ Из старинного служилого московского рода Нетши. Его сородичи Дмитриевы-Даниловы бывали в боярах и окольничих, но затем род захудал (*Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 450—454*). Его отец — С. Г. Дмитриев — в 1577 г. был дворянином московским (Бс. Ч. 1. С. 89).

⁹⁵ Ветвь рода Вельяминовых-Воронцовых. Служил в опричнице, активно проявил себя на посольской службе (*Кобрин В. Б. Состав. С. 41*).

⁹⁶ Из выезжих иноземцев (см. о нем: *Мятлев Н. В. Родословные заметки. СПб., 1906. С. 3—9*).

⁹⁷ Происходил из рода новгородских бояр. Служил в воеводах, московских приказах, был писцом и т. д., пытался местничаться с кн. А. И. Хворостинным и М. М. Салтыковым (Эрм., л. 704, 708 об., 714 об., 860, 865; *Разряды. С. 523—524; РК 1598—1638. С. 116, 133, 151, 175; АЮ. № 335*).

⁹⁸ Из старинного служилого московского рода, его представители служили в опричнице (*Кобрин В. Б. Состав. С. 47*). В 1599/1600—1604 гг. был судьей Земского приказа, участвовал в различных дворцовых церемониях, местничался с В. Я. Кузьмичем (царь их «развел», т. е. признал как бы равными) (*Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 59; Эрм., л. 930 об., 943, 977 об., 979 об.; Бс. Ч. 2. С. 26*).

⁹⁹ Род Нашокиных дал целый ряд видных опричников и «дворовых»; в состав особого «двора» входил и Г. А. Нашокин. Служил в воеводах, в приказах, был послом в Турцию, назначался приставом к иностранным послам (Эрм., л. 602, 611, 613, 614 об., 716 об., 749—750, 767, 785, 814, 865; РК 1598—1638. С. 48, 123—124).

¹⁰⁰ Род не слишком знатный, но весьма заметный при царском дворе XVI в. Многочисленные Соловины значатся в Тысячной книге и Дворовой тетради, ряд представителей этой фамилии были зачислены в состав опричного двора (*Кобрин В. Б. Состав. С. 73*). П. Г. Соловин начинал службу еще в 1550 г. (в тысячниках), его сестра была замужем за видным опричником Р. В. Алферьевым (*Веселовский С. Б. Опричнина. С. 234*).

¹⁰¹ Из старомосковского рода Серкизов. Фамилия родословная, попавшая в Государев родословец. В 1597 г. Я. И. Старков был челом «о местах» на кн. Ф. А. Звенигородского и И. М. Пушкина, и царь его «отставил», т. е. признал справедливость его притязаний (Эрм., л. 861).

¹⁰² Из старинного рода Монастыревых, происходивших, вероятно, от смоленских князей (*Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 374 и след.*).

¹⁰³ В Тысячной книге и Дворовой тетради многочисленные князья Шаховские значатся в составе корпорации князей Ярославских (в том числе и дед М. М. и П. М. Шаховских). Но в конце XVI в. по своему служебному положению Шаховские в целом не принадлежали к кругу боярско-княжеской аристократии. Служили в основном в головах, а не воеводах. Из 13 Шаховских, входивших в рассматриваемое нами время в состав государева двора, лишь двое — Мирон и Петр Михайловичи — имели чин московского дворянина, остальные же служили в выборных дворянах (по Зубцову, Суздалю и Козельску) и жильцах.

¹⁰⁴ В 1588/89 г. выборный по Можайску, но в списке 1602/03 г. его нет среди выборных дворян; в 1604 г. был воеводой в Стародубе, а в 1606/07 г. он уже несомненно имел чин дворянина московского (Бс. Ч. 1. С. 172, 256; РК 1598—1638. С. 168).

¹⁰⁵ В списке 1598/99 г. он среди дворян московских, но в утвержденной грамоте — жилец (Бс. Ч. 1. С. 186; ААЭ. Т. 2. С. 45). В списке 1602/03 г. его нет среди выборных дворян и жильцов. В 1599/1600 г. посол в Дании, в 1602 г. межевал с датчанами «Лопскую землю», в конце 1603 г. посол в Крыму, служил при Борисе Годунове на воеводских должностях, в 1606/07 г. дворянин московский (Эрм., л. 922, 944, 989; РК 1598—1638. С. 108, 110, 160; *Белокуров С. А. Разряды. С. 4; Опись 1614 г. С. 130, 132; РИБ. Т. XVI. Стб. 382*).

¹⁰⁶ В 1598/99 г. выборный по Малоярославцу, в списке 1602/03 г. отсутствует

среди выборных, в 1605 г. воевода на Рязани, а в 1606/07 г. упоминается как дворянин московский (Бс. Ч. 1. С. 190, 258; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 40).

¹⁰⁷ В 1598/99 г. был судьей Земского приказа, умер в 1599 г. (Разряды. С. 543; ААЭ. Т. 2. С. 44, 48; ОР ГБЛ, ф. 303, № 41, л. 241).

¹⁰⁸ В 1588/89 и 1590/91 гг. выборный по Мещевску, но в списке 1602/03 г. отсутствует; в 1595—1597 гг. был воеводой в Березове, в списке 1606/07 г. — дворянин московский (Бс. Ч. 1. С. 165, 179, 257; Разряды. С. 505, 514; Эрм., л. 823 об.).

¹⁰⁹ В 1588/89 г. выборный по Серпейску, но в списке 1602/03 г. его нет. Служил на воеводствах в полках и городах, местничался с кн. И. П. Ромодановским. Последнее упоминание о нем встречается в 1601 г. (Бс. Ч. 1. С. 164; Эрм., л. 763, 778 об., 791, 795, 809 об., 813, 815 об., 820 об., 834, 842; Разряды. С. 506—507, 540; Опись 1614 г. С. 135).

¹¹⁰ В 1588/89 г. выборный по Дорогобужу, но в списке 1602/03 г. его нет. В 1606/07 г. дворянин московский, между 1588/89—1606/07 гг. служил на воеводских должностях, дворянин в «Плещеевском» списке утвержденной грамоты (Бс. Ч. 1. С. 172, 256; Эрм., л. 716 об., 769, 774 об., 777 об., 778 об., 781, 782, 785 об., 789 об., 841 об., 917, 939, 943, 985; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 74; *Мордовина С. П.* К истории утвержденной грамоты 1598 г. // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 141).

¹¹¹ В 1588/89 г. выборный по Дорогобужу, но в списке 1602/03 г. его нет. В 1588/89—1605 гг. служил на воеводских должностях (Бс. Ч. 1. С. 174; Эрм., л. 742; РК 1598—1638. С. 82, 94, 114, 128, 140; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 116, 132).

¹¹² В 1588/89 г. выборный по Владимиру, но в списке 1602/03 г. его нет (правда, начало списка выборных по Владимиру здесь не сохранилось). Служил по 1605 г. на воеводских должностях, был судьей Земского приказа (Бс. Ч. 1. С. 130; Эрм., л. 840 об., 937 об., 943 и об.; РК 1598—1638. С. 87, 174; Разряды. С. 470; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 115, 194). Сын дворянина московского В. Я. Кузьмина-Короваева.

¹¹³ В 1588/89 г. выборный по Ржеве, но в списке 1602/03 г. его нет. Между 1588/89—1605 гг. не раз получал воеводские назначения (Бс. Ч. 1. С. 136; Эрм., л. 730, 759, 813 об., 864; РК 1598—1638. С. 83, 95, 128, 145, 168; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 132).

¹¹⁴ В 1588/89 г. был стряпчим, но в 1598—1605 гг. постоянно назначался на воеводские должности, а подобные назначения не были характерны для стряпчих (Бс. Ч. 1. С. 110; Разряды. С. 540; РК 1598—1638. С. 81, 82, 134, 153, 168; Эрм., л. 920; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 2, 28).

¹¹⁵ В 1588/89 и 1598/99 гг. стряпчий, в 1602—1605 гг. служил в воеводах, в 1606/07 г. дворянин московский (Бс. Ч. 1. С. 110, 259; ААЭ. Т. 2. С. 43, 49; РК 1598—1638. С. 32; Эрм., л. 940 об.; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 4).

¹¹⁶ В 1588/89 г. жилец, в 1598 г. стряпчий, в 1602—1604 гг. служил на воеводствах в Пронске и Воронеже, в 1606/07 г. дворянин (Бс. Ч. 1. С. 110, 258; РК 1598—1638. С. 32, 147, 169; Эрм., л. 974 об.).

¹¹⁷ В 1588/89 и 1598/99 гг. жилец, в 1603—1605 гг. воевода в Воронеже и Михайлове, в 1600 г. в объезде на Москве (подобные назначения не характерны для жильцов, стряпчих и стольников), в 1606/07 г. дворянин московский (Бс. Ч. 1. С. 118, 258; РК 1598—1638. С. 158, 164, 169; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 131).

¹¹⁸ В 1588/89 г. жилец. В росписи Серпуховского похода числится под рубрикой «из дворян якоулы», в 1603—1605 гг. служил на воеводских должностях, дворянин в списке 1606/07 г. (Бс. Ч. 1. С. 110, 255; ААЭ. Т. 2. С. 43, 49; РК 1598—1638. С. 25, 34, 170—172; Эрм., л. 977; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 28).

¹¹⁹ В 1588/89 г. стольник, с 1598 г. постоянно служил на воеводских должностях, упоминается как дворянин московский на свадьбе Лжедмитрия (Бс. Ч. 1. С. 109; РК 1598—1638. С. 29, 38, 86, 98, 116, 125, 148, 169; *Белокуров С. А.* Разряды. С. 80).

¹²⁰ В перечне дворян московских боярского списка 1606/07 г. числится 143 человека. Конец списка дворян здесь, правда, утрачен. Но есть основания думать, что список дошел в большей части и здесь недостает лишь незначительного количества имен. Уже в дошедшем до нас его части в конце названы имена сравнительно недавно пожалованных в чин (кн. Ф. С. Коркодинов в 1602/03 г. был еще выборным по Вязьме, С. В. Чередов в январе 1606 г. являлся дьяком, К. Д. Бегичев в конце царствования Бориса Годунова значился головой стрелецким. См.: Бс. Ч. 1. С. 206, 260; ч. 2. С. 51; *Веселовский С. Б.* Дьяки. С. 563; *Сухотин Л. М.* Четвертчики. С. 19). Напомним, что в списке 1588/89 г. значится 174 дворянина московского.

¹²¹ Перед получением думного чина упоминаются на воеводских должностях.

¹²² Трудно сказать, из каких чинов были пожалованы в Думу кн. И. Ф. Мстиславский, Б. Ю. Сабуров, кн. Ф. М. Трубецкой, кн. Д. И. Хворостинин, кн. И. П. Шуйский и Н. Р. Юрьев (они получили думные чины еще в конце 40-х — начале 70-х гг. XVI в., а о выделении, по крайней мере до середины 70-х гг., особого чина московских дворян мы можем судить лишь предположительно), а также кн. В. Ф. Скопин-Шуйский (о службе которого мало данных).

¹²³ Эрм., л. 878 об.; ГБЛ, собр. Горск., № 16, л. 499.

¹²⁴ ААЭ. Т. 2. С. 43, 48; РК 1598—1638. С. 23, 24, 139; Разряды. С. 524; Сухотин Л. М. Четвертичи. С. 37—39.

¹²⁵ В. И., Г. Б., Д. А., С. Д., С. М., С. А. и Ф. У. Вельяминовы, князья Л. Б. и П. Б. Засекины, Б. О. Клешнин, кн. Б. М. Лыков, кн. Д. И. Мезецкой, В. С., Г. А., И. Г., И. Д. и Ф. С. Плещеевы, князья Б. Н. и И. Н. Примковы, А. И. и М. А. Пушкины, Г. С. Сабуров, И. Н. Салтыков, М. Б. Шеин, А. И. Шестово, князья И. А. и М. А. Щербатые.

¹²⁶ Разряды. С. 524; РИБ. Т. II. Стб. 62.

¹²⁷ См.: Бс. Ч. 2. С. 16—21.

¹²⁸ Так, в росписи 1604 г. значится целая группа — «жильцы ж с отцовских поместий, а иные беспоместные и поместными окладами не верстаны» (Бс. Ч. 2. С. 18—19, 21).

¹²⁹ Мы не имеем, правда, полных родословных росписей многих дворянских фамилий, в ряде случаев об отцах жильцов приходится судить предположительно (по отчествам и т. д.).

¹³⁰ Так, у ряда жильцов, перечисленных в росписи 1604 г. (Л. Д. Курдюков, И. Т. Лачинов, А. Г. и В. Г. Тетерины и другие), мы вовсе не встречаем родственников, служивших в конце XVI—начале XVII в. в дворовых чинах.

¹³¹ См.: Сухотин Л. М. Четвертичи. С. 31—32.

¹³² См.: Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Стасиславский А. Л. Документы. С. 37.

¹³³ См.: ИРГО. Вып. III. С. 118, 131.

¹³⁴ Около 850 выборных дворян названо в боярском списке 1602/03 г. и росписи 1604 г. Но в списке 1602/03 г. сохранились лишь частично перечни по Владимиру, Лихвину, Белеву и Дорогобужу и полностью утрачены списки дворян по Клину, Белой, Тарусе и Звенигороду. Ростисль 1604 г. позволяет восстановить состав выборных по Владимиру, Белеву, Клину и Белой, хотя далеко не полно (Бс. Ч. 1. С. 40—41; ч. 2. С. 4, 22, 24).

¹³⁵ См.: Бс. Ч. 1. С. 129, 133.

¹³⁶ Характерно, что в коломенской писцовой книге при описании поместных земель особо выделяются дворяне и дети боярские, служащие «с Коломны» и из «разных городов», тогда как при описании вотчинных владений этого не делается.

¹³⁷ В 1588/89 г. было 680 выборных дворян, но за десять лет (к 1598/99 г.) число представителей этого чина несомненно возросло.

¹³⁸ Маржерет. С. 173.

¹³⁹ Бс. Ч. 1. С. 129—176, 278—307. — О датировке списка участников Шведского похода см.: там же. С. 63—65.

¹⁴⁰ Там же. С. 39. — Так, кн. Д. Д. Друцкий, находившийся в Москве в мае—июне 1598 г., уже с 31 июля упоминается на воеводстве в Темникове (ОР ГПБ, ф. 464 (Мансыревы), 3/1).

¹⁴¹ В «московском» боярском списке перечислены как московские, так и выборные дворяне.

¹⁴² РК 1598—1638. С. 168.

¹⁴³ Там же. С. 178.

¹⁴⁴ Там же. С. 160.

¹⁴⁵ ЦГАДА, ф. 210, столбцы дополнительного отдела, № 4, ст. 1, л. 27; Бс. Ч. 1. С. 174.

¹⁴⁶ Дворянами именовали московских и выборных дворян в отличие от рядовых уездных детей боярских.

¹⁴⁷ В документах различались «головы письменные» и «головы выборные». Первые получали назначения из Москвы, из Разрядного приказа, тогда как последние избирались по мере надобности из лучших детей боярских уже на местах (см.: Эрм., л. 804 об.). Таким «выборным головой» и был, очевидно, С. Лодыженский.

¹⁴⁸ Белокуров С. А. Разряды. С. 238.

¹⁴⁹ Эрм., л. 936.

¹⁵⁰ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, № 1, л. 95.

¹⁵¹ Там же, ф. 188, № 34, л. 766 и др.

¹⁵² См., например: РК 1598—1638. С. 136—138.

¹⁵³ Бс. Ч. 2. С. 4, 8, 9—16.

¹⁵⁴ ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, № 1, л. 85—95.

¹⁵⁵ В росписи 1604 г. в головах в сторожевом полку с воеводой И. И. Годуновым упомянуты наряду с выборными дворянами из городов также стольник В. И. Бутурлин и дворяне московские кн. Ю. Г. Мещерский и В. Р. Алферьев. Но это не особые отряды, а отдельные лица.

¹⁵⁶ См. о них: Разряды; РК 1538—1638. — См. указатели имен.

¹⁵⁷ В том числе 40 человек, которые перешли в выборные дворяне из жильцов. Из упомянутых 165 человек детей выборных 11 человек — это дети тех, которые значатся как выборные дворяне только в 1602—1604 гг.

¹⁵⁸ Бс. Ч. 1. С. 143, 283.

¹⁵⁹ Там же. С. 198, 207, 209; ч. 2. С. 12, 13.

¹⁶⁰ Там же. Ч. 1. С. 198.

¹⁶¹ См., например: Разряды. С. 477.

¹⁶² ОМАМЮ. Кн. 8. С. 3, 9, 35; Бс. Ч. 1. С. 153, 189, 220, 221; ч. 2. С. 14.

¹⁶³ См.: ИРГО. Вып. III. С. 142, 143, 153, 163.

¹⁶⁴ Новицкий В. И. С. 23 и след.

¹⁶⁵ ОМАМЮ. Кн. 8. С. 146—147.

¹⁶⁶ Так, М. Я. Толстой (выборный по Туле в 1588/89 г.) служил в начале XVII в. в Туле губным старостой, его имя отсутствует среди выборных по Туле в списке 1602/03 г. (Бс. Ч. 1. С. 157; РК 1598—1638. С. 130). В середине XVI в. служба в губных старостах считалась несовместимой со службой по дворовому списку (см.: ТКДТ. С. 13).

¹⁶⁷ Например, Ю. М. Чевкин (выборный по Рязани в 1588/89—1602/03 гг.) был в 1590/91—1601/02 гг. в Рязани губным старостой (Бс. Ч. 1. С. 142, 208; РК 1598—1638. С. 84, 95, 115, 130).

¹⁶⁸ Так, в Ливонском походе 1577/78 г. в передовом полку головой у белян (56 человек) был выборный 1577 г. по Белой Ш. Травин, головой у дорогобужан (50 человек) — Д. Исленьев (в конце XVI в. выборный по Вязьме и Дорогобужу), головой у ярославцев в сторожевом полку — выборный по Ярославлю Вл. Пивов и т. д. (РК 1475—1605. Т. II. С. 479—480; Бс. Ч. 1. С. 97, 98, 134, 172).

¹⁶⁹ Бс. Ч. 1. С. 134; ТКДТ. С. 222.

¹⁷⁰ Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 147—148.

¹⁷¹ Бс. Ч. 1. С. 99—101.

¹⁷² РК 1475—1605. Т. II. С. 477.

¹⁷³ Разряды. С. 289, 322, 375.

¹⁷⁴ РК 1475—1605. Т. II. С. 513.

¹⁷⁵ См. о нем: Бс. Ч. 1. С. 12—20.

¹⁷⁶ Там же. С. 271.

¹⁷⁷ Разряды. С. 357; Эрм., л. 682.

¹⁷⁸ Бс. Ч. 1. С. 176, 340; ИРГО. Вып. IV. С. 469.

¹⁷⁹ ИРГО. Вып. IV. С. 469.

¹⁸⁰ Еще в 1585—1588/89 гг. служил в Себеже и Опочке (Разряды. С. 376, 389, 398, 411).

¹⁸¹ См., например: Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 1, № 479.

¹⁸² ЦГАДА, ф. 1209, кн. 967, л. 177, 215, 245 об., 280 и др.

¹⁸³ Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 83 (гл. XVI, ст. 68).

¹⁸⁴ См.: АЮ. С. 289.

¹⁸⁵ См.: Эрм., л. 572 об.; Белокуров С. А. Разряды. С. 39.

¹⁸⁶ В дальнейшем, в годы Смуты, институт выбора оформлялся в новых городах. Так, к 1606 г. довольно многочисленная группа выборных дворян появилась в Смоленске, где прежде не было даже особой группы дворовых детей боярских (см.: Мальцев В. П. Борьба за Смоленск: (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1940. С. 364—365).

Глава 3

УКАЗ 1586/87 г. О ПОДМОСКОВНЫХ ПОМЕСТЬЯХ

Текст указа целиком не сохранился, но по дошедшим до нас фрагментам¹ можно достаточно определенно судить о его основном содержании. Исследователи уже давно подметили сходство указов 1586/87 г. о подмосковных поместьях и 1550 г. об испомещении под Москвой тысячников. Оба указа имели общую цель — обеспечить способность членов двора («лучших слуг») быть всегда под рукой правительства, всегда быть готовыми к выполнению различных правительственные поручений. В 80-х гг., как и в 1550 г., предполагалось разместить членов двора в Московском и некоторых других близлежащих районах; при этом можно считать, что состав территории испомещения в 1586/87 г. был расширен.² По всей видимости, поместья по указу 1586/87 г., как и в 1550 г., должны были получить лишь те, кто не имел вблизи от столицы вотчинных владений. Правительство 80-х гг. заимствовало и систему последовательности распределения подмосковных окладов в соответствии с категориями служилых людей, хотя и видоизменило ее в соответствии с изменившейся структурой самого двора (об этом см. ниже).

Общий смысл издания указа 1586/87 г. достаточно ясен — правительство стремилось возродить старую доопричную практику обеспечения членов государева двора поместьями вблизи от столицы. В годы опричнины и послеопричного правления Ивана Грозного (в связи с переносом царской резиденции в Александрову слободу, а затем в Старицу, с массовыми опалами и переселениями служилых людей, вследствие чего двор утратил стабильность своего состава) испомещения дворовых под Москвой приостановились. Во второй половине 70-х гг. были произведены массовые наделения поместьями в Московском у. рядовых детей боярских «московского города» из фонда порозжих земель, который образовался из прежних запустевших владений членов государева двора 50-х — середины 60-х гг.³ Судя по данным писцовой приправочной книги Т. А. Хлопова 1584—1586 гг., содержащей описание ряда станов Замосковной половины Московского у., поместьями под Москвой в середине 1580-х гг. владели лишь немногие представители государева двора — в книге встречаем имена лишь четырех дворовых, имевших в тот период подмосковные поместья (князья С. А. и Б. К. Черкасские, И. В. Годунов и дьяк Захарий Свиязев).⁴ Размеры этих поместий не имели никакого соответствия ни с нормами указа 1550 г., ни с нормами закона 1586/87 г. (так, за кн. С. А. Черкасским в двух станах было около 2000 четв. земли, а И. В. Годунов владел поместьем в 815 четв.).

Итак, программу испомещения под Москвой членов государева двора, намеченную указом 1586/87 г., правительству пришлось осуществлять фактически заново.

Нельзя не отметить и того факта, что незадолго до издания указа, в 1585/86 г., было проведено верстание детей боярских «москов-

ского города». Многие из них упомянуты в предыдущей десятне 1578 г. и уже в 70-х гг. получили поместья под Москвой. Но большая их часть (190 человек из 273) — лица новые, не встречающиеся в десятне 1578 г.⁵ По верстанию 1585/86 г. были определены следующие размеры поместных окладов: 1-я статья — 350 четв., 2-я — 250, 3-я — 200 и 4-я — 150 четв. Обеспечение землей всей этой массы детей боярских в соответствии с их окладами требовало весьма значительного земельного фонда. Однако есть основания полагать, что эта программа не была реализована на практике. Действительно, в писцовой книге Т. А. Хлопова из 273 человек, названных в десятне 1585/86 г., встречаем имена только пятерых лиц, которые владели в середине 80-х гг. поместьями под Москвой.⁶ Поместья ряда названных в десятне 1585/86 г. детей боярских, которыми они владели еще в 1570-х гг., в момент составления писцовой книги Т. А. Хлопова оказались в порозжих землях и перешли к другим лицам. Причем характерно, что в писцовой книге в качестве прежних владельцев указанных имений названы уже не эти дети боярские, а их предшественники по владению, дворовые, испомещенные под Москвой еще в 50-х — начале 60-х гг.⁷ Таким образом, поместные владения 70—80-х гг. рядовых детей боярских Московского у. признавались как бы незаконными, временными. Писцовая книга зафиксировала случаи возвращения поместья, бывшего во владении за московским сыном боярским Г. Г. Решетовым, упомянутым в десятне 1585/86 г., его прежнему владельцу Б. Д. Парскому,⁸ а также перехода («отдела») поместья сына боярского «московского города» М. Ю. Соймонова, который значится в десятне 1585/86 г., в вотчину кн. П. И. Татеву.⁹

Очевидно, незадолго перед изданием указа о наделении членов государева двора подмосковными поместьями правительство не только отказалось от проведения массовой раздачи рядовым детям боярским земель в Московском у., но и приступило к формированию московского «служилого города», ликвидации его землевладения под Москвой. Сохранилась ввозная грамота от 15 марта 1587 г. Т. М. Ботвиньеву и Н. Л. Колупаеву (оба они упоминаются в десятнях Московского у. 1578 и 1585/86 гг.) на поместья в Одоевском у. «против их подмосковного поместья».¹⁰

Среди землевладельцев Московского у. в писцовых книгах 1620-х гг. обеих половин мы не встречаем никого из лиц, записанных в московские десятни 1578 и 1585/86 гг., и их детей.¹¹ Следует отметить при этом, что десятня 1585/86 г. является последней известной десятней Московского у.

Ликвидация землевладения «служилого города» Московского у. освободила значительный массив земель, необходимых для испомещения под Москвой членов двора. Широкие возможности для испомещения дворовых давало и наличие в Московском у. значительного фонда порозжих земель, которые не были пущены в раздачу московским детям боярским. Резервом для испомещения служили, очевидно, и дворцовые земли. Известно, например, что пожало-

ванные к 1598/99 г. дворянину Г. Б. Васильчикову в подмосковное поместье земли в 1583/84 г. принадлежали дворцу.¹²

По сравнению с указом 1550 г. об испомещении «избранной тысячи» в указе 1586/87 г. был вдвое сокращен (со 100 до 50 четв.) поместный оклад для представителей низшей и самой многочисленной группы дворовых (выборных дворян и, очевидно, жильцов). Это означало, что для реализации указа 1586/87 г. требовалось значительно меньшее количество земли, чем для испомещения тысячников.¹³ Таким образом, в момент проведения реформы правительство располагало в целом достаточно широкими, реальными возможностями для ее претворения в жизнь.

Насколько последовательно был реализован указ 1586/87 г. на практике? Богатый материал для изучения поставленного вопроса дает ретроспективный анализ писцовых книг Зарецкой половины Московского у. 1627—1629 гг.¹⁴ В отличие от составителей писцовых книг Замосковной половины 1623—1624 гг., опиравшихся на приправочные книги Т. А. Хлопова 1584—1586 гг., И. Фефильева 1586/87 г. и А. Сабурова 1570/71 г. (для освещения интересующего нас вопроса эти книги дают сравнительно немного, так как содержащиеся в них сведения о прежних владельцах восходят ко времени либо до принятия указа 1586/87 г., либо к самому началу его реализации), писцы Зарецкой половины не имели в своем распоряжении приправочных книг и вынуждены были для наведения справок о прежних владельцах прибегать к опросу («скаскам») населения.¹⁵ Местные жители давали писцам весьма подробные сведения о старых землевладельцах, сообщая нередко имена сразу нескольких прежних помещиков и вотчинников. Значительную часть земель Зарецкой половины Московского у. в 1620-х гг. составляли пустующие, порозжие, владения. Поскольку фонд порозжих земель образовался главным образом в годы Смуты, то и владения, описанные в порозжих землях, в значительной части можно отнести к досмутному периоду и к первым годам Смутного времени.¹⁶

Уже при беглом анализе описания порозжих земель в писцовых книгах 1627—1629 гг. обращает на себя внимание высокая степень упорядоченности (в соответствии с нормами указа 1586/87 г.) размеров подмосковных поместных владений. Из 170 упомянутых здесь порозжих поместий около половины значится с размерами в 200, 150 и 50 четвертей. Но это далеко не полные данные. Если учесть ряд обстоятельств (реальные земельные владения не всегда точно могли соответствовать на практике земельным окладам; в писцовых книгах порозжих земель часто могли воспроизводиться неполные размеры прежних владений, ибо части порозжих имений поступали в раздачу; поместья испомещенных под Москвой дворян могли располагаться нередко одновременно в разных станах и волостях¹⁷), то можно прийти к заключению, что основная часть дворовых получила подмосковные поместья строго в соответствии с нормами указа 1586/87 г. Уже это обстоятельство позволяет судить о том, что реформа активно претворялась в жизнь.

Рассматривая состав прежних землевладельцев Зарецкой половины, мы обнаруживаем среди них немало имен известных деятелей конца XVI—начала XVII в. В их числе встречаются и имена лиц, которые умерли еще до Смуты (Ф. А. Бутурлин, кн. Ф. А. Ноготков, Н. И. Очин-Плещеев). Есть и ряд прямых указаний источников о наделении при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове подмосковными поместьями представителей знати (князей А. А. Телятевского, Д. М. Пожарского, А. Д. Сицкого, Н. Р. и Т. Р. Трубецких, а также Б. Ф. и И. И. Годуновых).¹⁸ Факт испомещения под Москвой думных людей и столичных дворян сомнений в литературе не вызывает.

Спорным и невыясненным остается вопрос об испомещении под Москвой низшей группы дворовых — выборных дворян из городов. В. И. Новицкий (исходя из ошибочных, как показано в предыдущей главе, представлений о дворянах выборного чина как людях, «прибывших», связь которых со столицей определялась только «призовом») главное отличие московских дворян от дворян выборных видел в том, что первые были испомещены под Москвой, а вторые — нет.¹⁹ Но в указе 1586/87 г. прямо говорилось о наделении подмосковными поместьями и выборных дворян; причем был установлен и определенный размер подмосковного оклада этой группы дворовых.

Факты с несомненностью свидетельствуют об испомещении выборных дворян под Москвой в конце XVI в. В межевой книге вотчин Троице-Сергиева монастыря 1593/94 г. Московского у. в качестве соседних с монастырем владений упоминаются и поместья целой группы выборных дворян, которые значатся в боярском списке 1588/89 г. (Г. А. Неелова, В. И. и Г. З. Хлоповых, А. Т. и Д. В. Жеребцовых, М. И. Свиблова, Г. И. Благого, А. М. Молчанинова, Д. Т. Ошанина, Матвея и Михаила Молчановых, Е. Ю. Протопопова, кн. Д. Д. Друцкого, кн. Д. В. Львова, Е. Ф. Коробова).²⁰ Несомненно, эти лица стали московскими помещиками в результате реализации указа 1586/87 г. Никого из них мы не встречаем в писцовой книге Т. А. Хлопова 1584—1586 гг. Сопоставление названий деревень и пустошей, упомянутых за ними в межевой книге 1593/94 г., с данными писцовой книги 1584—1586 гг. показывает, что в раздачу испомещаемым под Москвой выборным дворянам шли порозжие земли, а также земли, бывшие в оброчном держании. Среди прежних владельцев в писцовых книгах 1627—1629 гг. Зарецкой половины мы встречаем около 90 лиц, которые значатся как выборные дворяне в боярском списке 1588/89 г. (сложность выявления обусловлена упоминанием многих из них в писцовых книгах без отчеств).²¹ Среди этих лиц мы, правда, видим и тех, кто был пожалован позднее (после 1588/89 г.) в московские дворяне и другие чины, которые, следовательно, могли получить подмосковные поместья не как выборные, а как московские дворяне и т. д., но таких лиц немного (около 20 человек).²² Большинство из них закончили свою служебную карьеру в выборных дворянах, многие сошли со сцены еще до 1605 г.²³ Это далеко не полный список выборных дворян конца XVI в., получивших подмосковные поместья согласно указу 1586/87 г. Писцовые книги Зарецкой половины и не могли

полно передать их состав, так как сведения о прежних владельцах писцы получали по «скаскам», а состав владельцев поместий на протяжении конца XVI—начала XVII в. (особенно в годы Смуты) интенсивно менялся. Следует учесть и то, что Зарецкая половина составляла лишь часть Московского у. (по данным Ю. В. Готье, в Замосковной половине насчитывалось 35 станов и волостей, а в Зарецкой — только 21),²⁴ а также то, что члены двора, согласно указу 1586/87 г., наделялись «подмосковными» поместьями не только в Московском, но и в других близлежащих к столице уездах. Таким образом, и те случайные упоминания писцовых книг о подмосковных поместьях выборных дворян конца XVI в., которые мы имеем, могут наглядно свидетельствовать о том, что реформа 1586/87 г. претворялась в жизнь весьма активно и что вблизи от столицы поместья получали представители не только верхних, но и нижних чинов двора.²⁵

Проводя политику испомещения членов государева двора под Москвой, правительство не затронуло вотчинного землевладения в уезде, о чем может свидетельствовать сравнение данных писцовой приправочной книги Т. А. Хлопова 1584—1586 гг. и писцовой книги 1623—1624 гг., содержащей описание тех же станов и волостей. Лишь в случаях опалы вотчины конфисковывались и шли в поместную раздачу.²⁶ Сохранение за членами двора вотчин в Московском у. не противоречило положениям указа 1550 г. и, очевидно, указа 1586/87 г. — поместьями наделялись лишь те дворовые, которые не имели вотчин вблизи от столицы.²⁷ Уже в канун издания указа 1586/87 г., как видно по материалам писцовой приправочной книги Т. А. Хлопова и «явочного списка» вотчинных владений Московского у. 1584—1586 гг., многие члены государева двора имели подмосковные вотчины. Этому способствовала, в частности, реализация указа 1572/73 г. о продаже порозжих поместий в вотчины.²⁸ Если в канун проведения реформы 1586/87 г. преобладающей формой землевладения членов двора была вотчина (поместьями в середине 80-х гг., как мы видели, владели лишь единичные представители дворовых), то после 1587 г. в связи с массовым испомещением под Москвой государевых «лучших слуг» соотношение различных форм замлевладения в уезде существенно изменилось.

Согласно данным писцовых книг, поместьями и вотчинами в Московском у. в конце XVI—начале XVII в. владели помимо членов государева двора (правящей верхушки служилого сословия) многочисленные служители дворцового ведомства (конюхи, псари, охотники, стряпчие Сытного дворца и т. д.), а также царицыны дети боярские, служилые иноземцы. Есть известия об испомещении под Москвой в конце XVI в. членов патриаршего двора (патриаршего кравчего, патриарших дьяков).²⁹

К концу царствования Бориса Годунова в Подмосковье, видимо, уже не оставалось свободных земель. Так, в 1605 г., при Лжедмитрии, видного боярина И. М. Воротынского, возвращенного из ссылки на службу в Москву, испоместили не в Московском у., а наделили его «в подмосковное поместье место» поместьем в Звенигородском у.³⁰

Как и указ 1550 г. об испомещении «избранной тысячи», указ 1586/87 г. устанавливал определенную градацию подмосковных поместных окладов, соответствующую иерархическому положению различных групп дворовых. Но система этих окладов в конце века была существенно видоизменена в соответствии с утверждением чиновного принципа членения двора. Высший поместный оклад в 200 четв., согласно указу 1586/87 г., сохранялся за боярами. Оклад в 100 четв. устанавливался за представителями столичного дворянства (столыниками, стряпчими и дворянами московскими), а также за головами стрелецкими и, очевидно, дьяками.³¹ У нас нет определенных данных для суждения о размерах окладов окольничих. В 1550 г. оклад окольничих равнялся боярскому окладу, а по Уложению 1649 г. окольничие и думные дьяки получали право на владение подмосковными поместьями размером в 150 четв. По всей видимости, нормы окладов, по Уложению 1649 г. и указу 1586/87 г., были сходными. Известно, что думные дьяки получали, по указу 1586/87 г. (как и по Уложению 1649 г.), оклад в 150 четв.³² В 1586/87 г. был вдвое понижен по сравнению с минимальным окладом тысячников размер подмосковного оклада для низшей группы дворовых — выборных дворян и, вероятно, жильцов³³ (50 четв. против 100). Оклады выборных дворян вдвое уступали окладам дворян московских и вчетверо — высшему боярскому окладу. В Тысячной книге градация окладов была более плавной (200—150—100 четв.). Система подмосковных окладов, установленная указом 1586/87 г., четко отразила реальное положение при царском дворе различных групп дворовых, отмеченный в предыдущей главе процесс обособления привилегированной, «боярской» по составу верхушки государева двора из прочей массы его членов. Такой четкой поляризации верхнего и нижнего слоев в структуре двора мы не наблюдаем в середине XVI в. Хотя при распределении тысячников по статьям и учитывался принцип родовитости служилых людей, тем не менее в круг дворовой элиты (1-я и 2-я статьи Тысячной книги) входили и представители сравнительно неродословных фамилий, невысоко стоявших в служебно-местническом отношении (кн. Вяземский, Коробов, Вешняков, Лыков-Овцын, кн. Мещерский, Машуткин-Борисов). В то же время среди тысячников 3-й статьи мы видим многих представителей знатных княжеско-боярских родов и даже выходцев из первостепенной княжеской знати (кн. И. А. Шуйский). Вообще деление тысячников на статьи, как было отмечено выше, не вполне совпадало с чиновным положением и степенью знатности служилого человека. В середине XVI в. знать не была консолидирована в особую верхнюю чиновно-сословную группу государева двора. Такой консолидации в значительной мере препятствовало сохранение территориального принципа членения двора. Реформа государева двора 1550-х гг. не привела к полному обособлению его членов (в том числе и служившей при дворе знати) от местных корпораций, не отрывала их полностью от рядовых уездных служилых людей. В 50-х—начале 60-х гг. далеко не все представители княжеско-боярской знати, в том числе и князья, служившие по особым княжеским спискам (как это

видно, например, по материалам росписи Полоцкого похода 1563 г.), с неизбежностью зачислялись сразу в государев двор, первоначально они служили «с городом» в составе группы дворовых детей боярских.³⁴ Лишь по прошествии определенного времени они попадали в состав двора, постепенно продвигаясь по ступеням дворовой иерархии. Прохождение служилого человека по иерархической лестнице государева двора в середине XVI в. определялось не только его происхождением, но и значительной мере выслугой и стажем службы. Переходы дворовых с низших ступеней дворовой иерархии на высшие было делом весьма распространенным и обычным. Так, многие из дворян, записанных в 1-й статье соборного приговора 1566 г., в Тысячной книге 1550 г. значились в 3-й статье.

Принципиально иным было положение служилой знати в системе двора в конце XVI в. Аристократическая молодежь уже избавлялась от прохождения службы не только в рядах уездного дворянства, но и, как правило, в составе низших чинов двора. Обычно эти лица зачислялись в состав двора сразу в качестве стольников и стряпчих и получали высокий подмосковный оклад в 100 четв., вдвое превышавший оклады низших категорий дворовых. Таким образом, прежде всего именно в силу своего происхождения выходцы из знатных родов попадали в круг дворовой элиты. Сложившаяся в конце XVI в. замкнутая сословно-чиновная структура государева двора прочно ограждала представителей московской аристократии от проникновения в их среду выходцев из худородного уездного дворянства. По своей структуре двор конца XVI—начала XVII в. был более аристократическим по сравнению с серединой века.

О привилегированном положении аристократической верхушки государева двора в конце XVI—начале XVII в., ее возвышении не только над общей массой служилых людей, но и над представителями низших слоев двора наглядно свидетельствует следующий факт. Согласно указу царя Бориса Годунова 1601 г. о частичном разрешении крестьянского выхода, вывоз крестьян запрещался с дворцовых сел, «владычных» и монастырских владений, а также с поместий и вотчин бояр, окольничих, стольников, стряпчих, дворян московских, дьяков и голов стрелецких полков (представители всех этих служилых чинов получали высшие подмосковные поместные оклады), в то время как с владений прочих служилых людей, в том числе выборных дворян, жильцов, дворовых и городовых детей боярских, «отказ и вывоз» крестьян разрешался.³⁵

Указания этого источника, а также данные об иерархии подмосковных поместных окладов вполне отчетливо вырисовывают круг правящей и привилегированной элиты Русского государства накануне Смутного времени. Ведущее положение в ней занимали представители княжеско-боярской знати.

Примечания

¹ См.: Законодательные акты. № 44. С. 63.

² Помимо Московского у. тысячников предполагалось испоместить «в половине Дмитрова, да в Рузе, да в Звенигороде, да в числяках и в ординацах (Верейский у.)...», а также, вероятно, в пограничных с Московским у. районах Коломенского у. (ТКДТ. С. 53; Веселовский С. Б. Опричнина. С. 79). Есть прямые указания на то, что члены двора в конце XVI—начале XVII в. получали в качестве «подмосковных» поместья в Рузском и Звенигородском уездах (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 425, л. 89 об.; кн. 638, л. 14 об., 23 об.). Вероятно, дворовых испомещали и в Верейском у. — в писцовой книге этого уезда 1627 г. (писцы опирались на приправочные книги 1595—1597 гг.) упомянуто, в частности, прежнее поместье дворянину Е. В. Бутурлину размежевом в 100 четв. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 11833, л. 554 и об.). Возможно, испомещения производились и в некоторых районах Переяславского у. В писцовой книге этого уезда 1627—1629 гг. в разделе о поместных землях Слободского стана (расположен к югу от Александровой слободы) читаем: «. . . за стряпчим сытного дворца за Иваном Ратмановым сыном Титовым, что было в поместье за дядею его, за погребным ключником за Афанасием Родионовым в подмосковного вместо поместья полсельца Федоровского. . .» (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 812, л. 805). Выражение «в подмосковного вместо поместья» (а не «против» подмосковного поместья) означает испомещение в близлежащих к столице уездах, равнозначное испомещению в самом Московском у. (ср. записи об испомещении в 1605 г. в Звенигородском у. кн. И. М. Воротынского. См.: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 238, л. 14 об.).

³ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 9—53; Павлов-Сильванский В. Б. Новый источник. С. 112—113, 125. — Интересно отметить, что правительство комплектовало состав детей боярских Московского у. и за счет служилых людей других «городов» (см.: Сухотин Л. М. Земельные пожалования. С. 30).

⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 96—98, 122—126.

⁵ См.: Сташевский Е. Д. Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. // Чтения ОИДР. М., 1911. Кн. 1. С. 1—50.

⁶ П. Д. Неронов, С. М. Шурлаков (Шербаков), С. С. Челеев, Л. В. Кафтырев, К. Никитин (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 127, 254, 256, 264; Сташевский Е. Д. Десятни. . . С. 28, 32, 34).

⁷ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 22, 25, 32, 34, 51; ср. С. 202, 206, 223, 229, 268, 272.

⁸ Там же. С. 25, 206.

⁹ Там же. С. 180.

¹⁰ Акты Юшкова. С. 242; Сташевский Е. Д. Десятни. . . С. 32.

¹¹ Лишь двое лиц, упомянутых в писцовых книгах XVII в., могут быть предположительно, судя по отчествам, сыновьями московских детей боярских 70—80-х гг. — П. И. Вражский и Ф. А. Скрябин (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 9806, л. 445; кн. 9807, л. 125 об.; кн. 9808, л. 224, 239, 248; кн. 261, л. 71). Но мы не знаем точно статуса этих людей в 1620-е гг.

¹² ЦГАДА, ф. 1260, оп. 1, № 10.

¹³ Скрыников Р. Г. Россия. С. 42. — Точные подсчеты произвести, однако, трудно. Мы не знаем точно размеры подмосковного оклада для жильцов в конце XVI в. Довольно значительная часть членов двора имела под Москвой вотчины, и, следовательно, у них не было прав на получение подмосковных поместий.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1209, кн. № 262, 9807, 9808.

¹⁵ О возможностях ретроспективного изучения писцовых книг см. выше, с. 7—13.

¹⁶ Имена стариных, досмутных владельцев можно встретить не только под рубриками «порожние земли», но и в тех разделах, где описаны населенные в 1620-х гг. поместья и вотчины, — писцы довольно тщательно фиксировали имена их прежних хозяев.

¹⁷ Иногда размеры поместных владений могли учитываться за вычетом вотчинной дачи за «осадные сидения» (см., например: ЦГАДА, ф. 1209, кн. 261, л. 136—137).

¹⁸ Сухотин Л. М. С. 48; АИ. Т. 2. С. 71; ЦГАДА, ф. 1209, кн. 261, л. 136—137; кн. 9806, л. 557 об., 983; кн. 9807, л. 474.

¹⁹ Новицкий В. И. С. 30.

²⁰ ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 4—275.

²¹ Андрей [Семенович] Алябьев, Фадей [Давыдович] Бегичев, Михаил Владимирович, Никита Шарапов и Елизарий Владимирович Безобразовы, Постник [Богдан-

нович] Бельский,* Петр Федорович Бернов, Григорий [Шестово сын] Бибиков, Василий [Григорьевич] Биркин, Василий [Федорович] Блудов, Богдан и Иван [Дмитриевич] Бунаковы, Никита Григорьевич Васильчиков, Иван и Образец [Семеновичи] Вахромеевы, Владимир Игнатьевич Вешняков,* Семен [Иванович] Висковатый, кн. Михаил [Петрович, Константинович]* Волконский, Василий Степанович Волынский,* Иван Леонтьевич Вырубов, кн. Семен [Юрьевич] Вяземский, кн. Григорий [Иванович] Гагарин,* Афанасий [Васильевич, Иванович?] Головленков, Павел Гошевский, Федор [Тимофеевич, Петрович?] Дурной,* Никифор [Григорьевич] Елчанинов, Федор [Андреевич] Еропкин, Алексей [Петрович] Еспилов, Федор [Данилович?] Загряжский, Иван [Худяков] Засецкий, Темир Васильевич Засецкий,* кн. Василий Андреевич Звенигородский,* кн. Иван Андреевич Звенигородский, кн. Семен Григорьевич Звенигородский,* Алексей и Афанасий * Федоровичи Зиновьевы, Яков [Семенович] Змеев,* Игнатий Богданович Зыбин, Михаил Меньшой Богданович Зыбин, Матвей Уродков Игнатьев, Афиноген Квашнин, Епихей Репчуков Климентьев, Василий [Григорьевич] Колединский,* Севастьян [Александрович] Колтовский, кн. Гаврила Семенович Коркодинов,* кн. Иван Юрьевич Лобанов-Ростовский, Матвей и Юрий [Григорьевич] Ловчиковы, Федор Мелентьев [Мелентьевич], кн. Юрий Григорьевич Мещерский,* Григорий * и Петр [Ивановичи] Микулины, Утеш Микулин, [сын Петров], Михаил [Васильевич] Милюков, Русин Алексеевич Милюков, Иван Иванович Мунзорин, Константин [Андреевич] Наумов, Петр [Суворов] Наумов, Федор [Андреевич, Яковлевич?] Наумов, Иван Нащокин (в списках конца XVI—начала XVII в. значится среди выборных дворян и жильцов с разными отчествами несколько Иванов Нащокиных), Григорий Андреевич Неелов, Иван Елизаревич Неелов, Петр [Иванович] Неелов, Елизарий [Александрович] Новосильцев, кн. Григорий [Андреевич] Ноздреватый,* Василий Афанасьевич Овцын,* Григорий [Семенович] Овцын, Иван Замятин Плещеев, Смерд Иванович Плещеев, Яков Охотин [Андреевич, Романович?] Плещеев, кн. Иван Петрович Пожарский,* Владимир [Константинович] Поливанов, Матвей [Меньшого] Проестев, Дмитрий [Юрьевич] Пушечников,* Иван Воинов сын Ржевский, Иван Копырин Ржевский, кн. Петр [Иванович] Селеховский, Боланда [Григорьевич] Совин, Игнатий Петрович Совин,* Петр [Меньшой Григорьевич] Совин, Василий [Федорович?] Толбузин (встречается еще Василий Салтанов Толбузин, дворянин 1627 г.), Василий и Пантелей Усовы, Тимофей [Андреевич, Иванович?] Хлопов, Борис Логинов Цыплятев,* Борис [Иванович] Челищев,* кн. Иван и Юрий (очевидно, Ивановичи, так как братьев Ивана и Юрия Шаховских с другими отчествами не встречаем) Шаховские, кн. Леонтий [Иванович] Шаховской, Дементий Савинович Яковлев, Семен Семенович Якушкин, Яков Семенович Якушкин (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 9807, л. 11 об., 44, 52 об., 171, 186, 192, 229 об., 236 об., 245, 246 об., 306, 309, 310 об., 311, 314, 321, 323 об., 325, 330, 332, 334 об., 386, 387 об., 389, 450 об., 452 об., 457 об., 466, 469, 477 об., 479 об., 505, 516 об., 518 об., 521 об., 529, 531, 535, 555 об., 558, 562 об., 564, 567 об., 644 об., 646, 647, 650, 651, 654, 670 об., 672 об., 675, 717 об., 728 об., 731 об., 732, 733 об., 750, 752 об., 756 об., 758, 771, 772, 781 об., 789, 790, 792 об., 793 об., 795, 812; кн. 9808, л. 10, 31, 36, 47 об., 55 об., 80, 81 об., 83, 85, 95, 96, 140 об., 144, 340, 354 об., 384, 480, 489 об., 521 об.).

²² См. предыдущее примечание — имена, выделенные звездочкой.

²³ Так, еще до 1605 г. из состава двора выбыли Иван Воинов и Иван Копырин Ржевские (совместно владели поместьем в 100 четв.) и П. И. Микулин (Бс. Ч. 1. С. 173, 243; ИРГО. Вып. IV. С. 467).

²⁴ Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. М., 1937. С. 389—392.

²⁵ Менее определено мы можем судить о подмосковном землевладении жильцов. В писцовых книгах Зарецкой половины в числе прежних владельцев встречаем и имена жильцов 1588/89 г., но все они переходят впоследствии в выборные дворяне и другие чины, и трудно сказать, в каком качестве (чине) упомянуты здесь эти лица. Собственно, с чином жильца фигурирует лишь один Степан Савлуков Пушкин, прежний помещик Молоцкого стана, размер поместья — 97 четв. (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 9807, л. 234 об.). Но его имя отсутствует в дошедших до нас списках двора конца XVI—начала XVII в. Среди прежних владений в писцовых книгах 1627—1629 гг. упоминаются старые поместья Б. М. Кульниева и И. Б. Селиверстова (там же, кн. 9807, л. 24 об., 651). Оба числятся в росписи 1604 г. как жильцы «с отцовских поместий» (Бс. Ч. 2. С. 19), далее о них нет сведений. Отец Б. М. Кульниева М. Г. Кульнев в конце XVI в. значился выборным дворянином по Мещерску, но в начале XVII в. был, вероятно, отставлен от службы при дворе — его имени уже нет в боярском списке среди

выборных по Мещевску. Его владения, в том числе, вероятно, и подмосковные поместья, перешли по наследству сыну Богдану. Есть сведения о наследовании подмосковного поместья отца жильцом Л. Г. Васильчиковым (*Сухотин Л. М. Земельные пожалования. С. 31—32*). Вообще наследование подмосковных поместий было распространенной практикой, что соответствовало принципам наследственной службы дворовых, сформулированным еще в тексте указа об испомещении «избранной тысячи» 1550 г.

²⁶ Так была конфискована подмосковная вотчина попавшего в опалу по делу Шуйских А. Т. Быкасова и отдана в поместья князьям Н. Р. и Т. Р. Трубецким (АИ. Т. 2. С. 71).

²⁷ Влиятельные при дворе бояре (для которых «закон не писан») могли получать подмосковные поместья, несмотря на наличие у них вотчинных владений в уезде. Так, Б. Ф. Годунов получил крупное поместье под Москвой в 212 четв., хотя у него была и вотчина в Московском у. (*Сухотин Л. М. Л. 70—71*). Сохранилось, впрочем, известие о том, что Годунов насильственно выменял у В. Р. и С. Р. Алферьевых их старинные верейские и можайские вотчины на свою вотчину в Московском и Звенигородском уездах (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 638, л. 213; АЗР. Т. IV. С. 405).

²⁸ *Павлов-Сильванский В. Б. Новый источник. С. 111—122.*

²⁹ *Шумаков С. А. Обзор. Вып. 4. С. 217—219.*

³⁰ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 638, л. 10—14 об.

³¹ Сохранившиеся отрывки указа 1586/87 г. об окладах дьяков не сообщают. Известно, что в 1604 г. дьяк В. П. Марков получил подмосковное поместье размером в 100 четв. (*Сухотин Л. М. Земельные пожалования. С. 37*). Оклад в 100 четв. определялся за дьяками и в Соборном уложении 1649 г. Под Москвой уже вскоре после издания указа 1586/87 г. испомещали и подьячих. В межевой Троице-Сергиева монастыря 1593/94 г. упомянуто, в частности, поместье подьячего Казарина Федорова (ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 275). Известно также, что его подмосковное поместье насчитывало 50 четв. земли. Именно 50, а не 8 четв. было нормой подмосковного поместного оклада для подьячих в конце XVI в. (см.: *Законодательные акты: Комментарий. С. 65*).

³² *Корецкий В. И. Развитие феодальной земельной собственности в России XVI века // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов н/Д, 1980. С. 52—53.* — Прямых данных о подмосковных окладах окольничих конца XVI в. у нас нет. Мы имеем упоминание о подмосковном поместье окольничего С. Ф. Сабурова (умер в 1601 г.) размером в 160 четв. (*Сухотин Л. М. С. 48*).

³³ По своему социальному положению жильцы мало отличались от выборных дворян, и размеры подмосковных окладов представителей этих чинов вряд ли могли существенно различаться. 50 четв. земли — норма подмосковного оклада жильцов в Уложении 1649 г.

³⁴ Например, группа ярославских князей проходила службу в 1563 г. не в составе выбора, а «с городом» в качестве дворовых детей боярских ярославской служилой корпорации (Витебская старина. С. 33).

³⁵ *Законодательные акты. С. 70.*

Глава 4

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Что же представляла собой боярская знать, занимавшая господствующее положение при дворе, в социальном плане, была ли она могущественной земельной аристократией, способной противостоять центральной монархической власти?

В литературе отмечена характерная особенность вотчинного землевладения в России — отсутствие принципа майората, механизма, способного сдерживать распад родовых имений. Вотчины делились поровну между сыновьями землевладельца, что вело к их дроблению,

измельчанию и захуданию целых родов.¹ В наиболее выгодном положении находились те служилые фамилии, представители которых сделали карьеру при московском дворе и благодаря этому смогли не только сохранить родовые земли, но и приобрести новые вотчины. Таким образом, уже на ранних этапах истории Русского государства землевладение находилось в зависимости от государевой службы. В процессе объединения Руси, развития поместной системы, уравнения службы с поместий и вотчин произошло формирование единого общерусского землевладельческого класса, представители которого были обязаны нести государеву военную службу. Княжеско-боярская знать, служившая в Думе и при дворе, не составляла какой-то особой группы независимых земельных магнатов, а являлась частью военно-служилого сословия, его верхним слоем. Привлекая бояр-вотчинников к несению государевой службы, правительство в интересах этой службы пыталось противодействовать распаду родовых вотчин. Этим и определялось принятие в 1551 г. указа о запрещении князьям и служилым людям разных «городов» передавать родовые вотчины в чужие руки.² Но эта мера не смогла остановить естественного процесса распада родового землевладения.

В XVI в. процесс земельной мобилизации был ускорен политическими факторами и в первую очередь опричниной. В специальной статье я попытался выяснить масштабы опричных переселений.³ Материалы по ряду опричных уездов (данные, полученные путем ретроспективного изучения писцовых книг) позволили прийти к определенному выводу о весьма последовательном претворении опричной программы в жизнь — подавляющее большинство местных дворян, служивших в земщине, утратило к концу XVI в. свои старинные владения, а на местах оставались и вновь получали земли на опричных территориях, как правило, лишь опричники. В целом сходной с опричной была земельная политика послеопричного «двора» 70-х—начала 80-х гг. И в этот период земские дворяне подвергались выселениям из «дворовых» уездов, а на их землях испомещались деятели «двора». Земельные перетасовки затронули не только опричные и «дворовые», но и земские уезды. Зачисленные в состав опричников и «дворовых» лица лишились поместий в земщине и испомещались на территории «государева удела». В ходе опричных переселений с насиженных мест были сдвинуты многие сотни и тысячи служилых людей, что привело к серьезному нарушению традиционных земельных связей дворянства. Весьма существенно изменилась география землевладения и службы представителей верхних слоев служилого сословия — членов государева двора. Сравнение данных Тысячной книги и Дворовой тетради о территориально-служебной принадлежности дворовых в доопричное время с материалами боярских списков конца XVI—начала XVII в., где наиболее многочисленная группа двора — выборные дворяне — расписана по поездным рубрикам, обнаруживает, что из 500 с лишним тысячников и дворовых и их сыновей только 215 человек (менее половины) сохранили к концу XVI в. связи со своими «городами». Земельных перемещений подобного размаха, как свидетельствуют данные помет

Дворовой тетради (документ был действующим на протяжении десяти лет) и боярских списков конца XVI—первой трети XVII в., не знал ни более раннее, ни более позднее время.⁴

Политика опричных переселений, опалы и казни 60—70-х гг. нанесли ощутимый удар по вотчинному боярскому землевладению. Остановимся подробнее на вопросе о судьбах родового княжеского землевладения в период опричнины и «двора». Вопрос этот остается в литературе спорным. С. Ф. Платонов считал главной целью и результатом опричнины крушение родового землевладения могущественной княжеско-боярской аристократии.⁵ Возражая ему, С. Б. Веселовский указал на пребывание в опричнине только двух районов бывших независимых княжений — Сузdalского и Ярославского уездов.⁶ Против мнения С. Ф. Платонова об антибоярской направленности опричнины решительно высказался А. А. Зимин. Он усомнился и в факте пребывания в опричнине Ярославля и пришел к выводу, что все основные уезды, изобиловавшие вотчинами феодальной аристократии, оказались за бортом опричнины.⁷ В. Б. Кобрин полностью поддержал точку зрения А. А. Зимина об отсутствии антикняжеской и антибоярской направленности опричной политики, указав, в частности, на то, что многие князья владели родовыми вотчинами и в XVII в.⁸ Данные XVII в. требуют, однако, осторожного отношения — в конце XVI—XVII в. родовые вотчины возвращались прежним владельцам и их потомкам. Р. Г. Скрынников поддерживает мнение С. Ф. Платонова о крушении родового княжеского землевладения в опричнине, полагая при этом, что главный удар по княжеской вотчине был нанесен опалами 1565 г. и казанской ссылкой.⁹ Выводы Р. Г. Скрынникова встретили возражения у исследователей, поскольку ссылка в Казань была кратковременной, и уже через год опальные, получив амнистию, стали возвращаться в свои старые вотчины и поместья.

В недавнее время были обнаружены прямые и надежные данные о вхождении в состав опричнины (с 1569 г.) Ярославского и Ростовского уездов.¹⁰ Стало известно и о включении в состав «двора» в 1580 г. Стародуба-Ряполовского.¹¹ Получается, таким образом, что все «княжеские» уезды Северо-Восточной Руси (Сузdalский, Ярославский, Ростовский и Стародубский) побывали в составе «удела» Ивана Грозного. Как это сказалось на родовой княжеской вотчине?

Известно, что в начале опричнины подверглись опале и были казнены князь Александр Борисович с сыном Петром (Горбатые Сузdalские), а их вотчины перешли в казну. К сожалению, нет возможности выяснить судьбу родовых вотчин князей Шуйских после вхождения Суздаля в опричнину. В послеопричный период Шуйские владели в уезде родовыми вотчинами.¹² Но это отнюдь не свидетельствует о сохранении ими своих сузdalских вотчин на всем протяжении опричнины. В 70-х—начале 80-х гг. Шуйские всем родом были зачислены в состав особого «двора»; возможно, их представители служили и в опричнине в конце ее существования.¹³ Данными обстоятельствами, видимо, и можно объяснить факт владения ими в 70—80-х гг. не только собственными родовыми вотчинами, но

и вотчинами казненного сородича кн. А. Б. Горбатого. Трудно сказать, сохранили ли в опричнину или же вернули после ее отмены свои родовые вотчины князья Ногтевы-Сузdalьские (в 1577/78 г. за кн. А. И. Ногтевым с сыновьями значилась в Суздале родовая вотчина — с. Петровское).¹⁴

Более драматично сложилась судьба землевладения других княжеских родов Северо-Восточной Руси. Сохранились известия об «отписании на государя» вотчин князей Ярославских и Стародубских, которое произошло в первый год опричнины подьячим М. Трифоновым.¹⁵ По-видимому, эта мера была связана с опалами 1565 г. и ссылкой довольно большой группы князей Ярославских, Ростовских и Стародубских наряду с прочими служилыми людьми в Казанский край.¹⁶ У опальных конфисковывались вотчины и поместья, а взамен они получали поместья в казанских «городах». Так, была «взята и приписана во дворец» родовая вотчина князей Ф. Д. и И. Ф. Бахтеяровых-Ростовских (с. Приимково), сосланных в Казань.¹⁷ Около 1565—1566 гг. была конфискована и отдана в поместья родовая вотчина в Ярославле у князей Солнцевых-Засекиных (с. Гавшинское).¹⁸ Но вряд ли следует переоценивать влияние казанской ссылки на судьбы родовых княжеских вотчин. Ссылка продолжалась недолго, и после амнистии (в 1566 г.) значительная часть опальных вернулась в свои старые имения. Это хорошо видно на примере вотчин князей Стародубских. Представители этого рода, которые угодили в ссылку в Казань и вотчины которых в 1565 г. «отписывал» М. Трифонов (И. С., О. А. и И. А. Ковровы, А. А. и И. Б. Ромодановские, С. Б. и М. Б. Пожарские), распоряжались своими родовыми вотчинами во второй половине 60-х и в 70-х гг.¹⁹

Можно полагать, что решающий удар по родовому землевладению князей Ярославских, Ростовских и Стародубских был нанесен вследствие вхождения их родовых уездов в состав опричнин и «двора». После включения Ярославля в опричнину в 1569 г. местные «княжата» подверглись новому, вторичному после 1565 г. выселению из уезда. В коломенской писцовой книге 1577/78 г. сообщается о пожаловании вдове кн. И. В. Засекина княгине Дарье вотчины в Коломенском у., «что ей дано против мужа ее, что было после мужа ее за сыном ее, за князем Иваном, ярославские вотчины».²⁰ Кн. И. И. Володимеров-Засекин, ее сын, в числе прочих князей был сослан в 1565 г. в Казань,²¹ а его вотчины были, очевидно, конфискованы. После амнистии 1566 г. ему или его матери удалось вернуть назад ярославскую вотчину — иначе трудно объяснить, как княгиня Дарья смогла получить компенсацию в Коломенском у. Переселение ее из Ярославского в Коломенский у. состоялось после 1566 г., скорее всего, в связи с усилением опричных порядков в Ярославле в 1569 г. Видимо, в результате вхождения Ярославля в опричнину, а не опалы и ссылки 1565 г. была конфискована родовая вотчина кн. Д. И. Засекина — в источнике прямо сказано о взятии ее «з городом Ярославлем вместе».²²

Едва ли случаен тот факт, что из представителей ярославской княжеской корпорации лишь связанные с опричниной Сицкие и Жировые-Засекины сумели к концу XVI в. сохранить родовые вотчины. Обширные вотчины в Ярославском уезде в конце века принадлежали бывшему опричнику кн. И. В. Сицкому.²³ Крупными вотчинами в уезде в начале XVII в. владел его брат кн. А. В. Сицкий,²⁴ также, вероятно, служивший в опричнине. Оба они были сыновьями видного опричника кн. В. А. Сицкого. В первой трети XVII в. вотчинами в Ярославском у. владели князья Александр и Иван Федоровичи, Степан, Михаил и Абрам Федоровичи, Иван, Федор и Борис Андреевичи Жировые-Засекины.²⁵ Известно о службе в опричнине одного из представителей рода — кн. И. Б. Жирового-Засекина.²⁶

Иначе сложилась судьба родового землевладения тех князей Ярославского дома, которые не были зачислены в опричнину. Кн. Ю. П. Ушатый смог вернуть свою родовую вотчину в Ярославле (1000 четв.) только в Смуту, «при боярех», а до того за ним числились одни поместья.²⁷ Но и это пожалование являлось лишь небольшим осколком крупных вотчин, которыми владели Ушатые в доопричное время. В середине XVI в. только за одним из них, кн. С. Ю. Меньшим, числилась вотчина размером в 3 сохи.²⁸ Весьма крупную вотчину (1163 четв.) дал в 1545 г. в монастырь кн. И. В. Третьяк Ушатый.²⁹ «При боярех» была возвращена крупная родовая вотчина (952 четв.) князьям Троекуровым, находившаяся до того во владении за Б. Я. Бельским.³⁰ Богатыми вотчинниками накануне опричнины являлись князья Прозоровские. В 1564 г. в Ярославском у. им принадлежали села Прозорово, Рождественское и Холопий городок на Мологе.³¹ Согласно земляному списку 1613 г., с. Рождественское было возвращено в род только «при боярех», а до того оно находилось в поместной раздаче. Утратили Прозоровские в опричнину и Холопий городок — в дальнейшем эта вотчина за ними не числилась, а в духовной Иван Грозный завещал ее своим наследникам.³² Судьба с. Прозорова в XVI в. не совсем ясна.³³ В составе корпорации ярославских князей в середине XVI в. числились князья Гагины Великие, которые, по всей вероятности, владели тогда родовыми вотчинами в Ярославле. Кн. И. В. Меньшой Гагин упоминается среди князей Ярославских в соборном акте 1566 г.³⁴ Но в конце XVI—первой трети XVII в. следов владения им и его сыновьями вотчинами в Ярославле мы неходим. В земляном списке 1613 г. за его сыном Степаном числилось 572 четв. старых вотчин. Но это была не ярославская, а Переяславская вотчина. В писцовой книге Переяславского у. 1620-х гг. за ним значится вотчина размером как раз в 572 четв.³⁵ В списках князей Ярославских середины XVI в. числилась довольно большая группа князей Засекиных. В годы опричнины основная их часть утрачивает земельные связи с родовым гнездом. Ни в документах конца XVI в., ни в писцовых книгах 1620-х гг. мы не встречаем данных о родовых вотчинах в Ярославле князей Б. П. и П. Д. Засекиных и их потомков. В годы опричнины были конфискованы родовые вотчины у князей Солнцевых-Засекиных.³⁶ В ярославской писцовой

книге 1628—1629 гг. за кн. А. И. Солнцевым значится, правда, родовая вотчина (сельцо Лопухово).³⁷ Какова была судьба этой вотчины в последней трети XVI—начале XVII в., сказать трудно. Известно, что А. И. Солнцев еще в 1610 г. был о ней целом королю Сигизмунду III под Смоленском.³⁸ Более благополучно, как мы видели, сложилась судьба родового землевладения связанных с опричниной Жировых-Засекиных. В середине XVI в. в составе ярославской княжеской корпорации служили князья Деевы и Щетинины, владевшие в родовом гнезде вотчинами.³⁹ После опричнины представители этих родов утрачивают связи с Ярославлем⁴⁰ и служат по другим городам. Еще в писцовой книге 1567—1569 гг., составленной накануне включения Ярославля в опричнину, встречаем вотчину некоего кн. Андрея Шаховского. Позднее эта вотчина пошла в поместную раздачу.⁴¹ В ярославских писцовых книгах 1620-х гг. сведений о владении Шаховскими родовыми вотчинами в уезде мы не обнаруживаем. В Дворовой тетради среди князей Ярославских записан кн. В. К. Голыгин, а в ярославской писцовой книге значатся поместья князей П. И. и С. И. Голыгиных.⁴² Последние в конце XVI в. выступают уже как помещики Рязанского у.⁴³ В писцовых книгах 1620-х гг. никого из Голыгиных в Ярославском у. мы не встречаем.

Опричнина нанесла, таким образом, серьезный урон родовому землевладению князей Ярославского дома. Значительно пострадали они от опал и казней Ивана Грозного,⁴⁴ но завершающий удар их родовым вотчинам был нанесен в связи с вхождением Ярославля в опричнину в 1569 г.

В. Б. Кобрин полагает, что князья Ростовские еще до опричнины почти полностью утратили свои родовые вотчины в Ростове.⁴⁵ Этому противоречит, однако, наличие в середине XVI в. особой корпорации князей Ростовских, в которую входили представители разных ветвей рода — Катыревы, Хохолковы, Темкины, Яновы, Бахтеяровы, Приимковы и Приимковы-Гвоздевы, Буйносовы и Лобановы-Ростовские. По мнению В. Б. Кобрина, корпорация ростовских князей середины XVI в. носила в отличие от других княжеских корпораций более традиционный генеалогический, чем территориальный и землевладельческий, характер. Но в таком случае трудно объяснить, почему одни князья ростовского рода входили в корпорацию, а другие служили из разных «городов». Факты владения князьями Ростовскими вотчинами в родовом уезде в доопричное время немногочисленны, но они все же имеются.⁴⁶ У нас нет достаточных оснований усомниться в том, что лица, записанные в Тысячной книге и Дворовой тетради под рубриками «Князи Ростовские», имели родовые имения в Ростовском у. Судьба родового землевладения князей Ростовских в годы опричнины была в общих чертах сходной с судьбой землевладения ярославских князей. Показательно, что из ростовских князей вотчины в родовом гнезде к концу опричнины сохранили лишь опричники Гвоздевы. В 1572 г. вдова опричника кн. И. Ф. Гвоздева сделала вклад в монастырь мельничными угодьями в Ростовском у.⁴⁷ В конце XVI—начала XVII в. родовая вотчина (с. Гвоздево) принадлежала кн. М. Ф. Гвоздеву, который был последним представителем

рода (умер около 1604 г.).⁴⁸ Все прочие князья Ростовские к концу века утратили вотчины в родовом Ростове. Только в 1613 г. крупная родовая вотчина (села Приимково и Никольское, более 1000 четв.) возвращается кн. В. И. Бахтеярову, а до того она находилась в поместной раздаче. Эта вотчина была конфискована у деда и отца В. И. Бахтеярова в связи с опалой на них в 1565 г. и ссылкой в Казань.⁴⁹ Только «при боярех» (в 1612/13 г.) была возвращена родовая вотчина (села Никольская слободка и Сулость) кн. М. Г. Темкину; причем первоначально он получил эти села в качестве поместья, и лишь потом они были пожалованы ему в вотчину.⁵⁰ В середине XVI в. в составе ростовской княжеской корпорации числился кн. А. И. Катырев. После опричнины владений Катыревых в Ростовском у. мы не встречаем. В 50-х—начале 60-х гг. упоминаются как «князи Ростовские» и распоряжаются вотчинами в Ростове князья Ю. И. и И. Б. Лобановы.⁵¹ Их потомки после опричнины вотчинами в Ростовском у. уже не владели.

Царским указом 1579/80 г. в состав «двора» был включен Стародуб, а приказным людям предписывалось «стародубским князьям за их вотчины деньги давати из нашие казны, а их вотчины велено в поместья роздавати».⁵² Указ претворялся на практике, о чем свидетельствует само дело, доведшее до нас содержание указа, — вдова кн. С. Гундорова княгиня Ульяна получила за свои вотчины компенсацию в 200 руб., а вотчины были розданы помещикам. О реализации указа 1579/80 г. говорят материалы стародубской писцовой книги 1628—1630 гг., составители которой использовали приправочные книги 1574/75 г., т. е. сведения о прежних владельцах в книгах 1628—1630 гг. восходят ко времени еще до включения Стародуба во «двор». Материалы писцовой книги показывают, что значительная часть (около половины) поместных земель Стародубского у. в 1620-х гг. образовалась за счет бывших родовых вотчин князей Стародубских, которые владели этими вотчинами еще в середине 1570-х гг. За помещиками в 1620-х гг. находились, в частности, бывшие вотчины князей Ромодановских — села Ромоданово и Клязьемский городок (Стародуб-Ряполовский).⁵³ Интересно, что князья стародубского рода получали в конце XVI—XVII в. в поместья бывшие вотчины своих сородичей. Так, за князьями И. И., Г. И., С. И., Г. Ф. и Н. Ф. Гундоровыми в 1620-х гг. числились поместья, бывшие прежде за Н. Н. Сущевым, а еще раньше (в 1570-х гг.) земли эти находились в вотчине за кн. С. Г. Гундовым.⁵⁴ Известно, правда, что представители стародубского рода владели родовыми вотчинами и в конце XVI в. В 1586/87 г. кн. Д. М. Пожарский дал в монастырь «по приказу отца своего» стародубскую вотчину — д. Три Дворища.⁵⁵ В конце XVI—начале XVII в. родовыми вотчинами в Стародубе распоряжались кн. Ф. И. Кривоборский и его жена.⁵⁶ Видимо, после смерти Грозного указ 1579/80 г. прекратил действие, а затем часть старинных вотчин постепенно возвратилась прежним владельцам.

Хотя кн. Ф. И. Кривоборский продолжал владеть в конце века родовыми вотчинами в Стародубе (сельцо Овсянниково с деревнями и пустошами), это были лишь незначительные остатки прежних

вотчин Кривоборских, многочисленные села и деревни которых перешли в монастыри и были розданы помещикам.⁵⁷ Князья Ковровы Кривоборские еще в 60—70-е гг. XVI в. передали свои основные родовые вотчины — села Коврово, Андреевское и Васильевское — в монастыри.⁵⁸ К 1620-м гг. Ковровы сохранили (или вернули) только небольшую вотчину в Стародубе — сельцо Новоселки (всего 67 четв.).⁵⁹ В доопричный период обширными родовыми вотчинами владели князья Гундоровы. Только в духовной Ивана IV перечислены их села — Антилохово, Воскресенское, Новые Земенки, Старые Меховицы, Юрьевское и Залесье. Значительная часть этих вотчин сосредоточилась в 1570-х гг. в руках кн. С. Г. Гундорова (более 2000 четв. земли). В 1579/80 г. эти вотчины у вдовы С. Г. Гундорова были взяты в казну и пошли в поместную раздачу — в 1628—1630 гг. бывшие вотчины ее мужа находились за помещиками и во владении церкви.⁶⁰ В XVII в. за разными представителями рода Гундоровых числилось всего лишь 473 четв. вотчинной земли в Стародубе.⁶¹ Многочисленными селами (тысячи четвертей земли) владели до опричнины в родовом Стародубе князья Ромодановские.⁶² К концу XVI в. большая часть этих земель была ими утрачена. В писцовой книге 1628—1630 гг. упоминаются бывшие (в 1570-х гг.) вотчинные владения Ромодановских, перешедшие затем в поместья, — с. Ромоданово, принадлежавшее А. М. Ромодановскому, и с. Кляземское городище, принадлежавшее Г. П. Ромодановскому.⁶³ Известно, что в 90-х гг. XVI в. Кляземским городком (Кляземским городищем?) владели государевы посадские люди.⁶⁴ Многие вотчины Ромодановских оказались во владении монастырей. За одним только Троице-Сергиевым монастырем в 1590-х гг. числилось около 6000 десятин бывшей вотчинной земли князей Ромодановских в Стародубе.⁶⁵ В послесмутное время Ромодановские выступают, правда, как довольно крупные вотчинники в родовом гнезде. В писцовой книге 1628—1630 гг. за представителями рода, детьми Г. П. и И. П. Ромодановских, числились села Петровское, Старое Татарово, Иваново, погосты Дебренский и Богоявленская слободка, сельца Матвеево, Чернцы и Алатар, всего 4845 четв. земли.⁶⁶ Но в конце XVI в. Ромодановские владели далеко не всеми этими вотчинами. Часть их, как указано в земляном списке 1613 г., была возвращена в род только при Василии Шуйском. В писцовой книге за князьями Ромодановскими (детями Г. П. и И. П. Ромодановских) как старые отцовские вотчины числятся села Татарово и Иваново, сельцо Алатар и погосты Дебренский и Богоявленская слободка. Эти земли князья Г. П. и И. П. Ромодановские сохраняли (или вернули?), очевидно, еще до Смуты. Но крупнейшей вотчиной, с. Петровским (2800 четв.), они владели, как отмечено в писцовой книге, по грамоте 1609/10 г., т. е. по грамоте времени Василия Шуйского. В писцовой книге с. Петровское значится как бывшая вотчина кн. М. Ю. Ромодановского, но известно, что это его владение уже в 1550-х гг. находилось в дворцовых селах.⁶⁷ Часть вотчин, бывших в 1620-х гг. за Ромодановскими, принадлежала прежде, согласно писцовой книге, князьям И. Б. и М. Б. Ромодановским (сыновья Г. П. и И. П. Ромодановских

приходились им внучатыми племянниками); возможно, эти земли также были возвращены в род не ранее Смутного времени. Князья Ромодановские добивались возвращения своих родовых вотчин и позднее. Только в 1678 г. кн. Г. Г. Ромодановский был пожалован с. Ромодановым, которое до того находилось в поместьях. Исследователи не раз указывали на князей Ромодановских как крупнейших родовых вотчинников XVII в. Однако реальная судьба землевладения этих князей в XVI—XVII вв. была сложной и не столько благополучной, как может показаться на первый взгляд.

В земляном списке 1613 г. за сыновьями кн. Б. П. Татева значилась 2751 четв. старых отцовских вотчин. В основном это были стародубские вотчины — в 1629/30 г. его вдова «по изустному приказу сына своего Ивана» дала в Троице-Сергиев монастырь крупную стародубскую вотчину — с. Павловское (2118 четв.).⁶⁸ Владел ли кн. Б. П. Татев этой вотчиной в Стародубе в досмутное время, сказать трудно. Определенно можно судить о том, что двоюродные братья Б. П. Татева И. А., Ф. А. и С. А. Татевы (сыновья А. И. Татева, входившего в середине XVI в. в корпорацию стародубских князей) вотчин в Стародубском у. в конце XVI в. не имели. В 1613 г. за кн. Ф. А. Татевым числилось 1060 четв. старых вотчин. Но это были не стародубские вотчины, а вотчины в других уездах, прежде всего в Ростовском.⁶⁹ Родовыми вотчинами в Стародубе, очевидно, еще до Смуты владели князья Хилковы. В земляном списке 1613 г. за сыном окольничего царя Бориса В. Д. Хилкова кн. Иваном значится 545 четв. старых отцовских вотчин. Несомненно, это была стародубская вотчина — в 1620-х гг. братья А. В. и И. В. Хилковы владели каждый половиной отцовского имения — с. Ивановского (первому принадлежало 545 четв., а второму — 541 четв.).⁷⁰ Сыновья кн. А. Д. Хилкова Борис, Петр и Иван также унаследовали от отца его вотчину в Стародубе (с. Иваново, 873 четв.).⁷¹ В какой мере вотчинное землевладение Хилковых в Стародубе было затронуто действием указа 1579/80 г., сказать трудно. Можно лишь отметить, что часть вотчинной земли князей В. Д. и А. Д. Хилковых, числившихся за ними в старых писцовых книгах 1574/75 г. (15 пустошей, 208 четв. земли), в 1620-х гг. их сыновьям уже не принадлежала.⁷² Во второй половине века вследствие разных причин (опала 1560-х гг., переходы вотчин в монастыри, вхождение Стародуба во «двор») родовое землевладение князей Пожарских пришло в упадок, многие прежние вотчины были ими утрачены. В 1620-х гг. кн. Д. М. Пожарский владел родовой вотчиной отца и деда — с. Волосыниным (Мугреевым) с деревнями и пустошами (609 четв.).⁷³ Родовые вотчины в Стародубском у. (в Мугрееве) находились за ним и в конце XVI—начале XVII в., хотя объем этих владений не вполне ясен.⁷⁴ Дядя Д. М. Пожарского кн. П. Т. Щепа Пожарский владел вотчинами в Стародубе в 60—70-х гг.⁷⁵ Но в начале 80-х гг. (видимо, в связи с переходом уезда во «двор») он лишился своих стародубских вотчин и, возможно, попал тогда в опалу. После 1580 г. его имя исчезает из разрядов до 1597 г., в списке двора 1590-х гг. он упомянут под рубрикой «Выведены из понизовых горо-

дов». ⁷⁶ В земляном списке 1613 г. за его сыном кн. Р. П. Пожарским (сам Т. П. Щепа к тому времени, очевидно, умер) значатся только поместья. Лишь позднее, к 1620-м гг., вотчины П. Т. Пожарского были возвращены в род — по писцовой книге 1628—1630 гг., ими владели его сын и внук Р. П. и Ф. И. Пожарские, а также частично Д. М. Пожарский. ⁷⁷

Таким образом, во второй половине XVI в., прежде всего в годы опричнины, мы наблюдаем довольно интенсивный процесс разрушения родового княжеского землевладения Северо-Восточной Руси.

Центры княжеского землевладения Юго-Западной Руси — Оболенский и Мосальский уезды — непосредственно в сферу влияния опричнины и «двора» не попали, и местные князья сплошным выселениям не подвергались.

Представители разных ветвей рода князей Оболенских продолжали владеть родовыми вотчинами в конце XVI—начале XVII в. ⁷⁸ Но судьба землевладения князей Оболенских в XVI в. отнюдь не была благополучной. Серьезный урон роду и его вотчинам нанесли опалы Ивана Грозного 1560-х гг. К концу его царствования прекратились (в значительной мере непосредственно под влиянием опричных репрессий) многие ветви Оболенского княжеского дома — Стригины, Ярославовы, Телепневы (Овчинины, Лопатины и Нагаевы), Пенинские, Горенские, Щепины-Шевыревы, Золотые и Серебряные. Их выморочные вотчины поступали в казну, а затем в поместную раздачу. Свидетельством упадка родового княжеского землевладения в Оболенске может служить тот факт, что основная часть земель в уезде в первой трети XVII в. находилась уже не за местными «княжатами», а за помещиками, монастырями и в дворцовых владениях. ⁷⁹ Частично выморочные вотчины передавались, правда, сородичам. Но такой переход не был автоматическим. Правительство осуществляло передачу выморочных и опальных вотчин целиком по своему усмотрению. Характерно, что такие передачи рассматривались как государево жалование и производились не только «по родству», но и «за службу» (пожалование, например, выморочной вотчины Курлятевых кн. Б. М. Лыкову в начале XVII в.). ⁸⁰ Возвраты старых выморочных вотчин в род не были частным явлением, и, кроме того, этот процесс растянулся на длительный промежуток времени. Так, только в 1638 г. бывшая вотчина кн. Д. И. Немого-Оболенского, попавшего в 1565 г. в опалу, перешла к его сородичам князьям Репнинам. ⁸¹ Только в 1640-х гг. кн. Б. А. Репнину было пожаловано в вотчину с. Овчинино, очевидно прежнее владение князей Овчининых-Оболенских. ⁸²

Перешедшие на службу в Москву на правах «слуг» в начале XVI в. Мосальские сильно размножились, захудали и к середине века, видимо, уже утратили особые княжеские права на свою вотчину — в Дворовой тетради они не были записаны как служилые князья, а составляли обычную территориальную княжескую корпорацию, подобную корпорациям князей Ярославских, Оболенских и других. Известно, что в своей духовной Иван IV завещал сыну Ивану «треть города Масальска княж Володимеровскую Всеславля

с волостми и с путми, и с селы, и с тамгами, и со всеми пошлинами, как было к той трети изстари»,⁸³ хотя в конце XVI в. часть г. Мосальска продолжала, видимо, оставаться за князьями Мосальскими — в 1585 г. воеводой сюда был назначен представитель местного княжеского рода кн. В. В. Мосальский.⁸⁴ По писцовой книге 1627/28 г., основная часть служилых земель в уезде принадлежала князьям Мосальским (всего за ними числилось около 8000 четв. вотчинных земель).⁸⁵ Но если мы обратимся еще к материалам отдельной книги поместных земель, розданных из дворцовых волостей в Мосальском у. в 1636—1637 гг. (всего было роздано 6922 четв.),⁸⁶ и учтем факт наличия фонда поместных и монастырских земель в уезде в 1627/28 г., а также возможность сохранения дворцовых владений и после раздач 1636—1637 гг., то придем к выводу о том, что в первой половине XVII в. князьям Мосальским в их родовом гнезде принадлежало менее половины территории. Таков общий итог мобилизации земель в Мосальском уезде в XVI—первой половине XVII в. По-видимому, восстановления былого княжения в полном объеме и старинных прав на него и добивались кн. В. М. Мосальский и его сородичи в годы Смуты.⁸⁷

В годы опричнины был нанесен серьезный удар по землевладению служилых князей Юго-Западной России. В состав первоначальной территории опричнины попал г. Лихвин с уездом, находившийся в канун ее учреждения в удельном владении князей Данилы и Никиты Одоевских.⁸⁸ Кн. Н. Р. Одоевский, хотя и служил в опричнине, был зачислен в нее не сразу. Очевидно, с «поиманием» Лихвина в состав опричной территории князья Одоевские утратили на него свои княжеские права.⁸⁹

Очевидно, не случайно вошли в состав опричнины и два жеребья Перемышля, бывшего владения удельных князей Воротынских. Незадолго перед опричниной, в 1562 г., князья Воротынские попали в опалу и их земли — Новосиль, Одоев, Перемышль и треть Воротынска — были конфискованы. Дальнейшая судьба удела Воротынских проясняется благодаря обнаруженному недавно тексту духовной кн. М. И. Воротынского.⁹⁰ В 1566 г. он получил назад свои старые вотчины — Одоев и Новосиль, но Перемышль, бывший в опричнине, и воротынские владения не были ему возвращены. Позже, в 1568/69 г., царь вновь отобрал у М. И. Воротынского Одоев и Новосиль, дав ему взамен вотчины в Стародубе-Ряполовском, а также в Муромском, Нижегородском и Василегородском уездах. Около 1572 г. М. И. Воротынский вместо Стародуба получил свою старинную вотчину Перемышль, князь сохранял при этом свои пожалования в Поволжье. Одоев же и Новосиль тогда ему возвращены не были. В 1573 г. М. И. Воротынский попал в опалу и умер, а его владения, очевидно, перешли в казну. В конце царствования Грозного или уже при царе Федоре часть старинного удела была пожалована сыновьям М. И. Воротынского И. М. и Д. М. Воротынским, есть упоминание о жалованной грамоте этих князей 1583/84 г. игумену Перемышльской Шаровкиной пустыни на д. Кузменки в Одоевском у.⁹¹ Но вскоре, в правление Годунова, Воротынские попали в опалу,

земли их были конфискованы и они уже навсегда лишились своих уделов в Заокском крае. Крушение удела Воротынских было подготовлено еще в царствование Грозного, когда их владения много-кратно переходили в царскую казну. Характерно, что старинные уделные владения Воротынских (Новосиль, Одоев, Переяславль и треть Воротынска) ни разу не возвращались к ним впоследствии в полном объеме.

Из уделных князей Юго-Западной Руси только Трубецким, жившим в опричнице и «дворе» и пользовавшимся неизменным доверием Ивана Грозного и Бориса Годунова, удалось сохранить к концу XVI в. родовые владения в Трубчевске. В межевой 1595 г. упомянуты родовые вотчины в Трубчевском у. всех живших в то время князей Трубецких — Федора Михайловича, Никиты и Тимофея Романовичей, Андрея Васильевича.⁹² За одним только Н. Р. Трубецким в конце XVI—начале XVII в. числилось более 1000 четв. вотчинной земли в Трубчевске.⁹³ Очевидно, Трубецкие сохранили к концу XVI в. и суверенные княжеские права на свое родовое гнездо.⁹⁴

Итак, мы довольно отчетливо наблюдаем процесс упадка родовой княжеской вотчины во второй половине XVI в. Главенствующую роль здесь сыграла опричнина Ивана Грозного. Не случайно, что свои родовые вотчины в конце XVI в. удерживали преимущественно лишь те князья, которые служили в опричнице и пользовались расположением царя Ивана. Лишь незначительные остатки прежних вотчин сохранили «княжата» Северо-Восточной Руси, непосредственно испытавшие на себе действие опричных порядков. Серьезный удар был нанесен по уделному землевладению князей Рюриковичей (Воротынских и Одоевских). Пострадало землевладение одной из крупнейших и влиятельных княжеских корпораций — корпорации князей Оболенских.

Вернемся к вопросу, поставленному в начале главы: что же реально представляло собой землевладение господствовавшей при дворе знати в конце XVI—начале XVII в.? Попытаемся сначала составить представление о землевладении каждого «боярского» рода.

Из князей крупнейшими земельными собственниками в рассматриваемое нами время были знатные литовские выходцы, царские родственники — Мстиславские и Глинский.

В 1526 г. выехавшему из Литвы кн. Ф. М. Мстиславскому перешел во владение выморочный удел юхотских князей. По ярославской писцовой книге 1567—1569 гг., в Юхотской «отчине» кн. И. Ф. Мстиславского (сына Ф. М. Мстиславского) числилось 9484 четв. пашни, не считая церковной земли и поросших лесом угодий.⁹⁵ После пострижения и смерти И. Ф. Мстиславского в 1585 г. Юхотская вол. была унаследована его сыном Федором. Сохранили ли Мстиславские в конце XVI в. особые княжеские права на юхотскую вотчину, сказать трудно. В жалованной грамоте 1550 г., данной кн. И. Ф. Мстиславскому, помимо Юхотской вол. перечислены еще и следующие владения князя — вотчины в Череможской вол. Ярославского у. (по писцовой книге 1567—1569 гг. — свыше

3560 четв.), в Тверском (села Кушалино, Бели, Погорелец с деревнями), Кашинском (с. Ильинское, по писцовым книгам — 2230 четв.) и Сузdalьском (с. Быково) уездах.⁹⁶ Тверские вотчины И. Ф. Мстиславского перешли позднее, к началу 1580-х гг., к его зятю Симеону Бекбулатовичу.⁹⁷ Сузdalскую вотчину он утратил, очевидно, в годы опричнины — в своей духовной Иван IV завещает сузdalское село Быково сыну, царевичу Федору.⁹⁸ В начале XVII в. с. Быково находилось «во дворце». В годы опричнины И. Ф. Мстиславскому были пожалованы города Венев и Епифань, но в начале 70-х гг. в связи с опалой их у него конфисковали.⁹⁹ В угличской писцовой книге 1629—1630 гг. упомянута порозжая вотчина И. Ф. Мстиславского — слободка Голузина с пустошами (1450 четв.), бывшая затем («мимо его сына Федора») «в раздаче за разными поместьями».¹⁰⁰ За сыном И. Ф. Мстиславского Ф. И. Мстиславским по общей смете 1613 г. числилось 32 606 четв. старых вотчин, включая пожалованную царем Василием Шуйским Ярополческую вол. во Владимирском у.¹⁰¹ Если вычесть позднее пожалование (в Ярополческой вол., по писцовым книгам, числилось 12 730 четв. земли),¹⁰² то досмутные вотчины Ф. И. Мстиславского составят примерно 20 000 четв. земли. Костяк этих вотчин — унаследованные от отца владения в Юхотской и Череможской волостях Ярославского у. (всего более 13 000 четв.) и в Кашинском у. (2230 четв.); упоминаются также вотчины Ф. И. Мстиславского в Костромском (2160 четв.), Дмитровском (751 четв.), Московском (194 четв.), Звенигородском (738 четв.) и Муромском (715 четв.) уездах.¹⁰³ Есть известие о пожаловании Ф. И. Мстиславскому в 1591 г.: «... в вотчину город со всем уездом Кашинской пригород»,¹⁰⁴ но определенными сведениями о характере и размерах этого владения мы не располагаем. Упоминается поместье Ф. И. Мстиславского в Московском у. (192 четв.).¹⁰⁵

Вотчины кн. И. М. Глинского располагались в центральных районах России — Московском, Сузdalском, Ростовском, Переяславском, Ярославском и Костромском уездах.¹⁰⁶ Значительную часть этих вотчин составляли купли его отца. По приблизительным расчетам С. П. Мордовиной, кн. И. М. Глинский имел в общей сложности не менее 10 000 четв. вотчинной земли.¹⁰⁷

Князья Трубецкие, как мы видели, сумели сохранить к концу XVI в. свои владения в родовом Трубчевске и, очевидно, особые княжеские права на них. Помимо трубчевской вотчины кн. Ф. М. Трубецкой владел вотчинами в Волоцком и Московском уездах и поместьями в Московском и Козельском уездах.¹⁰⁸ В земельном списке 1613 г. за кн. А. В. Трубецким числилось 2000 четв. вотчинной земли и крупные поместья в Козельске и Малоярославце (1487 четв.). Помимо родовой вотчины в Трубчевске известна его подмосковная вотчина (170 четв.).¹⁰⁹ Кн. Н. Р. Трубецкой владел кроме трубчевской вотчины вотчинами в Московском (155 четв.) и Дмитровском уездах.¹¹⁰ Упоминаются его поместья в Ржевском и Козельском уездах.¹¹¹ Вместе с братом Тимофеем он получил подмосковное поместье из вотчины опального А. Т. Быкасова.¹¹² За сыном Т. Р. Трубецкого Д. Т. Трубецким в 1613 г. числились старые

отцовские вотчины в Трубчевске и на Рязани (всего 1996 четв.). В рязанской платежнице 1594—1597 гг. в Пехлецком ст. упоминается вотчина Т. Р. Трубецкого — с. Пустотино (около 900 четв.).¹¹³ Вотчина в Трубчевске, принадлежавшая Т. Р. Трубецкому, составляла, следовательно, более 1000 четв. земли. Кроме того, известны приданая вотчина Т. Р. Трубецкого в Юрьевском у. (с. Котово, 250 четв.) и его вотчины во Владимирском (с. Ратмирово) и Московском (с. Суково, 133 четв.) уездах, а также его поместья в Московском и Ржевском уездах.¹¹⁴

К 1584 г. князьям И. М. и Д. М. Воротынским, как мы видели, удалось вернуть какую-то часть родового удела (известно о владении ими Одоевым). По-видимому, тогда же к ним перешли и отцовские вотчины в Нижегородском и Муромском уездах. Впоследствии, в XVII в., эти вотчины прочно закрепляются за Воротынскими. В нижегородской вотчине Воротынских, с. Княгинине, по дозорной книге 1613 г., числилось 3649 четв. земли, а размеры муромской вотчины (с. Мошок), по писцовой книге 1620-х гг., исчислялись в 5900 четв.¹¹⁵ В земляном списке 1613 г. за кн. И. М. Воротынским значатся вотчины размером в 6600 четв., не считая нижегородского владения. Костяк его вотчин в начале XVII в., как мы видим, составляли вотчины в Муроме и Нижнем Новгороде. В середине 80-х гг. Воротынские подверглись опале. В результате они вновь лишились своего удела и, надо полагать, утратили его уже навсегда — после 1584 г. сведений о владении Воротынскими их родовыми уделами мы не встречаем. В связи с опалой Воротынские потеряли, очевидно, и прочие свои вотчины. В нижегородской писцовой книге 1626—1627 гг. описание старинной отцовской вотчины И. М. Воротынского, с. Княгинина, дается под рубрикой: «Из государевых... из нижегородских посопных и бортных сел за вотчинники и помещики», — а также указано, что эта вотчина была ему «дана при царе Василии Ивановиче».¹¹⁶ Отставленные от службы при дворе, Воротынские лишились и права на получение поместья под Москвой. Лишь с приходом Лжедмитрия И. М. Воротынский возвращается на службу и получает в качестве подмосковного поместья в Звенигороде.¹¹⁷

Князья Одоевские утратили в годы опричнины родовой удел в Лихвине. В своей духовной Иван IV завещал наследникам Кашин, бывший «за Одоевским».¹¹⁸ Но о времени и характере этого владения судить трудно. Мы уже говорили, что г. Кашин в 1591 г. был пожалован кн. Ф. И. Мстиславскому. Никаких определенных сведений о существовании удела князей Одоевских в конце XVI—XVII в. источники не дают. В боярском списке 1588/89 г. кн. М. Н. Одоевский, правда, числится среди князей служилых. Но, как убедительно показала С. П. Мордовина, в конце XVI в. звание служилого князя перестает обязательно означать положение уделльного владыки.¹¹⁹ Основные вотчинные владения Одоевских в рассматриваемое нами время располагались в Бежецком Верхе. Здесь мы встречаем крупные вотчины князей И. Н. Большого и И. Н. Меньшого Одоевских (1293 четв.) и сына кн. М. Н. Одоевского Ивана (1939 четв.).¹²⁰ Упоминаются также приданая вотчина кн. И. Н. Большого (получе-

на от тестя И. П. Татищева) в Дмитровском у. и вотчина кн. И. Н. Меньшого Одоевского в Тверском у.¹²¹ Поместья Одоевских располагались в Московском, Галичском, Вяземском, Шацком, Зубцовском, Ржевском и, вероятно, Муромском и Ярославском уездах.¹²²

Землевладение представителей выезжей иноземной знати, находившихся при московском дворе на положении служилых князей (князья Черкасские, Тюменские, Шейдяковы, «воеводичи» Волошские), обстоятельно изучено С. П. Мордовиной, которая убедительно показала, что никакими реальными уделами с особыми суверенными правами эти лица в конце XVI в. не владели. В рассматриваемое время они выступали как обычные помещики и вотчинники, причем им жаловались земли преимущественно на поместном праве.¹²³

Князья Шуйские благодаря службе в особом «дворе» и военным заслугам сумели к середине 1580-х гг. не только сохранить (вернуть) свои родовые вотчины, но и получить сузdalские вотчины сородичей, князей Горбатых (села Горицы и Лопатники). В 1587 г. в связи с опалой вотчины у Шуйских (кроме Скопиных) были конфискованы. После снятия опалы в начале 90-х гг. Шуйским снова возвращаются их владения, хотя, как мы увидим ниже, и не в полной мере. Весьма крупными землевладельцами являлись представители старшей ветви рода — князья Скопины-Шуйские. В 1604 г. сын боярина В. Ф. Скопина-Шуйского (умер в 1590-х гг.) кн. М. В. Скопин выставил в поход 56 конных воинов, т. е. имел около 5600 четв. вотчинной и поместной земли. После его гибели вотчины Скопиных-Шуйских перешли к его жене княгине Александре Васильевне. Сохранился перечень принадлежавших ей около 1613 г. владений — это вотчины ее мужа в Сузdalском (в Кехомской волости села Семеновское, Рождественское, Ивановское и слободка с деревнями, 3106 четв.), Переяславском (417 четв.), Бежецком (800 четв.) и Московском (118 четв.) уездах; всего в этих вотчинах насчитывалась 4441 четв. земли.¹²⁴ Часть вотчин князей Скопиных в начале XVII в. принадлежала, вероятно, матери М. В. Скопина-Шуйского, вдове княгине Аниसье Петровне. После смерти ее невестки княгини Александры Васильевны (в 1619 г.) к ней перешли и ее вотчины, а после смерти Аниси Петровны (около 1631 г.) часть родовых сузdalских вотчин князей Скопиных (села Ивановское и Семеновское) досталась их сородичу кн. И. И. Шуйскому.¹²⁵ Некоторые из вотчин Скопиных успели к тому времени перейти в монастыри (сузdalское село Рождественское и другие владения).¹²⁶ Известны поместья Скопиных-Шуйских в Старицком, Пошехонском и Псковском уездах.¹²⁷

Младший из сыновей кн. И. А. Шуйского И. И. Шуйский выставил в поход в 1604 г. 12 всадников. Представление о досмутных владениях братьев Ивановичей Шуйских можно получить путем изучения данных писцовых книг 1620-х гг. о владениях кн. И. И. Шуйского, последнего представителя рода. В сузdalских писцовых книгах 1628—1630 гг. за ним значатся родовые вотчины Шуйских — села Парское (2036 четв.), Ивановское (520 четв.) и Воскресенское (840 четв.), а также бывшие вотчины князей Скопиных — села Ивановское (1645 четв.) и Семеновское (380 четв.).¹²⁸

Известно, что с. Воскресенское в 1580-х гг. принадлежало брату И. И. Шуйского кн. Андрею Ивановичу.¹²⁹ С. Ивановское упомянуто в межевой 1558—1559 гг. за отцом И. И. Шуйского кн. Иваном Андреевичем, но не как вотчина, а как поместье. Вероятно, временный перевод родовой вотчины в поместье был связан с опалой на Шуйских в 1540-х гг.¹³⁰ Старинной вотчиной Шуйских было с. Парское, находившееся в годы междуцарствия в поместной раздаче.¹³¹ В 1626 г. И. И. Шуйский получил крупную вотчину (5214 четв.) в Нижегородском у., принадлежавшую прежде царице Елене Петровне, вдове царя Василия Шуйского; за царицей оставалась при этом часть вотчины — Васильева слобода.¹³² Возможно, что эта старинная родовая вотчина Шуйского¹³³ находилась прежде, до Смуты, во владении В. И. Шуйских. В русской писцовой книге 1625—1626 гг. упоминается еще одна вотчина царицы Елены Петровны — сельцо Морево (572 четв.), — бывшая ранее за кн. Д. И. Шуйским.¹³⁴ Возможно, и это владение перешло впоследствии к И. И. Шуйскому. В звенигородской писцовой книге 1624—1625 гг. за И. И. Шуйским числится старинная вотчина (с. Раево, 445 четв.), которая прежде (по приправочным книгам 1559 г.) была за кн. И. М. Шуйским.¹³⁵ В Манатине стане Московского у. И. И. Шуйский владел в 1620-х гг. с. Вельяминовым, которое в 1596 г. выменял его брат Д. И. Шуйский у Богоявленского монастыря на свою подмосковную вотчину, с. Топорково, а ранее, в 1584—1586 гг., с. Топорково было в вотчине за кн. В. И. Шуйским.¹³⁶ В том же стане за И. И. Шуйским числилась вотчина, д. Семчино (72 четв.), бывшая прежде за его братом Александром.¹³⁷ И. И. Шуйскому принадлежала вотчина в Переяславском у. (с. Семеновское, 600 четв.), которую его брат Дмитрий получил в приданое от Малюты Скуратова.¹³⁸ Он владел также бывшей вотчиной брата Дмитрия во Владимирском у. (с. Калитеево, 244 четв.).¹³⁹ Старинная вотчина упоминается за ним также в Дмитровском у.¹⁴⁰ Можно полагать, что к И. И. Шуйскому в первой трети XVII в. перешли все те вотчины, которыми он и его братья владели накануне Смуты, а также родовые сузdalьские вотчины Скопиных-Шуйских, за исключением имений, отданных ранее в монастыри.¹⁴¹ В результате опалы 1580-х гг. землевладение Шуйских понесло урон. Вотчины погибшего в ссылке кн. И. П. Шуйского в Московском, Бежецком и Сузdalьском (с. Лопатники, пожалованное ему из владений князей Горбатых) ¹⁴² уездах не были возвращены его сородичам, и кн. И. И. Шуйский в XVII в. ими не владел. Не принадлежало И. И. Шуйскому в 1620-х гг. и сузdalьское село Горицы, бывшая вотчина князей Горбатых, находившаяся до опалы на Шуйских за его братом кн. Александром.¹⁴³ Очевидно, уже в конце XVI в. Шуйские лишились вотчин, пожалованных им ранее из земель Горбатых. При царе Федоре кн. И. П. Шуйский был пожалован «великим жалованием» — г. Кинешмой. Кинешма с окрестой в начале XVII в. принадлежала кн. Д. И. Шуйскому. По всей вероятности, эта вотчина была дана ему в царствование Василия Шуйского.¹⁴⁴

Поместья братьев Ивановичей Шуйских и кн. И. П. Шуйского располагались в разных уездах, преимущественно это были районы, входившие в свое время в состав опричнины и «двора». Поместья Василия, Андрея, Дмитрия и Александра Ивановичей упоминаются в Суздальском, Вяземском, Ржевском, Можайском, Бельском и, вероятно, Московском и Рузском уездах.¹⁴⁵ В 1575 г. В. И. Шуйский получил поместье в «дворовой Шелонской пятине, но при царе Федоре лишился его.¹⁴⁶ Обширными поместьями владел (очевидно, в разное время) виднейший из Шуйских — кн. Иван Петрович. Весьма крупное поместье (2038 четв.) числилось за ним в Бежецком Верхе.¹⁴⁷ В Ростовском у. на его бывшей поместной земле было испомещено впоследствии более десятка служилых иноземцев.¹⁴⁸ Его поместья упоминаются также в Козельском, Московском и Псковском уездах.¹⁴⁹ За кн. Иваном (очевидно, Петровичем) Шуйским в 1580-х гг. находилось огромное поместье в Муромском у. — с. Вача с деревнями (около 3500 четв. земли).¹⁵⁰

К концу XVI в., как мы видели, удалось сохранить или вернуть родовые вотчины в Суздале кн. Ногтеву-Суздальскому. В 1599 г. со смертью кн. Д. А. Ногтева род пресекся. Родовые суздальские вотчины — села Петровское и Назарово — по грамоте царя Бориса перешли во временное владение («до живота») к его вдове княгине Анне, а после были разданы в поместья.¹⁵¹ В с. Петровском, по писцовой книге 1577/78 г., числилось 897 четв. земли.¹⁵² Известны также приданая вотчина Д. А. Ногтева в Юрьевском у. и его поместья в Можайском и Боровском уездах.¹⁵³

Князья Хилковы продолжали в конце XVI—начале XVII в. владеть родовыми вотчинами в Стародубе. За сыновьями окольничего царя Бориса кн. В. Д. Хилкова Андреем и Иваном после Смуты числилось более 1000 четв. (545 и 541 четв.) старых отцовских вотчин в Стародубском у. Вотчин в других уездах у них, очевидно, не было. Брату В. Д. Хилкова кн. А. Д. Хилкову с сыновьями принадлежало в Стародубе 873 четв. вотчинной земли. Упоминаются также поместье В. Д. Хилкова в Шацком у., вотчина и поместье А. Д. Хилкова в Коломенском у. и владения его сына Бориса в Бельском у.¹⁵⁴

Из князей Татевых при дворе Федора Ивановича и Бориса Годунова служили боярин кн. Петр Иванович (в 1586 г. постригся в монахи), его сын Борис и племянники Иван, Федор и Семен Андреевичи. Сыновьям и вдове Б. П. Татева после Смуты принадлежала крупная родовая вотчина в Стародубе (2118 четв.), но владели ли реально их отец и дед этими землями в конце XVI в., сказать трудно. Известна закладная вотчина кн. П. И. Татева в Ростовском у. (около 355 четв., заложила вдова кн. А. И. Стригина, теща кн. С. Д. Куракина), которая перешла к его сыну Б. П. Татеву, а затем была выкуплена кн. И. С. Куракиным.¹⁵⁵ Б. П. Татев унаследовал от отца вотчину в Московском у. (125 четв.); она была пожалована П. И. Татеву взамен его коломенской вотчины, которую в свою очередь он получил вместо старинной вотчины в Переяславском у.¹⁵⁶ Упоминаются вотчина вдовы П. И. Татева в Старицком у. и вотчины вдовы Б. П. Татева в Юрьевском, Рязанском и Арзамасском уез-

дах.¹⁵⁷ Есть сведения о поместьях П. И. и Б. П. Татевых в Московском, Рязанском и Карабаевском уездах.¹⁵⁸ Братья И. А., Ф. А. и С. А. Татевы вотчинами в родовом Стародубском у. не владели, а основные их вотчины располагались в Ростовском у. (около 1500 четв.).¹⁵⁹ Упоминаются также их вотчины в Московском (купленная, 28 четв.) и Тверском (старинная вотчина, с. Чириково, 222 четв.) уездах и поместья в Алексинском и Дорогобужском уездах.¹⁶⁰

Лишь остатки родовых вотчин в Стародубе, как мы видели, сохранили к концу XVI в. князья Ромодановские. За кн. Г. П. Ромодановским чисились также старинные вотчины в Московском и Калужском (с. Ромодановское) уездах и вотчина (вероятно, старинная) в Дмитровском у., а также поместья в Стародубском и Епифанском уездах.¹⁶¹ Его брат кн. И. П. Ромодановский владел поместьем в Одоевском у.¹⁶²

Кн. Д. М. Пожарскому еще до Смуты кроме вотчин в Стародубе принадлежали старинная отцовская вотчина в Московском у. (с. Медведково на р. Язу, 50 четв.), приданые вотчины отца, женатого на дочери Ф. И. Берсенева-Беклемишева Евфросинье, в Клинском у. (с. Берсенево, 138 четв.) и Коломенском у. (сельцо Лукерьино-Фомино, 130 четв.), а также старинная, вероятно приданая отца, вотчина в Юрьевском у. (с. Лучинское и сельцо Бодалово, 220 четв.).¹⁶³ Известно, что Д. М. Пожарскому была пожалована прежняя вотчина его деда по матери Ф. И. Берсенева, перешедшая к 1577 г. в дворцовые владения, — с. Марчукино Коломенского у. (685 четв.).¹⁶⁴ Возможно, эту вотчину ему или его матери, приближенной при дворе царицы Марии Григорьевны, удалось выхлопотать при Борисе Годунове. Накануне Смуты, в 1602/03 г., Д. М. Пожарский владел поместьями в Рязанском, Мещевском и Серпейском уездах (всего 605 четв.) и подмосковным поместьем в 100 четв., пожалованным ему в 1599/1600 г.¹⁶⁵ Кн. П. Т. Щепа Пожарский вотчин в Стародубе и других уездах до Смуты не имел. За одним из сыновей П. Т. Пожарского, кн. Романом Петровичем, в земляном списке 1613 г. числятся только поместья.¹⁶⁶ Упомянутые за братьями Р. П. и Д. П. Лопатой Пожарскими в писцовых книгах 1620-х гг. вотчины в Суздальском, Тверском, Стародубском, Рузском, Звенигородском и Московском уездах¹⁶⁷ были, видимо, поздними приобретениями. Известны поместья П. Т. Пожарского и его сыновей в Нижегородском, Муромском, Владимирском и Луховском уездах.¹⁶⁸

В стародубской писцовой книге 1628—1630 гг. за князьями И. И., Г. И., С. И., Г. Ф., Н. Ф. и С. Ф. Гундоровыми, внуками кн. И. Д. Гундрова, записана старинная деда и отца вотчина — с. Старые Зименки (всего 473 четв.).¹⁶⁹ О судьбе этой вотчины в конце XVI в. мы не знаем. Во всяком случае это были лишь жалкие остатки родовых владений Гундоровых в Стародубе. Известно, что в 1590-х гг. кн. И. Д. Гундров с сыновьями владел в Стародубском у. поместьем (с. Меховицы), которое ранее было в вотчине за кн. С. Г. Гундовым.¹⁷⁰ Вотчин и поместий за И. Д. Гундовым и его сыновьями в других уездах мы не встречаем. Характерно, что

за кн. С. И. Гундоровым, внуком И. Д. Гундорова, в 1632 г. числились только сузальские (стародубские) поместья и вотчины.¹⁷¹ О владениях кн. А. И. Гундорова, выставившего в 1604 г. в поход довольно крупный отряд всадников из 13 человек, известно мало (эта ветвь рода угасла, видимо, еще в Смуту). Упоминаются его вотчины во Владимирском у., которую он продал в 1598/99 г., и приданая вотчина в Тверском у.¹⁷² Его отец кн. И. В. Гундоров после возвращения из казанской ссылки в 1568 г. получил вотчину в Стародубском у. (с. Воскресенское), бывшую прежде за князьями Ф. А. и Р. И. Гундовыми.¹⁷³ Вскоре, в 1572/73 г., И. В. Гундоров дал половину с. Воскресенского в Спасо-Евфимьев монастырь, а его сын в 1579/80 г. обязался не вступаться в эту монастырскую вотчину.¹⁷⁴ Какова была судьба другой половины села, нам неизвестно. В середине XVI в. А. И. Гундоров служил по Вязьме, но, очевидно, в опричнину он лишился поместий в Вяземском у. и получил поместья в Рязани.¹⁷⁵

Только незначительная часть прежних вотчин в Стародубе сохранялась в конце XVI—начале XVII в. за кн. Ф. И. Кривоборским и его сородичами — князьями Ковровыми. Данных об их вотчинах в других уездах у нас нет. Ф. И. Кривоборскому принадлежали поместья во Владимирском и Ржевском уездах (всего 604 четв.).¹⁷⁶ Кн. Ф. П. Ковров служил в 1602/03 г. в выборе по Суздалю и, видимо, имел в Суздале или Стародубе поместье.

Из князей Ярославских лишь Сицкие сохраняли в конце XVI—начале XVII в. свои родовые вотчины в полном объеме. По земляному списку 1613 г., за князьями А. В., А. Д., А. Ю. и Ф. А. Сицкими числилось в общей сложности 7483 четв. земель старых досмутных вотчин. В основном это были родовые вотчины в Ярославском у. По писцовой книге 1628—1629 гг., кн. А. Ю. Сицкому принадлежали в Ярославле вотчинные села Лацкое, Покровское в Рамене, Покровское на р. Сити, Воскресенское и Раево, бывшие прежде за его отцом и дядьми — князьями И. В. и А. В. Сицкими (всего 3565 четв.). За кн. Ю. А. Сицким в 1628—1629 гг. числились родовые вотчины отца (кн. А. Д. Сицкого) и дяди (кн. А. В. Сицкого) — села Станирево, Никольское, Красное и Юрьевское (всего 2943 четв.). В той же писцовой книге упомянуты также родовые вотчины кн. А. В. Сицкого — села Баиловское и Семеновское (781 четв.), данные им в Новоспасский монастырь.¹⁷⁷ Можно полагать, что Сицкие сохранили за собой к началу XVII в. основную часть родовых вотчин, принадлежавших им в середине XVI в. Во всяком случае все села, упомянутые в духовной кн. С. Ф. Сицкого 1549 г. (Покровское, Юрьевское, Баиловское и Станилово),¹⁷⁸ числились за Сицкими и в XVII в. Есть сведения также о вотчинах кн. И. В. Сицкого в Московском (169 четв.) и Угличском (119 четв.) уездах.¹⁷⁹ Князья А. В., А. Д. и А. Ю. Сицкие владели в первой трети XVII в. старинными вотчинами в Московском, Дмитровском, Угличском и Кашинском уездах.¹⁸⁰ В писцовых книгах 1620-х гг. упоминаются также их вотчины в Старицком, Коломенском, Звенигородском, Романовском, Московском и Рязанском уездах, происхождение которых не вполне

ясно.¹⁸¹ Известна закладная вотчина кн. А. Д. Сицкого в Муромском у., отданная им в 1601/02 г. в монастырь.¹⁸² Есть сведения о поместьях князей А. В., А. Д. и А. Ю. Сицких в Московском, Медынском, Ярославском, Боровском, Верейском и Переяславском уездах.¹⁸³ Князья Сицкие, одна из младших ветвей ярославского княжеского рода, до середины XVI в. не были слишком заметны при дворе, но впоследствии благодаря свойству с могущественным кланом Романовых и службе в опричнине они про двинулись по службе, сохранили к началу XVII в. основную часть своих старинных владений и приобрели новые земли.

Иначе сложилась судьба землевладения сородичей Сицких — князей Прозоровских и Ушатых. Прозоровские утратили к концу XVI в. большую часть доопричных родовых вотчин в Ярославской земле. В писцовых книгах XVII в. за князьями С. В. и М. В. Прозоровскими числятся также вотчины в Московском и Владимирском уездах и поместья в Ярославском, Владимирском и Бежецком уездах,¹⁸⁴ но история этих владений не вполне ясна. Кн. Ю. П. Ушатый, как мы видели, до Смуты вовсе не имел вотчин, ему принадлежали только поместья. Известно его поместье в Бежецком Верхе.¹⁸⁵

За сыном боярина кн. Ф. М. Троекурова (умер около 1595 г.) кн. И. Ф. Троекуровым в земляном списке 1613 г. значились «вотчины... старые отца его 930 чети да новые дачи, что дано ему при боярех из Богдановских вотчин Бельского княж Федоровская вотчина Троекурова 952 чети», т. е. часть старинных вотчин была возвращена И. Ф. Троекурову только «при боярех», а часть находилась в роду, очевидно, еще до Смуты. Известна старинная вотчина И. Ф. Троекурова в Московском у. (всего вместе с поздней куплей 196 четв.).¹⁸⁶ Основную же часть из упомянутых за И. Ф. Троекуровым 930 четв. старых отцовских вотчин составляли, по всей видимости, вотчины в родовом Ярославском у. В ярославской писцовой книге 1627—1629 гг. в Закоторомском ст. за сыном И. Ф. Троекурова кн. Б. И. Троекуровым числятся старые отцовские вотчины — села Новое, Бурмакино и Пречистенское (всего 1844 четв.).¹⁸⁷ Это были, очевидно, как старые, досмутные, так и возвращенные «при боярех» вотчины. Проследить детально судьбу каждого из названных сел не представляется возможным. Есть сведение о купленной вотчине кн. Ф. М. Троекурова в Московском у. (150 четв.), унаследованной его сыном Романом и выкупленной у последнего в 1601/02 г. И. Карамышевым.¹⁸⁸ Р. Ф. Троекуров владел также приданой вотчиной в Сузdalском уз. (450 четв.).¹⁸⁹ Поместья Троекуровых располагались в Костромском, Ярославском и, вероятно, Дорогобужском, Московском и Сузdalском уездах.¹⁹⁰

Утратили вотчины в Ярославле князья Гагины Великие. В конце XVI—начале XVII в. окольничий И. В. Гагин, а затем сын его Степан владели вотчиной в Переяславском у. (572 четв.).¹⁹¹ До 1584/85 г. И. В. Гагину принадлежала вотчина в Арзамасском у., которая пошла затем в поместную раздачу.¹⁹² В земляном списке 1613 г. за С. И. Гагиным помимо 572 четв. вотчинной земли (во-

тчина в Переяславле) числилось 923 четв. старых поместий, но сведений об этих поместьях и поместьях его отца мы не имеем.

Пострадало в опричнину родовое землевладение в Ярославле князей Засекиных. Кн. Б. П. Засекин (тысячник и дворовый князь Ярославский в середине XVI в., умер около 1588 г.) и его сыновья Петр и Ларион владели вотчинами в Московском, Коломенском и Дмитровском уездах и поместьями в Коломне, Рязани и Шацке.¹⁹³ Сведений об их ярославских владениях мы не встречаем. К концу XVI в. лишился вотчин в Ярославле, очевидно, и бывший дворовый князь Ярославский 1550-х гг. П. Д. Засекин. В 1588/89 г. он и его брат Н. Д. Засекин служили по Белеву. Упоминается поместье Н. Д. Засекина в Тульском у.¹⁹⁴ К концу XVI в. серьезный урон понесло родовое землевладение князей Солнцевых-Засекиных. Сын кн. И. А. Солнцева-Засекина кн. А. И. Солнцев владел в первой трети XVII в. ярославской вотчиной (с. Лопуховым), судьба которой не совсем ясна, и приданой вотчиной матери в Шуйском у.¹⁹⁵ О других вотчинах князей Солнцевых мы не знаем. Упоминаются их поместья в Зубцовском, Козельском, Шуйском, Муромском уездах и в Мещерской земле.¹⁹⁶ Князьям Жировым-Засекиным, как мы видели, удалось лучше других своих сородичей сохранить родовые вотчины в Ярославле. В конце XVI в. за братьями Василием, Александром, Иваном и Андреем Федоровичами Жировыми-Засекиными числились поместья в Рязанском у.¹⁹⁷ Представителями младшей ветви Засекиных были князья Г. О. Зубок-Засекин и С. И. Засекин. О владениях первого из них, умершего в 1592 г. бездетным, сведений почти не сохранилось, упоминается лишь его поместье в Арзамасе.¹⁹⁸ Старшие братья кн. С. И. Засекина Данила, Федор и Лев Ивановичи в середине XVI в. служили по Дмитрову, а не в составе ярославской княжеской корпорации. Возможно, уже тогда все они утратили вотчины в родовом Ярославле. В конце XVI—первой трети XVII в. вотчин в Ярославском и других уездах за князьями С. И. Засекиным, его сыновьями и племянниками мы не встречаем. Их поместья располагались в Каширском у., из которого служил по выбору С. И. Засекин.¹⁹⁹

Захудали и утратили родовые вотчины в Ярославле во второй половине XVI в. князья Деевы (см. примеч. 40). В рассматриваемое нами время Деевы в состав столичного дворянства не входили и служили в выборе по Дорогобужу, где, очевидно, владели землями. Сходной была и судьба князей Щетининых-Ярославских, осевших в послеопричное время в городах (служили в конце XVI—начале XVII в. в выборе по Рязани и Коломне). Из многочисленных князей Шаховских только братьям Петру и Мирону Михайловичам удалось в самом конце XVI в. пробиться в ряды московского дворянства. В боярском списке 1588/89 г. они значатся в выборных по Зубцову, упоминаются также их поместья в Ржевском у. и какие-то вотчины кн. М. М. Шаховского (49 четв.).²⁰⁰ Сведений об их ярославских вотчинах у нас нет.

Происходившие от князей Ярославских князья Хворостинины, Охлябинины и Шестуновы еще задолго до опричнины утратили

родовые вотчины в Ярославле. В Тысячной книге и Дворовой тетради представители этих фамилий записаны по разным городам. Ни за кем из них во второй половине XVI—первой трети XVII в. родовых вотчин в Ярославле мы не встречаем.

Князья Хворостинины, возвышенные при Иване Грозном и Борисе Годунове, в конце XVI—начале XVII в. выступают весьма крупными землевладельцами. Источники позволяют составить полное представление о владениях одного из них — боярина кн. Ф. И. Хворостинина. В духовном завещании 1602 г. Ф. И. Хворостинин перечисляет свои вотчины в Переяславском (1200 четв.), Бежецком, Костромском, Боровском²⁰¹ и Ростовском уездах.²⁰² В выписке из земельного списка около 1613 г. за вдовой Ф. И. Хворостинина княгиней Антонидой числятся вотчины мужа в Переяславле (1111 четв.), Бежецком Верхе (479 четв.), Костромском (1437 четв.) и Боровском (227 четв.) уездах (всего 3254 четв.).²⁰³ Но это были далеко не все вотчины, принадлежавшие ее мужу. К тому времени она успела дать в монастырь его Переяславскую вотчину — с. Богословское (цена этой вотчины 400 руб.) — и вотчину в Ростове — с. Павлово (289 четв.).²⁰⁴ Костромские вотчины Ф. И. Хворостинина, не учтенные в упомянутом перечне владений его вдовы, — с. Грибщево (более 200 четв.) и с. Романово (448 четв.) — были конфискованы «за измену» у его сына Григория и пошли в поместную раздачу.²⁰⁵ Всего, таким образом, Ф. И. Хворостинину принадлежало в разных уездах более 4000 четв. только вотчинной земли.²⁰⁶ Значительную часть этих вотчин, как видно из его духовной 1602 г., составляли «государевы жалования». Известны поместья Ф. И. Хворостинина в Рязанском, Медынском и Звенигородском уездах.²⁰⁷ Крупным землевладельцем был его брат боярин кн. Д. И. Хворостинин, видный человек при дворе (умер в 1590 г.). Его старший сын Иван в 1604 г. выставил в поход 35 всадников, т. е. имел около 3500 четв. поместной и вотчинной земли. Упоминаются вотчины кн. Д. И. Хворостинина и его сыновей Ивана и Юрия в Московском (280 четв.), Угличском (500 четв.), Костромском (в Нерехотском и Корзле станах) и Бежецком (приданая вотчина кн. Д. И. Хворостинина, 1280 четв.) уездах.²⁰⁸ Есть сведения о поместьях кн. Д. И. Хворостинина и его сыновей в Медынском и Новосильском уездах.²⁰⁹ Из духовной Ф. И. Хворостинина известно также, что Д. И. и А. И. Хворостинины «насильством» владели его вотчиной в Переяславском у. О землевладении младших из братьев — князей А. И. и П. И. Хворостининах — мы знаем мало. Сын кн. А. И. Хворостинина Иван в 1604 г. выставил в поход 14 всадников.²¹⁰ Упоминаются вотчины А. И. Хворостинина и его сына в Медынском (66 четв.), Переяславском (287 четв.) и Кашинском (купленная вотчина И. А. Хворостинина) уездах.²¹¹ Поместья А. И. Хворостинина располагались в Московском, Карабевском и Новосильском уездах, поместный оклад его составлял 1000 четв.²¹² Кн. П. И. Хворостинин владел вотчиной, «государевым жалованием», в Костромском у. и вотчиной в Бежецком Верхе, купленной им в 1585/86 г. Эти владения после его смерти (в 1589/90 г.) перешли к брату Ф. И. Хво-

ростинину.²¹³ За П. И. Хворостиными числились поместья в Коломенском, Рязанском и Малоярославецком уездах.²¹⁴

Князья Охлябинины еще к началу XVI в. утратили центр своих родовых владений — Охлябининскую слободу.²¹⁵ В XVI в. основные их владения находились в Кашинском у.²¹⁶ Вероятно, их перемещение в Кашин было связано со службой в уделе кн. Юрия Ивановича. Известно о службе в уделе Юрия Ивановича кн. В. Ф. Охлябинина.²¹⁷ Владения В. Ф. Охлябинина и его брата Петра в Кашинском у. встречают уже в разъезжей грамоте 1504 г.²¹⁸ В конце XVI—начале XVII в. при дворе служил сын В. Ф. Охлябинина кн. Р. В. Охлябинин, последний представитель рода (умер в самом начале XVII в.). В середине XVI в. служил по Кашину. Упоминается его вклад в Калязин монастырь в 1570/71 г. вотчиной в Кашинском у.²¹⁹ Сохранил ли он к концу века вотчины в Кашине, мы не знаем. Есть сведения также о его вотчинах в Верейском и Московском уездах.²²⁰

Князья Шестуновы в середине XVI в. служили по Ростову и имели там земли.²²¹ Около 1585 г. кн. Ф. Д. Шестунов получил весьма крупное поместье в Ростовском у. из бывших вотчин князей Приимковых-Ростовских — села Никольское, Приимково, Полянки и Сулы (всего 1071 четв.). Но владел он им недолго, и в 1588/89 г. эти села были отписаны «во дворец».²²² Любопытно, что в 1589 г. Ф. Д. Шестунов был послан на «годовую» службу в Казань, вероятно, тогда же он попал в кратковременную опалу.²²³ Упоминаются также его вотчина и поместье в Дмитровском у.²²⁴ Кн. И. Д. Кнут Шестунов имел поместье в Каширском у., перешедшее затем к его сыну Андрею; за последним числилась в 1620-х гг. также старинная вотчина в Галичском у.²²⁵ Кн. В. Д. Шестунов владел вотчинами в Ростовском (сельцо Павловское) и Московском (55 четв.) уездах.²²⁶ Упоминается его поместье в Ярославском у.²²⁷

Опричнина сокрушила остатки родового землевладения князей Ростовских. В конце XVI—начале XVII в. представители рода выступают в целом небогатыми землевладельцами-вотчинниками. Только в 1613 г. была возвращена родовая вотчина в Ростове кн. В. И. Бахтеярову. До Смуты вотчинами в Ростове он не владел. Упоминаются его купленная вотчина в Переяславском у. (800 четв.) и поместья в Рязанском, Владимирском и Тарусском уездах.²²⁸ Его брат кн. А. И. Бахтеяров в 1604 г. выставил в поход со своих владений, «оприч Дорогобужской земли», только одного конного воина. В 1590-х гг. за ним числилось поместье во Владимирском у.²²⁹ Вотчинами в Московском у. и поместьем в Дорогобуже владел их дядя кн. В. Ф. Бахтеяров.²³⁰ Князья Буйносовы еще в конце XV в. были испомещены в новгородских пятинах и утратили родовые земли в Ростове. В последней трети XVI в. представители рода — князья В. И. и П. И. Буйносовы — получают поместья уже в «московских городах» — в 70-х гг. они владеют поместьями в Стародубе, а в конце века испомещаются в Вяземском у. По писцовым книгам 1594—1595 гг., им принадлежало в Вязьме 1216 четв. поместной земли при окладах по 700 четв. каждому.²³¹ Хотя братья и сделали карьеру при

дворе, крупными землевладельцами-вотчинниками они не были. Известны вотчины П. И. Буйносова в Московском у. (в станах Манать-иге и Жданском), перешедшие впоследствии представителям других родов.²³² За его сыном Иваном (сам П. И. Буйносов был убит в Белгороде в 1606 г.) в земляном списке 1613 г. значатся только поместья. Упоминаются поместья И. П. Буйносова в Ярославском и Кадомском уездах.²³³ Его брат Ю. П. Буйносов владел в 1620-х гг. вотчиной в Коломенском у., происхождение которой неясно.²³⁴ О владениях кн. В. И. Буйносова, кроме упомянутых выше вяземских поместий, ничего не известно.

Князья Гвоздевы-Ростовские благодаря службе в опричнине сумели сохранить свою родовую вотчину в Ростове (с. Гвоздево). Упоминаются также поместья князей М. Ф. и В. И. Гвоздевых в Московском, Сузdalском и Малоярославецком уездах.²³⁵

В первой трети XVII в. сын боярина кн. М. П. Катырева-Ростовского кн. И. М. Катырев владел старинными родовыми вотчинами в Угличском и Владимирском уездах, старинной закладной вотчиной в Дмитровском у. (по закладной 1595/96 г.) и вотчиной в Московском у., история которой не вполне ясна.²³⁶ Поместья М. П. Катырева располагались в Ржевском у. (930 четв.); есть сведения о его подмосковных поместьях.²³⁷ За его сыном в 1620-х гг. числились поместья в Шацком, Алексинском, Зубцовском и Московском уездах.²³⁸

Кн. П. С. Лобанов-Ростовский в 1577 г. значится как выборный по Деревской пятине. Он сохранял здесь свои поместья и в конце XVI в.²³⁹ Сведений о других его владениях мы не имеем. Кн. И. Ю. Лобанов в конце XVI в. служил в выборе по Дорогобужу, имел поместья также в Козельском у.²⁴⁰ Хотя его отец кн. Ю. И. Лобанов накануне опричнине распоряжался родовыми вотчинами в Ростове,²⁴¹ в конце XVI—XVII в. вотчин, принадлежавших потомкам Ю. И. Лобанова, в Ростовском у. не встречаем. В 1632 г. за сыном И. Ю. Лобанова кн. И. И. Лобановым числились только купленные после Смуты, приданые и выслуженные вотчины.²⁴² Братья князья Ф. М., В. М. и С. М. Лобановы в списке двора 1577 г. значатся как выборные по Рязани, они владели там в конце века поместьями.²⁴³ В. М. Лобанову принадлежали также поместья в Ржевском у.²⁴⁴ В выборе по Ржеву служил их племянник кн. А. И. Лобанов. Кн. С. М. Лобанов в 1590-х гг. владел вотчиной в Дмитровском у., упоминается также его купленная вотчина (250 четв.) в Кашинском у.²⁴⁵ Сын кн. В. М. Лобанова Афанасий имел в 1620-х гг. вотчины в Московском (бывшая вотчина И. М. Пушкина, 375 четв.) и Бежецком (589 четв.) уездах, история которых неясна.²⁴⁶

Кн. Д. Б. Приимков-Ростовский в Тысячной книге 1550 г. вместе с братом Никитой записан по Водской пятине. В конце XVI в. поместьи князей Приимковых в Новгородской земле, судя по платежнице 1588 г., уже не было. Кн. Д. Б. Приимков в 1604 г. выставил в поход отряд из 10 всадников. Упоминаются его приданая (женат был на дочери Б. И. Сукина) вотчина в Коломенском у. (270 четв.), отданная в Троице-Сергиев монастырь, и вотчина в Дмитровском у.

(300 четв.), перешедшая затем к сыну Александру.²⁴⁷ Кн. Александр принадлежала в первой трети XVII в. также старинная родовая вотчина в Кашинском у.²⁴⁸ За ним и за его братом Юрием числились в конце XVI в. поместья в Рязанском и Ржевском уездах.²⁴⁹ За племянниками Д. Б. Приимкова князьями И. Н. и Б. Н. Приимковыми в земляном списке 1613 г. значится 427 четв. старых вотчин. Видимо, они владели старинными родовыми вотчинами в Кашинском у., в 1620-х гг. принадлежавшими их сыновьям И. И. и В. Б. Приимковым.²⁵⁰ Известна также приданая вотчина кн. И. Н. Приимкова в Переяславском у.²⁵¹ Поместья И. Н. и Б. Н. Приимковых располагались в Вяземском, Тарусском и Калужском уездах.²⁵² Их троюродный брат кн. А. В. Приимков также владел родовой вотчиной в Кашине и, кроме того, вотчиной в Московском у., происхождение которой неизвестно.²⁵³ За ним и его братьями Александром и Андреем числились поместья в Сузdalском, Вяземском, Ржевском и, вероятно, Бельском уездах.²⁵⁴ Двоюродный брат кн. Д. Б. Приимкова кн. В. Р. Приимков вместе с отцом и дядей значится в Дворовой тетради 1550-х гг. по Кашину; видимо, в прошлом они были связаны с уделом кн. Юрия Ивановича. Возможно, именно от В. Р. Приимкова (последний раз встречается в источниках в 1588/89 г.) перешли к сородичам упомянутые выше родовые кашинские вотчины. Известны его поместья в Рязанском у.²⁵⁵

Пострадало в годы опричнины землевладение князей Темкиных-Ростовских. За кн. М. Г. Темкиным в земляном списке 1613 г. вообще не значится вотчин. Ничего не известно нам и о его поместьях.

Князья Оболенские сохранили к концу XVI в. более прочные связи с родовым гнездом, чем «княжата» Северо-Восточной Руси. Довольно крупным землевладельцем был кн. И. И. Курлятев, последний представитель этой фамилии (умер около 1606/07 г.). В 1604 г. он выставил со своих владений, «оприч Дорогобужской земли», 24 конных воина. При царе Василии Шуйском его выморочные родовые вотчины в Оболенском (с. Казариново, 583 четв.) и Боровском (с. Бобол, 257 четв.) уездах были пожалованы «по родству и за службу» его сородичу кн. Б. М. Лыкову.²⁵⁶ Часть родовых вотчин Курлятевых в конце XVI в. находилась за матерью И. И. Курлятева княгиней Варварой — вотчины в Оболенске (с. Антоново) и Малом Ярославце.²⁵⁷

В самом начале XVII в. со смертью боярина кн. Ф. А. Ноготкова пресекся род Ноготковых-Оболенских. Родовые вотчины кн. Ф. А. Ноготкова в Оболенске (возможно, к нему перешли также и вотчины его брата Ивана, умершего в 1584/85 г.) — с. Доброе и сельцо Мамоново (всего 1181 четв.) — достались впоследствии в качестве приданого его зятям — сибирскому царевичу Андрею Кучумовичу и И. И. Бутурлину.²⁵⁸ Есть сведения о поместьях Ф. А. и И. А. Ноготковых в Шацком у.²⁵⁹

За сыном окольничего кн. И. С. Туренина Василием в земляном списке 1613 г. числилось 489 четв. старых отцовских вотчин. Но в писцовой книге Оболенского у. 1627—1629 гг. за ним значится уже 1089 четв. родовых вотчин.²⁶⁰ Он был последним представителем

рода, и, очевидно, в 1620-х гг. в его руках сконцентрировались все родовые вотчины Турениных в Оболенске. Известны приданые вотчины кн. И. С. Туренина в Московском (83 четв.) и Галичском (600 четв.) уездах, которые пошли в приданое его дочерям.²⁶¹ Одно время И. С. Туренин владел конфискованной у Ф. В. Шереметева вотчиной в Московском у.²⁶² Известно поместье его сына Василия в Веневском у.²⁶³ Поместья в Веневском и Тарусском уездах числились за братом И. С. Туренина кн. Михаилом Самсоновичем.²⁶⁴ Их троюродный брат кн. В. П. Муса Туренин с сыновьями Федором и Дмитрием владел вотчинами в Московском у. и поместьями в Козельском и Верейском уездах.²⁶⁵ Родовая оболенская вотчина, при надлежавшая внуку В. П. Туренина кн. И. Ф. Туренину, перешла затем к его дяде кн. В. И. Туренину.²⁶⁶

Князья Репнины перед Смутой, видимо, не были очень богатыми вотчинниками. В земляном списке 1613 г. за сыном кн. А. А. Репнина Б. А. Репниным числилось всего 134 четв. старых отцовских вотчин; вероятно, такое же количество вотчинной земли было и за другим его сыном — П. А. Репниным (сам А. А. Репнин умер в 1612 г.). При этом центр родовых владений Репниных в начале XVII в. находился не в Оболенском, а в соседнем Боровском у. В писцовой книге этого уезда 1629—1630 гг. за братьями П. А. и Б. А. Репниными значились старинные вотчины, каждому принадлежало по 90 четв.²⁶⁷ В Оболенске же в первой половине XVII в. им принадлежали только вотчины, пожалованные уже после Смуты (из вотчин князей Овчинных, Телепневых и Турениных-Оболенских).²⁶⁸ Частично вотчины Репниных в Оболенске успели к началу XVII в. отойти в монастыри — известна дача кн. А. А. Репнина Троице-Сергиеву монастырю в 1574/75 г. жеребья с. Ивановского в Оболенском у.²⁶⁹ Возможно, часть своих вотчин Репнины утратили в связи с опалой на А. А. Репнина, сторонника Романовых, при Борисе Годунове. Характерно, что часть упомянутого с. Ивановского принадлежала в 1620-х гг. князьям Тюфякиным.²⁷⁰ В коломенской писцовой книге 1577/78 г. упоминается вотчина вдовы кн. М. П. Репнина княгини Мары; в книге 1627—1628 гг. она значится за сыновьями А. А. Репнина князьями П. А. и Б. А. Репниными (первый владел 258 четв., а второй — 306 четв. земли).²⁷¹ Но эта вотчина была пожалована братьям уже после 1613 г. — в этом году за Б. А. Репниным числилось 134 четв. вотчинной земли. Есть сведения также о кашинской вотчине П. А. Репнина и приданой вотчине Б. А. Репнина в Муромском у.²⁷² Поместья их отца в конце XVI в. располагались в Московском и Коломенском уездах.²⁷³

Родоначальник князей Тюфякиных кн. В. Б. Константинов Тюфяка записан в Тысячной книге не в составе корпорации оболенских князей, а по Дмитрову. В оболенской писцовой книге 1627—1629 гг., правда, упоминаются небольшие вотчины за князьями Тюфякиными (всего 241 четв.), но их история неизвестна.²⁷⁴ Часть этих вотчин, жеребей с. Ивановского, очевидно, принадлежала прежде князьям Репниным и досталась им после опалы на А. А. Репнина в 1600/01 г. Сыновья Василия Тюфяки князья В. В. и Н. В. Тюфяки-

ны в конце XVI в. владели поместьями в Дмитровском, Тульском, Малоярославецком и, вероятно, Боровском уездах.²⁷⁵ Из вотчин Тюфякиных известны (помимо оболенских) вотчина некоего Василия Тюфякина в Клинском у., которую он заложил в 1620/21 г. дьяку Г. Мартемьянову, и купленная в 1623/24 г. вотчина Г. В. Тюфякина в Переяславском у.²⁷⁶

Сыновья служившего при дворе в конце XVI—начале XVII в. кн. М. Ф. Кашина Иван и Дмитрий владели в 1620-х гг. в Оболенске старинной «прапорительской» вотчиной, половиной с. Спасского (167 четв.), и приданой вотчиной отца, д. Зубахиной (274 четв. — от его тестя А. Ф. Нагова).²⁷⁷ В духовной кн. Д. М. Кашина 1632 г. упоминается также его «государево жалованье, родовая вотчина» в Московском у.²⁷⁸ Известны поместья кн. М. Ф. Кашина в Коломенском, Костромском и Угличском уездах.²⁷⁹

Виднейший из князей Лыковых — Борис Михайлович — в 1613 г. владел 1579 четв. вотчинной земли.²⁸⁰ Но значительную часть этих земель составляли пожалованные ему при царе Василии вотчины кн. И. И. Курлятева в Оболенском и Боровском уездах (всего 840 четв.). В Оболенском у. за ним была также старинная «прапорительская» вотчина, половина с. Спасского (357 четв.).²⁸¹ Старинная вотчина, с. Степурино (322 четв.), принадлежала ему в Тверском у.²⁸² В земляном списке 1613 г. за ним значатся поместья в Калужском, Тарусском, Ржевском и Луховском уездах (всего 1505 четв.). Львиную долю этих поместий составляли луховские земли (по писцовой книге 1620-х гг., всего около 1400 четв.²⁸³), пожалованные ему, очевидно, в Смуту. Упоминаются также подмосковные поместья Б. М. Лыкова и его поместье в Пошехонском у.²⁸⁴ Прочие Лыковы не были богатыми землевладельцами. За троюродными братьями Б. М. Лыкова князьями А. Ф. и Ф. И. Лыковыми в земляном списке 1613 г. вотчин вообще не значится. А. Ф. Лыков с братом Иваном только в 1647 г. получил после Б. М. Лыкова родовую вотчину в Оболенске.²⁸⁵ Кн. Ф. И. Лыков в 1604 г. выставил в поход 6 конных воинов; есть сведение о его ярославском поместье (200 четв.).²⁸⁶ Представители младшей ветви рода князья Б. И. и С. И. Белоглазовы-Лыковы вместе выставили в поход только 4 всадников (имели 400 четв. земли). В 1620-х гг. кн. С. И. Белоглазову и его племяннику кн. Г. Б. Белоглазову принадлежали небольшие вотчины в Оболенском у. (по 50 четв.).²⁸⁷ Они же владели вотчинами в Московском и Клинском уездах (60 и 51 четв.) и поместьями в Верейском и Оболенском уездах.²⁸⁸

Многочисленные князья Долгорукие продолжали и в конце XVI—первой трети XVII в. владеть родовыми вотчинами в Оболенском и Малоярославецком уездах, но каждый в отдельности крупным землевладельцем не был. Сын кн. И. А. Шебановского-Долгорукого (представитель старшей ветви рода, погиб в 1590 г.) кн. Данила владел в 1593/94 г. старинной родовой вотчиной в Малом Ярославце (с. Шебановым), которая числилась за Долгорукими уже в конце XV в.²⁸⁹ Им же принадлежали вотчина и поместья в Московском у. и поместья в Костромском, Белевском и Ростовском уездах.²⁹⁰

Другой сын И. А. Шебановского кн. Федор в 1604 г. выставил в поход 4 всадников. Ему, очевидно, принадлежала родовая вотчина в Оболенском у., с. Тинково (208 четв.), бывшая в 1620-х гг. во владении за его сыновьями; упоминается также их поместье в Костромском у.²⁹¹ Кн. Вл. В. Долгорукий выставил в 1604 г. в поход 5 конных воинов. В 1620-х гг. его сын Василий, младший брат Алексей Васильевич и племянник Федор Иванович Долгорукие владели родовой вотчиной в Оболенском у., д. Олтуховской с пустошами, каждому принадлежало по 304 четв. земли.²⁹² Упоминается также поместье А. В. Долгорукого в Ростовском у.²⁹³ Кн. В. Т. Долгорукий, согласно земляному списку 1613 г., владел только 187 четв. старых (досмутных) вотчин. Он имел родовые вотчины в Оболенске (сельцо Торсукы, 80 четв.) и Малом Ярославце (с. Олтухово — старинная вотчина Долгоруких еще в XV в.), а также приданую вотчину в Дмитровском у. (623 четв., получил ее, очевидно, после 1613 г.).²⁹⁴ За ним числились поместья в Московском, Коломенском, Костромском, Каширском, Тульском и Арзамасском уездах, выделить из них досмутные владения трудно.²⁹⁵ Его брат кн. Ф. Т. Долгорукий владел родовой вотчиной в Оболенском у. (сельцо Никоново, 250 четв.), приданой вотчиной в Бежецком Верхе (172 четв.) и поместьями в Московском и Воротынском уездах.²⁹⁶ Младший брат В. Т. и Ф. Т. Долгоруких кн. Г. Т. Долгорукий (умер в Смуту, не оставил потомства) выставил в 1604 г. 6 конных воинов. Известны его приданая вотчина в Кашинском у. (88 четв.) и поместья в Оболенском и Владимирском уездах.²⁹⁷ Сыновья кн. Г. И. Черта Долгорукого Василий и Алексей в 1604 г. вместе выставили в поход 6 всадников. В 1599 г. братья разделили между собой после смерти отца родовую вотчину в Старом Оболенске — с. Никольское (240 четв.).²⁹⁸ В. Г. Долгоруко му принадлежала также приданая вотчина в Дмитровском у. (60 четв.),²⁹⁹ а его брат владел приданой вотчиной в Волоколамском у. и вотчиной в Дмитровском у.³⁰⁰ Поместья Г. И. Черта Долгорукого и его сыновей располагались в Московском, Малоярославецком, Ярославском и Тарусском уездах.³⁰¹ Кн. А. Б. Долгорукий в 1604 г. выставил в поход только 3 всадников. При дворе в конце XVI—начале XVII в. служили также его братья Г. Б. Роща и М. Б. Долгорукие. К 1620-м гг. в живых оставался лишь кн. М. Б. Долгорукий, за которым в оболенской писцовой книге значится родовая вотчина — пуст. Усадище Бабино (266 четв.).³⁰² Поместья братьев упоминаются в Оболенском, Ржевском, Калужском, Каширском, Тульском, Вологодском и Галичском уездах.³⁰³ Сыновья кн. М. И. Птицына-Долгорукого (упоминается в боярском списке 1588/89 г. среди князей Оболенских) Яков и Иван в 1604 г. выставили со своих владений конных воинов: первый — 3 человек, а второй — только одного всадника. Их родовая вотчина в Оболенске — с. Пречистенское (около 200 четв.) — принадлежала в 1620-х гг. И. М. Птицыну-Долгорукому, за которым числились также приданая вотчина в Московском у., старое отцовское поместье в Воротынском у. и поместье в Московском у.³⁰⁴ Более крупным зем-

левладельцем был брат кн. М. И. Птицына кн. С. И. Долгорукий, вдова которого выставила в 1604 г. отряд из 10 всадников. Впоследствии его вотчины в Кашинском (160 четв.) и Звенигородском (250 четв.) уездах перешли к его зятю кн. А. Ф. Литвинову-Мосальскому.³⁰⁵ О принадлежавших ему родовых вотчинах в Оболенске мы ничего не знаем. Упоминается его поместье в Воротынском у.³⁰⁶

Представители старшей ветви князей Щербатых — сыновья М. В. Щербатого князя Дмитрий, Осип и Иван Михайловичи — служили в опричнице. В конце XVI—начале XVII в. при дворе служили сын Д. М. Щербатого Савва, сыновья и внук О. М. Щербатого Лука и Иван Осиповичи и Василий Петрович, а также младший из братьев-опричников И. М. Щербатый с сыновьями Григорием и Кондратом. Кн. С. Д. Щербатому в начале XVII в. принадлежало 266 четв. родовых вотчин в Оболенском у. и 500 четв. поместий.³⁰⁷ В оболенской писцовой книге 1627—1629 гг. родовая вотчина, половина с. Кутепова (217 четв.), числится за его сыном Федором.³⁰⁸ О поместьях С. Д. Щербатого определенных сведений нет. У кн. Л. О. Щербатого в земляном списке 1613 г. показано 578 четв. вотчин старых и новых, пожалованных за московское осадное сидение. Его старинных родовых вотчин в Оболенске, по писцовой книге, было всего 100 четв., а 153 четв. вотчинной земли в Оболенском у. досталось ему после кн. В. Г. Щербатого.³⁰⁹ Упоминаются выслуженные вотчины («за царя Васильево сидение») Л. О. Щербатого в Ярославском и Старицком уездах и его подмосковное поместье.³¹⁰ В XVII в. за ним, его сыном и племянником числились поместья в Белозерском у.³¹¹ Его брат кн. И. О. Щербатый имел в 1613 г. 518 четв. старых и выслуженных вотчин. Его имения к 1620-м гг. перешли к сыну Тимофею, которому принадлежали родовая вотчина в Оболенске (в селах Кутепове и Федоровском по жеребью, всего 84 четв.), отцовские поместья и выслуженная вотчина в Ярославском у. и поместье в Оболенске.³¹² За племянником Л. О. и И. О. Щербатых кн. В. П. Щербатым в земляном списке 1613 г. числилось 558 четв. старых и выслуженных вотчин и 120 четв. старых поместий. Он владел родовой вотчиной в Оболенском у. (половиной с. Буженинова, 70 четв.), выслуженной вотчиной и старым отцовским поместьем в Ярославском у. и закладной вотчиной матери и поместьем в Галичском у.³¹³ За младшими сыновьями кн. И. М. Щербатого Нефедом и Федором и его внуком Давыдом Кондратьевичем в 1620-х гг. значилась родовая вотчина в Оболенске, половина с. Кутепова (265 четв.), а часть этой вотчины (38 четв.) старший сын И. М. Щербатого кн. Григорий дал в приданое своей дочери, вышедшей замуж за кн. И. Ф. Деева.³¹⁴ Известны вотчина И. М. Щербатого в Рязанском у. и его поместье в Бежецком Верхе, а также вотчина в Московском у., принадлежавшая его сыну Кондрату.³¹⁵ Другая линия рода Щербатых (потомство кн. Александра Васильевича) была представлена при дворе конца XVI—начала XVII в. кн. Меркурием Александровичем (умер в самом начале XVII в., не оставив потомства) и его племянником кн. И. Г. Щербатым. Упоминаются поместья М. А. Щербатого

в Тверском у., где он был писцом и судьей, и в Медынском у.³¹⁶ Родовые вотчины кн. И. Г. Щербатого в Оболенске после его смерти (в 1607 г.) перешли к его сыну Ивану (половина с. Федоровского, 306 четв.), а часть их досталась кн. Л. О. Щербатому.³¹⁷ Поместья И. Г. Щербатого находились в Оболенском и Верейском уездах.³¹⁸ Не были богатыми землевладельцами, судя по данным росписи 1604 г., представители младшей ветви рода — кн. Василий Григорьевич и его племянники Михаил и Иван Андреевичи Щербатые; первый выставил в 1604 г. в поход 5 конных воинов, а братья М. А. и И. А. Щербатые вместе — 8 всадников. Родовые вотчины кн. В. Г. Щербатого в Оболенске перешли впоследствии частично к его душеприказчику кн. Л. О. Щербатому (153 четв.), а частично к его внучатым племянникам князьям О. И. и Д. И. Щербатым (213 четв.).³¹⁹ Его поместье упоминается в Угличском у.³²⁰ У кн. М. А. Щербатого сыновей не было, и его вотчина в Оболенске (жеребей с. Ивашковичи) перешла к его зятьям кн. И. А. Засекину и С. Бахтееву (всего 124 четв.).³²¹ За сыновьями кн. И. А. Щербатого Осипом и Дмитрием в 1620-х гг. в Оболенском у. числилась родовая (отцовская) вотчина — четь сельца Ивашковичи и четь с. Федоровского (255 четв.), а позже к ним перешли и вотчинные земли кн. В. Г. Щербатого (213 четв.).³²²

Представитель младшей ветви рода Оболенских кн. В. П. Тростенский в 1604 г. выставил в поход 14 всадников. В земляном списке 1613 г. за его сыновьями Григорием и Афанасием значатся отцовские родовые вотчины в Оболенске (600 четв.) и Малом Ярославце (147 четв.). Со смертью кн. А. В. Тростенского род пресекся. В 1620-х гг. их родовая вотчина в Оболенске — с. Кольщево (600 четв.) — числилась за его вдовой княгиней Марьей.³²³ Известно подмосковное поместье А. В. Тростенского.³²⁴

Из князей Литвиновых-Мосальских (старшая ветвь рода) в рассматриваемое нами время служили князья Василий Васильевич и его племянник Федор Иванович с сыном Василием. В 1620-х гг. их родовые вотчины сосредоточились в руках кн. А. Ф. Литвинова-Мосальского (младший сын Ф. И. Литвинова), последнего представителя этой ветви рода. По писцовой книге 1627/28 г., ему принадлежало 1604 четв. вотчинной земли в Мосальском у.³²⁵ Известно, что его дед кн. И. В. Литвинов имел в Мосальске в 1556 г. всего 660 четв. вотчинной земли.³²⁶ Что касается владений князей Литвиновых в других уездах, то источники сообщают о вотчинах кн. Василия Васильевича в Московском (93 четв.) и Коломенском (155 четв.) уездах, старинной вотчине кн. Андрея Федоровича в Дмитровском у. (168 четв.) и о подмосковном поместье В. Ф. и А. Ф. Литвиновых-Мосальских.³²⁷ Князья Кольцовы-Мосальские были представлены при дворе конца XVI—начала XVII в. князьями Владимиром Васильевичем и его сыновьями Иваном и Андреем. Все они умерли в Смуту, и родовые владения перешли к младшему сыну Вл. В. Кольцова Григорию, за которым в земляном списке 1613 г. числились старинные вотчины в Мосальске и Медыни (всего 3463 четв.). В медынской платежнице 1586—1587 гг. упомянута вотчина Вл. В. Коль-

цова-Мосальского размером около 550 четв.³²⁸ Основные же вотчины князей Кольцовых располагались в Мосальском у. В 1620-х гг. они сосредоточились в руках внука Вл. В. Кольцова кн. М. А. Кольцова-Мосальского, за которым, по писцовой книге 1627/28 г., числилось в Мосальском у. 2400 четв. вотчинной земли.³²⁹ Возможно, часть этих обширных вотчин Кольцовы-Мосальские получили в годы Смуты, когда кн. Вл. В. Кольцов был удостоен высшего боярского чина. Известно также подмосковное поместье кн. Вл. В. Кольцова-Мосальского.³³⁰ Представитель другой ветви Мосальских кн. Вл. И. Клубков в 1604 г. выставил в поход 8 конных воинов, т. е. имел 800 четв. вотчинной и поместной земли. Но в 1620-х гг. его сыновья П. В. и В. В. Клубковы-Мосальские владели уже 1640 четв. одних только мосальских вотчин их отца.³³¹ Можно полагать, что значительная часть этих вотчин была пожалована кн. Вл. И. Клубкову-Мосальскому после 1604 г., в Смуту, вероятно, из дворцовых земель. Есть сведения о его поместьях в Московском и Ржевском уездах, а за его княгиней Авдотьей числилась подмосковная вотчина (53 четв.), благословение ее дяди дьяка Второго Федорова, которую она завещала в 1607/08 г. сыну Петру.³³² Племянник Вл. И. Клубкова кн. И. Д. Клубков-Мосальский в 1604 г. выставил в поход 6 всадников. Он имел родовую вотчину в Мосальске, которая в 1620-х гг. числилась за его вдовой (500 четв.).³³³ Упоминается его поместье в Московском у.³³⁴ Другой племянник Вл. И. Клубкова кн. Иван Львович выставил в 1604 г. 3 всадников, а вдова его брата Василия Львовича — только 2 всадников. В 1627/28 г. И. Л. Клубкову и его племяннику Семену Васильевичу, сыну В. Л. Клубкова, принадлежало в Мосальском у. 400 четв. вотчинной земли.³³⁵ Кн. И. Л. Клубков-Мосальский владел в 1620-х гг. старым поместьем в Московском у.³³⁶ В конце XVI—начале XVII в. служили также сын О. Д. Мосальского Федор и потомки Александра Дмитриевича Ф. А. Гладыш с сыном Василием и племянником В. М. Рубцом. Кн. Ф. О. Мосальский умер в конце XVI в. и потомства не оставил. Известно только, что его отец имел в 1556 г. 1104 четв. вотчинной земли в Мосальском у.;³³⁷ возможно, эти земли были унаследованы кн. Федором Осиповичем. Кн. В. Ф. Гладышев-Мосальский выставил в 1604 г. 9 всадников. Его родовые вотчины в Мосальске к 1627/28 г. перешли к сыну Семену (с. Лунево, 500 четв.).³³⁸ В земляном списке 1613 г. за вдовой кн. М. А. Мосальского княгиней Марьей, матерью кн. В. М. Рубца Мосальского, числились вотчины в Мосальском (548 четв.) и Коломенском (сельцо Воронцово, 500 четв.) уездах.³³⁹ Впоследствии ее мосальская вотчина (с. Любилово, 500 четв.) досталась кн. С. В. Гладышеву-Мосальскому, а коломенская вотчина, сельцо Воронцово (прежде, в 1577 г., принадлежала Д. И. Черемисинову), была куплена у нее в 1614 г. И. Н. Романовым.³⁴⁰ Известна также ее вотчина в Московском у. (с. Хинское, 230 четв.), которую она дала в Троице-Сергиев монастырь в 1612 г. по своей дочери Анне, жене Я. В. Зюзина.³⁴¹ Возможно, этими вотчинами ранее владел ее сын кн. В. М. Рубец Мосальский, умерший в 1611 г. Упоминаются его во-

тчины в Рязанском и Пошехонском уездах и поместья в Московском, Козельском и Мещевском уездах, история которых не вполне ясна.³⁴² Не были богатыми землевладельцами представители младшей ветви Мосальских — князья Горбатые-Мосальские. В 1604 г. вдова кн. Вл. И. Горбатого выставила 4 всадников, вдова кн. Д. И. Горбатого — 6, а их племянник кн. Д. В. Горбатый-Мосальский — 5 конных воинов. В начале XVII в. эта ветвь пресеклась. Родовая вотчина Д. И. Горбатого (300 четв.) была отказана в 1613/14 г. его вдовой зятю кн. И. Ф. Троекурову; другие вотчины князей Горбатых-Мосальских перешли в Боровенский монастырь.³⁴³ Есть сведения о подмосковном поместье кн. Д. В. Горбатого-Мосальского.³⁴⁴

Мы видели выше, что князья Мосальские в 1620-х гг. не владели большей частью территории в родовом уезде. В досмутное время они вряд ли были более богатыми родовыми вотчинниками.

От князей тверского рода происходил боярин кн. А. А. Телятевский. Его предок кн. М. Ф. Телятевский в начале XVI в. подвергся опале и, очевидно, утратил родовые вотчины в Твери.³⁴⁵ В Дворовой тетради дед А. А. Телятевского кн. Петр Иванович с братом Василием и сыном Андреем упомянуты как «ярославские помещики». Кн. В. И. Телятевский в ярославской писцовой книге 1620-х гг. действительно фигурирует как бывший помещик этого уезда.³⁴⁶ В боярской книге 1556 г. за ним значатся только поместья (300 четв.), а вотчин не было.³⁴⁷ В дальнейшем, в годы опричнины и при Борисе Годунове, Телятевские сделали успешную карьеру при дворе, что способствовало их обогащению. К концу XVI в. им была пожалована треть г. Микулина, находившаяся в 1588/89 г. во владении кн. А. А. Телятевского; остальные две трети Микулина выкупил из казны его сын Федор в XVII в.³⁴⁸ Прежде Микулин принадлежал сородичу А. А. Телятевского кн. С. И. Микулинскому, умершему до начала 1560-х гг., а в духовной Ивана IV этот город завещался царевичу Ивану Ивановичу.³⁴⁹ Кн. А. А. Телятевский владел в конце XVI—начале XVII в. в Микулинском ст. Тверского у. также селами Никольским и Ошурковым.³⁵⁰ С. Никольское в 1566/67 г. было отдано в Троице-Сергиев монастырь вдовой кн. С. И. Микулинского, а в 1576 г. выкуплено из монастыря матерью А. А. Телятевского княгиней Ксенией.³⁵¹ За сыном А. А. Телятевского Федором в 1620-х гг. значились старинные вотчины в Суземском (д. Кашино) и Воловицком (с. Петровское) станах Тверского у.³⁵² Всего за кн. А. А. Телятевским в Тверском у. числилось 1103 четв. вотчинной земли.³⁵³ Крупные вотчины (1073 четв.) в Сузальском у. — села Петрово городище, Микульское и Колбацкое — еще в 1570-х гг. принадлежали ему с братом Яковом и матерью княгиней Аксиньей.³⁵⁴ Эти вотчины были пожалованы княгине Аксинье с детьми «против» стародубской вотчины — с. Сараева (Сарыева).³⁵⁵ В 1567 г. с. Сарыево числилось за ее мужем кн. А. П. Телятевским-Микулинским.³⁵⁶ Эта вотчина, принадлежавшая прежде князьям Стародубским (Ромодановским?) и перешедшая к 1566 г. в казну,³⁵⁷ была пожалована, очевидно, А. П. Телятевскому в годы опричнины, около 1566—1567 гг. В конце XVI—начале XVII в. кн. А. А. Телятев-

ский владел крупными поместьями в Ростовском и Козельском уездах (всего 1047 четв.) и подмосковным поместьем (по даче 1600/01 г., 160 четв.).³⁵⁸

Из князей рязанского рода Пронских к концу XVI в. оставались лишь представители захудальных ветвей. В 1580-х гг. в выборе по Дорогобужу служил кн. И. В. Рыбин-Пронский. Его отец кн. В. Ф. Рыбин, дворовый по Костроме и Рузе в 1550-х гг., не только не достиг высоких постов, но и вообще не упоминается в разрядах; был казнен Грозным, и его имения, очевидно, перешли в казну. Характерно, что за его сыном И. В. Рыбиным-Пронским и внуком П. И. Рыбиным-Пронским в конце XVI—начале XVII в., судя по данным земельного списка 1613 г., вовсе не значилось вотчин.³⁵⁹ Основные поместья кн. И. В. Рыбина, служившего по Дорогобужу, очевидно, располагались в этом уезде. В интересующее нас время при дворе служили также потомки кн. Ф. Д. Пронского, связавшего судьбу с уделом князей Старицких, князья Василий Константинович и его племянник Василий Романович Пронские. В. К. Пронский с братом Андреем упоминаются по Старице в Дворовой тетради. В конце XVI в. братья В. К. и Р. К. Пронские владели вотчинами в Старицком у., которые к 1620-м гг. частично перешли к сыну Р. К. Пронского кн. В. Р. Пронскому, а частично оказались за монастырями и в порозжих землях (всего в них было около 400 четв.).³⁶⁰ Упоминаются поместье В. К. Пронского в Вяземском у. и старое отцовское поместье В. Р. Пронского в Романовском у.³⁶¹

Князья черниговского рода — Мезецкие, — перешедшие на московскую службу в конце XV в., не сделали успешной карьеры при дворе и в Думу в XVI в. не попали. В начале XVI в. они лишились своего родового гнезда — Мещевска (Мезецка), утратили положение служилых князей. Кн. М. Р. Мезецкой получил тогда взамен своих владений в Мещевске в вотчину Алексинскую волость в Стародубе Ряполовском.³⁶² Его сыновья владели в первой половине века отцовскими вотчинами — селами Алексиным, Васильевским, Лучким в Стародубском у. и с. Глумовым в Сузdalском у. (на р. Вой mage).³⁶³ Это были весьма крупные вотчины. Только в с. Алексине, к которому примыкали 70 с лишним деревень, починков и пустошей, числилось 2866 четв. земли, а к с. Лучкину тянуло 32 деревни с починками и пустошами.³⁶⁴ К концу XVI в. основная часть этих вотчин (села Алексино, Лучкино и Глумово) перешла в монастыри.³⁶⁵ Служивший при дворе в конце XVI—начале XVII в. правнук М. Р. Мезецкого кн. И. Ю. Шапкин-Мезецкой из родовых вотчин владел только с. Васильевским, треть которого перешла затем к его вдове, третья — к дочери Анне, а третья — к его сородичу кн. Р. М. Мезецкому.³⁶⁶ Всего в этой вотчине насчитывалось 363 четв. земли — жалкие остатки прежних владений Мезецких в Стародубе. Известно также поместье И. Ю. Шапкина-Мезецкого в Стародубском у.³⁶⁷ Родональчик другой ветви Мезецких кн. Семен Романович, брат М. Р. Мезецкого, после ликвидации удела в Мещевске получил, по-видимому, земли в Можайске. В середине XVI в. его сыновья и внуки служили по Можайску и имели там во-

тчины и поместья.³⁶⁸ В годы опричнины князья Мезецкие были выселены из уезда. Только при царе Федоре кн. Д. И. Мезецкой получил вотчину в Можайском у. в компенсацию за вотчину, конфискованную в опричнину у его отца.³⁶⁹ В земляном списке 1613 г. за Д. И. Мезецким числилась 791 четв. старых и выслуженных вотчин. В первой трети XVII в. ему принадлежали помимо упомянутой мажайской вотчины (сельцо Введенское, 437 четв.) приданые вотчины в Боровском (405 четв.) и Московском (37 четв.) уездах, вотчина в Переяславском у. (834 четв.), отказанная ему кн. М. Д. Охлябининым (братьем его матери), и вотчина в Рузском у., которую он «вытегал» у М. Г. Салтыкова.³⁷⁰ Значительная часть этих вотчин — очевидно, уже послесмутные приобретения. Упоминаются поместья Д. И. Мезецкого в Козельском и Мещевском уездах.³⁷¹ За его троюродным братом кн. Н. М. Мезецким в 1613 г. значилось 195 четв. старых вотчин. Видимо, это была его старинная вотчина в Рузском у., в которой, по письму и мере 1625—1626 гг., числилось 205 четв.³⁷² В рузской писцовой книге 1567—1569 гг. эта вотчина записана за его отцом кн. М. В. Мезецким, а прежним владельцем указан кн. Ф. И. Немой.³⁷³ Кн. М. В. Мезецкой служил в середине XVI в. по Можайску. Возможно, вотчину в Рузе он получил взамен конфискованной у него мажайской вотчины. Другой его сын кн. Р. М. Мезецкой получил после кн. И. Ю. Шапкина-Мезецкого его вотчину в Стародубе — треть с. Васильевского. Известны поместья братьев Н. М. и Р. М. Мезецких в Московском, Серпейском, Пошехонском и Брянском уездах.³⁷⁴ Представитель старшей ветви рода кн. Б. И. Мезецкой в середине XVI в. служил по Мурому. Упоминается его данная 1576 г. в Борисоглебский монастырь на вотчину в Муроме; муромское поместье перешло после его смерти (в конце XVI в.) к вдове княгине Соломониде.³⁷⁵ Сородич Б. И. Мезецкого (троюродный племянник) кн. Д. Д. Мезецкой служил в конце XVI—начале XVII в. по Юрьеву; здесь упоминаются поместья его сыновей князей Фомы и Андрея, а его вдова владела прожиточным поместьем в Муромском у.³⁷⁶ Сведений об их старинных вотчинах мы не имеем.

Как заметил А. А. Зимин, на службе при дворе в XVI в. продвинулась лишь младшая ветвь князей Звенигородских (князья Ноздроватые и Ноздроватые-Токмаковы), тогда как представители старшей ветви рода, связанные с уделами, успешной карьеры не сделали.³⁷⁷ Кн. И. Ю. Токмаков (последний из Токмаковых, погиб в 1590 г.) владел вотчинами в Коломенском, Кашинском и Московском уездах.³⁷⁸ В 1560-х гг. за его отцом значилась крупная вотчина в Рузском у. (1166 четв.), а в 1620-х гг. она находилась уже за Голутвиным монастырем.³⁷⁹ Когда эта вотчина перешла в монастырь, мы не знаем. Поместья И. Ю. Токмакова располагались в Каширском у. (865 четв.);³⁸⁰ по Кашире же служил в середине века и его отец. Кн. Г. А. Ноздроватый в 1588/89 г. записан в выборе по Серпейску и имел там и в Московском у. поместья.³⁸¹ В 1604 г. он выставил в поход только 4 всадников. Кн. И. А. Ноздроватый владел старинной вотчиной (156 четв., в 1620-х гг. значилась за сыном его Борисом) и поместьем в Коло-

менском у.³⁸² Кн. М. В. Ноздроватому (довольно заметному при дворе, часто упоминается в разрядах) принадлежали старинная родовая вотчина в Коломенском у. (половина с. Гравороны, 130 четв., другая половина села еще в 1540-х гг. перешла к Шереметевым) и поместья в Коломенском и Мещевском уездах.³⁸³ Многочисленное потомство кн. Г. А. Звенигородского (старшая ветвь рода) представлено при дворе конца XVI—начала XVII в. 13 человечками. Кн. И. А. Рюмин-Звенигородский служил прежде в уделе Юрия Ивановича. В Тысячной книге и Дворовой тетради значится по Кашину и Рузе. В 60—70-х гг. владел вотчинами в Рузском и Коломенском уездах и поместьем в Рузском у.; в 1580-х гг. служил Симеону Бекбулатовичу и получил земли в Тверском у.³⁸⁴ Кн. И. И. Барашев-Звенигородский, дворовый по Ржеву в 1550-х гг., также перешел в удел Симеона Бекбулатовича и получил поместье в Твери.³⁸⁵ Кн. Г. В. Звенигородский в середине XVI в. служил по Дорогобужу. Сохранил служебные и земельные связи с этим уездом и к концу века — в списке двора 1588/89 г. вместе с сыновьями Иваном и Семеном значится в выборе по Дорогобужу. Упоминаются его купленная вотчина в Рузском у. и поместье в Тверском у.³⁸⁶ Его сын Иван в 1580-х гг. служил Симеону Бекбулатовичу и, очевидно, в это время приобрел поместье и вотчину в Тверском у.³⁸⁷ Кроме того, он имел земли в Дорогобуже и Рузе, по которым значится в боярском списке 1588/89 г. Его брат Семен владел в 1620-х гг. в Рузском у. упомянутой вотчиной-куплей отца и старинной вотчиной; известно, что вотчинником Рузского у. был еще его прадед кн. М. И. Спячий-Звенигородский.³⁸⁸ Упоминаются также вотчина и поместье С. Г. Звенигородского в Московском у. и поместье в Дорогобуже.³⁸⁹ Братья В. А. и Ф. А. Звенигородские служили в 1588/89 г. по Дорогобужу, а И. А. Звенигородский — по Серпейску. За В. А. Звенигородским в 1613 г. значилось 112 четв. старых вотчин, а за Ф. А. Звенигородским — 30 четв.; первому из них принадлежала вотчина в Рузском у., а второму — в Московском у.; известны их подмосковные поместья.³⁹⁰ Братья А. Д. и М. Д. Звенигородские числились в 1588/89 г. в выборе по Серпейску, а Н. Д. Звенигородский — по Дорогобужу. В 1604 г. вдова А. Д. Звенигородского выставила только 2 всадников, а сын его Юрий — 3 конных воинов; сын Н. Д. Звенигородского Петр выставил всего одного воина. Старинных вотчин за ними мы не встречаем.

От старшей ветви рода Гедимина происходили князья Хованские и Булгаковы (Голицыны и Куракины), потомки литовского князя Патрикея Наримонтовича, выехавшего на Русь в начале XV в.

Из Голицыных при дворе в рассматриваемое время находились сыновья кн. Ивана Юрьевича Иван и Андрей и их дядя кн. Василий Юрьевич (умер в 1585 г.) с сыновьями Василием, Иваном и Андреем. О владениях кн. И. И. Голицына сведений немного — упоминаются лишь его поместья в Московском и Дедиловском уездах.³⁹¹ Больше известно о землевладении его брата Андрея. В 1604 г. вдова А. И. Голицына выставила 16 всадников. В земельном списке 1613 г. за его сыновьями Иваном и Андреем с матерью значится

1058 четв. старых вотчин. Часть его вотчин перешла к дочерям Ирине и Федоре. В 1620-х гг. за ними числились его вотчины в Московском (купленная и, очевидно, приданая, 100 и 73 четв.), Коломенском (38 четв.), Каширском (приданая жены, 250 четв.), Боровском (454 четв.) и Тарусском (пожалована А. И. Голицыну в 1589 г. «за службу», 250 четв.) уездах; кроме того, А. И. Голицын владел небольшой звенигородской вотчиной, купленной им в 1585/86 г. и проданной в 1592/93 г.³⁹² Его отец и дядя князья И. Ю. и В. Ю. Голицыны в середине XVI в. служили по Переяславлю. Но в конце XVI—первой трети XVII в. поместий и старинных вотчин Голицыных в Переяславском у. мы уже не встречаем. Известно, что при Иване IV кн. И. Ю. Голицын был пожалован крупным поместьем в Дедиловском у. (1143 четв.), перешедшим затем к его сыновьям.³⁹³ Возможно, это была компенсация за утраченные (конфискованные в опричнину?) поместья в Переяславле. Нет полных данных о досмутном землевладении кн. В. Ю. Голицына и его сыновей. В земляном списке 1613 г. за кн. В. В. Голицыным, находившимся в польском плену, числилось 925 четв. вотчинной и 900 четв. поместной земли, а за его братом Иваном — 2956 четв. вотчинной и 1231 четв. поместной земли. О вотчинах и поместьях В. В. Голицына почти ничего не известно. Упоминается его поместье в Новоторжском у.³⁹⁴ Кн. И. В. Голицын в 1604 г. выставил со своих владений, «оприч Дорогобужской и Вяземской земли», всего 9 всадников. Значительную часть его обширных вотчин в 1613 г. составляли, очевидно, поздние пожалования; возможно, к нему перешли частично и вотчины его брата Андрея, убитого в Москве в 1611 г. Упоминаются вотчины И. В. Голицына в Муромском и Арзамасском уездах.³⁹⁵ До Смуты владел поместьем в Костромском у. и землями (видимо, поместьями) в Дорогобужском и Вяземском уездах.³⁹⁶ Есть также сведения о его поместьях (владел, очевидно, в разное время) в Московском, Ярославском, Ростовском, Новоторжском, Чернском, Вологодском и Арзамасском уездах.³⁹⁷ За вдовой кн. А. В. Голицына княгиней Марьей Васильевной в земляном списке около 1613 г. числятся вотчина мужа в Дорогобужском у. (963 четв.), которая была пожалована ему в 1607/08 г. (какие-то дорогобужские владения были за ним еще в конце XVI в.), и его вологодское поместье (581 четв.).³⁹⁸ В Московском у. А. В. Голицыну принадлежали приданая вотчина его жены (дочери В. П. Морозова) и поместье.³⁹⁹

Довольно крупным землевладельцем был кн. И. С. Куракин. В 1604 г. он выставил 32 всадника, а в 1613 г. за ним числилось 3586 четв. старых вотчинных земель и земель, пожалованных ему при царе Василии из владений П. Ф. Басманова. Костяк его вотчин составляли не родовые, а приданые вотчины. В Ростовском у. за ним числились отцовская приданая вотчина и земли, которые И. С. Куракин выкупил у князей Татевых (всего 1880 четв. земли).⁴⁰⁰ Он владел также вотчинами в Костромском (412 четв.), Московском (приданая от тестя кн. И. С. Туренина, 83 четв., и, видимо, купля, 118 четв.) и Галичском (614 четв., досталась после П. Ф. Басманова, его свояка) уездах; в конце XVI в. ему принадлежало также

с. Пружинино Нерехотского ст. Костромского у. (вотчина, или поместье?).⁴⁰¹ Кн. А. П. Куракин владел вотчинами в Московском (252 четв.) и Кашинском (250 четв.) уездах.⁴⁰² В 1613 г. за ним числилось 595 четв. вотчинной земли. Известно также, что его сын Михаил владел вотчинами в Муромском и Коломенском уездах, а другой сын, Семен, — приданой вотчиной в Коломенском у.⁴⁰³ Дядя А. П. Куракина кн. Г. А. Куракин получил по духовной С. Д. Пешкова-Сабурова в 1560 г. крупную вотчину в Костромском у., которую он отдал в 1569/70 г. в монастырь.⁴⁰⁴ О других его вотчинах мы не знаем. Как и Голицыны, Куракины служили в середине XVI в. по Переяславлю, но к концу века они утратили земельные связи с этим уездом, получив поместья в других городах, главным образом на юге и востоке страны. Кн. А. П. Куракин был испомещен в Рязанском и Мещерском краях, а позднее (к 1613 г.) получил поместье в Медынском у.⁴⁰⁵ Владения (поместья) Г. А. Куракина, длительное время служившего воеводой в Казани, располагались в конце века в Казанском, Нижегородском и Арзамасском уездах.⁴⁰⁶ Поместья Куракиных упоминаются также в Московском у.⁴⁰⁷

В целом князья Булгаковы (Голицыны и Куракины) выступают как довольно крупные вотчинники, но основу их владений составляли не старинные родовые, а приданые, жалованные и купленные вотчины.

Князья Хованские, происходившие от старшей ветви рода Гедимина, не сделали, однако, успешной служебной карьеры и подвизались в уделах. О землевладении кн. Б. П. Хованского и его сына Ивана (эта линия пресеклась в конце XVI в.) сведений мало. Известно, что в 70—80-х гг. они служили в тверском уделе Симеона Бекбулатовича и владели в связи с этими землями в Тверском у.⁴⁰⁸ Не были богатыми землевладельцами племянники Б. П. Хованского князья И. А. Большой, Н. А. и И. А. Меньшой Хованские, выставившие в 1604 г. со своих владений соответственно 4, 5 (кроме Вяземской земли) и 4 всадников. В 1613 г. за кн. И. А. Большим числилось 106 четв. старых вотчинных земель. Упоминаются его вотчина во Владимирском у. и поместье в Ярославском у.⁴⁰⁹ Известны поместья Н. А. Хованского в Вяземском, Ржевском и Новоторжском уездах.⁴¹⁰ За кн. А. А. Хованским, младшим из сыновей А. П. Хованского, в первой трети XVII в. числилась вотчина в Волоцком у., родовом гнезде Хованских (150 четв.). Но судьба ее не совсем ясна. Известно, что после А. П. Хованского (умер в 1578/79 г.) вотчина находилась за В. С. Сущовым. Упоминаются также поместья А. А. Хованского в Московском, Ростовском и Сузdalском уездах.⁴¹¹ Представитель младшей ветви рода кн. И. Ф. Хованский в 1604 г. выставил 11 всадников. Он владел вотчинами во Владимирском, Муромском и Дмитровском уездах, но это были не старинные родовые, а приданые вотчины его жены.⁴¹² Он владел также подмосковным поместьем и поместьем в Тверском у., возможно, принадлежавшим еще его деду кн. Д. В. Хованскому, который служил в уделе Симеона Бекбулатовича Тверского.⁴¹³

По-разному сложилась к началу XVII в. судьба землевладения виднейших родов старомосковского боярства.

Стремительная карьера Годуновых в последней трети XVI в. выдвинула членов этой фамилии в число крупнейших земельных собственников государства. Огромные земельные богатства, судя даже по неполным данным, сосредоточил в своих руках боярин Д. И. Годунов. Только в Луговой половине Костромского у. в 1595—1597 гг. за ним числилось около 2500 четв. вотчинной земли; основная ее часть была пожалована ему царем Федором в 1584/85 г.⁴¹⁴ Следует учесть при этом, что ряд сел и деревень боярина в Костромском у. еще до середины 90-х гг. перешел в монастыри.⁴¹⁵ Крупная вотчина была пожалована Д. И. Годунову (видимо, при Федоре Ивановиче) в Рязанском у. — села Ижевск и Киструсь (1400 четв.); прежде, в 1530—1570-х гг., это были дворцовые бортные села.⁴¹⁶ В Кащинском у. за ним значились купленная вотчина (359 четв.) и вотчина (393 четв.), происхождение которой неясно.⁴¹⁷ В Горетове ст. Московского у. он владел купленной вотчиной (93 четв.) и вотчиной (с. Путилово, очевидно, пожалованной ему из дворцовых земель).⁴¹⁸ В 12 верстах от Москвы вниз по р. Москве находилась его богатая вотчина — с. Беседы.⁴¹⁹ Есть сведения о его купленных вотчинах во Владимирском и Дмитровском уездах.⁴²⁰ В Солигаличском у. Д. И. Годунову принадлежала Совьюжская волость.⁴²¹ При царе Федоре ему были пожалованы обширные и доходные области на севере страны — Тотьма и Чаронда с округами, Вешеозерская и другие волости в Белозерском у.⁴²² Упоминаются поместья Д. И. Годунова в Вяземском и Зубцовском уездах.⁴²³ За Борисом Федоровичем Годуновым в 1586/87 г. числились вотчины в Московском (купленное у С. Ф. и А. Ф. Третьяковых с. Хорошево, 113 четв.), Тверском (села Васильевское и Михайловское, 570 четв.), Бежецком (купленные и вымененные, 650 четв.) и Малоярославецком (приданая от тестя, Малюты Скуратова, и купли, всего 1757 четв.) уездах, а также подмосковное поместье (212 четв.) (всего 3302 четв. вотчинной и поместной земли).⁴²⁴ Известны и другие владения Бориса Годунова конца XVI в. Ему принадлежало знаменитое подмосковное село Вяземы с каменным храмом.⁴²⁵ Упоминается его купленная вотчина в Горетове ст. Московского у. — с. Кузьмодемьянское (71 четв.).⁴²⁶ В 1590-х гг., обустраивая свою вотчину, с. Борисово на Городище в Верейском у., он насиливо выменял у С. Р. и В. Р. Алферьевых соседние с этим селом их родовые верейские и можайские вотчины на свои вотчины в Московском и Звенигородском уездах.⁴²⁷ В 1597 г. купил у В. Киндырева за 300 и 150 руб. вотчины в Тверском у.⁴²⁸ В этом же году он променял дворянам Самойловым свою небольшую купленную вотчину в Устюженском у.⁴²⁹ В 1585/86 г. променял Симонову монастырю свою вотчину в Дмитровском у. (с. Трусово) на монастырскую вотчину в Московском у. (с. Жданское).⁴³⁰ В 1583/84 г. Борис дал в Иосифо-Волоколамский монастырь старицкую вотчину (с. Неверово), полученную им в 1575 г. «за бесчестье» от кн. Б. Д. Тулупова.⁴³¹ Упоминаются его вотчины в Угличском, Ростовском и Бельском

уездах и какие-то владения в Шацком и Дорогобужском уездах.⁴³² Из его владений в родовом Костромском у. конца XVI в. известна лишь вотчинная деревня Яхнево, которую он дал около 1589 г. в Ипатьев монастырь.⁴³³ Существует мнение, хотя и небесспорное, о пожаловании Борису Годунову при царе Федоре Ивановиче Комарицкой волости.⁴³⁴ Владел помимо подмосковного поместьем в Вяземском у.⁴³⁵ Известно, что его крестьяне «пахали» на господина большое количество государственных порозжих земель в Новгородском у.⁴³⁶ В 80-х гг. (между июлем 1586 г. и февралем 1587 г.) царь Федор пожаловал Бориса богатой волостью Вагой.⁴³⁷ Кроме Важской земли ему как конюшему и правителю поступали подати с разных областей страны. Все эти кормления, а также вотчины и поместья приносили ему необычайно огромные доходы.⁴³⁸

Богатыми землевладельцами были Григорий, Степан и Иван Васильевичи Годуновы. Основная часть вотчин Г. В. Годунова (умер в 1597 г.) перешла в качестве приданого к его дочери Анне (его зять П. Я. Урусов выставил в 1604 г. весьма крупный отряд всадников из 47 человек), часть досталась братьям и племянникам. Упоминаются его вотчины в Переяславском (624 четв.), Ростовском (400 и 676 четв.), Новоторжском (1060 четв., в том числе купленная или отнятая у В. Толстого), Рязанском (купля, 1000 четв.), Московском, Костромском уездах и какие-то владения в Дмитровском и Ярославском уездах.⁴³⁹ С. В. Годунову принадлежали вотчины в Угличском (300 четв.), Звенигородском (200 четв.), Московском (куплена у князей Елецких) и, видимо, Рузском уездах.⁴⁴⁰ Имел какие-то владения в Козельском у. и поместья в Вяземском у. (967 четв.).⁴⁴¹ В Костромском у. встречаем вотчину сына боярского С. В. Годунова — Г. И. Шапкина.⁴⁴² Вместе с братом Иваном владел вотчиной в Рязанском у. (1500 четв., часть этой вотчины была прежде за их братом Григорием).⁴⁴³ В Арзамасском у. С. В. и И. В. Годуновым было пожаловано из дворцовых земель с. Степановское.⁴⁴⁴ Вотчины И. В. Годунова встречаем в Рязанском, Ростовском, Переяславском, Старицком, Московском, Костромском, Коломенском (в том числе пожалованная ему вотчина Ф. В. Шереметева) и Арзамасском уездах.⁴⁴⁵ Упоминается его владение (с. Поплевино) в Рязанском (?) у.⁴⁴⁶ За сыном Иваном значатся старая (отцовская?) вотчина в Тарусском у. (230 четв.) и бывшая вотчина-купля Г. В. Годунова в Ростовском у. (676 четв.), возможно, перешедшая первоначально к И. В. Годунову.⁴⁴⁷ В 1620-х гг. невестка И. В. Годунова Ирина Никитична владела вотчинами в Левиценском (1252 четв.) и Песоченском (238 четв.) станах Коломенского у. и вотчиной во Владимирском у. (с. Елсуфьево, 476 четв.).⁴⁴⁸ Были ли это старинные вотчины Годуновых, мы не знаем. В 1595/96 г. И. В. Годунов получил крупное поместье в Белевском у. (1260 четв.); упоминаются также его поместья в Московском, Козельском и Арзамасском уездах.⁴⁴⁹

Прочие Годуновы особо крупными землевладельцами не были. Царь Борис не слишком жаловал своих младших сородичей вотчинами. Не принадлежали к числу богатых вотчинников братья

Андрей, Семен и Иван Никитичи Годуновы, по крайней мере первый и последний из них. Сын А. Н. Годунова (умер к началу XVII в.) Иван выставил в 1604 г. всего 5 всадников, столько же всадников выставил со своих владений, кроме Вяземской земли, И. Н. Годунов. В 1620—1630-х гг. родовые вотчины в Костромском (123 четв.) и Переяславском (количество земли неизвестно) уездах сосредоточились в руках И. А. Годунова, который владел также приданой вотчиной матери в Рузском у. (123 четв.).⁴⁵⁰ О размерах владений С. Н. Годунова определенных сведений нет. Он владел вотчинами в Московском (с. Олешкино), Звенигородском (купля 1600/01 г., 200 четв.) и Костромском (очевидно, купленная у Родионовых) уездах.⁴⁵¹ Поместья братьев А. Н., С. Н. и И. Н. Годуновых располагались в Вяземском, Ржевском, Костромском, Козельском, Рязанском и Рузском уездах.⁴⁵² Я. М. Годунов выставил в 1604 г. со своих владений, кроме Вяземской земли, 9 всадников. Упоминаются его приданая вотчина в Угличском у., купленная вотчина в Бежецком Верхе и вотчина в Тверском у. — сельцо Родионово (бывшее в 1580 г. в дворцовых землях?); владел поместьями в Вяземском и Ржевском уездах.⁴⁵³ В 1604 г. вдова А. И. Язкина-Годунова Олена (значится по Ярославлю) выставила 3 всадников, а его сын Федор — 4 («оприч Вяземской земли»). Упоминаются приданая вотчина Олены Годуновой, дочери В. Г. Зюзина, в Угличском у. (238 четв.) и ее вотчина (отца или мужа?) в Московском у. (30 четв.).⁴⁵⁴ А. И. Язкину принадлежали какое-то владение в Московском у. и поместья в Вяземском у.⁴⁵⁵ Внуки Осипа Осана Годунова М. М., И. М., Н. В. и П. В. Годуновы сохраняли в конце XVI—начале XVII в. родовую вотчину в Дуплексе ст. Костромского у. — с. Юрьевское.⁴⁵⁶ За М. М. Годуновым числились также вотчинная деревня Бурино в Андомском ст., вотчина-купля в Сорохотовской волости (149 четв.) Костромского у. и поместья в Московском и Костромском уездах.⁴⁵⁷ И. М. Годунов владел вотчинами в Сущеве ст. Костромского у. (32 четв.), в Угличском (154 четв.) и Московском (156 четв.) уездах и поместьями в Московском и Костромском уездах.⁴⁵⁸ Н. В. Годунов выставил в 1604 г. со своих владений, кроме Вяземской земли, 20 всадников. Очевидно, к нему перешли и вотчины его бездетного брата, умершего в 1599 г., — в XVII в. за сыном Н. В. Годунова числились как отцовские вотчины, так и вотчины дяди. Упоминаются вотчины Н. В. Годунова в Костромском, Владимирском, Угличском, Устюженском, Старицком и Московском (Манатине ст.) уездах, совместная с братом Петром вотчина-купля в Горетове ст. Московского у. и поместья Н. В. Годунова в Московском, Вяземском и Старицком уездах.⁴⁵⁹ П. В. Годунову в конце века принадлежали вотчины в Костромском, Рязанском и Московском уездах и поместья в Московском, Вяземском, Ржевском и Рязанском уездах.⁴⁶⁰

Родонаачальник старшей ветви Сабуровых С. И. Вислоух в конце XV в. был испомещен в Новгороде,⁴⁶¹ и, вероятно, в связи с этим он и его потомки утратили родовые вотчины в Костромском у. — сведений о них в XVI—первой трети XVII в. мы не встречаем.

В рассматриваемое нами время Вислоуховы-Сабуровы крупными землевладельцами-вотчинниками не были, почти отсутствуют упоминания об их старинных вотчинах. За виднейшими из них — боярином Б. Ю. Сабуровым и его сыном Михаилом — значатся лишь приданые вотчины в Рузском, Ярославском и Костромском уездах; возможно, приданой была и вотчина М. Б. Сабурова — с. Фоминское Московского у., принадлежавшее некогда Упинским, родственникам его жены Мары.⁴⁶² В XVI в. вдова М. Б. Сабурова Ульяна (2-я жена?) владела купленной вотчиной в Угличском у. и небольшой старинной (своей или мужа?) вотчиной в Сузdalском у.⁴⁶³ За Б. Ю. Сабуровым в 1590-х гг. числились поместья в Вяземском и Ржевском уездах (всего 995 четв. при окладе 1000 четв.), ранее он владел поместьем в Арзамасском у., упоминается его подмосковное поместье.⁴⁶⁴ М. Б. Сабуров имел поместья в Орловском и Козельском уездах.⁴⁶⁵ Не было, вероятно, старинных вотчин у племянника Б. Ю. Сабурова Г. В. Сабурова и сына его Петра, за последним числились в 1632 г. лишь жалованная вотчина в Галичском у. и, вероятно, выслуженные вотчины в Вязьме и Можайске. Поместья их находились в Вяземском и Пусторжевском уездах.⁴⁶⁶ Вдова бездетного М. К. Сабурова выставила в 1604 г. только одного всадника, упоминается по Ярославлю. Только поместья (в Московском и Вяземском уездах) мы встречаем у окольничего И. И. Сабурова и его сына Замятни.⁴⁶⁷ Б. С. Сабуров в 1604 г. выставил всего 6 конных воинов. Он владел поместьем в Ржевском у., а его брат Григорий — поместьем в Козельском у.; сын Б. С. Сабурова Степан «сказал за собой» в 1632 г. купленные отцовские вотчины в Кашинском и Луховском уездах.⁴⁶⁸ Е. И. и Т. И. Сабуровы выставили в 1604 г. со своих владений, кроме Вяземской земли, соответственно 13 и 7 всадников. Известно о купленных вотчинах Е. И. Сабурова в Переяславском и Верейском уездах и вотчинах в Дмитровском и Московском уездах, происхождение которых неясно; в начале XVII в. владел поместьем в Шелонской пятине.⁴⁶⁹ В. Ф. Папин-Сабуров имел поместья в Вяземском у. и какие-то земли во Владимирском у.⁴⁷⁰ Не был богатым землевладельцем его брат окольничий С. Ф. Папин-Сабуров (умер бездетным в 1601 г.) — его вдова выставила в 1604 г. только 2 всадника. Упоминаются лишь его поместья в Московском, Ржевском и Новоторжском уездах.⁴⁷¹ Ж. С. и Б. С. Сабуровы владели поместьями в Московском, Можайском, Пусторжевском и, вероятно, Ростовском уездах, за сыном последнего Никоном находилась в 1632 г., по его «скаске», вотчина его дяди Ж. С. Сабурова в Рузском у. (108 четв.), происхождение которой неизвестно.⁴⁷² Помимо Вислоуховых на службе при дворе в конце XVI—начале XVII в. встречаем представителей младшей ветви рода Сабуровых (потомство Константина Сверчка) — Никифора Федоровича и сына его Ивана Сабуровых. В первой половине XVI в. потомки Константина Сверчка еще владели родовыми вотчинами в Костромском у.,⁴⁷³ но к концу века они полностью порывают связи с родовым гнездом. И. Н. Сабуров выставил в 1604 г. 18 конных воинов. Основу его владений составляли не костромские вотчины, а вотчины в Ново-

торжском у., где за ним числилось, по писцовой книге, 1392 четв. земли. В новоторжской писцовой книге в порозжих землях упоминается также крупная вотчина (1914 четв.) братьев его деда А. И. и З. И. Сабуровых, запустевшая, очевидно, во время новгородского погрома 1570 г.⁴⁷⁴ Известно, что в середине XVI в. дед И. Н. Сабурова с братьями служил по Торжку и имел там поместья.⁴⁷⁵ В конце XVI—начале XVII в. за И. Н. Сабуровым и его отцом числились поместья в Мещерском крае (Шацком у.).⁴⁷⁶

Судьба родовых вотчин Вельяминовых (младшая и захудалая ветвь рода Дмитрия Зернова) прослежена С. Б. Веселовским. Часть их ушла в монастыри, прочие были конфискованы в опричнину. После отставки опричниной одному из Вельяминовых была возвращена родовая вотчина (с. Исаково), которую вскоре он продал Д. И. Годунову.⁴⁷⁷ В конце XVI—первой трети XVII в. вотчин Вельяминовых в Костроме мы не встречаем. Крупными землевладельцами-вотчинниками они не были. Сыновья виднейшего из них, окольничего Д. И. Вельяминова (в начале 1604 г. постригся в монахи), Петр, Никита и Семен выставили осенью 1604 г. в поход соответственно 6, 5 и 6 всадников. Известна небольшая вотчина Д. И. Вельяминова в Московском у. (127 четв.), которую он продал в 1585/86 г. А. П. Клешнину.⁴⁷⁸ О других его вотчинах и вотчинах сыновей мы ничего не знаем. Упоминаются их поместья в Медынском, Тульском, Мещевском, Донковском и Рязанском уездах.⁴⁷⁹ Не были богаты и другие представители рода. Данила и Степан Афанасьевичи выставили в 1604 г. по 3 всадника, Сила Михайлович — 3, Григорий Борисович — 3, Гаврила Григорьевич — 4, Андрей Петрович — 6, Василий Игнатьевич — 2 («оприч Вяземской земли»), Третьяк Григорьевич — 4 («оприч Вяземской земли»), Федор Тулупов — 3 («оприч Дорогобужской земли»). Определенных сведений о старинных вотчинах Вельяминовых конца XVI—первой трети XVII в. у нас нет. Характерно, что ни за кем из 17 московских дворян Вельяминовых, подавших в 1632 г. «скаски» о своих владениях, явных старинных родовых вотчин не значилось.⁴⁸⁰

Обширные вотчины Романовых, которыми они владели до опалы на них в 1600 г., после Смуты сосредоточились в руках боярина Ивана Никитича (в земляном списке 1613 г. за ним значится 4626 четв. старых вотчин) и матери царя Михаила царицы-старицы Марфы Ивановны. Старые, досмутные, владения Романовых находились в Московском (в станах Васильцеве, Манатыне, Сетунском и в вол. Тухачевской, всего более 1500 четв.), Коломенском (села Степаново, Ильинское, Микицкое, сельцо Карпово, 2770 четв.), Бежецком (с. Хабоцкое, 1530 четв.), Владимирском (с. Закопье, 3395 четв., и с. Кишлеево, более 100 четв.), Юрьевском (села Клины, Лычево, Смердово, 1041 четв.), Боровском (с. Карамышево, 1266 четв.), Тверском (с. Тургиново, 1117 четв.) и, очевидно, Кашинском (107 четв.) уездах; кроме того, в конце XVI—начале XVII в. Романовы владели укрепленными городками на юге страны — Романовым городищем с 4 селами (1020 четв.) и Скопиным с с. Восляба (900 четв.).⁴⁸¹ В конце XVI в. М. Н. Романов дал в Новоспас-

ский монастырь родовую вотчину в Нерехтском ст. Костромского у. — с. Денисовское (344 четв.).⁴⁸² Но других вотчин за Романовыми в этом старинном их родовом гнезде в конце XVI—XVII в. мы не видим. Возможно, они были утрачены ими в годы опричнины. Село же Денисовское перешло к М. Н. Романову (или его отцу) после П. В. Юрьева, служившего в опричнице.⁴⁸³ Вероятно, в опричнице Романовы-Юрьевы потеряли вотчины и в других уездах, в частности в Сузdalском, где до опричнины владели вотчинами Р. Ю. Захарьин, сын его Данила и племянник В. М. Юрьев.⁴⁸⁴ Видимо, они получили компенсацию в других местах. Следует отметить, что значительную долю земельных богатств Романовых составляли царские пожалования. После женитьбы на Анастасии Романовне Иван IV щедро наделил ее родню вотчинами, о чем сообщается в его духовной.⁴⁸⁵ К числу пожалований следует, очевидно, отнести городки Скопин и Романово городище, а также тверскую вотчину — с. Тургиново, которое в 1540-х гг. числилось в поместных землях.⁴⁸⁶ В конце 70-х—начале 80-х гг. Н. Р. Юрьеву и его сыновьям были пожалованы родовые вотчины их сородичей — П. В. Юрьева и бояр Яковлей. После П. В. Юрьева им достались вотчины в Московском, Костромском и, вероятно, Бежецком (с. Хабоцкое, бывшее за отцом Протасия В. М. Юрьевым) уездах.⁴⁸⁷ Эти вотчины вряд ли автоматически перешли к Н. Р. Юрьеву после казни П. В. Юрьева в 1575 г., когда царская немилость коснулась и самого Никиты Романовича. Передача состоялась, видимо, либо в конце царствования Грозного, либо уже при Федоре Ивановиче. Не ранее 1577 г. к Романовым попали и родовые вотчины Яковлей — в коломенской писцовой книге 1577/78 г. они числились еще в раздаче за разными лицами.⁴⁸⁸ Возможно, Н. Р. Юрьеву достались и другие вотчины Яковлей.⁴⁸⁹ Свидетельством его прав на вотчины сородичей может служить тот факт, что, только «доложка» боярина Н. Р. Юрьева, вдова М. В. Яковля смогла дать в 1585/86 г. свою вотчину в Бежецком Верхе.⁴⁹⁰ Известны также приданые вотчины Ф. Н. Романова в Костромском (с. Домнино) и Угличском (с. Климянтино) уездах⁴⁹¹ и поместья Н. Р. Юрьева и его сыновей в Московском, Ржевском и Каширском уездах.⁴⁹²

В годы правления Бориса Годунова был нанесен серьезный урон землевладению рода Шереметевых. Попавший в царскую немилость в связи с делом Шуйских боярин Ф. В. Шереметев вынужден был постричься в монахи, а его вотчины перешли в казну. Рязанская вотчина (с. Песочня, 916 четв.) была отдана кн. В. К. Черкасскому и только в 1610-х гг. вновь возвратилась в род (Ф. И. Шереметеву).⁴⁹³ Обширные вотчины Ф. В. Шереметева в Коломенском у. (всего 1942 четв.) были пожалованы Годуновым и рязанскому владыке, за которыми они числились и в XVII в.⁴⁹⁴ Были отписаны в казну данные им в 1589/90 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю коломенские села Рудино и Бурухино (531 четв.).⁴⁹⁵ В Бежецком Верхе (родовое гнездо Шереметевых) еще в 1620-х гг. числилась порожжая вотчина Ф. В. Шереметева (148 четв.).⁴⁹⁶ Это, надо думать, далеко не полный перечень вотчин, конфискованных у Ф. В. Шереметева.

Видимо, еще до опалы он дал в Кириллов монастырь вотчину в Коломенском у. (с. Чиркино, 637 четв.), которая перешла (была выкуплена?) затем П. Н. Шереметеву; упоминается также его небольшая вотчина-купля в Московском у. (72 четв.), которую он дал «до живота» своей супруге старице Каптелине.⁴⁹⁷ Конфискация вотчин Ф. В. Шереметева не сокрушила, однако, земельного могущества рода. Его племянник выставил в 1604 г. крупный отряд из 60 всадников (около 6000 четв. земли). В 1613 г. за ним числится уже 9214 четв. старых вотчин, включая пожалованные ему царем Михаилом вотчины «дядей его». Материалы духовной Ф. И. Шереметева 1645 г. и данные писцовых книг позволяют довольно полно выявить состав вотчин этого крупного феодала. В первой половине XVII в. он владел старинными вотчинами в Московском, Коломенском, Владимирском, Костромском, Нижегородском, Кашинском, Рязанском, Бежецком и Верейском уездах.⁴⁹⁸ Основную часть этих земель составляли родовые, купленные и жалованные вотчины его отца боярина И. В. Меньшого Шереметева. К сожалению, трудно определить точно состав вотчин, пожалованных Ф. И. Шереметеву в 1613 г. из вотчин «дядей его». Одной из них была, очевидно, бывшая вотчина Ф. В. Шереметева — с. Песочня Рязанского у. Небольшие вотчины в Костромском, Владимирском и Рязанском уездах были куплены Ф. И. Шереметевым в конце XVI в.⁴⁹⁹ Известно о пожаловании ему царем Федором в 1592 г. дворцового села Годуново Верейского у. (610 четв.). Вероятно, это была компенсация за какие-то взятые у него в казну вотчины. В своей духовной Ф. И. Шереметев сообщает о конфискации у него в 1590-х гг. старинной подмосковной вотчины — с. Есипова-Иванисова (297 четв.).⁵⁰⁰ Видимо, несколько менее богатым землевладельцем был двоюродный брат Ф. И. Шереметева Петр Никитич, сын казненного еще до опричнины Н. В. Шереметева. В 1613 г. за его сыновьями числилось по 1173 четв. старых отцовских вотчин (всего 3519 четв.).⁵⁰¹ Основные их вотчины располагались в Коломенском у., где помимо собственных родовых вотчин к ним перешли бывшие вотчины Ф. В. Шереметева и вдовы С. В. Шереметева (всего 1258 четв.); упоминаются также их старинные вотчины в Сузальском, Рязанском, Бежецком и Владимирском уездах.⁵⁰² И. П. Шереметев владел придаными вотчинами своего тестя Е. Д. Вылугина в Московском, Звенигородском, Муромском и Кашинском уездах, а В. П. Шереметев — приданой вотчиной в Тверском у.⁵⁰³ Поместья Шереметевых известны в Московском и Рязанском уездах.⁵⁰⁴

За В. П. Морозовым в земляном списке 1613 г. числилось 3552 четв. старых вотчин и 696 четв. старых поместий. Упоминаются его вотчины в Московском (1942 четв.), Кашинском (287 четв.), Муромском (351 четв.) и Бежецком (367 четв.) уездах.⁵⁰⁵ За его сыном Иваном в XVII в. находились старинные (видимо, отцовские) вотчины во Владимирском (50 четв.), Юрьевском (419 четв.), Переяславском (250 четв.) и Дмитровском (99 четв.) уездах.⁵⁰⁶ Известны поместья В. П. Морозова в Московском и Рязанском уездах.⁵⁰⁷ Другой представитель Поплевиных И. М. Морозов, младший сын

казненного в 1573 г. боярина М. Я. Морозова, сохранял (или вернул) в конце XVI в. старинные вотчины в Московском (98 четв.), Костромском (216 четв.) и, очевидно, Звенигородском уездах.⁵⁰⁸ Однако крупные вотчины в Галичском у. (всего 1181 четв.), принадлежавшие М. Я. Морозову, были возвращены в род (его внуку Б. И. Морозову) только в 1615/16 г., а перед этим находились в поместной раздаче.⁵⁰⁹ Возможно, эти галичские вотчины были конфискованы у М. Я. Морозова еще в момент включения Галича в опричнину.

О землевладении П. Я. Салтыкова (умер около 1585/86 г. бездетным) сведения отрывочны — известны его небольшая купленная вотчина в Московском у., какое-то владение в Тверском у. и вотчина в Звенигородском у., данная его вдовой в монастырь в 1587/88 г.⁵¹⁰ Довольно крупными землевладельцами были И. Л. и И. И. Салтыковы, сын и внук видного опричника Л. А. Салтыкова. В 1604 г. И. И. Салтыков выставил 15 всадников, а в 1613 г. за ним числилось 1300 четв. старых отцовских вотчин. В 1620-х гг. он владел старинными вотчинами в Коломенском (907 четв.), Московском (230 четв.) и Ростовском (674 четв.) уездах.⁵¹¹ В 1613 г. сыновья окольничего царя Бориса М. М. Салтыкова (умер в 1608 г.) Борис и Михаил имели вместе около 780 четв. старых отцовских вотчин. М. М. Салтыков владел в конце XVI в. старинной отцовской вотчиной в Звенигороде (с. Хаустово, 108 четв.) и придаными (от тестя А. Т. Михалкова) вотчинами в Дорогобужском и Костромском уездах.⁵¹² Из владений его брата Елизария (умер в 1594 г.) упоминается только поместье в Звенигородском у.⁵¹³ И. Н. Ер Салтыков имел вотчину и поместье в Бежецком у.; возможно, ему (назван без отчества и прозвища) принадлежала в 1590-х гг. вотчина в Звенигородском у., где в середине века располагались владения его отца и деда.⁵¹⁴ Бывший опричник Дм. Б. Салтыков крупным вотчинником не был — его единственный сын Лаврентий имел в 1613 г. 129 четв. старых вотчинных земель и 800 четв. земель старых отцовских поместий. Упоминаются старинная вотчина Д. Б. Салтыкова в Рузском у. (72 четв.), его подмосковная вотчина-купля (55 четв.) и поместье в Ярославском у. (600 четв.).⁵¹⁵ Виднейший из Салтыковых — боярин Михаил Глебович — владел вотчинами в Костромском (1469 четв.), Угличском (122 четв.) и Рузском (210 четв.) уездах и поместьями в Московском, Зубцовском и Звенигородском уездах.⁵¹⁶ Основную часть его владений составляли пожалованные ему (после 1596/97 г.) из дворцовых земель вотчины в Великосольской волости Костромского у. (около 1200 четв.). За каким-то Михаилом Салтыковым числились в конце XVI в. вотчины в Галичском у.⁵¹⁷

М. Б. Шеину до Смуты принадлежали вотчины в Московском (240 четв., в 1580-х гг. вместе с братом Денисом), Коломенском (189 четв., пожалована его отцу при Иване IV, видимо, вместо конфискованной в опричнине) и Зубцовском (62 четв., «дано было отцу его Борису при царе Федоре Ивановиче (?)... против подмосковные...») уездах.⁵¹⁸ Сведений о его старинных поместьях у нас нет.

Виднейшей ветвью рода Плещеевых было потомство Бориса Даниловича, внука младшего сына Федора Бякнта Александра Плещея. В XVI в. благодаря успешной карьере при дворе заметно возвысились над прочими своими сородичами Басмановы. В 1588 г. братья П. Ф. и И. Ф. Басмановы разделили между собой старинные отцовские и дедовские вотчины в Переяславском (с. Елизарово, 350 четв.), Дорогобужском (с. Тучково, 1447 четв.), Кашинском (с. Сенкино) и Волоцком (с. Ильинское, 219 четв.) уездах.⁵¹⁹ Известны также приданая (от тестя кн. И. С. Туренина) вотчина П. Ф. Басманова в Галичском у. (с. Холм, 614 четв.) и его подмосковная вотчина (90 четв.).⁵²⁰ За вдовой И. Ф. Басманова Ориной Васильевной (дочь В. Л. Салтыкова?) числились в XVII в. помимо старых вотчин Басмановых в Переяславле, Дорогобуже и Волоке (с. Ильинское) приданые ее вотчины в Боровском (258 четв.), Серпуховском (66 четв.) уездах и вотчина в Волоцком у. (села Никольское и Ивановское, 367 четв.).⁵²¹ Дочери И. Ф. Басманова Фетинье принадлежала родовая (отца или матери?) вотчина в Юрьевском у. — с. Никольской Клин, — проданная затем братом ее мужа кн. Ю. Я. Сулемовым Троице-Сергиеву монастырю за 1400 руб.⁵²² Поместья П. Ф. и И. Ф. Басмановых располагались в Костромском, Вологодском и Шацком уездах.⁵²³ Близкий сородич Басмановых И. Д. Колодка Плещеев (их общим предком был весьма богатый боярин А. М. Плещеев) успешной карьеры не сделал, в начале 1570-х гг. попал в опалу, в связи с чем, видимо, многие его вотчины были в «раздачу розданы дворяном и детем боярским».⁵²⁴ В конце XVI—начале XVII в. И. Д. Колодка и его сыновья Фадей и Матвей не являлись богатыми вотчинниками. Последний имел в 1613 г. 257 четв. старых (отцовских) вотчин. Из родовых вотчин Колодкиным-Плещеевым удалось сохранить (вернуть?) в XVII в. сельцо Твердилково Переяславского у.⁵²⁵ В Клинском у. Ф. И. Колодкин владел по жалованной грамоте царя Федора старинной дедовской вотчиной — с. Койдым (Койдоновым, 262 четв.).⁵²⁶ М. И. Колодкину принадлежала в начале XVII в. вотчина в Тверском у., история которой неясна.⁵²⁷ Известны поместья Ф. И. и М. И. Колодкиных-Плещеевых в Костромском у.⁵²⁸ А. И. Охотин-Плещеев, несмотря на службу в опричнине, карьеры не сделал, и в конце XVI в. он, его сын Яков и племянник Яков Романович числились лишь в выборных городовых дворнях (по Костроме и Бежецкому Верху). К концу XVI в. потомки Г. М. Охоты (известны его вотчины и вотчины сыновей в Переяславском и Московском уездах), очевидно, утрачивают родовые вотчины. За интересующее нас время мы встречаем лишь небольшую купленную вотчину Я. Р. Охотина-Плещеева в Бежецком у. (куплена в 1602/03 г.).⁵²⁹ Стремительная карьера в опричнине Очных-Плещеевых оборвалась с опалой и казнью боярина З. И. Очина. Возможно, в связи с этим отсутствуют известия о старинных вотчинах Очных в конце XVI—начале XVII в. (Н. И. Очина, его племянника Григория Андреевича и сыновей последнего Петра, Федора и Дмитрия). Известно лишь поместье Н. И. Очина-Плещеева в Малоярославецком у. конца XVI в., данное

ему, очевидно, в опричнину вместо тверского поместья, которым он владел с братьями в 1540-х гг.⁵³⁰ Из представителей рассматриваемой ветви при дворе в конце XVI—начале XVII в. служили также двоюродные братья И. Д. Заяц, А. Р. и И. Г. Плещеевы. Их отцы Д. Г., Р. Г. и Г. Г. Плещеевы в середине XVI в. служили по Вязьме, но в опричнину зачислены не были. Сохранилась духовная Д. Г. Плещеева 1558/59 г., в которой перечислены его вотчины в Волоцком, Рузском, Можайском, Московском и Бежецком уездах.⁵³¹ Но впоследствии эти владения были проданы, отданы в монастырь, а можайская вотчина была, очевидно, конфискована в годы опричнины. Видимо, взамен ему пожаловали вотчину в Рузском у.⁵³² Эта рузская вотчина (434 четв.) перешла к сыну Д. Г. Плещеева И. Д. Зайцу, за которым числилась также небольшая приданая вотчина в Волоцком у.⁵³³ А. Р. Плещеев выставил в 1604 г. со своих владений, кроме Дорогобужской земли (очевидно, дорогобужского поместья, которое получил в 1560-х гг. его отец), всего 2 всадников; упоминается его приданая вотчина во Владимирском у.⁵³⁴ О владениях И. Г. Плещеева сведений нет.

Представители старшей ветви Плещеевых — потомки Данилы Фофановича, а точнее, его сына Ивана и внука Игнатия и Василия — играли при дворе в XVI в. в целом скромную роль. Из них лишь сыновья опричника Т. Ф. Плещеева Василий и Осип дослужились в конце века до московского дворянства. Известны только их поместья (в Вяземском, Ржевском и Сузdalском уездах).⁵³⁵ Родовым гнездом данной ветви были, очевидно, Владимирский и Муромский уезды. Старинные, купленные и закладные вотчины в Муроме и Владимире принадлежали в конце XVI—начале XVII в. потомку Игнатия Г. А. Глазатому Плещееву.⁵³⁶ Внуки Василия Семен и Иван Александровичи Красные еще в 1499/1500 г. делили между собой вотчины во Владимирском у. Их многочисленные потомки (в рассматриваемое время служили при дворе Савва Григорьевич с сыновьями Федором и Василем, Елисей Федорович с сыном Иваном, Семен Захарович, Смерд Иванович с сыновьями Дмитрием и Федором и племянником Матвеем и Никифором Юрьевичами, Иван Недугач Астафьевич с сыном Афанасием) довольно хорошо сохраняли родовые вотчины в Муроме и Владимире в конце XVI—XVII в.⁵³⁷ Один из представителей старшей ветви рода А. В. Плещеев в середине XVI в. служил по Кашину и имел поместья в Угличском у.⁵³⁸ В 1588/89 г. он служил по Бежецкому Верху, а затем перешел служить патриарху. В выборе по Кашину в 1588/89—1602/03 гг. числился его племянник И. З. Плещеев. Вероятно, эта линия рода была прежде связана с уделами. Малозаметны при дворе в XVI в. были представители самой младшей ветви Плещеевых — потомство Ф. Д. Сильного. А. А. Мешков-Плещеев служил в 1602/03 г. в выборе по Суздалю, о его вотчинах сведений нет. Братья Иван и Наум (один из « заводчиков» смуты в Москве в 1605 г.) Михайловичи числились в выборе по Кашину, имели там, а также в Ярославском и Великолукском уездах поместья; известна «родственная» вотчина, принадлежавшая в 1632 г. сыну Наума Василию, в Новоторжском

у.⁵³⁹ Жильцы царя Бориса Лев и Иван Афанасьевичи Плещеевы были приближены ко двору в годы Смуты и при царе Михаиле и, возможно, уже после 1605 г. получили вотчины в Дмитровском, Переяславском и Нижегородском уездах.⁵⁴⁰ В. Г. Плещеев служил в выборе по Ржеву. Вотчин, видимо, не имел — за сыном его Иваном в 1632 г. их не значилось.⁵⁴¹

Из Бутурлиных самой значительной, «боярской», была младшая ветвь рода, потомство Никиты Ивановича. Окольничий Ф. А. Бутурлин владел вотчинами в Московском (302 четв., продал ее в 1584/85 г.) и Ростовском (95 четв., продана в 1601/02 г. его вдовой) уездах и поместьями в Московском и Мещевском уездах.⁵⁴² Единственный его сын Порфирий, при дворе не служивший, выставил в 1604 г. только 2 всадников. О вотчинах окольничего И. М. Бутурлина сведений нет, не значились старинные вотчины и за его сыном Василием в 1613 г. Известны поместья И. М. Бутурлина в Можайском и Коломенском уездах.⁵⁴³ Сын и внук опричного окольничего Д. А. Бутурлина (отец которого также был окольничим) Богдан Дмитриевич и Федор Леонтьевич занимали в дворовой иерархии удивительно скромное место — служили лишь в выборных дворянах (по Малоярославцу). Характерно, что мы не встречаем за ними вотчин. Видимо, их и не было — за сыном Б. Д. Бутурлина Романом в 1632 г. вотчин не числилось.⁵⁴⁴ Очевидно, опала и казнь Д. А. Бутурлина в 1575 г. нанесли урон землевладению и служебному положению его потомков. Известно старое отцовское поместье Ф. Л. Бутурлина в Брянском у. Сходной была судьба землевладения и потомков казненного Грозным В. А. Бутурлина — его сын Матвей выставил в 1604 г. лишь 5 всадников, а внуки Василий и Михаил Матвеевичи в 1613 г. владели только поместьями. По «скаске» 1632 г. за Михаилом, правда, числилась небольшая родовая вотчина в Переяславле (66 четв.), но ее история неясна.⁵⁴⁵ Из представителей старшей ветви Бутурлиных встречаем при дворе в конце XVI—начале XVII в. 3 человек. В. К. Бутурлин служил в выборе по Алексину, за его сыном Степаном вотчин в 1632 г. не значилось.⁵⁴⁶ Е. В. Бутурлин выставил в 1604 г. 6 всадников. Владел поместьями в Сузdalском и Верейском уездах, значится в деле 1585/86 г. как вкладчик Спасо-Евфимьева монастыря.⁵⁴⁷ И. М. Возгря-Бутурлин служил в выборе по Коломне, там же упоминается его поместье.⁵⁴⁸

Довольно богатыми землевладельцами были представители рода Ховриных⁵⁴⁹ — Семен и Алексей Фомичи Третьяковы. А. Ф. Третьяков выставил в 1604 г. 26 всадников. Возможно, к тому времени к нему перешли и владения брата, умершего в 1589 г. Их старинные вотчины располагались в Московском (918 четв., в том числе проданное Борису Годунову с. Хорошево) и Ростовском (706 четв.) уездах. Известны поместья А. Ф. Третьякова в Костромском у.⁵⁵⁰

Сыновья боярина В. Ю. Траханиотова Иван и Никифор Васильевичи владели старинными отцовскими вотчинами в Московском у. (687 четв.).⁵⁵¹ Упоминаются поместья Н. В. Траханиотова в Алексинском и Белевском уездах.⁵⁵² Их двоюродный брат Тихон Ивано-

вич владел поместьями в Калужском, Владимирском, Старицком и Московском уездах.⁵⁵³ Его вотчины неизвестны.

В конце XVI—начале XVII в. при дворе служил внук окольничего Д. Ф. Карпова Б. И. Долматов. Родовым гнездом Карповых был Костромской у.⁵⁵⁴ В платежнице 1595—1597 гг. Луговой половины уезда упоминается вотчина Б. И. Долматова-Карпова, его брата Льва и их матери (с. Семеновское, 800 четв.).⁵⁵⁵ В XVII в. за сыном Б. И. Долматова Федором и братом Львом числилась в Дуплехове ст. Луговой половины также крупная вотчина — с. Фоминское (1031 четв.), которым они владели по грамоте 1614/15 г.⁵⁵⁶ Получили ее, очевидно, уже при Михаиле Федоровиче, так как в платежнице 1595—1597 гг. за Карповыми она не числилась. Старинная вотчина принадлежала Долматовым-Карповым также в Рузском у. (107 четв.).⁵⁵⁷ Известно поместье Л. И. Долматова конца XVI в. в Орловском у.⁵⁵⁸

Из старинного тверского боярства в состав московской аристократии выдвинулись в XVI в. Борисовы-Бороздины. В рассматриваемое нами время при дворе служили дворянин московский Г. Н. Борисов, бывший опричник, и его племянники Иван, Меркурий и Яков Васильевичи Борисовы, выборные по Кашину. В XVII в. за И. В. Борисовым числилась родовая вотчина в Кашинском у. (230 четв.).⁵⁵⁹ Известна данная Г. Н. Борисова 1594 г. в Калязин монастырь на вотчину в Кашинском у.⁵⁶⁰ По Кашину служили и имели там вотчины в XVI в. В. М. и И. М. Машуткины-Борисовы и И. В., Н. В., Н. И., В. Н. и Ф. Н. Борисовы.⁵⁶¹ Их общим предком был старший сын Бориса Захарьевича (родоначальника Борисовых) Иван Борисович, занимавший в конце XV в. пост кашинского наместника⁵⁶² и, очевидно, тогда получивший вотчины в этом уезде. Значительную часть вотчин его потомки отдали в Калязин монастырь. В XVII в. правнук Ивана Борисовича владел лишь остатками былых вотчин. Упоминается поместье Г. Н. Борисова в Звенигородском у., пожалованное ему в 1584 г., а поместья его племянников располагались в Кашинском у.⁵⁶³

Лица, не принадлежавшие к «боярскому» слою, занимали в составе верхних (думных и московских) чинов двора, как мы видели, довольно скромное место. Выдающаяся карьера таких лиц, как А. П. Клешнин, Б. Я. Бельский и дьяки Щелкаловы, сопровождалась их стремительным обогащением. В 1604 г. вдова окольничего А. П. Клешнина имела около 2000 четв. земли, не считая владений в Бельском у. Но это были далеко не все земли, принадлежавшие ее мужу, за которым числились вотчины в Московском у. (более 1000 четв.), Рязанском крае (в разных станах около 700 четв. и, кроме того, укрепленный городок Печерники), Можайском (477 четв.), Старицком (свыше 500 четв.), Кашинском, Тверском (дал в Троице-Сергиев монастырь) и Малоярославецком (продал Борису Годунову) уездах, а также поместья в Дорогобужском (963 четв.), Рязанском (200 четв.) и, очевидно, Бельском уездах.⁵⁶⁴ Всесильный временщик Ивана Грозного Б. Я. Бельский приобрел путем пожалований и купли богатые вотчины в Московском

(848 четв.), Ярославском (949 и 952 четв.) и Переяславском (222 четв.) уездах из бывших вотчин Воронцовых и кн. Ф. Троекурова.⁵⁶⁵ Упоминаются помимо названных его вотчины в Московском, Зубцовском, Звенигородском и Клинском уездах.⁵⁶⁶ В 70-х—начале 80-х гг. владел обширными поместьями в Вяземском, Старицком, Ржевском, Козельском, Зубцовском и Порховском уездах, часть которых в начале царствования Федора Ивановича перешла в казну.⁵⁶⁷ В конце XVI в. сохранял крупные поместные владения в Вязьме — с. Холм (975 четв.) и две трети Волочка, богатого торгово-ремесленного поселения на Днепре.⁵⁶⁸ За думным дворянином И. П. Татищевым числились крупная родовая вотчина в Дмитровском у. (1465 четв.), вотчина в Московском у. (62 четв.) и поместья в Можайском у. (426 четв.).⁵⁶⁹ В 1602/03 г. царь Борис пожаловал его сыну М. И. Татищеву, своему фавориту, бывшую вотчину кн. М. И. Воротынского в Московском у. (150 четв.).⁵⁷⁰ Думному дворянину и печатнику Р. В. Алферьеву принадлежали родовые вотчины в Верейском и Можайском уездах, которые в 1590-х гг. Борис Годунов насилино выменял у его сыновей на свои вотчины в Московском и Звенигородском уездах. Упоминаются его (и сыновей) вотчина в Волоцком у. и поместья в Московском, Старицком, Вяземском и Козельском уездах.⁵⁷¹

Вотчины М. А. Безнина после его пострижения в 1586 г. были, видимо, отписаны в казну. Известно, что царь Борис пожаловал его вдове в вотчину жеребей дворцового села Протасова (40 четв.) в Верейском у.⁵⁷² М. А. Безнину принадлежали поместья в Ростовском и Старицком уездах и владения в Можайском у.⁵⁷³ Из земель думного дворянина Б. В. Воейкова, попавшего в опалу в начале царствования Федора Ивановича, известны лишь взятые им из Троице-Сергиева монастыря в пожизненное владение вотчины в Бежецком и Дмитровском уездах.⁵⁷⁴ А. М. Воейков получил в 1605 г. чин ясельничего и думного дворянина из выборных дворян по Вязьме. Интересен стремительный рост — от 350 до 900 четв. — его поместного оклада с 1588/89 по 1602/03 г. О его владениях, кроме поместий в Вязьме, мы ничего не знаем. Известны подмосковные вотчины-купли (более 700 четв.) казнавшего и думного дворянина Д. И. Черемисинова и его поместья в Вязьме и Козельске.⁵⁷⁵ Думному дворянину Р. М. Пивову принадлежали вотчины в Ярославском, Московском и Бежецком (продал Борису Годунову) уездах и поместья в Московском и Ярославском уездах; кроме того, он взял «до живота» из Троице-Сергиева монастыря вотчину в Переяславском у.⁵⁷⁶ Думный дворянин Е. Л. Ржевский владел в 1560-х гг. (а может быть, и в конце века) вотчиной в Рузском у. (313 четв.).⁵⁷⁷ В 1577 г. служил в выборе по Дорогобужу и, видимо, имел там земли. Его вдова выставила в поход в 1604 г. 3 всадника. К стариинному роду костромских вотчинников принадлежал думный дворянин Ф. А. Писемский. Очевидно, он владел вотчинами в Костромском у. и в конце XVI в. В платежнице 1595—1597 гг. упоминается вотчина его брата Алексея.⁵⁷⁸ Сам Ф. А. Писемский умер еще до описания уезда (в 1591 г.). Упоминаются его вотчина в Коло-

менском у. (143 четв.) и поместье в Дедилове.⁵⁷⁹ Братья А. М. и И. М. Пушкины, пожалованные в рассматриваемое нами время думным дворянством, слишком крупными землевладельцами не были. Последний выставил в 1604 г. всего 8 всадников. Сыновья А. М. Пушкина Михаил, Никита и Иван владели каждый в 1613 г. примерно 120 четв. старых (отцовских) вотчин.⁵⁸⁰ Известны вотчины А. М. и И. М. Пушкиных в Московском у. и вотчина А. М. Пушкина в Волоцком у.⁵⁸¹ Довольно богатым вотчинником являлся В. Б. Сукин, получивший думное дворянство в конце царствования Бориса Годунова. Он владел старинными вотчинами в Новосильском, Коломенском, Волоцком и Московском уездах (всего 1915 четв.).⁵⁸² Видными при дворе людьми были постельничий И. О. Безобразов и его брат Кузьма, стряпчий с ключом. Первый выставил в 1604 г. 14 всадников, имел вотчины в Кашинском, Боровском и Московском уездах и поместья в Ржевском, Козельском и Арзамасском уездах.⁵⁸³ За К. О. Безобразовым (выставил в поход 12 всадников) числились вотчины в Московском, Дмитровском, Боровском уездах и поместья в Ржевском, Белевском и Угличском уездах.⁵⁸⁴ В число крупнейших землевладельцев государства выдвинулись могущественные дьяки Щелкаловы. В. Я. Щелкалов выставил в 1604 г. со своих владений, кроме Вяземской земли, 55 всадников, т. е. имел более 5500 четв. земли. В их состав вошли и бывшие вотчины А. Я. Щелкалова, перешедшие после него к брату Василию.⁵⁸⁵ Обширные вотчины Щелкаловых располагались в конце XVI—начале XVII в. в Московском (в разных станах), Владимирском, Дорогобужском, Дмитровском, Муромском, Сузdalском, Юрьевском и Переяславском уездах.⁵⁸⁶ Основную часть этих вотчин составляли государевы пожалования (в том числе пожалования царя Федора в Сузdalском и Московском уездах) и купли. Известно и о насильственном захвате дьяком А. Я. Щелкаловым вотчины Сурвацких во Владимирском у.⁵⁸⁷ Упоминаются поместья А. Я. Щелкалова в Московском и Шацком уездах.⁵⁸⁸ За В. Я. Щелкаловым числились поместья в Мещевском (930 четв.), Шацком (507 четв.), Коломенском (200 четв.) и, очевидно, Вяземском уездах.⁵⁸⁹ Довольно крупным землевладельцем был думный дьяк Поместного приказа Е. Д. Вылуггин. В 1604 г. его вдова Степанида выставила 20 всадников. Часть его вотчин затем перешла от нее к зятю И. П. Шереметеву. Упоминаются вотчины Е. Д. Вылуггина в Московском, Муромском, Звенигородском, Кашинском уездах и поместье в Козельском у.⁵⁹⁰ О владениях прочих думных дьяков сведения отрывочны.⁵⁹¹

Такова картина землевладения виднейших родов и лиц в период между царствованием Ивана Грозного и Смутой. В целом верхушка государева двора (думные и московские чины) была значительно лучше (хотя жесткой грани провести нельзя) обеспечена землей, чем представители нижних чинов двора — выборных дворян и близких им по социальному составу жильцов. Среди этой последней категории лиц крупные землевладельцы-вотчинники встречаются крайне редко.⁵⁹² Верхушка двора была значительно лучше обеспечена по-

местными землями. По подсчетам С. П. Мордовиной, средний поместный оклад выборного дворянина в конце XVI—начале XVII в. составлял около 400 четв., а это был минимальный оклад столичных чинов в XVII в.⁵⁹³ По данным Маржерета, обычные оклады московских дворян колебались от 500 до 1000 четв., оклады думных дворян — от 800 до 1200 четв., окольничих — от 1000 до 2000 четв. Еще более высокими были оклады бояр, поместья которых достигали размеров 2000—3000 четв. и выше (поместья И. П. Шуйского и И. В. Годунова). Впрочем, твердо установленной градации окладов внутри чиновных групп не было. По подсчетам С. М. Середонина, обычные оклады рядовых уездных детей боярских составляли 150—250 четв. Совсем ничтожными были оклады дворян Юга, которые исчислялись обычно лишь десятками четвертей земли.⁵⁹⁴

К концу XVI в. крупное боярское землевладение не было уничтожено вообще, как не было уничтожено и политическое значение боярства. Но сам характер этого землевладения претерпел существенные изменения. В годы опричнины большой урон понесла родовая княжеско-боярская вотчина. Настоящая катастрофа постигла ее в опричных уездах. Серьезно повлияли на судьбы родовых вотчин опричные опалы и казни. В обстановке террора и кризиса 60—70-х гг. небывалый размах приняли переходы вотчин в монастыри. После опричнины, правда, происходили возвращения вотчин прежним владельцам, но переоценивать это обстоятельство едва ли возможно. Многие получили компенсацию за утраченные вотчины в других уездах и лишились тем самым права на возврат прежних владений. Процесс возврата вотчин растянулся на многие десятилетия, причем значительной части вотчинников так и не удалось вернуться на свои места.⁵⁹⁵ Возвращения вотчин целиком зависели от воли государя и рассматривались как жалование, часто как вознаграждение за службу. Так, за службу были пожалованы назад родовые вотчины князьям Волконским и Бахтеяровым.⁵⁹⁶ То обстоятельство, что даже владение родовой вотчиной стало связываться с понятием «жалование», не могло не сказаться на психологии русской аристократии. Переходы родовых владений в казну и обратно (причем в ряде случаев такие переходы происходили неоднократно — например, многократные конфискации вотчин у князей Шуйских и Воротынских) подрывали устои княжеско-боярской родовой вотчины, основанные на вековых владельческих правах. В конце XVI в. характер крупного боярского землевладения определяла уже не родовая, а жалованная вотчина. Государевы пожалования составляли основу земельных богатств таких крупных землевладельцев, как Годуновы, Романовы, князья Хворостинины и другие. Жалованный в основном характер носили обширные вотчинные владения служилых князей Мстиславских и Глинских, что прямо подчеркивал в своей духовной Иван IV.⁵⁹⁷ В последней трети XVI в. практиковались пожалования приближенным боярам выморочных вотчин их сородичей. Романовы получили таким образом вотчины Яковлей, Шуйские — Горбатых, Телятевские — Микулинских.

К концу XVI в. заметно убавилось число богатых вотчинных родов. Крупные землевладельцы-вотчинники, имевшие свыше 1000 четв. вотчинной земли (т. е. лица, у которых вотчины явно преобладали над поместьями), составляли в рассматриваемое нами время сравнительно небольшую прослойку в среде знати — князья Мстиславские, И. М. Глинский, Трубецкие, Воротынские, Одоевские, Голицыны, Куракины, Шуйские, Сицкие, Хворостинины, Татевы, В. Д. Хилков, И. И. Курлятев, И. С. Туренин, Ф. А. Ноготков, А. А. Телятевский; нетитулованная знать — Годуновы, Романовы, Шереметевы, Басмановы, В. П. Морозов, М. Г. и И. Л. Салтыковы, Третьяковы-Ховрины, а также, возможно, князья Д. А. Ногтев, Ф. М. Троекуров, М. П. Катырев, И. Ю. Токмаков и некоторые из Мосальских. В основном это видные бояре, царские родственники и лица, сделавшие карьеру в опричнине и при дворе Бориса Годунова. У большей же части представителей знати вотчинные владения не превышали 500 четв. и по своим размерам уступали поместьям. Крупными помещиками, а не вотчинниками выступали, например, бояре Б. Ю. Сабуров и кн. П. И. Буйносов. Немало выходцев из княжеско-боярских родов (например, ряд князей Ростовских) вовсе не имели вотчин. Таким образом, мы не можем безоговорочно принять (по крайней мере для конца XVI в.) традиционное противопоставление «боярства» как слоя крупных вотчинников «дворянам»-помещикам.

Под влиянием переселений периода опричнины и «двора» произошли существенные изменения в географии землевладения. Перемещения затронули, по-видимому, большую часть членов двора.⁵⁹⁸ В результате были нарушены традиционные связи дворянства, связи дворовых с уездными служилыми людьми. Опричные земельные переселения способствовали разрушению прежней территориальной структуры двора и оформлению новой, чиновной структуры, выделению особого слоя столичного дворянства, не связанного с уездными корпорациями и целиком зависимого от московской службы.

Заметным явлением в последней трети XVI в. стало распространение землевладения столичной знати за пределы Замосковного края, особенно в южные районы страны. Многие представители знати, выселенные из опричных и «дворовых» уездов, получили владения в Рязанской земле. Крупным поместьем в Дедиловском у. был пожалован взамен утраченного в опричном Переяславском у. боярин кн. И. Ю. Голицын. В годы правления Бориса Годунова, когда границы государства продвинулись далеко на юг, плодородные южные земли стали объектом экспансии со стороны верхушки двора. В рассматриваемое нами время на юге и юго-востоке страны (в Рязанском и Мещерском краях, Арзамасском, Новосильском, Каравеевском, Веневском, Дедиловском, Донковском, Лебедянском, Орловском и Епифанском уездах) встречаем поместья и вотчины Годуновых, Сабуровых, Вельяминовых, Романовых, Шереметевых, Салтыковых, Басмановых, А. П. Клешнина, Щелкаловых, Ф. А. Писемского, В. Б. Сукина, князей Трубецких, Хворостининах, Турениных, Ноготковых, Сицких, Катыревых, Голицыных, Куракиних, Татевых, Хилковых, Ромодановских, Гагиных, Засекиних, Долгоруких. Рост

землевладения знати на Юге вызывал недовольство местной служилой мелкоты, что послужило, как отметил А. Л. Станиславский, одной из причин выступления южного дворянства против московского правительства в годы Смуты. Уступая дворянам Юга, правительство царя Михаила приняло в 1619 г. указ о запрещении московским дворянам иметь поместья в южных уездах.⁵⁹⁹ Можно предположить, что еще ранее, в начале царствования Федора Ивановича, подобного ограничения добились новгородские дворяне. В 60—70-х гг. на новгородских землях были испомещены многие опричники и «дворовые», в частности А. Д. Басманов, Б. Я. Бельский, Д. И. Черемисинов, Б. В. Воейков, В. Г. Зюзин, Н. Б. и Г. Б. Васильчиковы, М. Т. Солового Петров, князья Шуйские; крупное новгородское поместье получил царский родственник Н. Р. Юрьев.⁶⁰⁰ Эти лица захватывали лучшие земли, что способствовало обнищанию новгородского дворянства и не могло не вызывать у него протеста. Уже в первый год царствования Федора Ивановича были отписаны «во дворец» обширные поместья Б. Я. и Н. Я. Бельских, И. В. Воейкова и других «дворовых» царя Ивана в Порховском у.⁶⁰¹ Утратили земли в новгородских пятнах и другие представители верхушки двора, испомещенные здесь при Иване Грозном, — в новгородской платежнице 1588 г. они уже не встречаются среди помещиков уезда.⁶⁰² Мы говорили об обособлении новгородского дворянства при Федоре Ивановиче от службы при московском дворе. В соответствии с этим новгородцы, зачисляемые в состав государева двора, лишились поместий в Новгородской земле. Так, поместье Ивана Сабурова, который «по государеву указу испомещен в московских городах», было отдано новгородскому сыну боярскому С. Баландину.⁶⁰³ К 1588 г. утратили (отсутствуют в платежнице этого года) новгородские поместья взятые в государев двор новгородские дворяне В. А. Квашнин, И. Н. Хлопов, кн. И. Ю. Лобанов-Ростовский, С. Ф. Папин-Сабуров, О. Т. Плещеев и сыновья кн. Н. Б. Приимкова И. Н. и Б. Н. Приимковы.⁶⁰⁴ Известна норма Соборного уложения 1649 г. о запрещении членам двора и детям боярским «московских городов» иметь поместья в Новгородской и Псковской землях (гл. XVI, ст. 68). Видимо, подобное законодательство действовало уже в конце XVI в.

Утратившая значительную часть родовых вотчин и прежнее влияние на местах, отчужденная от уездного дворянства родовитая верхушка двора не представляла собой могущественной земельной аристократии, способной противостоять самодержавной власти. Опричная политика «разделяй и властвуй» ускорила процесс разрушения родовых связей боярства, ослабила его корпоративную солидарность. Не случайно в ходе политической борьбы конца XVI—начала XVII в. представители одних и тех же родов нередко выступали сторонниками враждующих группировок. Характерно, что во имя интересов своих «партий» они жертвовали иногда даже местническими интересами своего рода. Так, «дружа» Романовым, кн. А. А. Репнин-Оболенский не стал местничаться с кн. И. В. Сицким-Ярославским, чем вызвал возмущение своих сородичей. Это

понятно — не столько родство само по себе, сколько близость к двору и реальная служба способствовали служебно-местническому продвижению и материальному благополучию. В отличие от правящей элиты ряда стран Европы русская знать (особенно после опричнины) держалась на верху социальной лестницы не столько благодаря положению крупных независимых землевладельцев, сколько благодаря специальному механизму местничества, которое уже в последней трети XVI в. имело более служилый, чем аристократический характер.⁶⁰⁵ Тем не менее местничество имело для знати огромное значение, так как создавало серьезные препятствия для проникновения в ее среду людей новых, худородных, обеспечивая довольно устойчивый (хотя и не лишенный динамики) генеалогический состав дворовой верхушки. Американский исследователь Р. О. Крамми весьма удачно выразил специфику русской знати, которая сочетала традиционное положение наследственной аристократии (подобно аристократии Запада) с обязательной службой монарху (как в странах Востока).⁶⁰⁶ Итак, боярская знать в целом не являлась аристократическим антиподом самодержавию, а имела своеобразный характер служилой аристократии. Решающий период формирования этой служилой аристократии, ее трансформации из аристократии родовой и вотчинной приходился на вторую половину XVI в., когда произошли уравнение службы с вотчиной и поместий, разрушение родовой княжеско-боярской вотчины, утрата знатью былого влияния на местах, обособление от уездного дворянства и, наконец, консолидация знати вокруг трона, в верхних чинах двора.

Сказанное позволяет во многом прояснить характер и итоги политической борьбы времени царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова и понять, в частности, причины того, как Борису Годунову в течение двадцати лет правления страной удалось удерживать в повиновении боярскую знать, не прибегая при этом к массовым опалам и казням.

Примечания

¹ См.: Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I. С. 50—55.

² Там же. С. 47—50; Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 68 и след.

³ Павлов А. П. Земельные переселения в годы опричнины: (к вопросу о практической реализации указа об опричнине 1565 г.) // История СССР. 1990. № 5. С. 89—104.

⁴ Там же. С. 98—99.

⁵ Платонов С. Ф. Очерки. С. 147 и др.

⁶ Веселовский С. Б. Опричнина. С. 30—31.

⁷ Зимин А. А. Опричнина. С. 316—319.

⁸ Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 156—158.

⁹ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 271—307.

¹⁰ См.: Анхимюк Ю. В. К вопросу о времени взятия в опричнину Ростова и Ярославля // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. М., 1990. С. 22—25.

¹¹ Сведение об этом содержится в жалованной грамоте царя Федора Ивановича судальскому епископу Иову 1587 г. (ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 2, д. 258, л. 306). Впервые на эти данные обратил внимание А. Л. Станиславский, обнаруживший подлинник грамоты.

¹² В 1580-х гг. они не только владели своими родовыми вотчинами в Суздале, но

и получили суздальские вотчины сородичей — князей Горбатых. См.: ПСРЛ. Т. 14. С. 37; *Рождественский С. В.* С. 182—183.

¹³ *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав. С. 190—191.

¹⁴ *Сухотин Л. М.* С. 17—19.

¹⁵ *Садиков П. А.* Из истории. С. 245; *Сухотин Л. М.* С. 1—2.

¹⁶ См.: *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 286.

¹⁷ ИРГО. Вып. III. С. 244.

¹⁸ См.: *Павлов А. П.* Земельные переселения... С. 95.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 281, № 11831, 11833, 11853, 11856; ф. 1209, кн. 11320, л. 1300; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 530, л. 1128, 1131, 1132, 1140—1143; ОПИ ГИМ, ф. 17, д. 258, л. 287, 288, 298 об.

²⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 546.

²¹ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 414.

²² ЦГАДА, ф. 281, № 1839. — С. М. Каштанов и А. А. Зимин допускали возможность, что вотчина Д. Засекина была взята «с городом вместе» в связи с вхождением Ярославля во «двор» в 1575/76 г. (см.: *Зимин А. А. Опричнина. С. 318*). Но факт вхождения Ярославля в состав «двора» (по крайней мере в середине 70-х гг.) небесспорен (см.: *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав. С. 155—156).

²³ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 17.

²⁴ Там же; ОР ГПБ, F IV. 529, л. 1541 об.—1550, 1581—1592 об., 1598 об. — Данные этой книги выявлены мной совместно с В. Н. Козляковым. В подлинной книге (ЦГАДА, ф. 1209, кн. 550) описания Верховского и Служного станов не сохранились.

²⁵ ОР ГПБ, F IV. 529, л. 227, 234 об., 237 об.

²⁶ *Кобрин В. Б.* Состав. С. 39.

²⁷ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 15.

²⁸ *Калачов Н. В.* Архив. Кн. III. С. 70.

²⁹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1.

³⁰ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 6.

³¹ АФЗХ (АМСМ). № 131, 136, 137.

³² ДДГ. С. 443. — В 1602 г. в Холопьем городке упоминается государев таможенный голова (Акты Уварова. С. 87—88).

³³ См.: ОР ГПБ, F IV. 529, л. 1552—1561 об.; *Сухотин Л. М.* С. 118.

³⁴ Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1909. С. 5.

³⁵ ЦГАДА, ф. 1209, кн. 812, л. 624. — Далее указываем только номер писцовой книги.

³⁶ *Сухотин Л. М.* С. 1—5.

³⁷ ОР ГПБ, F IV. 529, л. 220 об.

³⁸ *Сухотин Л. М.* С. 116; АЗР. Т. IV. С. 341.

³⁹ ЦГАДА, ф. 281, № 14764.

⁴⁰ В первой трети XVII в. упоминается лишь приданая вотчина кн. А. Ф. Деева в Ярославле (Кн. 549, л. 3).

⁴¹ Кн. 582, л. 13; кн. 545, л. 476, 484.

⁴² ТКДТ. С. 123; Кн. 582. л. 465.

⁴³ *Анниловог Г. Н.* Приправочная книга. С. 17, 37, 104 и др.

⁴⁴ РИБ. Т. XXXI. Стб. 285.

⁴⁵ *Кобрин В. Б.* Власть и собственность. С. 64.

⁴⁶ Там же; *Рождественский С. В.* С. 150; ИРГО. Вып. III. С. 244.

⁴⁷ Кн. 10750, л. 932.

⁴⁸ ИРГО. Вып. III. С. 284.

⁴⁹ Там же. С. 244.

⁵⁰ Там же. С. 238; Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 14.

⁵¹ ТКДТ. С. 61; ЦГАДА, ф. 281, № 10564.

⁵² ОПИ ГИМ, ф. 17, д. 258, л. 306.

⁵³ Кн. 11320, л. 729, 860.

⁵⁴ Там же, л. 701.

⁵⁵ АИ. Т. 1. С. 416—417.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1203, д. 2, № 3; ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 2, д. 95.

⁵⁷ Кн. 11320, л. 714 об., 722, 743 об., 757, 825, 918 об., 936, 950, 1538.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 281, № 11833, 11842; Кн. 11320, л. 1387; ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 2. д. 258, л. 283—286; *Садиков П. А.* Из истории. № 43.

⁵⁹ Кн. 11320, л. 995.

⁶⁰ Там же, л. 677—696 об., 701, 797 об., 805 об., 837, 867, 1383; ЦГАДА, ф. 281, № 1831, 11848, 11850, 11854, 11864.

⁶¹ Кн. 11320, л. 971 об.—992.

⁶² АММС. С. 74, 288—289; ДДГ. С. 434—435.

⁶³ Кн. 11320, л. 729, 860.

⁶⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 865. — «Городище» (Клязьемское городище?) упомянуто в духовной кн. И. В. Ромодановского 1521/22 г. (Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 260).

⁶⁵ АММС. С. 281.

⁶⁶ Кн. 11320, л. 1092—1175.

⁶⁷ Там же, л. 1129; АММС. С. 117.

⁶⁸ Кн. 11320, л. 1083; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 530, л. 885.

⁶⁹ Кн. 10752, л. 725; кн. 9806, л. 126 об.; кн. 467, л. 204 об.

⁷⁰ Кн. 11320, л. 998 об., 1006; Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 6.

⁷¹ Кн. 11320, л. 1012—1021.

⁷² Там же, л. 1021 и след.

⁷³ Там же, л. 1024 и след. — О доопричных вотчинах Пожарских, см.: ДДГ. С. 434—435.

⁷⁴ АИ. Т. 1. С. 415—416; т. 2. С. 119.

⁷⁵ Савелов Л. М. Князья Пожарские // Летопись ИРО. 1906. Вып. 1. С. 20.

⁷⁶ Бс. Ч. 1. С. 219, 327, 340.

⁷⁷ Кн. 11320, л. 1074, 1077, 1080.

⁷⁸ Кн. 325, л. 6—192 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 608, л. 48, 50, 52—54, 63.

⁷⁹ Всего в Оболенском у., по писцовой книге 1627—1629 гг., числилось 20 636 четв. вотчинной и поместной земли, из нее 9157 четв. было в старинных вотчинах, включая вотчины, перешедшие к инородцам. Следует учесть еще наличие дворцовых земель в уезде (см.: Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1916. Т. 2. С. 613).

⁸⁰ Кн. 325, л. 6; кн. 10326, л. 436.

⁸¹ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 2. С. 421.

⁸² ЦГАДА, ф. 281, № 8655.

⁸³ ДДГ. С. 435.

⁸⁴ Разряды. С. 373.

⁸⁵ Кн. 252, л. 1—143 об.

⁸⁶ Кн. 438, л. 466—682.

⁸⁷ Сб. Хилкова. С. 23; АЗР. Т. IV. С. 393; Рождественский С. В. С. 204.

⁸⁸ См.: Павлов А. П. Земельные переселения... С. 93.

⁸⁹ В духовной Ивана IV названо владение князей Одоевских — г. Кашин (ДДГ. С. 438), но определенных данных о характере этого владения нет.

⁹⁰ Колычева Е. И. К проблеме источниковедческого изучения завещания Ивана Грозного : («темные места» о землевладении служилого князя М. И. Воротынского в годы опричнины) // Спорные вопросы отечественной истории X—XIV веков. М., 1990. С. 125—130.

⁹¹ Хронологический перечень. III. № 1—519.

⁹² Шумаков С. А. Сотницы. Вып. I. С. 199.

⁹³ Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI века // Тр. МГИАИ. М., 1970. Т. 28. С. 333.

⁹⁴ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 50.

⁹⁵ Кн. 7785, л. 48—152.

⁹⁶ АФЗХ (АМСМ). № 100.

⁹⁷ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 290 и след.

⁹⁸ ДДГ. С. 443.

⁹⁹ См.: Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 201.

¹⁰⁰ УПК. С. 94—97, 106.

¹⁰¹ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 1.

¹⁰² Кн. 12604, л. 189.

¹⁰³ Кн. 549, л. 602; кн. 173а, л. 1398; кн. 10958, л. 598—638; кн. 627, л. 618; кн. 9807, л. 215, 809; кн. 638, л. 428 об.; кн. 11829, л. 1097.

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 21, л. 203 об.

¹⁰⁵ Кн. 9807, л. 215.

¹⁰⁶ Лихачев Н. П. Сборник актов. С. 63—67; Сухотин Л. М. С. 56—57; Кн. 209, л. 86 и след.

¹⁰⁷ *Мордовина С. П. Служилые князья...* С. 330.

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. 281, № 2474; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 599, л. 4,20; Кн. 192, л. 132; кн. 193, л. 1446.

¹⁰⁹ Кн. 9808, л. 448.

¹¹⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 137; Кн. 9807, л. 832; кн. 628, л. 198, 201.

¹¹¹ Кн. 373, л. 1172; АФЗХ. Ч. 2. С. 473.

¹¹² АИ. Т. 2. С. 71.

¹¹³ РПК. Вып. 1. С. 153.

¹¹⁴ Кн. 915, л. 732 об.; кн. 9807, л. 817—818; кн. 373, л. 1362; ОР ГБЛ, ф. 256, № 53, л. 50.

¹¹⁵ Кн. 291, л. 246—259 об.; кн. 11829, л. 936—1085 об.

¹¹⁶ Кн. 292, л. 15 об.—44.

¹¹⁷ Кн. 638, л. 14 об.

¹¹⁸ ДДГ. С. 438.

¹¹⁹ *Мордовина С. П. Служилые князья...* С. 338.

¹²⁰ Кн. 588, л. 180—190, 201—216, 363 об.; кн. 589, л. 72.

¹²¹ Кн. 628, л. 92—93; кн. 467, л. 97; кн. 875, л. 150.

¹²² Кн. 9806, л. 28 об.; кн. 9807, л. 569 об., 653 об.; кн. 9808, л. 151 об., 261, 263; кн. 7210, л. 1176 об.; кн. 530, л. 169; кн. 150, л. 317 об.; кн. 373, л. 1069; кн. 11829, л. 1449; ОР ГПБ, Ф IV. 529, л. 137; Бс. Ч. 2. С. 30.

¹²³ *Мордовина С. П. Служилые князья...* С. 334—340. — Можно назвать также вотчины кн. Б. К. Черкасского в Московском у. (ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 29, 31 об.), И. Е. Черкасского в Коломенском у. (Кн. 202, л. 537), кн. А. Р. Тюменского в Московском у. (ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 84) и С. А. Волошского в Бежецком у. (Кн. 24, л. 372).

¹²⁴ ИРГО. Вып. III. С. 265.

¹²⁵ Кн. 11317, л. 717—799 об.

¹²⁶ Там же, л. 1192; *Шумаков С. А. Обзор. Вып. 1. С. 27*; Кн. 588, л. 173; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 530, л. 640; Троицкая вкладная. С. 75.

¹²⁷ Кн. 862, л. 102, 317 об.; кн. 1063, л. 436; *Рождественский С. В. С. 191*.

¹²⁸ Кн. 11317, л. 717—799 об., 1015, 1043; кн. 11320, л. 480.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 14. С. 37.

¹³⁰ Кн. 254, л. 215 об. — На этот любопытный факт обратил наше внимание Б. Н. Морозов.

¹³¹ *Сухотин Л. М. С. 53—54*.

¹³² Кн. 293, л. 1097—1174 об.

¹³³ *Рождественский С. В. С. 182*; *Кобрин В. Б. Власть и собственность. С. 78*.

¹³⁴ Кн. 425, л. 98 об.

¹³⁵ Кн. 638, л. 182—187; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 662, 663.

¹³⁶ Кн. 9806, л. 659; АММС. С. 270—271; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 181.

¹³⁷ Кн. 9806, л. 660 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 181.

¹³⁸ Кн. 812, л. 945; *Кобрин В. Б. Состав. С. 24*; Кн. 348, л. 152 об.

¹³⁹ Кн. 608, л. 437; АЗР. Т. IV. С. 383.

¹⁴⁰ Кн. 627, л. 61.

¹⁴¹ Есть сведение о пожаловании Сигизмундом III в 1610 г. И. В. и П. В. Морозовым в поместье бывшей вотчины кн. И. И. Шуйского в Стародубском у. — с. Яковцова (АЗР. Т. IV. С. 382). Судьба этой вотчины неясна. В 1610 г. в поместья перешла и бывшая вотчина кн. В. И. Шуйского — с. Верховляны Коломенского у. (там же. С. 392). В 1577 г. вотчина, половина сельца Верховляны, числилась за вдовой кн. М. П. Репнина княгиней Марьей, матерью жены Василия Шуйского Елены Михайловны (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 514). К 1620-м гг. вотчина вновь возвращается к Репним (Кн. 204, л. 134).

¹⁴² ПКМГ. Ч. 1. С. 185; *Сухотин Л. М. С. 42*. — Сузdalское село Лопатинчи числилось за ним уже в 1577/78 г. (ЦГАДА, ф. 281, № 11862, ст. 1), а еще в 1575 г. оно находилось за Сузdalским Покровским монастырем (ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 2, № 54/1-54).

¹⁴³ *Рождественский С. В. С. 183*.

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. 79, кн. 17, л. 142 об.; АЗР. Т. IV. С. 383, 397. — Одному из Шуйских принадлежало, очевидно, в Смуту с. Палеч (Палех?) (АЗР. Т. IV. С. 394).

¹⁴⁵ Кн. 619, л. 958—970, 1019, 1023; кн. 7040, л. 95; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 645—646; *Сухотин Л. М. С. 80*; АЗР. Т. IV. С. 374, 383; Холмогоровы. Вып. X. С. 126.

¹⁴⁶ Самоквасов Д. Я. Т. 1. С. 66.

¹⁴⁷ Кн. 24, л. 815—834.

¹⁴⁸ Кн. 10751, л. 745 об.—810.

¹⁴⁹ Кн. 261, л. 248, 251; АФЗХ. Ч. 2. С. 435, 447; Рождественский С. В. С. 191.

¹⁵⁰ Сухотин Л. М. С. 39, 51; АЗР. Т. IV. С. 392, 396, 402, 426.

¹⁵¹ Акты Уварова. С. 87; Сухотин Л. М. С. 17—19; Кн. 11317, л. 293, 554.

¹⁵² Сухотин Л. М. С. 18—19.

¹⁵³ Акты Уварова. С. 97; Кн. 10816, л. 569; ЦГАДА, ф. 281, № 608, л. 26.

¹⁵⁴ Кн. 11320, л. 998 об.—1021; кн. 530, л. 789; кн. 203, л. 3; кн. 204, л. 232; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 363—364, 482; Бс. Ч. 2. С. 29.

¹⁵⁵ Кн. 10752, л. 690, 725.

¹⁵⁶ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 180, 491; Кн. 9806, л. 638.

¹⁵⁷ Кн. 125, л. 323; кн. 915, л. 50; кн. 11329, л. 495 об.; Троицкая вкладная. С. 78.

¹⁵⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 35, 36, 180; РПК. Вып. 1. С. 242; Кн. 9181, л. 199, 503.

¹⁵⁹ Кн. 10752, л. 725, 761 об.

¹⁶⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 139; Кн. 9806, л. 126 об.; кн. 467, л. 204 об., кн. 16057, л. 440; кн. 2, л. 579; АЗР. Т. IV. С. 324.

¹⁶¹ Кн. 9807, л. 744; кн. 628, л. 201 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 3875, л. 63; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 532, л. 439; Троицкая вкладная. С. 77; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 770; Кн. 11320, л. 951; кн. 140, л. 275; АЗР. Т. IV. С. 421.

¹⁶² Кн. 524, л. 187—189.

¹⁶³ Кн. 9806, л. 661 об.; кн. 190, л. 309—312; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 376; Кн. 203, л. 438; кн. 915, л. 326, 659, 666 об. — Известна приданая вотчина отца Д. М. Пожарского в Юрьевском у. — с. Калман, — данная в 1572/73 г. в Троице-Сергиев монастырь (Кн. 915, л. 326; ЦГАДА, ф. 281, № 14553, л. 8).

¹⁶⁴ Кн. 204, л. 408; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 350—351.

¹⁶⁵ Сухотин Л. М. С. 54—55; Кн. 261, л. 136, 137, 150 об.

¹⁶⁶ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 16. — П. Т. Пожарский умер до Смуты.

¹⁶⁷ Летопись ИРО. 1906. Вып. 2—3. С. 23—24; Кн. 425, л. 376; кн. 9807, л. 491; кн. 11320, л. 1077; кн. 638, л. 189.

¹⁶⁸ Аннилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI в. М., 1977. С. 133, 154; Кн. 11828, л. 208 об.; кн. 12606, л. 617 об.; Бс. Ч. 1. С. 219.

¹⁶⁹ Кн. 11320, л. 971 об.—992 об.; Рождественский С. В. С. 178.

¹⁷⁰ ЦГАДА, ф. 281, № 11868; Кн. 11320, л. 677—698.

¹⁷¹ Сташевский Е. Д. С. 88.

¹⁷² Кн. 610, л. 296 об.; кн. 874, л. 74.

¹⁷³ ЦГАДА, ф. 281, № 11815, 11834.

¹⁷⁴ Там же, № 1833, 1855.

¹⁷⁵ РПК. Вып. 1. С. 197, 212, 331.

¹⁷⁶ Кн. 70, л. 143—144.

¹⁷⁷ ОР ГПБ, F IV. 529, л. 1512—1552, 1568—1594, 1598 об.

¹⁷⁸ ИРГО. Вып. III. С. 217—221.

¹⁷⁹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 257; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 180; УПК. С. 272.

¹⁸⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 257, 258; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 93, 94, 180 об.; УПК. С. 272, 332—336; Кн. 9807, л. 59, 61; кн. 627, л. 219, 116; кн. 628, л. 113—166 об.; кн. 173, л. 622—628 об.; ИРГО. Вып. III. С. 219.

¹⁸¹ Кн. 862, л. 40; кн. 204, л. 370 об.; кн. 638, л. 181, 204; кн. 9807, л. 586, 827 об.; кн. 13329, л. 263 об.; ОР ГПБ, F IV. 448, л. 228, 239 об.

¹⁸² Кн. 11829, л. 425 об.

¹⁸³ Кн. 9806, л. 439, 557; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 836; ОР ГПБ, F IV. 529, л. 1167 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 14705; Кн. 10326, л. 184; кн. 16, л. 7.

¹⁸⁴ Кн. 9806, л. 645; кн. 12606, л. 172, 304 об., 605—611 об.; кн. 72, л. 255 об.; кн. 24, л. 60 об.; ОР ГПБ, F IV. 259, л. 1168.

¹⁸⁵ Кн. 24, л. 787.

¹⁸⁶ Кн. 9807, л. 494.

¹⁸⁷ Кн. 549, л. 267.

¹⁸⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 186; Кн. 9806, л. 651.

¹⁸⁹ Кн. 11317, л. 879 об.

¹⁹⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 896; Кн. 210, л. 1021, 1136; кн. 546, л. 1110; кн. 9807, л. 781 об.; кн. 9808, л. 365 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 11862, сст. 2; Бс. Ч. 2. С. 30.

¹⁹¹ Кн. 812, л. 624.

¹⁹² АПА. С. 26.

¹⁹³ ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 32 об.; Кн. 202, л. 776 об.; кн. 627, л. 238; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 487; РПК. Вып. 1. С. 122, 123, 227; Кн. 530, л. 1055.

¹⁹⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1185.

¹⁹⁵ ОР ГПБ, Ф IV.529, л. 220 об.; Сухотин Л. М. С. 1—5; Кн. 11329, л. 463.

¹⁹⁶ Сухотин Л. М. С. 116; Кн. 11329, л. 339; Бс. Ч. 1. С. 152, 218.

¹⁹⁷ РПК. Вып. 1. С. 197; Анпилогов Г. Н. Приправочная книга. С. 170.

¹⁹⁸ АПД. С. 16, 18.

¹⁹⁹ Кн. 177, л. 57 об., 65 об., 260; Бс. Ч. 1. С. 155, 222.

²⁰⁰ Кн. 70, л. 116—131, 616 об.—665 об.; Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 18.

²⁰¹ ЦГАДА, ф. 281, № 606.

²⁰² Русский архив. 1896. № 4. С. 571—575.

²⁰³ ИРГО. Вып. III. С. 266.

²⁰⁴ Троицкая вкладная. С. 46; Кн. 10752, л. 211.

²⁰⁵ Кн. 209, л. 670; кн. 210, л. 818; кн. 10962, л. 469.

²⁰⁶ За княгиней Антониной Хворостининой в ее духовной значится ярославская вотчина, которую она завещала племянникам Ю. Д. и И. А. Хворостининым (ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 532, л. 243 об.; ср.: ОР ГПБ, Ф IV. 529, л. 206), но это, очевидно, позднее (после 1613 г.) приобретение.

²⁰⁷ РПК. Вып. 1. С. 199; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 832; Кн. 638, л. 119.

²⁰⁸ Кн. 9807, л. 823 об., 835 об.; Троицкая вкладная. С. 46; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 532, л. 684 об.; Кн. 10964, л. 1435, 1472; кн. 589, л. 560 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 1453.

²⁰⁹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 832; Анпилогов Г. Н. Новые документы. С. 324.

²¹⁰ Бс. Ч. 2. С. 31.

²¹¹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 850—851; Троицкая вкладная. С. 47; Кн. 7646, л. 187; ЦГАДА, ф. 281, № 6785 и 6786.

²¹² ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 156; Кн. 9181, л. 195, 513; кн. 314, л. 45 об.

²¹³ ЦГАДА, ф. 281, № 1335, 1337; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 532, л. 240.

²¹⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 483; Анпилогов Г. Н. Приправочная книга. С. 170, 191; Кн. 539, л. 331.

²¹⁵ ДДГ. С. 335.

²¹⁶ Кобрин В. Б. Состав. С. 55.

²¹⁷ Зимин А. А. Формирование. 105.

²¹⁸ ДДГ. С. 377.

²¹⁹ ЦГАДА, ф. 1193, оп. 1, № 4, л. 5, 120, 130.

²²⁰ Явочныи список. С. 51; Шумаков С. А. Обзор. Вып. 3. С. 26.

²²¹ ЦГАДА, ф. 281, № 1453; Кн. 20, л. 322.

²²² ИРГО. Вып. III. С. 244, 253, 304—310, 328.

²²³ Эрм., № 390, л. 727 об.

²²⁴ ЦГАДА, ф. 281, № 3875, л. 83 об., 84; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 532, л. 590.

²²⁵ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1489; Кн. 177, л. 253; кн. 93, л. 220.

²²⁶ ЦГАДА, ф. 281, № 10578; Кн. 9806, л. 101; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 139.

²²⁷ ОР ГПБ, Ф IV. 529, л. 30.

²²⁸ ИРГО. Вып. III. С. 258—259; АГР. Т. 1. С. 280; Кн. 812, л. 886; РПК. Вып. 1. С. 286; Кн. 10334, л. 412, 443.

²²⁹ Кн. 608, л. 78 об.

²³⁰ Кн. 9806, л. 639; кн. 9808, л. 228 об.; АЗР. Т. IV. С. 324.

²³¹ Кн. 11320, л. 736, 1250; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 603—608.

²³² ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 175; Кн. 9806, л. 615 об.; кн. 264, л. 639.

²³³ Кн. 545, л. 527; ОР ГПБ, Ф IV. 529, л. 24; АЗР. Т. IV. С. 327.

²³⁴ Кн. 202, л. 352.

²³⁵ Кн. 11317, л. 681; кн. 11319, л. 397; Бс. Ч. 2. С. 76; Холмогоровы. Вып. IV. С. 44; Кн. 539, л. 5.

²³⁶ УПК. С. 121—123; Кн. 12606, л. 296 об.; кн. 627, л. 669; кн. 9806, л. 657.

²³⁷ Кн. 373, л. 282, 335 об., 425; кн. 9808, л. 151, 257.

²³⁸ Кн. 530, л. 1055; кн. 3, л. 1369 об.; кн. 150, л. 177 об.; кн. 9806, л. 572 об.

²³⁹ ЦГАДА, ф. 137, № 11, л. 611, 614 об.; РИБ. Т. XXII. Стб. 227.

²⁴⁰ Кн. 192, л. 321; кн. 193, л. 102 об.

²⁴¹ ЦГАДА, ф. 281, № 10564.

²⁴² Стасhevский Е. Д. С. 137; ср.: Кн. 627, л. 341; кн. 7647, л. 1640, 1651; кн. 190, л. 365 об.; кн. 9807, л. 612.

²⁴³ РПК. Вып. 1. С. 159; Анпилогов Г. Н. Приправочная книга. С. 9.

²⁴⁴ Кн. 373, л. 1157, 1201, 1206.
²⁴⁵ ЦГАДА, ф. 281, № 3875, л. 103; Кн. 173, л. 360 об.
²⁴⁶ Кн. 9806, л. 143 об.; кн. 24, л. 761.
²⁴⁷ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 440; Кн. 202, л. 270; кн. 627, л. 471; ЦГАДА, ф. 281, № 3875, л. 86.
²⁴⁸ Кн. 173, л. 82—85 об., 478 об.
²⁴⁹ *Аннаполов Г. Н.* Приправочная книга. С. 173; Кн. 405, л. 35, 42; кн. 70, л. 585.
²⁵⁰ Кн. 173, л. 86—87.
²⁵¹ ИРГО. Вып. III. С. 80; Кн. 7646, л. 219.
²⁵² *Сухотин Л. М.* С. 8; АГР. Т. 1. С. 283; Кн. 160, л. 470.
²⁵³ Кн. 173, л. 82—85 об.; кн. 9806, л. 344.
²⁵⁴ Кн. 11317, л. 1670; Бс. Ч. 1. С. 110, 139, 203; Кн. 619, л. 1046 об.; кн. 373, л. 214, 227 об.
²⁵⁵ РПК. Вып. 3. С. 1044.
²⁵⁶ Кн. 325, л. 6—18; кн. 10326, л. 436.
²⁵⁷ ЦГАДА, ф. 281, № 608, л. 48, 63.
²⁵⁸ Кн. 325, л. 42 об.—54.
²⁵⁹ Кн. 530, л. 418.
²⁶⁰ Кн. 325, л. 36—42 об.
²⁶¹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 256; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 532, л. 1038 об.
²⁶² *Барсуков А. П.* Шереметевы. Кн. 3. С. 121.
²⁶³ Кн. 488, л. 196.
²⁶⁴ *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 2. С. 412; *Сухотин Л. М.* С. 90—91.
²⁶⁵ Явочный список. С. 250; Кн. 261, л. 221—232; кн. 11833, л. 216—365; кн. 192, л. 222 об.; кн. 193, л. 1368 об.
²⁶⁶ Кн. 325, л. 36 об.
²⁶⁷ Кн. 10326, л. 495 об.—497.
²⁶⁸ *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 2. С. 412, 421; ЦГАДА, ф. 281, № 8655.
²⁶⁹ Кн. 325, л. 316; Троицкая вкладная. С. 99.
²⁷⁰ Кн. 325, л. 106.
²⁷¹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 514; Кн. 204, л. 134, 137.
²⁷² Кн. 173а, л. 1551; кн. 11829, л. 259.
²⁷³ Кн. 9808, л. 13 об.; кн. 261, л. 117—118; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 364.
²⁷⁴ Кн. 325, л. 106—111 об.
²⁷⁵ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1199; ЦГАДА, ф. 281, № 3875, л. 100 об.; Кн. 539, л. 4; кн. 488, л. 44 об.; Бс. Ч. 2. С. 78.
²⁷⁶ Кн. 190, л. 262; кн. 812, л. 420.
²⁷⁷ Кн. 325, л. 30 об.—36.
²⁷⁸ ЦГАДА, ф. 281, № 8654.
²⁷⁹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 583; Кн. 202, л. 952; кн. 209, л. 451 об.; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 532, л. 899 об.; УПК. С. 403—404.
²⁸⁰ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 2.
²⁸¹ Кн. 325, л. 18 об.
²⁸² Кн. 875, л. 42.
²⁸³ Кн. 680, л. 12, 78, 171, 185, 248, 269 об.
²⁸⁴ Кн. 9807, л. 802 об., 836—840; кн. 1063, л. 27.
²⁸⁵ *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 2. С. 484.
²⁸⁶ Кн. 545, л. 843.
²⁸⁷ Кн. 325, л. 29, 105 об.
²⁸⁸ Кн. 9807, л. 497 об.; кн. 190, л. 298; кн. 11833, л. 109; кн. 325, л. 212 об.
²⁸⁹ ЦГАДА, ф. 281, № 608, л. 63 об.; АСЭИ. Т. 1. № 603, 609.
²⁹⁰ Кн. 9807, л. 332, 386, 737 об.; кн. 10958, л. 1005, 1046 об., 1638; кн. 10752, л. 1104 об., 1129; *Елагин Н. В.* Белевская вивлиография. М., 1858. С. 87, 92.
²⁹¹ Кн. 325, л. 77; кн. 10958, л. 1005 об., 1046, 1638.
²⁹² Кн. 325, л. 83, 86 об., 89 об.
²⁹³ Кн. 10751, л. 482 об.
²⁹⁴ Кн. 325, л. 54—55 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 608, л. 63; Кн. 627, л. 269.
²⁹⁵ Кн. 9806, л. 1048 об.; кн. 9807, л. 237 об.; АПА. С. 309.
²⁹⁶ Кн. 325, л. 77—83, 92—96; кн. 24, л. 731 об.; *Сташевский Е. Д.* С. 37, 38; Кн. 9807, л. 179; кн. 83, л. 199.

²⁹⁷ ЦГАДА, ф. 281, № 608, л. 48; Кн. 325, л. 217 об.; кн. 12606, л. 599; кн. 173,
 л. 108.

²⁹⁸ Кн. 325, л. 60 об.—66.
²⁹⁹ Кн. 627, л. 489 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 3875, л. 84 об., 87.
³⁰⁰ Кн. 627, л. 680; кн. 425, л. 849, 851; *Сташевский Е. Д. С. 90, 91.*
³⁰¹ Кн. 539, л. 76; кн. 9806, л. 549 об.; кн. 549, л. 654; кн. 10334, л. 286, 287.
³⁰² Кн. 325, л. 71.
³⁰³ Там же, л. 103 об.; кн. 70, л. 107; кн. 833, л. 87; кн. 160, л. 360; кн. 176, л. 1099; *Сташевский Е. Д. С. 90.*
³⁰⁴ Кн. 325, л. 56; кн. 9806, л. 304, 495; кн. 9807, л. 23; кн. 83, л. 103; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 217.
³⁰⁵ Кн. 173 а, л. 1452; кн. 638, л. 190 об.—В звенигородской писцовой книге, вероятно, ошибочно указан переход вотчины кн. Андрею Васильевичу Мосальскому (а не Андрею Федоровичу) — такого в роду Мосальских не было.
³⁰⁶ Кн. 83, л. 103.
³⁰⁷ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 13.
³⁰⁸ Кн. 325, л. 170.
³⁰⁹ Там же, л. 111 об.—129, 155—164.
³¹⁰ ОР ГПБ, F IV. 529, л. 104 об.; Кн. 862, л. 601; кн. 9806, л. 750.
³¹¹ Кн. 591, л. 221, 234, 246; ИРГО. Вып. IV. С. 54 и след.
³¹² Кн. 325, л. 182, 211; кн. 546, л. 1002 об., 1003.
³¹³ Кн. 325, л. 129; кн. 549, л. 372; кн. 546, л. 999; *Сташевский Е. Д. С. 226.*
³¹⁴ Кн. 325, л. 173—182, 188 об.
³¹⁵ РПК. Вып. 1. С. 40; Кн. 589, л. 5; кн. 9807, л. 343.
³¹⁶ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 833, 837; ЦГАДА, ф. 281, № 12556, л. 31, 33, 43.
³¹⁷ Кн. 325, л. 113, 131 об.
³¹⁸ Кн. 11833, л. 116; кн. 325, л. 147.
³¹⁹ Кн. 325, л. 111 об.—129, 155—164.
³²⁰ УПК. С. 418.
³²¹ Кн. 325, л. 186 об., 192.
³²² Там же, л. 147—164.
³²³ Там же, л. 96.
³²⁴ Кн. 9808, л. 145 об.
³²⁵ Кн. 252, л. 1 об.—38 об.
³²⁶ Калачов Н. В. Архив. Кн. III. С. 70.
³²⁷ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 209, 479; Кн. 204, л. 383; кн. 627, л. 475 об.; кн. 9808, л. 560 об.
³²⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 850.
³²⁹ Кн. 252, л. 108—135.
³³⁰ Кн. 9807, л. 560 об.—Есть сведение о дмитровской вотчине, принадлежавшей внуку кн. Вл. В. Кольцова кн. М. А. Кольцову, проданной в 1614/15 г. вдовой последнего (кн. 627, л. 284 об.)
³³¹ Кн. 252, л. 38 об.—68.
³³² Кн. 9807, л. 517 об., 536, 813; кн. 373, л. 590.
³³³ Кн. 252, л. 135—143 об.
³³⁴ Кн. 9806, л. 560.
³³⁵ Кн. 252, л. 79—90.
³³⁶ Кн. 9808, л. 18.
³³⁷ Калачов Н. В. Архив. Кн. III. С. 50.
³³⁸ Кн. 252, л. 90—108.
³³⁹ ИРГО. Вып. III. С. 266.
³⁴⁰ Кн. 252, л. 90—108; кн. 202, л. 764; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 545.
³⁴¹ Троицкая вкладная. С. 123.
³⁴² Кн. 9807, л. 519; РПК. Вып. 3. С. 819, 850, 895; Сухотин Л. М. С. 85—87; Сб. Хилкова. С. 23.
³⁴³ Кн. 252, л. 68 об.—79, 192—200 об.
³⁴⁴ Кн. 9807, л. 521.
³⁴⁵ Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства: (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
 С. 288.
³⁴⁶ ОР ГПБ, F IV. 529, л. 175.

³⁴⁷ Калачов Н. В. Архив. Кн. III. С. 29.
³⁴⁸ Кн. 875, л. 46 об.—52.
³⁴⁹ ДДГ. С. 437.
³⁵⁰ ЦГАДА, ф. 281, № 12556, л. 68, 70, 110; Кн. 875, л. 46 об.; кн. 467, л. 100 об.
³⁵¹ Троицкая вкладная. С. 83.
³⁵² Кн. 873, л. 77 об.; кн. 872, л. 61. — В писцовой книге с. Петровское значится как приданая вотчина, а в челобитной кн. Ф. А. Телятевского 1614 г. как «царское жалование» (АПД. Т. 1. С. 18, 19). В 1540-х гг. с. Петровское принадлежало кн. Д. И. Микулинскому (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 221).
³⁵³ Сухотин Л. М. С. 49.
³⁵⁴ Там же; кн. 11319, л. 604; кн. 11317, л. 863 об., 1077.
³⁵⁵ ЦГАДА, ф. 281, № 11862, л. 1 и след.
³⁵⁶ Там же, № 11831, л. 7.
³⁵⁷ АММС. С. 72, 289; ДДГ. С. 424.
³⁵⁸ Сухотин Л. М. С. 47—49; Кн. 10752, л. 771, 1087, 1232; кн. 9808, л. 26.
³⁵⁹ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 6.
³⁶⁰ Кн. 862, л. 120, 179, 263.
³⁶¹ Кн. 619, л. 888 об.; кн. 379, л. 248, 257.
³⁶² Зимин А. А. Формирование. С. 135—136.
³⁶³ АГР. Т. 1. С. 64—67, 222—230; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 530, л. 1067, 1074, 1101, 1110.
³⁶⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 865—870; АГР. Т. 1. С. 65.
³⁶⁵ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 865—870; ОПИ ГИМ, ф. 17, оп. 2, № 258, л. 294; АГР. Т. 1. С. 225.
³⁶⁶ Кн. 11320, л. 1175, 1191 об., 1205.
³⁶⁷ ЦГАДА, ф. 281, № 11850.
³⁶⁸ Кн. 10815, л. 641; Корецкий В. И. Развитие феодальной земельной собственности в России XVI века // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов н/Д, 1980. С. 42.
³⁶⁹ Корецкий В. И. Развитие... С. 42.
³⁷⁰ Кн. 10815, л. 343; кн. 10326, л. 499; кн. 9806, л. 494 об.; кн. 7646, л. 195 об., 208; кн. 425, л. 562; ИРГО. Вып. II. С. 80.
³⁷¹ Кн. 193, л. 1402, 1409, 1411; ОР ГПБ, F IV.418, л. 591 об.
³⁷² Кн. 425, л. 425.
³⁷³ Кн. 426, л. 348.
³⁷⁴ Кн. 9807, л. 580 об.; кн. 1064, л. 507; ОР ГПБ, F IV.462, л. 272; F IV.379, л. 548; Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 9.
³⁷⁵ ЦГАДА, ф. 281, № 7759; Кн. 11828, л. 481 об.
³⁷⁶ Кн. 915, л. 193; Сташевский Е. Д. С. 144; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 2. С. 16.
³⁷⁷ Зимин А. А. Формирование. С. 56—58.
³⁷⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 176, 440; Кн. 173а, л. 1257; Мятлев Н. В. Родословные заметки. СПб., 1906. Ч. 3. С. 3; АЗР. Т. IV. С. 426.
³⁷⁹ Кн. 426, л. 228; кн. 425, л. 277.
³⁸⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1380—1381.
³⁸¹ Кн. 9807, л. 516 об.
³⁸² ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 346, 376; Кн. 203, л. 130 об., 468.
³⁸³ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 346, 375; АЮБ. Т. I. С. 192—214; Кн. 203, л. 465; ОР ГПБ, F IV.428, л. 382.
³⁸⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 469; отд. 2. С. 326; АМГ. Т. I. С. 53; Кн. 426, л. 24, 82, 164; кн. 425, л. 366; ЦГАДА, ф. 281, № 12556.
³⁸⁵ АМГ. Т. I. С. 54; Кн. 875, л. 333 об.
³⁸⁶ Кн. 425, л. 165 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 320.
³⁸⁷ АМГ. Т. I. С. 54; Кн. 875, л. 187; ЦГАДА, ф. 281, № 12556, 12563, л. 23 об., 98.
³⁸⁸ Кн. 425, л. 165 об., 438 об.; АФЗХ. Ч. 2. С. 69.
³⁸⁹ Кн. 9807, л. 263, 433 об.; кн. 9808, л. 480, 521; АЗР. Т. IV. С. 402.
³⁹⁰ Кн. 425, л. 163 об.; кн. 9807, л. 767, 796 об.; кн. 798, л. 95.
³⁹¹ Кн. 9807, л. 151 об.; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 270; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1271, 1272.
³⁹² Кн. 261, л. 72 об.—74; кн. 9806, л. 1059; кн. 204, л. 310; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 468; Кн. 173а, л. 1165 об.; кн. 10326, л. 85—99; кн. 10334, л. 259—263; Шумаков С. А. Сотницы. Вып. V. С. 34—36; ЦГАДА, ф. 281, № 4707, 4708.

³⁹³ Кн. 491, л. 811 об.—816; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1271—1272.

³⁹⁴ Архив ЛОИИ СССР, кол. 2, № 63, л. 130. — Известно также, что его крестьяне пахали земли в Новгородском у. (РИБ. Т. XXXVIII. № 10).

³⁹⁵ Кн. 11828, л. 1460; кн. 11829, л. 88 об.; АПД. Т. 1. С. 431, 464, 498.

³⁹⁶ ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 226 об.; Бс. Ч. 2. С. 44.

³⁹⁷ Кн. 9807, л. 691 об., 798, 800; кн. 545, л. 530; кн. 10751, л. 112 об.; кн. 11432, л. 296 об., 304, 311; кн. 524, л. 1; кн. 488, л. 143 об., 167; Сухотин Л. М. С. 44, 84; Кн. 7040, л. 93 об., 97, 103.

³⁹⁸ ИРГО. Вып. III. С. 265; Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Шукшина. М., 1897. Ч. 2. С. 216—217.

³⁹⁹ Кн. 9807, л. 201, 256.

⁴⁰⁰ Кн. 10751, л. 396 об.; кн. 10752, л. 680 об.—725.

⁴⁰¹ ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 426 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 896; Кн. 9806, л. 876, 1001 об.; кн. 93, л. 260; ЦГАДА, ф. 281, № 3489; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 532, л. 99 об., 1038 об.

⁴⁰² Кн. 9807, л. 745; Троицкая вкладная. С. 95, 96; Кн. 173, л. 436—444.

⁴⁰³ Кн. 203, л. 428 об.—432; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 532, л. 654 об.

⁴⁰⁴ Лихачев Н. П. Сборник актов. Вып. 1. С. 43; Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 172; ЦГАДА, ф. 281, № 5076, 5079; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 903.

⁴⁰⁵ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 2; Кн. 530, л. 95, 142, 146 об., 709; РПК. Вып. 1. С. 112; Аниловог Г. Н. Приправочная книга. С. 39, 61, 78, 84; ОР ГПБ, F IV.427, л. 11—23 об.; Кн. 427, л. 13.

⁴⁰⁶ ЦГАДА, ф. 281, № 6430; Кн. 293, л. 147 об.; АПД. Т. 1. С. 15.

⁴⁰⁷ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 29, 237; Кн. 9807, л. 124 об., 156; кн. 9806, л. 588 об.; кн. 261, л. 140—144, 160, 161.

⁴⁰⁸ АМГ. Т. 1. С. 53, 54; РК 1475—1605. Т. II. С. 458.

⁴⁰⁹ АПД. Т. 1. С. 43; Кн. 545, л. 814.

⁴¹⁰ Бс. Ч. 2. С. 28; Кн. 70, л. 592 об.—593 об.; кн. 11432, л. 448 об.

⁴¹¹ АЗР. Т. IV. С. 339; Кн. 613, л. 94, ср. л. 190; кн. 9808, л. 46; кн. 10751, л. 1111; кн. 11319, л. 677 об.

⁴¹² Кн. 608, л. 442; кн. 11828, л. 896; кн. 628, л. 78; кн. 627, л. 643 об.

⁴¹³ Бс. Ч. 1. С. 98; Кн. 875, л. 326; кн. 9806, л. 112.

⁴¹⁴ ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 473—480.

⁴¹⁵ Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 174; ЦГАДА, ф. 281, № 5081, 51066, 5111, 5144, л. 13, 14; Архив ЛОИИ СССР, ф. 276, оп. 1, № 7, л. 20.

⁴¹⁶ РПК. Вып. 1. С. 246; Сухотин Л. М. С. 85; Памятники русской письменности XV—XVI вв.: Рязанский край. М., 1978. С. 23, 116.

⁴¹⁷ Кн. 173, л. 40—42; кн. 173а, л. 1506.

⁴¹⁸ Явочный список. С. 240; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 133; Лихачев Н. П. Сборник актов. Вып. 1. С. 69; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 55, 149; ОР ГБЛ, ф. 303, кн. 599, л. 26.

⁴¹⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 200.

⁴²⁰ ЦГАДА, ф. 281, № 1836, 1785; Лихачев Н. П. Сборник актов. Вып. 1. С. 69.

⁴²¹ АФЗХ. Ч. 1. С. 239—241.

⁴²² Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 88—91; АИ. Т. 1. С. 431; Чтения ОИДР. 1883. Кн. 1. С. 3—4; АПД. Т. 1. С. 274; АЮБ Т. II. Стб. 460; Временник ОИДР. 1849. Кн. 8. С. 94; АЗР. Т. IV. С. 374. — Тотьма перешла к Д. И. Годунову не ранее 13 марта 1585 г. (Хронологический перечень. III. № 1—367).

⁴²³ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 781, 811—816; Кн. 150, л. 129 об.

⁴²⁴ Сухотин Л. М. С. 70—71; Кн. 539, л. 294—300; ЦГАДА, ф. 281, № 608, л. 71.

⁴²⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 200.

⁴²⁶ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 134; Явочный список. С. 238.

⁴²⁷ Кн. 638, л. 213—215; АЗР. Т. IV. С. 405; ПСРЛ. Т. 34. С. 200.

⁴²⁸ ГБЛ, ф. 303, кн. 532, л. 291 и след.

⁴²⁹ Кн. 901, л. 76 об.

⁴³⁰ АФЗХ (АМСМ). С. 249—250.

⁴³¹ АФЗХ. Ч. 2. С. 418—419.

⁴³² АЗР. Т. IV. С. 327; Флетчер Д. С. 34.

⁴³³ Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 174—175.

⁴³⁴ См.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова: 1606—1607. Л., 1949. С. 114—117.

⁴³⁵ Кн. 619, л. 500 об.

⁴³⁶ РИБ. Т. XXXVIII. Стб. 8.

⁴³⁷ Садиков П. А. Очерки. С. 370.

⁴³⁸ Флетчер Д. С. 34; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 883.

⁴³⁹ Кн. 7646, л. 761; кн. 10751, л. 743; кн. 11432, л. 162, 163 об.; Сухотин Л. М. С. 96, 97; Кн. 10752, л. 197; Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л. Документы. С. 36; ИРГО. Вып. III. С. 266; Кн. 229, л. 496 об.; кн. 408, л. 263 об.; кн. 191, л. 54; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 103 об.; Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 174; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 753; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 218—219.

⁴⁴⁰ УПК. С. 314, 347; Кн. 638, л. 296; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 723; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 2. С. 514; Кн. 425, л. 155 об.

⁴⁴¹ Кн. 192, л. 222 об.; Сухотин Л. М. С. 79; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 568—570.

⁴⁴² ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 420.

⁴⁴³ РПК. Вып. 1. С. 246; Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л. Документы. С. 36.

⁴⁴⁴ Действия Нижегородской УАК. Нижний Новгород, 1915. Т. XV. С. 287.

⁴⁴⁵ РПК. Вып. 1. С. 152, 246; Кн. 13329, л. 703; кн. 10752, л. 306 об.; кн. 7647, л. 1739; ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 424, 615; Кн. 812, л. 177 об.; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 92; Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 175; Кн. 202, л. 251; АПД. Т. 1. С. 73, 160, 360.

⁴⁴⁶ Антилогоев Г. Н. Новые документы. С. 397.

⁴⁴⁷ Кн. 10334, л. 379; кн. 10752, л. 197.

⁴⁴⁸ Кн. 204, л. 284—288 об., 379; кн. 608, л. 434; Архив ЛОИИ СССР, ф. 276, оп. 1, № 94, л. 16.

⁴⁴⁹ Белевская вивлиофика. С. 396; АФЗХ. Ч. 2. С. 444; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 122—124; Кн. 9807, л. 488; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 90 об.; Кн. 192, л. 189, 312; кн. 193, л. 1511 об.; АПД. Т. 1. С. 360.

⁴⁵⁰ ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 480 об.; Кн. 10965, л. 479; Сташевский Е. Д. С. 82; Кн. 7647, л. 1736 об.; кн. 425, л. 246 об.

⁴⁵¹ ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 31 об.; Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л. Документы. С. 36; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 901; Кн. 210, л. 881; ОР ГБЛ, ф. 303, № 532, л. 900.

⁴⁵² Кн. 373, л. 1245; кн. 619, л. 49 об., 77 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 247, 253; Кн. 210, л. 1085; кн. 193, л. 1088, 1186; кн. 425, л. 756 об.; РПК. Вып. 1. С. 80, 368.

⁴⁵³ УПК. С. 342, 343; Кн. 875, л. 69; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 339, 727, 728; ЦГАДА, ф. 281, № 1339; Кн. 373, л. 1209, 1331.

⁴⁵⁴ УПК. С. 124; Чтения ОИДР. 1868. Кн. 4. С. 1—5; Кн. 9806, л. 489.

⁴⁵⁵ ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 9 об.; Кн. 619, л. 1114.

⁴⁵⁶ Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы. С. 175; ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 481—481 об.; Кн. 10965, л. 473 об., 549.

⁴⁵⁷ Кн. 210, л. 1112 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 5138, л. 4; № 607, л. 218; Кн. 261, л. 138; кн. 9807, л. 415, 488; кн. 9806, л. 422; ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 2 об.

⁴⁵⁸ ГПБ, Эрм. № 520, л. 471; Кн. 10965, л. 777; кн. 9807, л. 488; кн. 10958, л. 505; кн. 1115, л. 143; УПК. С. 421.

⁴⁵⁹ ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 445 об.; Кн. 1115, л. 47 об., 87; кн. 12606, л. 738 об., 759; АИ. Т. 2. С. 67; Кн. 901, л. 131—152; кн. 862, л. 18 об., 50, 236; кн. 9806, л. 152, 563, 618; кн. 10965, л. 1206 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 119; отд. 2. С. 574—575.

⁴⁶⁰ ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 437 об., 445 об., 447; Архив ЛОИИ СССР, ф. 276, оп. 1, № 7, л. 27; РПК. Вып. 1. С. 40, 70, 150, 153, 196, 339; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 119; отд. 2. С. 745, 746; Кн. 9806, л. 558 об.; кн. 373, л. 1379 об.

⁴⁶¹ Зимин А. А. Формирование. С. 193.

⁴⁶² Лихачев Н. П. Сборник актов. С. 69; Кн. 549, л. 438 об.; кн. 210, л. 1365; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 31; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 185.

⁴⁶³ УПК. С. 132, 133; Кн. 11319, л. 229.

⁴⁶⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 570; Кн. 9806, л. 560; кн. 9808, л. 516; АПД. Т. 1. С. 456; Действия Нижегородской УАК. Т. XV. С. 10—11.

⁴⁶⁵ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 931; Кн. 193, л. 1247.

⁴⁶⁶ Кн. 8167, л. 813 об.; Сташевский Е. Д. С. 188.

⁴⁶⁷ Кн. 9806, л. 560 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 764—766.

⁴⁶⁸ Кн. 70, л. 244—245; кн. 192, л. 299; Сташевский Е. Д. С. 181.

⁴⁶⁹ ОР ГБЛ, ф. 303, № 532, л. 552; Кн. 530, л. 626 об., 628 об.; кн. 9807, л. 612 об.; РИБ. Т. ХХII. Стб. 613.

⁴⁷⁰ Кн. 619, л. 1139 об.; АФЗХ. Ч. 3. С. 223.

⁴⁷¹ Кн. 373, л. 752; кн. 11432, л. 984; *Сухотин Л. М.* С. 48.

⁴⁷² Кн. 9806, л. 560; кн. 10816, л. 864 об., 878 об., 1134; кн. 8167, л. 103 об.; кн. 10752, л. 66 об., 846; *Сташевский Е. Д.* С. 187.

⁴⁷³ *Веселовский С. Б.* Служилые землевладельцы. С. 173.

⁴⁷⁴ Кн. 11432, л. 829, 846; *Веселовский С. Б.* Опричнина. С. 438, 439.

⁴⁷⁵ Кн. 11432, л. 36, 40, 64, 159, 648, 965.

⁴⁷⁶ Кн. 530, л. 132; Акты Юшкова. С. 281.

⁴⁷⁷ *Веселовский С. Б.* Служилые землевладельцы. С. 173—174.

⁴⁷⁸ Явочный список. С. 246.

⁴⁷⁹ ОР ГПБ, F IV.427, л. 120 об., 217 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1113; *Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л.* Документы. С. 36; *Сташевский Е. Д.* С. 64.

⁴⁸⁰ *Сташевский Е. Д.* С. 60—67.

⁴⁸¹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 2, 3, 176, 177, 378, 379; отд. 2. С. 311; Явочный список. С. 248, 251; РПК. Вып. 1. С. 152; АИ. Т. 2. С. 47; *Кожевников М.* Земельные владения дома Романовых в XVI и XVII ст. СПб., 1913. С. 9, 10, 18—20, 28, 33, 48, 50, 53, 54, 64, 65; *Смирнов П. П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1917. Т. 1. Вып. 1. С. 105—107; Кн. 9806, л. 617—625, 1060—1071; кн. 203, л. 478 об.—484; кн. 204, л. 234; кн. 608, л. 250 об.; кн. 72, л. 241; кн. 915, л. 41 об., 295; кн. 10326, л. 372; кн. 173, л. 656 об.; кн. 871, л. 65 об.; кн. 229, л. 205, 237; кн. 11329, л. 678; ЦГАДА, ф. 281, № 7175; ф. 141, 1594 г., № 1, л. 39; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 91.

⁴⁸² *Шумаков С. А.* Обозр. Вып. 4. № 561; Кн. 210, л. 1391.

⁴⁸³ Кн. 20, л. 287.

⁴⁸⁴ Кн. 254, л. 267 об.

⁴⁸⁵ ДДГ. С. 443.

⁴⁸⁶ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 40—42.

⁴⁸⁷ Там же. Отд. 1. С. 3; Явочный список. С. 251.

⁴⁸⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 350, 351, 482, 491; Кн. 204, л. 234; *Кожевников М.* Земельные владения... С. 20, 28.

⁴⁸⁹ В коломенской писцовой книге 1577 г. упоминается также розданная в постыдья бывшая вотчина С. В. Яковля — с. Желивы (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 363, 364). В XVII в. это село находилось в дворцовых землях (ОМАМЮ. Кн. 1. С. 103) и, вероятно, приналежало одно время Романовым.

⁴⁹⁰ ОР ГБЛ, ф. 303, № 532, л. 52.

⁴⁹¹ СГГ и Д. Ч. 1. С. 214; *Кожевников М.* Земельные владения... С. 4.

⁴⁹² ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1488—1489; Кн. 373, л. 693; кн. 9806, л. 60.

⁴⁹³ *Барсуков А. П.* Шереметевы. Кн. 1. С. 452; РПК. Вып. 1. С. 35, вып. 3. С. 641—644; *Сухотин Л. М.* С. 82.

⁴⁹⁴ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 442; Кн. 202, л. 251, 284.

⁴⁹⁵ АФЗХ. Ч. 2. С. 433; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 452; Кн. 204, л. 431, 495.

⁴⁹⁶ Кн. 589, л. 595.

⁴⁹⁷ *Барсуков А. П.* Шереметевы. Кн. 2. С. 363—364; Кн. 203, л. 415; АФЗХ. Ч. 2. С. 434.

⁴⁹⁸ *Барсуков А. П.* Шереметевы. Кн. 1. С. 449—460; кн. 3. С. 495—524; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 2, 3, 384, 481, 531; Явочный список. С. 251; Кн. 9806, л. 1051; кн. 9807, л. 141; кн. 261, л. 153—156; кн. 202, л. 683; кн. 203, л. 606; кн. 204, л. 405; кн. 608, л. 358, 367 об.; кн. 210, л. 862—877; кн. 209, л. 393; ДАИ. Т. 1. С. 392; Кн. 291, л. 3—10; кн. 7481, л. 327—335; ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 1257; *Антилов Г. Н.* Нижегородские документы XVI в. С. 403; Кн. 173, л. 677; кн. 173а, л. 1239—1247; РПК. Вып. 1. С. 35; вып. 2. С. 641—644; Кн. 13329, л. 798; ЦГАДА, ф. 281, № 1345; Кн. 11833, л. 57—74.

⁴⁹⁹ Кн. 210, л. 877 об.; кн. 608, л. 358—367 об.; кн. 13329, л. 798.

⁵⁰⁰ *Барсуков А. П.* Шереметевы. Кн. 1. С. 459; кн. 3. С. 120, 502; спр.: Кн. 261, л. 153.

⁵⁰¹ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 5. — За И. П. Шереметевым числилось несколько больше — 1973 четв. вотчинных земель, но часть его владений составляли приданые вотчины от тестя дьяка Е. Д. Вылугзина.

⁵⁰² ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 382, 481, 491; Кн. 203, л. 412, 415; кн. 204, л. 243 об., 407; *Барсуков А. П.* Шереметевы. Кн. 2. С. 363—364; Кн. 11317, л. 911—913; ОР ГПБ,

Ф IV.529, л. 1506 об.; *Анннологов Г. Н.* Приправочная книга. С. 131, 140 и др.; Кн. 588, л. 381 об.; Архив ЛОИИ СССР, ф. 276, оп. 1, № 94, л. 401.

⁵⁰³ Кн. 9806, л. 833 об.; кн. 9807, л. 767, 833; кн. 638, л. 192 об.; кн. 11828, л. 767; кн. 173а, л. 1271; кн. 875, л. 57.

⁵⁰⁴ Кн. 9806, л. 418 об.; кн. 9807, л. 760 об.; кн. 9808, л. 29 об., 149 об.; РПК. Вып. 1. С. 94; вып. 3. С. 878.

⁵⁰⁵ Кн. 9807, л. 64 об., 195 об., 249, 256, 666, 709; кн. 9808, л. 58 об.; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 4; Кн. 173, л. 278; кн. 11829, л. 74 об.; кн. 24, л. 723.

⁵⁰⁶ Кн. 12606, л. 325; кн. 915, л. 651; кн. 7646, л. 786 об.; кн. 627, л. 667; ЦГАДА, ф. 281, № 3875, л. 124 об.

⁵⁰⁷ Кн. 9807, л. 691 об.; АПД. Т. 1. С. 10, 103.

⁵⁰⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 140; ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 478; ДДГ. С. 381; Кн. 638, л. 196—202; *Веселовский С. Б.* Служилые землевладельцы. С. 198.

⁵⁰⁹ Кн. 93, л. 31 об., 170, 453.

⁵¹⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 139; отд. 2. С. 349, 350, 357; Явочный список. С. 241; Кн. 638, л. 388.

⁵¹¹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 458—459; Кн. 202, л. 402 об.; кн. 9807, л. 355 об.; кн. 10752, л. 869; см. также: кн. 10752, л. 221, 1046 об.

⁵¹² Кн. 125, л. 244 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 670; ОР ГПБ; ф. 546, л. 5 и след.; ЦГАДА, ф. 281, № 5138, л. 3 об.

⁵¹³ Кн. 125, л. 246.

⁵¹⁴ Кн. 589, л. 40 об., 42; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 669; ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 476; Кн. 125, л. 246.

⁵¹⁵ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 129; Кн. 9806, л. 151 об.; кн. 426, л. 234. об.; кн. 425, л. 236 об.; кн. 546, л. 978; кн. 549, л. 321.

⁵¹⁶ Кн. 210, л. 1071—1083, 1120, 1328 об., 1513—1556; УПК. С. 143—144; Кн. 425, л. 563; ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 241; Кн. 150, л. 317 об.; кн. 638, л. 27, 131.

⁵¹⁷ ЦГАДА, ф. 281, № 607, л. 218.

⁵¹⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 209, 379; Явочный список. С. 253; Кн. 9806, л. 471; кн. 203, л. 452; кн. 150, л. 192.

⁵¹⁹ ЦГАДА, ф. 281, № 9017; ИРГО. Вып. III. С. 266; АГР. Т. 1. С. 277; Кн. 425; л. 831; см. также: *Кобрин В. Б.* Состав. С. 60.

⁵²⁰ ОР ГБЛ, ф. 303, № 532, л. 1038; Кн. 93, л. 260; кн. 9806, л. 87 об.

⁵²¹ ИРГО. Вып. III. С. 265—266.

⁵²² Кн. 915, л. 228; АГР. Т. 1. С. 270.

⁵²³ ЦГАДА, ф. 281, № 9017; ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 44 об., 45, 386; Кн. 10965, л. 377; ИРГО. Вып. III. С. 266; Кн. 530, л. 571; *Сухотин Л. М.* С. 44.

⁵²⁴ АГР. Т. 1. С. 265; см. также: *Кобрин В. Б.* Состав. С. 63.

⁵²⁵ АГР. Т. 1. С. 265. — Упоминается также вотчина Колодкиных в Переяславском у. — сельцо Сотма (Кн. 7646, л. 901 об.).

⁵²⁶ Кн. 190, л. 302 об.—308; АГР. Т. 1. С. 275.

⁵²⁷ Кн. 871, л. 101.

⁵²⁸ ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 455; Кн. 209, л. 52; кн. 210, л. 149 об.

⁵²⁹ ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 36; *Алексеев Ю. Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М.; Л., 1966. С. 61; Кн. 588, л. 170.

⁵³⁰ Кн. 539, л. 22 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 608, л. 100; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 87, 262.

⁵³¹ АФЗХ. Ч. 2. С. 278—281.

⁵³² Кн. 426, л. 124—128.

⁵³³ Кн. 425, л. 156, 857, 859.

⁵³⁴ Кн. 12606, л. 355; кн. 426, л. 128.

⁵³⁵ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 640, 641, 656—658.

⁵³⁶ Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. М., 1929. Т. 1. С. 250; ЦГАДА, ф. 281, № 7771; Кн. 11829, л. 141, 235, 254 об.; кн. 11828, л. 784, 804; кн. 608, л. 242.

⁵³⁷ Кн. 12606, л. 102, 105, 110, 111, 171, 1501; кн. 11829, л. 119 об., 169, 1085 об.; *Сташевский Е. Д.* С. 174, 176; ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 875 об., 891 об., 892 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 11862, л. 2.

⁵³⁸ Кн. 20, л. 215, 220.

⁵³⁹ ОР ГПБ, Ф IV.529, л. 93; *Сухотин Л. М.* С. 2; Кн. 244, л. 1116—1118 об.; *Сташевский Е. Д.* С. 173.

⁵⁴⁰ Кн. 627, л. 489; кн. 812, л. 897; кн. 877, л. 82; кн. 7481, л. 456, 486.

541 *Сташевский Е. Д.* С. 174—175.

542 ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 178; Явочный список. С. 242; Кн. 10752, л. 465 об.; кн. 261, л. 178, 187, 198—199; кн. 9807, л. 201; ОР ГПБ, F IV. 428, л. 76.

543 Кн. 10815, л. 355; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 554; Кн. 202, л. 1052, 1057.

544 *Сташевский Е. Д.* С. 56—57.

545 Там же.

546 Там же.

547 Кн. 11318, л. 123; кн. 11833, л. 554 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 11862, л. 2.

548 Кн. 204, л. 3.

549 Мы не рассматриваем землевладение Головиных-Ховриных, находившихся в годы правления и царствования Бориса Годунова в опале и ссылке.

550 ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 181—184; Явочный список. С. 247; Кн. 9806, л. 656; ОР ГБЛ, ф. 303, № 532, л. 745; Кн. 10752, л. 1253 об.; кн. 10751, л. 1148 об.; кн. 20, л. 325; кн. 10958, л. 773, 964; кн. 209, л. 586.

551 ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 186—187; Явочный список. С. 244, 247.

552 Кн. 2, л. 576; Белевская вивлиофика. С. 286.

553 Кн. 160, л. 411 об.; кн. 610, л. 11 об., 188 об., 218; кн. 125, л. 294, 296, 306; кн. 9808, л. 140.

554 Кн. 20, л. 258, 265, 271, 285, 291; кн. 210, л. 1343; кн. 10958, л. 484, 570, 572.

555 ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 471.

556 Кн. 10965, л. 411—448 об.

557 Кн. 425, л. 67.

558 ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 891.

559 Кн. 173, л. 484—487 об.; *Сташевский Е. Д.* С. 50—51.

560 ЦГАДА, ф. 1193, оп. 1, № 4, л. 21.

561 ТКДТ. С. 56, 68, 69, 134, 135; ЦГАДА, ф. 281, № 6715, 6775; ф. 1193, оп. 1, № 4, л. 148, 424.

562 *Флория Б. Н.* О путях политической централизации Русского государства. С. 284.

563 ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 691; *Сташевский Е. Д.* С. 50—51.

564 Кн. 9806, л. 999 об.; кн. 261, л. 148; кн. 264, л. 593; Явочный список. С. 246, 250; ОР ГБЛ, ф. 303, № 599, л. 17 об., 28; РПК. Вып. 1. С. 86, 211, 242, 329; Временник ОИДР. 1852. Кн. 13. Отд. 2. С. 1; Кн. 10815, л. 653, 706; кн. 10816, л. 251; кн. 539, л. 300; кн. 862, л. 230 об., 390 об.; ЦГАДА, ф. 1193, оп. 1, № 4, л. 6; *Шумаков С. А.* Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. 1. С. 112—113; АЗР. Т. IV. С. 362; ИРГО. Вып. III. С. 265.

565 ИРГО. Вып. III. С. 265; Явочный список. С. 248; Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 6.

566 ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 250; Явочный список. С. 252; ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 173 об.; Кн. 150, л. 472; кн. 638, л. 436; кн. 190, л. 256.

567 *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав. С. 163.

568 Кн. 619, л. 1052, 1076—1090; *Тихомиров М. Н.* Россия... С. 366—367.

569 Кн. 628, л. 42 об., 93; Явочный список. С. 250; Кн. 10815, л. 521, 645.

570 Кн. 261, л. 55 об.—56.

571 Кн. 425, л. 841; АЗР. Т. IV. С. 383; *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав. С. 181.

572 Кн. 11833, л. 176.

573 *Сухотин Л. М.* С. 48; Кн. 862, л. 48 об.; АПД. Т. 1. С. 377.

574 *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав. С. 168.

575 Кн. 619, л. 1 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 713, 814, 818.

576 *Кобрин В. Б.* Состав. С. 56; *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав.

С. 184—186.

577 Кн. 426, л. 342, 368.

578 ОР ГПБ, Эрм. № 520, л. 428.

579 ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 426; отд. 2. С. 1272.

580 Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 19.

581 ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 100, 132; Кн. 613, л. 52.

582 *Сухотин Л. М.* С. 82; ОР ГПБ, F IV. 438, л. 256, 327, 768, 858; Явочный список. С. 247, 250, 251; Кн. 202, л. 1023; кн. 203, л. 418; кн. 425, л. 180.

583 Кн. 173 а, л. 1257; кн. 16, л. 170; кн. 9807, л. 484 об.; кн. 70, л. 162; кн. 193, л. 1369.

⁵⁸⁴ Кн. 9807, л. 484 об., 596; Акты Юшкова. С. 186, 246, 276; *Мордовина С. П.*, *Станиславский А. Л.* Состав. С. 162.

⁵⁸⁵ См.: ОР ГБЛ. ф. 303, № 530, л. 170.

⁵⁸⁶ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 128, 178, 180, 210, 211; Кн. 9806, л. 631, 683 об., 686; кн. 9807, л. 233 об., 364—366; Явочный список. С. 243; ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 170, 227, 995, 1084; № 599, л. 6—8, 13; АФЗХ. Ч. 3. С. 223; АГР. Т. 1. С. 291; ЦГАДА, ф. 281, № 1862; АЗР. Т. IV. С. 328, 348, 368; ОР ГБЛ, ф. 303, № 532, л. 587 об.; *Лихачев Н. П.* Сборник актов. С. 79, 83.

⁵⁸⁷ ЦГАДА, ф. 281, № 1862; АГР. Т. 1. С. 291.

⁵⁸⁸ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 261; ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 346 об.

⁵⁸⁹ АЗР. Т. IV. С. 348, 368; Кн. 202, л. 513 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 494.

⁵⁹⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 248; Явочный список. С. 249; Кн. 9807, л. 833, 767; кн. 11828, л. 767; кн. 638, л. 192 об.; кн. 173а, л. 1271; кн. 192, л. 979.

⁵⁹¹ Известны только поместья Сапуна Аврамова в Вяземском, Муромском и Ярославском уездах (всего 880 четв.) и его подмосковное поместье (116 четв.) (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 643, 645; *Сухотин Л. М. С. 36*). Афанасий Власьев выставил в 1604 г. 9 всадников. Упоминается купленная вотчина в Боровском у. жены Афанасия Власьева, Осиповой дочери (ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 333 об.). Дружина Петелин владел поместьями в Пощеконье и Дмитрове (ЦГАДА, ф. 281, № 3875, л. 91; АЗР. Т. IV. С. 351), а Иван Нармацкий — в Новгородском у. (РИБ. Т. XXII. Стб. 122).

⁵⁹² В земляном списке 1613 г. за сыном выборного по Коломне М. М. Проестева С. М. Проестевым (дослужился затем до окольничества) значится 1158 четв. старых вотчинных земель (Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. С. 14). Но такие случаи являются исключением.

⁵⁹³ *Мордовина С. П.* Дворянское представительство. С. 63; *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века как исторический источник : Автoref. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1984. С. 16.

⁵⁹⁴ *Середонин С. М.* Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. СПб., 1891. С. 6; *Шватченко О. А.* Светское землевладение Рязанского уезда в 90-е гг. XVI в. — 20—30-е гг. XVII в. // Проблемы истории СССР. М., 1973. С. 350.

⁵⁹⁵ *Павлов А. П.* Земельные переселения. . . С. 103.

⁵⁹⁶ ИРГО. Вып. III. С. 236, 258; ПСРЛ. Т. 14. С. 56.

⁵⁹⁷ ДДГ. С. 443.

⁵⁹⁸ *Павлов А. П.* Земельные переселения. . . С. 101—102.

⁵⁹⁹ *Станиславский А. Л.* Указ об ограничении землевладения столичного дворянства 1619 г. // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 1985. С. 72.

⁶⁰⁰ *Самоквасов Д. Я. Т. 1.* С. 58, 59, 65, 66, 68, 78, 79; т. 2. С. 283, 342, 523; *Яницкий Н.* Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев, 1915. С. 215; Кн. 967, л. 356, 357, 448.

⁶⁰¹ Кн. 967, л. 177, 215, 245 об., 280 и др.

⁶⁰² ЦГАДА, ф. 137, Новгород, № 11.

⁶⁰³ АЮБ. Т. I. Стб. 73—74.

⁶⁰⁴ Бс. Ч. 1. С. 99, 100, 102, 118, 126, 129, 137, 173, 226; Кн. 967, л. 184; ЦГАДА, ф. 137, Новгород, № 11, л. 304 об., 416, 448. — Свои поместья в Новгородском у. в 80-х гг. сохранили окольничий П. С. Лобанов-Ростовский и И. М. Елецкой, служившие в начале царствования Федора на воеводстве в Новгороде, а также московские дворяне В. Ф. Сабуров и некоторые из князей Черкасских (ЦГАДА, ф. 137, Новгород, № 11, л. 315 об., 347, 477 об., 582 об., 611, 614 об.).

⁶⁰⁵ *Шмидт С. О.* Становление Российского самодержавства. М., 1973. С. 294—295.

⁶⁰⁶ *Crummey R. O.* Aristocrats and servitors : The boyar elite in Russia, 1613—1689. Princeton, New Jersey. 1983. P. 168—169.

Часть III

ДВОР И ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ

Глава 1

САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ

Изменения в структуре и социальном облике верхов служилого сословия, произошедшие во второй половине XVI в., не могли не повлиять на дальнейшее политическое развитие страны, на эволюцию форм государственной власти, суть которой состояла в дальнейшем усилении самодержавных тенденций и упадке прежней системы, основанной на принципах сословного самоуправления.

Серьезные перемены произошли к концу века не только в положении дворовой верхушки, но и других слоев общества. Как уже указывалось, массовые земельные переселения периода опричнины и «двора» нарушили традиционные связи уездного дворянства, ослабили местные корпорации служилых людей. Изменилось положение городского сословия — провинциальные посады лишились влиятельной и зажиточной купеческой верхушки, и одновременно произошло выделение из общей массы тяглого городского населения привилегированных корпораций столичного купечества (гости и торговые люди гостиной и суконной сотен), представители которых обязаны были нести службу в финансовых органах государственного аппарата.¹ В годы опричнины была практически уничтожена черная крестьянская волость в центре страны.² В обстановке послеопричного кризиса начался процесс закрепощения крестьянства и фактически посадских людей. Таким образом, пострадали и были ослаблены все сословия, что объективно вело к усилению власти над ними государя. Многолетние старания Ивана Грозного по утверждению «самодержавства» не остались безрезультатными, и при его слабовольном наследнике, царе Федоре Ивановиче, произошло не только сохранение, но и дальнейшее укрепление самодержавных начал. Видную роль здесь сыграла и деятельность правителя государства, Бориса Годунова, отстоявшего самодержавные принципы в борьбе с аристократической группировкой Шуйских, сумевшего консолидировать знать вокруг трона, поднять авторитет царя как внутри страны, так и за ее пределами. Не случайно именно в царствование Федора (а затем и Бориса Годунова) в титулатуре монарха прочно закрепляется наименование «самодержец». Борис, правитель, а затем царь небезуспешно добивался признания царского титула за рубе-

жом.³ Почтительного отношения к «царскому имени» он неукоснительно требовал от подданных государства, за неправильное его написание налагалась опала.⁴

В связи со сказанным нельзя не коснуться вопроса о так называемой выборной монархии в России. В литературе довольно прочно утвердилось мнение об избрании царя Федора Ивановича земским собором.⁵ Однако ни в одном из официальных русских сообщений о воцарении Федора Ивановича нет и намеков на его избрание. Напротив, формулировки официальной документации весьма однобразны: царь Федор «сел на свои государства... по благословению отца своего...».⁶ В документах посольских сношений подчеркивается самодержавный характер царской власти; власть Федора как «прирожденного» государя противопоставлялась польской выборной монархии.⁷ Единственным источником о созыве в 1584 г. собора является сообщение Горселя, согласно которому «на 4 мая был собран парламент (parliament), представленный митрополитом, архиепископами, священниками, высшими духовными лицами и всей знатью, какая только была (all The nobility whatsoever), там решались вопросы, о которых я не могу рассуждать: все говорило за перемены в правительстве, но [что для нас] особенно интересно, определили срок и день празднования коронации нового царя».⁸ Мы не можем усомниться в достоверности сообщения Горселя, очевидца событий, в самом факте созыва 4 мая (по русскому календарю это конец апреля) сословного собрания.⁹ Но Горсей ничего не говорит об избрании Федора Ивановича — на собрании, повествует англичанин, речь шла лишь об установлении срока коронации и каких-то переменах в правительстве. Источники определенно свидетельствуют о том, что сразу же (в ту же ночь) по смерти царя Ивана единственным законным наследником престола бояре признали Федора Ивановича, а родственники царевича Дмитрия Нагие были отстранены от двора.¹⁰ Уже 21 марта, по погребении Ивана Грозного, о вступлении на престол Федора официально объявили польским послам.¹¹ С этого времени Федор Иванович правил страной как полновластный государь.¹² Не было, таким образом, смысла избирать уже прочно сидевшего на престоле царя, который «учинился на своих государствах» по благословению отца. С отставкой Нагих и Богдана Бельского шансы царевича Дмитрия на престол окончательно упали, и в конце апреля уже не могло идти речи о двух царских кандидатурах. По всей видимости, собрание, о котором говорит Горсей, было созвано по случаю сорочин по усопшем царе Иване (приходились как раз на конец апреля), когда и стало возможным приступить к подготовке торжеств коронации нового государя. У нас нет достаточных оснований считать описанное Горсесем собрание собственно земским собором. Согласно его сообщению, на собрании присутствовали верхушка духовенства (видимо, Освященный собор) и знать (nobility). Под последней следует понимать, очевидно, членов Думы (может быть, на заседание были приглашены и представители столичного дворянства) и уж никак не «все дворянское сословие без разбора» (перевод Н. А. Белозерской) — представители

уездного дворянства едва ли могли подходить под понятие «знать». Ничего не сказано у Горселя о присутствии на собрании горожан, без участия которых оно не могло иметь характера представительного земского собора. В качестве аргумента в пользу созыва в апреле 1584 г. именно земского собора исследователи указывают на то обстоятельство, что Горсель назвал собрание «парламентом». Но сама по себе терминология Горселя не является вполне надежным источником. Как показала А. А. Севастьянова, он мог при описании собраний из «князей и знати, митрополитов, епископов, священников, архимандритов и игуменов» отождествлять понятия «парламент» и «царский совет» (*parliament or counsail royll*).¹³ По всей видимости, описанное Горселием собрание являлось, скорее, не земским собором, а совместным заседанием Освященного собора и Боярской думы — «царского совета» (напрашивается аналогия с «государственным советом» Лжедмитрия I, состоявшим из верхушки духовенства и членов Боярской думы). Следует отметить, что совместные заседания Освященного собора и Боярской думы для решения государственных вопросов происходили в 80—90-х гг. довольно часто, были делом обычным.¹⁴ Итак, из сообщения Горселя не следуют выводы ни об избрании на царство Федора Ивановича земским собором, ни о созыве самого земского собора. В подкрепление мнения о соборном избрании царя Федора исследователи приводят показания и других источников. Об избрании Федора Ивановича «высшими и низшими сословиями» говорит Петрей, но упоминает он об этом в связи с событиями более ранними, чем предполагаемый собор, — с волнениями в столице в начале апреля.¹⁵ Шведский наместник в Финляндии П. Делагарди в своем послании к новгородскому воеводе от 26 мая 1584 г., в частности, писал: «. . .впраду доведался, что избрали в великие князи. . .князя Федора».¹⁶ По правдоподобному предположению А. А. Зимина, сообщения Петрея и Делагарди — «это след восприятия событий сквозь призму польско-шведских представлений о переходе власти к новому монарху».¹⁷ Характерно, что в письме новгородского воеводы (по указанию из Москвы) к Делагарди в ответ на его высказывания об избрании Федора неизменно указывалось на воцарение Федора Ивановича «з Божиєю помоčью и по благословению отца своего».¹⁸ Русская сторона отвергала, таким образом, шведскую версию об избрании царя. Вряд ли надежным основанием для вывода о царском избрании в 1584 г. могут служить слова Котошихина о том, что «прежние цари, после царя Ивана Васильевича, обираны на царство».¹⁹ Это позднее свидетельство отличается неопределенностью — прямо о царе Федоре Ивановиче здесь не говорится. Не об избрании, а о венчании на царство идет речь в Псковской летописи: «В лето 7093-го (здесь ошибка, следует: 7092-го. — А. П.) поставлен бысть на царство царем на Вознесеньев день Федор Иванович митрополитом Дионисием и всеми людьми Русские земля».²⁰ О венчании Федора на царство в Вознесеньев день говорит и Новый летописец.²¹ Этот праздник приходился в 1584 г. на 28 мая. Есть сведения о том, что царское венчание происходило 31 мая, но, очевидно, коронация

длилась не один день. Согласно Новому летописцу, «по представлении царя Ивана Васильевича придоша к Москве изо всех городов Московского государства и молили со слезами царевича Федора Ивановича, чтобы не мешкал, сел на Московское государство и венчался царским венцом»; но молить царя о вступлении на престол отца, как отметил В. О. Ключевский, не значит избирать на царство.²² Таким образом, у нас нет достаточных оснований считать Федора Ивановича выборным царем, которого избрал земский собор.

Первым избранным царем, в факте соборного избрания которого нельзя усомниться, был Борис Годунов. Официальная документация о воцарении Бориса уже прямо подчеркивает факт его избрания сословиями страны, представителями «всей земли». Большое значение «всенародному» избранию придается в основном документе, обосновывающем права Бориса Годунова на престол, — так называемой утвержденной грамоте.²³ Однако мы не можем безоговорочно рассматривать Бориса как народного избранника, зависящего от своих избирателей. Дело в том, что, согласно общей концепции соборной утвержденной грамоты, он был не столько избранником народным, сколько избранником Божиим. Божественное «предызбранничество» Годунова проявилось в особой милости и благоволении к нему прежних «прирожденных» государей (Ивана IV и Федора Ивановича), в успехах его деятельности в качестве правителя государства. Участники же собора лишь предугадали Божий промысел, и, следовательно, самому акту соборного избрания Бориса придавалось как бы второстепенное значение. «Тем же тебе убо, превеликий государь Борис Федорович, не по человеческому единомышлению, ниже по человеческому угодию предизбираем, — говорил на соборе патриарх Иов, — но по праведному суду Божию... Богу на се наставляющу народ единогласие имети... яко же пишет: глас народа глас Божий».²⁴ Божественное «предызбрание» ставило Бориса Годунова в один ряд с прирожденными российскими государями. Самодержцем всей Руси, власть которому «дана от Бога от родителей великих государей российских», представляли его русские послы в Польше.²⁵ Итак, факт соборного избрания Бориса Годунова не изменил самого существа самодержавной власти в России, не означал установления прямой зависимости русской монархии от сословий и сословно-представительных собраний, как это было в соседней Речи Посполитой.²⁶

Чтобы понять роль земских соборов в политической структуре Русского государства, необходимо выяснить в первую очередь состав этих собраний, характер представительства на них различных сословно-чиновных групп. В конце XVI в. происходит дальнейшее развитие соборной практики, что ярко проявилось в деятельности избирательного земского собора 1598 г., одного из крупнейших соборов XVI—XVII вв. Вопрос о характере представительства на соборе 1598 г. еще не вполне разрешен в литературе, несмотря на наличие ряда специальных серьезных исследований. В. О. Ключевский, впервые произведший всесторонний анализ перечня и подписей утвержденной грамоты об избрании Бориса Годунова, сопоставив-

ший их с подписями на соборном акте 1566 г., пришел к выводу о «правильности» и традиционности состава собора 1598 г. В. О. Ключевский первый обратил внимание на то, что лица, записанные в утвержденной грамоте как дворяне выборные из городов, являлись носителями определенного чина государева двора, что, впрочем, не помешало ему рассматривать их и как выборных представителей на соборе от уездного дворянства.²⁷ С. П. Мордовина, автор специального исследования о земском соборе 1598 г., произвела детальное сравнение утвержденной грамоты с современными ей источниками, в том числе с близким по времени к собору «московским» боярским списком 1598/99 г. (введен в научный оборот С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславским). Благодаря этому ей удалось довольно точно охарактеризовать состав лиц, перечисленных в грамоте. Выяснилось, что верхушка двора (члены Думы и столичное дворянство) была призвана к подписанию утвержденной грамоты по принципу по-головной мобилизации. Что же касается выборных дворян из городов, подписавших грамоту, то, как установила С. П. Мордовина, они не были в прямом смысле выборными от местных дворянских обществ, а являлись представителями своего чина, несшими в то время обычную (очередную) службу в столице. Анализ перечня и подписей утвержденной грамоты привел С. П. Мордовину к общему выводу об отсутствии выборного начала в соборной практике 1598 г.²⁸ Правда, среди подписавших утвержденную грамоту мы встречаем и подлинных представителей местных дворянских обществ — Второго Тыртова (подписавшего грамоту «во всей Шелонские пятины место»), Никиту Львова («и в Вотские пятины место»), Варшуту (Дартушу) Дивова («и во всех ржевич место») и Андрея Ивашева («и во всех белян место»).²⁹ Но возникает недоумение — почему, составляя собор из нескольких сотен человек по принципу должностного представительства (я переиначуваю высказывание С. Ф. Платонова³⁰), предоставили право быть выборными представителями только этим четырем лицам?

Изучение состава земского собора 1598 г. осложняется тем обстоятельством, что, как показал Р. Г. Скрынников, перечень и подписи утвержденной грамоты, датированной 1 августом 1598 г., относятся на самом деле ко времени более позднему — к январю—февралю 1599 г.,³¹ когда собор уже выполнил свои функции и значительная часть его делегатов разъехалась по своим местам. Это не дает оснований усомниться в самом факте созыва и деятельности земского собора в феврале—августе 1598 г. (дело объясняется сложностью процесса составления утвержденной грамоты — основного соборного документа³²), однако заставляет заново рассмотреть вопрос о характере представительства на соборе 1598 г. Возникает вопрос: если поздние перечень и подписи утвержденной грамоты и не являются точными списками участников избирательного собора 1598 г., то, может быть, они отражают саму структуру собора, соотношение различных сословно-чиновных групп, принимавших участие в избрании Бориса Годунова? Ведь исследователями отмечено большое сходство состава лиц, подписавших утвержденную грамоту и грамо-

ту земского собора 1566 г. (последняя в отличие от грамоты об избрании Бориса сохранилась в подлиннике, и подписи на ней современны самому собору), — в обеих грамотах представлена преимущественно лишь верхушка феодалов и горожан, и следов выборов делегатов с мест практически не обнаруживается.³³ Однако мы не можем удовлетвориться лишь формальным сравнением документов. Как справедливо отметил В. Д. Назаров, характер представительства на земских соборах не мог оставаться неизменным на протяжении XVI в., поскольку существенную эволюцию прошли сами сословия и чины, из которых составлялись эти высшие сословные собрания страны; значительное влияние на изменение представлений о представительстве оказали перемены в структуре государева двора.³⁴ Действительно, если дворяне, подписавшие соборную грамоту 1566 г., в силу господствовавшей тогда территориальной структуры двора и могли (пусть не прямо, но косвенно) рассматриваться представителями «городов», из которых они служили (по данным А. А. Зимина, они представляли 42 города, т. е. основные земли государства³⁵), то московские дворяне конца XVI в. (они решительно преобладали среди массы служилых людей, подписавших утвержденную грамоту³⁶), будучи полностью оторванными от уездных дворянских корпораций, представителями уездов считаться уже никак не могли. Небольшая же сравнительно группа городовых выборных дворян, призванных подписать утвержденную грамоту (45 человек), представляла всего 21 город, что составляло менее половины городов, где существовал институт выбора, и незначительную часть всех городов страны.³⁷ Вряд ли можно рассматривать как представителей от уездов поименованных в утвержденной грамоте (речь идет о редакции С³⁸) настоятелей провинциальных монастырей. Перечень духовенства данной редакции грамоты полностью совпадает с перечнем духовных лиц в так называемой «Лествице о соборных властех» 7107 (1598/99) г. Последний документ, легший, очевидно, в основу перечня духовенства утвержденной грамоты, представляет собой полный список Освященного собора в его традиционном составе.³⁹ Члены Освященного собора созывались в Москву для совещаний царя с его Думой регулярно и именно по чиновно-должностному, а не выборному принципу. Из горожан утвержденную грамоту подписали лишь представители привилегированных столичных купеческих корпораций — гостей, гостиной и суконной сотен — и московского посада. Таким образом, если исходить из материалов утвержденной грамоты, мы неизбежно придем к выводу об отсутствии на соборе 1598 г. какого-либо представительства от «земли». Но поздние перечень и подписи под документом не могут считаться надежным источником для изучения состава реального собора 1598 г. Данные, полученные на основе их анализа, находятся в прямом противоречии с показаниями как официальной годуновской документации, так и многих летописей и сказаний о Смутном времени (авторов большинства из них трудно заподозрить в симпатиях к Борису Годунову) об избрании Бориса на престол «всей землей», «всеми городами» Московского государства.⁴⁰ Это не были просто трафаретные формулировки.

Показательно, что в источниках различного происхождения изображение Бориса Годунова «всей землей» противопоставляется воцарению Василия Шуйского «по избранию немногих городов», «кроме воли всея земля». ⁴¹ Идея представительства «всей земли» довольно прочно вошла в сознание людей конца XVI в. Еще в 1586 г. участники переговоров с польским послом М. Гарабурдой и русские послы в Польше заявляли по поводу заключения перемирия между двумя государствами, в частности, следующее: «... то дело великое всего христианства государю нашему о том деле радити со всею землею, первое с отцем своим и богомольцем с преосвященным Деонисием митрополитом всея Руссии и со архиепископы, и с епископы, и с архимариты, и с югумены, и со всем Освященным собором, потом з бояры... со всеми думными льдми и со всеми воеводами и со всею землею. И на тое раду съезжатися из далных мест из Новгорода, и изо Пскова, и из Казани, и из Астрахани, и из иных далных мест архиепископом, и епископом, и думным людем, и воеводам... а то дело великое всего крестьянства о докончанье меж государя и меж государства говорити и становити государю нашему о том деле думати со всею землею... и на тое думу съезжатися ко государю нашему из далних изо всех мест воеводам и всяким людем...». ⁴² Собор этот созван не был, но из посольских речей видно, какое большое значение придавалось мнению «всей земли» при решении «великих дел», касающихся судеб «всего христианства». Делом «всей земли», «всего христианства» безусловно было и царское избрание. Но кто же считался представителями «земли», если верхушка духовенства (Освященный собор), верхушка двора (Дума и дворяне столичных чинов), а также гости и торговые люди гостиной и суконной сотен (интересы которых и интересы остальной массы горожан не совпадали) таковыми являться не могли?

Прямые сведения о том, что состав реального земского собора 1598 г. был гораздо шире и разнообразнее, чем это представляется по перечню и подписям утвержденной грамоты редакции С, относящимся к началу 1599 г., дает нам сохранившийся ранний вариант утвержденной грамоты (редакция Н). ⁴³ Редакции Н довела до нас, правда, списки не всех соборных чинов, а только духовных лиц, но зато представленные здесь перечень и подписи духовенства современны самому собору — относятся к апрелю—июлю 1598 г. ⁴⁴ Если в перечне и подписях редакции Н значится соответственно 115 и 126 имен духовных лиц, то в поздней редакции (редакции С) — только 82 и 99 имен. Но самое главное — если в перечне редакции С мы имеем лишь список членов Освященного собора, то в редакции Н помимо членов этой духовной корпорации упоминаются еще и имена целого ряда несоборных настоятелей и старцев из «второстепенных» провинциальных монастырей. По какому же принципу созывались на собор в 1598 г. представители несоборного духовенства из разных, порой весьма отдаленных монастырей? Прояснить этот вопрос помогают материалы утвержденной грамоты 1613 г. об избрании на царство Михаила Федоровича. Если обратимся к подписям грамоты 1613 г., то увидим, что члены Освященного собора поставили свои

подписи отдельно (в начале списка), тогда как прочие духовные лица, не принадлежавшие к Освященному собору, подписали грамоту в качестве выборных представителей от уездов в конце документа.⁴⁵ В отличие от последних верхи духовенства (члены Освященного собора) присутствовали на соборе 1613 г. не по выбору с мест, а по своему должностному положению. Так, накануне созыва избирательного собора 1613 г. белозерский воевода справлялся у игумена Кириллова монастыря, когда он поедет к Москве (на собор), чтобы вместе с ним послать и выборных.⁴⁶ Настоятель крупного Кирилло-Белозерского монастыря, член Освященного собора, как мы видим, отнюдь не рассматривался выборным от Белоозера. Интересен вообще порядок расположения подписей под утвержденной грамотой 1613 г. Вначале ее подписали члены Освященного собора, Боярской думы, представители столичного дворянства (стольники, стряпчие и дворяне московские) и дьяки, а в конце идут подписи (с № 157, по публикации С. А. Белокурова) выборных от уездов — представителей несоборного духовенства, уездных дворян (дворян выборного чина и детей боярских), казаков, посадских людей и проч. Мы видим, что верхушка духовенства и служилых людей, призванная на собор по принципу должностного представительства и поголовной мобилизации,⁴⁷ как бы противостояла общей массе выборных от уездов. Таким образом, можно наблюдать сосуществование двух принципов представительства на соборе 1613 г. — чиновно-должностного и территориально-выборного. По всей видимости, подобный порядок был характерен уже и для соборной практики 1598 г. Соборная документация дает довольно определенные свидетельства о том, что власти (инициатива исходила от патриарха Иова), подготавливая избирательный собор, предписывали к четырем десятнице по представлении царя Федора Ивановича съезжаться в Москву представителям «всяких чинов» «со всяя земли Российского царствия».⁴⁸ О вызове на собор делегатов с мест говорят и другие «независимые» источники. Очевидец событий, некий немецкий агент, сообщал в своем донесении из Пскова 28 февраля 1598 г. о том, что еще за несколько недель до собора «через гонцов выписали» для царских выборов «духовных прелатов», «воевод и некоторых именитых бояр», а также «виднейших из общества».⁴⁹ Мнение населения провинции было, очевидно, небезразлично власть имущим в Москве. Иное сказание сообщает о посыпке Борисом Годуновым своих «злосоветников» и «рачителей» «по всем градом Российские области ко всем людям», «чтобы на государство всем миром просили Бориса».⁵⁰ Предвыборные страсти бушевали в 1598 г. не только в столице, но и в провинции.⁵¹ Один из наиболее осведомленных авторов, Ж. Маржерет, не только говорит о вызове в Москву делегатов с мест, но и сообщает число представителей от каждого города (по 8—10 человек), которым надлежало прибыть на собор в 1598 г.⁵² Характерно, что в среднем примерно такому же количеству депутатов от уездов предписывалось быть и на земском соборе 1613 г.⁵³ Маржерет опубликовал свое сочинение о России в 1607 г., задолго до собора 1613 г., и, следовательно, перенос на собор 1598 г. представлений о более поздней

соборной практике исключается. Итак, мы можем с большой долей уверенности говорить о том, что призыв делегатов на собор 1598 г. осуществлялся (как и в 1613 г.) не только по должностному, но и по территориальному принципу. Появление новых форм представительства (на земском соборе 1566 г. не было выборов, или вызовов делегатов от уездных обществ, не противопоставлялись должностное и территориальное представительства) явилось закономерным следствием эволюции сословий во второй половине XVI в. — выделения из общей массы уездного дворянства и горожан привилегированных групп столичного дворянства и купечества, с одной стороны, и роста политической активности городовых дворянских корпораций и посадских людей — с другой.⁵⁴ Земский собор 1598 г. был первым собором, на котором проявился новый принцип территориального представительства. И в этом его значение в развитии сословно-представительных учреждений в России.

Но главную роль на соборе 1598 г. в деле царского избрания играли, очевидно, не представители с мест, а привилегированные верхи общества — члены Освященного собора, верхушка двора и верхушка купечества, составлявшие (как и в 1613 г.) ядро собора, его верхнюю часть. О значении, которое придавалось мнению этих групп, говорит то обстоятельство, что именно им было предоставлено преимущественное (по принципу поголовной мобилизации) право скрепить «рукописанием» последний вариант утвержденной грамоты в начале 1599 г. Именно эта привилегированная и в то же время зависимая от государя верхушка сословий (в первую очередь верхушка служилого сословия — служилая московская знать) и составляла в рассматриваемое время главную политическую опору самодержавия. С другой стороны, отсутствие прочного союза уездного дворянства и горожан, достаточно развитых форм самоуправления на местах (серьезный урон системе сословного самоуправления нанесла опричнина) обусловливало относительную слабость земских соборов как сословно-представительных учреждений. Недостаточная консолидированность сословий, разделение их на «служилые» чины делали по существу невозможным ограничение власти самодержца со стороны общества и земских соборов.

Примечания

¹ Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве : (вторая половина XV—начало XVII вв.) // История СССР. 1977. № 5. С. 145—160.

² Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. М., Л., 1966. С. 225.

³ Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 341—367.

⁴ Эрм., л. 861.

⁵ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 52; Тихомиров М. Н. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века // ВИ. 1958. № 5. С. 17—19; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 125—132; Скрынников Р. Г. Россия. С. 14—15.

⁶ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 171; ф. 89, кн. 2, л. 261 об.; сб. РИО. Т. 38. С. 134; т. 129. С. 266; СГГ и Д. Ч. 1. С. 593.

⁷ ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 193 об.; кн. 18, л. 80.

⁸ Горсей Д. С. 142.

⁹ Есть косвенные указания о вызове в Москву в то время воевод из крупных городов. В 7092 (1584) г. было «велено ехать к Москве» из Новгорода боярину и воеводе кн. В. Ф. Скопину-Шуйскому, а из Пскова — боярину кн. И. П. Шуйскому (Разряды. С. 346). Уже в мае И. П. Шуйский находился в столице (Эрм., л. 669). В посольской книге указывается, что В. Ф. Скопин-Шуйский «отъехал» из Новгорода в Москву «для некоторых потреб» (Сб. РИО. Т. 129. С. 371). Известно, что боярин Б. Ю. Сабуров еще в марте 1584 г. был воеводой в Казани вместе с кн. Г. А. Куракиным (Разряды. С. 348), а 30 апреля в Казани упоминается уже один кн. Куракин (ОР ГПБ, общ. собр. грамот, № 1—196).

¹⁰ Горсей Д. С. 141; ПСРЛ. Т. 14. С. 35.

¹¹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 15, л. 12 об.

¹² Известны его грамоты, относящиеся к началу апреля (ААЭ. Т. 1. С. 382).

¹³ Севастьянова А. А. Записки о Московии Джерома Горселя : К вопросу о принципах научного перевода терминов при публикации источников) // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 75; Горсей Д. С. 66.

¹⁴ Разряды. С. 362, 378; ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, л. 466; Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. М., 1913. Л. 47.

¹⁵ Петреи П. История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 167.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 129. С. 361, 366.

¹⁷ Зимин А. А. В канун. С. 119.

¹⁸ Сб. РИО. Т. 129. С. 366.

¹⁹ Котошихин Гр. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 126.

²⁰ Псковские летописи. М., 1955. Вып. II. С. 263.

²¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 35.

²² Там же; Ключевский В. О. Сочинения. Т. 8. С. 52.

²³ ААЭ. Т. 2. С. 16—54; ДРВ. Ч. VII. С. 36—127; Мордовина С. П. К истории утвержденной грамоты 1598 г. // АЕ за 1968. М., 1970. С. 127—141.

²⁴ ААЭ. Т. 2. С. 19—22, 25, 55; ДРВ. Ч. VII. С. 38, 42—48.

²⁵ Савва В. И. Московские цари... С. 358—359.

²⁶ Р. Г. Скрынников отметил необычность поведения царя Бориса, ставившегося всячески подчеркнуть свое милосердие «ко всенародному множеству» (Скрынников Р. Г. «Земская» политика Бориса Годунова и борьба с голодом в начале XVII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 164—184). Но, думается, что в стремлении Бориса быть «милостивцем великим» по отношению к подданным выразилась не столько доктрина «земской выборной власти», сколько кредит самодержавной монархии, стоящей над сословиями.

²⁷ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 8. С. 59—61.

²⁸ Мордовина С. П. Дворянское представительство. С. 55—63.

²⁹ ААЭ. Т. 2. С. 55; ОР ГПБ, собр. Соловец. мон., № 852/962, л. 226.

³⁰ Платонов С. Ф. К истории московских земских соборов // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1912. С. 297.

³¹ Скрынников Р. Г. Россия. С. 120—150.

³² Павлов А. П. Утвержденная грамота. С. 206—225.

³³ О составе собора 1566 г. см.: Зимин А. А. Опричнина. С. 177.

³⁴ Назаров В. Д. «Государев двор» и сословное представительство на Руси в XVI в. : (Традиции и изменения) // Общество, государство, право России и других стран Европы : Норма и действительность : Тезисы докладов и сообщений. М., 1983. С. 58—61.

³⁵ Зимин А. А. Опричнина. С. 174.

³⁶ Мордовина С. П. Дворянское представительство. С. 60.

³⁷ Там же. С. 61—62.

³⁸ О редакциях утвержденной грамоты см.: Мордовина С. П. К истории... С. 127—141.

³⁹ См.: Павлов А. П. Утвержденная грамота. С. 221.

⁴⁰ ААЭ. Т. 2. С. 14; СГГ и Д. Ч. II. С. 144; *Щербачев Ю. Н.* Датский архив. С. 148; ДРВ. Ч. III. С. 61, 63; ч. XII. С. 235; РИБ. Т. XVI. Стб. 312—315; ПДС. Т. II. С. 663; ПСРЛ. Т. 14. С. 50.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 50, 68; Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 80, 113; ААЭ. Т. 2. С. 265.

⁴² ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 89 об.—90, 172 об.—181 об., 278 и об.

⁴³ ДРВ. Ч. VII. С. 36—127; *Мордовина С. П.* К истории... С. 129—132.

⁴⁴ *Павлов А. П.* Утвержденная грамота. С. 215—218.

⁴⁵ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / С предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 75—92.

⁴⁶ *Любомиров П. Г.* Очерки истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 181.

⁴⁷ Так, на соборе, по приблизительным подсчетам П. Г. Любомирова, присутствовало около 250 стольников, стряпчих и дворян московских (*Любомиров П. Г. Очерки...* С. 193). Они представляли большинство от своих чинов. Сложности подсчетов здесь обусловлены тем, что подписи под соборным актом 1613 г. ставили не одновременно (там же. С. 247—270; *Семин А. А. К истории «утверженной грамоты» Земского собора 1613 г.* // АЕ за 1980 г. М., 1981. С. 97—104).

⁴⁸ ААЭ. Т. 2. С. 23; ДРВ. Ч. VII. С. 49.

⁴⁹ *Щербачев Ю. Н.* Датский архив. С. 298.

⁵⁰ РИБ. Т. XIII. Стб. 12.

⁵¹ П. П. Смирнов привел один весьма любопытный документ. В 1643 г. настоятель Михаило-Архангельского Устюжского монастыря в членобитной царю Михаилу Федоровичу рассказывал о том, что после смерти царя Федора, когда Борис Годунов еще не был избран на царство, «монастырский дьячец Прошка говорил: „Я де слышал от Якова Давыдова — многие де хотят Бориса на царство“». За симпатии к Романовым монастырь, согласно членобитной, пострадал от царя Бориса (*Смирнов П. П. Посадское строение при царе Борисе Годунове* // ИЗ. 1938. Т. 14. С. 18). В рассказе слишком много политических, конъюнктурных моментов, чтобы доверять ему полностью. Но, возможно, какие-то следы предвыборной борьбы на местах в нем отразились. Между крестьянином Яковом Давыдовым с товарищами и Михаило-Архангельским монастырем действительно было в 1598 г. столкновение о спорной земле (РИБ. Т. XIV. Стб. 806—823).

⁵² *Маржерет.* С. 152, 227.

⁵³ ОР ГБЛ, ф. 178, № 4651, л. 807—808; *Любомиров П. Г. Очерки...* С. 180.

⁵⁴ См.: *Назаров В. Д. «Государев двор»...* С. 61.

Глава 2

БОЯРСКАЯ ДУМА

Данная нами характеристика русского боярства как служилой аристократии позволяет во многом понять такую характерную особенность политического строя Московского государства, как сосуществование сильной самодержавной власти монарха с аристократическим по составу правительством, с аристократической Боярской думой.

В конце XVI—начале XVII в. сохранялось положение Боярской думы (зафиксированное в 98-й статье Царского судебника 1550 г.) как высшего законодательного органа при царе. Без участия Думы, без боярского приговора в годы царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова не обходилось решение таких важнейших вопросов, как вступление в войну и заключение мира.¹ Дума участвовала в принятии важнейших законов. Думой и церковными властями был утвержден Судебник 1589 г. На соборе духовных лиц с присутствием

«всего царского синклита» (т. е. Думы) 20 июля 1584 г. был принят приговор в подтверждение соборного приговора 1580 г. и об отмене тарханов. По государеву указу и боярскому приговору вступили в силу важнейшие законы о крестьянах и холопах. На заседании Боярской думы и Освященного собора в 1604 г. были установлены нормы земельных участков, с которых выставлялись воины в поход против Лжедмитрия. 8 февраля «все бояре в верху» учили приговор о правеже денег по заемным кабалам за 15 лет и недаче суда по выданным кабалам.²

Думой выносились приговоры о местничестве, важнейшем регуляторе служебных отношений в верхах господствующего класса.³ Ее члены вместе с разрядными дьяками имели исключительное право судить местнические споры. Самостоятельные решения разрядных дьяков по местническим делам без боярского приговора считались незаконными.⁴ По государеву указу и боярскому приговору проводились смотры и верстания на службу городовых детей боярских,⁵ осуществлялись земельные пожалования.⁶ По боярскому приговору производилась выдача денежного жалования, бояре решали вопросы о прибавках (придачах) к поместным и денежным окладам.⁷ С ведома «всех бояр» осуществлялись устройства ямов, а также станиц на «диком поле».⁸ На заседаниях Боярской думы вершился суд над государевыми «изменниками». В 1584 г. Дума вынесла смертный приговор казначею П. И. Головину «за государеву краденную казну».⁹ По боярскому приговору подверглись в 1601 г. ссылке опальные бояре Романовы.¹⁰

Приведенными нами примерами далеко не исчерпывается круг проблем, рассматривавшихся на заседаниях Думы. Здесь решались самые разнообразные вопросы, которые, если бы мы имели полные данные, и перечислить было невозможно.

С падением роли дворцового ведомства в управлении страной и развитием системы общегосударственных приказов Боярская дума как высший правительственный «общегосударственный» орган власти стягивает основные функции по руководству и контролю над приказами, она становится как бы организационным центром деятельности центральных административных учреждений. Приказные дьяки не могли выносить самостоятельных решений по спорным вопросам без приговора всей Думы. Это хорошо иллюстрируется материалами одного судебного дела 1598 г.¹¹ Дьяк Казанского дворца Дружина Петелин вместе с дьяком Жданой Порошиным, мстя В. Я. Щелкалову, попытался увеличить налоги с его мещовского поместья, но их затея провалилась. Действия дьяков были призваны незаконными на том основании, что они пересматривали размеры податей «мимо государева указу» и «безо всяких наших бояр приговору» и что «в записи в Большом приходе того именно не написано, что всех бояр приговор, оприч Дружинины скаски». В конце XVI в. Боярская дума безусловно руководила работой всех общегосударственных приказов.

Административная роль Думы и ее членов проявлялась в непосредственном участии бояр и верхушки дворянства в управлении

отдельными приказами. В рассматриваемый период это явление становится значительно более заметным, чем в предшествующее время. В доопричный период лишь Разбойный и Челобитный приказы возглавляли суды из бояр и окольничих. С развитием приказной системы во второй половине XVI в. более заметным становится участие верхушки служилого сословия (бояр и московского дворянства) в руководстве центральным административным аппаратом. В период 70-х—начала 80-х гг. суды из бояр и дворян помимо Разбойного приказа (бывшего изначала боярским) известны на Земском дворе, в Пушкарском, Стрелецком, Холопьего суда, Владимирском судном приказах.¹² В рассматриваемое нами время (1584—1605 гг.) роль боярства в руководстве деятельностью различных приказов существенно возрастает. Боярин-судья становится во главе приказа Большого прихода. Кн. И. В. Сицкий руководил этим приказом на протяжении около 10 лет — явление беспрецедентное в практике общегосударственных приказов XVI в.

Суды из бояр и дворян впервые появляются в приказе Казанского дворца, Ямском приказе, четвертях (Новгородской и Нижегородской). В конце XVI в. расширилась сеть судных приказов, во главе которых неизменно стояли бояре. В 1584—1605 гг. мы встречаем представителей служилой знати в качестве судей во главе подавляющего большинства общегосударственных приказов — Большого прихода, Разбойного, судных Московского, Владимирского, Рязанского и Дмитровского, Земского двора, Казанского дворца, Новгородской и Нижегородской четвертей, Стрелецкого, Пушкарского, Челобитного, Холопьего суда и Ямского.¹³ Во главе важнейших приказов — Посольского, Разрядного и Поместного — традиционно стояли думные дьяки, являвшиеся своеобразными «секретарями» Боярской думы. Но этим отнюдь не исчерпывается руководство Думы посольским делом и делами организации службы и обеспечения землей служилых людей. С ведома Думы выносились приговоры о местничестве, осуществлялись смотры и верстания, земельные пожалования, выдача денежного жалования и т. д. Велика была роль Думы во внешнеполитических сношениях. В. И. Савва отметил падение роли казначеев и возрастание роли Думы в посольских делах после смерти Ивана IV.¹⁴ Традиционно члены Боярской думы имели исключительное право вести переговоры с иностранными послами. Если в последний период царствования Ивана Грозного (в 1572—1584 гг.), судя по составу «ответных комиссий» при послах, главную роль на переговорах играли худородные царские выдвиженцы — думные дворяне, то при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове в составе «ответных комиссий» мы видим представителей бояр и окольничих. Обычно для переговоров с иностранными послами назначались наиболее доверенные в правительстве бояре и окольничие. Но о результатах переговоров члены «ответных комиссий» должны были докладывать царю и всем боярам. По традиции бояре имели право переписываться со своей «братьею» — «панами-радами» Польско-Литовского государства. Но в этой официальной переписке они выступали именно как государевы бояре и выражали здесь

не частную, а правительственную точку зрения. Грамоты «панам-радам» писались от имени бояр (без окольничих¹⁵), а также «великих» посольских дьяков. Чаще переписка осуществлялась тремя наиболее видными и близкими ко двору боярами (в конце 80-х—90-е гг. переписка с «панами-радами» неизменно велась боярами Б. Ф. Годуновым, кн. Ф. И. Мстиславским и Ф. Н. Романовым). Иногда грамоты «панам-радам» писались всеми боярами.¹⁶ Бояре возглавляли наиболее крупные и ответственные («великие») посольства в иностранные государства.¹⁷

Возвращаясь к вопросу о руководстве бояр деятельностью приказов, особо отметим видную роль боярской знати в управлении такими приказами, как Разбойный и судные приказы. Они неизменно возглавлялись судьями из бояр и окольничих (реже дворян московских), их роль в руководстве этими приказами была решающей. Как показал А. К. Леонтьев, Разбойный приказ возник на базе боярских комиссий (и с самого начала своего существования был по существу боярским органом) для руководства и контроля над деятельностью губных старост по борьбе с разбоями.¹⁸ В литературе не раз подчеркивалась значительная роль дворянских выборных губных органов в управлении страной. Но следует отметить и тот факт, что уже с самого начала проведения губной реформы над этими органами дворянского самоуправления был поставлен «боярский орган» — Разбойный приказ. По типу боярских комиссий была организована деятельность так называемых судных приказов, во главе которых также стояли в основном судьи из бояр и окольничих. Судные Московский, Владимирский, Дмитровский и Рязанский приказы осуществляли сословный суд (суд по земельным делам и т. д.) над служилыми людьми определенных территорий и чиновно-сословными группами. Под контролем Думы находились, таким образом, и органы дворянского самоуправления, и суд над дворянством, а также дела по организации и материальному обеспечению службы дворянского войска. Боярская верхушка двора стояла над «дворянской массой» не только в социальном, но и в политическом плане как правящая группа служилого сословия.

В конце XVI—начале XVII в. роль Думы и близкой ко двору знати в управлении государством не только не падает, но и возрастает, что выразилось прежде всего в усилении участия бояр в непосредственном управлении приказами в качестве судей. Возрастание роли знати в руководстве приказами происходило на протяжении всего XVII в. Это имело важное политическое значение и способствовало постепенной «бюрократизации» боярства. Из органа первоначально родовой земельной аристократии Дума постепенно трансформируется в орган служилой аристократии, в своеобразный совет «из начальников приказов».¹⁹ Конец XVI и начало XVII в. были важной вехой в этом процессе.

Во время крупных военных походов родовитые бояре пользовались преимущественным правом на замещение высших командных постов в армии. Во главе полков в крупнейших походах стояли знатнейшие бояре Мстиславские, Шуйские, Трубецкие, Голицыны

и другие. Следует, правда, отметить, что в XVI—XVII вв. должностные назначения не всегда соответствовали чиновному положению служилого человека. Но цвет княжеско-боярской аристократии со-средоточивался прежде всего именно в Думе, в высшем ее боярском чине. В крупных походах большой полк обычно возглавлял «первый» думный боярин (в конце XVI—начале XVII в. это были князья Мстиславские). Формально он выступал как главнокомандующий армией. Но военная власть «первого» боярина и воеводы могла существенно ограничиваться. Во время государевых походов с царем выступал его «двор» (царская гвардия), во главе которого стояли «дворовые воеводы», обычно из числа наиболее приближенных к особе государя лиц, его фаворитов. Уже в 80-х гг. звание «дворового воеводы» прочно закрепляется в титулатуре Бориса Годунова. Главный воевода (первый воевода большого полка) обязан был держать совет и «промышлять» ратным делом вместе с «дворовым воеводой», т. е. признавалась власть в армии обоих воевод.²⁰

В соответствии с местнической традицией родовитые бояре назначались на воеводство в крупнейшие пограничные города — Новгород, Псков, Смоленск, Казань и некоторые другие. Воеводы этих городов, центров обширных областей («земель»), были наделены огромной властью над населением. Однако длительная и частая служба на воеводствах в городах отвлекала бояр и «княжат» от придворной борьбы, от московских дел. Нередко служба бояр и окольничих в «дальных городах» (Казани и пригородах, Астрахани и Тобольске) превращалась в своего рода «почетную ссылку». Так, например, длительное время воеводствовал в Казани опальный князь И. М. Воротынский. Подобная практика получила распространение еще в годы опричнины.²¹

Подводя итоги всему сказанному, можно отметить, что Боярская дума в рассматриваемый нами период имела отнюдь не только падкое значение.²² Это был действительный, в полном смысле слова высший правительственный орган государства. Если Годуновы и их «советники» оказывали решающее влияние на важнейшие вопросы придворной жизни, то они ни в коем случае не подменяли собой управлеченческие функции Думы в целом. Правительственное значение Боярской думы в конце XVI—начале XVII в. определялось не столько тем, что она являлась органом боярской аристократии для защиты ее интересов, сколько ее статусом царской думы. Суть политики Бориса Годунова заключалась не в ограничении традиционных прерогатив Думы, а в привлечении на свою сторону бояр, в консолидации знати вокруг трона.

Примечания

¹ РК 1598—1638. С. 27, 103—104; Разряды. С. 362, 378; ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, л. 466—471; Законодательные акты. № 53. С. 72.

² Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 366; Законодательные акты. № 43, 45, 47, 48, 52, 53.

³ Разряды. С. 519; РК 1598—1638. С. 105.

⁴ См.: РИС. Т. II. С. 127—128; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 209.

⁵ ОМАМОЮ. Кн. 8. С. 330.

⁶ Сухотин Л. М. Земельные пожалования. С. 15, 27 и др.

⁷ Там же. С. 6; ДАИ. Т. I. № 131. С. 196; *Самоквасов Д. Я.* Т. I. С. 117.

⁸ Гурлянд И. Я. Акты Романовский ямской слободы : 1587—1707. Ярославль, 1901. С. 1; АМГ. Т. I. № 31, 32, 34. С. 57—61.

⁹ Опись 1626 г. С. 259.

¹⁰ АИ. Т. 2. С. 34.

¹¹ ОР ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 400 об.

¹² Бс. Ч. I. С. 85, 90; Эрм., л. 336, 341, 357; *Зимин А. А.* Опричнина. С. 378.

¹³ О составе приказных судей см.: *Павлов А. П.* Приказы. С. 187—227.

¹⁴ Савва В. И. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник. М., 1983. С. 229—230. — В другой своей работе В. И. Савва акцентирует внимание на исключительной роли во внешнеполитических сношениях правителя Бориса Годунова, который, по его мнению, оттеснил в этой сфере Боярскую думу (*Савва В. И. О Посольском приказе.* С. 286). Но следует отметить, что права на самостоятельные сношения с рядом государств Годунов отнюдь не узурпировал, а получил по приговору царя «з бояры», т. е. с санкции самой Боярской думы, где после разгрома Шуйских преобладали его сторонники. Вообще исключительные права Бориса Годунова во внешнеполитических сношениях были явлением временным, которое не оказало влияния на прогрессивные Думы в дальнейшем.

¹⁵ Сохранились какие-то различия в правах и обязанностях бояр и окольничих. Окольничие осуществляли сношения с иностранцами на более низком уровне, чем бояре. Так, в апреле 1592 г. царь Федор велел сыну боярскому Ивану Губареву ехать на встречу с литовским посланником и гонцом и «говорить, что он прислан от государевых окольничих... молить речь от государевых окольничих... окольничие велели мне вас встретить и с вами к Москве ехати» (*Аннапого Г. Н. Новые документы.* С. 29).

¹⁶ См.: ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 103 об.; кн. 17, л. 60, 368.

¹⁷ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения. С. 145—146; ЦГАДА, ф. 79, кн. 16, л. 172—172 об.

¹⁸ Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 161.

¹⁹ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пб., 1919. С. 402; см. также: Демидова Н. Ф. Государственный аппарат России в XVII веке // ИЗ. 1982. Т. 108. С. 138.

²⁰ Разряды. С. 442—466.

²¹ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 231.

²² Зимин А. А. В канун. С. 193.

Глава 3

ПРИКАЗЫ И ДЬЯЧЕСТВО

В рассматриваемое нами время в общих чертах сложилась та модель приказной системы, которая действовала и в дальнейшем, на протяжении XVII в. В основном определились компетенция и структура общегосударственных приказов с ведомственным профилем (Посольский, Разрядный, Поместный, Большой приход, Разбойный, Пушкарский, Стрелецкий, Ямской и Холопий приказы). Важное значение имело развитие в конце XVI—начале XVII в. системы территориальных приказов, и прежде всего оформление территориальной структуры четвертей — ведомств, имевших финансовую и административно-судебную власть над населением уездов.¹

В предыдущей главе мы говорили об усилении участия членов Думы и верхов дворянства в руководстве приказами. Однако главной фигурой в приказах, определявшей лицо этих центральных, бюрократических по характеру учреждений, был дьяк. Для дьяков работа в приказах являлась основным делом. В большинстве приказов (за исключением так называемых судных приказов и четвертей, номенклатура которых в изучаемое время только складывалась) дьяки сидели на одном месте подолгу, часто более десятка лет. Так, С. Т. Аврамов был дьяком Разрядного приказа на протяжении 22 лет (с 1584 по 1605 г.), Е. Д. Вылуггин бессменно возглавлял Поместный приказ с 1584 по 1602 г., А. Я. Щелкалов являлся начальником Посольского приказа с 1570 по 1594 г., его брат В. Я. Щелкалов с 1577 по 1594 г. стоял во главе Разрядного приказа, а с 1594 по 1601 г. — во главе Посольского приказа.² Наблюдается и известная «специализация» городовых дьяков. Так, дьяк Дмитрий Алябьев упоминается в источниках в 1588—1602 гг., и все это время он нес службу в городах Нижнем Новгороде, Смоленске и Новгороде Великом.³ Только как городовые дьяки фигурируют Федор Александров, Иван Андреев, Андрей Милославский, Фома Панин, Леонтий Рязанцев, Алексей Шипилов.⁴

На основании боярских списков, актов и других источников можно составить приблизительное представление об общей численности дьяков в конце XVI—начале XVII в. В 1588/89 г. этот чин носило не менее 70 человек, а в 1604 г. — свыше 80 человек (в расчет берутся как приказные, так и городовые и прочие дьяки).⁵ Произведенные подсчеты весьма приблизительны. Но и полученные цифры, как представляется, вполне сопоставимы с данными о количестве дьяков, приведенными Н. Ф. Демидовой (возьмем для сравнения материалы за первую половину XVII в.).⁶ Такое сравнение обнаруживает, что общее число дьяков в стране в досмутное время (до 1605 г.) было практически тем же, что и в период после Смуты, до середины XVII в. (по данным Н. Ф. Демидовой, общее число дьяков в стране в 1626 г. было 82, в 1633 г. — 90, в 1646 г. — 86).⁷ Число приказных дьяков в первой половине XVII в. (в 1626—1646 гг. их насчитывалось от 48 до 53 человек), видимо, лишь немногим превышало число дьяков этой группы в начале XVII в. (свыше 40).

Таким образом, в конце XVI—начале XVII в. количественно уже сложился в основном дьяческий корпус; в это же время сформировалось и ядро приказной системы управления Московского государства.

Исследователи (Н. П. Лихачев, С. К. Богоявленский и другие) пришли к выводу, что дьяки отнюдь не были особо худородной, «разночинной» по происхождению группой служилых людей, а в подавляющем своем большинстве происходили из дворянской среды.⁸ Н. Ф. Демидова убедительно доказала, что все приказные люди XVII в. (в том числе и подьячие) являлись одной из составных частей служилого сословия и на них распространялись все сословные права и привилегии.⁹

Не менее важно отметить следующее. Среди дьяков конца XVI—начала XVII в. находим немалое число лиц, принадлежавших к вид-

ным дворянским фамилиям, традиционно связанным с государственным двором, представители которых значатся в Тысячной книге и Дворовой тетради середины XVI в. — Акинфовы, Алябьевы, Аргамаковы, Арцыбашевы, Битяговские, Болтины, Бровцыны, Вахромеевы, Витовтовы, Булыгины, Губастые, Забелины, Змеевы,¹⁰ Ивашевы, Карташевы, Клобуковы, Кокошкины, Колударовы, Кондыревы, Копнины, Кочергины, Лодыгины, Лодыженские, Милославские, Нармацкие, Нееловы, Низовцевы, Осорыины, Палицыны, Пивовы, Рубцовы, Синцовы, Сорочневы, Суколеновы, Сумороковы, Трусовы, Унковские, Чередовы, Чубаровы, Шелепины, Шерифединовы, Линевы, Яновы. Из тысячников и дворовых середины XVI в. перешли служить в дьяки А. Я. и В. Я. Щелкаловы. Из старинной служилой фамилии происходил Дружина Петелин.¹¹ Целая группа лиц перешла в дьяки в конце XVI—начале XVII в. из выборных дворян и жильцов — А. Акинфов, А. С. и, вероятно, Д. С. Алябьевы, И. С. Вахромеев, Г. Г. Желябужский, З. Ю. Забелин, И. Н. Карпов, Г. И. Клобуков (из жильцов), И. И. Осорынин, П. Д. Пивов, С. Чередов, С. К. Линев, В. О. и Ф. О. Яновы.¹² Для наиболее видных приказных дьяков переход из дьячества в выборные дворяне являлся несомненно понижением. Так, опальный в 1584 г. дьяк А. Шерифединов в 1588/89 и 1602/03 гг. значится в списках выборных дворян по Коломне.¹³ Сыновей приказных дьяков нередко записывали в жильцы и выборные дворяне, т. е. они становились членами государева двора.¹⁴ Дети наиболее видных дьяков попадали в ряды столичного дворянства. Так, сын В. Я. Щелкалова Иван в 1598/99 г. значится в списке стряпчих,¹⁵ в стряпчих же числятся в боярском списке 1610/11 г. дети дьяка Ф. Янова Василий и Иван.¹⁶ В состав членов государева двора дети дьяков попадали независимо от происхождения родителей. Например, дети З. Свиязева в XVII в. значатся в московских дворянах, хотя сам он имел весьма «сомнительное» происхождение (его отец был новгородским подьячим, сам он начинал службу в подьячих же).¹⁷ Дети дьяков, как отмечено в литературе,¹⁸ неохотно шли по стопам отцов. И среди дьяков рассматриваемого периода мы встречаем сравнительно немного лиц, отцы которых были дьяками. Дьяками были родители Е. Д. Вылугина и И. Т. Грамотина, и сыновья, пошедшие по стопам отцов, начинали службу в подьячих.¹⁹ У А. С. и Д. С. Алябьевых, Г. И. Клобукова и братьев Щелкаловых отцы были также дьяками,²⁰ но сыновья пошли на приказную службу не сразу (Алябьевы стали дьяками из выборных дворян, Клобуков — из жильцов, а братья Щелкаловы служили в середине XVI в. в тысячниках и дворовых). Это обстоятельство позволило им миновать службу в подьячих. Переход дьячих детей в выборные дворяне и жильцы сулил, таким образом, определенные выгоды. Можно полагать, что пополнение состава низших чинов государева двора за счет детей дьяков в XVI в. было распространенным явлением (многие выборные дворяне и жильцы конца XVI—начала XVII в. имели предков или родственников, которые служили в XVI в. в дьяках).

Таким образом, в социальном плане дьяки конца XVI—начала XVII в. были тесно связаны с теми слоями дворянства, которые занимали промежуточное положение между столичными чинами двора и уездным рядовым дворянством, — с жильцами и выборными дворянами.

Для определения социально-политического облика дьячества как группы служилых людей необходимо, хотя бы в общих чертах, разобраться в самом механизме служебных отношений между дьяками. Поскольку дьячество представляло собой в социальном плане группу отнюдь не рядовых служилых людей, в его среде получил известное распространение принцип местничества, явившийся привилегией правящей верхушки феодалов. Прямых известий о местничестве дьяков в конце XVI—начале XVII в. в нашем распоряжении, правда, немного. В архиве Разрядного приказа сохранилось местническое дело дьяков Г. И. Клобукова и И. Неелова 1600 г.²¹ В одном из дел XVII в. указано: «...в 112-м году дьяк Григорий Желябужский меньше дьяка ж Игнатия Софонова на встрече при кизылбашских послех». ²² В 1598 г. дьяк В. Я. Щелкалов местничался с ясельничим М. И. Татищевым.²³ Порядок служебного старшинства дьяков фиксировался боярскими списками. По мнению С. К. Богоявленского, составители списков дьяков руководствовались «принципом выслуги», т. е. учитывали в первую очередь время пожалования того или иного лица в дьяки.²⁴ Анализ перечня дьяков в боярском списке 1598/99 г.²⁵ показывает, однако, что «принципа выслуги» придерживались весьма непоследовательно. Первым по списку идет дьяк С. Васильев, который в списке 1588/89 г. находился в числе последних,²⁶ т. е. был произведен в дьяки не столь давно. Первое место С. Васильева в списке 1598/99 г. объясняется, вероятно, тем, что он был в то время первым дьяком Большого дворца (в списке 1588/89 г. дьяк этого приказа З. Свиязев также значится первым после думных дьяков).²⁷ Вторым в списке назван Г. И. Клобуков, ставший дьяком (из жильцов) в 1593 г. Следующий по списку — И. С. Вахромеев, пожалованный в дьяки из выборных дворян лишь в 1595/96 г.²⁸ Далее идет И. Н. Карпов, также произведенный в дьяки из выборных дворян (в 1588/89 г.). В первой десятке в перечне дьяков 1598/99 г. стоят дьяки Иван и Петр Нееловы, произведенные в дьяки, видимо, незадолго перед 1598 г., но происходившие из «доброй» дворянской фамилии, связанной с двором.²⁹ Десятым по списку идет И. Карташев, который стал дьяком Разрядного приказа только в 1597 г., а после него следует старый приказной деятель (дьяк с 1575 г.)³⁰ А. Арцыбашев. Первенство Карташева, который в 1598/99 г. был первым дьяком Разрядного приказа (после думного разрядного дьяка), над Арцыбашевым (дьяком Большого прихода) объясняется, вероятно, первенством Разряда над Большим приходом. Следующим идет Б. Власьев, ставший дьяком лишь незадолго перед 1598 г.,³¹ а за ним по списку числится Ш. Иванов, который был дьяком еще в 1577/78 г.³² Дьяк И. Ефанов (дьяк Поместного приказа только с 1595 г.) стоит выше дьяка И. Евского, упоминаемого еще в 70-е гг. XVI в.³³ Таким образом, выслуга лет не являлась сама

по себе определяющей при установлении служебного «старшинства» дьяка. Одним из важнейших факторов этого «старшинства» было происхождение дьяка. Преимуществами служебного продвижения пользовались дьяки, происходившие из видных дворянских фамилий и служившие прежде в составе двора в качестве выборных дворян и жильцов. Происходивший из знатной дворянской фамилии (возможно, из рода ростовских князей)³⁴ Ф. О. Янов стал дьяком лишь к 1603/04 г., тем не менее в списке приказных дьяков росписи русского войска 1604 г. он занял 2-е место (первым здесь числится Филипп Голенищев, бывший дворцовым дьяком). Л. Д. Лодыженский, происходивший из видной фамилии, связанной с двором, в 1603 г. весьма недолго (всего несколько месяцев) прослужил в качестве разрядного дьяка, но при этом он оттеснил на второй план старого руководителя этого приказа — думного дьяка С. Аврамова. Таким образом, два главных момента определяли «старшинство» дьяков, записанных в боярские списки, — их происхождение и «старшинство» приказов. Но если первый фактор обеспечивал дьяку сразу прочное положение в среде приказных людей, то второй фактор (занимаемая должность) часто только лишь на время обеспечивал ему первенство среди собратьев. Так, если в списке 1588/89 г. Захарий Свиязев, согласно занимаемой должности, записан первым среди недумных дьяков, то в боярском списке 1610/11 г. он, уже будучи в другом приказе, числится в середине перечня.³⁵ На дьяков в определенной мере переносились служебно-местнические порядки, господствовавшие в среде служилой знати. Но в отличие от боярской в дьяческой среде фактор «родовитости» был вовсе не обязательным для служебного продвижения. Такие виднейшие дьяки конца XVI—начала XVII в., как А. И. Власьев, Е. Д. Вылугин и С. Т. Аврамов, не отличались своим «отечеством» и начали службу в подьячих. В целом дьячество было особой группой в системе служилого сословия, именно в этой среде получил развитие бюрократический принцип служебных отношений.

Если в социальном плане дьяки в значительной мере смыкались с выборными дворянами и жильцами, то в политическом отношении они стояли несомненно выше представителей этих групп. В официальных перечнях чинов дьяки находились после дворян московских (а иногда и перед ними) и всегда перед дворянами выборными.³⁶ В системе государева двора³⁷ они занимали как бы промежуточное положение между московскими и выборными дворянами. В самом начале XVII в. в известном указе Бориса Годунова о частичном разрешении крестьянского выхода весьма четко была проведена граница между верхушкой (наиболее привилегированной частью) дворянства и прочими служилыми людьми. В тексте этого указа думные, московские чины и дьяки, с одной стороны, и остальное дворянство (включая выборных дворян и жильцов), а также подьячие — с другой, были открыто противопоставлены друг другу.³⁸

Служилая знать (о возросшем значении которой в административном управлении мы уже говорили) и дьячество в рассматривае-

мый период выделились, таким образом, в особую правящую привилегированную группировку, в руках которой находились главные нити административного управления страной. От дьяков, хорошо знавших текущее делопроизводство, зависели нередко служебные назначения и местническое продвижение бояр и дворян, осуществление сборов податей с поместий и вотчин. Не случайно поэтому представители знати часто искали дружбы с дьяками, а наиболее видные дьяки роднились с представителями знатных княжеских и боярских фамилий.³⁹

Примечания

¹ См.: Павлов А. П. Приказы. С. 187—227.

² Веселовский С. Б. Дьяки. С. 9, 110; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 106.

³ АФЗХ. Ч. 3. С. 40; Нижегородские губернские ведомости. 1848. № 7; ЦГАДА, ф. 79, кн. 22, л. 215, 216; Эрм., л. 758 об., 814 об., 841 об.; Разряды. С. 469, 491, 501, 511, 534; РК 1598—1638. С. 80, 93, 111, 126.

⁴ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 14, 456, 572; Аннилогов Г. Н. Новые документы. С. 424; Эрм., л. 733 об., 741 об., 746 об., 755, 830, 838, 860 об.; РК 1598—1638. С. 81, 94, 112, 128, 145; ЦГАДА, ф. 79, кн. 20, л. 572; Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, оп. 1, ч. 1, № 841, 849; ф. 124, № 324.

⁵ Павлов А. П. Приказы. С. 203—211.

⁶ Демидова Н. Ф. Государственный аппарат. С. 136 (табл. 6).

⁷ Полный список дьяков сохранился в боярском списке 1610/11 г. (Чтения ОИДР. 1909. Кн. 3. Отд. 1. С. 84—86). Сюда внесены, судя по пометам, как приказные, так и городовые и прочие дьяки. Всего здесь названо 72 человека. Наблюдается некоторое сокращение числа общегосударственных дьяков по сравнению с досмутным временем, что, впрочем, было естественным в условиях «междусоцарствия».

⁸ Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII в. // ИЗ. 1937. Т. 1. С. 224; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 224.

⁹ Демидова Н. Ф. Приказные люди XVII в. : (Социальный состав и источники формирования) // ИЗ. 1972. Т. 90. С. 353.

¹⁰ По мнению Н. П. Лихачева, дьяк Богдан Иванов принадлежал к фамилии Змеевых (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. С. 517).

¹¹ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. С. 492.

¹² Бс. Ч. 1. С. 112, 132, 137, 140, 150, 158, 173, 186, 188, 197, 202, 214, 219, 226, 243.

¹³ Там же. С. 189, 219.

¹⁴ Сын дьяка В. Нелюбова И. В. Меньшой Нелюбов в 1602/03 г. был выборным по Суздалю (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. С. 198); сын дьяка А. Плохово Ж. А. Плохово — выборный по Дмитрову в 1626 г. (Чтения ОИДР. 1909. Кн. III. Отд. 1. С. 141); дети дьяка И. Софонова Матвей, Тимофей и Денис в 1602/03 г. — выборные дворяне по Карабеву (Бс. Ч. 1. С. 231); сын Д. Петелина был в 1588/89 г. жильцом (Бс. Ч. 1. С. 113); сын дьяка А. Татьянина Степан — жилец в 1598/99 и 1604 гг. (ААЭ. Т. 2. С. 45; Бс. Ч. 2. С. 4, 18); сын дьяка В. Оладынина — также жилец в 1602/03 г. (Бс. Ч. 1. С. 196). В боярском списке 1602/03 г. записаны в числе жильцов Д. И. и И. И. Салмановы — вероятно, дети дьяка И. С. Салманова (Бс. Ч. 1. С. 195).

¹⁵ Бс. Ч. 1. С. 181.

¹⁶ Чтения ОИДР. 1909. Кн. III. Отд. 1. С. 83—84.

¹⁷ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. С. 508—510.

¹⁸ Богоявленский С. К. Приказные дьяки в XVII в. С. 225.

¹⁹ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 110—111, 129—131.

²⁰ Там же. С. 21, 239—240, 588.

²¹ ЦГАДА, ф. 210, столбы Дополнительного отдела, № 4, стб. 1.

²² Богоявленский С. К. Приказные дьяки в XVII в. С. 227.

²³ Эрм., л. 896 об., 898 об.; Мятлев Н. В. Челобитная Михаила Татищева 1598 г. М., 1907.

²⁴ Богоявленский С. К. Приказные дьяки в XVII в. С. 232.

²⁵ Бс. Ч. 1. С. 181—182.

²⁶ Там же. С. 108.

²⁷ Там же. С. 106.

²⁸ В марте 1595 г. он еще не был дьяком (ПДС. Т. II. Стб. 183), а с 1596 г. известна уже четверть дьяка И. С. Вахромеева.

²⁹ Как дьяки упоминаются впервые в боярском списке 1598/99 г. (Бс. Ч. 1. С. 181, 182).

³⁰ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 33.

³¹ Впервые упоминается в источниках лишь с 1598 г. как дьяк Земского двора (Эрм., л. 879; Разряды. С. 543).

³² ВЖ. 1852. № 1. С. 138.

³³ Веселовский С. Б. Дьяки. С. 109.

³⁴ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. С. 529.

³⁵ Чтения ОИДР. 1909. Кн. III. Отд. 1. С. 85. — Вопрос о «старшинстве» приказов требует еще специального исследования.

³⁶ См., например: ЦГАДА, ф. 123, кн. 21, л. 435 об.

³⁷ Трудно сказать точно, все ли дьяки в конце XVI в. входили в состав двора. В боярском списке 1588/89 г. записаны только дьяки, служившие в то время в московских приказах. Но служба в городах не всегда считалась менее почетной, чем служба в ином центральном приказе. В города нередко направлялись видные дьяки (А. Арцыбашев, Г. Клобуков и другие). Иногда дьяки сочетали службу в городах со службой в приказах. В начале XVII в. уже все дьяки рассматривались несомненно как члены двора — боярский список 1610/11 г. включил в перечень как приказных, так и городовых и прочих дьяков.

³⁸ ААЭ. Т. 2. С. 70.

³⁹ Лихачев Н. П. Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков // ИРГО. Вып. I. С. 114.

Глава 4

ВОЕВОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Послеопричный период (последняя четверть XVI в.) явился качественно новым этапом в развитии местного управления, который характеризовался падением роли на местах сословно-представительных органов самоуправления и усилением «приказных» начал, контроля централизованной власти на местах. Усиление контроля центра над уездом выразилось, с одной стороны, в развитии общегосударственной системы территориальных приказов, а с другой — в развитии воеводского управления на местах.

Последнюю четверть XVI—начало XVII в. (до 1605 г.) можно рассматривать как начальный этап складывания системы воеводского управления в России. Воеводы в пограничных городах известны с давних пор. Уже от первой половины и середины XVI в. известны случаи, когда они брали на себя не только военные, но и административные функции. Уже в это время мы встречаем различие между воеводой «годовым» (т. е. оставленным служить в городе) и воеводой «полковым». Почти сразу после завоевания Казани в 1552 г. там была образована единая воеводская форма управления. Воеводы здесь, как нигде в России, приобрели в тот период прочную военную и административно-судебную власть над населением.¹ Во второй половине 70-х—начале 80-х гг. воеводское управление и в других

городах приобретает устойчивый характер. В Новгороде с конца 70-х гг. наблюдается непрерывное пребывание воевод.² Еще в 1577/78 г. Псковом управляли наместники, а с начала 80-х гг. здесь утвердилось устойчивое и непрерывное воеводское управление.³ В 80—90-х гг. XVI в. оформляется система воеводского управления в присоединенной Сибири. К концу XVI в. в Новгородской и Псковской землях и на территориях Казанского и Сибирского «царств» складываются целые системы органов воеводской власти с подчинением внутренних городов этих областей главным центрам. Кроме того, по данным разрядных книг и других источников, в 1584—1605 гг. воеводы имелись в нескольких десятках более мелких пограничных городов «немецкой», «крымской» и «литовской» «украин» и Поволжья. Воеводы действовали здесь не только как военная, но и как административная власть.

Новой чертой послеопричного периода явилось распространение непосредственного контроля центральной власти на новые территории, города Севера и Замосковного края, где имели место развитые традиции самоуправления. Начиная с 1570—1580-х гг. в связи с кризисом, вызванным опричниной и поражением в Ливонской войне, внимание правительства приковывается к богатым городам Севера. Не случайно поэтому в рассматриваемое время мы встречаем правительственные чиновников (членов государева двора), назначенных из Москвы в качестве администраторов, на Двине (в 1584—1605 гг. здесь упоминаются П. А. Нащокин, З. Н. Волохов, кн. В. А. Звенигородский, Р. Г. Любученинов, кн. Б. И. Мезецкой, кн. А. И. Вяземский, И. М. Ласкирев, кн. Д. М. Борятинский, кн. Д. Г. Бельский, И. В. Гусь Милюков, О. С. Супонев, Т. М. Лазарев, Ш. С. Якушкин, Р. В. Всеволожский, а также дьяк К. Афанасьев и подьячие Р. Воронов и Б. Ильин),⁴ в Вологде (кн. М. Долгорукий, кн. И. М. Вадбальский, д. Ю. Пущечников, кн. М. Д. Львов, М. И. Протопопов, М. И. Безобразов, З. И. Безобразов, кн. С. Вадбальский, И. Н. Чепчугов, дьяки Ф. Александров, Я. Демидов, Б. Григорьев, К. Иевлев и подьячие К. Павлов, Ж. Фролов, д. Боталов, В. Ковернев),⁵ Белоозере (И. А. Шетнев, И. Беклемишев, Г. П. Викентьев и подьячие И. Омельянов, М. Прокофьев, И. Малыгин).⁶ Кольском остроге (М. Ф. Судимантов, С. Б. Колтовский, Вл. Загряжский, Е. Ю. Протопопов, Е. С. Молвянинов и подьячий С. Григорьев),⁷ Устюге Великом (кн. И. Д. Гагарин, В. И. Загряжский, И. П. Нащокин),⁸ Соли Вычегодской (кн. И. Вадбальский, Аф. И. Вельяминов, И. А. Долгово-Сабуров, Ш. С. Якушкин и подьячий И. Болотников),⁹ Тотьме (М. Е. Неелов и подьячий С. Киселев),¹⁰ Перми (А. В. Безобразов, П. В. Пивов и подьячий И. Федоров),¹¹ Вятке (В. А. Овцын, Г. У. Норов, кн. И. Ю. Морткин),¹² Тихвине (Р. А. Тушин),¹³ Пустоозере (Н. С. Вельяминов и И. Д. Милюков).¹⁴

Представители центральной власти, члены двора (московские и выборные дворяне) появляются и в городах Замосковного края. В 1588—1590 гг. в Твери упоминаются «судья» кн. М. А. Щербатый (дворянин московский) и дьяк А. Григорьев, а в июле 1604 г. здесь

служили В. Алалыкин (выборный дворянин по Костроме) и подьячие М. Федоров и С. Шишеев.¹⁵ В Торжке известны администраторы П. А. Овцын (выборный по Костроме в 1590 г.), Д. Ю. Пущечников (выборный по Верее) и подьячий В. Трескин (в 1604 г.).¹⁶ Во Владимире упоминается в 1603—1604 гг. А. И. Вельяминов (выборный по Суздалю). 30 декабря 1603 г. ему было предписано разбирать дело о грабеже, в сентябре он получил выговор от царя за вскрытие посольской переписки, в 1603/04 г. производил обыск по спорному делу между дворцовыми крестьянами и Спасо-Евфимьевым монастырем. В 1593/94 г. головой во Владимире числился выборный дворянин В. Владыкин.¹⁷ В Суздале в феврале 1585 г. мы видим «приказного человека» П. Ф. Колычева (выборного по Белой).¹⁸ В Галиче в 1586/87—1588/89 гг. «судьей» был кн. М. Д. Львов (выборный по Галичу), а в 1598/99 и 1599/1600 гг. здесь упоминается Б. Койсаров (выборный по Суздалю).¹⁹ В Угличе в 1602/03 г. служил О. И. Окороков, выборный дворянин по Кашину.²⁰ В июне 1595 г. грамота на Кострому была адресована И. Чулкову (возможно, это И. Ш. Чулков, выборный дворянин по Костроме).²¹

В большинстве случаев упомянутые нами чиновники в городах Севера и Центра значатся в источниках без указания должностей. Но вряд ли мы имеем здесь дело с наместниками (их обычно называли с этой должностью) или городовыми приказчиками и губными старостами, которые в состав государева двора, как правило, не входили. В конце XVI в. для обозначения представителей административной власти на местах получил распространение термин «судья». Так, в феврале 1588 г. в Тверь «судьей» был назначен кн. М. А. Щербатый, он находился в Твери по 1590 г. и ведал самыми различными вопросами управления. С. Б. Веселовский показал, что нет оснований считать М. А. Щербатого только писцом Твери.²² Это был представитель царской административной власти воеводского типа, с ним вместе делами заправлял подьячий А. Григорьев. «Судьи» упоминаются также в Козельске (В. А. Вельяминов, выборный дворянин по Алексину²³), Галиче (кн. М. Д. Львов, выборный дворянин по Галичу), Калуге (К. А. Наумов, выборный по Медыни),²⁴ Рязани (дворянин В. П. Измайлова),²⁵ Пронске (В. Н. Вердеревский, выборный по Рязани),²⁶ Михайлова (Г. М. Вердеревский, выборный по Рязани),²⁷ Суздале (А. Сыянов), Дорогобуже (Д. С. Алябьев, впоследствии стал дьяком; его брат Андрей в 1588/89 г. был выборным по Дорогобужу),²⁸ Рославле («судья», «судный голова» — местный сын боярский К. Ф. Маслов),²⁹ Новгороде (О. Б. Супонев, выборный дворянин по Костроме).³⁰ «Судьи», назначаемые в города, выступали прежде всего как «администраторы», они наделялись широкими судебно-административными полномочиями. Например, назначенному в Дорогобуж Д. С. Алябьеву вместо наместника Дм. Салтыкова предписывалось: «... как к тебе ся наша грамота придет, и ты б наместнику Дмитрею Салтыкову с нашего жалованья с Дорогобужа велел съехати, и в наместники ни в которые доходы сентября с 1 числа 96 году вступатись ему и его людем не давал, а ведал бы наместниче всякие доходы и кабак на

государя сентября с 1 числа, и посадских людей во всяких делах судил, и пошлин с судных дел сбирал ты, Дмитрей, и целовалников б еси к наместничю доходу выбрал из посадских людей по-прежнему, сколько человек пригоже... и к крестному бы еси целованью их привел... а по чему тебе наместничи доходы сбирасти, и к тебе послан доходный список за приписью дьяка Ондрея Щелкалова, и ты б по тому доходному списку, сбирая наместничье доходу, деньги прислал к нам к Москве с целовальники в четь дияка Ондрея Щелкалова».³¹ «Судья» был полномочным представителем власти в уезде. В 1586 г. калужский «судья» К. А. Наумов отписывал царю о местнических столкновениях между бывшими в Калуге полковыми воеводами.³² В августе 1586 г. Г. М. Вердеревский (упоминается в этом году как «судья» в Михайлове) послан в Михайлов обыскивать городового приказчика и сына боярского по делу о беглом крестьянине.³³ Иногда правительственные чиновники в уездах называются в источниках как «приказные люди». «Приказной человек» П. Ф. Колычев (был выборным дворянином по Белой) упоминается в 1585 г. в Суздале, «приказной человек» Н. С. Вельяминов-Воронцов (выборный по Дмитрову) служил в 1600/01 г. в Пустоозере, «приказного человека» И. Нармацкого мы видим в 1592 г. в Дорогобуже.³⁴ А. И. Вельяминов (выборный по Кашину), после того как он был писцом в Соли Вычегодской, остался в этом городе (в 1586/87 г.) «в приказных людях».³⁵ В XVII в. «приказными людьми» назывались лица, которые управляли небольшими городами, не имевшими по своему рангу воевод, — городовые дворянё, а также стрелецкие и казачьи сотники и т. д.³⁶ Но это название применительно к представителям местной администрации имело и более широкое значение. В 1585 г. была послана царская грамота «в Суз达尔ь, в Шую, в Володимер, в Юрьев Польский, на Белоозеро, в Переяславль, в Московский уезд городовым приказчикам, и губным старостам, и ямским стройщикам, и всяkim приказным людем...».³⁷ Другая царская грамота (от 1595 г.) адресована в города «бояром нашим, и воеводам, и дьяком, и всяkim нашим приказным людем».³⁸ «Приказными людьми» в конце XVI в., как мы видели, назывались и посланные на места правительственные чиновники из членов государева двора.

Что касается понятия воеводы, то до Смуты оно не получило, видимо, еще широкого употребления для обозначения представителей царской администрации, управлявших городами Центра и Севера России. Это и понятно. Должность воеводы традиционно рассматривалась как военная, «стратилатская». Действительно, в досмутное время в разрядах перечислялись только воеводы пограничных городов. Лишь в годы гражданской войны начала XVII в., когда и внутренние области России приобрели военное значение, понятие воеводы полностью распространилось и на администраторов этих районов. Хотя в конце XVI—начале XVII в. (до 1605 г.) эти администраторы и не везде обрели статус воеводы, важно уже то, что во главе многих уездов в это время стояли представители центральной власти, назначаемые правительством чиновники — члены двора. Смута лишь

ускорила процесс оформления воеводской власти как особого типа военно-административного управления на местах, во главе которого стояли назначаемые из Москвы бояре и дворяне. Становление и утверждение воеводской системы было обусловлено всем ходом социально-политического развития страны в конце XVI—начале XVII в. — падением после опричнины органов местного сословного самоуправления и централизацией государственной власти, что выразилось в развитии системы территориальных приказов, в стремлении правительства утвердить на местах власть своих чиновников. Внешние же факторы не могли сами по себе привести к утверждению той или иной формы управления.

В досмутный период воеводская форма управления в большинстве городов внутренней России, вероятно, еще не вполне конституировалась, хотя во главе управления целого ряда центральных уездов уже в это время стояли назначенные из Москвы правительственные чиновники и можно говорить о своеобразном прообразе воеводского административного управления. Весьма любопытна в этом отношении так называемая «Роспись воеводам в тех городах, где прежде были судьи и губные старосты» («... а при царе Федоре Ивановиче и при царе Борисе по 113 год по Ростригин приход в тех городах воевод не было, а были в них судьи, и губные старосты, и городовые приказчики»).³⁹ Показательно здесь выделение «судей» (они стоят выше губных старост и городовых приказчиков). Видимо, «судьи» в досмутное время были распространенной категорией местных администраторов. Согласно «Росписи», их власть не рассматривалась как власть воеводская. Но было бы не совсем верным полагать на основании показаний «Росписи», что воеводское управление в России как явление появилось лишь в годы Смуты. «Роспись» перечисляет 33 города, где появились воеводы в 1605 г., т. е. называет незначительную часть городов Московского государства. Это поздний и компилятивный источник, сведения которого не всегда соответствуют действительности. Так, из перечисленных здесь городов в Арзамасе⁴⁰ без всякого сомнения воеводы были и до 1605 г. Источники свидетельствуют, что уже в досмутное время воеводское управление было весьма заметным явлением. О развитии еще до Смуты воеводской формы управления говорит и тот факт, что в целом ряде городов в качестве помощников воевод по управлению мы встречаем дьяков (в Арзамасе, Астрахани, Березове, Брянске, Вологде, Ивангороде, Казани, Кореле, Нижнем Новгороде, Новгороде Великом, Пскове, Свияжске, Смоленске, Твери, Тобольске, Тюмени, Царицыне) и подьячих (на Белоозере, Двине, в Кольской волости, Перми, Соли Вычегодской, Торжке). В наиболее крупных городах (Новгороде, Пскове, Смоленске, Казани) служило обычно по два дьяка. Смута, утвердившая и конституировавшая воеводскую власть в центре и на севере страны, лишь завершила оформление общерусской системы воеводского управления.

Характерной чертой местного управления послеопричного периода было оживление наместничества, системы кормлений. Особенно заметно оно усиливается в первые годы царствования Федора Ива-

новича. Богатейшие кормления получили в этот период, как мы видели, влиятельнейшие при дворе бояре — Годуновы, Шуйские и другие. По данным разрядных книг (неполным, так как здесь фиксируются власти преимущественно лишь пограничных городов), наместники в 1584—начале 90-х гг. имелись в Арзамасе, Белой, Белеве, Болхове, Брянске, Вороноче, Гдове, Изборске, Карабчеве, Козельске, Ладоге, Ливнах, Мценске, Невле, Новгороде Северском, Новосили, Опочке, Орле, Орешке, Переяславле, Плове и Солове, Почепе, Пскове, Путивле, Ржеве и Заволочье, Рославле, Рыльске, Ряжске, Рязани, Себеже, Стародубе-Северском, Торопце, Чернигове, Шацке. Но к середине 90-х гг. правительство перестает отдавать города в кормление наместникам. Последние упоминания о наместниках относятся к 1593/94 г.⁴¹ Но фактически упадок кормленой практики относится уже к концу 80-х гг. Если в 1585/86 г. наместники (по разрядам) упоминаются в 27 городах, то в 1588/89 г. — в 8, в 1589/90 г. — только в 2, в 1590/91 г. — в 3, в 1591/92 г. — в 2, в 1592/93 г. — в 4, в 1593/94 г. — в 3 городах.

Нередко в руках одних и тех же лиц сосредоточивалась и наместничья, и воеводская власть, они именовались в источниках как «наместники и воеводы».⁴² Однако вряд ли можно здесь говорить об органическом «врастании» наместников в новую воеводскую систему управления. Система кормлений отжила и была отменена еще в ходе реформ местного управления середины XVI в. Ее оживление в последней четверти XVI в. было времененным явлением и объяснялось, видимо, стремлением правительства «подкормить» верхушку служилого сословия в условиях послеопричной разрухи и упадка поместного и вотчинного землевладения. Несмотря на внешнее сходство (как наместники, так и воеводы принадлежали к верхам служилого сословия), система кормлений и система воеводского управления принципиально различались. В отличие от наместника воевода выступает прежде всего как правительственный чиновник, над которым стоят центральные административные учреждения (приказы) и который опирается в управлении уездом на местный административный аппарат (дьячии избы и т. д.).

Власть воевод, как уже отмечалось в литературе, была значительно шире власти наместников. Воеводское управление означало более высокую степень централизации местного управления по сравнению с властью наместников и органами самоуправления, и постепенно уже в конце XVI—начале XVII в. оно становится главным звеном административной власти в провинции.

Изучение социального состава воевод приводит к следующим выводам. В крупные пограничные города, центры областей и «царств» — Новгород, Псков, Смоленск, Казань, Астрахань и Тобольск — назначались представители первостепенных княжеских и боярских родов, нередко думные бояре. Эти назначения, как и назначения полковых воевод, имели местнический характер. Известны, например, случаи местничества воевод во Пскове и Смоленске,⁴³ местничались воеводы городов Сибири.⁴⁴ Военное («разрядное») и в целом местническое значение имели и направления воевод в про-

чие пограничные города. Здесь проходили «годовую» службу преимущественно представители знати — бояре, окольничие и дворяне московские. Назначения же воевод, «судей» и «приказных людей» во внутренние города Замосковного края и в города Севера не определялись в конце XVI—начале XVII в. «разрядным» принципом, не имели местнического значения, они не фиксировались в разрядных книгах. Этим и объясняется отчасти то обстоятельство, что воеводы и прочие представители центральной власти в этих городах по своему составу принадлежали не к боярской знати, а, как правило, к второстепенным служилым родам. Та же картина имела место и в XVII в. — воеводы пограничных городов продолжали пополняться преимущественно из «боярской» верхушки, в то время как воеводы, посылаемые во внутренние города государства, принадлежали в основном (за исключением нескольких крупных центров) к среднему слою служилых людей.⁴⁵

Так же как и состав, не был одинаков в различных городах и областях и объем власти воевод. Большую власть воеводы имели в окраинных городах государства, меньшую — в центральных уездах. Весьма значительной административной властью обладали воеводы таких городов, как Новгород, Псков, Казань, Астрахань и Тобольск. Воеводы здесь стояли во главе управления огромных территорий. Широкие административно-судебные функции были сосредоточены в руках новгородских воевод. От новгородских наместников они унаследовали право непосредственного сношения со шведами. По Судебнику 1550 г. наместники крупнейших городов наделялись правом «боярского суда». В конце XVI в. новгородские воеводы пользовались большой судебной властью. От конца XVI в. сохранилось любопытное известие о функционировании новгородской съезжей избы в качестве своеобразного «судного приказа», судьей которого был новгородский воевода, а дьяками — дьяки новгородской избы.⁴⁶ Значительную часть делопроизводства этого учреждения составляли разбирательства поземельных и других споров между служилыми людьми — дворянами и детьми боярскими.⁴⁷ Новгородские воеводы и дьяки действовали на правах центрально-административного учреждения (Судного приказа) — они вершили суд над местными дворянами, хотя, согласно указу 1549 г., дворяне и дети боярские освобождались от суда местных властей — наместников — и подлежали суду центральных приказов. Большой властью над местным населением пользовались сибирские воеводы, деятельность которых контролировалась приказом Казанского и Мещерского дворца.⁴⁸ Велика была власть казанских⁴⁹ и астраханских воевод. Сохранился царский наказ 1591 г. астраханским воеводам кн. И. В. Сицкому и А. М. Пушкину, которым предписывалось исполнение самых разнообразных дел, вплоть до контроля за сохранением поголовья рыбы в астраханских водах.⁵⁰

Что же касается власти воевод в городах Центральной и Северной России, то она ограничивалась, с одной стороны, развитыми здесь органами местного самоуправления, а с другой — всей системой действовавших центральных приказов. Если различные дела

управления северо-западными уездами, Поволжьем, Сибирью и городами южной окраины находились в ведении преимущественно какого-либо одного территориального приказа (Новгородской чети, Казанского дворца и Посольского приказа, ведавшего городами Юга),⁵¹ то в Центре и на Севере органы местной власти находились под контролем прямо или косвенно одновременно самых различных приказов. Центр управления различными сословиями и социальными группами сосредоточивался в Москве, в приказах, а не на местах. Московские приказы нередко имели непосредственные сношения с населением, минуя воевод и прочих приказных людей. Разбойный приказ апеллировал к губным старостам, Ямской — к ямским приказчикам, Стрелецкий — к стрелецким головам и сотникам. Четвертные приказы по финансовым вопросам обращались нередко непосредственно к выборным волостным властям.⁵² Власть воеводы, таким образом, сильно урезывалась. Вряд ли можно переоценивать степень власти воеводы над местным населением. Воеводы действовали в условиях господства системы сословной монархии, и их власть далеко не была властью чиновника абсолютистского государства. Нередко воевода делил власть с органами местного самоуправления и другими органами власти на местах,⁵³ а также с местными обществами. Вот один яркий пример. В конце XVI в. на Орел (в Закамье) последовали две царские грамоты. Одна была адресована осадному голове (представитель центральной власти) А. М. Акинфову, а другая — всем посадским людям. Грамоты касались одного и того же вопроса — охраны интересов местного монастыря. При этом Акинфову предписывалось оберегать монастырь от насилий со стороны посадских людей, а посадским людям — охранять монастырь от посягательств осадного головы.⁵⁴ Но подобное положение наблюдалось далеко не везде. В крупных пограничных городах воеводы были полновластными правителями и резко возвышались над местным населением и местными обществами. Воеводы «больших» и «дальних» городов подчинялись преимущественно одному территориальному приказу, сконцентрировавшему в своих руках функции различных общегосударственных приказов. Такие территориальные приказы, как Казанский дворец и Новгородская четь, не могли бы эффективно управлять огромными территориями, если бы не было в Новгородской и Псковской землях, в Казанском крае и в Сибири твердой воеводской власти.

Таким образом, наиболее твердая административная власть имела в тех городах, воеводами которых были представители княжеско-боярской знати, члены Боярской думы и московские дворяне. Им принадлежала ведущая роль в местном управлении Русского государства. В руках бояр и знати была сосредоточена весьма значительная власть по управлению целыми областями и «царствами».

Итак, можно заключить, что главные нити управления страной были сосредоточены в руках представителей верхних чинов двора — членов Боярской думы и московского дворянства — и дьячества.

Думные люди, московские чины дворянства и дьяки по принципу поголовного должностного призыва присутствовали на земском соборе 1598 г. Высшим правительственный органом (в подлинном, а не формальном смысле) являлась Боярская дума, в рассматриваемый период весьма аристократичная по своему составу. В руках аристократической по преимуществу верхушки двора и дьячества находились центральный административный аппарат государства — приказы, а также воеводская власть в крупнейших областях России. В силу местнических традиций «боярская» верхушка двора занимала командные посты в армии.

В изучаемое время оформилась, таким образом, правящая, привилегированная и в известном смысле бюрократическая группировка «боярской» верхушки двора и дьячества.

В условиях экономического кризиса, обострения социальных противоречий, острой борьбы между землевладельцами за рабочие руки правительство не могло опереться на органы сословного самоуправления на местах. Главным проводником внутренней политики и опорой самодержавия все более становились верхи служилого сословия, зависимые от московской службы и оторванные от местных интересов.

Примечания

¹ Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII в. Казань, 1982. С. 38.

² Пронштейн А. П. Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957. С. 212—216.

³ Разряды. С. 172, 213, 251, 256, 319, 329, 338; РК 1475—1605. Т. I. Ч. 3. С. 447. — В начале царствования Федора Ивановича некоторое время наместником и воеводой во Пскове был кн. И. П. Шуйский. Довольно рано утвердилось воеводское управление в пограничном Смоленске. В 1555—1556 гг. там были наместники, а с 1561/62 г. неизменно упоминаются воеводы (Разряды. С. 152, 160, 196, 201, 206, 213, 225, 241, 269, 288).

⁴ Горсей Д. С. 110, 149, 159; Крестинин. Краткая архангелогородская история. Б. г. С. 165—168; Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 1, № 478, 524, 544, 577; оп. 2, № 92; ф. 5, оп. 1, ч. 1, № 733, 734, 760, 764, 765, 767, 769, 796, 859, 931, 936, 940, 948, 955; Временник ОИДР. М., 1849. Кн. VIII. С. 95; РИБ. Т. II. Стб. 47—49; Бс. Ч. I. С. 128, 187, 197, 205; РИБ. Т. XIV. Стб. 143—146, 153—155; ОР ГПБ, Q IV. 113-а, л. 349—352, 361—363; Сб. ГКЭ. Т. I. Стб. 331, 356, 361, 378, 385, 389; ЦГАДА, ф. 159, 1591 г., № 663; ф. 1201, оп. 3, № 593, л. 2; АГР. Т. I. С. 250; Барсуков А. П. Списки. С. 63; Сб. РИО. Т. 38. С. 301, 368, 422; РИБ. Т. VIII. Стб. 104; Чтения ОИДР. 1887. Кн. I. С. 66; Архангельские губернские ведомости. 1850. № 49; 1838. № 24, 25; ЦГАДА, ф. 281, № 4289, 4292, 4293, 14391; Лебедев Д. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881. С. 40.

⁵ Горсей Д. С. 110; Бс. Ч. I. С. 150, 200, 205; Садиков П. А. Очерки. С. 498; РИБ. Т. II. Стб. 114; АЮ. С. 192, 220, 226, 227, 231, 233, 237; Архив ЛОИИ СССР, ф. 41, № 84; ф. 276, оп. 1, № 92, л. 192—197; ф. 5, оп. 1, ч. 1, № 841, 849; ф. 174, оп. 2, № 77; ОР ГПБ, собр. Зинченко, № 155; ЦГАДА, ф. 281, № 2623; Сб. РИО. Т. 38. С. 364.

⁶ ОР ГПБ, № 1-203, 1-251; Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 1, № 523; Акты Уварова. С. 82; Андреев А. И. Краткая опись. № 230; ААЭ. Т. 2. С. 67, 71, 72; АФЗХ. Ч. I. № 312; Бс. Ч. I. С. 197; Барсуков А. П. Списки. С. 31.

⁷ Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв. Л., 1930. С. 39; Бс. Ч. I. С. 165, 197; ДАИ. Т. I. С. 214—215, 231—233; РИБ. Т. VIII. Стб. 104; Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 2, № 135.

⁸ РИБ. Т. XII. Стб. 141—143; Шляпин В. П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1912. Ч. I. С. 84; Бс. Ч. I. С. 202; Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 2, № 148; Смирнов П. П. Посадское строение при царе Бори-

се Годунове // ИЗ. 1938. Т. 4. С. 13; ОР ГПБ, собр. Зинченко, № 99; Архив ЛОИИ СССР, ф. 5, оп. 1, ч. 1, № 810.

⁹ ААЭ. Т. 1. С. 421, 422; т. 2. С. 56; Архив ЛОИИ СССР, ф. 45, № 2, 5, 6—9; Сеников О. П. Памятники земской старины. СПб., 1903. С. 283—285, 288, 292; Шляпин В. П. Акты... Ч. 1. С. 39, 146, 147; Бс. Ч. 1. С. 135, 141, 150, 200, 205; ЦГАДА, ф. 159, № 539.

¹⁰ Чтения ОИДР. 1887. Кн. I. С. 66: Бс. Ч. 1. С. 244.

¹¹ Шишонко В. И. Пермская летопись 1263—1881 гг.: Первый период с 1263—1613 гг. Пермь, 1881. С. 116, 130; ЦГАДА, ф. 281, № 11147; ААЭ. Т. 2. С. 99; Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 2, № 89; АЮБ. Т. II. С. 588, 589, 834, 838, 839; Бс. Ч. 1. С. 135, 183, 200, 205.

¹² Труды Вятской УАК. 1906. Вып. 1. С. 14; РИБ. Т. II. Стб. 118; Бс. Ч. 1. С. 133, 187, 197, 199, 220; ч. 2. С. 14.

¹³ АИ. Т. 2. С. 60; Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 2, № 176, 188; Бс. Ч. 1. С. 112, 202.

¹⁴ Бс. Ч. 1. С. 209, 212. — В 1600/01 г. на Пустоозере упоминается приказной человек Н. С. Воронцов-Вельяминов (РИБ. Т. II. Стб. 1088).

¹⁵ Эрм., л. 711; ААЭ. Т. 2. № 344; ОР ГПБ. Q IV.113-а, л. 557; Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 1, № 77; ПДС. Т. II. Стб. 896, 907; Бс. Ч. 1. С. 122, 199, 275; ОР ГБЛ, ф. 218, карт. 916, № 41.

¹⁶ Акты Уварова. № 71; ПДС. Т. II. Стб. 893; Бс. Ч. 1. С. 133, 168, 238.

¹⁷ Акты Уварова. С. 90—91; Белокуров С. А. Сношения с Кавказом. С. 451, 452; Разряды. С. 485; Бс. Ч. 1. С. 130, 197.

¹⁸ Акты Уварова. С. 67, 68.

¹⁹ ААЭ. Т. I. № 326; АЮ. С. 384—385; Эрм., л. 701 об.; АГР. Т. I. С. 253; Бс. Ч. 1. С. 132, 150; Гневушев А. М. Акты времени правления Василия Шуйского. М., 1914, № 12.

²⁰ Бс. Ч. 1. С. 211.

²¹ ЦГАДА, ф. 281, № 5137.

²² Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1916. Т. II. С. 632.

²³ Разряды. С. 373; Бс. Ч. 1. С. 162, 186.

²⁴ Разряды. С. 373; Бс. Ч. 1. С. 167, 237.

²⁵ Разряды. С. 378; Бс. Ч. 1. С. 128.

²⁶ Разряды. С. 378; Бс. Ч. 1. С. 142.

²⁷ Разряды. С. 378; Бс. Ч. 1. С. 142.

²⁸ РИБ. Т. XXXVII. С. 66; Бс. Ч. 1. С. 173, 192, 243.

²⁹ Масловский архив. Вып. I. 1569—1635 гг. // Чтения ОИДР. 1916. Кн. II. С. 26.

³⁰ Разряды. С. 389; Бс. Ч. 1. С. 133.

³¹ РИБ. Т. II. Стб. 46—47.

³² Разряды. С. 373.

³³ Акты Юшкова. С. 238.

³⁴ Аннилогов Г. Н. Новые документы. С. 64.

³⁵ ЦГАДА, ф. 159, № 539.

³⁶ Демидова Н. Ф. Государственный аппарат. С. 127. — В 1606/07 г. власти в г. Муроме упомянуты в следующем порядке: «...того же году в Муроме был воевода Иван Петрович Акинфов, да приказной человек Иван Чаадаев, да губные старосты Иван Мертваго да Василей, да городовой приказчик Иван Опраксин» (Белокуров С. А. Разряды. С. 206).

³⁷ Акты Уварова. С. 71.

³⁸ РИБ. Т. XIV. Стб. 146—147.

³⁹ Временник ОИДР. 1848. Кн. III. Смесь. С. 6—8.

⁴⁰ АПА. С. 13.

⁴¹ Разряды. С. 484—485.

⁴² См., например: Шумаков С. А. Сотницы. Вып. I. С. 77; АМГ. Т. I. С. 61; Разряды. С. 347 и др. — Есть упоминание также о наместнике — голове (Разряды. С. 362).

⁴³ Разряды. С. 534—540.

⁴⁴ Белокуров С. А. Разряды. С. 242—243.

⁴⁵ См.: Барсуков А. П. Списки.

⁴⁶ Книга переписная Новгородского судного приказа 1593—1600 гг. // АЮБ. Т. II. Стб. 187 и др.

⁴⁷ Здесь разбирались также дела о разбойниках, холопах и др.

⁴⁸ Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 2, № 148, 161, 162 и др.; Верхотурские грамо-
ты. Ч. 1—2.

⁴⁹ См. подробнее: Ермолов И. П. Среднее Поволжье... С. 38—52.

⁵⁰ АИ. Т. 2. № 230.

⁵¹ Эти приказы отличались от прочих территориальных приказов — четвертей —
расширенными функциями и руководили на подведомственных территориях и такими
делами, как организация ямской гоньбы, разбирательство крупных уголовных пре-
ступлений, организация службы стрельцов. На основной территории страны этими
делами ведали Ямской, Разбойный и Стрелецкий приказы.

⁵² См., например: Архив ЛОИИ СССР, ф. 174, оп. 1, № 560.

⁵³ Любопытные материалы о трениях между воронежским воеводой и казачьим
и стрелецким головами см.: Анненков Г. Н. Новые документы. С. 378, 384 и др.

⁵⁴ ОР ГБЛ, ф. 256, № 57, л. 1—5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После смерти Ивана Грозного Русское государство стояло на перепутье. При брезвильном его наследнике, царе Федоре Ивановиче, судьбы трона и страны оказались в руках враждующих боярских группировок. Назревала реальная угроза гражданской войны. В этой обстановке не мог не встать вопрос о путях дальнейшего политического развития России. И действительно, развернувшаяся вслед за кончиной Грозного борьба в верхах отнюдь не сводилась только к столкновениям внутри узкого круга царских родственников и приближенных за придворное первенство, как полагал С. Ф. Платонов. Уже в первые месяцы нового царствования отчетливо обозначились различные политические группировки и течения. В особую группировку сплотились, забыв о своих местнических и прочих противоречиях, представители первостепенной княжеской знати — Шуйские, Мстиславские, Воротынские и Булгаковы, которые именно в силу своей исключительной родовитости, а не на правах царских фаворитов могли претендовать на роль действительных первосоветников при государе. По-видимому, их «программа» состояла в ограничении царской власти в пользу знатнейших «княжат». Антиподом этой княжеской группировки выступали худородные «дворовые» деятели, заинтересованные в сохранении своих привилегий, которыми они пользовались при жизни царя Ивана, в продолжении прежнего опричного («дворового») политического курса. Но ни тем, ни другим не удалось добиться успеха. В ходе борьбы выдвинулась третья политическая сила с Борисом Годуновым во главе, которая одержала верх и взяла власть в стране. Выходец из придворной среды опричного времени, возвышенный благодаря опричнице, Годунов являлся сторонником сильной самодержавной власти и на протяжении всего своего правления и царствования проводил политику, направленную на ее укрепление. В борьбе с Шуйскими он сумел отстоять самодержавные принципы от притязаний княжеской верхушки. Но Борис добивался утверждения самодержавия иными методами, чем его предшественник Иван Грозный. Он отказался от проведения непопулярного в народе опричного курса, который не мог вывести страну из кризиса. Вопреки распространенному в литературе мнению бывший опричник, «зять Малюты» не являлся принципи-

альным противником княжеско-боярской знати вообще и отнюдь не стремился к ее унижению в пользу худородного дворянства. Его правительство было «боярским» по составу, и он почти не жаловал в Думу и на высшие правительственные посты людей новых, неродословных. Суть политики Бориса Годунова по отношению к правящим верхам проясняется при анализе реформы государева двора, проведенной в годы его правления. Все признаки указывают на то, что он вернулся к идеям реформ двора 1550-х гг., направленных на сплочение вокруг трона боярства и верхов дворянства при условии обязательной службы государю. Но осуществленная правительством Годунова реформа двора не была простым повторением реформ середины XVI в. За вторую половину века произошли существенные перемены в социальном облике и структуре господствующего класса, что не могло не повлиять на ход проведения реформы двора в конце XVI столетия и на ее результаты. В годы опричнины серьезный удар был нанесен по родовой княжеско-боярской вотчине, которая потеряла к концу XVI в. прежнее значение и в целом уже не определяла лицо крупного боярского землевладения. Под влиянием опричной политики земельных переселений знать утратила и свои прежние традиционные связи с уездным дворянством. Все это ослабляло ее перед монархом. Опричные перетасовки способствовали разрушению прежней территориальной структуры государева двора и оформлению новой, чиновной его структуры, выделению особой группы столичного дворянства, не связанного с местной служилостью и целиком зависимого от московской службы. Эта родовитая верхушка двора в общей массе не только не могла противостоять самодержавию, но и была заинтересована в сильной монархической власти, способной гарантировать ей устойчивый порядок служебно-местнических отношений, благодаря которому она главным образом и удерживалась на вершине социальной лестницы. Не случайно основная часть бояр и князей не поддержала Шуйских и их сторонников. Интересы верхушки служилого сословия — московской знати в целом — и имел в виду Борис Годунов, проводя преобразования государева двора. Его правительство произвело решительной пересмотр персонального состава двора, чины которого стали комплектоваться строго в соответствии с происхождением и местнической честью служилого человека. Почти все худородные деятели бывшего особого «двора» Ивана IV были понижены в чинах. Среди бояр, окольничих, стольников, стряпчих и дворян московских решительное преобладание получили представители княжеско-боярских родов. Такой аристократический состав верхних чинов двора сохранялся в течение всего правления и царствования Годунова. Сложившаяся в конце XVI в. замкнутая сословно-чиновная структура государева двора прочно ограждала московскую аристократию от проникновения в ее среду выходцев из худородного уездного дворянства, способствовала дальнейшей ее консолидации в правящую, привилегированную и в известном смысле бюрократическую (вместе с приказными дьяками) группировку, в руках которой и сосредоточились главные нити управления страной. Эта верхушка двора возвышалась не

только над рядовым уездным дворянством вообще, но и над высшим его слоем — выборными дворянами, которые лишь периодически привлекались к несению московской дворовой службы и не играли большой роли в центральном аппарате управления. Уже в рассматриваемое нами время наметился процесс «соседания» выборных дворян в городах, завершившийся в первой трети XVII в., когда городовой выбор перестал быть чином государева двора. В конце XVI—начале XVII в. заметно возросло число городов, где оформился институт выбора (города крымской и литовской «украин» и Поволжья), повысился политический вес местного дворянства. Однако служилые люди этих районов получили при дворе сравнительно незначительное представительство, далеко не соответствовавшее численности своих корпораций. В конце XVI в. связь с государевым двором утратили дворяне Новгорода и Пскова. Правительство Бориса Годунова явно не стремилось открыть широкий доступ ко двору и реальному управлению страной дворянству окраин. Углубление противоречий между столичной знатью и уездным дворянством, а также между дворянами Центра и окраин, с одной стороны, и рост корпоративной сплоченности местных служилых обществ — с другой, обусловили активные и самостоятельные выступления дворянских масс в годы Смуты.

Последняя четверть XVI—начало XVII в. — качественно новый этап в развитии форм государственного управления, характеризовавшийся упадком системы сословного самоуправления и усилением роли центральных органов власти. Главным проводником внутренней политики становятся верхи служилого сословия, стоявшие над местными интересами и прочими сословными группами. Приказно-бюрократическая и воеводская система управления с Боярской думой во главе, при которой доминирующее значение принадлежало служилой московской знати и дьячеству, явилась характерной чертой русской государственности изучаемого периода. И в дальнейшем, на протяжении XVII в., эта группа служилых людей оставалась правящей элитой государства, политической опорой монархии. Не вытеснение «боярства» «дворянством», как традиционно считается в литературе, а внутренняя эволюция самой боярской элиты, ее трансформация из старинной вотчинной аристократии в аристократию служилую, приспособление ее к новым условиям политического развития были основным содержанием процессов, протекавших внутри правящей верхушки допетровской Руси. Разобщенное по городовым корпорациям уездное дворянство, а также горожане, основная масса которых составляла бесправное тяглое сословие, не могли составить серьезного политического противовеса московской знати и приказной бюрократии. Все это препятствовало развитию сословного представительства и земских соборов, так и не превратившихся в регулярный институт, ограничивавший власть монарха. Хотя власть московских государей не была абсолютной (не располагая достаточно разветвленным бюрократическим аппаратом, они опирались на верхи служилого сословия и вынуждены были считаться с их специфическими сословными интересами, в частности с мест-

нической традицией), слабость сословий (в том числе и самой боярской знати, находившейся на положении служилой аристократии) и крепостное состояние основной части населения страны позволили им значительно возвыситься над обществом. В этом состояла главная особенность сословно-представительной монархии в России, процесса ее перехода в абсолютизм. Важной вехой на пути эволюции российской государственности явилось время правления и царствования Бориса Годунова, ознаменованное существенными переменами в социальной и политической жизни страны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН СССР — Архив Академии наук СССР.

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—2.

АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. I.

АЕ — Археографический ежегодник.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб., 1851. Т. IV.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб., 1841. Т. 1—2.

Акты Уварова — Катаев И. М., Кабанов А. К. Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. М., 1905.

Акты Юшкова — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898. Ч. I.

Альшиц Д. Н. Новый документ — Альшиц Д. Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // ИА. 1949. Т. IV.

АМГ — Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I.

АММС — Акты московских монастырей и соборов: Из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря. М., 1984.

Андреев А. И. Краткая опись — Андреев А. И. Краткая опись грамот, хранящихся в рукописном отделении Российской Публичной библиотеки // ЛЗАК. Пг., 1923. Вып. 32.

Анпилогов Г. Н. Новые документы — Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI—начала XVII в. М., 1967.

Анпилогов Г. Н. Приправочная книга — Анпилогов Г. Н. Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века. М., 1982.

АПА — Арзамасские поместные акты (1578—1618 гг.) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М., 1915.

АПД — Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М., 1913. Т. I.

Ардашев Н. Н. — Ардашев Н. Н. Древнейший столбец Поместного приказа о заготовке приправочных книг для писцов 7135 г. М., 1909.

Арх. I — Разрядная книга 1531—1609 гг. // Архив ЛОИИ СССР, кол. II, № 241.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. I.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1951—1964. Ч. 1—3.

АФЗХ (АМСМ) — Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.) / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983.

АЮ — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1857. Т. I; 1864. Т. II.

Барсуков А. П. Списки — Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902.

Барсуков А. П. Шереметевы — Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1881—1883. Кн. 1—3.

Белокуров С. А. Разряды — Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907.

Белокуров С. А. Сношения с Кавказом — Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578—1613 // Чтения ОИДР. 1888. Кн. III.

Библ. II — Разрядная книга 1375—1605 гг. // ОР ГПБ, F IV.181.

Библ. IV — Разрядная книга 1375—1602 гг. // ОР ГПБ, F IV.866.

Брк — Башмаковская разрядная книга (1375—1609 гг.) // Архив ЛОИИ СССР, ф. 115, № 93.

Бс — Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. / Сост. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979. Ч. 1—2.

Вахромеев И. А. Акты — Вахромеев И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И. А. Вахромеевым. М., 1896. Т. I.

Верхотурские грамоты — Верхотурские грамоты конца XVI—начала XVII в. М., 1982. Ч. 1—2.

Веселовский С. Б. Дьяки — Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.

Веселовский С. Б. Опричнина — Веселовский С. Б. Очерки по истории опричнины. М., 1963.

Веселовский С. Б. Служилые землевладельцы — Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

ВЖ — Военный журнал.

ВИ — Вопросы истории.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.

Витебская старина — Витебская старина / Сост. А. Сапунов. Витебск, 1885. Т. IV.

Воронц. I — Разрядная книга 1375—1627 гг. // Архив ЛОИИ СССР, ф. 36 (Воронцовы), № 650.

Горсей Д. — Горсей Д. Записки о России XVI—начала XVII в. / Пер. и comment. А. А. Севастьяновой. М., 1990.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. I.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.

Демидова Н. Ф. Государственный аппарат — Демидова Н. Ф. Государственный аппарат России в XVII веке // ИЗ. 1982. Т. 108.

ДРВ — Древняя Российская вивлиофика. М., 1788. Ч. III, VI, VII; 1789. Ч. XII; 1791. Ч. XX.

Законодательные акты — Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986.

Законодательные акты: Комментарии — Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века: Комментарии. Л., 1987.

Зимин А. А. В канун — Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986.

Зимин А. А. Опричнина — Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Зимин А. А. Реформы — Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

Зимин А. А. Состав — Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 г. М., 1958.

Зимин А. А. Формирование — Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в. М., 1988.

ЗОР ГБЛ — Записки Отдела рукописей ГБЛ.

ИА — Исторический архив.

ИЗ — Исторические записки.

ИРГО — Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900—1911. Вып. I—IV.

ИРО — Историко-родословное общество (в Москве).

Калачов Н. В. Архив — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Изд. Н. Калачовым. СПб., 1861. Кн. III.

Карамзин Н. М. — Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. X.

Кн. . . . — ЦГАДА, ф. 1209.

Кобрин В. Б. Власть и собственность — *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.) М., 1985.

Кобрин В. Б. Состав — *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960.

Корецкий В. И. Безднинский летописец — *Корецкий В. И.* Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // ЗОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38.

Корецкий В. И. Закрепощение — *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

Корецкий В. И. Формирование — *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л. Документы — *Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л.* Документы первой крестьянской войны в России // СА. 1982. № 1.

Кормовая Новоспасского монастыря — Кормовая книга московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903.

ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.

Лихачев Н. П. Библиотека и архив — *Лихачев Н. П.* Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894.

Лихачев Н. П. Поссевино — *Лихачев Н. П.* Дело о приезде в Москву Антония Поссевино. СПб., 1903.

Лихачев Н. П. Сборник актов — *Лихачев Н. П.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1—2.

ЛОИИ СССР — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.

Маржерет — Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета / Сост. Ю. А. Лимонов. Пер. Т. И. Шаскольской. М., 1982.

Масса И. — *Масса И.* Краткое известие о Московии. М., 1937.

МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт.

Мельников Ю. Н. Местничество — *Мельников Ю. Н.* Местничество и политическая борьба в России в 80-х годах XVI в.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1979.

Мордовина С. П. Дворянское представительство — *Мордовина С. П.* Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 года // ВИ. 1971. № 2.

Мордовина С. П. Служилые князья — *Мордовина С. П.* Служилые князья в конце XVI века // Тр. МГИАИ. М., 1970. Т. 28.

Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав — *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 г. М., 1977.

Назаров В. Д. Двор — *Назаров В. Д.* О структуре «государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвященный 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1975.

Назаров В. Д. К источниковедению — *Назаров В. Д.* К источниковедению Дворовой тетради // Россия на путях централизации. М., 1982.

Новицкий В. И. — *Новицкий В. И.* Выборное и большое дворянство XVI—XVII веков. Киев, 1915.

ОИДР — Общество истории и древностей российских при Московском университете.

ОМАМЮ — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. СПб., 1869. Кн. 1; 1872. Кн. 2; М., 1888. Кн. 5; 1891. Кн. 8; 1894. Кн. 9.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Опись 1614 г. — Опись царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

Опись 1626 г. — Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подг. к печати В. И. Гальцов. М., 1977. Ч. 1—2.

ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Павлов А. П. Опыт — *Павлов А. П.* Опыт ретроспективного изучения писцовых книг: (на примере писцовой книги Старицкого у. 1624—1626 гг.) // ВИД. Л., 1985. XVII.

Павлов А. П. Приказы — *Павлов А. П.* Приказы и приказная бюрократия: (1584—1605 гг.) // ИЗ. 1988. Т. 116.

Павлов А. П. Состав — Павлов А. П. Состав Боярской думы в период царствования Бориса Годунова (1598—1605 гг.) // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М.; Л., 1980.

Павлов А. П. Утвержденная грамота — Павлов А. П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // ВИД. Л., 1978. Х.

Павлов-Сильванский В. Б. Новый источник — Павлов-Сильванский В. Б. Новый источник по истории вотчинного землевладения в Московском уезде в XVI в. // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986.

Памятники сношений с Персией — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1890. Т. I.

ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851. Т. I; 1852. Т. II; 1871. Т. X.

Перечень 1626 г. — Книга Московского стола № 19, содержащая перепись делам, вынесенным из Разряда в пожар 1626 года // Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. Прил. С. 30—72.

ПИ — Проблемы источниковедения.

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872. Ч. I. Отд. 1; 1877. Ч. I. Отд. 2.

Платонов С. Ф. Очерки — Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910.

Погод. II — Разрядная книга 1477—1605 гг. // ОР ГПБ, собр. Погод., № 1524.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 12—14; 1968. Т. 31; 1978. Т. 34; 1982. Т. 37.

Разряды — Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

РИБ — Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. I; 1875. Т. II; 1884. Т. VIII; 1890. Т. XII; 1891. Т. XIII; 1894. Т. XIV; 1897. Т. XVI; 1908. Т. XXII; 1914. Т. XXXI; Л., 1924. Т. XXXVII; 1926. Т. XXXVIII.

РИС — Русский исторический сборник. М., 1838. Т. II; 1842. Т. V.

РК 1559—1605 — Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974.

РК 1598—1638 — Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1974.

РК 1550—1636 — Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. II. Вып. 1.

РК 1475—1605 — Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977—1978. Т. I. Ч. 1—3; 1981—1982. Т. II. Ч. 1—3; 1984—1987. Т. III. Ч. 1—2.

Рождественский С. В. — Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897.

РПК — Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. Рязань, 1898—1904. Вып. 1—3.

СА — Советские архивы.

Савва В. И. О Посольском приказе — Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. I.

Садиков П. А. Из истории — Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в. // ИА. 1940. Кн. III.

Садиков П. А. Очерки — Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Самоквасов Д. Я. — Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1905—1909. Т. 1—2.

Сб. ГКЭ — Сборник грамот Коллегии экономии. Пг., 1922. Т. I; Л., 1929. Т. II.

Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1902. Т. 72.

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38; 1892. Т. 71; 1910. Т. 129; 1912. Т. 137.

Сб. Хилкова — Сборник князя Хилкова. СПб., 1879.

СГГ и Д — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813—1819. Ч. I—III.

Скрынников Р. Г. Борьба — Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985.

Скрынников Р. Г. Россия — Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1981.

Смирнов И. И. Очерки — Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х гг. XVI века. М.; Л., 1958.

Список 1717 г. — Список старых писцовых книг Поместного приказа 1717 г. // ОМАМО. Кн. 5.

Станиславский А. Л. Источники — Станиславский А. Л. Источники для изучения состава и структуры государева двора последней четверти XVI—начала XVII в.: Автoref. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1973.

Сташевский Е. Д. — Сташевский Е. Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911.

Сухотин Л. М. — Сухотин Л. М. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе: 1610—1611 гг. М., 1911.

Сухотин Л. М. Четвертчики — Сухотин Л. М. Четвертчики Смутного времени (1604—1617 гг.). М., 1912.

ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. // Подг. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

Троицкая вкладная — Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

УАК — Ученая архивная комиссия.

УПК — Писцовые книги Угличского уезда XVII в. // Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль, 1886—1887. Кн. 41—46.

Флетчер Д. — Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906.

Флоря Б. Н. Несколько замечаний — Флоря Б. Н. Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // АЕ за 1973 г. М., 1974.

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения — Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. М., 1978.

Флоря Б. Н. Состав — *Floria B. N. Skład społeczny soborów ziemskich w państwie moskiewskim w XVI wieku* // Czasopismo prawno-historyczne. 1974. T. XXVI. Zeszyt. 1. S. 35—58.

Холмогоровы — Исторические материалы о церквях и селах в XVI—XVIII столетиях // Собр. В. и Г. Холмогоровы. М., 1886. Вып. IV; 1901. Вып. X.

Хронологический перечень. I—III — Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // АЕ за 1957 г. М., 1958 (I); АЕ за 1960 г. М., 1962 (II); Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // АЕ за 1966 г. М., 1968 (III).

Ш — Шерemetевская боярская книга // ДРВ. Ч. XX.

Шумаков С. А. Обзор — Шумаков С. А. Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1899—1917. Вып. 1—4.

Шумаков С. А. Сотницы — Шумаков С. А. Сотницы, грамоты и записи. М., 1902. Вып. I; 1904. Вып. III; 1910. Вып. V.

Щербачев Ю. Н. Датский архив — Щербачев Ю. Н. Датский архив // Чтения ОИДР. 1893. Кн. I.

Эрм. — Разрядная книга 1475—1605 гг. // ОР ГПБ, собр. Эрм., № 390.

Эрм. I — Разрядная книга 1471—1631 гг. // ОР ГПБ, собр. Эрм., № 389.

Явочный список — Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584—1586 гг. Т. А. Хлопова «с товарыщи» / Публ. В. Б. Павлова-Сильванского // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Аврам, бургграф см. Донау Абрахам
Аврамов Сапун Тиханович, дьяк 39, 54,
56, 66, 217, 234, 237
Адашев Алексей Федорович 33, 104
Адодуров Мамыш Кудашев 93
Акинфовы 122, 235
 Андрей Михайлович 235, 246
 Иван Петрович 248
Аксаковы 102, 122
 Леонтий Иванович 9, 114, 116
 Михаил Федорович 116
Алалыкин Василий 241
Александр Федорович Нетша 135, 136
Александренко В. Н. 81
Александров Федор, дьяк 234, 240
Алексеев Ю. Г. 14, 19, 25, 215, 226
Алексей Михайлович, ц. 74, 227
Алферьевы см. Нащокины
Альшиц Д. Н. 20, 43, 44, 107, 254
Альябьевы 235
 Андрей Семенович 123, 147, 235, 241
 Дмитрий Семенович 234, 235, 241, 242
Анастасия Романовна (ур. Захарына-
Юрьева), ц-ца 42, 73, 191
Андреев А. И. 247, 254
Андреев Иван, дьяк 234
Андрей Кучумович, ц-ч Сибирский 173
Аннилогов Г. Н. 21, 60, 204, 207—209,
212, 213, 214, 215, 233, 238, 248, 249, 254
Анхимюк Ю. В. 203
Апраксин Иван 248
Аргамаковы 235
 Алексей, дьяк 75

Ардашев Н. Н. 21—23, 254
Арцыбашевы 235
 Андрей, дьяк 236, 239
Арцымагнус см. Магнус
Афанасьев Кир, дьяк 240

Бабичевы, князья 17
Баландин Смирной 202
Барсуков А. П. 48, 70, 82—84, 209, 214,
247, 248, 255
Басмановы 16, 17, 69, 82, 109, 111, 194, 201
 Алексей Данилович 9, 24, 202
 Иван Федорович 22, 65, 110, 114, 116,
117, 194
 Ирина (Орина) Васильевна, ж.
 И. Ф. Басманова 194
 Петр Федорович 65, 66, 68, 69, 78, 82,
110, 111, 184, 194
 Фетинья, doch И. Ф. Басманова 194
Бахтеев Семен 178
Бахтеяровы-Ростовские, князья 16, 17, 71,
109, 134, 154, 200
 Андрей Иванович 73—75, 78, 114,
116, 121, 171
 Василий Федорович 114, 171
 Владимир Иванович 73, 74, 114, 155,
171
 Иван Иванович 114
 Иван Федорович 152
 Федор Дмитриевич Бахтеяр 152
Бегичевы
 Казарин Давыдович 137

* Указатель составлен на весь текст книги, включая примечания и список сокращений. Имена лиц, входящие в названия учреждений, в указатель не включены. В указателе принятые следующие сокращения: б-н — боярин, в монаш. — в монашестве, вел. кн. — великий князь, еп. — епископ, ж. — жена, иг. — игумен, кн. — князь, кнг. — княгиня, кор. — король, митр. — митрополит, патр. — патриарх, с. — сын, ур. — урожденная, ц. — царь, ц-ч — царевич, ц-ца — царица.

Фадей Давыдович 147
 Безнин см. Нащокины
 Безразовы 122
 Андрей Васильевич 240
 Елизарий Владимирович 147
 Елизарий Семенович 121
 Захарий Иванович 240
 Истома (Харитон, в монаш. Христофор) Осипович 27, 39, 65, 81, 115, 199
 Кузьма Осипович 53, 199
 Матвей Васильевич 121
 Михаил Владимирович 147
 Никита Шарапов 147
 Семен Владимирович 27
 Степан Осипович 114—116
 Беклемищевы
 Иван 240
 Семен Михайлович 121
 Федор Иванович Берсенев 166
 Белозерская Н. А. 219
 Белокуров С. А. 25, 45, 47, 50, 61, 62, 81—85, 132, 133, 135—139, 225, 228, 238, 248, 255
 Бельские 102, 134
 Богдан Яковлевич 9, 17, 27—30, 32—34, 37—39, 44, 47, 52, 53, 56, 57, 62, 64—67, 75, 76, 80, 81, 114, 117, 128, 153, 168, 197, 202, 219
 Григорий Лукьянович Малюта Скуратов 28, 164, 186, 250
 Невежа Яковлевич 114, 128, 202
 Постник Богданович 147, 148
 Бельские-Морткины, князья 17, 123
 Григорий Петрович Горчаков 22
 Дмитрий Григорьевич 8, 240
 Бельский Иван Дмитриевич, кн. 105, 134
 Беляев И. Д. 247
 Берестов Алексей, подьячий 13
 Бернов Петр Федорович 148
 Бибиковы
 Григорий Шестово 103, 148
 Иван Шестово 103
 Биркины
 Василий Григорьевич 147
 Родион Петрович 31, 103
 Битяговские 235
 Благие 123
 Григорий Иванович 143
 Елизарий Шемякин 27, 39
 Блудовы
 Василий Федорович 148
 Семен Федорович 114—116, 135
 Боголюбовский С. К. 81, 136, 234, 236, 238, 239
 Болотников Иван, подьячий 240
 Болтины 235
 Болховские, князья 17
 Борис Федорович Годунов, б-н, правитель, затем ц. 3—5, 12, 14, 17, 19, 20, 23, 25, 27—30, 32—43, 45—59, 61—82, 103, 104, 108, 109, 113, 115—117, 129—137, 143, 144, 146, 149, 157, 159, 160, 165, 166, 170, 174, 180, 186, 187, 191, 193, 196—199, 201, 203, 216, 218, 221—225, 227, 228, 230—233, 237, 243, 247, 248, 250—253, 257
 Борисовы-Бороздины 16, 17, 197
 Василий Никитич Большой 197
 Василий Федорович 8
 Григорий Никитич 114, 197
 Иван Борисович 197
 Иван Васильевич 197
 Иван Васильевич Черного 197
 Меркурий Васильевич 197
 Никита Васильевич 197
 Никита Иванович 197
 Федор Никитич 197
 Яков Васильевич 197
 Машуткины
 Василий Михайлович 96, 97, 145, 197
 Иван Михайлович 97, 197
 Бороздины 16
 Борис Захарович (родоначальник Борисовых) 197
 Иван Григорьевич 127
 Борятинские, князья 17, 18, 112, 122, 133
 Василий Васильевич 106
 Дмитрий Васильевич 106
 Дмитрий Михайлович Чермной 133, 240
 Иван Михайлович Манка 74
 Иван Михайлович Чермной 133
 Иван Петрович 124
 Михаил Петрович 121, 124
 Никита Петрович 113, 124
 Петр Иванович 104, 114, 133
 Федор Петрович 116, 121
 Яков Петрович 124
 Боталов Дмитрий (Митя), подьячий 240
 Ботвиньев Третьяк Михайлович 141
 Брехов Иван Андреевич 103
 Бровцыны 235
 Михаил Кузьмич 93
 Брянцевы
 Андрей Леонтьевич 88
 Денис Леонтьевич 88
 Леонтий Иванович 88
 Буганов В. И. 5, 6, 20
 Буйносовы-Ростовские, князья 16, 17, 71, 109, 154, 171
 Василий Иванович 114, 171, 172
 Иван Иванович 93
 Иван Петрович 172
 Петр Иванович 53, 54, 56, 61, 65, 66, 71, 73, 83, 114, 117, 171, 172, 201
 Юрий Петрович 172
 Булгаковы, князья 15, 18, 37, 50, 52, 68, 183, 185, 250; см. также Голицыны, Куракины
 Булыгины 235

Бунаковы 123
 Богдан Дмитриевич 148
 Иван Дмитриевич 148
 Бурцев Михаил 127
 Буссов Конрад 81
 Бутурлины 16, 17, 26, 49, 109, 118, 123, 134, 196
 Богдан Дмитриевич 196
 Василий Андреевич 96, 196
 Василий Иванович 139, 196
 Василий Кириллович 196
 Василий Матвеевич 196
 Дмитрий Андреевич 196
 Ефим Варфоломеевич (Вахромеев) 49, 114, 147, 196
 Иван Иванович 173
 Иван Матвеевич Возгря 196
 Иван Михайлович 20, 39, 40, 53, 60, 61, 62, 65, 114, 117, 196
 Матвей Васильевич 114, 116, 196
 Михаил Матвеевич 196
 Никита Иванович 196
 Порфирий Фомич 196
 Роман Богданович 196
 Степан Васильевич 196
 Федор Леонтьевич 116, 196
 Фома Афанасьевич 64, 65, 80, 114, 117, 143, 196
 Быкасовы 36, 48
 Андрей Тимофеевич 36, 48, 149, 161
 Юрий Тимофеевич 48
 Яков 48
 Бычкова М. Е. 46
 Бяконт см. Федор Бяконт
 Бяконтовы (потомки Ф. Бяконта) см. также Плещеевы
 Александр Федорович Плещей (родоначальник младшей ветви Плещеевых) 194
 Василий Иванович 195
 Данила Фофанович (Данилович) 195
 Иван Данилович 195
 Игнатий Иванович 195

Вадбальские, князья
 Иван 240
 Иван Михайлович 240
 Семен Васильевич 240
 Варлаам, старец, автор извета 19
 Варлаам Пушкин, еп. крутицкий 32, 37
 Васенко П. Г. 62
 Василий, губной староста 248
 Василий Иванович Шуйский, б-н, затем ц. 28, 31, 32, 36, 39, 46, 52, 53, 59, 60, 62, 66, 69, 72, 76—78, 117, 156, 161, 162, 164, 165, 173, 175, 177, 184, 206, 224, 248
 Васильев Смирной, дьяк 236
 Васильчиковы 24
 Григорий Андреевич 103, 114
 Григорий Борисович 103, 116, 142, 202
 Лукьян Григорьевич 119, 149
 Назарий Борисович 103, 202
 Никита Григорьевич 103, 148
 Вахромеев И. А. 49, 80, 255
 Вахромеевы 235
 Иван Семенович 148, 235, 236, 239
 Образец Семенович 148
 Вельяминовы-Воронцовы 17, 112, 136
 Андрей Иванович Батрак 114
 Леонтий Андреевич Батраков 112
 Никифор Семенович 240, 242, 248
 Федор Семенович 118
 Вельяминовы-Зерновы 17, 18, 26, 28, 50, 67, 68, 82, 109, 112, 118, 122, 123, 133, 190, 201
 Андрей Игнатьевич 112, 113, 124, 241
 Андрей Петрович 82, 114, 190
 Афанасий Иванович Обиняков 240, 242
 Борис Михайлович 110
 Василий Афанасьевич 8, 68, 114, 116, 241
 Василий Игнатьевич 110, 112, 138, 190
 Владимир Иванович 114, 116
 Гаврила Григорьевич 110, 132, 190
 Григорий Борисович 112, 138, 190
 Григорий Игнатьевич 114, 116
 Данила Афанасьевич 110, 112, 133, 138, 190
 Дмитрий Иванович Обиняков (в монаш. Даниил) 17, 52, 53, 56, 65, 68, 80, 114, 117, 190
 Игнатий Григорьевич 7
 Мирон Андреевич 82, 118
 Михаил Иванович 114
 Михаил Игнатьевич 110, 112
 Никита Дмитриевич 110, 112, 132, 190
 Петр Дмитриевич 110, 112, 190
 Семен Дмитриевич 110, 119, 138, 190
 Сила Михайлович 110, 112, 133, 138, 190
 Степан Афанасьевич 112, 133, 138, 190
 Третяк Григорьевич 7, 114, 116, 190
 Ульян, прозвище Тулуп 133
 Федор Ульянов (Тулупов) 110, 112, 133, 138, 190
 Юрий Иванович 114
 Яков Петрович 114, 116
 Вердеревские 103, 107
 Василий Никитич 241
 Григорий Михайлович 241, 242
 Верещагин Степан Басенков 124
 Веселовский Н. И. 257
 Веселовский С. Б. 4, 7, 22—26, 44, 49, 50, 61, 63, 67, 75, 80, 81, 84, 86, 104, 132—134, 136, 137, 147, 151, 190, 203, 205, 212—215, 238, 239, 241, 248, 254, 255
 Вешняковы 122

Владимир Игнатьевич 103, 116, 122, 148
 Игнатий Михайлович 96, 105, 145
 Викентьев Гаврила Потапович 240
 Висковатые
 Семен Иванович 148
 Третьяк Михайлович 105
 Витовтовы 235
 Владислав, польский королевич 258
 Владыкин Василий 241
 Власьев Афанасий Иванович, дьяк 64, 66, 217, 237
 Власьев Богдан, дьяк 236
 Власьев Г. А. 82, 85, 205, 209, 211, 213
 Внуковы 135
 Иван Иванович 114, 115, 116, 135
 Михаил Иванович 114, 115, 135
 Петр Иванович 118, 119
 Войковы
 Андрей Матвеевич 66, 70, 123, 198
 Григорий Васильевич 132
 Ефим (Байм) Васильевич 27, 31, 38, 39, 198, 202
 Иван 38
 Иван Васильевич 128, 202
 Иван Васильевич Меньшой 132
 Волков-Курицын см. Курицын
 Волконские, князья 17, 18, 122, 135, 136, 200
 Андрей Романович 114—116, 135, 136
 Григорий Константинович 135, 136
 Михаил Андреевич 124
 Михаил Константинович 148
 Михаил Петрович 148
 Никита Андреевич 124
 Волохов Залешин Никифорович 240
 Волоцкие 16, 17, 163
 Дмитрий Иванович 114
 Степан Александрович 16, 65, 66, 72, 73, 78, 109, 114, 117, 206
 Волынские 109, 110, 112, 122, 132
 Василий 7
 Василий Васильевич Щепин 133
 Василий Степанович 116, 148
 Василий Яковлевич Щепин 114, 116
 Григорий Васильевич 114, 116
 Иван Васильевич Щепин 133
 Иван Григорьевич 114
 Меньшой Григорьевич 114
 Михаил Григорьевич 114
 Петр Васильевич Щепин 110
 Степан Иванович Меньшого 110, 112, 113, 118, 133
 Федор Васильевич Щепин 110, 133
 Воронов Рахманин, подьячий 240
 Воронцовы 97, 198, 255
 Воротынские, князья 15, 18, 32, 34, 37, 48, 159, 160, 161, 200, 201, 250
 Владимир Иванович 24
 Дмитрий Михайлович 45, 47, 114, 159, 161
 Иван Михайлович 31, 32, 35, 45, 46, 54, 66, 78, 114, 117, 144, 147, 159, 161, 232
 Михаил Иванович 159, 198, 205
 Вражский Прокофий Иванович 147
 Всеволожский Родион Власьев с. 240
 Вылугзины
 Елизарий Данилович, дьяк 34, 39, 54, 56, 65, 70, 192, 199, 214, 234, 235, 237
 Степанова, ж. Е. Д. Вылугзина 199
 Вырубовы 123
 Иван Астафьевич 131
 Иван Леонтьевич 148
 Вышеславцев Попадья Федорович 93
 Вяземские, князья 17, 18, 112, 122
 Александр Иванович 96, 145
 Афанасий 133
 Афанасий Иванович 114, 240
 Семен Юрьевич 148
 Габсбурги 34
 Гагарины, князья 17, 122
 Афанасий Федорович 118
 Григорий Иванович 148
 Дмитрий 24, 105
 Иван Данилович 240
 Семен Семенович 122
 Семен Федорович 124
 Федор Семенович 103
 Гагины Великие, князья 12, 15, 153, 168, 201
 Иван Васильевич Меньшой 52, 53, 55, 56, 64, 117, 153, 168
 Степан Иванович 11, 12, 153, 168
 Гальцов В. И. 256
 Гарабурда Михаил, посол Речи Посполитой 34, 35, 48, 51, 224
 Гвоздевы-Ростовские, князья 16, 109, 134, 154, 172
 Василий Иванович 114, 116, 172
 Иван Федорович 154
 Михаил Федорович 114, 133, 154, 172
 Гедимин, вел. кн. литовский 183, 185
 Геласий, митр. крутицкий 63
 Глазатый-Оболенский Федор Юрьевич, кн. 93
 Глебов Назарий Семенович 105
 Глинские, князья 15, 18, 46, 200
 Иван Михайлович 28, 33, 39, 42, 46, 53, 56, 65, 103, 117, 160, 161, 201
 Гневушев А. М. 248
 Годуновы 16, 18, 28, 30, 33, 34, 37, 38, 40, 43, 46, 50, 51, 52, 54—58, 60, 63, 65—72, 74, 78, 81, 103, 109, 111, 133, 134, 186, 187, 200, 201, 232, 244
 Алексей Иванович Яскин 188
 Андрей Никитич 114, 116, 188
 Анна Григорьевна, дочь Г. В. Годунова, ж. кн. Ал. И. Шуйского, затем кн. П. Я. Урусова 77, 187

Григорий Васильевич 10, 22, 33, 39, 40, 53, 57, 77, 117, 187
 Дмитрий Иванович 27, 39, 40, 50, 53, 56, 57, 64, 65, 67, 117, 186, 190, 212
 Иван 74, 75
 Иван Андреевич 67, 188
 Иван Васильевич 33, 34, 39, 40, 46, 53, 56, 57, 65, 67, 117, 140, 187, 200
 Иван Иванович 64—66, 78, 81, 110, 117, 139, 143, 187
 Иван Иванович Чермной 105
 Иван Михайловича 65, 66, 188
 Иван Никитич 67, 114, 116, 188
 Ирина Никитична (ур. Романова), ж. И. И. Годунова 187
 Матвей Михайлович 64, 66, 67, 111, 188
 Михаил Осипович Осанов 70
 Никита Васильевич 64, 66, 114, 116, 117, 188
 Никита Данилович 95
 Олена Васильевна (ур. Зюзина), ж. А. И. Язкина Годунова 188
 Осип Осан Дмитриевич 188
 Петр Васильевич 65, 80, 114, 116, 117, 188
 Семен Никитич 10, 64—67, 69, 111, 188
 Степан Васильевич 9, 27, 29, 33, 39, 40, 46, 53, 56, 57, 64, 66, 67, 103, 117, 187
 Степан Степанович 50, 64, 66, 110, 111
 Федор Алексеевич 67, 188
 Яков Михайлович 52, 53, 56, 66, 114, 116, 117, 188
 Голенищев Филипп, дьяк 237
 Голицыны-Булгаковы, князья 15, 16, 18, 30, 32, 37, 41, 44, 47, 48, 54, 58, 66, 68, 71, 73, 77, 78, 82—84, 183—185, 201, 231
 Андрей Андреевич 183
 Андрей Васильевич 77, 82, 114, 183, 184
 Андрей Иванович 41, 47, 50, 53, 56, 59, 62, 65, 68, 77, 83, 114, 116, 117, 183, 184
 Василий Васильевич 58, 65, 66, 69, 77, 78, 83, 114, 117, 183, 184
 Василий Юрьевич 27, 32, 35, 37, 39, 47, 77, 183, 184
 Иван Андреевич 183
 Иван Васильевич 69, 70, 77, 78, 114, 183, 184
 Иван Иванович 41, 47, 50, 52, 53, 56, 58, 62, 66, 77, 114, 116, 117, 183
 Иван Юрьевич 44, 84, 183, 184, 201
 Ирина Андреевна, дочь А. И. Голицына 184
 Мария Васильевна (ур. Морозова), ж. А. В. Голицына 184
 Федора Андреевна, дочь А. И. Голицына 184
 Головинны 25, 28, 34, 35, 37, 38, 54, 112, 216
 Василий Петрович 35
 Владимир Васильевич 31, 35, 39, 47, 127
 Владимир Петрович 35
 Иван Васильевич 35
 Иван Петрович 27, 35, 39
 Михаил Иванович 34, 35
 Никита Петрович 35
 Петр Иванович 27, 30, 31, 34, 38, 47, 229
 Петр Петрович Большой 112
 Петр Петрович Меньшой 35, 112
 Федор Васильевич 35
 Головленковы
 Афанасий Васильевич 148
 Афанасий Иванович 148
 Голубцов И. А. 3, 19
 Голыгины, князья 254
 Василий Константинович 254
 Петр Иванович 254
 Степан Иванович 254
 Горбатые-Суздальские, князья 163, 164
 200, 204
 Александр Борисович 32, 45, 151, 152
 Петр Александрович 91, 151
 Горенские-Оболенские, князья 158
 Иван Васильевич 105
 Петр Иванович 90, 96, 105
 Горской Джером 34, 38, 47, 48, 219, 220, 227, 247, 255
 Горский А. В. 60, 79, 80, 83
 Горсткины
 Кириан Угримов 124
 Кирилл Угримов 124
 Горчаковы, князья 122
 Готье Ю. В. 144, 148
 Гошевский Павел 148
 Грамотин Иван Тарасович, дьяк 80, 235
 Григорьев Алферий, дьяк 240, 241
 Григорьев Богдан, дьяк 240
 Григорьев Савва, подьячий 240
 Грязные-Ильины 102
 Василий Григорьевич 136
 Тимофей Васильевич 75, 114—116
 Губарев Иван 233
 Губастые 235
 Губин см. Золотарев
 Гундоровы, князья 16, 18, 118, 122, 123, 156
 Андрей Иванович 114, 116, 166
 Гаврила Иванович 155
 Григорий Федорович 155, 166
 Иван Васильевич 167
 Иван Давыдович 166, 167
 Иван Иванович 155, 166
 Никита Федорович 155, 166
 Роман Иванович 167
 Сила Григорьевич 155, 156, 166
 Семен Иванович 155, 166, 167
 Степан Федорович 155, 166

Ульяна, ж. Силы Григорьевича
Гундорова 155
Федор Андреевич 167
Гурлянд И. Я. 233
Гурьев Асан Дмитриевич 93
Густав, сын Эрика XIV, королевич шведский 69

Давыдов Яков, крестьянин 228
Давыдовы 122
 Верига Федорович 125
Дашковы, князья 107
 Андрей Иванович 103
Деевы, князья 154, 169
 Андрей Федорович 204
 Иван 75
 Иван Федорович 177
Делагарди Понтус 220
Демидов Яков, дьяк 240
Демидова Н. Ф. 233, 234, 238, 248, 255
Дивов Варшути (Дартуша) 222
Дионисий, митр. 32, 37, 54, 134, 220, 224
Дмитриевы-Даниловы 136
 Михаил Самсонович 114, 115
 Самсон Григорьевич 114, 136
Дмитрий Александрович Зерно 190
Дмитрий Иванович, ц-ч, сын Ивана IV
 29, 30, 44, 51, 58, 60, 219, 227
Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. 134
Долгово С. О. 19, 256
Долгорукие, князья 15, 18, 113, 118, 134,
 175, 176, 201
 Алексей Васильевич 176
 Алексей Григорьевич Чертенок 114,
 176
 Андрей Борисович 114, 176
 Владимир Владимирович 176
 Василий Григорьевич Чертенок 114,
 176
 Владимир Васильевич 114, 176
 Владимир Тимофеевич 114, 116, 176
 Григорий Борисович Роща 114, 176
 Григорий Иванович Черт 114, 176
 Григорий Тимофеевич 114, 176
 Данила Иванович Шебановский 175
 Иван Андреевич Шебановский 114,
 175, 176
 Иван Михайлович Птицын 176
 Михаил 240
 Михаил Борисович 118, 176
 Михаил Иванович Птицын 114, 176,
 177
 Самсон Иванович 20, 114, 177
 Федор Иванович 176
 Федор Иванович Шебановский 114,
 176
 Федор Тимофеевич 114, 176
 Яков Михайлович Птицын 176
Донау Абрахам (Аврам, бургграф),
 имперский посол 61
Дроздов Федор Наумович Мисюров 114

Друцкие, князья 122
 Дмитрий 8
 Дмитрий Данилович 138, 143
 Федор Семенович 114, 133
Дубенской Федор Никитич 103
Дубровские
 Казарин Юрьевич 95
 Роман Казаринович 95
Дурные 123
 Федор Петрович 148
 Федор Тимофеевич 148
Дуров Ратман 63

Евские
 Алексей Истомин 124
 Истома, дьяк 75, 236
Елагин Н. В. 209
Елена Петровна, ц-ца, ж. ц. Василия
 Шуйского 164
Елецкие, князья 109, 110, 122, 132, 187
 Андрей Васильевич 74
 Борис Андреевич 105
 Дмитрий Петрович (в монаш. Дионисий)
 25, 34, 39, 47
 Иван Михайлович Селезнев 128, 217
 Федор Андреевич 74, 110, 111
Елчаниновы 123
 Никифор Григорьевич 148
Емельянов (Омельянов) Истома, подъячий 240
 Епишев Михаил Угримов 23
Ермолаев И. П. 247, 250
Еропкин Федор Андреевич 148
Есиповы
 Алексей Петрович 148
 Василий Гаврилович 87
Ефанов Иван, дьяк 236

Желябужский Григорий Григорьевич 124,
 235, 236
Жеребцовы
 Андрей Третьяков 143
 Давыд Васильевич 134, 143
 Иван Алексеевич 7, 53, 114, 124
 Семен Иванович 124
 Федор Алексеевич 134
Жихаревы 123
 Иван Иноземов 124
Жолкевский Станислав 48

Забелин И. Е. 44
Забелины 235
 Замятня Юрьевич 235
Заболоцкие 17
 Григорий Иванович 93
 Павел Петрович 93, 105
Загряжские
 Афанасий Федорович 114
 Владимир 240
 Владимир Игнатьевич 240

Владимир Федорович 8, 13
 Федор Данилович 148
 Залесский (Христофор Мартынович) 123
 Замыцкие 17, 134
 Андрей Васильевич 114
 Афанасий Васильевич 114
 Василий 22
 Дмитрий Андреевич 7, 27, 39, 124, 134
 Дмитрий Дмитриевич 124
 Иван Андреевич 124
 Иван Шарапов 105
 Замятин Федор Яковлевич 96
 Засекины, князья 16, 18, 26, 118, 123, 134, 153, 169, 201
 Борис Петрович (в монаш. Боголеп) 22, 39, 40, 49, 153, 169
 Григорий Осипович Зубок 38, 114, 169
 Данила Иванович 169
 Данила Иванович 152, 204
 Дарья, ж. Ивана Володимерова 152
 Иван Андреевич 178
 Иван Володимеров 152
 Иван Иванов Володимерова 152
 Лаврентий (Ларион) Борисович 114, 117, 119, 138, 169
 Лев Иванович 169
 Михаил Константинович 101
 Никита Данилович 169
 Петр Борисович 114, 117, 119, 138, 169
 Петр Данилович 153, 169
 Семен Иванович 169
 Федор Иванович 169
 Жировые-Засекины 153, 154, 169
 Абрам Федорович 153
 Александр Федорович 114, 153, 169
 Андрей Федорович 169
 Борис Андреевич 153
 Василий Федорович 114, 169
 Иван Андреевич 153
 Иван Борисович 153
 Иван Федорович 114, 153, 169
 Михаил Федорович 153
 Степан Федорович 153
 Федор Андреевич 153
 Солнцевы-Засекины 152, 153, 169
 Андрей Иванович 154, 169
 Иван Андреевич 114, 169
 Засецкие
 Иван Худяков 148
 Темир Васильевич 63, 148
 Захарьин Роман Юрьевич 73, 191; см. также Юрьевы-Захарьины, Романовы
 Збарацкий Януш, кн. 47
 Звенигородские, князья 15, 18, 26, 112, 118, 122, 123, 133, 134, 182
 Андрей Дмитриевич 116, 183
 Василий Андреевич 114, 116, 148, 183, 240
 Глеб Александрович 183
 Григорий Васильевич 8, 183
 Иван Андреевич 9, 124, 148, 183
 Иван Андреевич Рюмин 114, 183
 Иван Григорьевич 115, 116, 183
 Иван Иванович Барашев 183
 Михаил Дмитриевич 183
 Михаил Иванович Слячий 183
 Никита Дмитриевич 183
 Петр Никитич 183
 Семен Григорьевич 20, 115, 116, 148, 183
 Федор Андреевич 115, 116, 136, 183
 Юрий Андреевич 113, 183
 Ноздроватые 15, 16, 18, 112, 123, 134, 182
 Борис Иванович 182
 Григорий Андреевич 115, 116, 148, 182
 Иван Андреевич 182
 Михаил Васильевич 115, 116, 183
 Федор Васильевич 115
 Токмаковы-Ноздроватые 16, 18, 182
 Иван Юрьевич 49, 115, 182, 201
 Зимин А. А. 3, 19, 24, 25, 44, 45, 50, 60, 62, 63, 87, 88, 91, 94, 95, 101, 104—107, 134, 151, 182, 203, 204, 208, 211, 213, 220, 223, 227, 233, 255, 258
 Зиновьевы
 Алексей Федорович 148
 Афанасий Федорович 148
 Зинченко И. К. 247, 248
 Злобины 134
 Иван Степанович Володимеров 114, 115
 Змеевы 235, 238
 Яков Семенович 148
 Золотарев (Губин?) Иван Иванович 104
 Золотые-Оболенские, князья 158
 Зубов Игнатий 8
 Зыбины
 Игнатий Богданович 148
 Михаил Меньшой Богданович 148
 Зюзины 17, 109, 122
 Анна (ур. Мосальская), ж. Я. В. Зюзина 179
 Василий Григорьевич 27, 31, 39, 188, 202
 Яков Васильевич 110, 112, 179
 Иван IV Васильевич Грозный, ц. 3, 4, 9, 25, 27—31, 37—41, 43—45, 54, 65, 66, 69, 73, 79, 100, 102—104, 109, 114, 132—135, 140, 151, 153—156, 158—162, 170, 180, 181, 184, 191, 193, 196, 197, 199, 200, 202, 205, 218—221, 230, 250, 251, 254—256
 Иван Данилович Калита, вел. кн. 37, 51

Иван Иванович, ц-ч, сын Ивана IV 46, 158, 180
 Иванов Богдан, дьяк 238
 Иванов Шемет, дьяк 236
 Ивашевы 235
 Андрей 222
Ивина Л. И. 19, 254
 Игнатьевы
 Матвей Уродков 148
 Сергей Матвеевич 125
 Иевлев Корнила, дьяк 240
 Измайлова 17, 122
 Андрей Яковлевич 114—116, 134
 Артемий Васильевич 124
 Василий Петрович 112—115, 241
 Игнатий Андреевич 124
 Никита Васильевич 112, 113
 Степан Андреевич 124
 Ильин Бессон, подьячий 240
 Ильин Осип, дьяк 25
 Ильины 136
 Иоанн, принц датский 69, 77
 Иов, еп. Суздальский 203
 Иов, патр. московский и всея Руси 42, 57, 221, 225
 Иосиф, монах, келейник патр. Иова 19
 Ирина Федоровна (ур. Годунова) ц-ца, в монаш. Александра 35, 36, 57, 58, 131, 135
 Истленьевы
 Данила Иванович Меньшого 115, 116, 139
 Степан Иванович 118

Кабанов А. К. 254
Казакова Н. А. 19
 Кайсаров Бражник Булгаков 241
Калачов Н. В. 7, 204, 210, 211, 255—257
 Калитин Иван Дмитриевич 131
 Камынин Иван 7
 Канчев Никита Кутлуков 102
Карамзин Н. М. 80, 255
 Карамышевы
 Иван 168
 Иван Никитич 127
 Иван Никитич Большой 127
 Иван Никитич Меньшой 127
 Иван Федорович 22
 Петр Иванович 22
 Каракаров Бакака Митрофанов, дьяк 24
 Карпов Иван Никитич, дьяк 235, 236
 Карповы-Долматовы 16, 18, 112, 123, 197
 Борис Иванович 74, 113, 124, 133, 197
 Долмат Федорович Карпов 197
 Лев Иванович 197
 Федор Борисович 197
 Карташевы 235
 Истома, дьяк 236
Катаев И. М. 254

Катыревы-Ростовские, князья 15, 18, 109, 154, 155, 201
 Андрей Иванович 155
 Иван Михайлович 75, 84, 172
 Михаил Петрович 41, 64, 66, 71, 73, 75, 78, 115, 117, 172, 201
 Кафтырев Леонтий Васильевич 147
 Кашины, князья 15, 18, 134
 Дмитрий Михайлович 175
 Иван Михайлович 175
 Михаил Федорович 49, 115, 175
Каштанов С. М. 204, 258
 Квашнины
 Афиноген 148
 Василий Андреевич 128, 202
 Кемский Александр Иванович, кн. 105
 Кикины 32
 Кондыревы см. Кондыревы
 Киселев Семен, подьячий 240
 Киселев Семен Федорович 105
 Клешнины
 Андрей Петрович 17, 33, 39, 40, 42, 53, 56, 62, 65, 80, 117, 136, 190, 197
 201
 Бахтеяр Образцов 112, 113, 133, 138
 Климентьев (Карпов) Епсихей Репчуков 148
 Клобуковы 235
 Андрей Федорович 114, 115
 Григорий Иванович 118, 121, 135, 236, 239
 Иван Тимофеевич 22
Ключевский В. О. 59, 221, 222, 226, 227, 233
Кобеко Д. Ф. 48
Кобрик В. Б. 4, 19, 25, 48—50, 61, 82, 104, 107, 133—136, 151, 154, 203, 204, 206, 208, 215, 216, 256
 Кобылины 122
 Кобяков Алексей 25
 Ковернев Верига, подьячий 240
 Ковровы-Кривоборские, князья 16, 18, 123, 156, 167
 Иван Андреевич 152
 Иван Семенович 152
 Осип Андреевич 152
 Федор Петрович 167
Кожевников М. 214
 Козловские, князья
 Иван Иванович 118
 Петр Андреевич 119
 Семен Федорович 105
Козляков В. Н. 204
 Кокошкины 235
 Колединские-Бородзины 122
 Василий Григорьевич 148
 Григорий 23
 Колтовские 17
 Севастьян Александрович 148
 Степан Борисович 240
 Федор Борисович 122

Колударовы 235
Колуаев Никита Лунков 141
Кольчева Е. И. 205
Колычевы 28, 34, 36, 37, 38, 54, 123
 Андрей Федорович 48
 Борис Степанович 93
 Григорий Федорович Гуша 127
 Иван Федорович Крюк 36, 45, 48
 Петр Федорович 241, 242
Лошаковы
 Афанасий Григорьевич 105
 Федор Данилович 32, 38
Немяты
 Афанасий Никитич 89
 Иван Никитич 89
 Юрий Никитич 89
Кондыревы 235
 Воин 186
Копачев А. И. 19
Копнины 235
Корецкий В. И. 3, 19, 22, 35, 38, 44, 47—50,
 81, 138, 149, 211, 213, 214, 256
Коркодиновы, князья 122
 Гаврила Семенович 116, 148
 Федор Семенович 137
Коробовы 17
 Андрей Васильевич 96, 145
 Василий Васильевич 96, 145
 Ермола Федорович 143
 Федор Васильевич 96, 145
Котошинин Григорий Карпович 220, 227
Кочергини 235
Кошелева О. Е. 25
Крабов Дмитрий Алферьевич 115
Крамми Р. О. 203; см. также Сгим-
 теу Р. О.
Крестинин В. В. 247
Кривоборские, князья 156
 Федор Иванович 7, 115, 155, 167
Кропоткин Андрей Иванович, кн. 105
Кротов М. Г. 99, 105, 106
Кузьмины-Короваевы 17, 122
 Василий Яковлевич 115, 116, 136, 137
 Степан Васильевич 116
Кульневы
 Богдан Михайлович 148
 Михаил Григорьевич 148
Куракины, князья 15, 18, 78, 97, 109, 183,
 185, 201
 Андрей Петрович 22, 31, 32, 35, 37,
 45—47, 62, 66, 78, 117, 185
 Григорий Андреевич 32, 39, 41, 50,
 52, 60, 97, 117, 135, 185, 227
 Дмитрий Андреевич 97
 Иван Андреевич 97
 Иван Дмитриевич 91
 Иван Семенович 68, 78, 165, 184
 Михаил Андреевич 115, 185
 Михаил Иванович 91
 Петр Андреевич 97
 Семен Андреевич 115, 185

Семен Дмитриевич 165
Курбские, князья 97
 Андрей Михайлович 105
Курдюков Ларион Григорьевич 138
Курицын-Волков Василий Иванович 126
Курлятевы, князья 15, 18, 109, 158, 173
 Варвара, мать И. И. Курлятева 173
 Иван Дмитриевич 91
 Иван Иванович 173, 175, 201
 Роман Дмитриевич 91
Кутузовы 17
 Василий Андреевич 105
Кучкин В. А. 205

Лазарев Тимофей Матвеевич 240
Ласкиревы 102
 Иван Михайлович 114, 115, 240
 Федор Михайлович 114—116
Лачинов Исаак Тимофеевич 138
Лебедев Д. 247
Левашевы 17
Ленков Жук Степанович 22
Леонида, старица, вдова ц-ча Ивана
 Ивановича 46
Леонтьев А. К. 231, 233
Лжедмитрий I (также Дмитрий самозва-
 нец, Самозванец, Растигра) 5, 20, 25,
 31, 35, 37, 42, 44, 45, 48, 54, 62, 63, 66—
 72, 74—79, 81, 82, 85, 117, 132, 137, 144,
 162, 220, 229, 243
Лимонов Ю. А. 256
Линевы 235
 Сарыч Кобяков 235
Лихачев Н. П. 43, 44, 46, 49, 80, 82, 84, 134,
 205, 212, 213, 217, 233, 234, 238, 239,
 256, 257
Лихачев П. Ф. 20
Лобановы-Ростовские, князья 15, 18, 112,
 123, 134, 154
 Александр Иванович 172
 Афанасий Васильевич 172
 Василий Михайлович 115, 116, 172
 Иван Борисович 155
 Иван Иванович 172
 Иван Семенович 135
 Иван Юрьевич 148, 172, 202
 Петр Семенович 33, 39, 42, 53, 117,
 128, 135, 172, 217
 Семен Михайлович 115, 116, 172
 Федор Михайлович 115, 116, 172
 Юрий Иванович 155, 172
Ловчиковы
 Матвей Григорьевич 148
 Юрий Григорьевич 148
Лодыгинъ 122, 235
 Андрей 105
 Андрей Облезов с. 88
 Борис Владимирович 116
 Иван Андреевич 88

Лодыженские 235
 Артемий 118
 Иван Давыдович 121
 Леонтий 63, 124
 Леонтий Давыдович 237
 Самойло Семенович 121, 138
 Юрий Леонтьевич 124
 Лопатины-Оболенские, князья 158
 Лукичев М. П. 24, 217
 Лыковы 134
 Замятня Иванович 114—116, 134
 Михаил Матвеевич 96, 145
 Лыковы, князья 16, 18, 109, 112, 118, 175
 Алексей Федорович 175
 Борис Михайлович 25, 77, 110, 138, 158, 173, 175
 Иван Иванович 105
 Иван Федорович 175
 Федор Иванович 110, 132, 133, 175
 Белоглазовы
 Борис Иванович 115, 175
 Григорий Борисович 175
 Семен Иванович 115, 175
 Федор Иванович 115
 Львов Никита 222
 Львовы, князья 122
 Дмитрий Васильевич 143
 Матвей Данилович 240, 241
 Любомиров П. Г. 228
 Любученинов Разгильдей Григорьевич
 Шарапов 240
 Ляпуновы 17, 32

Магнус (Арцымагнус), датский принц, кор. Ливонии 77
 Макарий, иг. 45
 Малыгин Иван, подьячий 240
 Мальцев В. П. 139
 Маматов Смирной Юрьевич 36, 63, 118
 Маматова Е. П. 21
 Мансыревы 138
 Маньков А. Г. 19
 Маржерет Жак 82, 84, 120, 138, 200, 225, 228, 256
 Мария Григорьевна, ц-ца, ж. Бориса Годунова, дочь Малюты Скуратова 166
 Мария Федоровна (ур. Нагая), ц-ца, ж. Ивана IV 132, 135
 Маркевич А. И. 71, 83, 84
 Марков Василий Петрович 149
 Мартемьянов Герасим, дьяк 175
 Марфа Ивановна, ц-ца, старица, мать ц. Михаила Федоровича 190
 Маслов Константин Федорович 241
 Масса Исаак 50, 63, 82, 256
 Машуткины см. Борисовы-Бороздины
 Мезецкие, князья 16, 18, 26, 109, 112, 118, 122, 123, 181, 182
 Андрей Дмитриевич 182
 Анна, дочь И. Ю. Шапкина Мезецкого 181
 Борис Иванович 115, 182, 240
 Данила Иванович 53, 110, 138, 182
 Дмитрий Дмитриевич 182
 Иван Федорович 105
 Иван Юрьевич Шапкин 181, 182
 Михаил Васильевич 182
 Михаил Михайлович 133
 Михаил Романович 181
 Никита Михайлович 110, 133, 182
 Роман Михайлович 181, 182
 Семен Романович 181
 Соломонида, ж. Б. И. Мезецкого 182
 Фома Дмитриевич 182
 Мекк А. К. фон 22, 23
 Мелентьев (Мелентьевич) Федор 148
 Мельников Ю. Н. 3, 20, 25, 44, 256
 Мертвого Иван 248
 Мещеринов Яков 9
 Мещерские, князья
 Григорий Федорович 96, 145
 Дмитрий Юрьевич 124
 Иван Никитич 98
 Иван Юрьевич 124
 Федор Григорьевич 105
 Федор Федорович 118, 127
 Юрий 24
 Юрий Григорьевич 96, 115, 116, 138, 145, 148
 Микулинские, князья 200; см. также Телятевские
 Микулины
 Григорий Иванович 121, 148
 Петр Иванович 148
 Миллер Г. Ф. 61
 Милославские 235
 Андрей, дьяк 234
 Милюковы 17, 122
 Долмат Иванович 124
 Иван Васильевич Гусь 115, 116, 240
 Иван Данилович 240
 Иван Иванович 118
 Михаил Васильевич 148
 Русин Алексеевич 148
 Михаил Федорович, ц. 11, 190, 192, 196, 197, 202, 224, 228
 Михайлов Никита Путилов 103, 123
 Михалковы 70
 Андрей Тимофеевич 135, 193
 Михнев Истома Иванович 121
 Молвяниновы
 Афанасий Матвеевич 143
 Елизарий Семенович 240
 Молчановы
 Матвей Иванович 143
 Михаил Васильевич 143
 Монастыревы 136
 Мордовина С. П. 4, 5, 19, 20, 28, 43—45, 50, 107, 113, 120, 131, 133, 137, 161—163, 200, 204—206, 216, 217, 222, 227, 228, 255, 256
 Морозов Б. Н. 206

Морозов-Козлов Танай Васильевич 125
 Морозов-Мещанинов Григорий Иванович 115
 Морозовы-Поплевины 16, 18, 66, 109, 192
 Борис Иванович 193
 Василий Петрович 65, 66, 70, 115, 117,
 184, 192, 201
 Иван Васильевич 192, 206
 Иван Михайлович 192
 Иван Петрович 135
 Михаил Яковлевич 193
 Петр Васильевич 206
 Морозовы-Филимоновы 112
 Морткины, князья 122
 Иван Андреевич 23
 Иван Юрьевич 240
 Мосальские, князья 16, 18, 97, 98, 106,
 108, 112, 118, 133, 134, 158, 159, 179,
 180, 201
 Александр Дмитриевич 179
 Василий Михайлович Рубец (Александров) 70, 116, 159, 179
 Василий Федоров Гладышев Александров 115, 179
 Мария, ж. Михаила Александровича 179
 Михаил Александрович 179
 Осип Дмитриевич 179
 Семен Васильевич Гладышев Александров 179
 Федор Александрович Гладыш 115, 179
 Федор Осипович 179
 Горбатые 180
 Василий Иванович 115
 Владимир Иванович 180
 Дмитрий Васильевич 115, 180
 Дмитрий Иванович 180
 Клубковы
 Авдотья, ж. Вл. И. Клубкова 179
 Василий Владимирович 179
 Василий Львович 179
 Владимир Иванович Шаня 115, 179
 Иван Данилович 115, 179
 Иван Львович 115, 117, 118, 179
 Петр Владимирович 179
 Семен Васильевич 179
 Кольцовы 178, 179
 Андрей Владимирович 178
 Владимир Васильевич 115, 135,
 178, 179, 210
 Григорий Владимирович 178
 Иван Владимирович 118, 178
 Михаил Андреевич 179, 210
 Литвиновы 178
 Андрей Васильевич 210
 Андрей Федорович 177, 178
 Василий Васильевич 38, 115,
 159, 178

Василий Федорович 115, 178
 Иван Васильевич 178
 Федор Иванович 115, 178
 Мстиславские, князья 15, 16, 18, 30, 32,
 37, 44, 64, 160, 200, 201, 231, 232,
 250
 Иван Федорович 27, 30, 32—35,
 37, 39, 138, 160, 161
 Федор Иванович 27, 35, 39, 40, 53—
 57, 66, 68, 71—73, 78, 84, 103,
 117, 160—162, 231
 Федор Михайлович 160
 Мунзорин Иван Иванович 148
 Мутьянские 16, 18
 Иван Петрович 115
 Петр Петрович 115
 Мясоедовы
 Иван Тимофеевич Большой 25
 Иван Тимофеевич Меньшой 25
 Мятлев Н. В. 80, 82, 83, 99, 106, 107, 136,
 211, 238
 Нагаевы-Телепневы-Оболенские, князья 158
 Нагие 19, 30, 38, 44, 219
 Андрей Федорович 27, 44
 Афанасий Александрович 44
 Афанасий Федорович 27, 39, 44, 134,
 175
 Иван Григорьевич 44
 Иван Семенович 44
 Михаил Александрович 38, 44
 Семен Федорович 44
 Федор Федорович 27, 39
 Назаров В. Д. 4, 19, 25, 45, 86, 87, 90,
 104—106, 131, 223, 227, 228, 256, 258
 Нармацкие 235
 Иван 242
 Иван, дьяк 81
 Иван Алексеевич 53, 54, 65, 81, 217
 Наумовы 122
 Григорий Федорович 125
 Иван Константинович 118
 Константин Андреевич 148, 241, 242
 Петр Суворов с. 148
 Федор Андреевич 148
 Федор Яковлевич 148
 Яков Гаврилович 61
 Нащокины 122, 136
 Григорий Афанасьевич 115, 116, 136
 Иван 148
 Иван Афанасьевич 122
 Иван Павлович 240
 Петр Афанасьевич 240
 Алферьевы 38, 122
 Василий Романович 114—116,
 139, 149, 186
 Роман Васильевич 27, 30, 32,
 38—40, 114, 115, 136, 198
 Семен Романович 114—116, 149,
 186

Безнин Михаил Андреевич 27, 30, 38, 39, 135, 198

Нееловы 235

Григорий Андреевич 143, 148

Иван, дьяк 121, 236

Иван Елизарович 148

Михаил Елизарович 240

Петр Иванович 121, 148, 236

Неклюдов Захарий Кутаев 23

Нелидовы

Василий, дьяк 238

Иван Васильевич Меньшой 124, 238

Немые Телепневы-Оболенские, князья

Дмитрий Иванович 97, 158

Федор Иванович 97, 182

Неплюевы

Григорий Андреевич 93

Никифор 13

Неронов Постник Данилович 147

Нетша см. Александр Федорович Нетша

Низовцевы 235

Никитин Казарин 147

Никифоров Григорий, подьячий 23

Новицкий В. И. 104, 107, 139, 143, 147, 256

Новокщеновы

Богдан Афанасьевич 127

Воин Афанасьевич 127

Новосильцевы 134

Василий Иванович Китай 134

Елизарий Александрович 148

Иван Петрович 134

Лука Захарьевич 33, 104, 114, 115

Ноготковы-Оболенские, князья 16, 18, 173, 201

Иван Андреевич 22, 46, 72, 135, 173

Михаил Андреевич 91

Федор Андреевич 22, 51, 52, 55, 64, 65, 68, 72, 73, 115, 117, 143, 173, 201

Ногтевы-Суздальские, князья 15, 18, 28, 48, 152, 165

Андрей Иванович 152

Анна Федоровна (ур. Татева), ж.

Д. А. Ногтева 165

Данила Андреевич 36, 37, 41, 84, 115, 165, 201

Ноздроватые см. Звенигородские

Ноздрунов Иван Иванович 23

Нороватый Иван Яковлевич 93

Норовы

Гневаш Усенинов 240

Иван Семенович 125

Молчан Павлович 125

Савин Иванович 125

Носов Н. Е. 4, 19

Оболенские, князья 15, 16, 51, 64, 72, 98, 107, 158, 160, 173, 178; см. также Глазатые, Горенские, Долгорукие, Золотые, Кашины, Курлятевы, Лыковы, Ноготковы, Пенинские, Репинины, Серебряные, Стригини, Телепневы (также Ло-

патины, Нагаевы, Немые, Овчинины), Тростенские, Туренины, Тюфякины, Шепины-Шевыревы, Щербатые, Ярославовы

Овцыны 17, 122

Василий Афанасьевич 148, 240

Григорий Семенович 148

Петр Афанасьевич 241

Овчинины-Телепневы Оболенские, князья 158, 174

Огарев Постник Григорьевич 63

Одоевские, князья 15, 18, 75, 109, 159, 160, 162, 163, 201, 205

Данила Семенович 159

Иван 75

Иван Михайлович 162

Иван Никитич Большой 24, 76, 110, 115, 116, 162

Иван Никитич Меньшой 23, 24, 110, 115, 116, 162, 163

Михаил Никитич 9, 83, 115, 162

Никита Романович 159

Окороков Онуфрий Ильич 241

Оладын Василий, дьяк 238

Омельянов см. Емельянов

Осинин Федор Ляпунов 127

Осорины 235

Иван Иванович 235

Отрепьев Григорий 78, 85; см. также

Лжедмитрий I

Охлябины, князья 16, 18, 169, 171

Василий Федорович 171

Михаил Дмитриевич 182

Петр Федорович 171

Роман Васильевич 115, 171

Ошанин Дмитрий Тимофеевич 143

Павлов А. П. 20, 21, 62, 63, 79, 203—205, 217, 227, 228, 233, 238, 256

Павлов Константин (Костя), подьячий 240

Павлов-Сильванский В. Б. 7, 10, 19, 21, 147, 149, 257, 258

Палецкие, князья

Давыд Федорович 24, 106

Дмитрий Федорович 25

Палицыны 235

Аверкий 22

Панеяя В. М. 19

Панин Фома, дьяк 234

Парский Богдан Давыдович 141

Патрикей Наримонтович, кн. литовский 183

Пац Станислав, витебский воевода 36

Пенинские-Оболенские, князья 158

Пенков Иван Васильевич, кн. 105

Петелин Дружина, дьяк 39, 53, 217, 229, 235, 238

Петрой Петр 82, 220, 227

Петровы

Григорий Злобин с. 98

Михаил Тимофеевич Солового 202
 Утеш Микулин 148
 Пивовы 235
 Владимир Васильевич 139
 Петр Васильевич 240
 Петр Деев с. 235
 Роман Михайлович 27, 30, 38, 39, 53,
 198
 Пильемовы 112, 133
 Степан 13, 24
 Юрий Григорьевич 116, 133
 Писемские
 Алексей Федорович 198
 Федор Андреевич 40, 52, 114, 115, 198,
 201
 Платонов С. Ф. 3, 14, 19, 29, 35, 44, 46, 51,
 60, 63, 67, 72, 78, 81, 85, 151, 202, 222,
 227, 250, 257
 Плещеевы 16, 18, 26, 82, 97, 109, 112, 118,
 122, 123, 194, 195; см. также Бяконтовы,
 Басмановы
 Алексей Афанасьевич Мешков 195
 Алексей Романович 132, 195
 Андрей Васильевич 103, 195
 Андрей Михайлович 194
 Афанасий Иванович Неудачин 195
 Борис Данилович 194
 Василий Наумович 195
 Василий Савинович 110, 112, 113,
 133, 138, 195
 Василий Тимофеевич 115, 195
 Владимир Григорьевич 195
 Григорий Андреевич 113, 133, 138; см.
 также Г. А. Глазатый, Г. А. Очин
 Григорий Андреевич Глазатый 195
 Григорий Григорьевич 195
 Григорий Семенович 12
 Дмитрий Григорьевич 195
 Дмитрий Смердов с. 195
 Елисей Федорович 195
 Иван Александрович Красный 195
 Иван Астафьевич Неудача 195
 Иван Афанасьевич 195
 Иван Владимирович 195
 Иван Григорьевич 113, 133, 138,
 195
 Иван Дмитриевич Заяц 113, 116, 133,
 138, 195
 Иван Елисеевич 118, 195
 Иван Замятин 148, 195
 Иван Михайлович 195
 Лев Афанасьевич 195
 Матвей Юрьевич 195
 Наум Михайлович 79, 195
 Нечай Никитич 92
 Никифор Юрьевич 195
 Осип Тимофеевич 73, 115, 195, 202
 Роман Григорьевич 195
 Савва Григорьевич 195
 Семен Александрович Красный 195
 Семен Захарович 195
 Смерд Иванович 148, 195
 Тимофеий Федорович 195
 Федор Данилович Сильный 195
 Федор Савинович 110, 112, 133, 138,
 195
 Федор Смердович 195
 Чебот Никитич 92
 Колодкины 194, 215
 Иван Дмитриевич Колодка 127,
 135, 194
 Матвей Иванович 194
 Фадей Иванович 133, 194
 Охотники
 Андрей Иванович 194
 Григорий Михайлович Охота 194
 Яков Андреевич 148, 194
 Яков Романович 148, 194
 Очины 194
 Григорий Андреевич 194
 Дмитрий Григорьевич 194
 Захарий Иванович 194
 Иван Григорьевич 105
 Никита Иванович (в монаш.
 Никандр) 52, 53, 60, 115, 143,
 194
 Петр Григорьевич 194
 Федор Григорьевич 194
 Плохого
 Афанасий, дьяк 238
 Ждан Афанасьевич 238
 Плюского Сидор 24
 Погожие 75
 Григорий Борисович 95
 Дмитрий Семенович 118
 Семен Борисович 103
 Федор Иванович 118
 Пожарские, князья 24, 25, 110, 112, 132,
 157, 205
 Дмитрий Михайлович 20, 25, 77, 110,
 132, 133, 143, 155, 157, 158, 166, 207
 Дмитрий Петрович Лопата 166
 Евфросинья Федоровна (ур. Беклеми-
 шева-Берсенева), мать Д. М. Пожарского 166
 Иван Иванович Третьяков 24
 Иван Петрович 25, 110, 111, 148
 Михаил Борисович 152
 Петр Тимофеевич Щепа 157, 158,
 166, 207
 Роман Петрович 158, 166
 Семен Борисович 152
 Федор Иванович 158
 Федор Иванович Третьяков 24
 Полевы 103, 110, 112, 132, 134
 Андрей Богданович 110
 Богдан Иванович 114, 115, 135
 Иван Осипович 114, 115
 Поливановы
 Владимир Константинович 124, 148
 Константин Дмитриевич 114, 115
 Попов А. Н. 81, 83

Порошин Ждан, дьяк 229
Поссевино Антонио 43, 44, 256
Примковы-Ростовские, князья 16, 18, 109, 117, 118, 123, 133, 154, 171, 172
Александр Васильевич 173
Александр Данилович 115, 173
Алексей Васильевич 173
Андрей Васильевич 173
Борис Никитич 115, 116, 138, 173, 202
Василий Борисович 173
Владимир Романович 115, 173
Данила Борисович 93, 115, 172
Иван Иванович 173
Иван Никитич 115, 117, 138, 173, 202
Никита Борисович 128, 172, 202
Юрий Данилович 173
Проестевы
Матвей Меньшого 148, 217
Степан Матвеевич 118, 217
Прозоровские, князья 16, 18, 109, 153, 168
Василий Александрович 115, 116
Матвей Васильевич 168
Семен Васильевич 168
Федор Андреевич 12
Прокофьев Мелентий, подьячий 240
Пронские, князья 15, 18, 112, 181
Андрей Константинович 181
Василий Константинович Шиш 135, 181
Василий Романович 110, 133, 181
Василий Федорович Рыбин 181
Иван Васильевич Рыбин 123, 181
Петр Данилович 96
Петр Иванович Рыбин 181
Роман Константинович 181
Федор Дмитриевич 181
Юрий Иванович Шемякин 96
Пронштейн А. П. 247
Протопоповы
Елизарий Юрьевич 143, 240
Михаил Иванович 240
Прошка, монастырский дьячок 228
Путятины, князья 122
Григорий Васильевич 93
Пущечниковы
Дмитрий Юрьевич 148, 240, 241
Юрий 8
Пушкины 17, 74, 122, 133, 134
Алексей Астафьевич 124
Афанасий Иванович 112, 113, 124, 138
Гаврила Григорьевич 74, 79
Гаврила Иванович Бобрищев 74
Григорий Гавrilovich 74
Григорий Григорьевич Сулемша 74
Евстафий (Астафий) Михайлович
(в монаш. Евфимий) 61, 64, 65, 74, 75, 80, 114—116, 124, 199, 245
Злоба Иванович 127
Иван Астафьевич 112, 199
Иван Иванович Бобрищев 134
Иван Михайлович 66, 75, 114, 115, 124, 134, 136, 172, 199
Иван (Ивашка) Михайлович Мень-
шой 74, 75
Леонтий Михайлович 74, 75
Михаил Астафьевич 112, 113, 124, 138, 199
Михаил Никитич 118, 124
Никита Астафьевич 124, 199
Никита Михайлович 74, 114—116
Савлук Третьяков 74
Степан Гаврилович 74
Степан Савлуков 148
Тимофеи Семенович 121
Федор Семенович 74
Радзивилл Христофор, кн. 58
Радзиминский Станислав, посол Речи
Посполитой 62
Радцев Тучко 8
Ратша 134
Репнины, князья 15, 18, 97, 158, 174, 206
Александр Андреевич 51, 73, 75, 115, 116, 174, 202
Борис Александрович 158, 174
Мария, ж. М. П. Репнина 174, 206
Михаил Петрович 24, 96, 174, 206
Петр Александрович 174
Петр Иванович 25
Решетов Гаврила Григорьевич 141
Ржевские 107
Андрей Никитич 103, 107
Елизарий Леонтьевич 36, 40, 53, 56, 64, 114—116, 198
Иван Воинов 148
Иван Копырин 148
Родионовы 188
Афанасий 147
Рождественский С. В. 45, 204—207, 257
Розалин Василий Васильевич 93
Романовы 16, 18, 29, 30, 32—35, 39, 40, 43, 51, 52, 55—59, 62, 63, 65, 67, 69, 71, 73—78, 80, 82, 85, 109, 111, 133, 136, 168, 174, 190, 191, 200—202, 214, 228, 229; см. также Юрьевы-Захарьины, За-
харьин Р. Ю.
Александр Никитич 35, 39, 42, 53, 56, 64, 65, 73, 75, 117, 132
Василий Никитич 42, 75
Иван Никитич 42, 63, 110, 179, 190
Ксения Ивановна (ур. Шестова),
ж. Ф. Н. Романова 112
Михаил Никитич 42, 64, 65, 73, 110, 111, 190, 191
Ульяна Семеновна (ур. Погожая),
ж. А. Н. Романова 75
Федор Никитич (старец Филарет)
35, 39, 40, 42, 47, 51—53, 55, 56, 58, 65, 68, 70, 72, 73, 75, 111, 112, 132, 134, 136, 191, 231

Ромодановские, князья 15, 18, 25, 97, 155—157, 166, 180, 201
 Антон Михайлович 156
 Афанасий Андреевич 152
 Григорий Григорьевич 157
 Григорий Петрович 115, 127, 156, 166
 Иван Борисович 9, 152, 156
 Иван Васильевич 205
 Иван Михайлович Козлков 105
 Иван Петрович 115, 137, 156, 166
 Михаил Борисович 156
 Михаил Юрьевич 156
 Ростовские, князья 16, 64, 71, 98, 107, 152, 154, 155, 171, 201; см. также Бахтеяровы, Буйносовы, Гвоздевы, Катыревы, Лобановы, Примковы, Темкины, Холковы, Щепины, Яновы
 Василий Иванович Почной Белоголов 53, 54, 61, 65, 128
 Рубцовы 235
 Рюрик 82, 85, 209, 211, 213
 Рюриковичи 160
 Рязанцов Леонтий, дьяк 234

Сабуров-Долгово Иван Андреевич 240
 Сабуровы 16, 18, 28, 40, 50, 67, 68, 82, 109, 118, 133, 188, 189, 201
 Андрей 8, 142
 Андрей Иванович 190
 Богдан Степанович 115, 116, 189
 Богдан Юрьевич 27, 33, 36, 39, 40, 53, 56, 64, 72, 93, 138, 189, 201, 227
 Василий Борисович 93
 Верига Федорович Папин 115, 133, 189, 217
 Григорий Васильевич 189
 Григорий Семенович 110, 138, 189
 Дмитрий 12
 Елизарий Иванович 115, 189
 Ждан Степанович 115, 189
 Иван 202
 Иван Иванович 27, 39, 40, 117, 189
 Иван Замятня Иванович 22, 110, 132, 189
 Иван Никифорович 189, 190
 Игнатий Богдан Семенович 189
 Константин Федорович Сверчок 189
 Максим Кирьянович 115, 189
 Мария (ур. Упина), ж. М. Б. Сабурова 189
 Михаил Богданович 68, 115, 189
 Никифор Федорович 62, 115, 116, 189
 Никон Богданович 189
 Петр Григорьевич 110, 189
 Семен Васильевич 115
 Семен Дмитриевич Пешков 185
 Семен Иванович Вислоух 188
 Семен Федорович Папин 22, 50, 52, 53, 56, 65, 115, 117, 149, 189, 202

Степан Игнатьевич (Богданович) 189
 Тимофей Иванович 115, 189
 Ульяна, ж. М. Б. Сабурова 189
 Яков Замятня Иванович 190
 Сабуровы-Вислоуховы 189
 Савва В. И. 21, 44, 55, 62, 226, 227, 230, 233, 257
 Савелов Л. М. 24, 25, 205
 Садиков П. А. 24, 204, 213, 247, 257
 Салмановы
 Дмитрий Иванович 238
 Иван Иванович 238
 Иван Самойлович 238
 Салтыковы 16, 18, 55, 66, 70, 109, 118, 201
 Андрей Ефимьевич 7, 8
 Борис Михайлович 193
 Василий Львович 194
 Дмитрий Борисович 115, 193, 241
 Елизарий Михайлович 115, 193
 Иван Иванович 193
 Иван Львович 115, 193, 201
 Иван Никитич 115, 117, 138, 193
 Лаврентий Дмитриевич 193
 Лев Андреевич 193
 Михаил 193
 Михаил Глебович 20, 40, 52, 53, 55, 56, 65, 66, 69, 70, 73, 78, 82, 115—117, 127, 182, 193, 201
 Михаил Михайлович 193
 Михаил Михайлович Кривой 52, 55, 64, 66, 70, 73, 115—117, 136, 193
 Панкратий Яковлевич 127, 135, 193
 Яков Андреевич 44, 90
 Самойловы 186
 Самоквасов Д. Я. 207, 217, 233, 257
 Сапега Андрей, оршанский староста 56, 58, 59
 Сапега Лев, посол Речи Посполитой 33, 34, 69
 Сапега Лукаш, посланник Речи Посполитой 20, 33, 135
 Сапунов А. П. 255
 Сатинь 17
 Алексей Постников с. 105
 Свиблов Михаил Игнатьевич 143
 Свиязев Захарий, дьяк 36, 140, 235—237
 Севастьянова А. А. 220, 227, 255
 Селеховский Петр Иванович, кн. 148
 Селиверстовы
 Богдан 121
 Иван Богданович 148
 Селунские 16, 18
 Аврам Дмитриевич 115
 Дмитрий 115
 Иван Дмитриевич 115
 Палеолог Дмитриевич 115
 Семин А. А. 228
 Сеников О. П. 248
 Сербин Иван Андреевич 118
 Сербина К. Н. 19

Серебряные-Оболенские, князья 158
 Петр Семенович 134
 Середонин С. М. 200, 217
 Серкизовы, род 136
 Сигизмунд III, кор. польский 154, 206
 Сидоров Степан Григорьевич 105
 Симеон Бекбулатович, вел. кн. 43, 56, 57,
 128, 161, 183, 185, 256
 Симеон Касаевич, хан 23
 Симонов Василий 9
 Синцовы 235
 Сицкие, князья 15, 18, 42, 73, 75, 109,
 153, 167, 168, 201
 Алексей Юрьевич 34, 74, 110, 117, 168
 Андрей Васильевич 74, 110, 153, 167,
 168
 Андрей Данилович 74, 143, 167, 168
 Анна Романовна (ур. Захарьина), ж.
 В. А. Сицкого 42
 Василий Андреевич 42, 153
 Евфимия Никитична (ур. Захарьина-
 Юрьева), ж. И. В. Сицкого 42
 Иван Васильевич 33, 34, 39, 42, 51—
 53, 55, 56, 65, 70, 73—75, 82, 117,
 135, 153, 167, 202, 230, 245
 Семен Федорович 167
 Федор Алексеевич 167
 Юрий Андреевич 167
 Скрынников Р. Г. 3, 19, 44, 46—49, 59,
 60, 63, 75, 79, 81, 83—85, 104, 105, 147,
 151, 203—205, 222, 226, 227, 233,
 257
 Скрябин Федор Андреевич 147
 Скуратов Малюта см. Бельские
 Слизневы
 Давыд Ташлыков 105
 Иван Булгаков 105
 Тимофей Булгаков 105
 Упины 189
 Александр Семенович 13
 Смирнов И. И. 91, 94, 104—016, 212, 257
 Смирнов П. П. 214, 228, 247
 Сназин Яков Михайлович 93
 Собакины 17, 122
 Алексей Степанович 118, 121
 Совины 136
 Игнатий Петрович 124, 148
 Кузьма Петрович 124
 Никита Григорьевич 89
 Петр Григорьевич Меньшой 115, 116,
 136, 148
 Степан Петрович 124
 Тимофей Петрович 124
 Федор Григорьевич Большой Бо-
 льшана 90, 148
 Федор Петрович 124
 Соймонов Михаил Юрьевич 141
 Соколова А. А. 22, 23
 Соловцов Федор Леонтьевич 93
 Соловьева Т. Б. 50, 138, 213, 214, 256
 Сорочневы 235
 Софоновы

Денис Игнатьевич 124, 238
 Игнатьй, дьяк 236, 238
 Матвей Игнатьевич 124, 238
 Петр Игнатьевич 23
 Тимофей Игнатьевич 124, 238
 Станиславский А. Л. 4, 5, 19, 20, 28, 39,
 43, 44, 49, 50, 103, 107, 113, 120, 131,
 133, 138, 139, 202—204, 213, 214, 216,
 217, 222, 255, 256, 258
 Старицкие, князья 181
 Старков Яков Иванович 115, 116, 136
 Старого Елизарий Григорьевич Ташлы-
 ков Шершавин 8, 39
 Стародубские, князья 15, 16, 25, 72, 98,
 105, 107, 152, 155, 180; см. также Гундо-
 ровы, Ковровы, Кривоборские, Палец-
 кие, Пожарские, Ромодановские, Стри-
 гин-Ряполовский, Татевы, Тулуповы,
 Хилковы
 Стародубский Андрей Иванович, кн. 92
 Стародубский (Иван Никитич), кн. 123
 Сташевский Е. Д. 84, 147, 207—211, 213—
 216
 Стефан Баторий, кор. польский 48
 Стрешнев Иван Филиппович, дьяк 31
 Стригин-Ряполовский Андрей Иванович,
 кн. 165
 Стригины-Оболенские, князья 158
 Судимантов Максак Федорович 240
 Сузdalские, князья 16, 98, 107; см. также
 Горбатые, Ногтевы, Шуйские
 Сукины 17
 Борис Иванович 22, 172
 Василий Борисович 66, 114, 115, 199,
 201
 Сукаленовы 235
 Сулемовы, князья 16, 18, 109
 Юрий Яншин 194
 Сумороковы 235
 Сунбуловы 17
 Степан Федорович 105
 Супоневы
 Осип Богданович 241
 Осип Савельевич 240
 Сурвацкие 199
 Сутупов Богдан Иванович 70
 Сухотин Л. М. 48, 74, 80—84, 132—134,
 137, 138, 147, 149, 204—217, 233, 258
 Сущевы
 Вешняк Семенович 185
 Никифор Никитич 155
 Сьянов Афанасий 241
 Тарбеев Иван Афанасьевич 118
 Татевы, князья 15, 18, 25, 36, 37, 48, 77,
 79, 97, 184, 201
 Андрей Иванович 96, 157
 Борис Петрович 48, 77, 115, 116, 157,
 165, 166
 Иван Андреевич 36, 48, 115, 116, 157,
 165, 166

Иван Борисович 157
 Петр Иванович 27, 36, 39, 96, 117, 141, 165, 166
 Семен Андреевич 115, 157, 165, 166
 Федор Андреевич 115, 157, 165, 166

Татищев В. Н. 19
Татищев С. С. 81
Татищев Ю. В. 79, 82
 Татищевы 81

Владимир Игнатьевич 24, 112
 Григорий Игнатьевич 24, 112, 133
 Игнатьи Петрович 27, 30, 39, 42, 53, 56, 64, 65, 68, 69, 113, 163, 198
 Михаил Игнатьевич 49, 53, 64, 66, 69, 79, 112, 113, 133, 198, 236, 238
 Юрий Игнатьевич 24, 110, 112

Татьянини
 Андрей, дьяк 238
 Степан Андреевич 238

Телепневы-Оболенские, князья 158, 174; см. также Лопатины, Нагаевы, Немые, Овчинины

Телятевские, князья 15, 18, 69, 109, 180, 200

Андрей Андреевич 53, 65, 66, 69, 78, 80, 111, 143, 180, 201
 Андрей Петрович 180
 Василий Иванович 180
 Ксения, ж. А. П. Телятевского 180
 Михаил Федорович 180
 Петр Иванович 105, 180
 Федор Андреевич 180, 211
 Яков Андреевич 180
 Пунковы Телятевские (писались Михулинские)
 Дмитрий Иванович 211
 Семен Иванович 180

Темкины-Ростовские, князья 15, 18, 154, 173
 Михаил Григорьевич 115, 155, 173
 Юрий Иванович 25

Тетерины
 Алексей Григорьевич 138
 Василий Григорьевич 138

Тимашов Венедикт Иванович 124

Тимофеев Иван, дьяк, автор «Временника» 57, 63, 69, 82, 228

Титов Иван Ратманов с. 147

Тихомиров М. Н. 21, 205, 213, 216, 226

Токмаковы-Ноздроватые, князья см. Звенигородские

Толбузины
 Василий Салтанов 148
 Василий Федорович 148

Толмачев Рудак Иванович 124

Толстой Ю. В. 46

Толстые
 Василий 187
 Меньшой Яковлевич 139

Травин Щавей Отавин 139

Траханиотовы 16, 18

Василий Юрьевич 90, 196
 Иван Васильевич 39, 53, 115, 196
 Никифор Васильевич 115, 196
 Тихон Иванович 115, 196

Треккин Василий, подьячий 240

Третьяковы-Ховрины 16, 18, 118, 201

Алексей Фомич 115, 116, 186
 Семен Фомич 115, 186, 196

Трифонов Максим, подьячий 152

Троекуровы, князья 15, 16, 18, 97, 109, 153, 168

Борис Иванович 168
 Иван Федорович 33, 110, 168, 180
 Михаил Михайлович 95
 Роман Федорович 131, 168
 Федор (Иванович) 168, 198
 Федор Михайлович 27, 33, 34, 39, 42, 46, 53, 95, 117, 168, 201

Тростенские, князья 16, 18, 109, 112

Афанасий Васильевич 178
 Василий Петрович 110, 178
 Григорий Васильевич 178
 Мария, ж. А. В. Тростенского 178
 Осип Тимофеевич 105

Трубецкие, князья 15, 18, 28, 30, 40, 41, 54, 56, 58, 60, 62, 66, 68, 70, 72, 103, 109, 160, 161, 201, 231

Андрей Васильевич 28, 64, 66, 68, 115—117, 160, 161
 Дмитрий Тимофеевич 161

Никита Романович 28, 33, 39, 41, 48, 53, 56, 66, 68, 82, 103, 117, 135, 143, 149, 160, 161

Тимофеи Романович 28, 33, 39, 41, 48, 50, 53, 56, 58, 65, 68, 117, 135, 143, 149, 160—162

Семен Иванович 41

Федор Михайлович (в монаш. Феодосий) 10, 27—29, 39, 41, 53, 56, 62, 65, 80, 138, 160, 161

Юрий Никитич 68, 70, 110

Трусовы 235

Тулупов Борис Давыдович, кн. 186

Тургенев Малюта Семенович 118

Туренины, князья 16, 18, 72, 109, 174, 201

Василий Иванович 173, 174

Василий Петрович 66, 72, 115, 117, 133, 134, 174

Дмитрий Васильевич 115, 174

Иван Самонович 36, 52, 53, 61, 72, 78, 82, 115, 117, 173, 174, 184, 194, 201

Иван Федорович 174

Михаил Самонович 115, 174

Федор Васильевич 115, 116, 133, 174

Тутолмины 123

Тушин Роман Андреевич 240

Тыртов Второй Федорович 222

Тюменские, князья 16, 18, 112, 118, 163

Алексей Романович 113, 206

Василий Агишевич 115

Роман Агишевич 115
 Тюфякины, князья 16, 18, 174, 175
 Василий 175
 Василий Борисович Константинова
 Тюфяка 174
 Василий Васильевич 20, 115, 174
 Василий Михайлович 115
 Григорий Васильевич 175
 Никита Васильевич 20, 115, 174
 Семен Васильевич 115
 Федор Васильевич 115

Уваров А. С. 45, 46, 48, 204, 207, 247, 248, 254
Уваров Иван Большой Иванов с. Алексеева 98
 Унковские 235
 Упины см. Слизневы
 Урусовы 36
 Влас Михайлович 48
 Урусовы, князья 16, 18, 109
 Анна Григорьевна (ур. Годунова), ж. П. Я. Урусова см. Годуновы
 Петр Янарасланов 77, 81, 187

Усовы
 Василий 148
 Пантелея Дмитриевич 148

Устялов Н. Г. 48, 82, 85
Ушатые, князья 15, 18, 109, 112, 153, 168
 Иван Васильевич Третьяк 153
 Семен Юрьевич Меньшой 92, 153
 Юрий Петрович 110, 153, 168

Федор Борисович, ц-ч 69, 77
 Федор Бяконт 134, 194
 Федор Иванович, ц. 4, 16, 18, 25, 27, 29—35, 37, 40—45, 47—49, 51—55, 57—59, 61, 67, 70, 71, 73, 78, 103, 108, 115, 127, 128, 133—135, 143, 159, 161, 164, 165, 182, 186, 187, 191—194, 198, 199, 202, 203, 217—221, 225, 228, 230, 233, 243, 247, 250
 Федоров Второй, дьяк 179
 Федоров Иван, подьячий 240
 Федоров Казарин 149
 Федоров Максим, подьячий 241
 Федосья Федоровна, царевна, дочь ц. Федора Ивановича 51, 84
Федотов-Чеховский А. А. 254
 Федцов Иван 12
 Фефилатьев Иван 8, 142
 Флетчер Джильс 46, 47, 49, 57, 63, 212, 213, 258
Флоря Б. Н. 4, 19, 47, 48, 76, 80, 84, 92, 96, 100, 105, 106, 210, 216, 226, 233, 258
 Фроловы
 Ждан 240
 Савва 27, 29, 40, 44

Хабаров Иван Иванович 90
 Хворостинины, князья 15, 18, 41, 42, 56, 68, 107, 109, 169, 170, 200, 201
 Андрей Иванович 42, 53, 56, 65, 115, 117, 136, 170
 Антонида, ж. Ф. И. Хворостинина 170, 208
 Григорий Федорович 170
 Дмитрий Иванович 27, 33, 36, 38—40, 42, 46, 50, 138, 170
 Иван Андреевич 170, 208
 Иван Дмитриевич 42, 66, 111, 170
 Иван Михайлович 96, 97
 Петр Иванович 20, 50, 115, 170, 171
 Федор Иванович 27, 33, 39, 42, 46, 53, 56, 66, 73, 117, 136, 170, 171
 Федор Федорович 110, 132
 Юрий Дмитриевич 170, 208

Хилков Г. кн. 205, 210, 257
 Хилковы, князья 15, 18, 25, 109, 134, 157, 165, 201
 Андрей Васильевич 12, 115, 157, 165
 Андрей Дмитриевич 20, 115, 116, 132, 157, 165
 Борис Андреевич 157, 165
 Василий Дмитриевич 12, 22, 64, 65, 72, 115, 117, 157, 165, 201
 Иван Андреевич 157
 Иван Васильевич 12, 157, 165
 Петр Андреевич 157

Хитрово Тимофей Андреевич 122
 Хлопко, руководитель повстанцев 81
 Хлоповы
 Василий Иванович 143
 Григорий Захарьевич 143
 Иван Назарьев с. 202
 Тимофей Андреевич 7, 21, 140—144, 148, 258
 Тимофей Иванович 148

Хованские, князья 16, 18, 92, 109, 112, 183, 185
 Андрей Андреевич 110, 185
 Андрей Петрович 185
 Борис Петрович 115, 185
 Дмитрий Васильевич 185
 Иван Андреевич Большой 185
 Иван Андреевич Меньшой 185
 Иван Борисович 115, 185
 Иван Федорович 133, 185
 Никита Андреевич 185

Ховрины 196
 Холмогоров В. 206, 208, 258
 Холмогоров Г. 206, 208, 258
 Холмский Петр Андреевич, кн. 105
 Хохолковы-Ростовские, князья 154
 Хрипуновы
 Лесута 127
 Путята Некрасов 128

Цыплетев Борис Логинов 115, 116, 148

Чаадаев Иван 248
Чеботов Дмитрий Андреевич 24
Чевкин Юрий Михайлович 139
Чеглоковы
 Истома Васильевич 93
 Невзор Злобин 93, 105
Челеев Семен Семенович 147
Челищев Борис Иванович 148
Чемодановы
 Иван Иванович 115
 Семен Иванович 124
Чепчугов Иван Никифорович 115, 116, 240
Чередовы 235
 Семен Васильевич 137, 235
Черемисиновы
 Деменша Иванович 10, 27, 30, 36,
 38, 39, 47, 49, 53, 61, 62, 65, 114, 198
 Демид Иванович 114, 115, 179, 202
Черепнин Л. В. 105, 226, 255, 256
Черкасские, князья 16, 18, 75, 78, 108,
 109, 112, 118, 163, 217
 Андрей Чумахов 115
 Борис Камбулатович 16, 51—54, 56,
 65, 71, 73, 115, 117, 134, 140, 206
 Василий Карданукович 16, 64, 66,
 71—73, 115, 117, 191
 Василий Петрович Ахамашуков 118
Дмитрий Мамстрюкович 115
 Иван Борисович 82
 Иван Егупов 115, 206
 Петр Андреевич Чумахов 110, 113
 Петр Ахамашуков 115
 Семен Ардасович 140
 Степан Андреевич Чумахов 133
Черниговские князья 26
Чертенские, князья
 Василий Иванович 89
 Иван Семенович 89
 Петр Иванович 89
Чихачев Иван Мухин 127
Чубаровы 235
Чулков Иван Ширяев 241

Шапиловы
 Алексей, дьяк 234
 Григорий Захарьевич 124
 Муртоза Захарьевич 124
 Степан Постников 124
Шапкин Гаврила Иванович 187
Шапошников Н. В. 104, 106, 107
Шараповы
 Василий Васильевич 124
 Гаврила Васильевич 124
Шаскольская Т. И. 256
Шаховские, князья 25, 122, 136, 154, 169
 Андрей 154
 Василий Александрович 25
 Иван Иванович 148
 Леонтий Иванович 148
 Мирон Михайлович 25, 115, 116, 136,
 169

Петр Михайлович 25, 115, 116, 136,
 169
Юрий Иванович 148
Шватченко О. А. 217
Шеины 16, 18, 66, 118
 Андрей Иванович 105
 Борис Васильевич 193
 Денис Борисович 119, 193
 Иван Дмитриевич 90
 Михаил Борисович 66, 70, 110, 111,
 119, 138, 193
Шейдяковы, князья 16, 18, 163
Афанасий 115
Шелепины 235
Шереметев С. Д. 84
Шереметевы 16, 18, 30, 48, 66, 70, 83,
 133, 183, 191, 192, 201, 209, 214, 255
 Василий Петрович 192
 Иван Васильевич 97
 Иван Васильевич Меньшой 192
 Иван Петрович 70, 110, 192, 199, 214
Никита Васильевич 192
 Петр Никитич 52, 55, 65, 66, 68, 70,
 72, 115—117, 192
Семен Васильевич 192
Федор Васильевич 27, 30, 31, 36, 37,
 39, 40, 70, 73, 117, 133, 174, 187, 191,
 192
Федор Иванович 74, 75, 78, 115, 191,
 192
Шерефединовы 235
 Андрей Васильевич 27, 31, 32, 39,
 40, 124, 235
Шестовы 70
 Афанасий Иванович 112, 113, 124,
 133, 138
 Григорий Михайлович 96
Мария Тимофеевна (ур. Грязная) 75
Шестуновы, князья 15, 18, 39, 112, 169,
 171
 Андрей Иванович 133, 171
 Василий Васильевич Шестун 50
 Владимир Дмитриевич 73, 74, 115,
 171
 Дмитрий Семенович 50, 96
Иван Дмитриевич Кнут 105, 115, 171
 Семен Васильевич 50
 Федор Дмитриевич 34, 42, 50—53, 55,
 56, 64, 75, 80, 117, 135, 171
Шетнев Иван Алексеевич 240
Шиловские 31, 32
Шиль Михаил, австрийский гонец 59, 63
Шишеев Семен, подьячий 240
Шишинко В. И. 248
Шляпин В. П. 247, 248
Шмидт С. О. 217, 256
Шпаков А. Я. 48, 49
Шуйские, князья 15, 16, 18, 28—32, 34—
 39, 43—45, 47, 48, 51, 54, 56, 57, 60, 63,
 64, 66—68, 70, 71, 73, 76, 78, 103, 149,
 151, 163—165, 191, 200—202, 206, 218,
 231, 233, 244, 250, 254

Александр Иванович 28, 36, 53, 57, 62, 65, 72, 77, 83, 84, 115, 117, 132, 164, 165

Андрей Иванович 28, 31, 36, 39, 45, 60, 63, 71, 117, 135, 164, 165

Анна Григорьевна (ур. Годунова), ж. Ал. И. Шуйского см. Годуновы

Василий Иванович см. Василий Иванович Шуйский

Дмитрий Иванович 27, 28, 31, 36, 39, 45, 52, 53, 56, 60, 66, 71, 77, 78, 83, 117, 164, 165

Елена Михайловна (ур. Репнина), 1-я ж. В. И. Шуйского 206

Иван Андреевич 96, 145, 163, 164

Иван Иванович 28, 36, 53, 61, 65, 76, 78, 84, 115, 117, 132, 163, 164, 206

Иван Михайлович 164

Иван Петрович 9, 27, 30—33, 36, 38, 39, 45, 46, 52, 60, 91, 138, 164, 165, 200, 227, 247

Скопины Шуйские 163, 164

Александра Васильевна, ж. М. В. Скопина 163

Анисья Петровна, ж. В. Ф. Скопина 163

Василий Федорович 27, 31, 36, 39, 41, 46, 53, 91, 138, 163, 227

Михаил Васильевич 110, 115, 163

Федор Иванович 90

Шумаков С. А. 24, 149, 205, 206, 208, 211, 214, 216, 248, 258

Шурлаков (Шербаков) Стародуб Михайлович 147

Щелкаловы 30, 32, 34, 40, 77, 197, 199, 201, 235

Андрей Яковлевич (в монаш. Феодосий) 22, 27, 33, 39, 53, 55, 61, 62, 199, 234, 235, 242

Василий Яковлевич 17, 27, 34, 39, 48, 53, 54, 59, 61, 65, 76, 117, 199, 229, 234—236

Иван Васильевич 112, 235

Щепин-Ростовский Иван Дмитриевич, кн. 101, 105

Щепини-Шевыревы Оболенские, князья 158

Шербаков см. Шурлаков (Шербаков)

Щербатые, князья 15, 18, 109, 118, 134, 177

Александр Васильевич 177

Василий Григорьевич 115, 177, 178

Василий Петрович 110, 177

Григорий Иванович 115, 177

Давыд Кондратьевич 177

Дмитрий Иванович 178

Дмитрий Михайлович 177

Иван Андреевич 115, 138, 178

Иван Григорьевич 115, 177, 178

Иван Иванович 178

Иван Михайлович 115, 177

Иван Осипович 115, 177

Кондратий Иванович 115, 177

Лука Осипович 115, 177, 178

Меркурий Александрович 10, 115, 177, 240, 241

Михаил Андреевич 115, 117, 138, 178

Михаил Васильевич 177

Нефед Иванович 177

Осип Иванович 178

Осип Михайлович 177

Савва Дмитриевич 116, 177

Тимофей Иванович 177

Федор Иванович 177

Федор Савельевич 177

Шербачев Ю. Н. 63, 81, 228, 258

Шербинин Василий Иванович 93

Шетинины-Ярославские, князья 122, 154, 169

Шукин П. И. 212

Юрий Иванович, кн. Дмитровский 171, 173, 183

Юрьевы-Захарьины: см. также Романовы

Василий Михайлович 191

Данила Романович 52, 191

Никита Романович 27, 30, 32—35, 37, 39, 42, 51, 52, 103, 138, 191, 202

Протасий Васильевич 191

Юшков А. И. 45, 147, 214, 217, 248, 254

Яковлева О. А. 19

Яковлевы

Дементий Савинович 7, 148

Семен Дементьевич 125

Яковлевы-Захарьины (Яковли) 191, 200

Василий Петрович 22

Михаил Васильевич 191

Семен Васильевич 214

Якушкины

Семен Семенович 148

Шарап Семенович 240

Яков Семенович 148

Яницкий Н. А. 217

Яновы 235

Василий Осипович 235

Василий Федорович 235

Иван Федорович 235

Федор Осипович 235, 237

Яновы-Ростовские, князья 154

Ярославовы-Оболенские, князья 158

Ярославские, князья 12, 16, 50, 98, 107, 136, 152—154, 158, 167, 169; см. также Гагины Великие, Голыгины, Деевы, Засекины, Курбские, Охлябинины, Пенковы, Прозоровские, Сицкие, Троекуровы, Ушатые, Хворостинины, Шаховские, Шестуновы, Щетинины

Crummey R. O. 217

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Часть I	
Боярские политические группировки	
Г л а в а 1. Политическая борьба в начале царствования Федора Ивановича	27
Г л а в а 2. Борьба за власть и престол (1591—1598 гг.)	50
Г л а в а 3. Царь Борис и Боярская дума	63
Часть II	
Государев двор	
Г л а в а 1. Эволюция двора во второй половине XVI в.	86
Г л а в а 2. Социальный состав и структура государева двора (1584—1605 гг.)	107
Г л а в а 3. Указ 1586/87 г. о подмосковных поместьях	140
Г л а в а 4. Землевладение	149
Часть III	
Двор и высшие органы власти	
Г л а в а 1. Самодержавие и земские соборы	218
Г л а в а 2. Боярская дума	228
Г л а в а 3. Приказы и дьячество	233
Г л а в а 4. Воеводское управление	239
Заключение	250
Список сокращений	254
Указатель имен	259

А. П. Павлов

 **ОСУДАРЕВ
ДВОР
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА
ПРИ
Борисе
Годунове**

(1584—1605 гг.)

*Утверждено к печати
С.-Петербургским филиалом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор издательства
Г. А. Альбова

Художник
Л. А. Яценко

Технический редактор
И. М. Кашеварова

Корректоры Г. А. Самаковская
и Г. И. Тимошенко

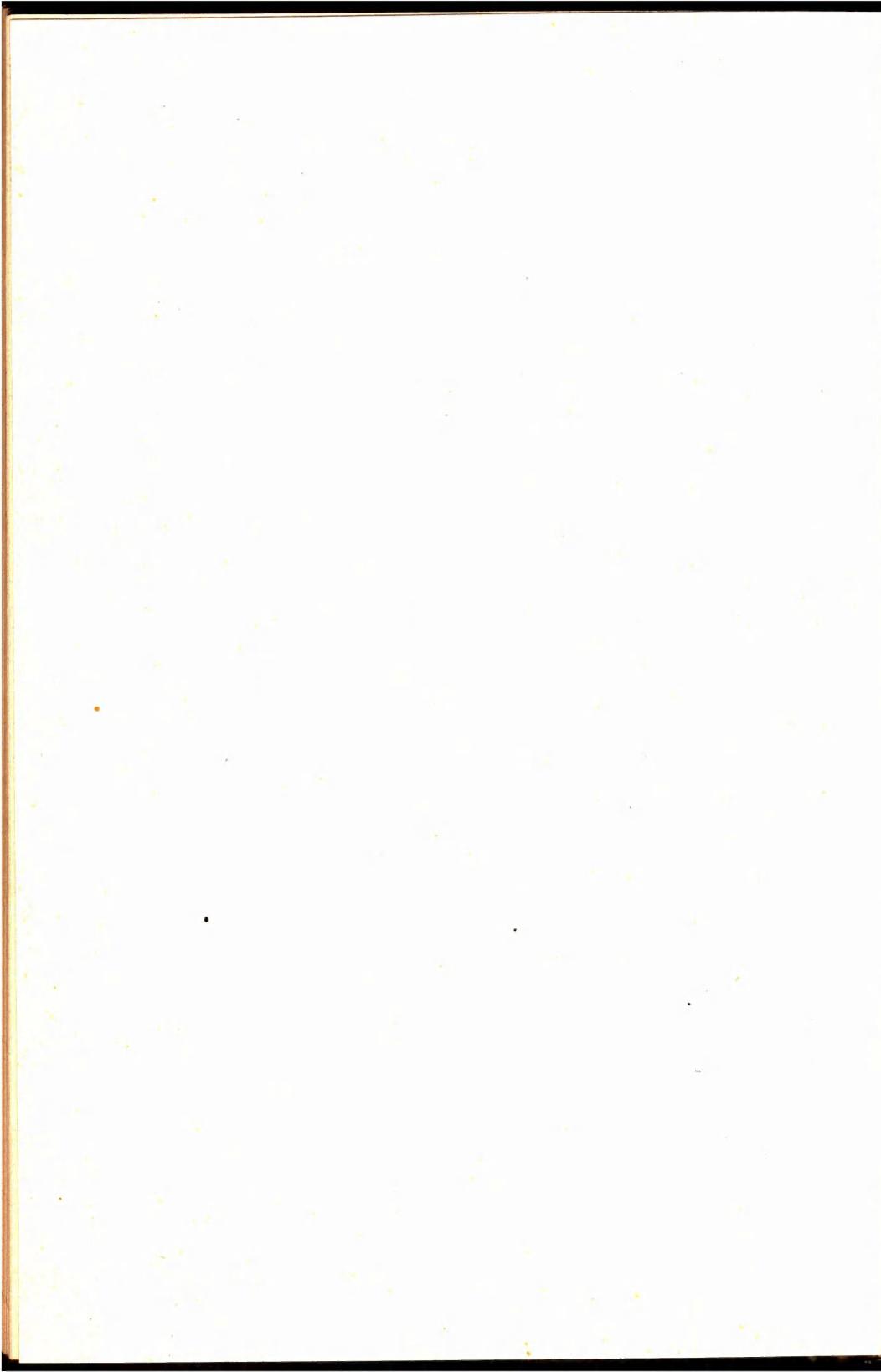
ИБ № 44793

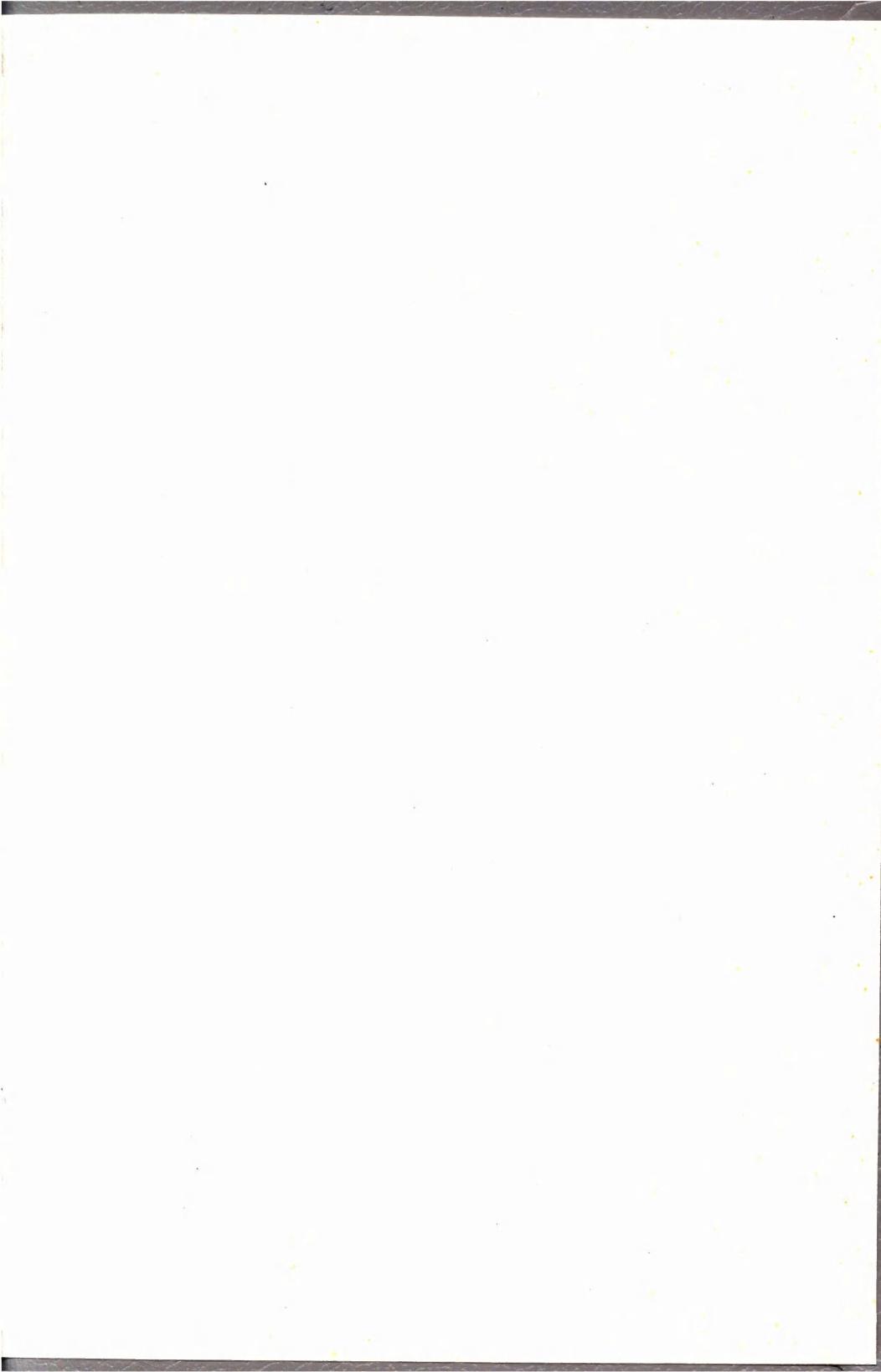
Сдано в набор 1.07.91. Подписано к печати
01.09.92. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная
№ 1. Гарнитура литературная. Печать офсет-
ная. Фотонабор. Усл. печ. л. 17¹/₂. Усл. кр.-
от. 17¹/₂. Уч.-изд. л. 24.55. Тираж 5000.
Тип. зак. № 3018. С 216.

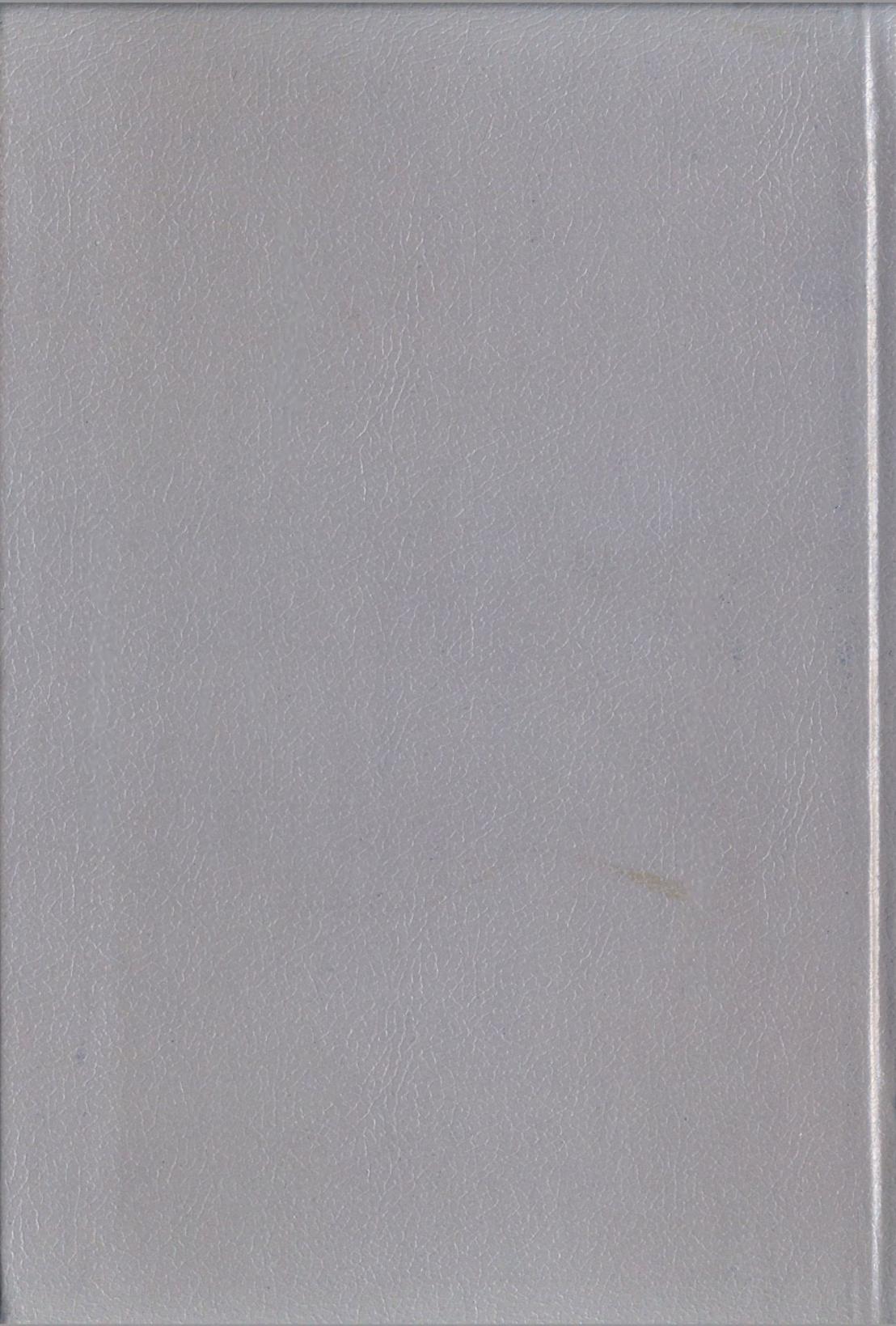
Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
С.-Петербургское отделение.
199034, Санкт-Петербург, В-34,
Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография
издательства «Наука».
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.

БОРИС ГОДУНОВ И ПОМОЧЬЯ БОРЬБА